

А.О. ЧУБАРЬЯН

КАНУН ТРАГЕДИИ

**Сталин
и международный
кризис**

Сентябрь 1939 – июнь 1941 года

А.О. ЧУБАРЬЯН

КАНУН ТРАГЕДИИ

Сталин
и международный
кризис

Сентябрь 1939 – июнь 1941 года

НАУКА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

INSTITUTE OF UNIVERSAL HISTORY

A. O. CHUBARYAN

THE EVE OF TRAGEDY

**Stalin
and the International
Crisis**

September of 1939 - June of 1941

MOSCOW NAUKA 2008

А. О. ЧУБАРЬЯН

КАНУН ТРАГЕДИИ

**Сталин
и международный
кризис**

Сентябрь 1939 - июнь 1941 года

МОСКВА НАУКА 2008

УДК 94(100)"654"
ББК 63.3(0)62
Ч-81

Чубарьян А.О.

Канун трагедии : Сталин и международный кризис : сентябрь 1939 — июнь 1941 года / А.О. Чубарьян ; Ин-т всеобщ. истории РАН. — М. : Наука, 2008. — 476 с. — ISBN 978-5-02-035966-6 (в пер.).

На широком международном фоне автор исследует внешнюю политику СССР с учетом особенностей сталинской системы руководства. Показана взаимосвязь идеологии и реальной политики в намерениях и действиях советского руководства. Подробно рассматривается вопрос о секретном протоколе к советско-германскому договору от 23 августа 1939 г., который вызывает острые дискуссии и по настоящий день. Автор использует многофакторный метод исследования в освещении сложного и драматического периода истории XX в.

Для историков, политологов и более широкого круга читателей.

Темплан 2008-I-239

ISBN 978-5-02-035966-6

© Институт всеобщей истории РАН,
2008

© Чубарьян А.О., 2008

© Редакционно-издательское оформление. Издательство "Наука", 2008

Содержание

Введение	6
----------------	---

Часть I

Новые приоритеты в политике Москвы и “смена вех”

Пакт Молотова – Риббентропа и советский внешнеполитический поворот	25
После подписания советско-германского пакта: судьба Польши	35
Москва – Прибалтика. Сентябрь – октябрь 1939 года	78
Новые партнеры или союзники? Сентябрь 1939 – весна 1940 года	98
Москва, Лондон, Париж – ни войны, ни мира	135
Острые споры вокруг Турции	165
Советско-финская война	186
“Смена вех” в теории, идеологии и пропаганде. Первые признаки отрезвления	227

Часть II

Надежды и разочарования.

Германия ужесточает курс. Сталин перед выбором

Присоединение и советизация Прибалтики	251
СССР и Германия. Напряжение нарастает	293
Балканский узел	352
Зондаж британского премьера. В Москве сохраняют прежний курс	376
Японский нейтралитет	407
Советско-американские контакты: возможности и реальности	417
Канун трагедии	433
Библиография	466

Введение

Ушел в историю XX век, и все более ясными становятся те события прошлого столетия, которые продолжают вызывать острые дискуссии и споры в разных странах мира среди ученых, общественных деятелей, политиков, журналистов. Порой интерес концентрируется на событиях ряда лет, а иногда и нескольких дней. Видимо, такие феномены не составляют особенность только ушедшего столетия, так было и в XIX в., и в более отдаленные эпохи. Историческое время отделяет зерна от плевел, выявляя те факты и события, которые во многом определяли судьбы стран, народов и мира в целом, становясь знаковыми явлениями.

Среди этих событий, несомненно, одно из важнейших мест принадлежит предыстории Второй мировой и Великой Отечественной войн. За десятилетия, прошедшие с той поры, изданы многие сотни книг и собраний документов, мемуаров и прочих свидетельств¹, но интерес к тем годам не ослабевает, а иногда становится даже более острым. Естественно, возникает вопрос, чем вызвано такое большое внимание к затронутой нами теме? Ответ на него, видимо, так же сложен, как и сами рассматриваемые события.

Период с конца августа 1939 до 22 июня 1941 г. отмечен разными и противоречивыми тенденциями, которые отражали не только реалии тех лет, но и глубинные процессы, характерные для всей первой половины XX столетия. Здесь переплетались экономические, политические и идеологические факторы, судьбы многих стран и народов. Значительное влияние на мировое развитие оказывали политические лидеры, военные и дипломаты. Для событий тех лет характерны проявления тоталитаризма и демократии, национализма и интернационализма, идеологии и жесткого прагматизма (Real Politic), гуманизма и насилия, достижений и стратегических просчетов и ошибок, верности обязательствам и предательства. Поэтому многие из них и сегодня служат полем ожесточенной полемики, вызывая острые политические и идеологические споры, сталкивая людей разного идейного спектра, политизируя исторические представления, распространяемые в современном обществе.

Память всегда избирательна. Простые люди и историки-профессионалы выбирают из тысячи фактов и явлений главным образом те, которые соответствуют их представлениям и пристрастиям; при этом очень часто им кажется, что именно их

выбор свидетельствует об объективности и беспристрастности. Как показывает история, субъектность особенно проявляется при воспоминании о тех кровопролитных войнах и столкновениях, которые привели к огромным человеческим жертвам, разрушениям и массовому насилию.

Специалисту подчас трудно определить свет и тени при освещении таких драматических периодов, когда погибали многие сотни тысяч и даже миллионы людей. Уход из жизни непосредственных участников событий, казалось, должен был снять остроту восприятия, но они остались в памяти общества, которая живет, передаваясь из поколения в поколение в течение многих десятилетий.

Противоречивость событий тех лет продолжает служить основанием для разных интерпретаций, порой диаметрально противоположных. Характерной чертой рассматриваемого периода истории XX в. является и то, что, несмотря на открытие многочисленных архивов и публикацию тысяч документов, все еще остается немало "белых пятен", тайн, недоговоренностей и пробелов, которые продолжают ставить вопросы перед историками и публицистами.

Острота отношения к событиям Второй мировой войны была снова и с особой силой продемонстрирована во время празднования 60-летнего юбилея победы над фашизмом весной 2005 г. Резкие оценки пакта Молотова – Риббентропа в странах Балтии, в Польше и ряде других государств сопровождались жесткой критикой в адрес России за то, что она публично не осуждает действия Советского Союза в 1939 – 1940 гг., не произносит слов покаяния и извинения. Были неоднократно повторены высказывания о советской оккупации Прибалтийских стран, об ответственности Советского Союза наряду с Германией в целом за возникновение Второй мировой войны. В ряде стран изданы новые книги и сборники статей, прошли конференции и "круглые столы".

Подобная ситуация имела место и в России. В исторической и политической литературе, в ходе дискуссий, в средствах массовой информации обозначилась значительная поляризация точек зрения. Большая часть историков отвергала обвинения и позицию ряда политиков, исследователей и СМИ стран Балтии, призывая к более объективным и многоплановым оценкам событий того времени. Вместе с тем некоторые ученые и общественные деятели, члены ветеранских организаций, отвергая несправедливые выпады представителей других стран, реанимируют оценки событий 1939 – 1941 гг., которые существовали 15 – 20 и более лет назад и, казалось, уже ушли в прошлое.

Все это добавило интерес и остроту в подходах к освещению событий 1939 – 1941 гг.

Тему нашего исследования составляют прежде всего политика и действия Советского Союза, рассматриваемые в тесной связи с общей обстановкой в мире и с позицией других государств — активных участников исторической драмы того времени. Мы уже говорили о необходимости поисков новых документов и свидетельств, но все же главные линии событий и основные факты уже известны, и сейчас центральная задача продолжает состоять в их трактовках и интерпретации, что лишь усиливает размежевание и политизацию исследований.

В контексте общего анализа советской политики следует отметить и такую ключевую проблему, как процесс принятия решений, который в Советском Союзе имел свою существенную специфику, особенно касательно внешней политики и международных отношений. Известно, что по основным вопросам советской политики сталинского периода (в том числе 1939 — 1945 гг.) нет подробных сведений и материалов о заседаниях в Кремле. В сталинские времена, да и в последующие годы очень часто решения принимались в результате договоренностей в узком кругу лиц, без записей и протоколов и, разумеется, без общественных обсуждений. И как следствие этого историки не располагают данными об обсуждениях в советском руководстве пакта Молотова — Риббентропа и особенно конкретных мер по его реализации, о событиях в Прибалтике в 1939 — 1940 гг., на Балканах, визите Молотова в Берлин в ноябре 1940 г. и т.п.

Большой свет в этом отношении пролили документы из Архива Коминтерна², ставшие доступными в последние годы, но и они позволяют лишь догадываться о характере тех обсуждений, которые проходили в высших эшелонах власти. В дипломатических документах СССР³ имеется значительное число донесений и телеграмм советских послов из зарубежных стран, но гораздо меньше материалов, характеризующих те директивы и послания, которые шли в посольства из Центра.

Аналогичная ситуация существует и в ряде других стран. В нашем распоряжении имеются протоколы заседаний британского кабинета и дипломатические документы Англии, Франции, Германии, США и других стран⁴, но весьма часто и в них недостает так называемой кухни, т.е. тех дискуссий, которые проходили за закрытыми дверями и на которых определялись основные и побочные линии оценок ситуации и конкретной политики. В итоге существующее положение побуждает историков разных стран строить свои догадки и конструировать различные схемы и предположения.

В отечественной историографии можно выделить несколько периодов в освещении событий 1939 – 1941 гг.

Литература послевоенного времени вплоть до конца 80-х годов фактически носила полуофициозный характер. В течение многих лет она опиралась на известную справку "Фальсификаторы истории"⁵ и на официальные оценки, исходящие от идеологических предписаний и выступлений деятелей советского и партийного руководства. Их смысл сводился не только к оправданию советско-германских договоров в августе – сентябре 1939 г., но и к доказательству того, что советская политика имела прогрессивный во всех отношениях смысл; она была проникнута миролюбивыми целями и ставила задачей лишь защиту мира и обеспечение интересов безопасности страны. При этом такие официальные труды, как "История внешней политики Советского Союза", "История КПСС", и другие, а также монографические исследования основывались на словах Сталина, сказанных сразу после окончания войны: подписание договора с Германией было верным шагом, позволившим отодвинуть начало советско-германской войны и принять необходимые меры, направленные на обеспечение военно-стратегической безопасности и подготовки страны к отражению агрессии.

Главными противниками мира и ответственными за развязывание Второй мировой войны объявлялись наряду с Германией Англия, Франция и США. При этом из содержания ряда трудов, изданных в СССР в те годы, вытекало, что США и англо-французские лидеры были даже в большей степени ответственными за развязывание войны, чем гитлеровское руководство нацистской Германии. Этому способствовали объективные обстоятельства, связанные с историей Мюнхенского соглашения в сентябре 1938 г. (между Германией, Англией, Францией и Италией), которое служит и по сей день неким символом политики умиротворения агрессора, давшего Гитлеру зеленый свет для оккупации Чехословакии, поставившего СССР в положение изоляции, а советские руководители утвердились в своем постоянном опасении сговора капиталистических держав за спиной и против Советского Союза.

В литературе послевоенного времени отрицалось существование секретных протоколов к советско-германским договорам августа – сентября 1939 г. Ни слова не говорилось о каких-либо упущениях, а тем более об ошибках советского политического и военного руководства. В целом советская историография начальной фазы Второй мировой и кануна Великой Отечественной войн вписывалась в идеологические стереотипы того периода.

После 1956 г. и разоблачения культа личности Сталина в советской историографии наметились изменения, которые коснулись и оценок предвоенного периода. В официальной пропаганде Сталину инкриминировались необоснованные репрессии против руководящих кадров Красной Армии, что существенно ослабило ее мощь накануне нападения Германии на Советский Союз. Хотя и весьма осторожно, но некоторые авторы заговорили также об ошибках Сталина, игнорировавшего многочисленные предупреждения в начале 1941 г. о предстоящем нападении Германии на Советский Союз. В наиболее концентрированной форме эта позиция была изложена в небольшой книге историка А.М. Некрича "22 июня 1941 г."⁶, хотя в большинстве случаев выводы автора не выходили за рамки того, о чем говорилось на проходившем за несколько месяцев до ее опубликования XXII съезде КПСС.

Но ситуация в Советском Союзе в этот период снова начала быстро меняться. Неосталинистские тенденции довольно активно набирали силу, фактически было наложено табу на критику внешнеполитических вопросов, и соответственно оценки периода 1939 – 1941 гг. оставались без изменений.

Ввиду сохраняющейся недоступности многих материалов из советских архивов новые серьезные исследования не проводились и в основном выходили в свет коллективные обобщающие труды, в которых проблемам предистории Великой Отечественной войны уделялось незначительное внимание. К тому же обстановка холодной войны идеологически подкрепляла общий враждебный настрой к странам Запада, что соответственно отражалось и на трактовке событий истории международных отношений XX столетия в целом и истории Второй мировой войны, в частности.

В то же время в западных странах публиковались новые труды по этим вопросам. В работах английских и французских историков особый интерес был направлен на предисторию и историю Второй мировой войны, а собственно советская политика в 1939 – 1941 гг. в серьезном плане не исследовалась, прежде всего ввиду недоступности советских архивов⁷. В издаваемых сводных трудах западные авторы придерживались уже известных оценок, имевшихся в зарубежной историографии в прошлом. Они исходили из существования секретных протоколов к пакту Молотова – Риббентропа, которыми объясняли "экспансионистские действия" Советского Союза в отношении Польши, Прибалтики, Финляндии.

В то же время можно констатировать, что в указанных трудах не было введено в научный оборот каких-либо серьезных новых массивов документов, касающихся политики Англии, Франции, США, Германии и других стран. Соответст-

венно западные авторы глубоко не исследовали взаимосвязь различных факторов в советской политике, в частности взаимодействия идеологии и Real Politic, что они широко применяли, например, в отношении анализа советской политики в годы холодной войны.

Принципиально иная ситуация в изучении истории Второй мировой войны, в том числе и 1939 – 1941 гг., возникла с конца 80-х годов. В период кардинальных перемен в Советском Союзе начался пересмотр многих проблем истории Советского Союза, в том числе и в области внешней политики и международных отношений. И снова неожиданно для многих в центре ряда дискуссий оказалась история советской внешней политики в 1939 – 1941 гг. Прежде всего возник вопрос о секретных протоколах к советско-германскому договору от 23 августа 1939 г., существование которых отрицалось в течение нескольких десятилетий. Но в итоге советское правительство признало их наличие и аутентичность⁸.

Ранее мировое академическое сообщество имело в своем распоряжении тексты этих протоколов, извлеченные из германских архивов и опубликованные в США в сборнике "Нацистско-советские отношения" еще в 1947 г.⁹ В качестве одного из аргументов для опровержения подлинности протоколов советские идеологи и историки использовали то, что в немецких архивах не было якобы подлинной подписи Молотова на русском языке.

И вот в конце 80-х годов в архивах Политбюро наконец-то были "обнаружены" русские подлинники секретных протоколов к пакту Молотова – Риббентропа. Тогда же была дана правовая и политическая оценка этих документов. Произошло довольно редкое в политической практике явление – оценку историческим договорам давал высший законодательный орган страны – Съезд народных депутатов. Протоколы были объявлены недействительными и осуждались как "акты, противоречащие нормам международного права и морали"¹⁰. На этой основе начался принципиально новый этап в отечественной историографии советской внешней политики 1939 – 1941 гг.

Естественно, публикация секретных протоколов, извлеченных из архивов, не была единственным новшеством. Российские исследователи начали изучение архивов КПСС, Министерства иностранных дел и других архивохранилищ. И уже с начала 90-х годов появились первые книги и статьи о предыстории и истории Второй мировой и Великой Отечественной войн.

Начиная с 1989 г. проходили десятки научных конференций (внутрироссийских и международных), посвященных событиям августа – сентября 1939 г. и последующих месяцев вплоть до

июня 1941 г. Первая из таких "этапных" конференций состоялась в Западном Берлине в 1989 г., затем уже в 1992 г. прошла большая международная конференция в Москве в Институте всеобщей истории РАН, результатом которой стала публикация исследовательского тома "Война и политика: 1939 — 1941 гг."¹¹

Одновременно и в последующие годы подобные конференции и многочисленные "круглые столы" были проведены во многих научных институтах и университетах России, в Германии, Англии и Франции. Повышенное внимание к событиям того времени было проявлено в странах Балтии, Финляндии и государствах Восточной Европы. Особый интерес вызвала конференция, посвященная событиям 1939 — 1941 гг. (январь 2005 г.), организованная Институтом всеобщей истории Российской академии наук, Институтом современной истории в Мюнхене и Латвийским государственным университетом, итогом которой стала публикация материалов конференции¹².

Эти конференции и публикации имели большое значение, закладывая основу для иного подхода к предыстории войны. Соответственно более взвешенной стала оценка политики англо-французского блока — наряду с критикой их методов "странной войны" и часто весьма недружественного отношения к СССР отмечались и попытки искать сотрудничество с Советским Союзом. Значительное внимание обращалось на анализ состояния экономики СССР накануне войны, на его слабую военную подготовленность и т.п.

Но одновременно появились и некоторые новые мифы, рожденные из желания резче осудить сталинское руководство за союз с Гитлером и т.п. К их числу следует отнести появление ряда книг В.А. Суворова (Резуна), в которых утверждалось (без каких-либо серьезных доказательств), что советское руководство готовило превентивное нападение на Германию и даже называлась дата (6 июля 1941 г.) упреждающего советского наступления.

Достижением российской историографии стали завершение и выход в свет совместного труда (в двух книгах) российских и финских историков о зимней войне 1939 — 1940 гг.¹³ Впервые с тех далеких времен российские историки смогли на основе консенсуса с историками Финляндии раскрыть многие спорные проблемы этой войны и ответственность сталинского руководства за советско-финский конфликт. Вместе с научным исследованием была опубликована и стенограмма совещания в Кремле в апреле 1940 г. по итогам зимней войны с выступлением Сталина и последующей дискуссии.

Институт славяноведения подготовил коллективный труд "Восточная Европа между Гитлером и Сталиным"¹⁴, в котором впервые в отечественной историографии были подвергнуты

основательному анализу события в Польше, в Центральной Европе и на Балканах в 1939—1941 гг. и проанализирована линия Советского Союза; освещен также визит Молотова в Берлин в 1940 г.

Вышли десятки книг и статей российских авторов по различным вопросам кануна и истории Второй мировой войны. Во многих из них продолжена направленность тех трудов, в которых раскрывались цели и последствия политики Сталина в рассматриваемый период, в том числе и на международной арене. Необходимо отметить, что ряд этих изданий носил публицистический характер и не содержал тщательного анализа различных архивных данных, характеризующих политику СССР и других государств.

Ценность упомянутых публикаций состояла в том, что они вводили в научный оборот значительное число документов о политике Румынии, Болгарии, Венгрии, Югославии и других стран. В то же время на них лежала печать двойственности, свойственной отечественной историографии 90-х годов. Представляя различный спектр российской общественной и научной мысли, авторы часто противоречили друг другу, склоняясь при освещении советской политики то к более осуждающим, то к более оправдательным оценкам. На историю переносились современные идейные столкновения, отражавшие в целом отношение ко всему советскому периоду и к сталинизму, особенно это сказывалось на оценке проблем советской внешней политики. Соответственно вновь усилился интерес к Мюнхенскому соглашению 1938 г. В ряде работ советско-германский пакт 1939 г. называли "новым Мюнхеном", а события 1939 г. в Польше трактовались как новый ее раздел между Россией и Германией.

В западной историографии в 90-е годы почти не появилось серьезных новых трудов по рассматриваемому периоду. Их оценки имелись лишь в книгах, посвященных Советскому Союзу 30—40-х годов и т.п.

Одновременно активизировались историки Польши и стран Балтии. В этих государствах было издано множество публикаций документов и исследований, в которых СССР подвергался резкой критике за "оккупацию" части Польши и Прибалтики, за массовые репрессии против местного населения. Ряд историков этих стран включились в кампанию на государственном и общественном уровнях, целью которой было добиться от нынешней России извинений и покаяния за события 1939—1941 гг. Они политизировали историю, игнорировали вопрос о сущности тех режимов, которые существовали в странах Балтии до 1940 г., пренебрегали всесторонним анализом предвоенной ситуации, ограничиваясь осуждением Советского Союза.

В 2007 г. в Стокгольме опубликована книга эстонского историка Магнуса Ильмярва "Тихое подчинение", в которой впервые в историографии стран Балтии на основе большого массива архивных и прочих документов рассматриваются внутренние аспекты политики этих стран в конце 30-х годов, сделан акцент на авторитарном характере режимов Пятса, Сметоны и Ульманиса, которые, по мнению автора, во многом ответственны за судьбу Прибалтики в 1939 – 1940 гг.¹⁵

В напряженную атмосферу дискуссий, проходивших вокруг событий 1939 – 1941 гг., "добавляли жару" и книги упомянутого Суворова¹⁶. Эти события стали неким новым дополнительным поводом для возобновления споров о советской системе в целом, о роли Сталина и по многим другим вопросам, связанным с историей страны в XX столетии. Особого накала достигали дискуссии, когда речь заходила об освещении Второй мировой и Великой Отечественной войн, а также предшествовавшего периода в учебниках по истории, прежде всего для средней школы.

Обобщая сказанное, можно определить следующие моменты в отечественной историографии рубежа XX и XXI вв. в оценке рассматриваемого периода. Картина событий часто рисуется односторонне, не всегда учитываются сложность и многоплановость различных и противоречивых факторов. Наряду со справедливой критикой аморальных действий и нарушений правовых норм советских лидеров не берутся в расчет соображения необходимости обеспечения безопасности страны в условиях уже начавшейся мировой войны.

Заметно активизировались и те историки, которые стремились позитивно рассматривать политику и действия советского руководства и лично Сталина. В ряде случаев их доводы и аргументы словно возвращали историческую науку к тем оценкам и представлениям, которые господствовали в отечественной историографии в советское время до конца 80-х годов. Многие сторонники этой точки зрения пренебрегали теми сведениями и документами, которые уже были введены в научный оборот за последние 10 – 15 лет. Но и в этих трудах были использованы новые материалы, которые расширяли представление о событиях тех лет, прежде всего связанных с обеспечением безопасности страны. Они не только оказались в эпицентре дискуссий, но сами стали неким индикатором разногласий между различными политическими силами России. История дает нам подобные примеры, когда те или иные события или целые периоды приобретают, причем порой весьма неожиданно, знаковый смысл, отражая отсутствие единства в обществе по важным современным проблемам.

К сожалению, в этом случае история снова становится заложницей политики, а историческая память приобретает изби-

рательный и заангажированный характер. Как показал опыт 90-х годов, новые документы имели небольшое значение, ибо на первый план выходили проблемы интерпретации и трактовки уже известных ранее фактов и документальных свидетельств. В методологическом плане речь идет в сущности о разрыве общей сложной и противоречивой картины на отдельные части, о подчеркивании лишь той или иной стороны и тенденции исторического развития, что чревато либо искажением реальности, либо преувеличением одной из линий развития в ущерб другим.

При такой ситуации от историков требуется максимальная взвешенность и непредвзятость в оценке событий и в подходе к исследованию документов. Для большинства российских историков преобладающим стал *многофакторный* метод, предполагающий учет самых различных, порой весьма противоречивых явлений и тенденций, ибо, например, международные вопросы невозможно понять без анализа и раскрытия сущности диктаторских и демократических режимов, без ясного представления о характере и механизмах принятия решений в странах, игравших существенную роль в тот период.

Следует учитывать и то, что все общие и конкретные проблемы решались тогда в условиях, когда человечество уже практически втягивалось в новую мировую войну, ставшую самым трагическим и поворотным событием XX столетия. *Именно только на основе многофакторного анализа возможно раскрытие всех сложностей и противоречивых тенденций развития в напряженные месяцы конца 1939 и 1940–1941 гг.*

* * *

В концептуальном плане анализ внешнеполитических проблем невозможен без учета некоторых особенностей сталинской системы. Одна из основных задач автора состояла в том, чтобы выявить взаимосвязь идеологии и реальной политики в намерениях и действиях СССР в рассматриваемый период. Анализ конкретных международно-политических проблем предполагает также комплексное изучение общих геополитических и стратегических факторов и задач, вставших перед советским руководством после подписания пакта Молотова – Риббентропа 23 августа 1939 г.

Весьма важное значение имела для автора и историческая преемственность, особенно в контексте общего восприятия в Москве либерально-демократических и диктаторских европейских режимов, прежде всего, например, в плане сравнения отношения Кремля к либеральной Англии и нацистской Германии. Проблема преемственности включает в себя и представления о российских намерениях в контексте анализа идей и пра-

ктики мировой революции и их влияния на советский внешне-политический курс. Сюда входит и опыт 30-х годов. Мюнхенская политика Англии и Франции и последовавшая международная изоляция СССР всегда присутствовали в сталинском анализе, подтверждая недоверие к западным демократиям и усиливая постоянный страх перед возможным сговором империалистических стран и группировок.

Хронологические рамки работы охватывают период с 1 сентября 1939 и до 22 июня 1941 г. Но, разумеется, над всеми событиями витала тень пакта Молотова – Риббентропа, который практически определял советскую политику в этот период. Поэтому, не ставя своей задачей анализ предыстории и самого пакта, автор на протяжении всей работы возвращается к нему, к тому внешнеполитическому повороту советских лидеров, который был связан с его подписанием и последствиями.

События последнего времени, историографические и общественные дискуссии значительно политизировали изучение того периода, поставили его, как уже отмечалось, в центр идеологических споров, способствуя размежеванию внутри нашей страны и в мире в целом.

Основная мысль автора в этой связи состоит в утверждении о необходимости максимально освободить историю от влияния конъюнктуры, от того, чтобы она оказывалась бы заложницей политики и, наоборот, чтобы последняя не находилась бы в плену тех или иных интерпретаций истории. В то же время совершенно очевидно, что при освещении таких весьма политизированных и идеологизированных периодов, как 1939 – 1941 гг., невозможно полностью уйти от субъективных пристрастий в понимании истории.

Для того чтобы избежать подобного подхода, автор стремился придерживаться, как уже было отмечено, многофакторного анализа, понимания истории как совокупности и взаимодействия самых разнообразных факторов и тенденций. В этом широком спектре присутствуют явления экономические и политические, влияние мировой геополитической ситуации, идеологии (анализ теоретических принципов мировой революции, национал-социализма и западных демократий) и т.п. Большое значение имеет и личностный фактор, воздействие на ход истории политических лидеров, общественных деятелей, дипломатов, военных и представителей средств информации. Только учитывая все эти обстоятельства, можно найти реальные основания для обобщающих интерпретаций, выводов и заключений.

Сбалансированный подход к изучению темы означал для автора не запрограммированную идею на поиск компромиссных позиций и ответов, не желание быть над идеологическими

спорами и разногласиями, а понимание того, что в реальной жизни существует баланс различных тенденций, порой весьма противоречивых. Естественная резкая критика и неприятие практики авторитарных режимов не должны исключать из анализа прагматизма лидеров этих стран, их стремления к обеспечению безопасности своих стран, дипломатических приемов и методов. В равной мере исследование политики демократических государств должно обязательно сопровождаться объяснением жесткого прагматизма их лидеров, отстаивавших собственные, часто весьма своекорыстные планы и намерения, а также влияния на политику их идеологических позиций и пристрастий. Весьма важно также понять степень воздействия на политику тех или иных стран исторического опыта и национальных традиций, сформировавших определенный тип политической культуры и ментальности их лидеров и представлений политического и общественного истеблишмента.

Понимая все эти обстоятельства и особенно тот продолжающийся накал страстей, который существует вокруг истории 1939 – 1941 гг., и учитывая свой долгий опыт общения с историками разных стран, особенно с учеными Германии, Англии, Франции, США, Польши и в последние годы стран Балтии, в том числе и по проблемам рассматриваемого периода, автор осознает меру своей ответственности и отдает себе отчет в сложности и трудностях предпринятого исследования. При этом надо иметь в виду, что в рамках одного труда невозможно затронуть все многообразие проблем, относящихся к этому периоду, а также проанализировать и иногда даже просто упомянуть сотни публикаций, документов и исследований по данной тематике.

В книге делается попытка представить общую интерпретацию и дать оценку главных проблем на основе многофакторного подхода и новейших веяний в исторической науке с учетом имеющихся публикаций и огромной работы, проделанной отечественными и зарубежными исследователями, в контексте бурных дискуссий, развернувшихся в последние годы.

* * *

Важнейшее значение для раскрытия темы имела, разумеется, документальная база. Прежде всего в работе широко используются материалы заседаний Политбюро ЦК ВКП (б) за период с сентября 1939 по июнь 1941 г., а также другие документы из бывшего партийного архива, Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), из Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Архива президента РФ (АПРФ), Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), Архива внешней политики Российской Федерации (АВПРФ) и т.п.

Следует напомнить, что многих свидетельств в бывших советских и партийных архивах просто не существует. Ключевые события того периода (советско-германский договор, действия в Финляндии, Прибалтике и т.п.) и, конечно, общие направления советской политики, видимо, как мы уже отмечали, обсуждались в узком составе, без протоколов и без оформления в письменном виде. Скорее всего, Сталин решал все вопросы с участием Молотова, Ворошилова, Жданова, Берии, Димитрова (Коминтерн) и некоторых других.

Кроме того, решения Политбюро (когда заседания проводились) были сформулированы в общем плане; к сожалению, историки не имеют в своем распоряжении подробностей процесса их выработки и принятия. Но многие зигзаги советской политики и реальные намерения руководства могут быть раскрыты из конкретных заявлений и действий Сталина, Молотова и советских дипломатов.

Большое значение для изучения темы имеют последние, уже упоминавшиеся публикации российских внешнеполитических документов, относящихся к 1939 – 1941 гг. Практически в них представлены дипломатические материалы, большинство которых извлечены из Архива МИД и ранее не публиковались. В сопоставлении с соответствующими документами других стран эти публикации позволяют раскрыть картину сложной деятельности советских дипломатов, их взаимодействия с Центром и самостоятельные оценки ситуации.

Особый интерес представляют документы Службы внешней разведки России, касающиеся событий в Прибалтике и советской политики в период 1935 – 1945 гг.¹⁷

В работе использованы и германские внешнеполитические документы, в которых, правда, тоже отсутствуют детали "дипломатической кухни" Гитлера и его окружения¹⁸.

Весьма важно, что в научный оборот введены британские и французские дипломатические документы, особенно если учесть, что до недавнего времени и в Англии, и во Франции их публикация доводилась лишь до 1 сентября 1939 г., т.е. до начала Второй мировой войны.

Автор широко использовал в работе материалы Public Records Office Великобритании¹⁹, в том числе многочисленные свидетельства о заседаниях Военного кабинета, а также донесения британских послов и указания к ним из Лондона (особенно ценны относящиеся к связям с Москвой). В этом плане прослеживается реакция в правящих кругах и в Военном кабинете Лондона на встречу нового английского посла в Москве Ст. Криппса со Сталиным в начале лета 1940 г. Имеются материалы о визите Молотова в Берлин в ноябре 1940 г.²⁰

Весьма полезен оказался анализ еженедельных обзоров международных событий, направляемых британскими спецслужбами в правительство. В них неизменно присутствовали разделы о Советском Союзе, о странах Балтии, обстановке на Балканах и др.²¹

Недавно вышли два тома французских дипломатических документов, относящихся к 1939 – 1940 гг.²² Французские архивы представлены в работе некоторыми данными о заседаниях французского правительства, но главным образом перепиской Парижа со своими послами в различных странах Европы, и прежде всего в Советском Союзе. Из британских и французских архивов широко использованы также материалы, относящиеся к обсуждению в правительствах и в донесениях дипломатов событий в Польше и Прибалтике в 1939 – 1940 гг., на Балканах, советско-финской войны и т.п.

Документы внешней политики и дипломатии Соединенных Штатов Америки²³ позволяют проследить позицию США по ключевым международным проблемам рассматриваемого периода.

Для раскрытия обстановки в Прибалтике в 1939 – 1940 гг. весьма важным было изучение последних публикаций документов, осуществленных в Латвии, Литве и Эстонии²⁴. Привлечены также некоторые материалы, введенные в научный оборот другими авторами относительно событий на Балканах, в Турции, Японии и т.д.

Отдельный комплекс документов связан с деятельностью и политикой Коминтерна. За последние годы осуществлена масштабная публикация серии томов, содержащих архивные материалы этой международной организации, в том числе и специальных двух томов, относящихся к периоду Второй мировой войны²⁵. Необходимо особо отметить дневники лидера Коминтерна Г. Димитрова, хранящиеся в РГАСПИ и опубликованные в Болгарии и США соответственно на болгарском и английском языках²⁶. В этих дневниках содержится чрезвычайно интересный материал не только о действиях самого Коминтерна. В них приводится множество свидетельств о позиции Сталина, Молотова, Жданова, о ряде заседаний советского и партийного руководства, на которых присутствовал тогдашний руководитель Коминтерна.

В источниковедческую базу работы включено огромное число мемуаров и воспоминаний советских и зарубежных деятелей о событиях предвоенного и военного времени.

Значительный интерес представляют материалы, раскрывающие теоретические и идеологические аспекты действий советского руководства. Это – статьи в журналах "Коммунистический Интернационал" и в других изданиях, материалы идео-

логических совещаний в Центральном Комитете ВКП(б), в военно-политических органах и т.п.

Для анализа темы использованы многие десятки, если не сотни книг и статей, опубликованных в СССР и за рубежом на протяжении с конца 40-х до 90-х годов XX столетия. Помимо интереса к содержащимся в этой литературе оценкам и заключениям внимание автора привлекли имеющиеся в них документы и материалы, касающиеся вопросов внешней и внутренней политики, состояния армии и военных действий, идеологических и теоретических проблем.

В своей совокупности архивные материалы, советские, российские и зарубежные издания при их сопоставлении и взаимном дополнении позволяют представить реальную картину событий в 1939—1941 гг., понять логику их развития. При этом, повторимся, автор максимально стремился избежать политических и идеологических пристрастий, полагая, что сами документы и весь ход событий говорят за себя и раскрывают сложности того времени, избегать идеологических клише, штампов и предубеждений, которые сложились в прошлом. Апологизируя сталинскую систему и политику, они препятствовали созданию подлинно научной и правдивой картины событий того времени. В то же время учитывались имеющиеся в трудах выводы, связывавшие действия советского руководства с соображениями обеспечения безопасности страны.

Автор считает, что объективное рассмотрение проблемы, которая сегодня волей судеб оказалась снова в эпицентре политических и идейных дискуссий, может оказать важное влияние на дальнейшее освобождение истории от прежних стереотипов и прошлого идеологического давления, так же как и от пут современных политических целей и пристрастий.

С учетом всех этих обстоятельств представляемая в книге интерпретация событий 1939—1941 гг. отражает авторское видение исторического развития и не может, разумеется, претендовать на истину в последней инстанции.

В последнее время часто говорят, что история не терпит солагательного наклонения. Соглашаясь с тем, что следует изучать то, что реально произошло, автор одновременно полагает, что перед теми, кто определял ход развития и принимал решения, всегда существовала необходимость выбора. В этом смысле можно говорить о *солагательном наклонении в интерпретации истории*, которая всегда многовариантна. И обязанность исследователя состоит в том, чтобы представить обществу разновидности возможного развития событий и попытаться объяснить, почему действующие актеры исторической пьесы выбрали тот или иной путь.

В равной мере каждый историк, в том числе и автор данного труда, не претендуя на монополию и исключительность, имеет право на собственную интерпретацию той исторической драмы, которая разворачивалась в Европе в конце 30-х — начале 40-х годов XX столетия.

¹ См. раздел "Библиография".

² Коминтерн и Вторая мировая война: В 2 ч. М., 1994, 1998; Коминтерн и идея мировой революции: Документы. М., 1998.

³ Прежде всего см.: Документы внешней политики. Т. XXII: 1939 год: В 2 кн. М., 1992; Т. XXIII: 1940 — 22 июня 1941: В 2 кн. М., 1998.

⁴ British documents on Foreign Affairs. The First to the Second World War. Wash., 1986 — 1995. 25 vol.; Ministère des Affaires Étrangères. Documents diplomatiques français. 1939. 3. Septembre — 31 Decembre. Bruxelles, 2002; 1 Janvier — 10 Jule 1940. Bruxelles, 2004; Foreign Relations of the United States. 1939 — 1941. Wash., 1956 — 1959; Documents on German Foreign Policy. 1918 — 1945: In 13 vols (Далее: DGFP).

⁵ Фальсификаторы истории. М., 1948; (Историческая справка по поводу опубликования госдепартаментом США архивных материалов германского министерства иностранных дел "Нацистско-советские отношения 1939 — 1941 гг."). Книга была издана кроме Москвы в С.-Петербурге, в Куйбышеве и других городах несколькими издательствами.

⁶ См.: Некрич А.М. 1941. 22 июня. М., 1965; изд. 2-е, дополненное и переработанное М., 1995.

⁷ Watt D.C. How war came. The immediate origins of the Second World War, 1938 — 1939. L., 1989.

⁸ См.: Правда. 1989. 2 июля.

⁹ См.: Nazi-Soviet Relations. N.Y., 1947.

¹⁰ См.: Правда. 1989. 2 июля.

¹¹ Война и политика: 1939 — 1941: Сб. статей. М., 2000.

¹² Международный кризис. 1939 — 1941: Материалы международной конференции. М., 2006.

¹³ Зимняя война. 1939 — 1940: В 2 кн. М., 1998 — 1999.

¹⁴ Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939 — 1941 гг. М., 1999.

¹⁵ Ilmjärv M. Silent Submission. Formation of Foreign Policy of Estonia, Latvia and Lithuania. Stockholm, 2007.

¹⁶ Суворов В.А. Аквариум. М., 1991; Он же. День-М. Когда началась Вторая мировая война? М., 1994; Он же. Ледокол. Кто начал Вторую мировую войну? М., 1992; Он же. Тайные люди: Записки разведчика. Екатеринбург, 1991; Он же. Освободитель. СПб., 1993; Он же. Очищение: (Зачем Сталин обезглавил свою армию?). М., 1998.

¹⁷ Отдельно следует выделить том "Сталин и разведка".

¹⁸ См.: DGFP. Vol. VIII.

¹⁹ См.: Public Records Office. 1939 — 1940.

²⁰ См.: Ibid.

²¹ См.: Weekly Political Intelligence Summary. Secret Foreign Political Department. L., 1939 — 1941.

²² См.: Ministère des Affaires Étrangères. Documents diplopatiques français. 1939. 3 Septembre — 31 Decembre. Bruxelles, 2002; 1 Janvier — 10 Julie 1940. Bruxelles, 2004.

²³ См.: Foreign Relations of the United States. 1939—1941. Wash. 1956—1959.

²⁴ The occupation and annexation of Latvia, 1939—1940: Doc. and Materials. Riga, 1995.

²⁵ Коминтерн и Вторая мировая война. Ч. 1, 2; см.: The Diary of Georgi Dimitrov. New Haven, 2003; Moscou — Paris — Berlin. Telegrammes Chiffrés du Comintern (1939—1941). P., 2003.

²⁶ См.: The Diary of Georgi Dimitrov. New Haven, 2003; Георги Димитров. 9 марта 1933 — 6 февруари 1949. София, 1997.

Часть I

**Новые приоритеты
в политике Москвы
и “смена вех”**

Первая часть книги охватывает период с начала сентября 1939 до лета 1940 г. В ней показано определение стратегии СССР после подписания пакта Молотова – Риббентропа от 23 августа 1939 г. Значительное внимание уделено становлению новых отношений Советского союза с Германией, в которых довольно большое место занимали экономические аспекты.

Рассматриваются отношения с Англией и Францией, конкретные действия в Польше и Прибалтике, советско-финская война и маневры вокруг Турции. В сентябре – октябре была решена судьба Польши, подписаны договоры Москвы со странами Прибалтики.

Существенным направлением внешнеполитической деятельности СССР было определение характера его дальнейших отношений с бывшими партнерами по переговорам – Англией и Францией. Москва не прервала контактов с ними, но свела их к минимуму, исходя и из своей общей линии, и из боязни вызвать раздражение нового "союзника" – Германии.

Отдельного внимания заслуживает "смена вех" в теоретических установках советских лидеров, проявившаяся в их отказе от критики фашизма и в новых директивах, которые Сталин давал руководству Коминтерна.

Пакт Молотова–Риббентропа и советский внешнеполитический поворот

Историки, занимающиеся исследованием советско-германского пакта от 23 августа 1939 г., как правило, задаются вопросами — когда начался поворот в советской внешней политике в сторону сотрудничества с Германией и каковы были его причины. От ответа на эти вопросы во многом зависит понимание сущности самого пакта и его последствий.

Некоторые специалисты склонны считать, что отмеченный поворот начался еще весной 1939 г. Действительно, в марте 1939 г., выступая на XVIII съезде партии, Сталин впервые за много лет заговорил о возможности улучшения отношений с нацистской Германией¹.

В самом начале мая, как известно, произошли перемены в руководстве советского внешнеполитического ведомства. С поста наркома по иностранным делам был снят М.М. Литвинов, находившийся в этой должности почти 15 лет. Его смещение было, конечно, также знаком грядущих перемен. Литвинов был активным инициатором и сторонником идеи коллективной безопасности, т.е. союза с Англией и Францией для противостояния планам и намерениям фашистской Германии. Он имел репутацию англофила, к тому же был женат на англичанке.

Замена его на В.М. Молотова — на второе лицо в советской иерархии, человека наиболее близкого к Сталину, была не только признаком грядущих перемен, но означала и больший контроль лично Сталина за деятельностью Наркоминдела.

Сигнал, поданный Германии еще в марте 1939 г., совпал с новыми веяниями и в Берлине. На приеме в немецкой столице в январе Гитлер публично и демонстративно беседовал с советским послом, в контакты с которым он до этого не вступал².

Для советского руководства эти пока еще не очень видимые перемены имели свое основание. Главная идея Москвы, состоявшая в желании избежать вовлечения в международный конфликт и ставившая центральной задачей использование "межимпериалистических" противоречий, была сильно поколеблена в результате Мюнхенского соглашения в сентябре 1938 г. Советские лидеры увидели возможность соглашения Англии и

Франции с Гитлером без Москвы и, может быть, за счет СССР. У Сталина эти действия лишь усилили его общее недоверие к английской политике, являвшейся мотором Мюнхена.

В течение многих лет Советский Союз проводил активную антифашистскую линию, больше других осуждая немецкий аншлюс Австрии и действия Германии в Чехословакии; он помогал испанским республиканцам, осознавая, что Гитлер оказывает помощь испанским антиреспубликанским силам. Подобная линия легко вписывалась и в идеологические советские приоритеты. Пропагандистская машина максимально раскручивала антифашистскую борьбу, внедряя в сознание людей опасность идеологии и практики немецкого фашизма.

Но для сталинизма был характерен прикладной и весьма прагматический подход к идеологическим представлениям. Как показывают многочисленные примеры, Сталин легко менял идеологические приоритеты, если они не соответствовали его общим и часто весьма практическим планам и устремлениям.

Анализ донесений советских послов из европейских стран и инструкций, получаемых ими из Центра в конце 1938 — начале 1939 г., показывает то серьезное беспокойство, которое испытывали в Москве в связи с возможностью соглашений англо-французских лидеров с Германией. В аналитических записках, подготавливаемых в советском МИД и в идеологических отделах Центрального Комитета партии, подчеркивалась опасность и "глубокая непоследовательность" британской политической элиты и французских политиков типа Даладье.

Мы не располагаем данными об обсуждении в Москве в высшем руководстве принципиальных внешнеполитических проблем в конце 1938 — начале 1939 г. Но общее и возрастающее беспокойство в Кремле прослеживается довольно четко. И как следствие этого в Москве, видимо, решили видоизменить ту конфигурацию, которая превалировала в середине 30-х годов.

По нашему мнению, это еще нельзя было назвать поворотом и пересмотром внешнеполитических приоритетов и ориентации. Очевидно, пока речь шла лишь о модификации общего курса в сторону большей сбалансированности, характерной для кремлевских руководителей еще с 20-х годов.

Начиная с Рапалло, Германия занимала в планах Москвы первостепенное место. Собственно германофильские настроения в России имели многолетнюю традицию. В большой мере это было связано с географическими и геополитическими факторами. И хотя Первая мировая война столкнула обе державы, это не изменило общих представлений в Москве. Советские руководители в течение весны и лета 1939 г. постепенно стали налаживать контакты с германскими властями, особенно в тор-

гово-экономической области. Но одновременно, как известно, продолжались переговоры между представителями Советского Союза, Англии и Франции. Вначале речь шла о политических переговорах, а затем в них приняли участие и военные миссии. Ознакомление с подробными протоколами этих переговоров убедительно показывает, что обе стороны прилагали мало усилий для их успешного окончания³. Англо-французские представители невысокого ранга с неполными полномочиями не демонстрировали готовность к компромиссу с советской военной делегацией. И советское правительство не проявляло большого интереса к успешному завершению переговоров.

Однако они имели весьма интересную особенность. Одним из камней преткновения на них был вопрос о пропуске советских войск через Польшу и Румынию в случае начала объединенных военных действий против Германии. И формально переговоры в Москве зашли в тупик именно вследствие нежелания Польши дать согласие на пропуск советских войск. И хотя в последний момент Франция осуществила нажим на Польшу и буквально вырвала у нее такое согласие, было уже поздно, и переговоры закончились неудачей.

Но в связи со всем этим возникают два вопроса, касающиеся советской позиции на переговорах. Первый состоит в том, что они были обречены на неудачу хотя бы еще и потому, что Москва вряд ли пошла бы на подписание любых договоренностей, имеющих целью возможные конкретные операции против Германии в то время, как шли активные контакты с Германией по торгово-экономическим вопросам. Из этого можно сделать вывод, что Москва участвовала в них скорее по инерции, нежели из желания достичь практических результатов. В то же время и западные партнеры явно не хотели каких-либо обязывающих договоренностей с большевистским режимом, предпочитая использовать переговоры для зондажа или для нажима на Германию.

Второй момент представляет бóльший интерес. Он касается уже упомянутого спорного вопроса о пропуске советских войск через Польшу и Румынию. Настойчивость представителей СССР явно показывала возрастание интереса в Москве к Восточной Европе. А если добавить к этому советские усилия весной и летом 1939 г. получить для себя какие-либо гарантии и в Прибалтике, то складывается впечатление о желании Москвы укрепить позиции в этом регионе. Было очевидно, что ситуация в Восточной Европе (включая Польшу и Прибалтику) рассматривалась руководством Кремля как важный фактор обеспечения безопасности СССР.

У историков нет данных о том, насколько далеко шли устремления Советского Союза. Мы не располагаем свидетельствами

ми о каких-либо конкретных намерениях Москвы укрепиться в этих областях, да и вряд ли в Кремле могли в тот момент на это рассчитывать.

На таком фоне проводились активные консультации советских и немецких представителей. Динамика развития событий оказалась такой, что в Москве довольно быстро двигались от простых контактов с Германией в сторону достижения с ней более крупных договоренностей. Конечно, этому способствовала позиция самого Берлина. Как видно из многочисленных документов, в Германии активно готовились к быстрому нападению на Польшу и были в связи с этим готовы к войне с Францией и Англией.

Следуя традиционному стремлению избежать войны на два фронта, нацистское руководство стремилось как можно скорее обезопасить себя на востоке и было готово к заключению договора с СССР, притом на максимально выгодных для него условиях. В Москве, очевидно, понимали, что в самое ближайшее время может произойти нападение Германии на Польшу (об этом с тревогой писала вся мировая пресса) и что вполне возможное начало войны Англии и Франции с Германией создаст принципиально новую расстановку сил в мире.

В течение августа 1939 г. в Москве и в Берлине ускоренным темпом шло согласование позиций. Обе стороны были готовы к заключению договора о ненападении, который был бы довольно традиционен для международной практики того времени. Но в русле своего повышенного интереса к Восточной Европе советские представители поставили перед Германией, как и ранее на переговорах с Англией и Францией, вопрос о гарантиях для Советского Союза в этом регионе.

До сих пор идут споры о том, кому впервые конкретно пришла идея о так называемом разграничении сфер интересов, а фактически о разделе зон влияния между Германией и Советским Союзом в восточноевропейском регионе. Но ясно, что она в тот момент устраивала обе стороны. Немецкие представители были слишком заинтересованы в немедленном соглашении с Москвой и были хорошо осведомлены о ее беспокойстве за ситуацию в Восточной Европе и о старых "российских амбициях" в целом. Гитлер и его сподвижники всегда рассматривали большевистский Советский Союз как одного из главных стратегических противников. Но ради решения своей основной задачи — нейтрализации России в условиях подготовки войны с Францией и Англией и реализации германских планов в Европе в Берлине, очевидно, считали возможным идти на максимально большие уступки, в том числе и в территориальных вопросах, полагая, что в сравнительно недалеком будущем Германия вернет себе все то, что она отдаст в сферу влияния

Советского Союза. Именно поэтому, по воспоминаниям современников, Гитлер не скрывал своей радости, когда получил известие из Москвы о подписании договора с Советским Союзом.

Что касается Советского Союза, то здесь объяснение было более сложным. Выше отмечалось общее желание советских руководителей "уравновесить" свои переговоры с Англией и Францией контактами с Германией. Но в середине августа Москва оказалась перед необходимостью сделать уже другой, более сложный и драматический выбор. Прежде всего встал вопрос о подписании с Германией полновесного договора о ненападении. Этот договор вполне вписывался в наметившиеся перемены в советской политике. Он позволил бы Советскому Союзу извлекать пользу из своего баланса между различными империалистическими группировками. Но этот баланс подвергался серьезной угрозе, так как в Москве становилось ясным, что Европу ждет большое потрясение в связи с близким нападением Германии на Польшу и возможным военным ответом Англии и Франции, связанными договором о гарантиях Польше.

Итак Москве предстояло сделать нелегкий выбор. На одной чаше весов были общая опасность германского фашизма, его неприятие большинством мирового сообщества и вполне ожидаемое осуждение им любых соглашений с нацистским режимом, фактический отказ СССР от переговоров о создании системы коллективной безопасности, имеющей прежде всего антифашистскую направленность. На другой — реальная опасность приближения враждебной Германии к советским границам, явное и подозрительное для Москвы нежелание Англии и Франции договариваться с СССР и идти навстречу советским требованиям о возможном пропуске советских войск через Польшу и Румынию, что ставило под сомнение возможность тесного военного сотрудничества с англо-французским блоком.

В Кремле должны были серьезно взвесить свою политику в случае начала конфликта между Германией и англо-французской коалицией. Это был бы уже не просто баланс между враждующими группировками, а нечто другое.

В общем плане советское руководство, послав сигнал Берлину еще в марте 1939 г., уже показало свою готовность осуществить корректировку или даже смену своего внешнеполитического курса. Теперь на исходе августа в результате очевидной неудачи переговоров военных миссий Англии, Франции и Советского Союза и по мере успешного завершения экономического и кредитного соглашения с Германией Сталин все более склонялся к выбору в пользу соглашения с Гитлером.

Историкам хорошо известны драматические события между 18 и 23 августа 1939 г., когда из Берлина ежедневно и почти

ежечасно бомбардировали Кремль телеграммами, настаивая на немедленном приезде германского министра иностранных дел И. Риббентропа в Москву для подписания договора. Из документов также видно, что, в принципе соглашаясь с этим, в Москве хотели немного оттянуть развитие событий.

И тогда Гитлер бросил на чашу весов свой сильнейший аргумент и козырь — он выразил готовность подписать секретный протокол о разделении сфер влияния в Восточной Европе. Можно себе представить настроения, которые были тогда в кругах советского руководства. В течение многих лет Советский Союз находился в состоянии, близком к изоляции, в жестком капиталистическом окружении. Влияние Советского Союза на развитие мировых событий было весьма ограниченным.

Ранее упоминалось, что на переговорах летом 1939 г. советские представители выдвигали требования о пропуске советских войск в случае возникновения конфликта через территорию Польши и Румынии, что сулило Москве усиление ее позиций в Восточной Европе. Но теперь без всякого конфликта, а напротив, избегая его, появилась перспектива включения в советскую сферу влияния старых исконных территорий, бывших владениями Российской империи. Линия разграничения интересов или сфер влияния, на которую соглашались в Берлине, позволяла включить в советскую сферу часть Польши (населенной в своем большинстве украинцами и белорусами), Прибалтику, Бессарабию и даже Финляндию.

Естественно, подобная перспектива оживила старые настроения Кремля: она давала Сталину возможность реально подумать о том, чего он не мог даже себе представить на протяжении 20-х и 30-х годов. Разумеется, немецкие предложения еще не предрешали вопроса об окончательной судьбе этих территорий. Подписание договора с Германией меняло всю геополитическую ситуацию в этом европейском регионе. Кроме того, как казалось в Кремле, такое решение давало существенные гарантии обеспечения безопасности страны. Советский Союз мог в полной мере использовать ожидаемое столкновение между Германией и англо-французским блоком, оставаясь как бы в стороне от военного противостояния двух империалистических группировок.

Вряд ли в Москве были в тот момент полны иллюзий об отказе Гитлера от антисоветских планов. Но на определенном отрезке времени казалось, что Советский Союз выходит из международного кризиса с явными дивидендами — договором о ненападении с Германией и с неожиданной перспективой утвердиться в восточноевропейском регионе. При этом мало брались в расчет моральные и правовые факторы, связанные, во-

первых, с тем, что социалистическая страна фактически вступала в соглашение с фашистским режимом, вызывавшим осуждение большинства стран мира, и, во-вторых, с тем, что предстояло решать судьбы других суверенных стран Европы за их спиной вопреки их собственным интересам и желаниям.

Некоторые исследователи, ссылаясь на косвенные свидетельства, указывают, что 19 августа в Москве проходило заседание Политбюро, которое якобы обсуждало вопрос о предстоящем визите Риббентропа и о договоре с Германией⁴. В протоколах Политбюро не удалось обнаружить свидетельств подробностей обсуждения этого вопроса именно в те дни. Но даже если оно и было, совершенно очевидно, что вопрос решался не на заседании. В конечном счете принципиальное решение зависело от Сталина, который, видимо, говорил об этом прежде всего с Молотовым и Ворошиловым.

Н.С. Хрущев в своих мемуарах сообщает: члены Политбюро собрались лишь 23 августа вечером, и Сталин сказал, что "Риббентроп уже полетел в Берлин. Он приехал с проектом соглашения, и мы такое соглашение подписали". Сталин заявил, что в соответствии с соглашением в сферу влияния СССР отходят Эстония, Латвия, Литва, Белоруссия и Финляндия и мы сами будем решать с этими государствами их судьбу без участия Германии. Что касается Польши, то, по словам Сталина, Гитлер нападет на нее и сделает своим протекторатом. Восточная часть Польши, населенная белорусами и украинцами, отойдет к Советскому Союзу. Естественно, пишет Н.С. Хрущев, мы одобряли последнее, но чувства ощущали самые смешанные. Поняв это, Сталин сказал: "Здесь происходит игра, кто кого перехитрит и обманет". И далее Хрущев отмечает: "Самого соглашения с Германией я не видел. Думаю, кроме Молотова, Сталина и некоторых причастных к этому чиновников Наркоминдела, его у нас никто не видел". Даже если считать воспоминания Хрущева весьма субъективными, они подтверждают общее мнение, что вся эта проблема решалась Сталиным в узком составе⁵.

Согласно официальным дипломатическим документам, в Москве уступили настойчивому нажиму Берлина и дали согласие на немедленный приезд Риббентропа в Советский Союз. Это был первый приезд в СССР представителя столь высокого ранга нацистской Германии.

Анализ документов о подготовке визита Риббентропа и о переговорах в Москве показывает, что текст договора о ненападении был предварительно согласован между советскими и немецкими представителями по дипломатическим каналам. В то же время можно с уверенностью предположить, что окончательный текст секретного дополнительного протокола к до-

говору определялся уже в Москве. Риббентроп на переговорах несколько раз упоминал Польшу, ясно давая понять, что события развиваются таким образом, что Германии в самое ближайшее время предстоит решать "польский вопрос". Не вызывает сомнений, что советские лидеры поняли, о чем идет речь.

Итак, давая согласие на приезд немецкого министра иностранных дел, в Москве сделали выбор в пользу соглашения с Германией, включая и территориальное размежевание сфер влияния. Верх взяли соображения геополитические и военно-стратегические, соблазн столкнуть между собой две империалистические группировки, а самим оставаться в стороне.

На основании анализа различных источников можно сделать вывод, что в Москву по дипломатическим и разведывательным каналам поступала информация об усиливающемся напряжении на германо-польской границе, о военных приготовлениях в Германии, и в частности о переброске немецких войск в восточном направлении. Эти данные ясно показывали, что германское нападение на Польшу можно было ожидать в самые ближайшие дни. По некоторым сведениям в ходе переговоров упоминалась и возможная дата нападения — конец августа или 1 сентября 1939 г.

Несмотря на то что проект о разграничении сфер влияния с Германией возник непосредственно перед визитом немецкого министра, на переговорах советские представители обсуждали уже не только общие проблемы, но и чисто конкретные вопросы, связанные с предстоящей границей разделения сфер интересов.

Подписание договора, известного как пакт Молотова — Риббентропа, состоялось 23 августа в Кремле в торжественной обстановке. Стороны не скупались на высокопарные слова, говорили о новой эре во взаимоотношениях между двумя странами и т.п. Договор вызвал огромный резонанс во всем мире.

В стенограммах о переговорах в Москве нет упоминаний о наличии секретного приложения к договору. Обе стороны тщательно следили за тем, чтобы сведения о нем нигде не просочились. Он был глубоко упрятан в архивах обеих стран. В Москве он пролежал до конца 80-х годов, и на протяжении 50 лет здесь отрицали всякую возможность его существования. Интересно, что и гитлеровская Германия не разгласила сведений о протоколе, даже в период войны с Советским Союзом.

Впервые текст протокола, обнаруженный в немецких архивах, был предан гласности и опубликован в 1947 г. в США в собрании документов под названием "Нацистско-советские отношения"⁶. В Советском Союзе изданный документ постоянно объявляли фальшивкой, сфабрикованной ранее в Германии. Для подтверждения этого советские идеологические службы и

официальные власти, в частности, указывали, что под протоколом не было подписи Молотова на русском языке и т.п. И лишь в период перестройки и гласности под давлением общественности М.С. Горбачев объявил о "находке" в виде секретного протокола, и он бы опубликован.

Но это произошло спустя 50 лет после тех драматических событий. А тогда, в конце августа 1939 г. политические деятели, дипломаты и журналисты обсуждали смысл и последствия советско-германского пакта, имея перед собой лишь официальный текст договора без приложения.

В Германии царил эйфория. Как видно из многочисленных документов, Гитлер рассматривал подписание договора с Советами как свою великую победу. В откликах мировой печати уже в те августовские дни некоторые журналисты писали, что, по слухам, к договору были какие-то секретные приложения, но это были лишь домыслы и предположения.

Как известно, американцы имели своего агента в немецком посольстве в Москве, от которого они получали значительную информацию, но даже и через этот канал официально не просочились сведения о наличии секретного протокола к договору от 23 августа, хотя слухи о какой-то договоренности и циркулировали в дипломатических кругах.

В целом же реакция на советско-германский пакт была ожидаема: беспокойство в Лондоне и Париже, брожение и тревога в балканских, восточноевропейских и прибалтийских столицах, негативное восприятие среди европейской, да и всей мировой общественности, непонимание и растерянность в коммунистических партиях, которые в течение многих лет считали своей главной задачей борьбу с фашизмом.

Буквально спустя несколько дней после подписания договора последовали публикации серьезных аналитических статей и материалов, во многих из которых говорилось о том, что, несмотря на этот поворот в советской политике, речь идет лишь о пакте о ненападении и что только последующие события должны показать его реальный смысл и самое главное — его результаты.

Последняя мирная неделя в августе 1939 г. в Европе проходила в тревожном ожидании. Группа британских политиков и в их числе бывший премьер-министр Д. Ллойд Джордж и даже ряд деятелей консервативной партии публично критиковали правительство за неспособность или за нежелание добиться компромисса с Москвой. Европа словно замерла перед развязкой, от которой ее действительно отделяли лишь несколько дней.

Но нас интересуют в первую очередь события, происходившие в Москве. Несмотря на то что контакты с Германией ве-

лись уже довольно длительное время, они не были широко известны. Поэтому подписание пакта было совершенно неожиданным и для советской общественности.

Это был действительно резкий и кардинальный поворот во всей советской внешнеполитической стратегии. И если бы договор ограничивался только соглашением о ненападении, то при всех изменениях он не поднял бы столько вопросов для советских лидеров, которые теперь, после подписания секретного протокола, должны были принимать решения, затрагивающие принципиальные проблемы внешней политики, идеологии и пропаганды, а также внутренней политики и обороны. В Москве ясно понимали, что до нападения Германии на Польшу остаются считанные дни.

1 сентября немецкие войска вторглись на территорию Польши. А на следующий день правительства Англии и Франции объявили Германии войну. Так началась Вторая мировая война.

¹ См.: XVIII съезд ВКП(б): Документы и материалы. М., 1939.

² Документы внешней политики. Т. XXII: 1939 год: В 2 кн. М., 1992. Кн. 1. Док. № 445 (Далее: ДВП). См.: также: *Roberts G. Stalin's Wars*. New Haven, 2006.

³ См.: ДВП. Т. XXII. Кн. 1.

⁴ Версия об этом заседании была выдвинута еще в 1939 г., когда во французской прессе появилось сообщение о нем с информацией о речи Сталина, в которой он якобы выразил намерение о "советизации Европы". О публикации во французской прессе советский посол во Франции Я. Суриц сообщил в Москву 28 сентября 1939 г. (См.: ДВП. Т. XXII. Кн. 2. Док. № 813). Недавно некоторые российские исследователи снова пытались возродить идею о заседании. Историк С. Случ опроверг слухи об этом в статье "Речь Сталина, которой не было" (*Отечественная история*. 2007. № 1). См. также: *Хрущев Н.С. Время, люди, власть: Воспоминания: В 4 кн. Кн. 1. М., 1999.*

⁵ *Хрущев Н.С. Указ. соч. Кн. 1. С. 228.*

⁶ *Nazi-Soviet Relations*. N.Y., 1947.

После подписания советско-германского пакта: судьба Польши

Договор о ненападении между СССР и Германией поставил советских лидеров перед необходимостью выработки новых внешнеполитических ориентиров как в теоретическом, так и в конкретном плане. Линия, которой придерживались в Москве начиная с середины 30-х годов, теперь должна была пересматриваться в результате соглашений с Германией.

Среди внешнеполитических приоритетов Советского Союза главными были проблемы обеспечения безопасности государства в условиях начала глобального конфликта. С сентября 1938 г., когда в Мюнхене Англия и Франция подписали с Германией известное соглашение, которое отдавало нацистам часть Чехословакии и открывало путь для последующей агрессии, страна оказалась в положении изоляции. Советское руководство испытывало глубокое недоверие к англо-французской коалиции и, несмотря на только что подписанный договор с Германией, опасалось вовлечения СССР в мировое противостояние.

В общей расстановке сил пристальное внимание было обращено на Восточную Европу. Практически на всех переговорах летом 1939 г. представители Кремля ставили центральным вопросом о возможном пропуске советских войск через Польшу и Румынию в случае возникновения конфликта. Многие месяцы обсуждалась и проблема гарантии странам Прибалтики. В Москве с беспокойством следили за антисоветской ориентацией Польши и Прибалтики. Угроза так называемого санитарного кордона вызывала постоянный синдром у советских лидеров. Все эти вопросы теперь должны были рассматриваться в Кремле в контексте совершенно новой ситуации, возникшей в результате советско-германского пакта и секретных приложений.

Если не вызывало сомнений, что в самое ближайшее время состоится нападение Германии на Польшу¹, то далеко не очевидной была реакция Англии и Франции. Объявление ими войны Германии, видимо, рассматривалось в Москве как наиболее приемлемый шаг, поскольку это соответствовало принципиаль-

ной и, пожалуй, одной из самых основных идей советского руководства, состоящей в стимулировании и использовании межимпериалистических противоречий. Поэтому первая неделя после подписания договора прошла в Москве в ожидании.

В течение нескольких дней в Наркоминдел стекались десятки посланий от советских послов из разных стран с описанием прежде всего откликов в мире на советско-германский пакт. В целом они давали довольно противоречивую картину. Лидеры государств пока воздерживались от специальных комментариев, но дипломаты и журналисты строили всевозможные догадки. Большинство комментариев сводились к предположению, что контакты Советского Союза с Англией и Францией будут продолжаться.

Несмотря на отсутствие прямых данных, можно заключить, что в Кремле почти ежедневно проходило обсуждение сложившейся ситуации. До конца августа официальные источники воздерживались от каких-либо комментариев. Первое официальное заявление последовало 31 августа, когда на срочном заседании Верховного Совета В.М. Молотов выступил с обоснованием только что подписанного договора². В речи, хотя и в довольно общей форме, были намечены некоторые контуры новой внешнеполитической линии страны. Нарком старательно избегал каких-либо слов о конкретных намерениях. Он обвинил Англию и Францию в их нежелании прийти к соглашению с Советским Союзом и высоко оценил подписанный договор с Германией.

Самым интересным в речи главы советского внешнеполитического ведомства была ее тональность в отношении Германии. От прежней антифашистской риторики уже не осталось и следа. Говорилось о большом вкладе подписанного договора в укрепление мира, о его значении для развития дружественных отношений между двумя крупнейшими странами Европы.

Известно, что в советской политической системе Верховному Совету отводилась декоративная и чисто представительская роль; никакого реального значения для выработки внутри- и внешнеполитического курса он не имел. Поэтому и его созыв 31 августа был чисто формальным актом, хотя некоторые основные тенденции можно было проследить и в заседаниях Верховного Совета.

1 сентября немецкие войска, используя надуманный предлог, вторглись на польскую территорию. На следующий день правительства Англии и Франции, ссылаясь на соглашение о гарантиях Польше, объявили Германии войну. Произошло то, что ожидали в Москве. Теперь советским лидерам предстояло определить линию поведения на близкую и более длительную перспективу. И фактически уже с 3 сентября начались практи-

ческие шаги Советского Союза в соответствии с положением, которое сложилось в результате договора с Германией и начала войны между Англией и Францией, с одной стороны, и Германией — с другой.

Мы отметили в качестве отправной даты 3 сентября, потому что, по некоторым данным, именно в этот день состоялось заседание Политбюро, на котором обсуждалась возникшая ситуация; судя по дальнейшим действиям, на этом заседании были даны инструкции различным ведомствам — Наркомату иностранных дел, Наркомату обороны, многим местным органам власти.

Но прежде чем говорить о первых шагах советского правительства, остановимся на некоторых общих проблемах, с которыми столкнулись руководители Советского Союза. В Москве должны были прежде всего определить, в каком направлении будут развиваться советско-германские отношения. Договор от 23 августа давал на этот счет общие ориентиры. Но после стольких лет антифашистской линии, которая пронизывала и политико-дипломатическую и идеологическую сферы, предстояло выработать новый курс в отношении Германии. Это касалось условий реализации советско-германского соглашения о кредитах и торговле, подписанного также в августе 1939 г. Однако главное было связано с политическими и идеологическими вопросами; необходимо было установить пределы и лимиты контактов с Германией, их направленность, сферы приложения и возможные результаты и последствия.

В качестве новых партнеров советских руководителей выступали лидеры нацистского режима, осуждаемые в мире за их фашистские эксперименты, которых советская пропаганда клеймила в течение многих лет. Следовало учитывать и то, что связи с Германией развивались не в вакууме, а во взаимодействии с другими странами в совершенно иной международной ситуации. Понимая планы и намерения Берлина, в Москве отдавали себе отчет в том, что Германия начала действовать и соответственно требовала от Москвы быстрых решений.

В этом общем раскладе особое место принадлежало идеологической сфере. В принципе перед советскими руководителями было несколько возможных путей действия. Можно было ограничить отношения в политической и экономической областях, не распространяя их на военную и идеологическую сферы. Сталин и его окружение не могли не понимать, что в условиях начавшейся войны во всем мире будут прежде всего интересоваться, какую позицию займет Советский Союз — станет ли он военным или политическим союзником Германии либо сохранит нейтралитет. Москва должна была решить для себя этот кардинальный вопрос. При этом важно установить, что в

советских планах было выражением истинных намерений, а что могло быть использовано для внешнего камуфляжа, для предъявления бывшим партнерам по летним переговорам и всей мировой общественности. Иными словами, речь шла о том, как в действительности предполагали строить советские лидеры отношения с Германией и что рассчитывали оставить в тайне от всего мира.

Следующий большой вопрос касался взаимоотношений с Англией и Францией. После многолетнего недоверия к лидерам в Лондоне и в Париже, особенно в связи с Мюнхенским соглашением и длительными переговорами летом 1939 г., теперь в Москве должны были решить, продолжать ли контакты с этими странами или прервать их. Здесь присутствовал и публичный аспект (информация в прессе, официальные заявления и т.п.) и возможные "закрытые контакты". Все это, несомненно, обсуждалось в Кремле, и необходимо было разработать конкретный план действий.

Но, пожалуй, самая сложная проблема, которая должна была решаться максимально быстро, состояла в том, как следует реализовывать тот секретный протокол, который прилагался к советско-германскому договору от 23 августа 1939 г. В целом договоренности между двумя странами о разделе сфер интересов были в какой-то мере неожиданными для Москвы и превосходили все прежние ожидания. Предстояло определить пути реализации этих договоренностей, причем применительно к каждой из указанных в протоколе территорий — к Польше, Румынии, странам Прибалтики и Финляндии с учетом возможной реакции указанных стран и других государств Европы и США.

Совершенно очевидно, что решение вставших проблем требовало довольно сложных и комплексных мероприятий различных ведомств и организаций. Хотя для советских лидеров вопросы морали и этических норм занимали второстепенное место, они не могли не учитывать того, что реализация секретного протокола затрагивала независимые суверенные государства, имеющие не только свои интересы, но и систему договоров и соглашений со многими государствами Европы и США.

Мы не имеем подробных документальных свидетельств, как проходило обсуждение этих проблем в советском руководстве в конце августа — первых числах сентября 1939 г. Нам лишь известно, что Политбюро дало поручение Наркоминделу подготовить необходимые соображения по всему комплексу возникших проблем. Судя по документам, возглавлял всю эту работу В.М. Молотов, именно он координировал действия различных ведомств и находился в постоянном контакте со Сталиным.

Параллельно с этим в первых числах сентября, точнее после 3 сентября в советские посольства за рубежом начали поступать инструкции из Центра, касающиеся оценки ситуации и содержащие указания о возможных действиях. В них не было ни слова о Польше, Прибалтике и т.п., но были первые признаки намерений в отношении Англии, Франции и других стран.

Следует особо подчеркнуть, что экстраординарность ситуации и необходимость принятия быстрых шагов накладывали отпечаток на процесс выработки решений. Определение общей линии шло одновременно с конкретными действиями, что взаимно дополняло и влияло друг на друга. В итоге в течение сентября были в основном определены контуры будущего внешнеполитического курса, который, однако, подвергался существенной модификации по мере развития событий в зависимости от поведения различных участников разворачивающейся драмы.

На процесс принятия решений в Москве оказывали влияние самые различные факторы — доктринальные установки, идеологические пристрастия и предубеждения, новая геополитическая ситуация в условиях войны, сложившаяся в результате образования враждующих империалистических группировок, "соображения обеспечения" безопасности, возрождающиеся имперские амбиции и устремления. В этот процесс было включено высшее партийное руководство, Наркоминдел и Наркомат обороны, органы НКВД, идеологический отдел Центрального Комитета партии и руководство Коминтерна, специально подключенное к обсуждению в самом начале сентября 1939 г. Как свидетельствует множество документов, в центре и на вершине всего этого процесса был Сталин. Именно он в конечном счете определял общее направление политики и конкретные шаги, участвовал в ключевых беседах с германским послом в Москве, с министрами стран Прибалтики и Финляндии, лично писал инструкции для Коминтерна, вел переговоры с представителями других стран и т.п.

Документы показывают также, что в выработке решений важная роль принадлежала В.М. Молотову и К.Е. Ворошилову. На различных этапах обсуждения привлекался А.А. Жданов, а также руководители ведомств и наркоматов, видные военные и партийные руководители страны. Но участие всех этих лиц носило больше консультативный характер. Реально все главные вопросы обсуждались узким кругом лиц без протоколов и стенограмм и решались Сталиным.

Если говорить о сентябре 1939 г., то основное, причем неотложное внимание в Москве было обращено на три вопроса — польские дела, советско-германские отношения, срочная подготовка предложений по реализации секретного протокола применительно к странам Прибалтики и Финляндии. Парал-

тельно формировались общетеоретические основы нового курса, затронувшего и деятельность Коминтерна.

Анализируя совокупность названных фактов, можно проследить, как шло становление нового советского внешнеполитического курса.

* * *

Сразу же после подписания советско-германского договора вся мировая печать была заполнена откликами и комментариями. В основном газеты и журналы Англии, Франции, США, Швейцарии, Скандинавских стран весьма негативно оценивали это событие, увидев в нем "сговор нацистской Германии с большевистским режимом", осуществленный за спиной "западных демократий". В отдельных публикациях делались намеки на существование каких-то дополнительных договоренностей между Москвой и Берлином, касающихся Польши и других стран. Но все это были лишь домыслы и предположения.

Гораздо важнее была официальная реакция западных держав. 23 августа 1939 г. немедленно после получения известий о подписании пакта в Париже состоялось заседание военного кабинета министров. Премьер-министр Даладье так определил повестку дня:

1. Может ли Франция, не реагируя, просто присутствовать при исчезновении с карты Европы Польши и Румынии.
2. Какие меры она может предпринять в целом, чтобы этому воспрепятствовать.
3. Что может быть сделано немедленно.

По первому вопросу докладывал министр иностранных дел Ж. Боннэ. Надо, заявил он, как минимум подождать. Подчеркнув важность вопроса о судьбах Польши и Румынии, Боннэ также отметил значение позиции Турции и опасность нападения на Балканские страны. В заседании приняли участие представители военного руководства Франции.

В итоге было сказано, что Франция не имеет выбора: единственное решение состоит в сохранении обязательств перед Польшей, которые предшествовали переговорам с Советским Союзом летом 1939 г.³ Как видно, не имея никакой информации о секретных приложениях к пакту, французские официальные лица понимали, что судьба Польши и Румынии могла обсуждаться при советско-германских переговорах. Столь же выжидательной была и позиция британского кабинета⁴.

Ситуация кардинальным образом изменилась после 1 сентября и начала немецкого наступления против Польши. 2 сентября французский посол в Москве Пайар срочно встретился с Молотовым и спросил, сохранится ли в этих условиях француско-советский пакт о взаимопомощи⁵. Аналогичный вопрос

Пайар задал в тот же день заместителю наркома В.П. Потемкину⁶. При этом он выразил сожаление в связи со столь резким поворотом во внешней политике Советского Союза. Характерно, что руководители советского внешнеполитического ведомства избегали прямых ответов на поставленные вопросы и ограничивались словами, что Англия и Франция должны принять на себя ответственность за неудачу попыток достичь советско-англо-французского соглашения⁷. На следующий день в телеграмме полпреду в Турции А.В. Терентьеву В.М. Молотов повторил ту же аргументацию и просил довести ее до сведения турецких властей⁸.

9 сентября советский посол в Бельгии Е.В. Рубинин телеграфировал в Москву, что он получает из разных источников информацию о наличии "секретного" советско-германского соглашения, предусматривающего военное сотрудничество. Рубинин сообщал, что он повторяет слова Молотова и просит "не искать в советско-германском договоре того, чего там нет"⁹.

В те же дни советский посол в Париже Я.З. Суриц направил в Москву две обстоятельные телеграммы. В них говорилось о настроениях в правительственных и военных кругах Франции. По его мнению, французский генштаб не ожидал таких быстрых немецких успехов в Польше, но считает, что рано или поздно Америка вступит в войну на стороне Антанты и война будет доведена до победы. Однако единственным фактором, способным изменить соотношение сил, является позиция Советского Союза. Разброс мнений во французских политических кругах очень широк. Французский посол в Германии Кулондр привез из Берлина известие, что между Москвой и Берлином (с согласия Рима) имеется уже полная договоренность и заключено секретное соглашение о разделе Польши или о едином дипломатическом фронте. Другие считают, что эти разговоры преувеличены и что Советский Союз будет проводить свою политику нейтралитета с уклоном в сторону Германии. Меньшинство (в основном среди "левых") допускает возможность, что если Германия зарвется в Польше, то СССР может даже выступить против нее. По словам посла, все серьезные политики сходятся во мнении, что нельзя давать волю чувствам, нужно считаться с фактами и не игнорировать СССР¹⁰.

В другом послании Суриц снова пишет, что существует "большой пессимизм" в отношении советской позиции. По мнению некоего французского деятеля, в правительстве считаются с возможностью оккупации Советским Союзом части Польши и что в этом случае французские гарантии Польше будут действовать и против СССР. Прессе и радио дано указание более осторожно высказываться в отношении СССР. Вчера радиодцензура "получила взбучку за допуск слишком резкого выступления против СССР посла Клоделя"¹¹.

Данные французского дипломатического архива подтверждают эту оценку. Французское правительство не хотело обострять ситуацию и занимало выжидательную позицию.

Сходной была линия и британского кабинета. По данным советского посла И.М. Майского, британское правительство также придерживалось осторожной позиции. А известный английский политик Ллойд Джордж в беседе с советским послом резко критиковал премьера Чемберлена, считая, что тот продолжает мюнхенскую политику и готов "договориться с Гитлером". Но такая линия не сможет быть реализована из-за германских appetitов и настроений британской общественности. Ллойд Джордж солидаризировался с той частью речи Молотова, в которой он критиковал английских политиков за провал тройственных переговоров летом 1939 г.¹²

Сопоставляя различные советские документы с материалами из британских и французских архивов и с документами Госдепартамента США, можно прийти к выводу, что общая линия стран Антанты и их союзников и партнеров в первой половине сентября 1939 г. была осторожно выжидательной.

И хотя, как известно, Англия и Франция, следуя данным ранее гарантиям Польше, объявили 3 сентября войну Германии, ни в одном документе французского и британского правительств и военных не было даже намека на принятие каких-либо военных мер против Германии и оказания реальной помощи Польше. Складывалось впечатление, что гарантии Польше ограничивались словесными заявлениями, декларацией об объявлении войны и не предполагали конкретных действий в ином направлении. Франция не отправила ни одного солдата к германской границе. Англия не объявила о военном призыве резервистов. Все те военные выкладки, которые делались в ходе московских переговоров английскими и французскими представителями, не были подкреплены конкретными шагами.

Советско-германский пакт вызвал огромный резонанс не только у основных участников международных событий, но практически во всех регионах и странах мира. Отметим лишь крайне озабоченную и нервную реакцию в странах Северной Европы. Она может быть свидетельством позиции малых государств.

В этом плане любопытны отклики в Швеции. Как писала в своих дневниках бывший советский посол в Швеции А.М. Коллонтай, подписание пакта было совершенно неожиданным для Запада и вызвало шок. "Вся подготовка этого важнейшего события ускользнула от разведки великих держав Запада и от их пронырливых журналистов"¹³. Еще не имея никакой подробной информации о сущности договора, бельгийский посланник в Стокгольме говорил советскому послу уже 24 августа 1939 г.: "И вы, Советский Союз, покидаете нас, малые страны, на про-

извол Гитлера. А мы так радовались вашему сближению с Англией и Францией. Мы так надеялись на вашу политику укрепления мира"¹⁴. Через несколько дней член кабинета министров Швеции Г. Меллер говорил, что договор СССР с Берлином подорвал симпатии и доверие к СССР широких рабочих масс"¹⁵.

Основные комментарии Запада сводились к прогнозам относительно способности Польши к сопротивлению и к предположениям о возможной позиции Советского Союза в связи с быстрым германским продвижением по польской территории.

Значение информации, получаемой в Москве, состояло в том, что советские руководители как раз в эти дни были заняты выработкой долгосрочной и немедленной реакции на происходящие события. Как показывает дальнейший ход событий, они учитывали позицию Англии и Франции и их возможную реакцию на советские действия, главным образом в отношении Польши. Лондон и Париж прежде всего стремились прояснить возможные намерения Москвы, получить информацию о характере и степени договоренностей СССР с Германией и, может быть, получить какие-либо заверения о сохранении контактов СССР с его прежними партнерами по летним московским переговорам.

Судьба Польши

Польские события в сентябре 1939 г. освещаются практически во всех книгах и статьях, посвященных истории Второй мировой войны и истории международных отношений XX в. В историографии Англии, Франции, США, ФРГ они, как правило, трактовались как новый раздел Польши между Германией и Советским Союзом. Подобная оценка вписывалась в общую интерпретацию советско-германских отношений после заключения пакта от 23 августа 1939 г., согласно которой Гитлер и Сталин, национал-социализм и коммунизм рассматривались в одном ряду¹⁶. Советская политика и особенности тактики Кремля в польских событиях сентября 1939 г. глубоко не изучались, им давалась лишь общая негативная оценка.

В то же время советская историография полностью оправдывала действия СССР, концентрируя внимание на историческом значении воссоединения Западной Украины и Западной Белоруссии с украинским и белорусским населением Советского Союза. Поскольку в советской исторической литературе не признавалось существование секретных протоколов к советско-германскому пакту, то и любые намеки на какие-либо договоренности Москвы с Берлином, в том числе и касающиеся Польши, в ней не фигурировали.

Разумеется, наибольшее число работ по этому вопросу создавалось в Польше. Но в "социалистической Польше" историография в основном мало чем отличалась от советской.

Ситуация полностью изменилась после 1988 — 1991 гг. После признания в СССР и в России секретных протоколов к пакту Молотова — Риббентропа, их официального осуждения в 1989 г. и общей критики сталинизма в историографии начало меняться и освещение событий 1939 — 1941 гг. Соответственно, это сказалось и на освещении польских событий¹⁷. Во многих трудах, изданных в 90-е годы, говорилось о новом разделе Польши, осуждались репрессии против польского населения, особенно в связи с оценками так называемого катынского дела. Однако в условиях отчетливой поляризации общественного мнения и различных позиций историков вышло немало трудов, в которых советские действия в Польше в сентябрьские дни 1939 г. оцениваются лишь как воссоединение украинского и белорусского народов и в общем контексте мер по обеспечению безопасности страны.

В западной историографии в 90-е годы XX в. оценки событий 1939 — 1941 гг. практически не изменились. Можно отметить лишь явное общее снижение интереса к польским событиям того времени.

Известной компенсацией может служить резко возросшая активность и польской общественности и польской исторической науки. Во многих трудах, изданных в Польше в последние 10 — 15 лет, содержатся резкая критика политики Германии и СССР в отношении Польши и, как правило, заявления об их равной ответственности за случившееся с Польшей осенью 1939 г.¹⁸ Несмотря на наличие уже опубликованных советских документов, в том числе и архивных, которые позволяют подробно проанализировать советские намерения и действия, польские авторы, как, впрочем, и историки стран Запада, предпочитают писать о них в общем осуждающем плане без детального рассмотрения.

Все эти обстоятельства дают дополнительное основание для более подробного освещения целей и конкретных действий советского руководства, что характерно для некоторых трудов российских историков, опубликованных в 90-е годы.

* * *

Итак, 1 сентября 1939г. германские войска вторглись на польскую территорию; вслед за этим Англия и Франция, следуя соглашениям о гарантиях Польше, объявили войну Германии. Уже 3 сентября германские политики и военные начали массивный нажим на Москву, настаивая на немедленном военном наступлении Советского Союза на Польшу¹⁹.

Польша всегда была чувствительным и раздражающим фактором в международной политике Советского Союза. Не говоря уже о трагических событиях многовековой истории, связанной с разделами Польши и др., в XX столетии было накоплено много "горючего материала" в советско-польских отношениях. Эхо советско-польской войны, после которой к Польше отошли территории, населенные украинцами и белорусами, постоянно давало о себе знать, что усугублялось прозападной ориентацией Варшавы, которую Сталин постоянно обвинял в антисоветских намерениях. Именно отказ Польши согласиться на возможность пропуска советских войск через ее территории стал главным препятствием на советско-англо-французских переговорах в Москве в июле – августе 1939 г.

Намерения Германии после ее нападения на Польшу были вполне очевидны. Нацистское руководство мало считалось с реакцией общественного мнения, но в складывающейся обстановке ему было крайне выгодно привязать Советский Союз к своим действиям в Польше, тем самым сделав его соучастником антипольской операции и еще больше противопоставив Англии и Франции.

Предложив Советскому Союзу столь выгодное соглашение о разделе сфер влияния, названное в протоколе "разграничением сфер интересов", Гитлер требовал теперь за это плату в виде немедленного движения советских войск в Польшу до линии разграничения. В Берлине, несомненно, отдавали себе отчет о том резонансе, который вызовет в мире фактически новый раздел Польши, и понимали ту ситуацию, в которой окажется советское руководство. Когда Гитлер, по отзывам современников, пришел в восторг, услышав известие о завершении московских переговоров Риббентропа, он ясно представлял себе те сети, в которые загонял Советский Союз, и, видимо, поэтому не скупился на обещания в определении советской сферы влияния.

3 сентября Гитлер встретился с советским послом в Берлине А.А. Шкварцевым и заверил его, что Германия полностью выполнит свои обязательства по договору и в результате успешной войны будет ликвидировано положение, созданное Версальским договором, а СССР и Германия установят границы, существовавшие до Первой мировой войны²⁰. В тот же день немецкая газета "Франкфуртер Цайтунг" в передовой статье, озаглавленной "Гитлер и Молотов", написала: "Необходимость установить новый порядок в большом пространстве Восточной Европы и устранить там в будущем опасность конфликтов стала задачей, к которой Германия и Советская Россия подходят с общих точек зрения"²¹.

3 же сентября Риббентроп направил специальную памятную записку немецкому послу в Москве Шуленбургу, в кото-

рой откровенно изложил позицию Германии. "Мы определенно рассчитываем, — писал Риббентроп — окончательно разгромить польскую армию в течение нескольких недель. Затем мы будем удерживать под военным контролем ту территорию, которая была определена в Москве как сфера германских интересов. Естественно, однако, что мы будем вынуждены по причинам военного характера продолжать боевые действия против тех польских вооруженных сил, которые будут находиться в тот момент на польской территории, принадлежащей к сфере русских интересов". Германский министр просил немедленно обсудить этот вопрос с Молотовым и выяснить, не считает ли Советский Союз желательным, чтобы русские вооруженные силы выступили в соответствующий момент против польских вооруженных сил в районе сферы русских интересов и со своей стороны оккупировали бы эту территорию. По нашему мнению, заключил Риббентроп, это было бы не только облегчением для нас, но также соответствовало бы духу московских соглашений и советским интересам²².

Шуленбург довел содержание этой записки до сведения Молотова.

4 сентября главнокомандующий немецкими сухопутными силами генерал Браухич встретился в Берлине с советским военным атташе в Германии М.А. Пуркаевым. Браухич сообщил, что германская армия наступает в соответствии с планом на польскую территорию и что до Варшавы остается всего 100 км. В связи с этим он спросил Пуркаева, будет ли разоружена польская армия при ее отходе за линию разграничения в направлении к границам Советского Союза²³. Браухич добивался ответа, желая знать о военных намерениях Советского Союза.

Судя по намекам германского генерала, немцы не просто оказывали давление, но использовали некое подобие шантажа, давая понять, что в случае задержки с наступлением Красной Армии немецкие войска могут вступить на территорию, зафиксированную как зона советских интересов. Москва оказалась в положении, когда надо было определиться в условиях настойчивого давления со стороны Германии.

Вопрос приобрел для СССР принципиальный смысл. По мнению британского историка Дж. Хаслэма, требовалось время, чтобы перебросить подразделения Красной Армии из Сибири в европейскую часть страны²⁴. Такой вопрос действительно существовал, но представляется, что речь шла о соображениях больше политических, чем военных.

Учитывая тот факт, что пакт с Германией был в значительной мере неожиданным для Сталина, в Москве соответственно не было какого-либо продуманного плана действий. Видимо, в период после его подписания и до начала сентября советское

руководство обсуждало вопрос о долгосрочной политике и конкретных действиях. На это косвенно указывают сведения об инструкциях, которые получили сотрудники Наркоминдела в первых числах сентября, предусматривавших подготовку договоров со странами Прибалтики и Финляндии.

По отношению к Польше в те первые дни сентября 1939 г. в Москве вели более тонкую игру. Советские лидеры (и, видимо, такая тактика была выработана в самом конце августа — начале сентября) не хотели выглядеть воюющим союзником Германии и соучастником очередного раздела Польши. При этом в Москве учитывали общественное мнение, причем не только мировое, но и настроения внутри страны. Это отметил в одной из своих телеграмм такой проницательный дипломат, как германский посол Шуленбург. Пытаясь, видимо, несколько сдерживать нетерпение германских правящих кругов, посол писал, что в течение нескольких лет благодаря усилиям пропаганды, направленной против Германии как агрессора, население СССР было озабочено угрозой войны. Это сильно повлияло на его настроение. Внезапное изменение советской политики еще не полностью понятно. Далее Шуленбург сообщал:

“Советское правительство делает все, чтобы изменить позицию населения и отношение к Германии. Пресса трансформирована.

Атака на поведение Германии не только полностью прекратилась, но освещение политики Германии основано теперь на ссылках на отчеты германских новостей; антигерманская литература удалена из книжных магазинов...

Начало войны между Германией и Польшей сильно подействовало на общественное мнение и подняло новые страхи, что Советский Союз может быть втянут в войну.

Недоверие, годами насаждаемое пропагандой и неоднократно выражаемое на собраниях на заводах и т.д., не может быть столь быстро преодолено. Существует страх, что Германия, разгромив Польшу, может повернуть и против Советского Союза. Воспоминание о германской мощи в первой мировой войне еще живо повсюду.

Следует понять, с учетом советских условий, что советское правительство всегда обладало мастерским умением оказывать влияние на настроение населения в желаемом для него направлении и в современных условиях правительство также не отрицает необходимости осуществления пропагандистских мероприятий”²⁵.

Как показали дальнейшие события, в Москве не хотели полностью закрывать двери для контактов с Англией и Францией, также создавая впечатление, что Советский Союз ведет свою игру. К тому же содержание секретного протокола было неизвестно для всего мира и формально никто не мог обвинить СССР в сговоре с Германией за счет стран Восточной Европы.

В Москве, конечно, предвидели неблагоприятную реакцию в мире на вступление советских войск в Польшу и, видимо, ста-

рались уменьшить возможное негативное восприятие советской политики. 5 сентября Молотов встретился с Шуленбургом и ответил на записку Риббентропа:

"Мы сознаем, что в подходящий момент обязательно нам придется начать конкретные действия. Но мы считаем, что этот момент пока еще не назрел... Нам кажется, что торопливостью можно испортить дело и облегчить сплочение противников. Мы понимаем, что в ходе операции одна из сторон или обе стороны могут оказаться вынужденными временно переступить линию соприкосновения интересов обеих сторон, но такие случаи не могут помешать точному выполнению принятого плана"²⁶.

В таком же духе ответил Браухичу в Берлине и советский военный аташе²⁷. Очевидно, что эти ответы отражали решения, принятые в Кремле.

Во время очередной встречи с Шуленбургом 10 сентября Молотов был более откровенен и фактически изложил реальный смысл советской позиции. По его словам, столь быстрые военные успехи германской армии явились неожиданными для советского правительства. В соответствии с расчетами Красная Армия предполагала начать действовать через несколько недель, а теперь речь идет о нескольких днях. Советские военные власти поэтому оказались сейчас в трудном положении, поскольку им требуется две — три недели для подготовки. Около 3 млн человек уже мобилизованы.

Шуленбург объяснил Молотову, что быстрые действия Красной Армии крайне необходимы. Молотов в ответ повторил, что делается все возможное²⁸, и перешел к политической стороне дела: советское правительство намеревается заявить, что в результате наступления немецких войск Польша перестает существовать и поэтому СССР должен прийти на помощь украинцам и белорусам, которым угрожает Германия. Такой аргумент будет понятен массам и в то же время позволит избежать представления о Советском Союзе как об агрессоре.

Эта линия, по мнению Молотова, была "заблокирована" вчерашним заявлением в Германии, в котором со ссылкой на генерала Браухича говорилось: "Больше нет необходимости в германских военных действиях на восточных границах Германии, и это создает впечатление, что германско-польское перемирие было необходимо; если, однако, Германия заключит это перемирие, Советский Союз может не начать военных действий". Шуленбург, сообщая в Берлин об этой встрече, заявил, что это заявление соответствует фактам²⁹.

Через два дня — 12 сентября Шуленбург вновь встретился с Молотовым. Немецкий посол сказал, что получил от пресс-департамента МИД Германии информацию. Из нее следует, что заявление, упоминаемое Молотовым, неправильно интерпретируется Советами, в частности, в нем не говорится о переми-

рии. По словам Шуленбурга, Молотов больше не возвращался к этому вопросу³⁰.

На следующий день 13 сентября Риббентроп опять обратился к этой теме в телеграмме Шуленбургу. Поскольку становится очевидным, писал он, что "великая битва в Польше" подходит к концу, мы должны дать Красной Армии информацию о польской армии. "Но даже теперь я прошу Вас информировать Молотова, что его замечание относительно заявления Браухича основано на полном недоразумении. Это заявление направлено исключительно на то, чтобы создать исполнительную власть на старых территориях Рейха, существовавшую до начала военных действий Германии против Польши и не имеет в виду никакого ограничения наших военных операций к востоку от бывших польских территорий. Не существует никакого вопроса о заключении немедленного перемирия с Польшей"³¹.

Все эти встречи, обмен посланиями между представителями Германии и СССР, а также конкретные события позволяют довольно ясно раскрыть сущность советской политики в первой половине сентября 1939 г. В результате интенсивных обсуждений в Кремле выработали определенную позицию в отношении Германии и бывших партнеров Советского Союза по переговорам и в вопросе о реализации секретного протокола, подписанного 23 августа³².

Выше отмечалось, что Молотов в беседе с Шуленбургом сказал о призыве в армию 3 млн человек. 16 сентября на заседании Политбюро рассматривался вопрос о работе политуправлений Киевского и Белорусского особых военных округов и т.д.³³ Москва комплектовала вооруженные силы и принимала меры в отношении готовности армии на западной границе. Одновременно велась усиленная политико-идеологическая работа с целью обоснования ввода войск в Польшу. По поручению Политбюро составлялись пространные записки о государственном устройстве Польши, о ее национальном составе, экономике, вооруженных силах и т.п.³⁴ В директиве наркома обороны К.Е. Ворошилова от 9 сентября перед военными ставились конкретные задачи по действиям в Польше³⁵.

Одновременно советское руководство явно не желало представить Советский Союз воюющим союзником Германии и участником наравне с немцами оккупации и раздела Польши. Из слов Шуленбурга и намеков Молотова с очевидностью вытекало, что в Кремле учитывали и внутренний фактор и сильные антигерманские настроения. При всей монолитности советского строя и возможностей пропаганды руководство понимало необходимость проведения определенных мер, чтобы население уяснило смысл поворота во внешнеполитическом курсе страны.

Для этого требовалось время. Поэтому, видимо, было решено заявить о необходимости прийти на помощь украинцам и белорусам, "страдающим многие годы под игом польской буржуазии и помещиков и теперь рискующим подпасть под господство Германии". Именно такое объяснение обеспечивало поддержку советским акциям внутри страны, позволяя апеллировать к национальным чувствам и настроениям братской солидарности.

Этот же аргумент был приемлем и в международном плане. Для всего мира он выглядел как защита народов от агрессора, что позволяло внешне как бы дистанцироваться от Германии. Понимая, что Англию и Францию очень беспокоит вопрос, не станет ли Советская Россия германским союзником, советские лидеры уже на этой подготовительной стадии употребляли слова "советский нейтралитет". Именно в таком духе были составлены инструкции из Москвы советским послам в различных странах Европы. Следуя им, например, А.М. Коллонтай, пытаясь опровергнуть мнение шведских деятелей, что Москва и Берлин собираются поделить между собой весь мир и что "расчленение Польши — это первый шаг", заявляла: соглашение с Германией имеет "целью не совместную агрессию, а именно обуздание агрессивных планов Гитлера", и в Белоруссии мы уже даем отпор завоевательным планам Гитлера"³⁶. Этот аргумент постоянно присутствовал в беседах советских представителей за рубежом, свидетельствуя о том, что он был утвержден в Москве.

Наконец, в стране была начата пропагандистская кампания с целью полного прекращения критики Германии, а значит, и антифашистских лозунгов и идей. Таковы были первые советские шаги после заключения пакта с Германией и секретного протокола.

В Москве готовились к польскому походу. Впервые после 1920 г. Советская Россия собиралась двинуть войска за пределы своих границ, да еще в такой чувствительный регион, каким на протяжении многих веков была Польша.

Подробно Сталин объяснил цели и намерения Советского Союза в отношении Польши позднее, 27 сентября 1939 г. на очередной встрече с Риббентропом в Москве. Обращаясь к событиям начала сентября, Сталин сказал: "Было два варианта решения польского вопроса — первый осуществить раздел Польши, что было бы неудобно; второй — оставить за немцами этническую Польшу (там живет 4 млн поляков, а население Литвы всего 2 млн). Германия делает хороший гешефт, так как люди — это самое важное, что можно получить". Что касается Советского Союза, то речь шла о приобретении территорий, населенных украинцами и белорусами. Касаясь намеков на

возможные претензии Германии на некоторые территории, населенные украинцами, Сталин жестко заметил: "Моя рука никогда не шевельнется, чтобы потребовать от украинцев такую жертву"³⁷.

16 сентября на очередной встрече с Шуленбургом Молотов сказал, что советские операции начнутся сегодня или в крайнем случае завтра. В те сентябрьские дни Молотов встречался с немецким послом почти ежедневно; судя по документам, очень часто в этих беседах участвовал и Сталин. Шуленбург упомянул и о своих телефонных разговорах со Сталиным. Очевидно, советские лидеры рассматривали эти события как ключевые в плане реализации секретного протокола к пакту.

Что касается немецкой стороны, то и для нее вопрос о вступлении советских войск в Польшу имел в тот момент весьма важный смысл. Еще 15 сентября накануне упомянутой встречи с Молотовым Шуленбург получил секретную телеграмму из Берлина от Риббентропа. В ней сообщалось:

Разгром польской армии быстро приближается к завершению. Мы рассчитываем оккупировать Варшаву в течение нескольких дней. Мы уже сообщали советскому правительству, что считаем себя связанными соглашением о разделении сфер влияния с Москвой и вне чисто политических операций и имея в виду будущие отношения. Из сообщений, сделанных Вам Молотовым, стало ясным, что советское правительство уже готово начать военные операции, что мы приветствуем".

Немецкий министр повторил свои прежние намеки, что поддержка с советским вмешательством создает вакуум к востоку от германской зоны влияния. Немецкая сторона не собирается делать что-либо на этой территории, если этого не потребуют военные операции. И далее Риббентроп впервые поднимает вопрос о желательности опубликования совместного советско-германского коммюнике для того, чтобы, по его словам, поддержать продвижение Красной Армии.

Немецкий министр предложил свой вариант такого коммюнике. Он гласил:

"Ввиду очевидного раскола среди национальностей, проживающих на территории бывшего польского государства, Правительство Рейха и Правительство СССР считают необходимым покончить с теми нетерпимыми политическими и экономическими условиями, которые существуют на этих территориях.

Они считают своей общей задачей восстановить мир и порядок в их естественных сферах влияния и достичь этого нового порядка созданием естественных границ и жизнеспособных экономических организаций"³⁸.

Предлагая текст этого коммюнике, Риббентроп сослался на слова Молотова о том, что советское вмешательство имеет целью защитить украинское и белорусское население от угрозы со стороны Германии. "Действительно, — писал немецкий ми-

нистр, — такое объяснение выдвигалось Москвой, видимо, конечно, в порядке зондажа. Такая формулировка, конечно, в наибольшей степени устраивала бы Москву в глазах мировой общественности, да и советского общественного мнения". Но германский министр отвергает подобный мотив, заявляя, что он "противоречит истинным немецким намерениям, которые имеют единственную цель — "реализацию хорошо известных германских жизненных интересов". Такие советские формулы противоречили бы, по мнению немецкой стороны, стремлениям к дружеским отношениям между двумя странами и представляют оба государства врагами в глазах всего мира³⁹.

Учитывая заинтересованность в начале советских операций, немецкий министр просит сообщить ему день и час начала наступления советской армии и выражает пожелание осуществить необходимую координацию действий военных представителей обеих сторон, предлагая начать переговоры по этим вопросам в г. Белостоке⁴⁰. Как видим, немецкая сторона продолжала оказывать давление на Москву. Она отвергала советские объяснения о необходимости защиты украинских и белорусских земель от Германии и настаивала на начале сотрудничества военных представителей.

Совершенно очевидным были советские намерения избежать обвинений в союзе и соучастии вместе с Германией в разделе Польши. Поэтому для Советского Союза было явно нежелательно упоминание в объединенном коммюнике слов "о естественных сферах влияния" обеих стран.

На следующий день Молотов уведомил Шуленбурга о начале вступления советских войск в Польшу. В тот же день была опубликована статья в "Правде", которая служила пропагандистским обоснованием начинающихся акций.

Дискуссии между СССР и Германией вокруг советского объяснения своего вступления в Польшу продолжались в течение нескольких дней. 16 сентября на встрече с Шуленбургом Молотов сообщил, что в настоящий момент Сталин проводит совещание с военными, и после него, вероятно, уже ночью станет известен день и час советского наступления⁴¹.

Что касается совместного коммюнике, то Молотов вообще выразил сомнение в его необходимости. Советский Союз намерен объяснить свои действия тем, что Польское государство распалось и больше не существует и что поэтому все прежние договоры, заключенные Польшей, потеряли силу; что третьи страны могут попытаться использовать эту ситуацию, чтобы создать хаос, и в этих условиях советское правительство считает себя обязанным вмешаться, чтобы защитить украинцев и белорусских братьев и дать им возможность мирного развития.

Молотов согласился уступить и убрать из предполагаемого советского заявления в связи с вступлением войск в Польшу те места, которые кажутся для немцев наиболее чувствительными, но в то же время просил учесть "трудную ситуацию для советского правительства". "Советское правительство, к несчастью, не видит других возможностей для мотивации своих действий, так как СССР имеет родственные обязательства перед национальными меньшинствами в Польше и должен оправдать в других странах тем или иным путем свое нынешнее вмешательство в польские дела".

В заключение Молотов поднял вопрос о судьбе г. Вильно; СССР хотел бы избежать столкновения с Литвой и просил сообщить мнение немцев о судьбе Вильно и о том, кто должен занять этот город⁴².

Итак, приведенные документы показывают, что Москва не хотела выглядеть соучастником раздела Польши вместе с Германией; наилучшим объяснением своих действий она считала необходимость защиты украинского и белорусского населения⁴³. При этом отправной точкой была констатация того, что Польское государство фактически перестало существовать.

Конечно, наиболее благоприятным для Москвы были бы упоминания о защите украинцев и белорусов от немецкой угрозы, но для Германии это было неприемлемо. Молотов попытался поставить под сомнение необходимость совместного коммюнике в принципе, ибо для советских лидеров было бы лучше вообще не делать никаких совместных с немцами заявлений по польским делам. Но германская сторона настаивала, и в итоге в Москве подготовили свой вариант коммюнике. Судя по запискам Шуленбурга, Сталин лично занимался редактированием документа.

17 сентября в 3 часа дня из Берлина по телефону в немецкое посольство был передан проект совместного коммюнике⁴⁴. Это был в основных чертах тот самый проект, который упоминался выше и который уже был известен в Москве. Шуленбург передал проект Молотову на одобрение, который заявил, что он должен проконсультироваться со Сталиным. Молотов соединился со Сталиным по телефону и зачитал ему текст. Сталин заявил, что коммюнике может быть сделано, но поскольку в нем "факты излагаются слишком откровенно", он сам напишет новый проект и направит его германскому правительству.

18 сентября в 12 час. 30 мин. этот советский проект поступил в посольство и тотчас был отправлен в Берлин⁴⁵. В тот же день из Берлина сообщили, что текст коммюнике одобрен и в таком виде оно должно быть напечатано в газетах⁴⁶. В 2 часа ночи Берлин известил о том, что текст будет опубликован в вечерних немецких газетах⁴⁷.

Данная информация была немедленно доложена Молотову и двумя часами позднее текст коммюнике появился на телетайпах и был передан по германскому радио. В свою очередь, немцы очень интересовались публикациями коммюнике в Советском Союзе. Из посольства сообщили, что в воскресенье (а 18 сентября был выходной день) советские газеты не выходят, но заверили, видимо, после консультации с Наркоминделом, что коммюнике будет передано по советскому радио после 4 часов дня⁴⁸.

В итоге текст коммюнике, названный Шуленбургом "Сталинским проектом", гласил следующее:

"Во избежание всякого рода необоснованных слухов насчет задач советских и германских войск, действующих в Польше, правительства СССР и Германии заявляют, что действия этих войск не преследуют какой-либо цели, идущей вразрез интересам Германии и России и противоречащей духу и букве пакта о ненападении, заключенному между СССР и Германией.

Задача этих войск, наоборот, состоит в том, чтобы восстановить в Польше порядок и спокойствие, нарушенные распадом Польского государства, и помочь населению Польши переустроить условия своего государственного существования"⁴⁹.

Вся история с подготовкой и публикацией советско-германского коммюнике довольно интересна. В Москве прежде всего отвергли всякие ссылки на то, что в немецком проекте обозначены "сферы интересов" двух держав; Сталин провел идею о распаде Польского государства и убедил немцев согласиться на весьма расплывчатый и общий характер коммюнике, из которого нельзя было официально сделать вывод о каком-либо соглашении между двумя державами в отношении Польши.

Затягивая с походом на Польшу, советские лидеры смогли избежать обвинений в том, что они вместе с немецкими лидерами планировали ее раздел. Москва давала понять, что действия СССР обусловлены разгромом Польши немецкими войсками, которые приближаются к линии раздела сфер интересов. И в дальнейшем они неоднократно повторяли, что Польское государство перестало существовать (подразумевалось, по вине Германии), и именно этим как бы объяснялось вступление советских войск в Польшу.

Не получив согласия немцев на упоминания о судьбе украинского и белорусского населения на территории Польши, Москва с лихвой компенсировала это содержанием своего собственного пространного заявления, опубликованного в СССР и переданного за границу, объясняющего цели и причины ввода советских войск на польскую территорию. Здесь идея этнической братской солидарности и необходимость защитить интересы украинцев и белорусов разъяснялась подробно и про-

странно; собственно, она была в центре заявления СССР. И хотя, учитывая немецкие резкие заявления, в Москве не решились даже намеком упоминать о необходимости защиты украинцев и белорусов перед лицом немецкого наступления, при желании такой вывод можно было бы сделать из объяснения причин советской военной акции.

Задержка с вступлением Красной Армии в Польшу и история с подготовкой совместного советско-германского комюнике показывали, что в первой половине сентября 1939 г. Москва вела свою линию в трактовке советско-германского пакта и секретных протоколов; она стремилась не быть воюющим союзником Германии, как бы дистанцируясь от нее даже в совместных действиях против Польши. В Кремле явно хотели сохранить лицо в глазах мирового общественного мнения, успокоить правительства Англии и Франции и одновременно найти пропагандистское обеспечение своих действий в глазах населения Советского Союза. В то же время демонстрировалось начало реализации той политики, которая вытекала из договора с Германией и прежде всего из секретных приложений к нему.

В отношении польских территорий, занятых Германией, последовали репрессивные меры эсэсовцев и карательных органов. Декретом Гитлера от 8 октября Польское государство объявлялось ликвидированным. Познанское, Поморское, Силезское, Лозинское воеводства, часть Варшавского и Кемцкое были объявлены немецкими областями. На остальных оккупированных территориях создавались генерал-губернаторства. Польшу опутала сеть концлагерей, в их числе Освенцим и др., в которых беспощадно уничтожалось польское и еврейское население. Гитлеровцы разрушили польскую экономику и культурные ценности⁵⁰.

17 сентября 1939 г. советское правительство обнародовало ноту, в которой объявило о походе Красной Армии в Польшу. Главным объяснением этого шага было желание защитить украинское и белорусское население. В заявлении не упоминались германские войска, которые стремительно двигались по территории Польши и приближались к той зоне, которая входила в сферу советских интересов.

В ноте также подчеркивалось, что Польское государство фактически перестало существовать. Эта же мысль преваляровала и в контактах советских представителей с польскими официальными лицами. Когда польский посол в Советском Союзе посетил 19 сентября заместителя наркома иностранных дел В.П. Потемкина и просил выдать всем сотрудникам дипломатической миссии одну общую визу, последний жестко заявил, что "польский посол может рассматриваться как частное лицо, так

как Польского государства, посольства и консульства уже не существует", и что возможное содействие будет оказываться лишь в частном порядке⁵¹.

Польское правительство, в том числе и те его министры, которые уже покинули Польшу, не объявило войны СССР; поэтому советские войска, перешедшие польскую границу, не встречали большого сопротивления и в течение нескольких дней уже приближались к той линии раздела сфер интересов и влияния, которая была определена по секретному протоколу.

Официальное объявление о том, что Польша как самостоятельное государство перестало существовать, облегчало советским лидерам простое включение ее восточных областей в состав СССР без формальностей. На заседании Политбюро ЦК в конце сентября уже рассматривались вопросы строительства железнодорожной сети на территории Западной Украины и Западной Белоруссии⁵². Тогда же Политбюро приняло решение о строительстве автомобильной дороги Новгород-Волынский — Львов⁵³.

К 30 сентября войска Красной Армии заняли территорию Польши, отведенную Советскому Союзу по секретному протоколу. СССР официально объявил о своих потерях — 735 убитых и 1862 раненых⁵⁴.

Уже очень скоро — 1 октября, т.е. спустя всего две недели после перехода советских войск через польскую границу, Политбюро ЦК принимает развернутое специальное постановление, посвященное Западной Украине и Западной Белоруссии. Характер постановления, его объем и детальная проработка самых различных вопросов не оставляют сомнений, что оно готовилось не один день. Видимо, весь сентябрь различные ведомства и организации по поручению руководства страны составляли свои планы и намечали меры по включению Западной Украины и Западной Белоруссии в состав Советского Союза.

Политбюро наметило созыв Украинского и Белорусского народных собраний для формального провозглашения о вхождении этих областей в СССР и решения последующих вопросов — передачи помещичьих земель крестьянам, создания местных властей, национализации банков и крупной промышленности и т.п.⁵⁵ Общая ответственность за выполнение постановления возлагалась на Н.С. Хрущева (первого секретаря ЦК Украины) и П.К. Пономаренко (первого секретаря ЦК Белоруссии).

Содержание и направленность намечаемых мер ясно показывали, что речь шла о советизации этих территорий. Единственная модификация состояла в том, что на этом этапе не предполагались коллективизация и национализация мелких хозяйств.

Прибывшие вместе с частями Красной Армии представители органов НКВД начали выявление антисоветских элементов, крупных помещиков и предпринимателей, представителей буржуазных партий и организаций. Многих из них ожидали аресты и высылка в восточные районы Советского Союза. Вместе с тем советские газеты и радиопередачи были заполнены рассказами о том ликовании, с которым встречали жители Западной Украины и Западной Белоруссии войска Красной Армии. Действительно, напряженная социальная обстановка в Польше, недовольство значительной части населения политикой польских правящих кругов создавали для этого соответствующую социальную базу. Тому же способствовал и этнический момент — идея воссоединения с советской Украиной и Белоруссией.

Объясняя необходимость пресечения кое-где оказываемого сопротивления и деятельности подпольных групп, созданных во Львове и некоторых других городах, представители органов НКВД осуществляли массовые аресты, задержание и последующую депортацию в северные и восточные районы лиц польской национальности⁵⁶. Стремясь придать этому процессу организованный характер, Политбюро ЦК 2 октября 1939 г. приняло специальное постановление под названием "О военнопленных". Согласно ему было организовано несколько лагерей в районе Козельска и ряде других городов специально для размещения в них задержанных польских граждан, названных военнопленными. Среди них преобладали военнослужащие, главным образом офицеры.

Отметим, что в постановлении численность польских военнопленных в создаваемых лагерях определялась в 25 тыс. человек. Одновременно намечалось их использование на строительстве железной дороги Новгород-Волынский — Львов⁵⁷.

По решению Политбюро от 5 марта 1940 г. в местечке Катынь, а также в некоторых населенных пунктах вблизи Харькова, Киева, Минска были расстреляны около 22 тыс. польских военнопленных. Эти расстрелы получили название трагедии в Катыни. В течение десятков лет советские власти скрывали свою ответственность за это преступление. И лишь в 1988 г. они признали убийства в Катыни⁵⁸.

* * *

Сразу же после перехода польской границы начались активные переговоры с немецкими представителями об установлении демаркационной разграничительной линии между двумя странами и армиями. Вопрос этот возник раньше, до начала советского наступления, когда некоторые немецкие политики и военные намекали на возможность перехода немецкими

войсками разграничительной линии, определенной секретным протоколом.

Новый импульс дискуссиям о границе был дан следующим фактом. Германский посол 20 сентября сообщил в Берлин, что его посетил Молотов. В сильном волнении он информировал о том, что г-н Варлимонт, глава оперативного отдела германского генерального штаба, показал вчера советскому военному атташе в Берлине карту, на которой будущая граница была отодвинута. Она проходила вдоль Вислы, через Варшаву, но далее была изменена и оставляла Львов на германской стороне. Подобная граница, заявил Молотов, идет вразрез с соглашением, подписанным в Москве в присутствии немецкого министра иностранных дел, по которому р. Сан должна была быть южной границей и Львов оставался в сфере советских интересов, советское правительство и лично Сталин удивлены очевидным нарушением Московского соглашения. Он просил как можно скорее прояснить ситуацию⁵⁹.

По словам посла, он ответил Молотову, что это, вероятно, результат недоразумения и что советскому военному атташе была показана карта не границы Рейха, а линия демаркации. Ввиду экстраординарной ситуации посол просит немедленно сообщить ему, что он должен ответить советскому правительству. Через несколько часов Шуленбург снова информировал Берлин о том, что Молотов по поручению Сталина предлагает провести переговоры в Москве по вопросу о судьбе Польского государства и об окончательной демаркации советско-германской границы по линии Тисса – Нарев – Висла – Сан⁶⁰.

Разъясняя ситуацию, Молотов через несколько часов уточнил, что он неоднократно разговаривал со Сталиным по вопросу о границе и что советское правительство не может согласиться с линией, проходящей по городам Премысль – Турка – Изотк – Пасс. Упоминание о ней, видимо, было неслучайно, так как, по данным материалов немецкого посольства в Москве, в телефонном разговоре между Риббентропом и Кёстингом 20 сентября предлагалось, чтобы именно эта демаркационная линия, включающая Премысль и Турку, а также железную дорогу и автостраду, входила в сферу германских интересов⁶¹. В Москве, очевидно, знали об этом, и Молотов сообщил немецкому послу, что на части территорий, отходящих к Германии, проживает много украинцев и поэтому советское правительство не может согласиться на такое разграничение. В обмен на получение территории у р. Сан советское правительство было готово передать немцам г. Сувалки и железную дорогу, за исключением г. Огустоу⁶².

В заключение беседы Молотов предложил принять совместное коммюнике, устанавливающее демаркационную линию

между войсками Германии и СССР вдоль рек Тисса, Нарев, Висла и Сан. Молотов признал, что линия имеет прежде всего политический характер, и поэтому должна быть принята, ее необходимо определить, а в дальнейшем путем переговоров могут последовать уточнения. Однако в любом случае она должна проходить по верховьям р. Сан⁶³.

В итоге всех этих переговоров и чрезвычайного упорства Москвы германское правительство пошло навстречу советским пожеланиям и согласилось с предлагаемой демаркационной линией. Соглашение между двумя странами было подписано 22 сентября. Оно устанавливало демаркационную линию по р. Тисса до ее впадения в р. Нарев, далее по р. Нарев до ее впадения в Буг и по Бугу до его впадения в р. Вислу, затем по р. Висла до впадения в нее р. Сан и по р. Сан до ее истоков⁶⁴. В результате Москва добилась включения в советскую сферу также городов Львов и Огустоу.

Настойчивость Советского Союза и вмешательство в это дело лично Сталина показывали неординарный характер, казалось бы, рутинного вопроса о демаркации границы. Речь шла о том, что новая демаркационная линия между СССР и Германией почти полностью соответствовала известной "линии Керзона", предлагаемой британским правительством еще в 1920 г. как возможная граница между Россией и Польшей. Тогда, после поражения Советской России, часть территории по "линии Керзона" отошла от России к Польше. Возвращение к этой "естественной" границе облегчало советскому правительству объяснение своих действий в глазах мирового общественного мнения, что входило в общую стратегию Москвы в сентябре 1939 г.

Таким образом, в течение короткого времени советское правительство уже пожинало первые плоды договоренностей с Германией. Фактически без единого выстрела были возвращены исконные русские земли.

Что касается Польши, то ее судьба, конечно, была трагична. В течение длительного времени польское правительство следовало линии "на равное удаление" и от Германии и от Советского Союза. И эта политика, по мнению известного польского историка Е. Дурачинского, потерпела неудачу. Заслон в виде договоров Варшавы с Парижем и Лондоном также не сдержал агрессию, хотя обе западные державы и объявили 3 сентября войну Третьему рейху⁶⁵. Однако, как считает Дурачинский, Польша стала первым европейским государством, которое осуществило вооруженный отпор войскам Рейха, что "расстраивало гитлеровские планы установления гегемонии в Европе, а может быть, и в мире". Конечно, автор несколько преувеличивает непосредственные последствия польского сопротивления,

но оно, безусловно сыграло определенную роль в создании прецедента противодействия действиям нацистской Германии.

Принятое удовлетворяющее Москву соглашение как будто подтверждало, что она может добиваться от германского союзника того, к чему стремилась. Это усиливало в Кремле настроения эйфории и самоуспокоенности. Но оставался весьма важный и существенный вопрос о мировой реакции на события в Польше и на включение в состав Советского Союза части польских территорий.

Мировая реакция на польские события

Вступление советских войск в Польшу 17 сентября 1939 г. вызвало бурные отклики во всех странах Европы и США. Последовали статьи в газетах и журналах Англии, Франции, США, Италии, Бельгии, Швейцарии, Финляндии, Швеции и других стран. События в Польше обсуждались в парламентах, на заседаниях правительств, в дипломатических ведомствах.

Отметим сразу же одно обстоятельство. Как известно, 1 сентября немецкие войска вторглись в Польшу, и немедленно правительства Англии и Франции объявили Германии войну, опираясь в том числе и на англо-польское соглашение от 26 августа 1939 г. Однако это не повлекло за собой никаких практических шагов с их стороны. На заседании военных кабинетов Англии и Франции даже не обсуждался вопрос о возможности вооруженного вмешательства; и в последующий период в странах Антанты не было никаких перемещений вооруженных сил.

Странность подобного поведения состояла еще и в том, что фактически речь шла о начале мировой войны, и от стран Антанты можно было бы ожидать более активных действий и заявлений. Между тем начиная с 23 августа 1939 г. и в течение всего сентября западная печать и общественное мнение большее внимание уделяли характеру советско-германского пакта и перспективам поведения Советского Союза. В аналитических статьях и прогнозах первой половины сентября не раз выдвигалась возможность советско-германских договоренностей, касающихся судьбы Польши.

Анализ мировой реакции на советские действия в Польше представляет большой интерес во многих отношениях. Во-первых, он позволяет лучше понять некоторые особенности советской политики. Во-вторых, позиция официальных лиц и представителей западных стран дает возможность понять реальный смысл англо-французского курса, установить пределы их "возмущения" и готовности к активным действиям.

Итак, 17 сентября 1939 г. последовало уже упоминавшееся официальное заявление правительства СССР, и Красная Армия пересекла советско-польскую границу. И на следующий день, 18 сентября, появились первые отклики из всех стран мира. При этом разброс мнений был велик. В целом органы печати в Англии и Франции и союзных с ними держав осудили Советский Союз, обвиняя его в интервенции и т.п. Некоторые журналисты связывали эту акцию с общей сущностью "советского режима", "имперских традиций и амбиций".

Учитывая в целом отношение Запада к большевистской России, такую оценку можно было ожидать. Но более интересным моментом в этих откликах были попытки уже в первые дни найти объяснение и предсказать последствия советской акции.

Подобные нотки были замечены и в статьях лондонских газет "The Times", "The Daily Telegraph", "Manchester Guardian" и др. Лейбористская британская печать сразу же заняла прагматическую позицию. Журнал "New Statesman" поместил статью под названием "Реванш за Брест-Литовск". Обращаясь к советско-германским переговорам в Брест-Литовске, завершившимся подписанием Брестского мира в 1918 г., по которому от России были отторгнуты часть Польши, Прибалтика и др., автор даже как бы оправдывает ввод советских войск. В том же духе высказался в лондонской "Sunday Express" видный британский политик Д. Ллойд Джордж.

Разброс мнений можно было наблюдать и в газетах Франции, Швейцарии, Бельгии и других государств.

Несомненный интерес вызвало сообщение советского посла И. Майского из Лондона 21 сентября о том, что во время встречи с ним известный чехословацкий деятель бывший президент Э. Бенеш "полностью одобрил вступление Красной Армии в Польшу", по его словам, и Карпатская Украина должна входить в состав Советской Украины⁶⁶.

По донесениям советского посла в Афинах М.Г. Сергеева, "вступление советских войск в Польшу встречено в греческих правительственных кругах с удовлетворением и без всякого беспокойства"⁶⁷. Похожую позицию заняли и правящие круги Югославии. Здесь многие вспоминали события 1914 г., когда Россия защищала сербов против австрийцев, и сейчас надеялись, что она поддержит те силы, которым может угрожать гитлеровская Германия⁶⁸.

Разумеется, подобные отклики имели большое значение для Москвы прежде всего в моральном плане. С точки же зрения политической для нее важной была реакция лидеров Англии и Франции. Формально правительства этих стран должны были дать ответ на советскую ноту, врученную им 18 сентября. В ней Москва уведомила о решении взять под защиту население

ние Западной Украины и Западной Белоруссии в условиях краха Польского государства. В ноте особо подчеркивалось, что Советский Союз намерен придерживаться политики нейтралитета и верности своим прежним обязательствам. Получив эту ноту, и в Лондоне и в Париже начали готовить ответ с учетом информации, поступавшей от их представителей в Москве и в других странах.

18 сентября французский посол в Лондоне Корбен сообщил в Париж, что послам Англии и Франции в Москве необходимо начать без задержки подготовку ответа Молотову, который должен быть общим по своему духу и содержанию⁶⁹.

В те же дни в Париже были получены первые донесения французских послов из других стран. Шарлеруа сообщил из Рима, что, видимо, Германия и СССР хотят создать нейтральную зону, которая отдалила бы Рейх от СССР. В то же время, по мнению посла, вряд ли есть сомнения, что Германия и Россия действуют совместно в отношении Польши⁷⁰. По сведениям французского посла в Вашингтоне, Госдепартамент пока не дал никаких комментариев на советскую ноту⁷¹.

20 сентября Корбэн в очередной телеграмме премьеру Даладье обращает внимание на то место ноты, где говорится, что Советский Союз будет следовать политике нейтралитета⁷².

На следующий день, 21 сентября французский посол в Москве Пайар посетил Потемкина и после беседы с ним сообщил в Париж: "Советы мало интересуются тем, чтобы уменьшить тот ров, который последними событиями был вырыт между Советами и нами". Пайар пишет также, что пока события развиваются весьма благоприятно для Советского Союза. "Сомнительно, чтобы СССР хотел бы разрыва с западными державами, но реально также и то, что СССР не будет ничего делать, чтобы рискнуть и вернуться снова к солидарности с большими обещаниями⁷³.

Французский посол в Стокгольме писал в Париж, что, по некоторым сведениям, высшие руководители Рейха испытывают беспокойство столь большими успехами, одержанными русскими в Польше⁷⁴. В другой его телеграмме говорится: в шведских политических кругах опасаются, что движение в Польшу может быть лишь прелюдией к восстановлению старых имперских границ, а также об угрозе "большевизации" Европы⁷⁵.

В обширной записке на имя Даладье французский посол в Лондоне излагает общее настроение британских политических кругов. По его мнению, после подписания советско-германского пакта для многих было очевидным существование секретных статей о разделе Польши. Сейчас главная задача британских кругов состоит в том, чтобы не способствовать "цементи-

рованию германо-русских отношений". Поэтому в Лондоне полагают, что в совместных заявлениях следует избегать "обвинений" в адрес Советского Союза⁷⁶. По заявлению посла, «если в первые дни после советского вторжения в Польшу тон был резко осуждающим, то сейчас произошла определенная эволюция и многие уже пишут о том, что "с возвращением России на европейскую сцену следует ждать увеличения трудностей для Рейха»⁷⁷.

Схожую оценку событий можно видеть и в сообщениях советских дипломатов. Еще 20 сентября И. Майский писал из Лондона, что "нет оснований ожидать со стороны британского правительства какой-либо резкой реакции на занятие Красной Армией Западной Украины и Западной Белоруссии". Это окончательно выяснилось на заседании Парламента, на котором премьер Чемберлен, констатировав "советское нашествие на Польшу", заявил, что "пока рано выносить суждение о его мотивах и последствиях". По мнению Майского, из частных разговоров с депутатами Парламента он вынес впечатление, что в Лондоне довольны [?] выходом советских войск на польско-румынскую границу, усматривая в этом стремление СССР поставить преграду движению Германии в Румынию и к Черному морю⁷⁸.

На следующий день Майский пишет Молотову: у Англии нет иного выхода, как продолжать войну до победного конца. Новый Мюнхен невозможен, так как Англия потеряла бы последний престиж среди своих друзей и нейтралов. В этой обстановке политика СССР приобретает решающее значение. Самый острый вопрос состоит в том, будет ли Советский Союз снабжать Германию сырьем, продовольствием и т.п. Существует боязнь во всех слоях общества излишне раздражать Советы и тем самым "бросать СССР в объятия Германии"⁷⁹.

Пока шли эти депеши, в Лондоне и Париже велись активные переговоры по поводу возможного совместного коммюнике о действиях советских войск в Польше. Уже 18 сентября состоялось срочное заседание британского военного кабинета, который осудил "советскую агрессию" и обсуждал линию поведения. Любопытно, что сразу же государственный секретарь по иностранным делам подтвердил, что статьи англо-польского соглашения не предполагают военных операций в "случае агрессии советского правительства против Польши". Он уточнил, что эти меры намечены лишь в случае нападения на Польшу со стороны Германии. Далее слово взял премьер-министр, который выразил осуждение в связи с действиями Советского Союза. Британское правительство отвергло также утверждение в советской ноте, что Польское государство перестало существовать.

Госсекретарь информировал кабинет, что он получил послание польского посла, в котором правительство Польши просит Англию направить протест Советскому Союзу по поводу его действий в Польше. Однако общее настроение военного кабинета не соответствовало такой позиции, и было решено, что заявление премьер-министра может рассматриваться как осуждение действий советского правительства⁸⁰. По сообщению госсекретаря, французское правительство озабочено тем, чтобы был послан формальный протест Москве от имени обоих правительств.

В итоге заседания военный британский кабинет принял резолюцию, которая чрезвычайно интересна для понимания общей позиции Великобритании. В первом пункте кабинет официально определил, что в соответствии с англо-польским соглашением "Великобритания не связана обязательством вступить в войну в результате советской агрессии против Польши; такое обязательство касается лишь исключительно агрессии со стороны Германии. Во втором пункте заявлялось об осуждении действий Советского Союза и в то же время указывалось, что официальный текст, направляемый в Москву, не должен содержать об этом никаких заявлений. Если французское правительство будет настаивать на формальном протесте, госсекретарь по иностранным делам должен войти в контакт с французскими властями со следующими разъяснениями:

— правительство Великобритании принимает к сведению советскую ноту, но оставляет за собой право для дальнейших действий в связи с нарушением правительством СССР прежних договоров;

— правительство принимает к сведению заявление советского правительства о том, что оно будет следовать политике нейтралитета по отношению к правительствам, с которыми оно имеет дипломатические отношения⁸¹.

Для подтверждения своей позиции к решению военного комитета была приложена копия того самого секретного протокола англо-польского соглашения о гарантиях, на который ссылалось британское правительство в постановлении⁸². В приложенных к постановлению мнениях имелась записка британского дипломата Сарджента, в которой он советует не соглашаться с французской нотой и не отвечать на русское заявление. Достаточно ограничиться, по его мнению, уже сделанным сообщением для прессы и лучше вообще игнорировать заявление Молотова⁸³.

В выступлении ответственного сотрудника британского Foreign Office Кадлана критиковался французский проект. По мнению британского дипломата, следует учитывать ситуацию на Балканах и позицию Турции. Кадлан ссылался на доне-

сение из Москвы о беседе французского поверенного в делах с Молотовым, в ходе которой выяснял, преследуют ли советские действия цель "освобождения национальностей" или, может быть, их задачей является ограничение германского наступления и т.д. Французы считают, что именно английский вариант ответа опасен и что лучше всего сблизить оба варианта.

Через несколько дней со своими соображениями выступил английский военный атташе в Москве. Он анализировал ситуацию уже после установления советско-германской демаркационной линии. Сообщив, что новая линия границы проходит в 150 милях от прежней советской границы, он не считает, что она улучшает оборонительные возможности СССР, так как разрушаются его старые укрепления. Советские города становятся теперь более уязвимыми для немецких воздушных бомбардировок. Из этого британский военный атташе делает вывод, что советская акция носит не оборонительный, а "агрессивный" характер и что Красная Армия теперь в состоянии угрожать германским интересам. Немецкие города, включая Берлин, отныне оказываются в сфере ее бомбовых ударов. "Советские войска — резюмирует он, — в их нынешней позиции представляют серьезную угрозу для Германии⁸⁴. Они могут оказывать давление на Германию, имея прямые контакты с Румынией, Венгрией и Словакией⁸⁵.

25 сентября английский посол в Москве Сидс уведомил Foreign Office, что 19 сентября французский посол в Москве Пайар получил инструкции из Парижа запросить объяснения от советского правительства о "природе оккупации польской территории" и насколько она соответствует политике нейтралитета. Пайар имел инструкции получить вербальные ответы, но одновременно ограничиться простым запросом "объяснения" в более общей форме.

Пайар предложил Парижу не ставить вопрос о "разрыве", а запросить разъяснения. По его сведениям, во время беседы с Потемкиным последний спросил, исходит ли запрос от французского правительства или лично от посла. Пайар заявил, что вопросы поднимает он сам, но как официальный представитель для ответа французскому правительству⁸⁶. Потемкин не дал определенного ответа, но сообщил в общей форме, что российская политика определяется ее собственными интересами. Со своей стороны Сидс сообщил, что считает подобные акции бесполезными и рискованными и что позиция британского правительства ему кажется более адаптированной в этой деликатной и опасной ситуации⁸⁷.

Таким образом, первое рассмотрение польской акции Советского Союза в правительстве Великобритании показало, что английские лидеры отвергли какие-либо шаги и даже заявля-

ния, официально осуждающие советские действия. Они отвергли также решительные намерения Парижа.

Весь вопрос увязывался Лондоном с противостоянием Германии. Как мы видели, британский военный атташе даже находил преимущества новой демаркационной линии в плане возможно большей напряженности в советско-германских отношениях. Но в итоге и французы не пошли дальше словесной риторики и запроса объяснений о намерениях СССР.

Интересно сопоставить эти данные из британских и французских архивов с донесениями советских послов. Полпред в Париже Я.З. Суриц сообщал в Москву 20 сентября, что в МИД Франции готовится "вопросник", касающийся нейтралитета СССР. Полякам вчера "рекомендовали" воздержаться от каких-либо официальных шагов. Это было вызвано зондажем польского посла Лукаевича относительно намерений польского правительства объявить войну СССР. Ю. Лукаевичу было указано, что это поставило бы Париж и Лондон в исключительно трудное положение, которые хотят избежать осложнений с Советским Союзом и не могут разделить этих намерений⁸⁸.

В следующей телеграмме Суриц пишет о ситуации в Париже: "Все сходится на том, что демаркационная линия между советской и германской армиями в Польше крайне выгодна для СССР (это — крупнейшая победа Москвы), и не только потому, что под контроль советского оружия поставлена значительная часть Польши, но и потому, что создан заслон на наиболее вероятных путях гитлеровского наступления против СССР". Объяснение этому одно — Гитлер был вынужден отступить, чтобы развязать себе руки на западе. Одновременно с констатацией "германского поражения" заявляется, что своими действиями СССР показал свою решительность свернуть на путь защиты "национальных" и "имперских интересов" России, и это может быть полезным для Франции, поскольку создает более прочную плотину против Германии. Сейчас самое опасное для Франции, полагают многие, — создать в Москве уверенность, что занятые в Польше области (во временный характер оккупации никто не верит) СССР сможет удержать лишь в случае поражения Антанты. Поэтому рекомендуют "меньше кричать" о восстановлении Польши в прежних пределах, так как это может повлечь за собой лишь укрепление военного сотрудничества между Москвой и Берлином. Здесь исходят из того, что германо-советское соглашение пока еще локализовано одной Польшей и не возлагает на СССР обязательства поддерживать Германию в ее войне против Антанты⁸⁹.

23 сентября советский посол в США Д.С. Чувахин сообщал в Москву, что позиция США в отношении вступления Красной Армии в Польшу остается выжидательной. Госсекретарь

К. Хэлл заявил, что правительство США еще не изучило обстановку во всех деталях в условиях, когда непосредственно заинтересованные страны еще не определили свои позиции⁹⁰. Через неделю посол информировал Москву о пресс-конференции Ф. Рузвельта и К. Хэлла в связи с событиями в Польше и пакте СССР с Эстонией. Оба снова говорили о необходимости изучить ситуацию. Один из руководящих работников Госдепартамента в ответ на вопрос об оценке последних шагов СССР сказал: "Выигрывает только Сталин, и над Европой вновь нависла угроза большевизма"⁹¹.

В подобном же духе сообщал из Лондона и посол И.М. Майский. Главное, на что в итоге решились Лондон и Париж, был упомянутый уже "вопросник", адресованный советскому правительству. Почти синхронно он был направлен из Франции и Англии, о чем, как мы указывали выше, говорилось на заседании британского правительства 10 сентября.

Итак, Майский был приглашен в Foreign Office, где Галифакс поставил ему три вопроса:

- как СССР смотрит на англо-советские отношения;
- как СССР мыслит будущее Польши, в частности, является ли нынешняя германо-советская демаркационная линия временной военной мерой или же имеет более постоянное значение.

- как СССР смотрит на европейскую ситуацию? Остаются ли в силе прежние принципы советской внешней политики (борьба против агрессии, поддержка ее жертв) или же в ней произошли существенные изменения?

По мнению советского посла, Англия встревожена нынешними отношениями между СССР и Германией и хотела бы знать, как далеко они зашли⁹². Англия думает о возможности новых контактов с СССР, но не знает, как будут встречены ее демарши.

Как мы отмечали, схожие по существу вопросы были в тот же день поставлены премьером Франции Даладье в беседе с советским послом в Париже. При этом следует подчеркнуть различия в их тональности. Даладье был более резок и очень часто его вопросы напоминали характер ультиматума⁹³.

После обсуждения в Москве было принято решение дать общий ответ, но с некоторой модификацией в тональности. Галифаксу Молотов сообщил следующее. По первому вопросу: Англия может начать переговоры о торговле, так как СССР остается и предполагает далее оставаться нейтральным в отношении войны в Западной Европе, если, конечно, сама Англия своим поведением не толкнет СССР на путь вмешательства в эту войну; по второму вопросу: нынешняя демаркационная линия не представляет государственной границы между Германией и

СССР. Судьба будущего Польши зависит от многих факторов, учесть которые в настоящее время пока нет возможности; по третьему вопросу: советско-германские отношения определяются пактом о ненападении и двумя опубликованными коммюнике⁹⁴.

В том же духе был дан ответ Даладье и передан через посла Я.З. Сурица. При этом Молотов просил при встрече с Даладье заявить, что в Москве оскорблены тоном его вопросов, которые напоминают допрос, недопустимый обычно в отношении с равноправными государствами. Что касается существа вопросов Даладье, то он может руководствоваться содержанием ответов на вопросы Галифакса⁹⁵.

По донесениям Майского, Галифакс был не вполне удовлетворен ответами, а по вопросу о будущем Польши он дополнительно спросил советского посла, предполагает ли Москва совместно с немцами создать буферное польское государство. Английский министр поинтересовался также советской позицией в отношении Румынии и Прибалтики. Майский сослался на советскую ноту от 17 сентября о нейтралитете, которая была вручена и Румынии, и Балтийским государствам.

В последующем Майский записал в дневнике об этой встрече с Галифаксом. "Все-таки, — говорил британский премьер-министр, — я никак не могу примирить события последних недель с теми принципами внешней политики, которые были провозглашены г-ном Сталиным на последнем съезде Вашей партии"⁹⁶.

В общем плане реакция французского премьера была столь же осторожной, что видно из нескольких его телеграмм, посланных французскому послу в Рим. Главная идея Даладье состояла в необходимости быть предельно осторожным, не ставить вопросы официально и не брать на себя обязательств.

К концу сентября ажиотаж вокруг польских дел стал спадать, и в качестве некоего итога дискуссий можно привести два аналитических материала — советского посла во Франции и французского посла в Москве.

Л.С. Суриц сообщал из Парижа в конце сентября, что о восстановлении прежней Польши никто серьезно уже не думает. На Кэ д'Орсэ распространяется старая записка французского дипломата Бертелло, писавшего в конце 20-х годов, какую опасность для мира представляет присоединение к Польше украинских и белорусских областей. Зона, отошедшая к СССР, всеми знатоками в МИД Франции признается непольской территорией (за исключением Ломнии). Если смотреть с экономической точки зрения, говорил один французский эксперт, СССР ни в каком разделе Польши не участвовал. Иным было отношение к областям, которыми овладела Германия. За исключением Силе-

зии и части Познани, их считают чисто польскими. Против сохранения этих областей за Германией (хотя бы и в форме богемского протектората) все высказываются единодушно. По-разному интерпретируется и характер соглашения о Польше: одни считают, что демаркационная линия — не граница между Германией и СССР и она не предвещает вопроса о буферной Польше. Другие имеют противоположное мнение. Проблема восстановления Польши все больше воспринимается в плане создания этнической Польши на территории, занятой сейчас немцами. Здесь для французов скрещиваются как основные, так и частные цели войны (борьба с "германской гегемонией" и восстановление Польши)⁹⁷.

Серьезная аналитическая записка была подготовлена и французским послом в Москве Ж. Пайаром, направленная в Париж. Он пишет, что политика Кремля после подписания советско-германского пакта менялась столь стремительно, что за ней едва ли возможно быстро проследить. По мнению французского дипломата, советская политика развивалась от нейтралитета к превентивным действиям и далее к националистическому и революционному наступлению. Понадобилось всего несколько недель, чтобы эти этапы были пройдены, и СССР сбросил маску даже в отношении Рейха, не боясь провозгласить свои имперские претензии. Когда было объявлено о германско-советском пакте, казалось, что решение Кремля продиктовано страхом. В дальнейшем Сталин быстро эволюционировал от идеи Польши как "тампона между Германией и Россией (по типу 1772 г.) и быстро перешел к опыту 1792 г., когда в результате раздела Польши она исчезла с европейской карты, хотя и Гитлер в одном из первых заявлений намекал на возможность мирных переговоров с ее властями. Он согласился эвакуировать население с территорий, уже занятых его войсками, и отдал миллионы европейцев Красной Армии, путив Сталина вплоть до Варшавы.

Итак, считает Пайар, нацистские руководители, которые рассчитывали, что война позволит им завоевать жизненное пространство на Востоке, отдают теперь Восточную Европу Советскому Союзу. Великие планы Кремля находятся сейчас на пути к реализации⁹⁸.

Приведенное высказывание ясно показывает восприятие событий того времени западным дипломатом. Это тем более ценно и интересно, так как ни он, ни его коллеги не знали о существовании секретного советско-германского протокола. Несмотря на это, посол делал выводы о германских и советских намерениях.

И как бы завершая эту тему, отметим запросы в британском парламенте в связи с польскими делами, сделанные, правда,

уже позднее, 18 октября 1939 г. Один из них сделал У. Черчилль: "Насколько велика польская территория, аннексированная Советским Союзом, по отношению к той, которая была передана СССР в соответствии с линией Керзона" и "что представляет собой сама линия Керзона"⁹⁹. Вопрос был обращен к заместителю министра иностранных дел сэру А. Кадогану.

В ответ М. Санделл подготовил соответствующую справку, которая находится в архивах британского МИДа¹⁰⁰. Согласно этой справке, "линия Керзона" касалась всей восточной границы Польши и была одобрена Высшим военным советом Антанты. В документе признавалось право польских властей осуществлять власть на территориях к западу от линии и выражалось сомнение в том, что оно распространяется на территории к востоку от линии. Между тем в реально военной ситуации польские вооруженные силы практически оккупировали эти территории, включая и округ с г. Вильно. "Линия Керзона" представляла собой, по мнению британского МИДа, этнографическую границу между компактным польским населением собственно Польши и белорусским и литовским населением к востоку от нее. Она брала в расчет "польский анклав, включая и г. Вильно, никогда не признаваемый поляками".

"Линия" оставалась основой союзнической позиции по вопросу о границах вплоть до того времени, когда вся ситуация полностью изменилась после поражения большевиков под Варшавой и контрнаступления польских армий. Окончательная русско-польская граница была установлена Рижским договором 18 марта 1921 г. Она была отодвинута на восток на 150 миль от этнографической польской границы. Таковой была официальная позиция британского МИДа.

Одновременно с запросом Черчилля к премьер-министру обратился А. Гендерсон. Его интересовало, сколько жителей-поляков проживает в областях, аннексированных в сентябре 1939 г. Германией, и сколько в округах, занятых Россией¹⁰¹. От имени правительства Батлер ответил следующее: "На основании сведений переписи 1931 г. (весьма приблизительных), в германской зоне — 17 млн 250 тыс. и в советской зоне — 4 млн 750 тыс. Более поздних сведений не имеется"¹⁰².

В общую проблему англо-французской реакции на польские события и их последствия входят взаимоотношения британских и французских властей с эмигрантским польским правительством во главе с В. Сикорским. Оно начало функционировать в Париже, а затем переехало в Лондон. В переговорах с лидерами Англии и Франции осенью 1939 г. Сикорский изложил свою позицию — Польша должна сохранить независимость и территориальную целостность и получить в будущем какие-либо права на Восточную Пруссию. Проведя переговоры

с Сикорским, руководители этих стран думали, скорее, о будущем, нежели о конкретных требованиях поляков (в том числе и в отношении СССР). С начала сентября, т.е. с момента нападения Германии на Польшу, и Англия и Франция, объявив войну Германии, не предпринимали никаких реальных шагов в защиту Польши; обещанная ей ранее военная помощь не была оказана, а в отношении советской акции они ограничились, как уже отмечалось, формальным заявлением¹⁰³.

* * *

Итак, к концу сентября большая часть Польши была оккупирована Германией, которая приступила к формированию органов управления. Другая часть, населенная в основном украинцами и белорусами, была занята советскими войсками. Здесь начался процесс советизации, и очень скоро она была включена в состав Советского Союза. Вся эта "операция" была проведена Германией и Советским Союзом за 3—4 недели.

Гитлер посчитал все произошедшее своим большим успехом. С минимальными потерями он завоевал большое европейское государство, начав реализацию своей программы завоевания нового "мирового пространства". Пока Германия не ставила в повестку дня проведение военных операций на западном направлении. Гитлер планировал, захватив Польшу и оказавшись в состоянии войны с Англией и Францией, осуществить ускоренную подготовку к боевым действиям на Западе, постепенно перегруппировав силы. В Берлине решили, что добились главного — избавились от опасности войны на два фронта, т.е. той постоянной цели, которая ставилась германскими деятелями еще с конца XIX столетия и которой им не удалось достигнуть в ходе Первой мировой войны.

Как показали дальнейшие события, Германия не снимала одной из центральных геополитических и идеологических задач нацизма — сокрушения и покорения "большевистской России". До поры до времени Гитлер согласился на включение значительной части Восточной Европы в сферу советского влияния, посчитав, что этим он на длительный срок привлечет Москву к своим собственным интересам, дозируя степень сближения и сотрудничества с ней.

Стремление германского руководства к союзу с Советами было столь велико, что в сентябрьские дни оно демонстрировало готовность идти Москве навстречу по многим пунктам. Вначале в Берлине рассчитывали втянуть Сталина в операции против Польши одновременно с германским наступлением с тем, чтобы сделать Советский Союз соучастником раздела Польши, а может быть, и своим военным союзником и тем самым обост-

рить или даже свести к минимуму всякие отношения Москвы с Англией и Францией. В стране прекратилась всякая критика большевизма, хотя он и не восхвалялся. В то же время в немецких документах, закрытых от общественности, прежние оценки советского режима и общие цели Германии отнюдь не исчезли и не камуфлировались.

Для Советского Союза конец августа — сентябрь 1939 г. был периодом выработки новой линии его внешней политики после подписания советско-германского пакта. Осознавая стратегический характер своего поворота в сторону Германии, советские лидеры намечали соответствующие пути реализации договоренностей с Германией с учетом собственных интересов.

Мы уже отмечали неожиданность для Москвы столь далеко идущих германских уступок, связанных прежде всего с предоставлением Советскому Союзу свободы рук в Восточной Европе. И среди прочих мер первым пробным камнем стала Польша. Следует признать, что с точки зрения интересов Кремля и методов действий польская акция была разыграна достаточно дипломатично. Сначала попытки Германии втянуть СССР в прямой и "публичный" раздел Польши и в совместные с ней военные операции были отклонены. Затем все страны были информированы о том, что Советский Союз остался приверженным политике нейтралитета, сохраняя соглашения и связи с прежними партнерами. Действия в Польше объяснялись необходимостью защиты украинского и белорусского населения. Германская опасность никогда не упоминалась (чтобы не раздражать союзника, хотя зондаж на такое упоминание московские представители делали даже в Берлине), но создавалось впечатление, что войска вводятся в Польшу именно с целью помешать ее захвату Германией. Не следует забывать, что Красная Армия перешла польскую границу, когда немцы были уже около Варшавы. По закрытым каналам, как это видно из документов российских, английских и французских архивов, советские дипломаты прямо говорили о немецкой угрозе.

В таком же направлении делался акцент на то, что советские войска выходили на "линию Керзона", признанную международной общественностью еще в начале 20-х годов и нарушенную Польшей после поражения Советской России в советско-польской войне. Расчет Москвы оправдался, так как и в Лондоне и в Париже общий тон откликов подтверждал, что эта "линия" предлагалась самой Англией после Первой мировой войны. Участием в польской акции Советский Союз возвращал себе территории, принадлежавшие царской России.

В короткий срок Москва, казалось, получила подтверждение стратегического преимущества от соглашения с Германи-

ей. Дипломатическим путем она добилась расширения сферы интересов на своих условиях, избежав повода открыто быть обвиненной в сговоре с Германией.

Сталин, кроме того, мог в полной мере удовлетворить свое честолюбие, взяв реванш за поражение в войне с Польшей. Необходимо также подчеркнуть, что воссоединение населения Западной Украины и Западной Белоруссии получило поддержку украинских и белорусских жителей этих областей и населения всего Советского Союза. И, наконец, Сталин реализовывал свою цель — оставаться в стороне от схватки двух империалистических группировок.

Одновременно уже в эти сентябрьские дни появились первые последствия политики Москвы, которая была и по сей день остается предметом острых дискуссий. Речь идет о свертывании в Советском Союзе всякой критики фашизма (его политики и идеологии) и первых указаниях средствам пропаганды и агитации говорить и писать о Германии как о партнере и союзнике.

Следует отметить и то, что встречало осуждение и по сей день вызывает острую реакцию в Польше и в мире, — это репрессии, которым подвергалась часть польского населения (их высылка, аресты и депортация, кульминацией чего стало последовавшее через год преступление в Катыни), осуществленные органами НКВД.

В те же сентябрьские дни 1939 г. в Москве заявляли о политике нейтралитета и желании продолжать контакты с Англией и Францией, хотя на практике Кремль явно избегал каких-либо серьезных переговоров с ними, ограничиваясь протокольными связями по дипломатическим каналам.

Весьма примечательной, как мы отмечали, была реакция Англии, Франции и США на польские события в сентябре 1939 г. Осуждающие первые устные заявления в Лондоне и Париже быстро сменились взвешенными и более спокойными формулировками. Правительства и Англии и Франции после детальных обсуждений вообще отказались не только от протестов, но и от каких-либо письменных представлений в адрес Москвы, ограничившись вопросами, переданными по обычным дипломатическим каналам. И Лондон и Париж предпочитали не обострять отношения с Москвой. Кроме того, их явно устроило объяснение, что Советский Союз лишь выходит на "линию Керзона", установить которую они сами в свое время предлагали.

Таким образом, в Англии и Франции легко смирились с советской акцией, рассматривая ее в широком контексте противостояния с Германией. На этой стадии они были более всего озабочены тем, чтобы Москва не стала ее военным союзником,

поэтому любые предположения о возможных трениях между СССР и Германией заставляли их быть осторожными в выражении недовольства советскими действиями.

Следует также иметь в виду, что, объявив Германии войну на основании гарантий, данных Польше, Англия и Франция не предприняли никаких реальных действий в защиту Польши (союзники не помышляли о военной помощи или о каких-либо даже простых перемещениях своих войск к германским границам). В этой ситуации всякие разговоры, а тем более действия, направленные в защиту восточной части Польши против Советского Союза, выглядели бы явно нелогичными. Именно поэтому в Лондоне сочли целесообразным сразу же после начала ввода советских войск в Польшу официально заявить, что английские гарантии Польше (подтвержденные 24 августа 1939 г.) имеют в виду лишь германское наступление, а отнюдь не распространяются на любые акции СССР в Польше.

Действия СССР в отношении Западной Украины и Западной Белоруссии сразу же вписались в общую советскую политику. Москва ускоренными темпами осуществляла советизацию этих районов (включая в ближайшем будущем создание колхозов и совхозов).

Польская акция явилась прелюдией к сложным и противоречивым событиям конца 1939 и 1940 — 1941 гг.

¹ По данным источников, еще 3 апреля 1939 г. командующие всех родов войск Германии получили приказ о подготовке к войне с Польшей, причем давался срок завершения нападения — 1 сентября 1939 г. См.: Очерки российской внешней разведки. Т. 3: 1933 — 1941. М., 1997.

² См.: Правда. 1939. 1 сен.

³ См.: *Duroselle J.B. La Décadence, 1932 — 1939.* Р., 1979. Р. 475.

⁴ Документы внешней политики. Т. XXII: 1939 год; В 2 кн. М., 1992. Кн. 2. С. 10 — 11; 598 — 599. (Далее: ДВП).

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 52.

⁹ Там же. С. 12.

¹⁰ Там же. С. 59 — 60.

¹¹ Там же. С. 78 — 79.

¹² Там же. С. 70 — 71.

¹³ *Коллонтай А.М. Дипломатические дневники. 1922 — 1940.* Т. 2. М., 2001. С. 446.

¹⁴ Там же. С. 447 — 448.

¹⁵ Там же. С. 451.

¹⁶ См., например: *Terry S.M. Poland's Place in Europe. 1930 — 1943.* Princeton, 1983; *Karski J. The Great Powers and Poland. 1919 — 1945.*

Maryland, 1985; Gardner Z. Spheres of Influence. The Great Powers Partition Europe, from Munich to Jalta. Chicago. 1993.

¹⁷ См.: *Семиряга М.И.* Тайны сталинской дипломатии. 1939 – 1941. М., 1992. *Волков С.В., Емельянов Ю.В.* До и после секретных протоколов. М., 1990; *Парсаганова В.С.* Польша, Германия и СССР между 23 августа и 28 сентября 1939 // Вопросы истории. 1997. № 7. С. 13 – 31; *Случ С.З.* Гитлер, Сталин и генезис четвертого раздела Польши // Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939 – 1941. М., 1999. С. 77 – 168; *Лебедева Н.С.* Германо-советское взаимодействие и ликвидация польского государства // Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 169 – 197.

¹⁸ О ситуации, связанной с судьбой Польши в 1939 г., см.: *Ziszenski K.* Wojna polsko-swiecka 1939. L., 1986; *Jurga T.* Obrona Polski 1939. Warszawa, 1990; *Duraczynski E.* Rzad polski na uchodzatwe 1939 – 1945. Warszawa, 1993.

¹⁹ Решение о нападении на Польшу было фактически принято Гитлером еще в конце мая 1939 г. и конкретизировано к августу (Случ С.С. Указ. соч. С. 144).

²⁰ ДВП. Т. XXII. Кн. 2. С. 15.

²¹ Там же.

²² DGFP. 1918 – 1945. Vol. VIII. P. 5 – 6. См. также: СССР – Германия. 1939 – 1941. Нью-Йорк, 1989. С. 80 – 81.

²³ ДВП. Т. XXII. Кн. 2. С. 28.

²⁴ См.: *Haslam D.* Soviet Union and the Poland. L., 1992.

²⁵ См.: DGFP. 1918 – 1945. Vol. VIII. P. 12 – 13; СССР – Германия. 1939 – 1941. С. 83 – 84.

²⁶ ДВП. Т. XXII. 1939. Кн. 2. С. 25; СССР – Германия. 1939 – 1941. С. 81.

²⁷ ДВП. С. 28.

²⁸ Еще 3 сентября Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение задержать в Красной Армии более 300 тыс. человек, подлежащих демобилизации. Были также предприняты меры по приведению в боевую готовность ряда военных округов (см.: РГАСПИ. Ф. 17; *Лебедева Н.С.* Указ. соч. С. 173).

²⁹ DGFP. Vol. VIII. P. 45; см. также: СССР – Германия. 1939 – 1941. С. 87.

³⁰ DGFP. Vol. VIII. P. 56.

³¹ Ibid; СССР – Германия.... С. 87.

³² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 217. Л. 41 – 42.

³³ Там же. Д. 218. Л. 32.

³⁴ Там же. Ф. 17. Оп. 121. Д. 15. Л. 1 – 16, 20 – 21.

³⁵ Там же.

³⁶ *Колонтай А.М.* Указ. соч. С. 457, 610.

³⁷ ДВП. Т. XXII. Кн. 2. С. 91 – 92.

³⁸ DGFP. Vol. VIII. P. 69.

³⁹ Ibid.

⁴⁰ Ibid. С. 70.

⁴¹ Ibid. С. 76 – 77.

⁴² Ibid. С. 77.

⁴³ Как уже отмечалось, именно в таком духе были даны инструкции советским послам за рубежом, которые должны были убеждать

западных деятелей, что своими действиями Москва стремится противодействовать германским агрессивным намерениям. Такое объяснение давали И.М. Майский в Лондоне. Я.З. Суриц в Париже, А.М. Коллонтай в Стокгольме и т.д.

44 DGFP. Vol. VIII. P. 95.

45 Ibid.

46 Ibid. С. 96.

47 Ibid.

48 Ibid.

49 ДВП. Т. XXII. Кн. 2. С. 98; DGFP. Vol. VIII. P. 97.

50 См.: *Madajczyk Cz. Polityka III Rzeszy w okupowanej Polsce*. Т. 1 — 2. Warszawa, 1970; *Григорьянц Г.Ю.* Оккупационная политика фашистской Германии в Польше (1939 — 1945). М., 1979; *Лебегава Н.С.* Указ. соч. С. 190.

51 ДВП: Т. XXII. Кн. 2. С. 101.

52 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 2128. Л. 52 — 53.

53 Там же. Л. 46.

54 *Лебегава Н.С.* Указ. соч. С. 189.

55 РГВИА. Ф. 35084. Оп. 1. Д. 5. Л. 57 — 58.

56 ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 61. Л. 34 — 39.

57 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 2128. Л. 100.

58 Катынь. Преступление против человечества. М., 1999. С. 371 — 392, 515 — 603.

59 DGFP. Vol. VIII. P. 104.

60 Ibid. P. 105.

61 Ibid. P. 109.

62 Ibid.

63 Ibid. P. 110.

64 ДВП. Т. XXII. Кн. 2. С. 121.

65 См.: *Duraczynski E.* Polska w polityce Moskwy. Latem 1939. Krakow, 1994.

66 ДВП. Т. XXII. Кн. 2. С. 122.

67 Там же. С. 128.

68 Ministère des Affaires Étrangères. Documents diplomatiques. Français. Carton 619. Dossier 16. N 1018. P. 193.

69 Ibid. P. 46.

70 Ibid. P. 50.

71 Ibid. P. 52.

72 Ibid. P. 57.

73 Ibid. P. 10 — 18, 195.

74 Ibid. P. 197.

75 Ibid. P. 199.

76 Ibid. P. 206.

77 Ibid.

78 ДВП. Т. XXII. Кн. 2. С. 109 — 110.

79 Там же. С. 118 — 119.

80 Public Records Office. FO. 371/23103. P. 131.

81 Ibid. P. 132.

82 Ibid. P. 200.

83 Ibid. P. 203.

⁸⁴ Ibid. P. 232.

⁸⁵ Ibid.

⁸⁶ Ibid. P. 249.

⁸⁷ Ibid. P. 250.

⁸⁸ ДВП. Т. XXII. Кн. 2. С. 108 – 109.

⁸⁹ Там же. С. 122 – 123.

⁹⁰ Там же. С. 124.

⁹¹ Там же. С. 145.

⁹² Там же. С. 124 – 125.

⁹³ Там же. С. 132.

⁹⁴ Речь идет о коммюнике в связи с вводом советских войск в Польшу и при установлении демаркационной линии (ДВП. Т. XXII. Кн. 2. С. 130).

⁹⁵ Там же. С. 131 – 132.

⁹⁶ Там же. С. 605.

⁹⁷ Там же. С. 143 – 144.

⁹⁸ Ministère des Affaires Étrangères. Documents diplomatiques français. Direction des affaires Politiques et Commerciales. Carton 619. Dossier 16. N 1018. P. 208 – 214.

⁹⁹ Public Records Office. F.O. 371/23109. 1939. P. 38.

¹⁰⁰ Ibid. P. 38.

¹⁰¹ Ibid. P. 43.

¹⁰² Ibid.

¹⁰³ Все эти события подробно описаны польскими историками. См.: *Duraczynski E.* Op. cit. *Bloch C.* Z zagadnieen strategii polityci generala Wladislawa Sikorskiego w okresie II wojny swiatowej Wladslaw Sikorski-Ignacy Paderewski. Lublin, 1988. S. 40 – 41.

Москва–Прибалтика. Сентябрь–октябрь 1939 года

Одновременно с акцией в Польше советские лидеры приступили к реализации своих планов, относящихся к Прибалтике*. В отличие от Польши, где СССР и Германия действовали одновременно и речь шла о стране, терпящей поражение и фактически перестающей существовать, Прибалтийские государства были независимыми, суверенными, сохраняя все международные атрибуты.

В конце августа – начале сентября 1939 г. Москве предстояло определить конечную цель и промежуточные решения в отношении этого региона, реакцию Германии и бывших советских партнеров по переговорам летом 1939 г.

В течение многих лет советское руководство испытывало недоверие к политике стран Прибалтики, обвиняя их в антисоветизме, в тесных связях с Германией и странами англо-французской коалиции. Уже упоминавшийся синдром антисоветского "санитарного кордона" включал в себя помимо Польши и эти страны. В таком же контексте в Москве оценивали и соглашение о так называемой балтийской Антанте.

Прибалтийский вопрос постоянно присутствовал и на международном уровне, на переговорах с Англией и Францией летом 1939 г. и с Германией накануне подписания советско-германского договора. В подходе к его решению после заключения договора с Германией советские лидеры учитывали разные факторы. Во-первых, это были старые воспоминания о тех временах, когда прибалтийские территории входили в состав Российской империи. Они имели важное стратегическое значение, обеспечивая России выход к Балтийскому морю, к торговым путям и коммуникациям. Признав в 1920–1921 гг. независимость Латвии, Эстонии и Литвы, Москва не прекращала попыток сохранять здесь свое влияние, но в 20–30-е годы они успеха не имели. Режимы, господствовавшие в этих странах, были враждебны Советскому Союзу в политическом, идеологическом и военно-стратегическом планах. Они имели соглашения

* Более подробно анализ исторических проблем, связанных с событиями в Прибалтийских странах, см. в разделе "Присоединение и советизация Прибалтики".

с ведущими странами Запада, находясь в том числе и в орбите германского влияния. Вместе с тем понимание необходимости поддерживать отношения со своим мощным соседом заставляло их лидеров быть осторожными и не переходить грани недружелюбного в целом отношения к Советскому Союзу.

В упоминавшейся выше книге эстонского историка М. Ильмярва на многочисленных примерах показано, как авторитарные балтийские режимы постоянно ориентировались на большие страны, прежде всего на Германию; причем эстонский президент Пятс имел личные связи в Германии, в том числе и в финансовых кругах¹. Эта ориентация, по мнению автора, начавшаяся в середине 30-х годов, оказала пагубное влияние на политику и поведение балтийских лидеров в последующий период. Особенность внутривосточной ситуации состояла и в том, что режимы Ульманиса в Латвии, Сметоны в Литве и Пятса в Эстонии вызывали недовольство, особенно своей социальной политикой, в широких слоях населения, повышая возможности левых сил. И именно это привело к тому, что правящая элита этих стран оказалась в значительной мере изолирована от общественности и особенно интеллигенции во время драматических событий 1940 г.

Во-вторых, в Москве принималась во внимание роль Прибалтийских государств для укрепления позиций СССР на севере Европы. Видимо, осознавая неизбежность в недалеком будущем конфронтации с Германией, советское руководство стремилось включить их в орбиту своего воздействия, чтобы ослабить германское влияние на этот регион. Интерес к нему в значительной мере был также связан с политикой СССР в отношении Финляндии, Швеции и Норвегии.

В-третьих, наличие общей границы позволяло широко использовать страны Прибалтики в целях революционной пропаганды (в том числе и по линии Коминтерна) и для проведения разведывательных операций. Все это в совокупности делало регион весьма важным для планов и устремлений московского руководства.

Судя по документам, во время переговоров в Москве в августе 1939 г. представители Германии не только соглашались отдать Прибалтику в сферу советских интересов, но и дали понять, что немецкий рейх не будет вмешиваться в действия Советов на ее территории. Однако тогда было еще неясно, какова будет на практике реакция Берлина и, самое главное, как реализовать включение Прибалтики в сферу интересов СССР. В отличие от Польши этнический фактор не мог быть использован, так как речь шла об исконно балтийских народах, имевших глубокие связи и с немцами, и с финнами, и с поляками (особенно в Литве).

Основываясь на архивных данных, в том числе и опубликованных, можно прийти к выводу, что в Москве в начале сентября проходили оживленные обсуждения на этот счет, рассматривались конечные цели, конкретные шаги и этапы их реализации. Соответствующие поручения были даны от имени Сталина, Молотова и Политбюро различным советским ведомствам и прежде всего Наркомату иностранных дел. Эта работа была возложена непосредственно на начальника Отдела Прибалтийских стран Наркоминдела Васюкова и начальника правового отдела Куроптева (общее поручение касалось не только Латвии, Литвы и Эстонии, но и Финляндии)².

В целом инструкции руководства исходили из идеи о постепенном проникновении в Прибалтийские страны, намечался комплекс различных мер. При этом, как и в случае с Польшей, имелась в виду также задача защиты и обеспечения безопасности СССР. В Москве, очевидно, исходили из того, что на Западе (в частности, в Англии и Франции) свяжут это с попытками противодействия усилению германского проникновения в этот регион.

Решение, принятое руководством страны, нацеливало на выработку предложений, относящихся ко всем Прибалтийским странам и к Финляндии, схожих по содержанию документов, которые могли быть отнесены ко всем этим государствам. Некоторая модификация касалась Литвы, ибо, как показали дальнейшие события, литовские проблемы стали предметом особых переговоров Советского Союза с Германией.

Итак, что же было намечено в Наркоминделе и в других ведомствах страны.

Была выдвинута идея предложить странам Балтии подписать с Советским Союзом пакты о взаимопомощи. Общая идея договоров, очевидно, исходила непосредственно от Сталина и Молотова. В их основу предполагалось положить тезис о необходимости обеспечения безопасности Советского Союза и этих государств в условиях начавшейся войны и возникновения различных угроз. Конкретный возможный источник военной опасности не назывался. В этом смысле каждый из участников договоров был волен выдвигать свои варианты, но Москва явно не возражала, если бы посчитали, что такая опасность могла бы исходить от Германии. Предполагаемые пакты о взаимопомощи создавали некие гарантии для участников, как в отношениях друг с другом, так и третьих сторон.

В такой констатации и в таком содержании договора могли рассматриваться в контексте сложной международной обстановки, фактического разгрома Польши со стороны Германии и состояния войны между англо-французским блоком и Герма-

нией. Они обосновывались именно крайней нестабильностью общей ситуации в Европе.

В Наркоминделе сформулировали политическую и правовую основу договоров, их условия и продолжительность. "В целях обеспечения безопасности и взаимных интересов" советское правительство предлагало Прибалтийским государствам предоставить Советскому Союзу военные базы и согласиться на размещение в них контингентов советских войск. Они должны располагаться в некоторых пунктах Латвии, Эстонии и Литвы (зафиксированных в договорах или в приложениях к ним), включая аэродромы и прибрежные морские порты. Москва намеревалась объявить, что при этом не будет ущемляться суверенитет Латвии, Литвы и Эстонии, и о невмешательстве в их внутренние дела.

Подготовив предложения, Москва поручила своим дипломатам начать зондажи в самих Прибалтийских государствах и в столицах других стран. Укажем в этой связи на активность советских представителей в Германии, Англии и т.д.

14 сентября советский посол в Германии А.А. Шкварцев встретился с литовским послом, который говорил о желательности иметь общую границу с СССР. По его мнению, Литве следовало воспользоваться случаем и занять Виленскую область³. Как видно из дневниковой записи Шкварцева, литовский посланник уверял, что Литва больше тяготеет к Советскому Союзу, чем к Германии, и боится, что немцы, захватив Польшу, лишат его страну самостоятельности. Он снова ставил вопрос о возможности присоединения к Литве части территории на северо-востоке Польши, населенной главным образом литовцами⁴.

В те же дни пресс-атташе посольства СССР в Германии А.А. Смирнов беседовал с литовским журналистом, который интересовался, что будет делать СССР, если Германия, закрепившаяся в Польше, протянет свою руку к Прибалтике? Сегодня, ответил Смирнов, вряд ли Германия станет действовать таким образом, а что касается СССР, то он будет рассматривать всякую агрессию против Прибалтийских государств как непосредственную угрозу своим жизненным интересам⁵.

Намеки на литовские претензии к Польше не прошли незамеченными. В Наркоминделе готовили специальные записки по данному вопросу, в частности историческую справку о границах Литвы и Польши⁶.

В связи с беспокойством в Литве было решено несколько отодвинуть подписание договора с ней и сконцентрировать прежде всего внимание на договорах с Эстонией и Латвией. В Москве сложилось впечатление, что начать следует именно с Эстонии, что создавало прецедент для других Балтийских государств.

Эстонские деятели вели переговоры с советскими представителями и одновременно зондировали ситуацию в других странах. В британских архивах имеется специальное досье о ситуации в Прибалтике в сентябре – октябре 1939 г. Уже 22 сентября в Лондон сообщали из Таллина, что там очень озабочены советской активностью на эстонской границе⁷. Через несколько дней английский консул в Таллине сообщил, что эстонский начальник генерального штаба адмирал Питка был послан в Финляндию с целью узнать, будут ли финны сражаться против СССР⁸.

В донесениях советского посла в Эстонии К.П. Никитина также сообщалось о нескольких встречах с представителями эстонского руководства, в ходе которых они выражали опасение в связи со слухами о том, что при переговорах Риббентропа в Москве затрагивался вопрос о Прибалтике и достигнута какая-то договоренность о ее судьбе. Советский посол все отрицал и стремился успокоить эстонцев⁹.

По данным, полученным в Лондоне из Таллина 27 сентября, Советский Союз намеревался разместить контингенты своих войск на морских и воздушных базах в Эстонии. К Англии, Франции и Германии последовали обращения¹⁰, которые, судя по документам, успеха не имели. Англия, а тем более Германия дали понять, что не намерены вмешиваться в прибалтийские дела.

29 сентября Рига сообщала в Лондон, что советские войска концентрируются на латвийской границе. Министр иностранных дел Латвии сказал французскому послу, что латыши не рассчитывают на германскую помощь¹¹. Английский посол в Греции доложил в Лондон, что по информации из Берлина немцы дали понять греческому послу в Германии, что вопрос об Эстонии касается не Германии, а только России¹².

25 сентября германский посол Шуленбург был приглашен в Кремль. Сталин сказал ему: "Советский Союз в соответствии с протоколом от 23 августа немедленно займется решением прибалтийских проблем". По донесению Шуленбурга, советский лидер добавил, что ожидает широкой поддержки Германии в этом вопросе. При этом он назвал Эстонию, Латвию и Литву, но не упомянул Финляндию¹³.

И именно в эти дни начались переговоры с Эстонией. Видимо, 25 сентября советские требования были доведены до сведения эстонской стороны.

27 сентября в Москву был приглашен эстонский министр иностранных дел Сельтер, который в течение двух дней вел переговоры с Молотовым. Из протокола этих переговоров проясняются те аргументы, которые использовались советской стороной. Главное, о чем говорил нарком, состояло в том, что

СССР нуждается в действенных гарантиях для укрепления своей безопасности. Молотов жестко заявил, что "так дальше продолжаться не может"¹⁴ и Советский Союз решил потребовать от правительства Эстонии таких гарантий, предлагая заключить военный союз или договор о взаимной помощи, который вместе с тем обеспечивал бы Советскому Союзу право иметь на территории Эстонии опорные пункты или базы для флота и авиации¹⁵.

В качестве одного из доказательств был также использован инцидент с польской подводной лодкой, которая зашла в таллинский порт и неожиданно ушла из него. В Москве оценили этот факт как недружественный, учитывая состояние отношений СССР с Польшей. По мнению советских должностных лиц, таинственная лодка находилась где-то в водах Финского залива, создавая угрозу безопасности Советского Союза¹⁶. И хотя эстонские представители всячески доказывали непричастность к этому эстонских властей, в Москве продолжали говорить об угрозе для советского флота.

В ходе переговоров Молотов употребил термин "военный союз" как возможный тип соглашения между СССР и Эстонией, но одновременно сказал и о возможности иметь "пакт о взаимной помощи". Сначала эстонский министр Сельтер заявил, что предлагаемый договор означал бы нарушение эстонского нейтралитета и заключение договора о союзе с великой державой поставило бы малую страну в зависимость от СССР и парализовало бы ее независимость¹⁷. На это Молотов заявил: "Не бойтесь, договор о помощи с Советским Союзом не представляет никакой угрозы. Мы не намереваемся затрагивать ни Ваш суверенитет, ни государственное устройство. Мы не собираемся навязывать Эстонии коммунизм. Мы не хотим затрагивать экономическую систему Эстонии. Эстония сохранит свою независимость, свое правительство, парламент, внешнюю и внутреннюю политику, армию и экономический строй. Мы не затронем всего этого"¹⁸.

Несмотря на эти заверения, эстонские представители продолжали сопротивляться, утверждая, что существующий уже мирный договор 1920 г. и договор о ненападении вполне обеспечивают отношения между двумя странами. Молотов снова упомянул инцидент с подводной лодкой, охарактеризовав его как опасный "симптом"¹⁹, и далее сказал: "Советский Союз теперь великая держава, с интересами которой необходимо считаться. Скажу Вам — Советскому Союзу требуется расширение системы своей безопасности, для чего ему необходим выход в Балтийское море. Если Вы не пожелаете заключить с нами пакт о взаимопомощи, то нам придется использовать для гарантирования своей безопасности другие пути, может быть,

более крупные, может быть, более сложные. Прошу Вас, не принуждайте нас применять силу в отношении Эстонии"²⁰.

Эстонские представители запросили перерыв для консультации с правительством и начали готовиться к немедленному полету в Таллин. Но через 30 мин. им позвонили из Кремля и снова пригласили на встречу, на которой Молотов и Микоян представили письменный текст проекта договора вместе с дополнительным протоколом, который предусматривал предоставление Советскому Союзу базы на островах, в Таллине, Пярну и "возможно еще где-нибудь". Эстонские делегаты пытались возражать, особенно против размещения советской базы в столице и т.д. На этом переговоры были прерваны, и эстонский министр выехал в Эстонию. Их сроки были выбраны в Москве не случайно. Именно в те дни германский министр иностранных дел Риббентроп снова приехал в Москву для переговоров о подписании нового договора между двумя странами. Мы уже упоминали о разговоре Сталина и Молотова с Шуленбургом, который, судя по всему, состоялся как раз после первого дня переговоров Молотова с эстонским министром иностранных дел.

Тем временем в Таллине 26 сентября состоялось совместное заседание комиссий по иностранным и военным делам парламента, на котором были обсуждены советские предложения о заключении договора и предоставлении СССР военных баз. Ключевым было выступление главнокомандующего вооруженными силами генерала И. Лайдонера. Он сразу же заявил, что если мы не достигнем соглашения с Россией, то будет война. По мнению генерала, проект договора не является ультиматумом. Далее он объяснил, что в случае вооруженного столкновения Эстония "известное время сможет сопротивляться", однако конец будет ясен. Хотя Россия, возможно, и не очень сильна в военном отношении, она все же в состоянии выставить против нас достаточное количество войск²¹. Есть ли у нас, ставил вопрос генерал, надежда на помощь. И отвечал:

"Скажу определенно, что мы ее сейчас ниоткуда не получим... Сейчас никто не захочет помогать нам, так как это втянуло бы его в конфликт, в то время как общим стремлением является — остаться в стороне. Сейчас — все эгоисты. Несомненно, очень удручающе подействовал распад 35-миллионного польского государства за такое короткое время. Кроме всего прочего, трудно начинать войну, когда тебе предлагают договор о помощи...

Мы в таком положении, что нам очень трудно оказать сопротивление. Нас ставят в такое положение, что мы должны сделать первый выстрел... Было бы очень легкомысленно ввергнуть нашу страну в военный конфликт. Мы должны сделать все, чтобы спокойно выйти из этого положения".

Примерно в таком же духе выступали и многие другие участники заседания. Президент и член Государственного совета В. Пятс, как бы подытоживая дискуссию, сказал: "Кажется, мы можем избрать лишь один путь. Надежды на помощь нет. Если начнется война, то погибнет все наше государство и вся наша интеллигенция. Мы погубим много народного богатства и множество людей"²².

Посол Эстонии в Москве А. Рей, также присутствовавший на заседании, сказал, что не следует воспринимать всю ситуацию столь трагически, в данной ситуации нет возможности выбора другого пути, иначе страну постигнет участь Польши. По его мнению, реальным противовесом России могли бы быть Польша и Германия и никто другой. Британская мощь сюда не дойдет. Не в состоянии этого сделать и Франция. Но теперь и Германия нейтрализована пактом с Россией. Он сослался также на слова Молотова о том, что в Эстонии сохранится парламент, правительство и т.п.

В итоге участники заседания высказались за принятие советских требований и просили министра иностранных дел продолжать бороться за улучшение условий договора²³.

27 сентября в Москве возобновились советско-эстонские переговоры. Сразу же Молотов сослался на то, что в Лужской бухте замечены перископы двух подводных лодок, это еще более обостряет обстановку, и в таких условиях Москва увеличивает свое требование о праве разместить в Эстонии не 25 тыс., о чем шла речь ранее, а уже 35 тыс. человек.

Последовала трудная и долгая дискуссия по этому и другим вопросам и формулировкам. К переговорам присоединился Сталин. В его присутствии Сельтер назвал требование о размещении на территории Эстонии 35 тыс. человек "военной оккупацией". Сталин включился в дискуссию и сказал: "Ввод частей Красной Армии в Эстонию безусловно необходим. Заверяю Вас, что без этого заключение договора невозможно, и мы были бы вынуждены искать другие пути для укрепления безопасности Советского Союза"²⁴. В конце дискуссии Сталин пошел на уступку, и число войск было уменьшено до 25 тыс.

Острой темой на переговорах стало и требование Москвы включить в число мест, где будут размещаться военные базы, столицу страны. После долгих споров Сталин согласился исключить Таллин (он был заменен на базу в Палдиски) и в качестве компромисса предложил упомянуть в протоколе таллинский порт, куда советские суда будут заходить для снабжения провиантом и топливом и для стоянки.

В итоге тексты Пакта о взаимопомощи и Конфиденциального протокола были согласованы и подписаны. Обращаясь к Сельтеру, Сталин сказал: "Соглашение достигнуто. Могу Вам

сказать, что правительство Эстонии действовало мудро и на пользу эстонскому народу, заключив соглашение с Советским Союзом. С Вами могло бы получиться как с Польшей. Польша была великой державой. Где теперь Польша? Заверяю Вас откровенно, что Вы действовали хорошо и в интересах своего народа"²⁵.

Отметим, что во время одного из перерывов на переговорах советские представители сделали так, чтобы, выходя из зала, эстонская делегация увидела Риббентропа, ожидающего встречи со Сталиным. Этим самым как бы еще раз было подчеркнуто, что эстонцам нечего ждать поддержки из Берлина.

В целом подписание Пакта и Конфиденциального протокола с Эстонией становилось для Москвы прецедентом, открывая путь к заключению аналогичных договоров с Латвией и Литвой. Пакт устанавливал за Советским Союзом право иметь на эстонских островах Сааремаа (Эзель), Хийумаа (Даго) и в г. Палдиски (Балтийский порт) базы военно-морского флота и несколько аэродромов для авиации на правах аренды. В целях охраны этих баз и аэродромов СССР получил право держать на этих базах гарнизоны в общей сложности до 25 тыс. человек наземных и воздушных вооруженных сил"²⁶.

Первые же отклики на советско-эстонский пакт подтвердили соображения эстонской стороны о том, что, несмотря на беспокойство многих стран Запада, Эстонии неоткуда было ждать какой-либо помощи и поддержки.

Во время переговоров эстонский представитель по поручению директора политической полиции посетил Берлин, где ответственный германский деятель заявил, что "пребывание советских войск в Эстонии может рассматриваться как временное"²⁷.

Посланник США в Эстонии и Латвии Дж. Уайли в пространной телеграмме в Вашингтон сообщал 3 октября: "Достоверная информация подтверждает впечатление, что Германия далеко не в восторге от подобного нового появления Советского Союза в Прибалтике. Действительно, текст пакта о взаимопомощи может оказаться направленным в первую очередь против Германии... Советский Союз может в ближайшем будущем успешно бросить вызов Германии по поводу восточной Прибалтики". Представитель США сделал общий вывод: "Советская политика не только не соответствует основным положениям политики Германии, но даже препятствует ее продвижению в Центральной Европе на юго-восток"²⁸. Схожие оценки ситуации давались и в других столицах Европы.

На Запад просочились сведения о советских условиях. Эстонский посол в Хельсинки сообщал, что на переговорах Молотов использовал жесткие формулы, что в последний момент Сталин сделал великодушный жест, и теперь условия стали

вполне приемлемыми для подписания договора²⁹. Ту же версию передали в Лондон непосредственно из Таллина³⁰.

А в самой Эстонии президент страны К. Пятс, выступая с речью, заявил:

"Пакт о взаимопомощи не задевает наших суверенных прав. Наше государство остается самостоятельным, таким, каким оно было и до сих пор. Заключение пакта означает, что Советский Союз проявляет по отношению к нам свою доброжелательность и оказывает нам свою поддержку, как в экономическом, так и в военном деле...

Учитывая историю нашего государства и наше географическое и политическое положение, становится ясным, что мы должны были вступить в соглашение с СССР. В качестве прибрежного государства мы всегда были посредниками между Западом и Востоком. Переговоры закончились подписанием пакта о взаимопомощи и были подлинно равными переговорами, в которых выслушивались и учитывались мнения и предложения обеих сторон"³¹.

Принимая во внимание весь комплекс проблем и складывающуюся обстановку, эстонский президент настраивал политическую элиту страны на признание реальностей и на нормальные отношения с их великим соседом. Он отдавал себе отчет, что в тех условиях у Эстонии не было иной альтернативы. Один из главных его аргументов заключался в том, что Эстония сохранила свой суверенитет, государственный строй и все атрибуты государственной власти. М. Ильмярв, подробно осветив все перипетии дискуссии в Таллине, снова связал решение эстонского правительства с внутренней ситуацией в Эстонии, с авторитарным характером режима.

Тем временем в Москве немедленно после подписания договора с Эстонией обратились к Латвии. Именно здесь советское правительство столкнулось с большими трудностями, чем с соседней Эстонией.

Еще 2 сентября советский посол в Латвии И. Зотов сообщал в Москву о своей беседе с латвийским министром иностранных дел Мунтерсом, который выразил тревогу по поводу слухов о соглашении между Советским Союзом и Германией в отношении Прибалтики³². Беспокойство в Риге усилилось также в связи с публикацией в "Известиях" заметки о намерении СССР увеличить войска на своих западных границах³³. Мунтерс зондировал возможность публикации в советской прессе заявления, опровергавшего упомянутые слухи³⁴.

13 сентября Мунтерс посетил Москву, где был принят Молотовым, и снова касался обстоятельств подписания советско-германского пакта и его вероятных последствий для Латвии. Молотов попытался успокоить латвийского министра, намекнув, что советско-латвийский пакт о ненападении может явиться базой для нормальных отношений³⁵.

В связи с усиливающимися слухами латвийский МИД 15 сентября разослал своим представительством за рубежом специальный отчет о сложившейся ситуации³⁶.

На следующий день И.С. Зотов сообщал в Москву, что в беседе с ним военный министр Латвии выразил озабоченность в связи с возможным "приходом Красной Армии". Мысль об этом была навеяна частичной мобилизацией войск в Советском Союзе. Министр упомянул и о возможности сближения между двумя странами в экономической и политической областях³⁷.

В ходе переговоров с Риббентропом в конце сентября Сталин сообщал немцам, что эстонское правительство дало согласие на советские условия и в самое ближайшее время аналогичные условия будут предъявлены и Латвии³⁸. Это и произошло, видимо, 28—29 сентября. Во всяком случае известно, что 1 и 3 октября 1939 г. в Риге состоялись экстренные заседания кабинета министров. На первом из них президент Латвии К. Ульманис сообщил об отъезде в Москву министра иностранных дел для переговоров с советским правительством. Необходимость такой поездки он объяснил состоявшимся подписанием договора СССР с Эстонией. Кабинет министров согласился с двумя целями переговоров — "сохранить мир в стране и защитить интересы латвийского народа и государства"³⁹.

По возвращении Мунтерса из Москвы и до начала следующего заседания кабинета министров президент Ульманис встретился с германским послом в Риге Котце, чтобы выяснить позицию Германии в связи с советскими требованиями, выдвинутыми в отношении Латвии⁴⁰. Из беседы с Котце Ульманис понял, что Латвия не сможет ожидать поддержки от Германии⁴¹. Очевидно, после этой беседы сам Ульманис написал предложения для заседания кабинета министров. Вот их содержание: "Правительство одобряет действия Мунтерса и поручает ему достичь соглашения с Москвой на основе принципов эстонского соглашения, пытаясь достичь, насколько это возможно, позитивных результатов"⁴². Они были обсуждены на упомянутом заседании кабинета министров Латвии 3 октября, который, дав свое согласие, поручил Мунтерсу «делать все необходимое, чтобы улучшить текст уже подписанного советско-эстонского соглашения, пытаясь достичь более благоприятных условий для соглашения с Латвией».

В общем плане кабинет министров уполномочил Мунтерса подписать пакт о взаимной помощи с Советским Союзом. Стремясь реализовать идею об "улучшении текста соглашения, правительство решило направить в Москву помимо Мунтерса О. Озолиньша из гражданского департамента Сената и директора отдела Министерства иностранных дел Кампе⁴³.

По многочисленным данным, латвийская сторона заняла на переговорах с Москвой более неуступчивую позицию. В дневнике Г. Димитрова имеется запись об одной из встреч в Кремле, на которой Сталин в резкой форме заявил о том, что вынудит латышей принять советские требования⁴⁴.

В итоге 5 октября в Москве двумя министрами — Молотовым и Мунтерсом были подписаны Пакт о взаимопомощи между Советским Союзом и Латвийской республикой и Конфиденциальный протокол. В целом пакт с Латвией полностью совпадал с текстом договора с Эстонией. В этом смысле расчет Кремля оказался точным: взяв за образец договор с Эстонией и добившись его подписания, он открыл себе дорогу и в другие Балтийские страны.

Москва, так же как и в случае с Эстонией, добилась права на создание базы военно-морского флота и нескольких аэродромов (на правах аренды) в городах Лиепая (Либава) и Венспилсе (Виндава). На этих базах и аэродромах Советский Союз мог также иметь гарнизоны до 25 тыс. человек наземных и воздушных вооруженных сил⁴⁵. Чтобы реализовать эти договоренности, Москва немедленно приступила к организации гарнизонов на выделенных базах и аэродромах.

Более сложный комплекс проблем был связан с подписанием пакта Советского Союза с Литвой. Особенность заключалась в том, что с самого начала была выдвинута идея приращения литовской территории за счет земель в северо-восточной части Польши. Собственно уже в текст секретного протокола к советско-германскому пакту был внесен пункт о том, что "интересы Литвы по отношению Виленской области признаются обеими сторонами"⁴⁶.

Хотя содержание секретного протокола было неизвестно, но, видимо, в Литве, как и в других балтийских столицах, были убеждены, что их судьба во многом зависит от советско-германских отношений.

В Москве идея передать Вильно и прилегающие районы Литве получила одобрение. Именно поэтому в Кремле, готовя пакты со странами Прибалтики, отделили "литовский случай", отложив подписание договора о взаимопомощи. Кроме того, решение литовского территориального вопроса предполагало проведение новых дополнительных переговоров между Советским Союзом и Германией.

В ходе бесед литовских представителей с советскими дипломатами литовцы говорили о желательности более тесных связей Литвы с Советским Союзом, о предпочтительности этих связей перед литовско-германскими. Литовские деятели поднимали вопрос о передаче им Вильно с прилегающей областью не один раз⁴⁷. В дальнейшем они почти ежедневно возвраща-

лись к этому, выдвигая в качестве дополнительного аргумента свое желание иметь общую границу с Советским Союзом⁴⁸.

Примерно к 20 сентября в Москве приняли решение поставить этот вопрос на предстоящей советско-германской встрече, намеченной на конец сентября. Накануне очередного приезда Риббентропа в Москву 25 сентября Молотов затронул его в предварительных беседах с немецкими представителями⁴⁹. В ходе переговоров с Риббентропом Сталин и Молотов снова подняли эту проблему, и немцы в принципе дали согласие на передачу Литве части восточной Польши (Вильно с округой) с соответствующей компенсацией для Германии, предложив в дальнейшем продолжить обсуждение конкретных вопросов, чтобы определить, какую часть литовской территории Германия получит в счет компенсации за уступку Вильно. Впоследствии, 8 октября Шуленбург просил Молотова подтвердить, что между Советским Союзом и Германией существует согласие по вопросу о Литве, и в связи с этим просил, чтобы части Красной Армии в случае вступления на территории Литвы не занимали территорию, которая должна отойти к Германии⁵⁰.

Несколькими днями раньше Риббентроп просил Молотова на его переговорах с министром иностранных дел Литвы Урбшисом не упоминать секретного соглашения между Германией и СССР от 28 сентября относительно уступки Германии части литовской территории⁵¹. Видимо, немцы вели какую-то игру в отношениях с Литвой, выделяя эту страну из общего контекста своих отношений со странами Прибалтики.

Решив вопрос с Германией, Москва немедленно приступила к реализации своих планов и в отношении Литвы. В конце сентября Молотов пригласил в Кремль литовского посла Л. Наткявичюса и заявил, что правительство СССР выражает пожелание, чтобы премьер-министр или министр иностранных дел Литвы немедленно прибыли в Москву⁵².

3 октября министр Ю. Урбшис приехал в Москву, и сразу же начались переговоры. Тон и стиль партнеров были аналогичными тем, которые советское руководство уже вело с Эстонией и Латвией, был добавлен только вопрос о Вильно. Сталин, принявший участие в переговорах, заявил: Советский Союз договорился с Германией о том, что большая часть Литвы отходит к советской сфере интересов, а узкая приграничная часть — к Германии⁵³. При этом он подчеркнул, что этот раздел потребовали немцы. Молотов заметил, что любое империалистическое государство заняло бы Литву, но "мы не были большевиками, если бы не искали новые пути". Сталин уточнил, что Литва должна подписать с СССР два договора — один о возвращении Вильно Литве, другой — о взаимопомощи⁵⁴.

Таким образом, вопрос свелся снова к тем пактам о взаимопомощи, которые уже были достигнуты в отношении Эстонии и Латвии. Советские лидеры заявили также, что пакт о взаимопомощи предполагает право СССР ввести на территорию Литвы контингент войск до 50 тыс. человек. В отличие от других стран Балтии в Литве не фиксировались районы для получения советских баз. Речь шла просто о праве иметь войска в Литве для совместной защиты государственных границ Литвы.

Литовский министр начал свое выступление с того, что не имеет полномочий из Каунаса. Молотов напомнил, что такой договор с Эстонией уже подписан и вскоре будет подписан с Латвией; Москва, как и прежде, остается дружественно настроенной по отношению к Литве и желает ей добра. Ссылаясь на договор с Эстонией и Латвией, Молотов произнес: "Неужели Литва хотела бы нарушить всю оборонительную систему".

Сталин согласился сократить численность советских войск до 35 тыс. человек. Он сказал, что советские военные гарнизоны могут быть размещены в ряде районов литовской территории, вне Каунаса, и в вильнюсском крае⁵⁵, и, обращаясь к литовскому министру, заявил: "Германия отрезала у вас территорию. Мы же, напротив, даем"⁵⁶. Как видно, на переговорах вопрос о Вильно рассматривался как ключевой аргумент.

Литовская делегация вернулась в Каунас, где последовало обсуждение советских требований примерно в таком же духе, как и в Таллине и Риге. Как и в этих столицах, литовцы попытались связаться с Германией, но чиновник немецкого МИДа ответил, что на проблему присоединения к Литве Вильно "Германия махнула рукой"⁵⁷.

Решающим аргументом для литовских политиков в пользу принятия советских требований было возвращение Вильно. Они поручили министру попытаться убедить советское правительство не вводить в договор пункт о советских гарнизонах на территории Литвы в мирное время, но в целом литовские власти дали согласие на подписание договора о взаимопомощи.

7 октября вечером Ю. Урбшис возвратился в Москву, и переговоры возобновились. Министр заявил о согласии Литвы на подписание договора о взаимопомощи и снова просил не включать пункт о вводе советских войск. Но Сталин и Молотов ответили на это решительным отказом. Они напомнили, что "любое капиталистическое государство в таких обстоятельствах просто заняло бы Литву", в то время как Советский Союз отнюдь не посягает на ее независимость⁵⁸.

9 октября правительство Литвы подтвердило свое согласие на договор, и 10 октября в Москве состоялась его подписание.

По предложению Москвы проекты обоих договоров были объединены в один под названием "Договор о передаче Литов-

ской республике города Вильно и Виленской области и о взаимопомощи между Советским Союзом и Литвой". Перечень конкретных мест расположения гарнизонов был опущен, а количество войск определено в 20 тыс. человек. В договоре было указано, что г. Вильно и Виленская область передаются Литовской республике в целях закрепления дружбы между СССР и Литвой⁵⁹.

* * *

Говоря в целом о договорах Советского Союза со странами Прибалтики, следует еще раз подчеркнуть значение для принятия ими решений позиции Германии и англо-французского блока. Что касается Германии, то, несмотря на свои традиционные связи со странами Балтийского региона, в Берлине твердо придерживались политики невмешательства, вытекавшей из секретного протокола с Советским Союзом о разделении сфер влияния. В пространной беседе с итальянским министром иностранных дел графом Чиано 1 октября фюрер заявил, что в немецкие интересы не входит иметь враждебного соседа на востоке и что политическая и экономическая организация на территориях к востоку от известной линии является исключительно делом России⁶⁰. Судя по документам, эта линия была доведена немцами до сведения Таллина, Риги и Каунаса.

В любом случае руководители Эстонии, Латвии и Литвы, как мы уже видели, отчетливо понимали, что ни на какую поддержку Берлина они рассчитывать не могут. В этом отношении следует упомянуть сообщение Риббентропа немецким послам в октябре 1939 г. До их сведения доводилось, что во время переговоров в Москве состоялась конфиденциальная дискуссия о разделении сфер интересов в Восточной Европе, и в частности касающихся бывшего Польского государства, а также Литвы, Латвии и Эстонии. При этом была упомянута советско-германская граница в Польше по договору от 28 сентября и германо-литовская. И в заключение следовал вполне определенный вывод: "Это означает, что Литва, Латвия, Эстония и Финляндия не принадлежат к германской сфере интересов". "Я прошу Вас, — обращался министр к немецким послам в Таллине, Риге, Хельсинки, — воздержаться от каких-либо заявлений по этим вопросам"⁶¹.

Схожая позиция была изложена Гитлером и Риббентропом во время их беседы с эстонским послом в Берлине Меллерсоном. Они активно защищали соглашение с Советским Союзом, подчеркивая, что Германия извлекает большую пользу от связей с Россией⁶². Естественно, в сентябре — октябре, после подписания договора с Советским Союзом, Германия была заинтересована в соблюдении его условий, всячески подчеркивала это и особенно стремилась полностью выполнять те из них, которые касались разделения сфер влияния.

Следует обратить особое внимание на германскую позицию, поскольку все Балтийские страны в той или иной степени ориентировались в 30-е годы именно на Германию, а также и на Великобританию. По мнению М. Ильмярва, именно ставка на Германию оказала негативное воздействие на политику Эстонии и других стран Балтии, ослабив их позиции и в целом и на переговорах с Советским Союзом.

Страны Балтии не получили поддержки и со стороны Англии и Франции, влияние и интересы которых традиционно в меньшей степени распространялись на этот регион. Кроме того, находясь в состоянии войны, Лондон и Париж предпочитали занимать более осторожную позицию. Наконец, в отношении Прибалтики линия Лондона очень напоминала ту, которую британский военный кабинет вел после вступления советских войск в Польшу. Фактически, как и в этом случае, руководители Великобритании и Франции не выразили серьезного недовольства или протеста Советскому Союзу. К тому же весьма активно муссировалась идея, что договоры СССР со странами Прибалтики могут препятствовать распространению влияния Германии и в дальнейшем даже привести к обострению отношений между ними.

Особый интерес в этой связи вызывают аналитические записки, которые готовились в недрах британской разведки начиная с 1 октября 1939 г. и представлялись английскому правительству. Они разрабатывались по одному и тому же формату и содержали анализ ситуации в разных странах мира. В материалах от 10 и 17 октября, касавшихся Балтийского региона, фиксировались фактические данные о договорах Советского Союза со странами Прибалтики. Британская разведка называла их "жертвами русского давления". Во всех октябрьских записках отмечалось, что массовый отток немецкого населения из Прибалтики и общая реакция Германии показывают, что страны Балтии, кажется, теперь потеряны для германского проникновения⁶³. Эти соображения британских спецслужб шли в одном русле с позицией британского кабинета о том, что советское продвижение в Прибалтику может создать напряженность в отношениях СССР с Германией.

Посол СССР в Англии И. Майский сообщал в Москву о своих беседах с британскими политиками и дипломатами, в которых они затрагивали и балтийские дела. У. Черчилль заявил, что Англия не имеет оснований возражать против действий СССР в Прибалтике. Конечно, кое-кто из сентиментальных либералов и лейбористов может пускать слезы по поводу "русского протектората" над Эстонией или Латвией, но к этому нельзя относиться серьезно. Черчилль, писал советский посол, прекрасно понимает, что СССР должен быть хозяином на вос-

точном берегу Балтийского моря, и он очень рад, что Балтийские страны включаются в нашу, а не в германскую государственную систему. Это исторически нормально и вместе с тем сокращает возможный "лебенсraum" для Гитлера. Здесь опять-таки интересы Англии и СССР не сталкиваются, а скорее совпадают⁶⁴. По словам Майского, Черчилль даже добавил: "Если Балтийские страны должны потерять свою самостоятельность, то лучше, чтобы они включились в советскую, а не в германскую государственную систему"⁶⁵.

Но это была все же еще не позиция руководителей британского правительства. Однако через 10 дней уже Галифакс встретился с советским послом, интересовался балтийскими делами и в конце концов признал, что "пакты с Эстонией, Латвией и Литвой стабилизировали отношения и явились вкладом в дело укрепления мира в Восточной Европе"⁶⁶.

Схожую позицию заняло и правительство Франции. По информации советского посла в Париже Я. Сурица, "французы и ранее относились гораздо спокойнее к нашему укреплению на Балтике, чем англичане". Объяснимо это сравнительно слабой заинтересованностью французов в Балтике. Балтийская акция все время расценивалась в двух разрезах — в разрезе бесспорных и никак не оспариваемых советских интересов и в планах оттеснения немцев от Балтики. Последний момент особенно оттеняется и подводит к выводам Черчилля о совпадении конечных интересов⁶⁷. В другой телеграмме в Москву Я. Суриц снова указывал, что после подписания советско-эстонского договора в Париже вынуждены были признать, что это было "законной защитой наших интересов в Балтийском море и проведено в рамках соблюдения эстонского суверенитета"⁶⁸.

В середине октября заместитель наркома иностранных дел В.П. Потемкин имел беседу с бельгийским посланником Хейдриксом, который интересовался ситуацией в Прибалтике. Потемкин уверил бельгийского дипломата, что "договора с Литвой, Латвией и Эстонией показали, насколько успешно нам удалось достигнуть миролюбивых соглашений с этими странами и обеспечить безопасность как их собственных, так и советских государственных границ от любого нападения"⁶⁹.

Страны англо-французского блока больше волновало, как советское движение в Прибалтику отразится на советско-германских отношениях и каковы могут быть цели СССР в этом регионе. В этом плане показательны также телеграммы Я. Сурица в Москву уже 19 октября. По его мнению, французские политические круги в первую очередь задаются вопросами — существует ли договоренность между СССР и Германией в отношении Прибалтики и компенсируются ли германские уступки обязательствами со стороны Советского Союза; каковы воз-

возможные последствия советских акций для будущей Восточной Европы; повлекут ли они за собой окончательное утверждение там СССР и оттеснение Германии. Суриц считал, что оценки и выводы французского руководства "оптимистичны". Преобладает мнение, что "СССР не выйдет из нейтралитета и что его балтийская политика, ослабляя германизм и преграждая ему дорогу на Восток, объективно и в перспективе выгодны Франции"⁷⁰.

Эта же идея прозвучала и во многих других комментариях и беседах. Так, в ходе беседы югославского посла и латвийского посланника в Бухаресте 10 ноября 1939 г. по поводу Балтики также был употреблен термин "оборонительный барьер"⁷¹.

Таким образом, позиция Англии и Франции и их союзников в отношении советских действий в Прибалтике была умеренно-выжидательной и объективно выгодной для Советского Союза. Не прозвучало никаких заявлений и протестов, не было оказано никакой поддержки Прибалтийским государствам. Нет сомнения, что для лидеров Англии и Франции интересы борьбы с Германией и постоянное стремление удержать Москву от слишком тесных с ней отношений заставляли Лондон и Париж воздерживаться от каких-либо резких движений. И если в случае с Польшей в Лондоне удовлетворились намерением Кремля остановиться на "линии Керзона", то в отношении Прибалтики у западных государств не было и такой "спасительной формулы". Видимо, здесь превалировали два фактора — общий геостратегический, связанный с войной против Германии, и отсутствие прямой заинтересованности и прочного влияния в балтийской зоне.

В итоге советские действия в Прибалтике и подписание договоров с Эстонией, Латвией и Литвой вслед за польской акцией позволили Москве продолжать усиливать свои позиции в Восточной Европе и укреплять безопасность СССР в условиях начавшейся войны.

Как уже упоминалось, Сталин раскрыл смысл советских действий в Прибалтике в сентябре — октябре 1939 г. На одной из встреч в Кремле вместе с Димитровым и Ждановым 25 октября он сказал: "В пактах о взаимопомощи (с Эстонией, Латвией и Литвой) мы нашли ту форму, которая позволит нам поставить в орбиту Советского Союза ряд стран. Но для этого нам надо выдержать и строго соблюдать их внутренний режим и самобытность. Мы не будем добиваться их советизации. Придет время, когда они сами это сделают"⁷².

Многое в решении будущих проблем зависело от международной ситуации. В любом случае после заключения договоров о взаимопомощи и размещения советских войск в странах Прибалтики Москва получала сильные рычаги воздействия, чтобы усилить свои позиции в этом регионе.

Следует подчеркнуть, что, закрепляясь в Литве, Латвии и Эстонии, СССР усиливал свое влияние, ограничивая продвижение Германии на Восток, и, как казалось советскому руководству, обеспечивал свою безопасность на своих северо-западных границах.

В контексте современных дискуссий, в том числе и с участием историков стран Балтии, можно отметить, что договора о взаимопомощи (хотя и с использованием политического давления Москвы) были подписаны официальными представителями Прибалтийских государств после решений, принятых их руководством, в условиях (как отмечают ряд историков этих государств) отсутствия каких-либо иных реальных альтернатив⁷³.

¹ *Ilmjärv M. Silent Submission. Formation of Foreign Policy of Estonia, Latvia and Lithuania. Stockholm, 2007. P. 578.*

² АВП РФ. Ф. 0135. Оп. 24. Д. 7. Л. 76–78, 88–92; Ф. 06. Оп. 1. Д. 194. Л. 8–13; Оп. 2. Д. 318. Л. 3–4.

³ ДВП СССР. Т. XXII; 1939 год. Кн. 2. М., 1992. С. 82.

⁴ Там же. С. 69.

⁵ Там же. С. 72.

⁶ Там же. С. 104–106.

⁷ Public Record Office. Foreign Office. 371/23689/ Northern-Soviet Union. P. 7.

⁸ *Ibid.* P. 23.

⁹ На чаше весов: Эстония и СССР. 1940 год и его последствия. Таллинн, 1999. С. 13, 15 и др.

¹⁰ Там же. С. 25.

¹¹ Там же. С. 41.

¹² Там же. С. 42–43.

¹³ *Nazi-Soviet Conspiracy and the Baltic States. Diplomatic Documents and the Evidence. L., 1948. P. 37–38.*

¹⁴ На чаше весов... С. 23.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 24.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 32.

²² Там же. С. 32–33.

²³ Там же. С. 34–35.

²⁴ Там же. С. 41–42.

²⁵ Там же. С. 52–53.

²⁶ Там же. С. 54–56.

²⁷ *Ilmjärv M. Op. cit. P. 372.*

²⁸ *Foreign Relations of the United States. Diplomacy Papers. The Soviet Union. 1933–1939. Wash., 1952. P. 949–952.*

- 29 Public Record Office. F.O. 371/23689. P. 52.
- 30 Ibid. P. 87.
- 31 См.: Известия. 1939. 2 окт.
- 32 Полпреды сообщают: Сб. документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией. Август 1939 – август 1940 г. М., 1990. С. 21.
- 33 Известия. 1939. 30 авг.
- 34 Полпреды сообщают... С. 107.
- 35 The Occupation and Annexion of Latvia. 1939–1940. Documents and Materials. Riga, 1990. P. 109.
- 36 Ibid. P. 109–113.
- 37 ДВП. Т. XXII. Кн. 2. С. 91–92.
- 38 The Occupation and Annexion of Latvia... P. 120.
- 39 Ibid. P. 125.
- 40 Ibid. P. 126.
- 41 Ibid. P. 127.
- 42 Ibid.
- 43 Ibid. P. 126.
- 44 The Diary of Georgi Dimitrov. New Naven, 2003. P. 120.
- 45 ДВП. Т. XXII. Кн. 2. С. 162–163.
- 46 Там же. С. 173–176.
- 47 Там же. Кн. 2. С. 69.
- 48 Там же. С. 82.
- 49 Там же. С. 605.
- 50 Там же. С. 617.
- 51 Там же.
- 52 См.: Урбшис Ю. Литва в годы суровых испытаний. 1939–1940. Вильнюс, 1989. С. 25.
- 53 Там же. С. 27.
- 54 Там же. С. 28.
- 55 Там же. С. 30.
- 56 Там же. С. 31.
- 57 Там же. С. 33.
- 58 Там же. С. 37.
- 59 ДВП. Т. XXII. Кн. 2. С. 173–176.
- 60 Documents on Germany Foreign Policy. 1918–1945. Series D. L., 1937–1945. Vol. VIII: The War Years. P. 188.
- 61 The Occupation and Annexation of Latvia... P. 134.
- 62 Ibid. P. 153.
- 63 Ibid.
- 64 ДВП. Т. XXII. Кн. 2. С. 168.
- 65 Там же. С. 619.
- 66 Там же. С. 191.
- 67 Там же. С. 178.
- 68 Там же. С. 143–144.
- 69 Там же. С. 181.
- 70 Там же. С. 202–203.
- 71 Public Records Office. FO. 371/23678. P. 233–234.
- 72 The Diary of Georgi Dimitrov. P. 120.
- 73 См., например: *Ilmjärv M.* Op. cit. P. 425–428.

Новые партнеры или союзники? Сентябрь 1939 – весна 1940 года

Взаимоотношения с Германией после августовского пакта заняли главное место в советской внешней политике. Они развивались по двум основным направлениям. Во-первых, в тот период шло активное становление новых ориентиров в отношениях с Германией в экономической, политической, военной и даже идеологической сферах. Во-вторых, советское руководство реализовывало положения секретного протокола, обеспечивающие советское присутствие в Восточной Европе, прежде всего в Польше и Прибалтике. Постепенно в Москве готовились к аналогичным действиям в отношении Финляндии. По всем этим вопросам, естественно, происходили оживленные советско-германские контакты. Советский Союз нуждался в немецкой поддержке своих действий в этом регионе.

Ситуация, возникшая в результате договора от 23 августа, требовала от Москвы выработки определенной политической линии в подходе к отношениям с Германией. При этом необходимо было учитывать многие факторы. В течение ряда лет Москва осуждала германский фашизм, на это были ориентированы все идеологические ведомства и средства информации. Поскольку германский режим и после подписания пакта оставался неизменным, советское руководство должно было как-то объяснить свой новый курс. Конечно, можно было ограничиться чисто прагматическими действиями, решая конкретные внешнеполитические задачи. Но Кремль был заинтересован в долгосрочной перспективе.

В российских архивах нет большого массива документов, которые позволили бы проанализировать процесс выработки позиций в отношении Германии в сентябре – октябре 1939 г. В целом в Кремле были удовлетворены ходом событий после подписания августовского договора с Германией. Советские войска фактически без единого выстрела вернули себе часть территории Польши, населенные украинцами и белорусами; Прибалтийским странам были предъявлены требования, и первые же отклики из Таллинна показали, что запланированное заключение договора с Эстонией было близко к завершению.

Во второй половине сентября, особенно после вступления Красной Армии на территорию Польши, естественно, встал во-

прос о демаркации новой советско-германской границы. Формально именно этот вопрос был поводом для очередной встречи. Но он не мог быть причиной для обязательного визита в Москву деятеля столь высокого ранга, как Риббентроп. Вопрос о демаркации оказался второстепенным, а на первый план выдвинулись иные политические проблемы.

И все же конкретные переговоры по поводу точной границы между Германией и Советским Союзом, проходившие между 18 и 22 сентября, послужили формальным поводом для телеграммы Риббентропа Шуленбургу 23 сентября. В ней, касаясь проблемы границ Рейха на Востоке, Риббентроп впервые упоминает о том, что "хорошо бы пригласить Молотова в Берлин", но если это невозможно, то он готов сам приехать в Москву, и далее указывает возможные конкретные даты — 27 или 28 сентября¹.

Таким образом, история как бы повторялась спустя один месяц. В августе вопрос о визите Риббентропа в Москву решался буквально в течение двух — трех дней и теперь был решен 24 — 25 сентября, поскольку Молотов ответил, что не сможет в ближайшее время поехать в Берлин.

Судя по германским документам, между 23 и 27 сентября в Берлине оживленно обсуждались новая граница и текст совместного германо-советского коммюнике. Берлин постоянно связывался с Шуленбургом, который почти ежедневно контактировал с Молотовым и Сталиным. И именно для окончательного согласования и подписания документов Риббентроп прибыл в Москву вечером 28 сентября.

Разумеется, участники предстоящих переговоров понимали, что речь будет идти прежде всего о ситуации, возникшей после завершения польской кампании. В связи с демаркацией новой советско-германской границы накануне переговоров встал вопрос и более серьезного политического свойства. Он касался судьбы Литвы. В договоре от 23 августа этот вопрос был лишь обозначен и фактически оставлен до последующего решения.

20 сентября Молотов в беседе с Шуленбургом предложил обсудить судьбу Польского государства². Через несколько дней в ходе очередной встречи с германским послом он предлагает рассмотреть вопрос об «изменении границы сферы интересов с целью "обмена" Восточной Польши на Литву»³. В Москве, видимо, усматривали такую возможность во время августовских переговоров и в ходе контактов в сентябре.

Несмотря на настойчивые рекомендации Гитлера, чтобы Красная Армия вступила и на территории Восточной Польши, Кремль проявлял осторожность, ограничиваясь территориями, населенными украинцами и белорусами, взяв в качестве рубе-

жа реки Нарев, Западный Буг и Сан. Сталин, следуя своей общей линии, не хотел продвижения до Вислы, чтобы не создавать в мире впечатления о новом разделе Польши. Но теперь, в 20-х числах сентября, после взятия немцами Варшавы и вступления советских войск на территорию Польши, Москва посчитала для себя возможным снова заняться территориальными вопросами. На этот раз речь шла о включении Литвы в сферу советских интересов. В Кремле намеревались сделать это, во-первых, обменяв, как мы уже отмечали, часть Восточной Польши на Литву, и, во-вторых, передав Литве Виленский край (с г. Вильно) с соответствующей компенсацией Германии.

Во время предстоящей встречи в Москве Германия должна была решить этот вопрос, поскольку, как это видно из немецких документов, в сентябре в определенных кругах Берлина существовало мнение о возможности перехода Литвы под немецкое покровительство⁴. Таким образом, вопрос о демаркации советско-германской границы приобретал на переговорах политический характер и связывался со всей ситуацией в Восточной Европе, включая Прибалтику после ликвидации Польского государства. Можно предположить, что решение Берлина о визите Риббентропа в Москву было обусловлено прежде всего желанием обсудить с советским правительством общую ситуацию в Восточной Европе и в мире и перспективы германо-советских отношений.

Итак, 27 сентября в 18 час. самолет Риббентропа приземлился в Москве и с 22 час. этого дня до 3 час. ночи 28 сентября проходила его встреча со Сталиным и Молотовым в Кремле. По данным Архива МИД России, в Москве не существует протокола переговоров, и исследователи имеют дело с записью, которую вел советник германского посольства в Москве Хильгер, причем она была обнаружена не в архивах германского МИД, а в личном архиве посла Ф. Шуленбурга⁵. Согласно этой записи Риббентроп начал встречу с подробного изложения ситуации на Западном фронте. По мнению германской стороны, до настоящего времени ни англичане, ни французы военных действий не ведут. В то же время немецкий министр заверил советских руководителей, что германская "укрепленная линия представляет собой величайшее сооружение такого рода, которое когда-либо было построено. Эта укрепленная линия идет вдоль всей западной германской границы, включая границу с Бельгией и Голландией. Германия чувствует себя за этой линией в абсолютной безопасности"⁶.

Далее Риббентроп перешел к главным пунктам переговоров:

1. Дальнейшее формирование германо-советских отношений.

2. Вопрос окончательного начертания границы.

3. Проблема Прибалтики, которой, по всей видимости, в настоящее время занимается советское правительство⁷.

По первому вопросу Риббентроп изложил общую позицию фюрера. Германское руководство поставило в центр общих интересов двух стран их отношение к Англии. В откровенной форме Риббентроп сказал о первоначальном желании Германии иметь дружественные отношения и договоренности с Англией, но после того как Англия отклонила немецкие намерения, фюрер принял решение сделать выбор в пользу Советского Союза, и это решение "является непоколебимым".

Германский министр не упомянул в тот момент об идеологических разногласиях между двумя странами, но отметил, что, несмотря на это, "возможны действительно длительные дружественные отношения между Германией и Советским Союзом. Реальные интересы обеих стран при точном их определении исключают возможность принципиальных трений". Германия приобрела большую территорию Польши; Советский Союз получил выход к Балтийскому морю и установил связь с близкими по крови белорусами и украинцами. По словам Риббентропа, фюрер не стремился к "безбрежным территориальным завоеваниям", а СССР настолько велик, что у него не может быть никаких стремлений вмешиваться в немецкие территориальные дела. Тем самым заложен фундамент для пассивного баланса взаимных интересов.

Далее немецкий министр перешел к "активной" стороне этого вопроса. А она состояла в желании Германии договориться с Советским Союзом в отношении Англии. "У нас полагают, что в английском комплексе существует параллелизм между немецкими и советскими интересами". Если принять во внимание, что Риббентроп при этом сослался на опыт "совместного урегулирования польского вопроса", то становится очевидным, что германское руководство намекало на возможность какого-то соглашения об определении сфер интересов двух стран применительно к упомянутому "английскому комплексу".

Заканчивая этот сюжет, Риббентроп сказал, что "дело шло бы тогда к сотрудничеству на долгие времена, ибо фюрер мыслит крупными историческими категориями". Немецкий министр сообщил, что он привез текст соответствующего совместного заявления и его следует придать гласности. "Германия не ждет военной помощи от Советского Союза, так как она справится с Англией и Францией сама, но смысл совместного заявления состоял бы в том, чтобы продемонстрировать перед всем миром сотрудничество между Германией и Советским Союзом и их согласие в принципиальных вопросах внешней политики".

Мы сознательно столь подробно изложили эту часть заявления германского министра, так как она отражает намерения Германии в отношениях с Советским Союзом. Нацистское руководство в общем плане не скрывало идеологических расхождений между двумя странами и режимами. Но оно переводило вопрос в геополитическую плоскость. Гитлер и его окружение стремились активнее втянуть Советский Союз в антианглийскую деятельность, вплоть до возможного соглашения о судьбе английских владений в Азии. Из приведенных в дальнейшем материалов станет ясным, что в первую очередь они имели в виду Афганистан. Их желанием было выступить с каким-нибудь совместным заявлением антибританского содержания, чтобы застраховать себя от возможного сохранения связей Советского Союза с Англией и Францией.

Следует заметить, что в целом Риббентроп избегал слишком явных формулировок, делая акцент на совпадении политических интересов. Он выделил два вопроса, интересующих немецкую сторону. Первый касался окончательного очертания границы между двумя странами. Германия хотела бы несколько скорректировать протокол от 23 августа и получить район нефтяных месторождений на юге, в верхнем течении р. Сан, а также у Овгустово и Белостока, где находятся обширные леса. Риббентроп объяснял это потребностями в нефти и лесе. Германия выступила против сохранения независимой Польши, поскольку самостоятельность Польши была бы источником постоянного беспокойства.

Второй пункт касался Прибалтики. Риббентроп заявил, что Германия приветствует постепенное решение прибалтийского вопроса, рассматривая предстоящее подписание договора с Эстонией, а затем и с другими Балтийскими странами как первые шаги в этом направлении. Явно выражая одобрение советских планов, Риббентроп сказал: "Мы не заинтересованы в делах Эстонии и Латвии". Напомнив о согласии фюрера дать Советскому Союзу незамерзающие гавани на Балтике, он добавил, что Гитлер склонен передать в сферу советских интересов Литву (как этого хотел Советский Союз), но Германии необходим несколько больший эквивалент за эту уступку, чем ранее предлагала Москва. При этом он провел на карте линию от южной оконечности Литвы в сторону соединения с Бугом.

В целом германская позиция была высказана достаточно определенно. Нацистское руководство не скрывало заинтересованности продолжать сотрудничество и взаимодействие в политической, экономической и военной областях. В сущности предложения Германии вносили мало нового в тот поворот, который был сделан Гитлером ранее и который привел к пакту Молотова — Риббентропа от 23 августа.

Однако нас больше привлекает не изложение германской позиции, а точка зрения советского руководства. Переговоры 27—28 сентября должны были дать ответ, насколько далеко Москва хотела и могла идти в своей ориентации на Германию. Следует еще раз подчеркнуть, что Советский Союз только начал реализацию секретного протокола в части разграничения сфер интересов и потому нуждался в германской поддержке.

В ответном слове Сталин обрисовал общее направление советской политики и коснулся вопросов, поднятых Риббентропом. Он начал с обоснования стремления Советского Союза к сотрудничеству с Германией. Вспомнив Рапалло, Сталин заявил, что с приходом национал-социалистов к власти отношения между двумя странами ухудшились, "так как немецкое правительство видело необходимость отдать приоритет внутриполитическим соображениям". Когда этот вопрос исчерпал себя, тогда немецкое правительство проявило добрую волю к улучшению отношений. И теперь Советский Союз "с чистой совестью" приступает к возобновлению сотрудничества с Германией.

Далее Сталин перешел к резкой критике Великобритании. Он прямо заявил, что Ленин и его ученики всегда больше всего ругали Англию. Согласившись со словами Риббентропа о том, что Германия не нуждается в военной помощи, Сталин в то же время заявил: "Если Германия попадет в тяжелое положение, то она может быть уверена, что советский народ придет Германии на помощь и не допустит, чтобы Германию задушили. Советский Союз заинтересован в сильной Германии и не допустит, чтобы Германию повергли на землю".

Перейдя к конкретным вопросам, советский лидер высказался за то, чтобы оставить в одних (немецких) руках территории, этнографически принадлежащие Польше, а за Советским Союзом все земли, населенные украинцами, и категорически отклонил предложения Германии о переделе территорий по верхнему течению р. Сан. Но для компенсации он согласился продавать Германии половину добываемой в тех районах нефти и поставлять ей вторую половину непосредственно из Советского Союза.

Сталин также отклонил немецкие идеи о расчленении Литвы, предпочитая оставить ее целиком в зоне советских интересов. Говоря о Прибалтике, он сказал о намерении разместить в Эстонии и Латвии военные контингенты, при этом оставив в них нынешнюю правительственную систему.

В заключение первого дня переговоров был поднят вопрос о Турции, тем более, что ее политика в тот период становилась все более распространенной темой для дипломатических маневров и дискуссий. По словам советского лидера, турки сами

не знают, что хотят, и скорее всего желали бы договориться и с Англией, и с Францией, и с Германией, и с Советским Союзом.

На следующий день переговоры были продолжены, и Риббентроп сразу же информировал советских лидеров, что фюрер принял сталинские предложения о судьбе поляков (оставив их в составе Германии). После долгих споров был согласован вопрос о границах. Немцы попытались настаивать на передаче им всего г. Перемышля (разделенного р. Сан на две части), ссылаясь, в частности, и на то, что Советский Союз получает большой и прекрасный г. Львов. Но Сталин и Молотов были непреклонны, и немцы были вынуждены уступить.

Риббентроп выразил желание получить существенную экономическую помощь от Советского Союза. Он просил советских руководителей облегчить транзит нефти и зерна из Румынии в Иран и из него, из Афганистана и в Афганистан, а также из стран Дальнего Востока, особенно это касается перевозки соевых бобов и китайских трав через Транссибирскую железную дорогу в Германию. Напомнив сделанное накануне заявление Сталина, Риббентроп упомянул и о нефтепоставках из района Дрогобыча и Борислава. По вопросу о транзите Сталин сказал, что в принципе Москва никому не дает подобных преимуществ, но для Германии готова сделать исключение.

Риббентроп вернулся к вопросу о Прибалтике, желая подробнее узнать о советских целях и намерениях. Сталин сообщил о содержании подписываемого соглашения с Эстонией. Он согласился оказать Германии помощь в использовании Мурманской гавани для ремонта немецких подводных лодок и вспомогательных крейсеров.

В связи с вопросом о Бессарабии Риббентроп подтвердил незаинтересованность Германии (как было отмечено в протоколе от 23 августа) и сообщил только о нервозности в Румынии. Сталин сказал: "В настоящее время правительство Советского Союза не имеет намерения что-нибудь предпринимать против Румынии", но не исключал этого в дальнейшем в случае изменения обстановки на Балканах.

На ужине, проходившем после завершения переговоров, Риббентроп особо подчеркивал, что теперь после ликвидации Польши Германия и Советский Союз снова становятся непосредственными соседями и открывается перспектива успешного сотрудничества в будущем. Фюрер, заявил немецкий министр, желает, чтобы между обеими странами установились дружеские отношения, "несмотря на существующие различия в обеих системах".

Затем переговоры продолжились, в ходе которых Сталин предложил несколько изменить текст совместного заявления, составленный немецкой стороной. Его смутили слова об "импе-

риалистических целях западных держав", и он высказался за то, чтобы выразить это в более замаскированной форме. Сразу же состоялся телефонный разговор Риббентропа с Гитлером и текст был изменен.

Следующая небольшая поправка касалась фразы в немецком проекте о советской экономической поддержке Германии в условиях войны. Теперь, сформулированный советскими представителями, этот пункт звучал так: "Советское правительство исполнено воли всеми средствами повысить товарооборот между Германией и Советским Союзом".

Риббентроп высказался за немецкое посредничество для достижения компромисса между Советским Союзом и Японией. Сталин поддержал эту идею, напомнив при этом, что японцы признают только силу.

В заключение Риббентроп снова вернулся к вопросу об Англии и поинтересовался о намерениях английского правительства. Сталин довольно подробно сообщил о беседах посла Майского с Галифаксом и отметил, что Советский Союз преследует лишь одну цель — "выиграть время и разузнать, что, собственно говоря, Англия задумывает в отношении Советского Союза. Если немецкое правительство получит информацию об этих беседах, то оно не должно об этом беспокоиться. За ними ничего серьезного не скрывается, и советское правительство не собирается вступать в какие-нибудь связи с такими зажавшимися государствами, как Англия, Америка и Франция".

По словам Сталина, советский посланник в Париже Суриц по указанию из Москвы отверг все попытки Даладьё в грубой форме выяснить состояние отношений между Советским Союзом и Германией. Цель контактов с Францией, повторил он, состоит в попытке выяснить, чего Франция хочет от Советского Союза. "Во всяком случае, — заключал советский лидер, — ежели Германия услышит из другого источника о беседах между Даладьё и Сурицем, то она не должна думать, что между Советским Союзом и Францией что-нибудь происходит".

Акцент на связях СССР с Англией и Францией был весьма примечателен. В Москве опасались малейших осложнений, если в Берлине получили бы информацию о встречах и беседах советских послов в Лондоне и Париже. И в то же время советские лидеры как бы предупреждали о продолжении подобных контактов.

По окончании переговоров были подписаны: Германо-советский договор о дружбе и границе между СССР и Германией, в котором шла речь об установлении новой границы между обеими странами; Доверительный протокол, в котором советская сторона соглашалась не препятствовать немецким гражданам, проживающим на отошедшей к ней территории, пересе-

ляться в Германию или в подконтрольные ей районы⁸. Соответствующее обязательство брало на себя и германское правительство относительно лиц украинского или белорусского происхождения. Были также подписаны два новых секретных протокола. По одному из них обе стороны согласились не допускать на своих территориях никакой польской агитации. "Они ликвидируют зародыши подобной агитации на своих территориях и будут информировать друг друга о целесообразных для этого мероприятиях".

Второй протокол касался судьбы Литовского государства, которое включалось в сферу интересов СССР, одновременно Люблинское воеводство и часть Варшавского входили в сферу интересов Германии⁹.

Наконец, было принято и упоминавшееся выше совместное заявление советского и германского правительств с учетом поправок советской стороны и ее желания не включать слова об "империалистических целях Англии и Франции".

В итоговом варианте было сказано, что Германия и Советский Союз создали прочный фундамент для длительного мира в Восточной Европе и выражают общее мнение, что ликвидация настоящей войны между Германией, с одной стороны, и Англией и Францией — с другой, отвечала бы интересам всех народов. Поэтому оба правительства направят свои усилия для достижения этой цели. Если, однако, эти усилия останутся безуспешными, то Англия и Франция понесут ответственность за продолжение войны и в этом случае Германия и СССР будут консультироваться друг с другом о необходимых мерах¹⁰.

Анализ всех материалов о переговорах в Москве позволяет оценить как в целом политическую линию обоих государств, так и ее конкретные аспекты спустя месяц после подписания пакта от 23 августа. Германия решила судьбу Польши и в условиях странной войны со своими главными (на этой стадии) противниками стремилась продолжить сотрудничество с Советским Союзом. Она не вмешивалась в сферу его интересов, предоставив свободу действий в Прибалтике. Нацистское руководство не оставляло попыток теснее привязать СССР к своим политическим интересам и предотвращать какое-либо сближение СССР с Англией и Францией. Оно было весьма заинтересовано закрепить экономические связи с Советским Союзом и получать от него так нужные ей товары — нефть, зерно, лесоматериалы и цветные металлы. Говоря о взаимоотношениях двух стран на данном этапе, Риббентроп дважды упомянул о разногласиях двух систем. Гитлер намекал Сталину о возможности соглашения о разделе сфер влияния на этот раз за счет Великобритании и ее территорий.

Но, разумеется, в наибольшей степени нас привлекает политическая линия Москвы. Сталин добивался урегулирования вопроса о границе и ее демаркации, стремясь закрепить советские территориальные приобретения в бывшей восточной Польше, населенной главным образом украинцами и белорусами. В Москве считали своим успехом включение Литвы в сферу советских интересов и получение согласия Германии не вмешиваться в прибалтийские дела, предоставив СССР свободу рук. Кремль продолжил линию на дистанцирование от военного противостояния Германии с Англией и Францией, тем более, что фактически никаких военных действий со стороны обеих враждующих сторон не велось. Поддержав Гитлера и выразив свою неприязнь к Англии и Франции, Сталин одновременно дал понять, что контакты с этими странами будут продолжены. При этом, опасаясь утечки информации, он всячески заверял нацистское руководство в лояльности и нежелании развивать отношения с Англией и Францией за спиной немцев.

Оценивая в целом ход этой советско-германской встречи, можно констатировать, что в Москве были готовы наращивать сотрудничество с Гитлером. Ни Сталин, ни Молотов не обмолвились ни словом об идеологических противоречиях, что сделал Риббентроп. Наоборот, советские лидеры включили в название договора слова "о дружбе", что явно выходило за рамки прежнего договора о ненападении и договоренностей о разделе сфер интересов и не диктовалось ни международной обстановкой, ни германскими требованиями. Сталин спустя месяц после подписания договора с Германией о ненападении явно переступил грань чисто дипломатических отношений, употребив термин "дружба" в отношении режима, вызывавшего осуждение всей мировой общественности. Эта линия соответствовала и переменам в идеологической линии Коминтерна, которые обозначились в те недели.

В то же время проявились, хотя и в самой начальной стадии, некоторые симптомы будущей напряженности в отношениях двух стран, которые дали о себе знать позднее. Речь шла о советских контактах с Турцией, к которой Германия проявляла интерес. Риббентроп также вскользь затронул вопрос о Румынии (судьба Бессарабии).

Поздравления Москвы по случаю взятия немцами Варшавы и совместный военный парад в Бресте свидетельствовали о выходе за рамки необходимых формальностей и о курсе на сближение с нацистским руководством. Сталин этим демонстрировал нежелание считаться с общественным мнением и в Советском Союзе и в мире, свою уверенность в абсолютном контроле за положением в СССР, в подчинении коммунистического движения политике Москвы.

Общая линия в советско-германских отношениях, обозначившаяся после заключения пакта от 23 августа, подтвержденная ходом событий в сентябре и подписанием договора от 28 сентября, продолжилась в течение октября — декабря 1939 г. и в первой половине 1940 г. Она может быть прослежена как в двусторонних отношениях между Советским Союзом и Германией, так и в ее оценке действующими лицами.

Сразу же после подписания договора Риббентроп направил в Берлин послание с просьбой немедленно показать его фюреру. В нем он информировал о ходе переговоров в Москве и отмечал их "дружественный тон"¹¹.

30 сентября статс-секретарь германского МИД Вайцзекер в первом циркуляре, разосланном в германские посольства, отметил, что германо-русские отношения восстановлены ныне в духе исторической дружбы. "Идеологии двух стран, — отмечалось в циркуляре, — остаются неизменными, и было бы неразумным обращаться к этому в договоре".

Спустя три дня в Берлине состоялась встреча Гитлера с министром иностранных дел Италии Чиано, в ходе которой немецкий лидер сообщил о результатах переговоров в Москве и дал свою оценку международной ситуации. Весьма примечательным в этой пространной беседе было то, что наибольшее место в ней занял вопрос о Польше. Гитлер подробно изложил ход военных действий на германо-польском фронте, оценивая в самых превосходных выражениях немецкую военную мощь. Собеседники весьма подробно обсудили будущее Польского государства, причем Гитлер явно уклонялся от вопросов Чиано относительно степени самостоятельности и размеров Польши в будущем. Гитлер поставил решение всех этих вопросов в зависимость от хода войны и перспектив на заключение мира в дальнейшем.

Говоря о соглашении с Россией, фюрер подчеркнул, что их целью было определить сферы интересов в приобретенных территориях. Не в интересах Германии, сказал он, иметь за своей спиной враждебного соседа, а теперь ситуация прояснилась и удалены основания для возможности конфликтов и непонимания в будущем. Россия получает исключительное право распоряжаться политическим и экономическим устройством территории к востоку от новой линии границы, а Германия — к западу от нее¹². По словам Гитлера, Германия имела две цели — отменить границы Версальского договора, установив приемлемые для нее границы с этнографической, исторической и экономической точек зрения, и создать на оставшихся польских территориях такой порядок, который навсегда устранял бы какую-либо исходящую оттуда угрозу для рейха¹³.

Значительное место в беседе заняли общие вопросы войны на западном фронте и перспективы будущего мира, о чем Гитлер намеревался говорить в своей речи в рейхстаге, которая состоялась в октябре. Обращает на себя внимание предложение Гитлера, чтобы Италия попыталась бы сформировать некий блок нейтральных государств, видимо, для того, чтобы они не вошли в англо-французскую коалицию.

Вернувшись в заключение беседы снова к вопросу о России, Гитлер заявил, что Германия "хочет жить в мире с Россией, как она это делала в течение нескольких столетий". Реализация этого облегчается тем, что Россия традиционно опасалась слишком тесных контактов с Западом, следуя своей высокой культуре и укладу жизни¹⁴. По мнению фюрера, пример разделения сфер интересов с Россией мог бы стать основанием для такой же акции в Средиземноморье (которое должно быть зоной влияния Италии) и в Центральной Европе (Австрия и Чехословакия — соответственно Германии) и т.д.¹⁵ Таким образом, сам принцип и практика разделения сфер интересов занимали весьма существенное место в германской внешней политике.

В целом в течение октября—ноября 1939 г. советско-германские отношения развивались по следующим направлениям:

- шло уточнение экономических и торговых связей с учетом прежних соглашений и специальных договоренностей в конце сентября;

- происходил обмен мнениями в связи с проблемами, возникшими в результате советских действий в Прибалтике;

- велась подготовка к возможному сотрудничеству в военно-технической сфере;

- между представителями обеих стран обсуждались вопросы более общего характера, касающиеся проблем войны и мира, политики Англии, Франции и США;

- определенное место стала занимать ситуация на Балканах и отношения с Турцией.

14—15 сентября немецкий дипломат и представитель на прошлых экономических переговорах с Советским Союзом Шнурре имел продолжительные беседы с Риббентропом об экономических и торговых отношениях с Москвой перед своей очередной поездкой в СССР¹⁶. Прежде всего речь шла о реализации соглашения о кредитах и торговле от 19 августа. По мнению Шнурре, оно не было конкретизировано. Шнурре поставил вопрос о заинтересованности Германии в скорейшем получении от Советского Союза сырых материалов (примерно на сумму 180 млн немецких марок). Он сообщал также, что видит свою главную задачу на предстоящих переговорах в том, чтобы выяснить, может ли Москва покрыть наши потребности в импорте по морю и если да, то в каких размерах. Согласно запро-

сам военных и гражданских ведомств, Германия срочно нуждается в поставках на сумму в 70 млн марок.

Шнурре намеревался, как это видно из его досье, сделать Москве предложение, в развитие договора от 19 августа, поставить Германии сырье (на сумму 10 млн марок), как произведенное в России, так и купленное ей для Германии в нейтральных странах. Далее он замечает, что компенсация за эти поставки не должна последовать немедленно, она будет связана с программой инвестиций в Россию, рассчитанной на пять лет¹⁷. В связи с этим немецкий дипломат предвидел трудности на предстоящих переговорах в Москве именно вследствие того, что Германия просит осуществления российских поставок заранее. Позитивное решение данного вопроса, по его мнению, зависит от высших российских властей, которые должны показать, насколько далеко Сталин готов идти в следовании новому политическому курсу. При этом он выразил понимание, что поставки сырья — не простое дело для России ввиду внутренних трудностей, в частности с продовольствием. Шнурре говорит также о желательности решения на переговорах вопроса о транзите через Россию поставок в Германию из Ирана, Афганистана, Маньчжурии и Японии¹⁸.

Как видно, германские представители подходили к экономическим отношениям с Советским Союзом чисто прагматически, не очень считаясь с советскими интересами.

Сообщив о своих беседах с Риббентропом, Шнурре пишет в записке Шуленбургу в Москву, что ему необходима некоторая отсрочка визита в Москву, чтобы лучше подготовиться к переговорам. Чтобы избежать "излишней чувствительности" советского правительства по этому поводу, он рекомендует немецкому послу объяснить задержку чисто техническими причинами.

Шнурре просит Шуленбурга выяснить способность и готовность Москвы к намеченным поставкам сырья. Что касается Германии, то она, вне всякого сомнения, осуществит в порядке компенсации дополнительные поставки немецких машин и оборудования¹⁹.

Как мы знаем, на переговорах советские лидеры дали согласие на поставки нефтепродуктов и лесоматериалов и на транзит. Это была как бы плата за уступки при решении вопроса о границе и о судьбе Литвы.

Тем временем в Германии велась активная подготовка к реализации экономических соглашений с Россией. 6 октября 1939 г. Департамент экономической политики МИД подготовил специальный меморандум для предстоящих переговоров по экономическим вопросам, названный "новой версией", видимо, с учетом состоявшихся в конце сентября в Москве политических переговоров²⁰. Согласно ему немцы рассчитывали полу-

чить от России в течение предстоящего года сырых материалов на сумму 1300 млн марок. В нем содержался также список германских платежей и компенсационных выплат²¹. Общая стоимость последних составляла 810 млн марок. Дефицит в сумме 500 млн марок должен был быть покрыт товарами за несколько лет. План на более широкие поставки предлагалось представить позднее²². Любопытно, что по этому плану поставки планировались на 1943 г.

Предусматривалось совместное германо-советское экономическое планирование. 4 октября Риббентроп инструктировал Шуленбурга информировать Молотова о решении направить в Москву советника посла Риттера по экономическим вопросам для переговоров и о желании Германии добиться соглашения о немедленной экономической программе, по крайней мере на ближайшие шесть месяцев²³. Делегация, прибывшая в Москву 7 октября, включала 37 человек, в том числе представителей МИД, транспорта, экономики, Рейхсбанка, ряда немецких финансовых групп и промышленных фирм.

11 октября Риттер и Шуленбург направили в Берлин первый отчет о ходе переговоров в Москве. Немецкие делегаты встречались с Молотовым и Микояном. Непосредственные переговоры вел Микоян. По мнению немецких послов, в целом советская сторона "была готова предпринять специальные усилия, но ее позиция по конкретным вопросам пока не слишком удовлетворительна".

В Москве также тщательно готовились к переговорам с Германией по экономическим вопросам. Еще 4 сентября 1939 г. Политбюро ЦК ВКП(б) поручило Микояну "подготовить две группы работников и представить на утверждение ЦК для отправки в Германию" для осуществления заказов моторов и самолетов. Одновременно было решено направить туда специалистов с целью заказа станков и другого оборудования для снарядного производства²⁴.

Накануне переговоров 8 октября Политбюро постановило послать в Германию знатоков судостроения и черной металлургии во главе с И.Ф. Тевосяном (не более 25 – 30 человек) с задачей выяснить технические достижения немцев в этих отраслях и возможности размещения заказов²⁵.

Решением Политбюро от 3 ноября для закупки в Германии оборудования для строительства заводов авиационных топлив и масел выделялось 2697 тыс. руб.²⁶

На переговорах в Москве советские представители согласились со списком металлов и каучука, причем изъявили готовность закупать их за границей, в частности в Японии и Америке, считая, что вопрос об оплате требует обсуждения. Немцы полагали, что товары можно перевозить через Мурманск.

Их особенно интересовали поставки зерна. Относительно транзита из Ирака, Афганистана и Дальнего Востока советские власти уже дали соответствующие указания местным российским властям, причем еще раз было подчеркнуто, что он разрешен только как исключение и только для Германии²⁷. В дальнейшем в результате обмена письмами между Шнурре и Микояном — 30 октября и 1 ноября советское правительство согласилось уменьшить свои финансовые требования на ряд товаров и их доставку²⁸.

Из отчета послов в Берлин также видно, что велись переговоры и по секретным вопросам, протоколы которых не найдены²⁹.

Через несколько дней, 18 октября Риттер и Шуленбург вновь направили большое послание в Берлин о ходе переговоров в Москве. Они сообщили, что в вопросе о поставках из России зерна достигнуто согласие и они начнутся в ближайшие два месяца и составят 900 тыс. т. В вопросе о поставках нефти получено обещание советской стороны на 100 тыс. т авиационного и 200 тыс. т моторного бензина, 300 тыс. т дизельного топлива и т.д. (указания об этом были даны лично Микояном), 100 тыс. т хлопка³⁰. Речь шла также о хrome и железной руде.

Что касается Германии, то с ней был заключен контракт о поставке специальных судов (на сумму 10 млн марок), а также 300 тыс. т труб стоимостью 3—3,5 млн марок. Начались переговоры о поставках материалов для вооружений. В целом немецкая делегация сообщала о своем удовлетворении их ходом и призывала согласиться с советским методом постепенных (шаг за шагом) решений.

По завершению московских переговоров Микоян устно сообщил Риттеру список товаров, которые СССР хотел бы получить из Германии, и сказал, что этот список будет официально вручен в течение двух — трех дней³¹. Было достигнуто соглашение направить в Берлин делегацию³², чтобы специально обсудить на этот раз список поставок Советскому Союзу. Накануне ее визита Риттер и Шнурре провели переговоры в Берлине со всеми заинтересованными ведомствами и лидерами.

26 октября советские представители также из разных ведомств и организаций во главе с наркомом Тевосяном и "генералом от артиллерии" Савченко прибыли в Берлин³³. В самый канун их отъезда Шуленбург имел разговор с Микояном о транзите на кораблях иностранных сырых материалов через черноморские порты. Микоян сообщил, что советская сторона в принципе согласна на это, но необходим "камуфляж" (речь шла, в частности, об использовании Одессы и затем отправке в нейтральные порты, может быть, болгарские или румынские)³⁴. В следующей телеграмме в Берлин от 1 ноября снова поднимался

вопрос о транзите и опять упоминались слова Микояна о процедуре "германо-советской конспирации"³⁵.

Через несколько дней Шуленбург сообщает Риттеру и Шнурре в Берлин о своем разговоре с Молотовым. "Если Германия благосклонно встретит пожелания советской экономической делегации и будет достигнуто соглашение о поставках в СССР, то советское правительство, — заверил нарком, — будет готово согласиться оплатить за транзит в рейхсмарках. Это сможет покрыть весь германский транзит через СССР в торговле из Ирана, Афганистана, Дальнего Востока и из Румынии"³⁶. Молотов также сообщил о решении транспортировать морским путем в Германию "несколько миллионов тонн железной руды с 35—40-процентным содержанием железа при условии, что это будет сопровождаться ответными поставками. И, наконец, советское правительство готово начать экспорт зерна и нефтяных продуктов в Германию, чтобы показать свою добрую волю и в надежде, что поставки к нам также последуют в ближайшее время"³⁷.

Во время пребывания в Берлине группы во главе с Тевосяном возникло некоторое замешательство. Савченко отметил, что немецкие власти отказываются показывать советской делегации различные виды вооружений. По словам Риттера, речь шла о секретах, которые немцы не хотели раскрывать. Риттер написал об этом специальное послание Шуленбургу. Он просил сообщить Молотову, что русские в целом имели в Германии такие возможности, которые не предоставлялись до этого другим иностранцам. Они увидели не только все то, что уже имеется на вооружении немецкой армии, но также и то, что еще находится в стадии разработок.

Как свидетельствует меморандум статс-секретаря Вайццекера, фельдмаршал Геринг, адмирал Рэдер и генерал-полковник Кейтель (независимо друг от друга) говорили ему, что русская делегация хотела слишком много знать о немецких военных материалах. По словам Кейтеля, мнение фюрера было следующим: материалы, постоянно поставляемые в войска, могут быть представлены русским; что из них подлежит продаже, мы будем решать сами, а образцы вооружения, находящиеся в стадии разработок или секретные, не должны показываться русским³⁸. Немецкий представитель заверял советские власти через Шуленбурга, что все проблемы будут решены, хотя и отмечал завышенный характер их требований³⁹.

Прошло всего несколько дней, и Шуленбург телеграфирует в Берлин о "сильном" протесте советским официальным лицам в связи с вопросом об изменениях в линии железной дороги между Львовом и Перемышлем. Он жалуется на то, что заместитель наркома Потемкин, не разобравшийся в деле, делает без-

ответственные заявления. Изменений в железнодорожной колее требуют и те в Германии, кто связан с импортом советской нефти⁴⁰.

Тем временем подходило к концу длительное пребывание в Германии делегации во главе с Тевосяном. Вернувшись в Москву 29 ноября, Тевосян и Савченко представили на следующий день перечень советских заказов, которые предполагалось разместить в Германии. Он включал в себя военные материалы, машины и промышленные изделия. Политбюро ЦК ВКП(б) продолжало рассматривать и утверждать различные виды оборудования, которые Москва хотела бы закупать в Германии⁴¹.

2 декабря список советских заказов был рассмотрен в германском министерстве экономики. В меморандуме, составленном Шнурре, отмечалось, что фюрер рассмотрел лист советских заказов и согласился на их поставку в СССР⁴². Окончательное подписание соглашения по этому поводу должно было произойти на встрече между Риттером, Шнурре и Молотовым. Было решено, что если не удастся договориться с Молотовым, то необходимо встретиться со Сталиным⁴³.

8 декабря Риттер подготовил меморандум о торговле с Россией, имея в виду, что поставки железного оборудования для России оцениваются примерно в 70 тыс. т в месяц (из общего количества в 185 тыс. т). Фельдмаршал Геринг одобрил этот расчет в специальном письме министру экономики⁴⁴. Судя по меморандуму, этот вопрос активно обсуждался в немецком руководстве. Это решение фигурировало как решение Геринга — Функа (министр экономики).

11 декабря Риббентроп встречался с советским послом А.А. Шкварцевым и в ходе беседы касался вопроса об экономических связях. Риббентроп настойчиво стремится провести мысль, что германское правительство делает все возможное, чтобы удовлетворить советские заказы на военные и прочие поставки, но нельзя забывать, что Германия ведет войну и некоторые из них просто нереальны. Германский министр выражал надежду на скорое заключение общего соглашения в Москве. Советский посол заверил Риббентропа, что вся информация, привезенная советской делегацией, будет держаться в секрете⁴⁵.

В тот же день Риттер посылает телеграмму послу Шуленбургу и просит довести до сведения Микояна или Молотова следующее: советская сторона после нескольких недель инспекций представила список военных заказов, который вызвал в Берлине огромное удивление. По подсчетам они составляют более 1 млрд марок и включают почти все современные материалы, в том числе те, что находятся в стадии разработки. Кроме того, добавлены еще товары из предшествующих списков на

сумму 300 млн марок и выражена просьба осуществить многие заказы до конца 1940 г.

В итоге советские требования исчислялись в сумме почти 1,5 млрд марок. Риттер обращает внимание на расхождения этих требований с кредитным соглашением от 19 августа 1939 г. и содержанием писем между Молотовым и Риббентропом от 28 сентября. В итоге возникла серьезная диспропорция между пожеланиями советской и немецкой сторон явно в пользу Советского Союза.

Сначала немецкие представители предлагали ограничиться компенсацией за поставки хлопка, никеля и т.д. на сумму 58 млн марок, но Микоян отклонил это. Риттер настаивал, что советские требования идут вразрез с соглашением Молотова — Риббентропа, одобренным Сталиным. В целом, заключает Риттер, ситуация находится в противоречии с упоминаемыми документами. По его мнению, продолжать обсуждение этого вопроса в Берлине бессмысленно, поэтому он предлагает продолжить их в Москве уже на предстоящей неделе. При этом рекомендует Шуленбургу исходить из того, что было согласовано со Сталиным. Риттер просит далее сообщить в Москве, что поведение советской комиссии испытывает терпение германских генералов и адмиралов, которым подобные действия напоминают методы Межсоюзной комиссии по контролю над разоружением после поражения Германии в Первой мировой войне⁴⁶.

19 декабря Риттер и Шуленбург направили в Берлин информацию о своей беседе с Микояном, который настаивал на германских компенсационных поставках. Риттер сообщал Риббентропу, что ввиду такой позиции Микояна он намерен позвонить Молотову с тем, чтобы привести переговоры к той линии, которая соответствовала бы духу писем между Риббентропом и Молотовым 28 сентября⁴⁷.

На следующий день Риббентроп информировал Риттера о своем полном согласии с его оценками и предложениями и просил, используя влияние Молотова, вернуть переговоры к основе, согласованной в письмах от 28 сентября, а также передать наркому, что он очень удивлен поведением Микояна⁴⁸.

22 декабря состоялась встреча Молотова с послом Шуленбургом, на которой позиции обеих сторон были предельно ясно изложены. Шуленбург сразу же начал с того, что переговоры идут намного хуже, чем ожидалось. И главный пункт разногласий, по его мнению, состоял в неправильном истолковании советской стороной термина "промышленные поставки", упомянутого в обмене письмами от 28 сентября. Он жаловался на Микояна, говорил о его явном отходе от договоренностей между Молотовым и Риббентропом.

Молотов сказал, что находится в курсе возникших трудностей и прекрасно помнит, что во время переговоров с Риббентропом речь шла и о военном сотрудничестве. Термин "промышленные поставки", по его словам, появился только из соображений секретности, так как обмен письмами должен был быть опубликован и не следовало обнародовать перед всем миром факт военного сотрудничества и поставки вооружения и военных материалов из Германии в Советский Союз. Молотов занял более умеренную позицию, заявив, что СССР готов подойти к этому вопросу не столь категорично, например, вместо упомянутых трех крейсеров готов ограничиться только одним. Советское правительство стремится к реализации своих пожеланий на все 100%, но одновременно не одобряет неблагоприятную реакцию германской стороны на переговорах. В заключение он снова напомнил слова Риббентропа о дружеском сотрудничестве обеих стран в военной области.

Шуленбург, в свою очередь, также "дал задний ход", сказав что Германия не отказывается от некоторых военных поставок, но затем вернулся к тактике Микояна, который придерживается позиции "всё или ничего". Молотов защищал Микояна, говорил о необходимости доброй воли с обеих сторон и сообщил, что в соответствии с пожеланием германской стороны готов встретиться с Риббентропом и Шнурре в Кремле на следующий день с участием и Микояна⁴⁹.

Докладывая в Берлине об этой встрече, Риттер и Шуленбург просили Риббентропа направить письмо Молотову с объяснением спорного толкования вопроса в письмах от 28 сентября. В ответ по поручению Риббентропа Гаус отклонил эту идею, но сообщил Риттеру, что считает "ошибкой со стороны Молотова" объяснение термина "промышленные поставки" боязнью огласки. Вопрос о военных поставках со стороны Германии в то время никогда не обсуждался. Не было на этот счет и устных переговоров. Гаус писал также, что общие слова Риббентропа не означали, что Германия должна производить неограниченные поставки всего, что хочет Советский Союз⁵⁰.

Мы привели столь пространные материалы о переговорах советских и германских представителей, поскольку упомянутые "детали" ясно показывают сложность и динамику двухсторонних отношений, весьма далеких от идиллических.

Переговоры по экономическим вопросам, проходившие в Москве и в Берлине в октябре — декабре 1939 г., выявили в более общем плане разные подходы к ним с обеих сторон. *Соглашение переговоров и сущность разногласий выходили за рамки чисто экономических и приобрели совершенно определенный политический характер.*

Получив от Германии поддержку и свободные руки в Восточной Европе, советские руководители хотели участия германских фирм и правительства в реализации программы перевооружения Красной Армии. Представленный немцами перечень советских заказов и пожеланий подтверждал это намерение. Он включал самые разнообразные виды вооружений (крейсера, торпеды, мины, самолеты и т.д.)⁵¹. Для реализации этих планов Политбюро решением от 20 января 1940 г. создало при советских торгпредствах в США, Италии и Германии Авиационные информационно-технические бюро, утвердив Положение о таких бюро, состав работников и смету расходов⁵².

Москва явно хотела извлечь из соглашений с Германией максимум политических, экономических и даже военных выгод. При этом советские руководители ссылались на слова о дружбе и сотрудничестве, на новый этап в отношениях между двумя странами и т.п. Настойчивая линия советских представителей на переговорах и во время посещения ими немецких предприятий, их стремление ознакомиться с новейшими типами немецких вооружений вызвали такое крайнее недовольство германского генералитета, что, как указывалось выше, они даже сравнивали советские действия с позицией победителей над Германией после Первой мировой войны. Видимо, в целом в Кремле были убеждены, что Германия так сильно заинтересована в сотрудничестве с Москвой, что пойдет на любые уступки. Эта уверенность укрепилась после того, как Берлин не стал вмешиваться в советские действия в Прибалтике в конце сентября — начале октября.

Но Сталин явно недооценивал, что Гитлер и его окружение вели свою игру. Германия, действительно, получила уже немало от договоренностей с Москвой, главным образом свободу рук на Западном фронте, избегая "привычного для немцев кошмара враждебности или даже столкновений с обеих сторон". *Гитлер, как показали дальнейшие события, не собирался захотеть слишком далеко в своих отношениях с Москвой. И это, очевидно, проявилось уже при решении экономических вопросов осенью и зимой 1939 г.* Он считал, что дал и так слишком много. Теперь он хотел получать от Советского Союза прежде всего зерно и нефть и так нужное Германии стратегическое сырье в виде цветных металлов (кобальт, медь, никель и т.д.). Поэтому в германском руководстве были так раздражены неумеренными требованиями и отказом Москвы выполнить все германские заказы.

Политический характер экономических переговоров был особенно ясно продемонстрирован в конце декабря 1939 г., в январе и в феврале 1940 г. Вместо просимой немцами встречи Риттера и Шнурре с Молотовым 31 декабря состоялись перегово-

воры, в которых участвовали Сталин, Молотов, Микоян, Тевосян и советский торгпред в Германии Бабарин, с немецкой стороны — Шуленбург, Риттер, Шнурре и советник посольства Хильгер. Участие Сталина подчеркивало политический характер возникших разногласий, его заинтересованность в их преодолении и в получении от Германии запрашиваемых заказов.

В немецком отчете о встрече, подписанном Риттером, особо подчеркивалось, что Сталин впервые, говоря о советско-германских отношениях, употребил слова "взаимная помощь", имея в виду готовящееся торговое соглашение. Сталин выразил готовность помочь Германии в поставках сырья и продовольствия, но в обмен на ожидаемую помощь Германии⁵³. При этом он прямо сказал о "военном оружии".

Посол Риттер согласился с тем, что по обмену нотами от 28 сентября Германия обязывалась компенсировать советские поставки сырья, однако никогда ранее ни один иностранный эксперт не выдвигал так много требований, как делегация СССР⁵⁴. Советское правительство, заметил Риттер, не должно забывать, что Германия находится в состоянии войны с двумя сильнейшими державами и нуждается в вооружениях. Немцы как бы ставили советских представителей на место, причем делали это в весьма жесткой манере.

Затем Риттер поставил вопрос о необходимости советских поставок для производства стали — 200 тыс. т чугуна, 1,5 млн т железной руды со средним содержанием железа 55%, а также 180 тыс. т хромовой руды⁵⁵. Сталин ответил, что Советский Союз не имеет такого количества руды подобного качества и сомневается в возможности осуществить другие требования. Может быть, сказал он, ситуация улучшится в следующем году. Далее Сталин перешел к советским пожеланиям, назвав морскую артиллерию, крейсер "Лютцов", который немцы уже согласились поставить, самолеты и т.д.⁵⁶

Риттер выразил глубокое разочарование по поводу невозможности поставок железной руды. Он согласился с мнением советских представителей обсуждать все по статьям, что могут делать эксперты.

Следующей большой темой, вызвавшей дискуссию, стал вопрос о поставках специфических металлов. Риттер ссылаясь, что без этого Германия не сможет выполнить советских заказов. Затем он оспорил предложение Советского Союза осуществлять обмен поставками в течение одного года, так как это противоречит тексту писем от 28 сентября, где речь шла о более продолжительном периоде времени⁵⁷.

Сталин указал на необходимость сбалансировать и поставки и компенсации к концу года. Он оценил советские поставки на конец года в 500 млн марок и германские — в 400 млн ма-

рок⁵⁸. В своем меморандуме Риттер отмечает, будто бы пытался возражать, но следует принять во внимание, что он писал свой отчет для МИДа и хотел выглядеть, как стойкий защитник интересов Германии.

В заключение Сталин заявил, что Советский Союз, учитывая германские трудности, готов сократить свои пожелания в поставках для морской артиллерии до минимума. Он просил осуществить поставки в течение 1940 г., а Риттер повторил, что такие короткие сроки фактически невозможны.

После столь обстоятельной беседы со Сталиным создалось ощущение, что основные вопросы решены. Но через неделю, 7 января 1940 г., посол Шуленбург имел встречу с Молотовым, в которой вернулся к обсуждавшимся вопросам. Самое интересное состоит в том, что он опять затронул содержание писем, которыми обменялись Молотов и Риббентроп 28 сентября 1939 г. Шуленбург напомнил, что Советский Союз согласился поставить Германии сырье, за которое она должна была расплатиться промышленными изделиями в течение более длительного периода времени. Он напомнил обстановку, в которой происходил обмен письмами. Шла германо-польская война.

После того как германский вермахт сломил польское сопротивление, Советский Союз стал обладать Западной Украиной и Западной Белоруссией. Таким образом, Германия оказала ценную услугу в расширении его территорий⁵⁹. И переговоры между Риббентропом и Молотовым проходили именно в этой атмосфере, на этой "реалистической основе".

Такой пассаж со стороны германского посла был очень примечателен. Через него немецкое руководство напомнило, что Советский Союз отказался выступить против Польши, пока немцы не заняли Варшаву и не овладели большей частью ее территории, т.е. благодаря Германии он расширил свою территорию. Оно как бы ставило советское руководство на место и переводило вопрос в жесткие реальные рамки.

Далее посол заявил, что Германия готова получать сырые материалы за соответствующую компенсацию, но не в состоянии сделать это столь быстро, как этого хочет советская сторона. Кроме того, он затронул вопрос о возможном советском кредите (речь также шла о поставках сырья в счет кредита). "Если Микоян, — говорил Шуленбург, — считает, что вопрос о кредите ранее не поднимался, то он прав, но это не соответствует реальному положению вещей, поскольку в ходе военной кампании против Польши Германия дала Советскому Союзу такую благоприятную поддержку, которая без сомнения оправдывает любые компенсации"⁶⁰. Как видим, он снова жестко напоминает, кто "заказывает музыку" в советско-германском альянсе.

По словам Шуленбурга, Германия может осуществить свои компенсационные поставки до 1 апреля 1941 г. (т.е. в течение 15 месяцев). Он даже упомянул срок в 18 месяцев. Уступая, советская сторона согласилась на дату 1 апреля 1941 г. В заключение посол просит Молотова дать соответствующие инструкции Микояну⁶¹.

В изложении Шуленбурга ответ Молотова звучал следующим образом. Он начал с вопроса о кредите, согласившись, что этот вопрос не обсуждался, но было бы странным говорить о советском кредите, в то время как Советский Союз только что получил кредит от Германии в размере 200 млн марок. Говоря о сроках компенсационных поставок, Молотов повторил желание советской стороны сбалансировать расчеты до конца 1940 г. В то же время он повторил просьбу получить ответ, когда и сколько поставок будет осуществляться в конкретных условиях.

В итоге Молотов заявил, что Микоян и Риттер могут быстро решить практические вопросы, проявив взаимопонимание. Для Советского Союза — это не теоретические, а чисто конкретные проблемы. "Широкие поставки сырья означают, — заявил нарком, — что Советский Союз сокращает свои собственные экономические интересы и готов к значительному ограничению внутреннего потребления. Тот факт, что СССР готов к таким жертвам, показывает то значение, которое он придает экономическому соглашению с Германией"⁶². В конце беседы Шуленбург попросил Молотова по возможности передать решение вопроса снова Сталину.

Итак, советское руководство, видимо, следовало линии — не обострять отношения с Германией и уходить от обсуждения общих проблем, предпочитая определяться по сугубо конкретным вопросам, в том числе и экономическим. Москва находилась в сложной ситуации в связи с неудачным ходом войны с Финляндией и реакцией на нее в мире. Поэтому Сталин и Молотов сознательно переводили все вопросы в практическую плоскость, как бы не замечая раздражения германской стороны. Очевидно, для Москвы было очень важно получить, хотя бы в небольшом количестве, образцы немецкого вооружения для переоснащения Красной Армии.

Судя по немецким документам, 13 января состоялась встреча Риббентропа с Гитлером, после которой министр направил Риттеру сообщение, касающееся экономических переговоров с Москвой⁶³. В списке, одобренном Гитлером, в листе "А" указаны поставки из Советского Союза: зерно, овощи, табак, нефть, хлопок, цветные металлы, магний, хром, никель, фосфаты, асбест и другие продукты на общую сумму в 490 млн марок. С добавлением поставок по кредитному соглашению общая сумма составляла 730 млн марок⁶⁴.

Что касается военных поставок из Германии, то в изложении Риттера (со ссылкой на Риббентропа) фюреру было трудно принять решение. Очевидно, Гитлер не хотел этого в принципе. Но, как сказано в меморандуме Риттера, он все же решился, исходя из всей ситуации и желая довести переговоры до конца, о чем распорядился передать лично Сталину. Риббентроп инструктировал Риттера сообщить Молотову, что "последние заявления министра иностранных дел по вопросам военных поставок были ошибочными"⁶⁵.

Видимо, фюрер решил сделать шаг навстречу Сталину, согласившись в принципе на военные поставки, даже дезавуировав своего министра иностранных дел, но свел их к минимуму и в противовес советским требованиям растянул сроки на 1941 и даже на 1942 г. В вопросе о крейсере "Лютцов" он вообще выступил за то, чтобы затянуть его решение до того момента, когда необходимость в этом отпадет, что звучало очень двусмысленно. Одновременно им были повторены все требования о поставках так нужного для Германии зерна, нефти, цветных металлов и т.п.

В целом Гитлер не обострял ситуацию, шел вроде бы навстречу Сталину, но на практике стремился провести линию на быстрое получение нужного из СССР и на затягивание военных поставок России (к тому же в ограниченном количестве).

Перед окончанием переговоров выявилась еще одна трудность. В специальной телеграмме Риббентропу от 28 января Шнурре и Шуленбург сообщали о беспокойстве в Москве тем обстоятельством, что многие немецкие фирмы и компании не выполняют обязательств по кредитному соглашению от 19 августа 1939 г. и что это может неблагоприятно отразиться и на заключительной фазе переговоров о предстоящем соглашении⁶⁶.

29 января в Кремле состоялась встреча Сталина, Молотова, Микояна, Тевосяна и Бабарина с Шуленбургом, Риттером, Шнурре и Хильгером⁶⁷. На ней дискутировались те же острые вопросы, что и ранее, — о сроках немецких и советских поставок, о видах вооружений. Сталин предложил заключить два договора — на текущий и последующий год. Он указал на то, что будущие поставки будут осуществляться для "наших собственных программ вооружений". В заключение Молотов и Микоян обратили внимание на трудности, существующие в Германии по реализации кредитного соглашения от 19 августа 1939 г.⁶⁸ В итоге стороны опять не пришли к согласованному решению.

Очевидно, сложившаяся ситуация была обсуждена в Берлине. В планы Германии в тот момент явно не входило обострение отношений с Москвой, к тому же перспектива внедрения на советские рынки продовольствия и сырья казалась очень заманчивой.

Результатом обсуждения явилась телеграмма Риббентропа Шуленбургу от 3 февраля 1940 г. Констатируя, что русская позиция оказалась весьма мало связанной с духом сентябрьских соглашений, Риббентроп отметил, что идея двух договоров будет означать для Германии потерю русских поставок в 1940 г. и что теперь он надеется только на свое непосредственное вмешательство. Министр просит посла передать устное личное послание Сталину, а в случае необходимости готов и на письменное послание.

Рассмотрев сущность разногласий — о сроках, о размерах поставок и о балансе при финансовых зачетах, Риббентроп обратился к политической стороне дела. По его словам, Советский Союз должен рассматривать вопрос о таком балансе в более общем плане взаимоотношений между двумя правительствами. Он напомнил, что советское правительство реализовало свое желание, касающееся бывшей польской территории и развития своих интересов в Балтийском регионе. Германские победы в Польше оправдывают желание Германии получить поддержку Советского Союза в войне Германии против Англии и Франции, в том числе и в виде быстрых и широких поставок сырых материалов⁶⁹.

Выразив готовность к осуществлению военных поставок, Риббентроп также напомнил, что среди них есть такие, которые Германия никогда ранее не предоставляла другим странам. Она делает это в том числе и в расчете на помощь советского правительства и будет сожалеть, если не получит ее так быстро, как это необходимо. Он просил Сталина снова рассмотреть этот вопрос и дать указание ускорить поставки Германии, даже если ей для компенсационных поставок потребуется более длительное время по сравнению с тем, на которое рассчитывал Советский Союз⁷⁰.

Послание Риббентропа показало, что нацистское руководство решило использовать последний шанс, чтобы договориться с Москвой. Министр явно намекал на неблагодарность Кремля, упомянув и Польшу и Прибалтику (судьбу которых Советскому Союзу еще предстояло решать). И в Москве поняли и приняли этот сигнал. 8 февраля Сталин вместе со своими соратниками снова встретились в Кремле с теми же германскими представителями. Он сказал, что получил послание от Риббентропа, которое дает основание для обсуждения. Сталин сообщил, что теперь располагает информацией и может обещать поставки вольфрама, кобальта и молибдена.

Советский лидер согласился иметь один договор. СССР готов осуществить поставки на сумму от 420 до 430 млн марок в течение 12 месяцев с момента подписания договора. Германия

должна также осуществить поставки на сумму от 420 до 430 млн марок, но в течение 15 месяцев. В следующие 6 месяцев СССР поставит товары на сумму от 220 до 230 млн марок, а Германия сделает это в течение года⁷¹. В целом Советский Союз поставляет товары на сумму 650 — 660 млн марок в течение 18 месяцев, а Германия на ту же сумму в течение 2 лет и 3 месяцев (или 27 месяцев). Сталин затронул также вопрос о поставках металлов, о ценах на вооружение, в том числе аэропланы и крейсер "Лютцов", подчеркнув, что Москва действует в соответствии с пожеланиями немецкой стороны.

Риттер поблагодарил Сталина и сообщил о согласии германского правительства на поставки запрашиваемых Москвой образцов артиллерийских орудий⁷².

В итоге текст соглашения был согласован и подписан 11 февраля 1940 г. Обе стороны приняли равные эквивалентные по стоимости суммы поставок. Отличие было по срокам их реализации. Фактически Советский Союз должен был поставлять немцам сырье и зерно сразу же после подписания соглашения и главным образом в 1940 г., до февраля 1941 г. и далее до августа 1941 г., а Германия в СССР — образцы вооружения и промышленных изделий на ту же сумму, но до мая 1941 г. и позднее до мая 1942 г.⁷³

В соглашении самым подробным образом перечислялись все виды поставок. Со стороны СССР это были руды различных металлов, лом, нефть и нефтепродукты, сельхозтовары (в основном зерно), лес, золото, платина. Из Германии помимо военной техники Советский Союз получал промышленное оборудование, полуфабрикаты, сортовой уголь⁷⁴. В целом обе стороны обязались осуществить взаимные поставки на сумму 640 — 660 млн марок каждая. Стоимость советских военных заказов составила 133,3 млн марок⁷⁵.

Ход переговоров и заключение торгового соглашения наглядно показали не только экономические, но и политические намерения сторон. Сталин продолжал курс на сотрудничество с Германией.

Зимняя война показала военную слабость Красной Армии, и советское руководство стремилось "выжать" у немцев образцы новых и старых вооружений. Именно этим, видимо, объяснялась настойчивость советского руководства по включению в текст соглашения обязательств Германии по военным поставкам. Понимая, что это вызовет естественную реакцию в Англии и Франции, Москва настояла, чтобы в соглашении было оговорено, что переданные из Германии в СССР образцы вооружения будут держаться в секрете.

Ради достижения поставленных целей Сталин и Молотов были готовы даже выслушивать от немецких представителей

среднего ранга нелестные, а иногда весьма жесткие слова и формулировки. В речах советских руководителей по-прежнему не затрагивались идеологические различия двух стран. Напротив, они постоянно говорили о дружбе. Впервые в ходе этих переговоров Сталин употребил слова "взаимная помощь", чего в Москве избегали еще в начале сентября.

В отношении Германии было ясно, что на этой стадии она также нуждалась в сотрудничестве с Россией. Решающие военные операции против Англии и Франции были еще впереди и в Берлине были заинтересованы в дружеском нейтралитете или даже поддержке СССР. По крайней мере как минимум нацистское руководство гарантировало себе свободу рук на Западном фронте, снимая многолетний синдром войны на два фронта. Немецкие представители без труда добились так нужных им поставок зерна, нефти и цветных металлов. В трудные периоды переговоров они не гнушались напоминанием советским лидерам, что те и так уже много получили от Германии (называя Польшу и договора с Балтийскими странами).

Немецкая позиция выглядела прагматичной и порой достаточно циничной. Гитлер и Риббентроп также иногда говорили о новом этапе отношений, но немецкие документы показывают, что на совещаниях и в позиции германского генералитета явно чувствовалось желание не идти слишком далеко в сотрудничестве с русскими. А в целом в ходе переговоров довольно часто ощущались напряженность и скрытая раздраженность обеих сторон.

22 декабря 1939 г. было принято решение об открытии воздушного сообщения между СССР и Германией⁷⁶.

В те же дни последовало предложение Берлина о пропуске "на территорию германских интересов" до 60 тыс. беженцев. Речь шла о жителях тех областей Западной Украины и Западной Белоруссии, которые хотели переместиться под контроль Германии. Со своей стороны Москва давала согласие на перемещение на территорию, находившуюся под советским контролем, до 14 тыс. беженцев из зоны германских интересов⁷⁷.

Тогда же был рассмотрен вопрос о военнопленных. Именно решением Политбюро еще от 1 октября 1939 г. были созданы лагеря, в которых должны были содержаться лица польской национальности. Любопытно, что военнопленных солдат предписывалось в дальнейшем по договоренности с немецкой стороной отправить по домам. А офицеров и генералов надлежало содержать отдельно, причем вопрос об их возвращении к местам их жительства не предусматривался, в то время как задержанных чехов предусматривалось отпустить, взяв с каждого из них подписку, что они не будут воевать против СССР.

Польских офицеров и генералов предписывалось разместить в лагерях в Старобельске, Осташкове (Калининская область), в Козельске (Смоленская) и в Путивле (Сумская)⁷⁸. В данном случае речь шла о тех самых лагерях, где позднее были уничтожены тысячи польских офицеров (так называемое Катынское дело). 13 октября Политбюро снова вернулось к этому вопросу, определив по предложению Берии практические мероприятия по передаче военнопленных в германскую часть Польши⁷⁹.

В советско-германских отношениях обозначились и другие трения. С 27 ноября 1939 г. германское посольство направило ноту Наркоминделу, в которой выражался протест по поводу национализации помещичьих земель на территории Западной Украины и Западной Белоруссии, в соответствии с решением народных собраний этих территорий от 28 и 30 октября 1939 г., поскольку она касалась и имущества граждан немецкой национальности. Наркоминдел в ответной ноте заявил, что решения о национализации принимались еще до включения этих областей в состав СССР и в этих решениях ничего не говорилось о национализации каких бы то ни было имуществ⁸⁰.

11 октября заместитель наркома иностранных дел В.П. Потемкин встретился с Шуленбургом и выразил ему недовольство "паникой и поведением немцев в Прибалтике". Германское правительство закрывает немецкие школы. "Создается впечатление, — сказал советский дипломат, — что немцы рассматривают заключенные нами договора с Эстонией и Латвией как катастрофу, угрожающую их собственной безопасности"⁸¹. Он заявил, что считает позицию германского правительства неправильной. Она дает пищу враждебной Советскому Союзу иностранной печати, которая уже пишет, что "вместо мира и порядка СССР несет в Центральную Европу и Прибалтийские страны пожар и потрясения"⁸².

Шуленбург попытался успокоить Потемкина и согласился с тем, что германскому правительству следует принять меры для успокоения паникеров. 14 октября оно направило в Москву пространный ответ, в котором возложило ответственность на английскую пропаганду. По мнению германских властей, переселение немецкого населения на территории бывших польских областей осуществляется в полном спокойствии в соответствии с московскими соглашениями и займет много месяцев. Советское правительство должно приветствовать такое мероприятие, так как снимаются всякие затруднения для отношений между Германией и СССР и Прибалтийскими государствами⁸³.

Вопрос по поводу переселения немцев из Прибалтики был предметом специального обсуждения на Политбюро ЦК ВКП(б)⁸⁴. В дальнейшем он снова поднимался в ходе контактов советских и германских представителей.

Значительный интерес представляет также состояние советско-германских отношений в целом, их оценка обеими сторонами и в других странах. Обратимся к некоторым фактам.

Еще 9 октября советский посол в Италии докладывал в Москву о реакции Чиано на его встречу с Гитлером. По его словам, Гитлер и Риббентроп рассыпались в восторженных комплиментах по адресу Сталина и выражали абсолютную уверенность в прочности, солидности и взаимной искренности советско-германской дружбы⁸⁵. В одной из телеграмм посол писал, что у Чиано создалось впечатление, будто Гитлер готов в угоду Сталину переименовать свою партию из национал-социалистской в национал-большевистскую. Трудно сказать, чего было в этих отзывах больше — наивности или же (что более вероятно) желания Гитлера через Чиано вызвать определенное отношение к Германии.

Следуя намеченной линии, Москва также подчеркивала свою доверительность Гитлеру. Так, 19 октября в беседе с Шуленбургом Молотов информировал его о беседах Майского в Лондоне с Иденом, Черчиллем и Батлером. По мнению Молотова, именно Батлер намекал на возможность заключения мира с Германией. Шуленбург просил уточнить, насколько такая возможность реальна⁸⁶.

Однако это не исключало мелких и более серьезных "стычек" и выражения недовольства. 26 октября Молотов в беседе с Шуленбургом отрицательно отозвался о намерении Германии осуществить контроль над торговыми судами Латвии, Эстонии и Финляндии и входом в Рижский и Финский заливы⁸⁷. По мнению наркома, предполагаемый контроль затрагивает зоны военно-политических интересов России и потому создает большие неудобства. Молотов фактически не принял объяснений Шуленбурга и просил германское правительство отменить свое решение⁸⁸. Советское правительство расценивало это также как демонстрацию Германии в поддержку Финляндии, которая может стать "причиной срыва советско-финских переговоров". На следующий день советский посол в Берлине заявил, что Германия приняла решение отодвинуть границу торговой войны (речь идет о борьбе против контрабанды), но по существу продолжает эту войну⁸⁹.

13 ноября состоялась обстоятельная беседа Молотова с Шуленбургом и среди прочих вопросов снова была обсуждена тема о зонах германского контроля в Балтийском море. Шуленбург сказал, что германское правительство "полностью идет навстречу пожеланиям СССР о перенесении германского морского контроля на Балтике в более западную ее часть, но оставляет за собой принципиальное право вести борьбу с военной пропагандой". Молотов согласился, но при этом твердо заявил,

что "граница советского влияния в Балтике лежит на широте южной границы Литвы, а вопрос о морской границе не теоретический, а военный вопрос. Советские интересы на Балтике должны быть учтены германским правительством". Шуленбург подтвердил, что все будет сделано согласно желанию советского правительства⁹⁰. И на этом вопрос был исчерпан.

Весьма характерно, что, казалось, столь мало значительный эпизод вызвал резкую полемику и болезненную реакцию в Москве. Видимо, в Кремле увидели в действиях Германии желание повлиять на столь трудно проходившие советско-финские переговоры и, может быть, подкрепить финскую неуступчивость к требованиям Советского Союза. Сталин не хотел никаким образом допускать Германию в сферу советских интересов, определенную секретным протоколом к договору от 23 августа 1939 г. И этот случай снова показал, что за общими словами о дружбе возникали острые разногласия, которые обе стороны, исходя из своих интересов, старались преодолевать.

В октябре – ноябре 1939 г. в ходе встреч и обмена письмами между представителями СССР и Германии поднимались некоторые более общие вопросы. Среди них следует выделить встречу Молотова с Шуленбургом 13 ноября. Молотов сообщил о сведениях, поступивших от турецкого посла, о некоем проекте создания блока юго-восточных стран с участием Балканской Антанты, т.е. Румынии, Турции, Югославии и Греции. И якобы должны состояться переговоры между этими странами, с одной стороны, Венгрией, Болгарией и, может быть, Италией, с другой – о включении последних в блок. Шуленбург заявил, что, по его сведениям, никто из названных стран, кроме Румынии, не выражает такого желания. Он спросил Молотова, верны ли слухи о концентрации советских войск на бессарабской границе, на что нарком ответил, что ничего об этом не слышал.

Далее Шуленбург затронул вопрос о войне и мире. По мнению германского правительства, Англия говорит о мире, а тем временем Чемберлен и Галифакс произносят воинственные речи. В этих условиях германское правительство считает нужным сделать сильный нажим на Англию, в частности и в связи с концентрацией английских и французских войск в Сирии и в Египте. И в этой связи Шуленбург довольно неожиданно высказал мысль о том, что следовало бы послать в Афганистан Аманулла и его людей для нажима на англичан, "идеалом была бы военная демонстрация СССР на границах Афганистана и Кавказа без агрессивных намерений. Если это окажется невозможным, то желательно, чтобы советское правительство не опровергало бы подобных слухов, если таковые будут. Преследуется цель отвлечь Англию от приготовлений на Балканах"⁹¹.

Так впервые появилась тема Афганистана. Цель Германии была очевидной: нацистское руководство хотело активнее подключить Советский Союз к антианглийским действиям, причем в районе Среднего Востока. Предложение Германии было ее первым зондажем о возможности будущего разграничения здесь сфер интересов, о чем Гитлер позднее говорил Молотову более подробно во время его визита в Берлин в ноябре 1940 г. Молотов не отреагировал на это, он лишь заявил, что советское правительство считает базой возможных мирных переговоров речь Гитлера (очевидно, имелось в виду его выступление в рейхстаге 6 октября). Продолжая тему, Молотов заметил, что в статье "Мир или война" Англия заклеяна как поджигатель войны. "Никто другой ничего подобного не сделал"⁹².

Через несколько дней, 17 ноября, в ходе очередной встречи с Шуленбургом Молотов сам затронул вопрос об Афганистане. "В связи с просьбой германского правительства, — заявил он, — о проведении мер по нажиму на Англию в виде военных демонстраций СССР на границах Афганистана и на Кавказе, советское правительство имело в виду усилить там свои войска. Что касается возможности распространения об этом слухов с германской стороны, то советское правительство против этого не возражает"⁹³.

К вопросу об Афганистане, но уже в другой связи немцы вернулись 8 декабря, когда советник германского посольства в Москве В. Типпельскирх сообщил В.П. Потемкину, что в Афганистане существует смешанное германо-афганское общество, получившее концессию на добычу золота. Наиболее богатые залежи этого металла находятся недалеко от советско-афганской границы. Ранее Германия получила отказ афганского правительства о начале разработки, ссылаясь на возражения советского правительства, но теперь Германия рассчитывает на иную позицию правительства СССР⁹⁴.

17 декабря во время следующей встречи с Молотовым Шуленбург снова затронул вопрос об Афганистане. Германский посол напомнил, что Молотов желал получить более подробную информацию о том, какая требуется от советского правительства помощь в переброске некоего Шефера в Тибет и Амануллы в Афганистан. Шуленбург сообщил, что Риббентроп уже прислал в Москву своего доверенного человека г-на Клейста для связи с Шефером. Последнего они хотели бы вместе с одним из бывших министров Амануллы отправить в Москву под другими фамилиями.

А в целом, по словам Шуленбурга, по Афганистану намечается следующий план действий: устранить нынешнее афганское правительство, находящееся под английским влиянием, поставить Амануллу и создать базу для нападения на Индию; на

советско-афганской границе создается корпус из высланных афганцев, который и ударит по Афганистану. Предполагается, что афганское правительство не обратится к Англии за помощью, а потому дело пройдет легко.

На вопрос Молотова, в чем должна выражаться роль СССР при переезде Шефера в Тибет, Шуленбург сказал, что германское правительство просит помочь провезти с Шефером 30 человек и оружие⁹⁵. Отвечая на германское предложение в целом, Молотов заявил следующее: "Чтобы затевать дело свержения афганского правительства, надо иметь какую-то перспективу, надо знать, насколько это дело подготовлено, какие имеются данные для этого, шансы на успех и т.д. Поэтому необходимо знать, имеет ли германское правительство все эти данные... Об Афганистане же я имею много меньше информации, а чтобы затевать такое дело, надо иметь налицо все шансы, перспективу". Шуленбург согласился с этим и обещал предложить германскому правительству вернуть г-на Клейста в Берлин ввиду недостаточности информационного материала⁹⁶.

В те же дни германское военное руководство снова вернулось к вопросу об Афганистане. Речь шла о возможности развязывания там гражданской войны. По мнению немецких экспертов, можно было бы организовать со стороны афганцев обращение к англичанам за помощью и таким образом втянуть их в события в Афганистане. При этом следует соблюдать осторожность, чтобы не потерять эту страну как базу для борьбы против Британской Индии. В этом случае СССР мог аннексировать северные провинции (по аналогии с Балтийскими странами), что исключило бы германское влияние в данном регионе.

Немецкие военные в то же время предлагали немедленно приостановить намеченные МИД меры и отозвать эмиссаров из Москвы, опасаясь, что афганское правительство узнает о переговорах, а это станет подтверждением слухов, раздуваемых англичанами в Кабуле, о планируемых Германией и Советским Союзом действиях против Британской Индии через Афганистан. Они намечали осуществить давление на афганское правительство, открыть границы для афганских племен, которые настроены антианглийски, оказать им неофициальную помощь, показав таким образом благоприятное отношение Германии и Советской России, полагая, что в этом случае правительство согласится изучить возможность войны против Британской Индии. Как предварительное условие необходимо получить согласие Москвы гарантировать нынешние границы Афганистана, т.е. добиваться доступа к Индийскому океану через Афганистан⁹⁷. Это было мнение германских военных, и в немецких документах есть упоминание даже о разногласиях и конфликте между МИД Германии и военным ведомством⁹⁸.

В Москве фактически отвергли германские инициативы и предложения в отношении активности СССР в Афганистане. Причем советские руководители не только отклонили их, но и через неофициальные каналы довели это до сведения британского кабинета.

Все дискуссии вокруг так называемого афганского вопроса представляют значительный интерес. Во-первых, видно, что в германских правящих кругах существовали разногласия по этому вопросу, причем немецкий генералитет не скрывал своих опасений по поводу намерений СССР продвигаться на юг, явно желая сохранить там свое влияние. При этом немецкие генералы прямо ссылались на советские действия в Прибалтике, где Германия утратила свои преимущества. В то же время германский МИД проводил свою линию, продолжая и попытки теснее втянуть Советский Союз в антибританскую борьбу и намекая на возможность соглашения о сферах взаимных интересов.

Во-вторых, эти дискуссии показывали прагматический характер германской позиции по отношению к Советскому Союзу. За ритуальными фразами о новом этапе в отношениях и т.п. стояли чисто конкретные планы и интересы Германии в Европе и в мире. Свидетельством этому могут служить некоторые отрывки из пространной беседы Гитлера с итальянским послом в Берлине графом Маджистрати 2 февраля 1940 г. Помимо оценок хода советско-финской войны и советско-германских отношений фюрер оправдывал последние экономическими соображениями⁹⁹.

Говоря о Красной Армии, Гитлер отметил: "Все знают, что это был могущественный инструмент, с ограниченными человеческими и экономическими ресурсами. Но, честно говоря, он теперь сомневается, чтобы Россия могла бы успешно сражаться против Японии, хотя бы и вследствие транспортных трудностей, и мы, немцы, не боимся Красной Армии, хотя в сражениях на Севере или Юге Россия может быть очень существенным военным фактором. *Наша главная забота в это время состоит в том, чтобы не иметь эту великую державу против нас*" (курсив мой. — А.Ч.)¹⁰⁰.

В таких откровенных выражениях, порой весьма нелестных для СССР, Гитлер обрисовал свои главные цели на новом этапе взаимоотношений с ним: стремление получить зерно, нефть и нефтепродукты, цветные металлы и желание не иметь на востоке недружественного соседа.

И, как показано выше, советские представители постоянно сталкивались с этой явной линией Германии на переговорах. Однако она камуфлировалась весьма дружеской риторикой немецких средств информации, которые, конечно, имели ука-

зания на этот счет. Эффект был очевиден. Даже в секретном политическом отчете посольства СССР в Берлине, полученном в Москве в мае 1940 г., говорилось: "Оценивая результаты 1939 г. с точки зрения советско-германских взаимоотношений, следует признать, что истекший год целиком стоит под знаком того огромного поворота, который произошел в этих взаимоотношениях". Германская печать, подводя итоги 1939 г., писала: "Еще многие поколения политиков будут чувствовать всемирно-историческое значение этой даты" ("Национальцайтунг". 1940. 10 янв.¹⁰¹).

Что касается лидеров Советского Союза, то они в конце 1939 — начале 1940 г. также делали широкие показательные жесты. Средства информации получили указания воздержаться от всякой критики Германии и национал-социализма. Ради сближения с Германией Москва пошла на уступки и компромиссы в экономических вопросах, правда добившись, в свою очередь, согласия Германии на поставку военных материалов и образцов оружия. В то же время по конкретным вопросам советские представители часто занимали жесткую линию, выражая неудовольствие теми или иными действиями немецких властей.

Советско-германские отношения после августа 1939 г. имели свою логику, противоречия, внешнюю сторону и скрытый подтекст. В целом Сталин также решал главные цели. Во-первых, он стимулировал межимпериалистические противоречия; СССР оставался как бы в стороне, в то время как Германия и англо-французская коалиция находились в состоянии войны. Во-вторых, Советский Союз активно наращивал влияние в Восточной Европе.

¹ См.: Documents on German Foreign Policy. 1918—1945: In 13 Vols Series D (1937—1945). Vol. VIII. P. 123—124 (Далее: DGFP).

² Документы внешней политики: Т. XXII: 1939 год. Кн. 2. М., 1992. С. 605 (Далее: ДВП).

³ Там же.

⁴ Там же. P. 606.

⁵ См.: *Флейшхауэр И. Пакт Гитлер — Сталин и инициатива германской дипломатии. 1938—1939.* М., 1991.

⁶ ДВП. Т. XXII. Кн. 2. С. 606.

⁷ Там же. С. 607.

⁸ Там же. С. 134—136.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ DGFP. 1918—1945. Vol. VIII. P. 159.

¹² Ibid. P. 187.

¹³ Ibid. P. 187—188.

¹⁴ Ibid. P. 192.

15 Ibid. P. 193.

16 Ibid. P. 81.

17 Ibid.

18 Ibid.

19 Ibid. P. 82.

20 Ibid. P. 233.

21 Ibid. P. 233 – 234.

22 Ibid. P. 234.

23 Ibid. P. 263.

24 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 26. Л. 20. О советско-германских экономических отношениях см.: *Шевяков А.А.* Советско-германские экономические отношения в 1939–1941 гг. // Вопросы истории. 1991. № 4–5; *Сиполс В.А.* Торгово-экономические отношения между СССР и Германией в 1939–1941 гг. в свете новых архивных документов // Новая и новейшая история. 1997. № 2; *Ericson E.E.* Feeding the German Eagle: Soviet Economic Aid to Nazi Germany. 1933–1941. Praeger, 1999.

25 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 26, Л. 73.

26 Там же. Л. 81.

27 DGFP. 1918–1945. Vol. VIII. P. 264.

28 Ibid. P. 265.

29 Ibid.

30 Ibid.

31 Ibid. P. 345.

32 Решение Политбюро о посылке делегации см. выше.

33 DGFP. 1918–1945. Vol. VIII. P. 346.

34 Ibid. P. 358.

35 Ibid. P. 369.

36 Ibid. P. 394.

37 Ibid.

38 Ibid. P. 369.

39 Ibid. P. 422.

40 Ibid. С. 448.

41 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 26. Л. 107, 123, 145–146.

42 Среди них корпусы крейсеров типа "Зейдлиц" и "Принц Бюген" со всеми необходимыми материалами, включая торпеды и мины, 110 самолетов типа "Мессершмит-209", моторы для "Юнкерса-207" и "Юнкерса-208", авиационные бомбы.

43 DGFP. 1918–1945. Vol. VIII. P. 481–483.

44 Ibid. С. 502–503.

45 Ibid. P. 512–513.

46 Ibid. P. 516–518.

47 Ibid. P. 558–559.

48 Ibid. P. 560.

49 Ibid. P. 570–572.

50 Ibid. P. 587–588.

51 В решении Политбюро ЦК ВКП (б) от 20 января 1940 г. говорилось о закупках в Германии специального оборудования для обеспечения бомбардировочных самолетов (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 27. Л. 7).

52 Там же. Л. 3, 21–22.

53 DGFP. 1918–1945. Vol. VIII. P. 589.

⁵⁴ Ibid. P. 590.

⁵⁵ Ibid.

⁵⁶ Ibid.

⁵⁷ Ibid. P. 594.

⁵⁸ Ibid. P. 594.

⁵⁹ Ibid. P. 541.

⁶⁰ Ibid. P. 642.

⁶¹ Ibid.

⁶² Ibid. P. 643.

⁶³ Ibid. P. 672—673.

⁶⁴ Ibid. P. 672.

⁶⁵ Ibid. P. 673.

⁶⁶ Ibid. P. 715—716.

⁶⁷ Ibid. P. 718—722.

⁶⁸ Ibid. P. 722.

⁶⁹ Ibid. P. 741.

⁷⁰ Ibid.

⁷¹ Ibid. P. 752.

⁷² Ibid. P. 753—754.

⁷³ Ibid. P. 762—765.

⁷⁴ ДВП СССР. Т. XXII. Кн. 2. С. 584—585.

⁷⁵ К августу 1940 г. в соответствии с соглашением германские военные поставки в СССР составили на сумму 44,9 млн марок. Это были в качестве образцов самолеты "Хенкель" — Хе-100, "Мессершмит"-109", "Мессершмит-110", "Юнкерс-10", "Юнкерс-88", "Дорнье" — До-215, "Бюккер" — Бю-131, Бю-133, "Фокке-Вульф", авиационное оборудование, в том числе прицелы, высотомеры, радиостанции, насосы, моторы, 2 комплекта тяжелых полевых гаубиц калибра 211 мм, батарея 105-мм зенитных пушек, средний танк — Т-111, 3 полугусеничных тягача, крейсер "Лютцов", различные виды стрелкового оружия и боеприпасы, приборы управления огнем и т.д. По состоянию на 22 июня 1941 г. СССР поставил Германии товаров на сумму 310,3 млн марок. Сумма поставок Германии в СССР составила 287,6 млн марок, в том числе по военным заказам 87,57 млн марок (Там же. С. 584).

⁷⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 26. Л. 153.

⁷⁷ Там же. Л. 156, 161.

⁷⁸ Там же. Л. 20.

⁷⁹ Там же. Л. 71.

⁸⁰ Там же. Л. 59.

⁸¹ ДВП. Т. XXII. Кн. 2. С. 176—177.

⁸² Там же. С. 177. Если судить по немецким документам, то еще 4 октября, т.е. в день заключения советского договора с Латвией, германский посол в Латвии писал в Берлин, что 60 тыс. немцев (Volksdeutsche) и 3 тыс. Reichsdeutsche находятся в состоянии тревоги за свои жизни в связи с планами размещения в Латвии советских войск. Посол ставил вопрос перед Берлином о необходимости принятия мер по защите немецкого населения, организации их питания и пр. (DGFP. 1918—1945. Vol. VIII. P. 206—207).

⁸³ ДВП. Т. XXII. Кн. 2. С. 620—621; см. также: DGFP. 1918—1945. Vol. VIII. P. 282—283.

⁸⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 26. Л. 71.

⁸⁵ ДВП СССР. Т. XXII. Кн. 2. С. 172.

⁸⁶ Там же. С. 200–201. См. также: DGFP. 1918–1945. Vol. VIII. P. 325.

⁸⁷ ДВП СССР. Т. XXII. Кн. 2. С. 222. Этот демарш явился следствием телеграммы советского полпреда в Берлине. В ней сообщалось, что немецкое военно-морское командование уведомило советского морского атташе в Берлине о посылке Германией в Финский залив судна "Приллс" и нескольких вспомогательных крейсеров для контроля за торговыми судами Латвии, Эстонии и Финляндии. Это вызвано якобы (так писал Шкварцев) необходимостью борьбы с контрабандными перевозками (DGFP. 1918–1945. Vol. VIII. P. 347).

⁸⁸ ДВП. Т. XXII. Кн. 2. С. 233.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Там же. С. 285–286.

⁹¹ Там же. С. 286.

⁹² Там же. С. 287.

⁹³ Там же. С. 313. В развитие этой темы Шуленбург писал Вайцзеру 20 ноября, рассказывая о своей встрече с Молотовым: "Если будет решено в пропагандистских целях сообщить об усилении советских войск на Кавказе, то он может рекомендовать полковника д-ра Сиды, чтобы написать статью, как легко может быть захвачена армянская равнина в Турции (Эрзерум и Эрзилкан) и как легко будет захватить Мосул с его нефтяными запасами. Автор во время Первой мировой войны был начальником генерального штаба Третьей турецкой армии Эрзерума. Он — хороший специалист по этому региону. В планируемой статье он сможет дать туркам и англичанам хорошую пищу для размышлений" (DGFP. 1918–1945. Vol. VIII. P. 429–430).

⁹⁴ ДВП. Т. XXII. Кн. 2. С. 382.

⁹⁵ Там же. С. 420.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ DGFP. 1918–1945. Vol. VIII. P. 554–555.

⁹⁸ Ibid. P. 555.

⁹⁹ Ibid. P. 735.

¹⁰⁰ Ibid. С. 736.

¹⁰¹ ДВП. Т. XXII. Кн. 2. С. 475.

Москва, Лондон, Париж – ни войны, ни мира

Подписание советско-германского пакта произошло буквально через пару дней после очередного заседания военных миссий СССР, Великобритании и Франции в Москве. Заключение договора означало провал переговоров, но возникал весьма существенный вопрос: как будут строиться отношения советского руководства со своими бывшими партнерами по переговорам и как они, в свою очередь, будут реагировать на договоренности СССР с Германией.

Как уже отмечалось, в течение длительного времени советские лидеры испытывали глубокое недоверие к политике Великобритании. Оно особенно усилилось после Мюнхенского соглашения, которое, по мнению Москвы, не только явилось выражением политики "умиротворения агрессора", но и преследовало цель направить его на восток, в сторону Советского Союза.

На сотрудничестве СССР с Францией в начале 30-х годов отрицательно сказался приход к руководству французской внешней политикой П. Лаваля, который не скрывал своего враждебного отношения к Советскому Союзу. И на переговорах в Москве летом 1939 г. Англия и Франция явно не демонстрировали своего желания достичь с ним компромиссного соглашения, что существенно повлияло на отношение Сталина к этим державам. После подписания советско-германского пакта в Москве значительно усилились антибританские и антифранцузские настроения, а в Лондоне и Париже антисоветские, особенно в условиях начавшейся войны Англии и Франции с Германией.

На основании первых откликов на договор можно констатировать, что Лондон все же надеялся на продолжение отношений с Советским Союзом. На Западе опасались, что СССР может стать союзником Германии.

В первые же дни сентября, как мы помним, советское руководство старалось всячески подчеркивать свой нейтралитет и намерение продолжать отношения с другими странами. Несмотря на настойчивые попытки Германии ускорить вступление Красной Армии на территорию Польши, советское правитель-

ство не торопилось это делать до тех пор, пока немецкие войска не вышли к Варшаве, а фактически на линию Керзона. При этом зарубежные страны уведомлялись в том, что цель СССР состоит в защите украинского и белорусского населения¹.

Официально секретные протоколы к советско-германскому пакту не были обнародованы, но по многим косвенным данным их основной смысл стал известен, в том числе и английскому правительству. В связи с этим в британском руководстве постоянно муссировался вопрос о том, насколько далеко готово идти советское правительство в своих договоренностях с Германией и не означают ли они и военного сотрудничества двух стран.

Анализ британской политики целесообразно вести по двум направлениям. Сначала обратимся к тому, как она виделась из советского посольства в Лондоне и как официально реагировала на нее Москва (что может быть сделано на основании донесений советского посла в Наркоминдел и ответов Молотова, содержащихся в отечественных публикациях документов). Затем будет рассмотрен процесс выработки британского внешнеполитического курса.

20 сентября, выступая в палате общин, премьер-министр Англии Чемберлен сказал, что пока еще рано выносить суждение о мотивах и последствиях советского движения в Польшу².

21 сентября в телеграмме в Москву советский посол в Англии И.М. Майский сообщил: «Самый острый интерес здесь вызывает сейчас вопрос: будет ли СССР снабжать Германию сырьем, продовольствием и всем прочим или не будет? Отсюда чрезвычайное беспокойство, явно наблюдающееся во всех слоях, по поводу наших дальнейших намерений, отсюда боязнь раздражать и тем самым, как здесь часто выражаются, "бросать нас в объятия Германии"»³. Через два дня британский министр иностранных дел Галифакс пригласил Майского и поставил перед ним те три основных вопроса, о которых упоминалось в предыдущих разделах⁴. Они сводились к тому, как смотрит СССР на нынешнее состояние англо-советских отношений.

26 сентября Молотов направил Майскому телеграмму с ответом советского правительства на поставленные Галифаксом вопросы⁵. Судя по ответу, в Москве действовали осторожно, стремясь успокоить Лондон общими заверениями, не вдаваясь в подробности. Новым элементом было, конечно, предложение начать переговоры о торговле. Как показали дальнейшие события, советское правительство оставляло дверь для контактов с Англией открытой, избегая при этом конкретных дискуссий.

На следующий день Майский докладывал Молотову, что Галифакса не вполне удовлетворили ответы по вопросу о будущем Польши. Британский министр остался доволен согласием

на торговые переговоры и интересовался советской позицией в отношении Румынии и Прибалтики⁶. В дневнике Майского приводится более подробная запись его беседы с Галифаксом, в ходе которой британский министр сказал: "Все-таки я никак не могу примирить события последних недель с теми принципами внешней политики, которые были провозглашены г-ном Сталиным на последнем съезде вашей партии"⁷.

В те же дни, как отмечалось выше, вопрос о советских акциях в Польше был рассмотрен на заседании британского военного кабинета, решение которого было довольно сдержанным и умеренным. Британское правительство считало даже, что вступление Красной Армии в Польшу может создать трудности в отношениях между СССР и Германией и что линия Керзона предлагалась в свое время именно английским правительством.

Упоминание Галифаксом Румынии и Прибалтики подтверждает мнение, что в Англии имели какие-то сведения о секретных протоколах, ибо в них были обозначены именно эти территории как часть сферы советских интересов. Успокаивая Англию, одновременно, как отмечалось ранее, советское руководство информировало Берлин о контактах Майского в Лондоне, чтобы там не заподозрили Москву в двойной игре и в каких-либо контактах с Англией, о которых Германия могла узнать из других источников.

Столь же сдержанно отреагировали в Лондоне и на советско-германский договор от 28 сентября. Выступая в парламенте в начале октября, Чемберлен заявил, что это соглашение не вносит ничего нового в создавшуюся ситуацию, Англия и Франция не боятся угроз и будут по-прежнему мобилизовывать свои силы для продолжения войны⁸. На этом же заседании парламента известный британский политический деятель бывший премьер-министр Д. Ллойд Джордж заявил, что к решению вопроса о мире следует привлечь "великие нейтральные державы — СССР, Италию и США"⁹. Эти слова Ллойда Джорджа звучали в контексте тех дискуссий, которые происходили в начале октября и были вызваны намеками Гитлера о возможности мирных переговоров, вызвавшими отклики в Англии и других странах.

Тем временем в Лондоне продолжались встречи советского посла с представителями властей и общественности. 7 октября с Майским беседовал У. Черчилль. По его мнению, отношения между двумя странами отравлены недоверием, в частности Англия подозревает СССР в заключении военного союза с Германией. Основные интересы двух стран сейчас нигде не сталкиваются. Шок от советско-германского пакта уже прошел. По словам Черчилля, тот факт, что весь восток и юго-восток Европы находятся вне зоны войны, имеет положительное значение. Англия

не имеет оснований возражать против акций СССР в Прибалтике. Как следует из письма Майского, Черчилль доволен, что Балтийские страны включаются в советскую, а не в германскую государственную систему.

В ходе беседы Черчилль подошел к карте и провел черту по линии новой советско-германской границы, северной части Румынии и Югославии и заявил: "Дальше этой черты Германию нельзя пускать ни на Балканы, ни в Турцию, ни к Черному морю, так как затем она потянется к малой Азии, Ирану, Индии ... для Англии важна дружба с Турцией, которая должна иметь две протянутые руки — СССР и Англии, и они обе должны закрыть доступ Германии к Черному морю". "Сталин сейчас играет большую игру, — сказал Черчилль, — и играет ее счастливо. Он может быть доволен"¹⁰. Согласно комментарию Майского, британское правительство, считает Черчилль, принимает заявление о нейтралитете как положительный факт и хочет чтобы это был дружественный нейтралитет. Инициативу Черчилля Майский объяснял тем, что он все больше играет в правительстве руководящую роль, а Галифакс продолжает находиться в состоянии крайнего раздражения против СССР¹¹.

На следующий день Майский докладывал в Москву о беседе с министром здравоохранения Эллиотом. По словам министра, в английских властных структурах наблюдается растерянность, поиски подходов к советскому правительству для восстановления дружеских контактов. Британское правительство при этом не хотело бы нарваться на отказ или афронт. Эллиот даже зондировал вопрос о возможном совместном пакте о ненападении¹².

13 октября Майский сообщает о разговоре с Иденом, в ходе которого тот также коснулся вопроса об улучшении советско-английских отношений, который обсуждается в привилегированных кругах. Как пишет Майский, не переоценивая значения его бесед, все же следует принять во внимание, что на протяжении одной недели об этом говорили три министра. Иден, в частности, упомянул о двух возможных шагах — направить в Москву ответственную делегацию и начать переговоры о торговле, назначить английского посла в Москве, более авторитетного в глазах советского правительства. В связи с этим Майский просит указаний¹³.

16 октября Майского пригласил к себе министр иностранных дел Галифакс и заявил, что британское правительство хотело бы улучшить англо-советские отношения и готово начать с переговоров по вопросам торговли (сначала с советским послом в Лондоне, а затем, направив делегацию в Москву). Но все это Галифакс говорил в самом общем виде. Он интересовался советско-турецкими переговорами и балтийскими делами,

признав, что пакты с Эстонией, Латвией и Литвой стабилизировали отношения и явились вкладом в дело укрепления мира в Восточной Европе¹⁴. Конечно, следует иметь в виду, что все эти встречи излагались в интерпретации посла. Большое беспокойство Галифакса вызывали советско-финские переговоры. В связи с выступлением Чемберлена в парламенте и, видимо, имея в виду речь Гитлера в рейхстаге 6 октября, Галифакс подчеркнул решимость "вести войну до конца", но одновременно дал понять, что если бы Гитлер выдвинул какие-либо более приемлемые предложения, британское правительство было бы готово их рассмотреть.

На следующий день Майский имел беседу с заместителем министра иностранных дел Батлером, который затронул широкий круг проблем. Сначала он коснулся вопроса о войне и мире. Англия, по его словам, готова заключить мир хоть завтра, если бы соглашение имело стабильный характер и при условии гарантий великих держав, в частности США и СССР. Ради прочного мира британское правительство могло бы пойти на значительные уступки Германии даже в отношении колоний. По мнению Батлера, германская мирная инициатива провалилась, и сейчас мира ожидать нельзя. Как и другие собеседники, он уверял, что Англия ставит своей задачей улучшение англо-советских отношений. Батлер также затронул вопрос о Польше, заявив, что не может быть и речи о возврате ей Западной Украины и Белоруссии.

Батлер снова интересовался советско-турецкими переговорами. По его словам, Англия готова примириться с закрытием Проливов для военных судов всех государств, она спокойно приняла бы доминирующее положение СССР на Балканах, но только не хотела бы их разделения на сферы влияния между Советским Союзом и Германией. Во всяком случае Англия готова быть посредником в советско-турецких переговорах¹⁵.

По поводу торгового обмена Батлер повторил идеи Галифакса, заявив, что Англия готова импортировать из СССР лес, хлеб и пр. В заключение он зондировал возможность о замене нынешнего английского посла в Москве¹⁶.

В Кремле заинтересовались соображениями Батлера о войне и мире. Молотов уже 19 октября запросил Майского, можно ли считать, что Батлер намекал на желательность советского посредничества в вопросе заключения мира с Германией на известных условиях¹⁷. Сопоставляя беседы Молотова с Шуленбургом 19 октября, в ходе которых Шуленбург попросил уточнить¹⁸, чье мнение выразил Батлер, можно заключить, что срочность запроса из Москвы была связана именно с этим. Майский уже на следующий день сообщил в телеграмме, что Батлер явно излагал точку зрения Чемберлена и Галифакса, но

у него не сложилось впечатления, что Батлер имел в виду посредничество. Скорее, речь шла о разъяснении и оправдании линии британского правительства. Тем не менее из слов Батлера вытекало, что если бы СССР согласился на такую роль, а главное, взял на себя гарантию соблюдения соглашения, которое могло бы быть результатом мирной конференции, то британское правительство, безусловно, не возражало бы против переговоров¹⁹.

В той же телеграмме Майский уведомлял о новой встрече с Ллойд Джорджем, который был убежден, что после налетов германской авиации на Англию и потопления "Ройал Оак" продолжение войны неизбежно. По его словам, если бы СССР выступил с инициативой не в качестве представителя Германии, а как совершенно независимое нейтральное государство, эффект был бы бóльшим²⁰.

27 октября Майский беседовал с главным советником Чемберлена Г. Вильсоном. Основной темой был вопрос о мире, навеянный речью Риббентропа, в которой он заявил: поскольку англичане отклонили предложение Германии, она принимает этот отказ. Из германских документов известно, что зондажи насчет мира имели лишь отвлекающий характер, и Германия не имела серьезных намерений его заключить.

Вильсон, вслед за своими британскими коллегами, говорил о превращении Германии в федерацию (с широкой автономией Австрии и Баварии), в которой Чехословакия могла бы стать ее членом на правах британского доминиона. Польшу он предлагал восстановить как самостоятельное государство, но без Западной Украины и Западной Белоруссии. Накануне Галифакс, выступая в палате лордов и фактически разделяя взгляды Черчилля в отношении СССР, тоже подтвердил, что Англия не имеет возражений против занятия СССР Западной Украины и Западной Белоруссии²¹.

Некоторую полемику вызвала нота Наркоминдела Великобритании от 25 октября. Это был ответ на ноту английского правительства от 6 сентября, в которой оно объявляло военной контрабандой список товаров, включающий оружие, боеприпасы, химические препараты, машины для их производства, топливо всех видов, карты, фотографии, бумагу, монеты, слитки, валюту и многие другие²². Советское правительство квалифицировало решение британских властей как нарушение принципов международного права, поскольку в списке перечислялись предметы массового потребления и тем самым создавалась возможность для произвола. Равным образом Наркоминдел протестовал против досмотра торговых судов нейтральных стран²³. Советская нота была составлена в достаточно твердом тоне и отражала напряженность в двусторонних отношениях.

Молотов ответил на все запросы Майского только 11 ноября. "В связи с Вашими беседами, — писал нарком, — с Черчиллем, Иденом, Эллиотом и др. о желательности улучшения англо-советских политических и торговых отношений, Вы можете заявить при случае, что советское правительство сочувствует их желанию, но так как теперешнюю политику Англии определяют не указанные лица, то СССР не видит сейчас благоприятных перспектив в этом деле. Факты же в действительности таковы — британские власти занимают в отношении СССР враждебную позицию. Это видно во всех концах Европы, от Скандинавии и особенно от Финляндии до Балкан и Ближней Азии, не говоря уже о Дальнем Востоке". Поэтому, по мнению Молотова, для улучшения отношений Англии необходимо изменить свою политику в лучшую сторону²⁴.

Следуя этим указаниям, уже на следующей встрече с Черчиллем Майский подчеркнул недружественный характер политики британских властей по отношению к СССР. Черчилль сказал, что удовлетворен состоянием англо-советских связей, однако "внезапный поворот в советской политике в конце августа был шоком", многие подозревают, что у СССР есть военный союз с Германией, поэтому возникли подозрения. Проявляющаяся враждебность со стороны англичан, заявил он, как бы оправдываясь, исходит от "местных органов и отдельных чиновников", а не от правительства²⁵.

24 ноября состоялась встреча Майского с Батлером, по мнению которого советско-германский пакт оказался даже более благоприятным для Англии, чем для Германии. В результате его Англия получила нейтралитет Италии и Испании, смягчение отношений с Японией. Германия же потеряла позиции на Балтике, половину Польши и легкие подступы к Румынии и Черному морю. Батлер заметил, что обвинения СССР в адрес Англии несправедливы. Британское правительство не объявило войну СССР и даже не отозвало своего посла из-за вступления Красной Армии в Польшу, хотя некоторые круги требовали этого. Оно не вмешалось в переговоры между СССР и тремя Балтийскими государствами. Англия проявляет меньшую активность в финском вопросе, чем того хотят финны. В отличие от Даладье Англия не требует возвращения Польше Западной Украины и Западной Белоруссии. Нет оснований подозревать Англию в желании начать войну против СССР, тем более, что это было бы глупостью, когда она находится в состоянии войны с Германией.

В то же время, по словам Батлера, в СССР идет возрождение российского империализма. В Москве мечтают о гавани в Персидском заливе. Вот из-за этой мечты Англии, вероятно, пришлось бы вести войну против СССР. Если СССР захотел бы

захватить Ирак, то Англия вместе с Турцией также объявила бы войну советскому правительству²⁶:

28 ноября Галифакс приглашает Майского, чтобы специально поговорить о торговых делах. Сначала он вел речь о Финляндии, но затем в связи с вопросом о торговых переговорах прямо спросил, хочет ли советское правительство таких переговоров или нет? Уже прошел месяц с тех пор, как Майскому был передан ряд предложений о торговле. Галифакс энергично поддерживал открытие торговых переговоров, как шаг к общему улучшению экономики. Однако продолжительное молчание советского правительства вызывает сомнения в его заинтересованности вести эти переговоры.

Майский пытался связать вопрос о торговле с политическими проблемами, но Галифакс перешел к вопросу о советской прессе. По его мнению, в последнее время она занимает крайне враждебную позицию в отношении Англии, что затрудняет работу по улучшению англо-советского сотрудничества²⁷. В ответ Майский заявил, что советская пресса платит той же монетой, ибо британские средства информации крайне недружелюбно отзываются об СССР. Кроме того, британская дипломатия ведет сейчас пропаганду против СССР во всех концах мира — на Дальнем и Ближнем Востоке, на Балканах, в Скандинавии и т.д.²⁸

Обмен репликами между Галифаксом и Майским отражал реальное положение дел. Действительно британская пресса постоянно помещала весьма резкие критические статьи о Советском Союзе. Успокоительные заверения английских должностных лиц и политических деятелей, звучавшие в кабинете советского посла или в резиденциях британского министра, оставались неизвестными широкой общественности.

Статьи в английской прессе касались советских акций в Польше и сотрудничества с Германией. Довольно много материалов посвящалось внутренним проблемам СССР. Газеты писали о новом витке советского национализма и имперских настроений. Муссировалась и такая тема, как возможная угроза британским интересам в Индии и Афганистане и Среднему Востоку в целом.

Не отставала и советская печать. Фактически полностью исчезнувшее осуждение фашизма восполнялось критикой так называемых западных демократий, главным образом Англии и Франции. Резкие высказывания Сталина против Англии и лично Чемберлена во время встреч с Риббентропом отражали не только его личную позицию. Весьма сильны были антибританские настроения и среди политической элиты СССР.

Советские средства информации действовали в русле тех указаний, которые они получали от идеологического отдела Центрального Комитета партии и Наркомата иностранных дел. Английское правительство подвергалось резкой критике за продолжение войны (Сталин и Молотов приветствовали слова германских руководителей, называвших Англию главным "поджигателем войны"). По-прежнему не сходила со страниц периодических изданий тема о британском колониализме. Значительное место занимало разоблачение английской буржуазной системы. Англия и Франция как бы заполняли тот вакуум, который образовался в СССР после запрета критики нацизма и германского фашизма. Все это в своей совокупности отнюдь не создавало благоприятной основы для улучшения советско-британского сотрудничества.

11 декабря Майский посылает Молотову большое письмо с обзором советско-английских отношений в сентябре – ноябре 1939 г., отмечая, что, как и во время московских переговоров летом 1939 г., политика Англии остается противоречивой. С одной стороны, постоянные разговоры об улучшении отношений, с другой – антисоветские интриги во всех концах мира. Но Советский Союз не попался в расставленные ему сети, и теперь в Англии разочарованы. Но найден новый повод для выпадов против СССР, которые отличаются небывалой резкостью. Англичане, по мнению посла, всячески раздувают антисоветскую кампанию, чтобы "потрафить американцам"²⁹.

Мы еще вернемся к оценке советско-английских отношений, а пока отметим, что Майский явно переоценивает советские намерения касательно развития отношений между двумя странами. Из его обзора вытекает, что СССР будто бы заранее был горячим сторонником их улучшения. Во всяком случае Майский делал выводы, исходя из указаний Молотова, а его рекомендации, в свою очередь, влияли на антианглийские настроения в советском руководстве.

Так выглядела британская политика в представлении советского посла, в таком духе он информировал Москву на основе заявлений и выступлений политических лидеров и общественных деятелей Англии и своих с ними контактов.

Из приведенных документов видна и официальная линия советского руководства, прослеживаемая в инструкциях Наркоминдела советскому посольству в Лондоне.

* * *

Прежде чем сделать общее заключение о состоянии советско-английских отношений и британском внешнеполитическом курсе, обратимся к тому, что происходило в кругах истеблишмента Англии и не становилось известным широкой обще-

ственности и что оставалось за рамками бесед английских деятелей с советским послом в Лондоне и руководства СССР с Сидсом — английским послом в Москве.

Вначале отметим, о чем сообщал Сидс в Форин Офис осенью 1939 г. и какова была реакция британского военного кабинета на действия СССР.

Еще 17 сентября Сидс в связи с событиями в Польше настоятельно советовал не разрывать дипломатические отношения с Советским Союзом³⁰. Через два дня он снова призывает к сдержанному подходу к советскому вторжению в Польшу³¹. 18 сентября на заседании военного кабинета в Лондоне обсуждалась ситуация в связи с вступлением Красной Армии в Польшу и преобладающим был умеренный тон. Но уже в первой половине октября в переписке между Сидсом и Форин Офис рассматривается возможность войны между СССР и Англией в ближайшем будущем³².

Основополагающим документом, раскрывающим британскую политику в отношении России в тот период, является аналитический обзор о ситуации, сложившейся в результате советско-германского договора, подготовленный комитетом начальников штабов по указанию британского военного кабинета. Еще 2 сентября военный кабинет был информирован о предложении премьер-министра Австралии, чтобы комитет начальников штабов дал оценку военной ситуации на случай, если Россия объявит войну и будет действовать совместно с Германией. 6 октября военный кабинет обсуждал ситуацию на Ближнем Востоке и принял решение также просить начальников штабов изучить вероятность советских акций на Балканах, возможно совместно с Германией. В течение двух дней такой документ был подготовлен и представлен кабинету³³. В нем были проанализированы оба случая.

В документе отмечалось, что Россия действительно может создать серьезные трудности для союзников, оставаясь номинально нейтральной. Поэтому предлагалось такое развитие событий, при котором Россия будет благожелательно нейтральной к Германии и одновременно не враждебной по отношению к Англии.

Затем рассматривалась возможная позиция различных держав. Япония не будет действовать вместе с Германией и Россией. Италия озабочена германо-советским сближением и может присоединиться к ним, если почувствует, что они побеждают. Турция вряд ли станет противостоять России. Румыния, Болгария, Югославия и Венгрия проявят склонность выражать симпатии Германии и России и вряд ли смогут оказать им серьезное сопротивление. Испания займет антибольшевистские позиции, но может находиться под влиянием Италии, чтобы решать свои проблемы

(например, Гибралтар). Балтийские страны и Финляндия беспомощны перед лицом русской агрессии. Иран, Ирак и Афганистан в случае вторжения будут сопротивляться при соответствующей поддержке.

Остальная часть документа посвящена непосредственно России. Главная ее цель, по мнению Комитета, состоит в распространении мировой революции, поэтому она стремится расширить свое влияние повсюду, где возможно, прежде всего вернуть старые территории, чтобы улучшить собственные стратегические позиции и создать новые центры пропаганды. Она предпочла бы иметь слабую Германию (как своего соседа) и, вероятно, не хочет ее проникновения на Балканы и к Черному морю. Задачей СССР является истощение не только Германии, но и Британской империи.

Несмотря на огромные людские и естественные ресурсы Советского Союза, вряд ли, по мнению комитета, он способен к крупным военным операциям и активным действиям. Экономическая помощь Германии сопряжена с трудностями в военной сфере. Кроме того, его руководство, видимо, понимает, что война против Англии чревата образованием антикоминтерновского фронта из стран, недовольных германо-российским соглашением. В документе подробно рассмотрены два возможных варианта развития событий — если Россия будет номинально нейтральной или изберет другую позицию в зависимости от ситуации в различных регионах мира³⁴.

Общие заключения Комитета начальников штабов сводились в целом к следующему:

- русская пропаганда, особенно в районах наших непосредственных интересов на Среднем Востоке, может быть интенсифицирована и потребуются чрезвычайные меры, чтобы помешать этому;

- германо-русское экономическое сотрудничество может уменьшить эффект экономического давления Англии на Германию;

- русское вмешательство чревато блокированием немецкого проникновения в Юго-Восточную Европу;

- возможное проникновение России в Иран, Ирак и Афганистан создаст для Британии наиболее серьезные осложнения, а в сочетании с враждебной Италией почти нерешаемую проблему ресурсов на Среднем Востоке;

- опасность японского союза с Германией миновала, но возрастание русских интересов в Китае способно развязать руки Японии;

- российский подводный флот может активизировать свои действия, использование Мурманска расширит зону операций противника;

— вследствие ослабления экономического давления и отчасти из-за рассеивания британских сил на второстепенных театрах военных действий сроки наступления союзников на земле и в воздухе, вероятно, придется отодвинуть;

— партнерство между нацистской Германией и большевистской Россией вряд ли будет легким; контакты с русской армией и осложнения, обусловленные русско-германским сближением, могут вызвать внутренний взрыв в Германии, особенно, если не будут реализовываться ее военные планы³⁵.

Доклад комитета датирован 8 октября, а уже 10 октября его основные положения были рассмотрены и одобрены на заседании военного кабинета. Комитету начальников штабов, Министерству иностранных дел и Министерству по делам доминионов поручалось подготовить меморандум для отправки премьер-министрам всех доминионов³⁶, проект которого прилагался. Доработанный проект надлежало направить на одобрение военного кабинета³⁷. Фактически в нем обобщались выводы и предложения, сделанные комитетом начальников штабов.

Аналитическая работа была продолжена, и 13 декабря министр иностранных дел Великобритании подготовил новый меморандум об отношениях между Германией и СССР. Он обратил внимание на четыре вопроса:

1. Германия сброшена со счетов стремлением Советов овладеть Финляндией.

2. Совместные советско-германские действия на Балканах возможны, но пока нет никаких определенных доказательств этому.

3. Германия пытается убедить русских сконцентрироваться на Центральной Азии и Ближнем Востоке, может быть как альтернативе Балканам.

4. Существует значительное недовольство Риббентропом в Германии, но пока нет никаких признаков разрыва с СССР, даже временного.

Эти выводы Галифакс подтверждал и дипломатическими донесениями. По его мнению, в середине ноября из авторитетных источников стало известно, что германское влияние на Москву направлено на то, чтобы она не предприняла военных мер против Финляндии. Вторжение Красной Армии в эту или в какую-либо другую скандинавскую страну противоречило германо-советским договоренностям. Германия приветствовала сотрудничество с СССР в организации давления на нейтралов, но хотела на этом остановить его действия.

По словам Галифакса, в октябре Гитлер заявил, что Финляндия не входит в сферу советских интересов, и финны должны это понять. Фюрер не двинет пальцем в их защиту, но уверен, что СССР не намерен воевать с Финляндией. Однако, если это

все же случится, Финляндия будет потеряна для Германии. Британский министр считает, что Германия может посоветовать русским избежать крайних мер.

Что касается Балкан, то, по мнению Галифакса, имеющаяся информация показывает, что Германия по условиям пакта дала Советскому Союзу свободу рук в Бессарабии. Пока нет определенных данных, указывающих на германо-русское соглашение о разделе сфер интересов на Балканах. По крайней мере, к концу октября такового не существовало. В Германии многие настроены против уступок русским на Балканах. Галифакс ссылается на некий циркуляр германским посольствам на Балканах о разделении сфер интересов, но серьезных подтверждений этому нет. По некоторым данным, немцы хотели бы сохранить свое влияние на Балканах, отдав русским Бессарабию. В октябре многие данные подтверждали мнение, что после укрепления своих позиций на Балтике русские повернутся в сторону Балкан.

Если судить по ссылкам Галифакса на данные британских спецслужб, то видно, что наибольшие опасения Англия испытывала в отношении Центральной Азии. Так, "Фелькишер Beobachter" писала в декабре, что Риббентроп не прочь использовать СССР, который, действуя через Иран и Афганистан, спровоцирует революцию в Индии и волнения на Среднем Востоке в целом. По мнению британских деятелей, советская пропаганда вместе с Коминтерном предпринимают шаги в этом направлении, а советское радио значительно усилило свое внимание к Индии.

Британские власти сообщали, что получили информацию, будто в октябре Берлин оказывал давление на Москву, чтобы она расширила контингент войск в Среднеазиатском военном округе, но получил отказ, по крайней мере сейчас. Вплоть до конца ноября не было никаких свидетельств об увеличении советских военно-воздушных сил в этом округе, но имеются данные о возрастании числа самолетов в районе Батуми и Баку. Как видим, английские спецслужбы были прекрасно осведомлены о весьма конфиденциальной переписке и беседах между германским и советским руководством, о чем говорилось выше.

Британский министр иностранных дел обращал внимание на сведения о серьезных разногласиях в германском руководстве по вопросу об отношениях с Россией. В частности, Геринг и некоторые другие предостерегали Гитлера о коварстве Сталина и опасности большевизации Германии, особенно в связи с советским проникновением в страны Балтии. Но в целом, делал вывод Галифакс, сейчас нет данных, которые бы указывали на желание немцев разорвать договоренности с русскими³⁸.

Британские спецслужбы о Советском Союзе

Особый интерес вызывает комплекс документов, относящихся к донесениям британской разведки о положении в мире. Начиная с 1 октября 1939 г. она представляла в правительство еженедельные обзоры о положении в различных регионах и странах мира. И постоянно в них содержалась информация о намерениях, действиях и целях Советского Союза и соседних стран (прежде всего Польши, стран Балтии и Скандинавии). Разумеется, одно из центральных мест занимала и оценка советско-германских отношений.

Любопытно и то, что многие оценки в этих обзорах совпадали с заявлениями, меморандумом и решениями британского военного кабинета, что доказывает их использование британским правительством, министерством иностранных дел и другими ведомствами Великобритании.

Впервые информация о Советском Союзе появилась в обзоре от 10 октября 1939 г. В нем оценивалась реакция СССР на речь Гитлера и его намеки на возможность мирных переговоров. Речь сопровождалась обвинениями капиталистических стран (вероятно, Англии и Франции), которые хотят покончить с нацизмом, чтобы сохранить свои колониальные империи. СССР, значительно расширивший свои территории в Восточной Европе в результате соглашения с Германией, стремился сохранить их за собой.

Сталин, по мнению авторов обзора, видимо, больше склоняется к миру, чтобы закрепить свои новые позиции, нежели в условиях войны стремится к распространению большевизма. В отличие от Троцкого он всегда был готов к сотрудничеству с капиталистическими странами ради усиления российской промышленности любыми средствами, в том числе к сохранению торговых отношений с Британией и Германией. Советский Союз готов осуществлять поставки в Германию, если война будет продолжаться. В отношении Балтийских стран и Финляндии авторы полагают, что Эстония и Латвия вряд ли сохранят независимость. Вероятнее всего, их нынешняя структура власти будет разрушена и они попадут в зависимость от Советского Союза. Беспокойство в Германии в связи с массовым уходом оттуда немецкого населения это подтверждает. Эти страны потеряны для Германии и рассматриваются как сфера советских интересов. Скорее всего, то же произойдет и с Литвой³⁹.

В обзоре от 17 октября говорилось о настоящих и конечных целях Сталина. Авторы полагали, что он хочет воспользоваться столь благоприятной ситуацией, чтобы сохранить свой режим власти. Его стратегическая цель — укрепить позиции на Балтике и на Черном море, избегая серьезных трудностей. Для этого

он будет использовать и средства пропаганды. Поэтому Сталин сохранит нейтралитет, так как он дает преимущества, позволяя не втягиваться в борьбу на той или другой стороне, что не означает, однако, исключения возможности быть дружески нейтральным к одной из сторон. Не исключена попытка СССР пойти против британских интересов на Ближнем и Среднем Востоке, и в этом случае возможна кооперация с Германией.

Авторы считают, что правительства Латвии и Эстонии стремятся к сохранению независимости своих стран и усиливают в них националистические элементы (например, в Эстонии). Что касается Германии, то она потеряла свой престиж в Балтийских странах⁴⁰.

В обзоре от 24 октября отмечается, что после быстрого продвижения в Восточную Европу и успехов на Балтике активность России постепенно будет спадать. По мнению авторов, теперь ее главные интересы концентрируются на Финляндии и Турции.

Сталин, по словам обозревателей, еще раз изменил европейскую карту с замечательной быстротой и успехом. Он вернул завоевания Петра Великого на Балтике и идет по пути Екатерины II на Черном море. Его влияние на Балканах даже на начальной стадии дает ему значительные преимущества. Насколько успешными будут его действия, зависит от того, в какой мере Германия и ее противники будут заняты на Западном фронте, и от усилий западных держав по объединению Италии и Турции для создания нейтрального блока на Балканах, который получит прямую поддержку Британии и Франции. В обзоре по-прежнему муссировалась тема о возможности распространения коммунизма в Германии и о намерениях Советского Союза играть активную роль в германских внутренних делах.

7 ноября 1939 г. британские спецслужбы комментировали речь Молотова на заседании Верховного Совета СССР. Они отметили искажение в ней действительности. Подчеркивалось, что Молотов выступал в таком же духе, что и Риббентроп неделю назад. "Архивраги" — нацистская Германия и Советская Россия использовали одинаковые средства, чтобы оправдать свои действия и клеймить британскую политику. Советское правительство всегда выступало как "апостол мира". Молотов заявил, что Германия предлагает мир, а Англия и Франция предпочитают войну и поэтому теперь выступают как агрессоры. В обзоре содержалась критика советских действий, а желание прекратить войну называлось "чисто платоническим".

Речь Молотова приветствовалась в Берлине, но не устранила предчувствия опасности. Касаясь переговоров по экономическим вопросам между Германией и СССР, авторы продемонстрировали полное знание их хода. С их точки зрения Совет-

ский Союз может столкнуться с трудностями на бывших польских территориях, особенно там, где проживает много поляков⁴¹.

В обзоре от 14 ноября, комментируя речь Молотова в связи с годовщиной Октябрьской революции, авторы отмечают ее направленность против западных демократий. В нем же говорится о заявлении Коминтерна, в котором упоминаются Англия, Франция и Германия, ведущие войну за мировое господство, и делается вывод, что Сталин пытается использовать Коминтерн, чтобы оправдать поворот во внешней политике⁴².

Почти весь обзор от 5 декабря посвящен оценке личности Сталина, где он сравнивается с Гитлером. По мнению авторов, для борьбы с трудностями коммунистического движения Сталин пытается привлечь Коминтерн. Нападение СССР на Финляндию, считают составители обзора, должно вызвать неблагоприятный отклик и беспокойство в Германии⁴³.

Начиная с середины декабря одной из главных тем обзоров становятся действия Красной Армии против Финляндии. Не снимается вопрос и о советских интересах на Балканах. Так, в обзоре от 12 декабря излагалось содержание статьи из журнала "Коммунистический Интернационал", в которой автор высказывал пожелание заключить пакт о взаимопомощи между СССР и Румынией⁴⁴.

В обзоре от 19 декабря говорится, что сопротивление финнов оказалось для Сталина неожиданным. Престиж СССР после его успехов в Польше стал падать⁴⁵. В условиях трудностей на советско-финском фронте помощь Финляндии становится задачей первостепенной важности⁴⁶.

Один из январских обзоров 1940 г. акцентирует внимание на враждебном отношении СССР к Англии. 28 декабря русское радио выступило с нападками на британское господство в Индии. Это происходит в контексте с русско-германскими планами о стимулировании напряженности в Индии путем пропаганды и, может быть, военных действий⁴⁷.

Весьма любопытен обзор от 9 января 1940 г., посвященный анализу советской политики в 1939 г. Согласно Московскому радио, СССР добился больших успехов (пакт с Германией, освобождение 13 млн украинцев и белорусов, соглашения с Балтийскими странами, возвращение Вильно Литве, улучшение отношений с Японией). В то же время отмечается, что советские солдаты, вступившие в Польшу и в Балтийские страны, увидели, что их уровень жизни намного выше. Теперь они слушают финское радио и, по мнению авторов обзора, начинают сомневаться в правдивости слов красных комиссаров.

В другом январском обзоре за тот же год, обращаясь к истории, авторы приходят к выводу, что Сталин сохраняет в своей

нынешней политике верность клятве, данной на похоронах Ленина в 1924 г., "усиливать и расширять союз республик"⁴⁸.

Сопоставляя еженедельные обзоры, специально составляемые британской разведкой, с обсуждениями на заседаниях военного кабинета, можно заключить, что они играли весьма существенную роль в процессе принятия решений британским руководством. Эти обзоры базировались на разведанных, в том числе и на сведениях о советско-германских отношениях. В то же время их аналитическая часть и выводы показывали, что британские спецслужбы часто весьма поверхностно судили о действительных целях и намерениях Сталина и его окружения.

* * *

Анализ различных документальных источников о советско-английских отношениях позволяет прийти к следующим заключениям. Продолжая линию, начатую в сентябре 1939 г., СССР избегал резких действий, которые могли бы представить его как воюющего союзника Германии. Советские представители стремились создать впечатление в Лондоне, что СССР остается нейтральным государством.

В октябре 1939 г. в беседах с британскими деятелями в Москве затрагивалась проблема переговоров о мире. Об этом же говорил Гитлер, выступая в рейхстаге 6 октября, и советские дипломаты намекали на возможную посредническую роль СССР. Между тем в реальные намерения и Гитлера, и Сталина в те месяцы отнюдь не входила такая задача. Да и в Великобритании к этому также не стремились.

В Москве в тот момент начались переговоры с финской делегацией, и СССР был очень заинтересован в немецкой поддержке. Кроме того, как видно из документов, Молотов постоянно информировал Шуленбурга и через него Риббентропа обо всех разговорах Майского в Лондоне и Сидса в Москве. В Москве опасались, что немцы узнают об этих контактах из других источников, и тогда возникнут нежелательные осложнения в советско-германских отношениях.

В то же время, формально оставляя дверь открытой для контактов с Лондоном, советское руководство явно не намеревалось их активно развивать. Собственно, единственное, что могло бы быть реальным, — это переговоры о торговом соглашении. Но, проявив готовность пойти на них, Кремль быстро потерял к ним интерес. На все вопросы англичан по этому поводу в Наркоминделе долго не давали ответа, затем начали обвинять Англию в проведении антисоветской политики и, наконец, заявили, что переговоры возможны лишь при условии отказа ее руководства от пропаганды против СССР. Подобная тактика

лишь подтверждала во многом пропагандистский характер согласия на торговые переговоры. *Москву в тот период устраивало установившееся между Лондоном и Москвой состояние "ни войны, ни мира"*.

Кроме того, из донесений Майского было ясно, что английские лидеры удовлетворены неучастием Советского Союза в войне, который избегал вовлечения в активные действия на стороне Германии. Москву же устраивала весьма сдержанная реакция Лондона на советские акции в Польше и в Прибалтике. В тот момент Сталин явно не хотел бóльшего. Резко враждебная антисоветская позиция британской прессы и общественного мнения добавляла аргументы не в пользу улучшения отношений с Великобританией. Свою лепту вносили и обзоры советского посольства, в которых подчеркивалась общая враждебность к СССР правительства Чемберлена – Галифакса, британского истеблишмента и прессы.

Но и в Москве изменили пропагандистский тон; все газеты и радио перешли к резкой критике британского империализма, объявляя Англию сторонником войны, агрессором, стремящимся к мировому господству. Отклонив попытки Германии вовлечь СССР в реальные действия в Афганистане, направленные против Англии и США с целью подрыва английских позиций в Индии, в то же время советские средства пропаганды усилили критику колониальной политики Великобритании в Индии и на всем Среднем и Ближнем Востоке. В советской политике немалое место занимало положение на Балканах и в Турции. СССР стремился ослабить там влияние и Великобритании, и Германии, вызывая подозрение в обеих странах.

В целом же позиция СССР по отношению к Англии была сдержанной и умеренно враждебной. Москву в тот момент явно устраивало создание впечатления, что она сохраняет контакты с британскими властями, но не идет ни на какие реальные шаги к их развитию.

Схожая ситуация была и в Великобритании. После шока, вызванного подписанием советско-германского пакта, здесь занялись калькулированием дальнейшего хода событий. Если судить по документам из британских архивов, английское руководство больше всего было обеспокоено перспективой советско-германского сотрудничества, в том числе и в военной сфере. В Лондоне догадывались о советско-германских секретных договоренностях. Чемберлен и Галифакс понимали, что польский поход и договоры со странами Балтии вытекали из каких-то договоренностей. Но им было неясно, какую цену за это должен был заплатить Советский Союз.

Впрочем, весьма скоро в Лондоне пришли к выводу, что советское правительство, несмотря на сближение с Германией,

не собиралось активно вовлекаться в войну. Британское правительство принимало к сведению уверение о советском нейтралитете. Такая позиция в определенной мере устраивала Лондон, и британское руководство смирилось с присоединением к СССР западных областей Украины и Белоруссии и с договорами со странами Балтии.

В октябре – ноябре наибольшее беспокойство Лондона вызывало возможное движение СССР на Балканы и особенно в Афганистан и районы Ближнего и Среднего Востока. Британское и французское правительства смогли преодолеть активные попытки Советского Союза помешать заключению договора Англии и Франции с Турцией. Но в Британии с крайним опасением следили за советскими планами в отношении Румынии (Бессарабии), Болгарии и других Балканских стран.

В условиях войны возможности Англии воздействовать на события были довольно ограничены. Она опасалась главным образом советско-германских договоренностей в отношении Балкан. Но к концу ноября в британском МИД и в разведке пришли к заключению, что совместные операции СССР и Германии на Балканах, по крайней мере в те месяцы, вряд ли осуществимы. В Лондоне уже тогда полагали, что существует немало факторов, вызывающих напряженность между СССР и Германией. И именно ввиду этого, не желая создавать новых осложнений, в Лондоне не протестовали против советских акций в Польше и Прибалтике, рассчитывая, что со временем и там интересы СССР и Германии могут столкнуться.

Сопоставляя записки комитета начальников штабов британских вооруженных сил, еженедельные обзоры английской разведки и донесения британских дипломатов, можно заключить, что их выводы шли в одном и том же русле и по основным позициям совпадали. Как показывает один из обзоров, разведка была осведомлена о конфиденциальных беседах Шуленбурга с Молотовым и о предложении германского правительства об усилении советского военного присутствия и даже ввода войск в Северный Афганистан. Известно было и о том, что советское руководство отклонило это предложение. Но в Лондоне были сильно встревожены. К тому же советские средства информации начали активно муссировать идею об империалистической политике Британии в Индии. По мнению британских военных и разведки, именно из-за этих районов Англия могла быть втянута в конфликт с СССР.

В Лондоне также активно работали над тем, чтобы мешать развитию советско-турецких и советско-итальянских отношений в направлении, которое не устраивало Лондон.

Что касается двусторонних англо-советских отношений, то в Лондоне ухватились за согласие СССР начать переговоры о

торговом соглашении, использовали задержку с началом переговоров для того, чтобы обвинять СССР в нежелании идти на улучшение отношений с Великобританией. Судя по всему, английское правительство также устраивало такое состояние отношений с СССР, при котором сохранялись контакты. Москва уклонялась от слишком тесного сотрудничества с Германией, а Лондон избегал дискуссий о советских акциях в Восточной Европе.

Данные настроения в английском истеблишменте и беседы различных деятелей с советскими дипломатами позволяют заключить, что в английских властных структурах, в том числе и правительстве, сложились две группы. В одну входили премьер-министр Чемберлен, министр иностранных дел Галифакс и ряд других, которые стояли на довольно жестких позициях в отношении СССР еще со времен Мюнхена; хотя и они в целом следовали осторожному курсу и ставили своей задачей помешать тесному сближению СССР с Германией. В другую группу входили министры — Черчилль, Иден, Батлер и некоторые другие. Следуя общей линии британских правящих кругов, они считали в то же время полезным поддерживать более тесные контакты с Москвой и стремились к улучшению взаимоотношений между обеими странами.

* * *

Франция, так же как и Великобритания, активно участвовала в московских переговорах летом 1939 г. и была шокирована заключением советско-германского пакта. В отличие от Англии французские правящие круги имели опыт плодотворного сотрудничества с СССР в начале 30-х годов, которое, однако, в конце 30-х годов сменилось охлаждением и даже враждебностью.

Франция имела традиционные связи со многими странами Восточной Европы. Она патронировала Польшу, опекала Балканскую Антанту и с большим беспокойством относилась к советско-германскому сближению и к событиям вокруг Польши.

Согласовывая свои позиции с английским правительством, Франция, как уже говорилось, 18 сентября задала Москве те же вопросы, какие были поставлены Лондоном. Даладьё передал их советскому послу в Париже Я.С. Сурицу, а французский поверенный в делах в Москве Пайяр — заместителю наркома Потемкину⁴⁹.

В отличие от Англии вопросы французского правительства были составлены в резкой форме, оно настаивало на том, что "должно знать всю правду". Поэтому в Москве сочли нецелесообразным отвечать Даладьё. В Париж, как уже отмечалось, был отправлен тот же текст ответа, что и в Лондон, а Сурицу предписывалось при встрече сделать жесткий комментарий⁵⁰.

Любопытно, что теперь из опубликованных французских документов видно, что первая редакция вопросов была более сдержанной (и именно такой вариант был первоначально послан Пайяру 18 сентября), а дополнения, вызвавшие явное недовольство в Москве, были сделаны позднее при редактировании и отправлены в Москву в срочном порядке 19 сентября⁵¹. А в перерыве между этими посланиями Даладьё принял советского посла Сурица и эмоционально воскликнул: "Что вы делаете?" Судя по французским документам, Суриц в сильном возбуждении сказал, что еще не имеет инструкций от своего правительства.

Здесь уместно добавить, что в телеграмме Пайяра в Париж сообщалось о его встречах в Москве с послами США, Турции и Китая, все они считают, что разрыв отношений Франции с СССР будет использован Германией⁵². И все же создается впечатление, что, несмотря на резкий тон вопросов, реакция французского правительства на вступление советских войск в Польшу была также довольно сдержанной.

Как сообщал Суриц 4 октября, во французских кругах "ширится мнение, совпадающее с выводами Черчилля, что советская политика оправдывается не только с точки зрения национальных интересов СССР, но в конечном счете совпадает с интересами Антанты. Так, в частности думает Беранже — председатель комиссии по иностранным делам французского парламента"⁵³.

11 октября Суриц телеграфирует в Москву, что французы относятся к советскому укреплению на Балтике даже спокойнее, чем англичане. Посол объясняет это в целом слабой заинтересованностью французов в регионе Балтийского моря. Советская акция на Балтике осенью 1939 г. оценивается в Париже в двух аспектах — "в разрезе бесспорных и фактически никем не оспариваемых наших интересов" и в плане оттеснения немцев из Балтики. Последний момент особо подчеркивается и приводит Черчилля и ему подобных к выводу о совпадении "конечных интересов".

Несколько по-иному, сообщает посол, рассматривается финляндская проблема ввиду того, что Франция гораздо больше связана с Финляндией и со Скандинавскими странами⁵⁴. Эту же мысль Суриц повторил и 19 октября, снова подчеркнув, что в балтийских делах французов интересует в первую очередь вопрос о том, какие договоренности существуют между СССР и Германией и чем СССР компенсирует германские уступки в Прибалтике и свои акции в Восточной Европе — повлечет ли это за собой окончательное утверждение там Советского Союза и оттеснение Германии?⁵⁵ Ставится, как уже отмечалось ранее, вопрос и о том, на какой грани задержится экспансия СССР и в какую форму она выльется?⁵⁶

Как видим, это — те же вопросы, которые задавались и многими британскими экспертами. В целом, по словам Сурица, преобладает мнение, что СССР не выйдет из нейтралитета и его балтийская политика, ослабляя Германию и преграждая ей дорогу на восток, объективно и в перспективе выгодна Франции⁵⁷.

Особенный интерес в Париже был прикован к пакту о взаимопомощи между Англией, Францией и Турцией. Многие считают, что Москве не удалось сорвать его подписание.

Суриц отмечает некоторые признаки перелома в настроениях французов в плане восстановления связей с СССР. Главная их забота — обеспечить советский нейтралитет и ради этого они готовы на определенные уступки⁵⁸.

* * *

Все вышеприведенные документы шли от советских представителей в Париже. Теперь обратимся (как и в случае с Англией) к тому, как все события сентября — ноября 1939 г. виделись из Парижа. Недавно опубликованный том документов МИД Франции вместе с бумагами Даладьё и другими материалами дает нам такую возможность.

Сначала рассмотрим реакцию на вступление советских войск в Польшу в контексте взаимоотношений между СССР и Германией. Первое серьезное послание из Москвы было получено в Париже 14 сентября от М. Пайяра, который пишет о возможном скором вступлении Красной Армии в Польшу. Конечно, сообщает французский дипломат, в этом случае возможен разрыв франко-советских отношений, который отвечал бы законным чувствам общественности. Но тогда единственным игроком на советском поле осталась бы Германия. "Нельзя забывать о противоречиях, которые существуют между СССР и Германией и, оставляя поле, мы как бы не даем Советскому Союзу иного выбора, как развитие отношений с Германией. Не следует также сбрасывать со счетов и нынешние деликатные российско-турецкие переговоры, в которых мы также заинтересованы"⁵⁹. Как видим, Пайяр советует занять более осторожную позицию.

15 сентября премьер Даладьё отправил телеграмму французскому послу в Лондоне и со своей стороны также подчеркнул, что Советский Союз находится между двумя группами держав и мы не должны отдать его в объятия Германии⁶⁰. Общая линия французского правительства начала вырисовываться, и она совпала с позицией британского кабинета. Уже на следующий день французский посол в Лондоне М. Корбен телеграфировал Даладьё: "Лорд Галифакс разделяет Вашу точку зрения в том, что касается отношений с СССР". Галифакс отметил в беседе с Кор-

беном, что "англо-польский договор не предусматривает никаких обязательных действий в случае, если советская армия вторгнется в некоторые польские территории"⁶¹.

Как результат этого обмена мнениями Даладье в телеграммах французским послам в Лондон и Москву указывает, что вторжение в Польшу не должно вести к автоматическим немедленным ответам, такой автоматизм будет только на руку Германии, которая стремится "вбить клин" между СССР и западными державами⁶². И когда 17 сентября советское движение в Польшу стало свершившимся фактом, Пайяр, следуя инструкциям Даладье, подтверждал, что "разрыв с СССР был бы вредным"⁶³.

4 октября французский посол в Риме М. Франсуа-Понсе информировал Даладье о своей конфиденциальной беседе с итальянским дипломатом, который рассказал о беседе Чиано с Гитлером в Берлине 2 октября⁶⁴. Дипломат изложил общую политическую линию итальянского правительства, откровенно сказав, что Италия опасается победы и усиления и Германии, и Англии. Что касается России, то, по мнению Чиано, она имеет очевидную цель использовать войну для распространения мировой революции. Советские руководители могут даже вернуться к политике царизма. Италия опасается, что в условиях "советизации Германии" существует большая опасность и для Италии, и для Франции. Итальянский дипломат, впрочем, не верит в искренность германо-русского сотрудничества и допускает возможность их соперничества на Балканах, особенно в связи с желанием России сохранить свое влияние в Болгарии и укрепиться в Константинополе и в Турции⁶⁵. Из всей пространной беседы Франсуа Понсе вынес впечатление, что Италия также склонна к сдержанности в том, что касается России, и к тому, чтобы использовать советско-германские противоречия.

Параллельно с дипломатическим зондажом в Париже проводился общий анализ ситуации, который отразился в двух аналитических записках, подготовленных в министерстве иностранных дел в сентябре и в октябре. Большой интерес вызывает также подробная записка Пайяра из Москвы от 24 сентября, в которой говорится об общих целях Советского Союза и о сложившейся ситуации⁶⁶. С момента заключения германо-советского пакта политика Кремля эволюционировала столь быстро, писал Пайяр, что было весьма трудно следовать за событиями. Здесь и меры по обеспечению нейтралитета, и превентивные шаги для наступления в националистическом и революционном духе. Первое впечатление от пакта было такое, что решение Кремля было продиктовано страхом. Наблюдатели полагали, что Сталин был весьма озабочен хрупкостью внутренней ситуации в России, чтобы пойти на риск войны. Немецкое вторжение в Польшу подтвердило силу германских армий.

После 17 сентября СССР и Германия согласились сохранять "государство-тампон" между двумя странами, чтобы каждая из сторон смогла получить то, что она хотела, опираясь на прецеденты 1772 и 1796 гг. Пайяр говорит о социальных экспериментах Советского Союза на перешедших к нему землях. Затем настала очередь Балтийских стран, которые были покинуты немцами. Итак, нацистская Германия, которая объявляла о необходимости получения жизненного пространства, теперь оставляла Восточную Европу Советскому Союзу. Широкий проект Кремля начал реализовываться⁶⁷.

Далее Пайяр переходит к Балканам. Он полагает, что организация мира в этом регионе зависит сегодня в большей степени от Москвы, чем от Берлина или Рима, и ставит вопрос о причинах германских уступок. По его мнению, немцы хотят сконцентрировать все силы на Западе, а пока получать из России зерно и нефть. Затем Германия рассчитывает урегулировать отношения с СССР, поставив ему преграду для дальнейшего продвижения на Запад. По мнению Пайяра, если Франция в этих условиях останется без контактов с официальными кругами в Москве, без информации о ней, посольству будет трудно выполнять свою миссию. Совместные действия коммунизма и национал-социализма готовят еще много сюрпризов.

В записке от 26 сентября французский МИД напоминал историю разделов Польши и о постоянном соперничестве между Россией и Германией в этой части Европы. Авторы призывали к согласованию позиций Англии и Франции, цитировали недавнюю речь Чемберлена, в которой он говорил о необходимости избегать авантюры и о том, что после войны и победы союзников Польша не будет забыта. По их мнению, в конечном счете Россия заинтересована в победе Франции и Англии, но она должна знать, что ее территориальные интересы и завоевания в результате соглашений с Германией не будут оспорены. Заключение авторов совпадало с позицией, преобладавшей в тот момент в Париже и Лондоне, — надо проявлять сдержанность в отношении СССР⁶⁸.

Большой интерес представляет записка от 1 октября, также подготовленная в МИД Франции, об отношениях СССР с Германией, Англией и Францией⁶⁹. Первая ее часть, озаглавленная: *"Цели, которые действительно ставил перед собой Советский Союз, подписывая пакт с Германией 23 августа"*, гласила:

1. Подтолкнуть Германию к агрессии.
2. Достижение при помощи Германии тех целей, которые сначала СССР хотел достигнуть на переговорах с союзниками (преобладание в районе Балтии; аннексия территорий Польши, населенных украинцами и белорусами).

3. Ослабить воюющие державы путем длительной войны.

Германия представляла главную опасность для СССР, который хотел достичь своих целей, поддерживая Рейх материально и морально лишь в той мере, которая позволяла бы Германии сопротивляться и вести длительную войну. Конечная фаза должна была бы привести к поражению Германии.

Исходя из такого понимания советских целей, Франция, по мнению авторов записки, должна избегать действий, которые укрепят союз СССР с Германией; поэтому надо сохранять контакты с Москвой. Следует немедленно вернуть посла в Москву, что будет расценено как доказательство не разрывать связей с СССР, и попытаться добиваться встречи нового посла М. Наджияра с Молотовым. Необходимо дать понять русским, что именно Германия, а не Англия или Франция угрожает СССР. В телеграмме в Москву 5 октября М. Пайяр подробно описывает, в какой мере Германия заинтересована в торговле с Советским Союзом (в получении сырья, даже каучука и т.п.). И опять общая тональность его сообщения состоит в том, что с точки зрения дальних перспектив и в настоящее время союзники должны продолжать поддерживать контакты с Москвой⁷⁰.

К экономическим проблемам французский поверенный обратился 22 декабря. На этот раз уже новый посол Наджияр сообщал в Париж о продолжительных переговорах делегации Шнурре с советскими представителями⁷¹.

Значительное место в публикации французских дипломатических документов занимает тема взаимодействия Франции и Англии. В частности, французские послы в Лондоне и Москве обнаруживают хорошую осведомленность о контактах Майского с британскими политическими и общественными деятелями, информацию о которых они получали из Лондона⁷².

По мнению ряда французских дипломатов, можно было бы согласиться на линию Керзона, если Москва не будет оказывать прямую или косвенную военную помощь Германии и не станет интенсифицировать торговый обмен с Рейхом. При соблюдении этих условий можно даже послать специальную миссию в Москву для ведения экономических переговоров.

В одном из вариантов текста записки от 1 октября было сказано о возможности получить от Молотова заверения поддерживать такие условия мира, которые не давали бы Германии свободы рук на востоке, и в то же время сообщить СССР, что "мы будем готовы после победы союзников признать специальные советские интересы на Балтике и рассмотреть новую советско-польскую границу по линии Керзона⁷³.

В целом позиция Франции в отношении Советского Союза в сентябре – ноябре 1939 г. совпадала с британской. В Париже также приняли решение сохранять контакты с Москвой, рас-

смаывая действия СССР в Польше и в Прибалтике как возможный в будущем повод для обострения отношений между СССР и Германией. В то же время французские политические круги реагировали на происходящие события более эмоционально, проявляя беспокойство и плохо скрываемую враждебность к "большевистскому режиму". Средства массовой информации постоянно выступали с резкой критикой в адрес Советского Союза. Но политические соображения и задачи борьбы с Германией брали верх над идеологическими факторами и заставляли французское руководство сохранять определенную сдержанность.

Важным инструментом франко-английского сотрудничества были периодические встречи руководителей и полного состава военных кабинетов обеих стран, на которых определялись совместные действия в отношении Германии и других международных проблем. На этих встречах в сентябре – ноябре была скоординирована общая политика двух стран и в отношении Советского Союза⁷⁴. Акции Советского Союза после подписания пакта Молотова – Риббентропа вызвали противоречивую реакцию в Лондоне и Париже. Взаимная враждебность, имеющая глубокие корни, неприятие советских социальных "экспериментов" влияли на официальную линию руководящих деятелей Англии и Франции. В то же время была очевидна необходимость сохранения контактов с Советским Союзом, чтобы не допустить его дальнейшего сближения с Германией.

СССР, используя пакт с Германией для реализации своих целей в Восточной Европе, считал одной из главных целей стимулирование войны между двумя империалистическими группировками, но вместе с тем подчеркивал статус "нейтральной страны" и сохранял контакты с Англией и Францией. В этих условиях используемая нами формула "ни мира, ни войны", как представляется, в конце 1939 – начале 1940 г. соответствовала целям и политическим устремлениям и Москвы, и Лондона, и Парижа.

Приложение

Основное содержание записки и меморандум британского военного кабинета сводились к следующему⁷⁵.

Экономическая помощь России Германии

Россия сможет, не участвуя в военных действиях, дать Германии максимум товаров, включая сырые материалы. Это приведет к дальнейшему снижению уровня жизни в России, кото-

рый и без того низок и вряд ли поможет Германии справиться с английским экономическим давлением⁷⁶.

На юго-востоке Европы Россия сможет блокировать германское движение, что может побудить Германию начать наступление на Западе.

Но, с другой стороны, Германия может почувствовать, что улучшение ее экономического положения позволит ей занимать выжидательную позицию в надежде, что давление нейтрального мнения и нашего собственного народа может заставить нас начать переговоры о мире⁷⁷.

Прямая военная помощь Германии

Россия может, оставаясь нейтральной по типу "невмешательства" во время испанской войны, разрешить Германии использовать русские морские и воздушные базы и поставлять ей военные корабли и самолеты⁷⁸.

Косвенная поддержка Германии

Россия может оказывать Германии косвенную помощь путем использования пропаганды, угроз военных действий на второстепенных театрах военных действий⁷⁹.

Таковыми районами могут быть *Балтийские страны*. Все Балтийские страны уступят России даже без военных действий с ее стороны. Сопротивляться сможет только Финляндия, но и она будет сломлена. Но это не представляет, по мнению кабинета, никаких непосредственных угроз британским интересам.

Балканы

Вполне возможна русская аннексия Бессарабии, а Болгария захватит часть Добруджи.

В то же время не исключена возможность раздела Румынии по германо-русскому соглашению. Но вряд ли Россия жаждет германского проникновения к Черному морю и к Проливам. Германия заинтересована в Румынии, прежде всего по экономическим соображениям.

Турция может и не вмешаться в события, чтобы не осложнять свои отношения с Россией.

Вряд ли союзники могут в чем-то помочь Румынии.

В то же время не исключается возможность разделения Балкан на германскую и русскую сферы влияния, хотя кабинет считает, что сейчас нет проявления такого раздела⁸⁰.

Кавказская граница

Действия русских против Турции через Кавказ кажутся невероятными, но концентрация русских войск на границах вполне вероятна⁸¹.

Дальний Восток

Действия России в Маньчжурии и Китае сейчас мало вероятны, но такое положение может быть недолгим⁸².

Далее кабинет рассматривает ситуацию во втором случае, т.е. если Россия будет открыто враждебной и даже может оказаться в состоянии войны с Великобританией.

Домашние воды и Балтика

Русская враждебность резко усилит силу вражеского подводного флота, хотя русские подлодки менее эффективны, чем немецкие. Опасность будет представлять и использование немцами незамерзающего порта в Мурманске.

Черное море и Средиземноморье

Английские силы вряд ли будут отрезаны от Черного моря ввиду русско-турецких отношений.

Наземные и воздушные операции

Вряд ли следует ожидать значительного русско-германского сотрудничества.

Русские военные операции будут лимитированы отправкой небольшого числа технических войск и поставок некоторого числа сателлитов на Западный фронт⁸³.

Иран и Ирак

Здесь кабинет занял более жесткую позицию, считая необходимым, с военной точки зрения, остановить русское продвижение даже ценой объявления войны, если будут затронуты британские интересы в англо-иранской компании и в Мосуле (также нефтяной район). Ситуация может потребовать усиления войск в Индии и отправки их со Среднего Востока в этот район.

Афганистан и Индия

Завладев северными провинциями в Афганистане, Россия может вести воздушные действия против Индии. И хотя широкие атаки вряд ли вероятны, но даже в ограниченных масштабах они создадут проблему для внутренней безопасности. И в этом случае будут затронуты английские позиции в Индии⁸⁴.

¹ Документы внешней политики. Т. XXII: 1939 год: В 2 кн. М., 1992. Кн. 2. С. 96 – 97 (Далее: ДВП).

² Там же. С. 109.

³ Там же. С. 119.

⁴ Там же. С. 124.

⁵ Там же. С. 130. Об этом см. в предыдущем разделе.

- 6 Там же. С. 131.
- 7 Там же. С. 605.
- 8 Там же. С. 618.
- 9 Там же.
- 10 Там же. С. 167 – 168.
- 11 Там же. С. 169; Свою позицию У. Черчилль изложил в речи по радио 1 октября 1939 г. Он говорил о действиях России, которые были продиктованы ее "национальными интересами" (*Churchill W. Second World War: Vol. 1 – 6. Boston. 1976 – 1981.*
- 12 ДВП. Т. XXII. Кн. 2. С. 170 – 171.
- 13 Там же. С. 183 – 184.
- 14 Там же. С. 190 – 191.
- 15 Там же. С. 196 – 197.
- 16 Там же. С. 197.
- 17 Там же. С. 201 – 202.
- 18 Там же. С. 201.
- 19 Там же. С. 204 – 205.
- 20 Там же. С. 204.
- 21 Там же. С. 242.
- 22 Там же. С. 623 – 624.
- 23 Там же. С. 215 – 216.
- 24 Там же. С. 278.
- 25 Там же. С. 289 – 291.
- 26 Там же. С. 335 – 336.
- 27 Там же. С. 341.
- 28 Там же. С. 342.
- 29 Там же. С. 395.
- 30 Public Records Office. Foreign Office 371 /23/ 103. P. 31 – 35 (Далее: PRO).
- 31 Ibid. P. 38 – 39.
- 32 Ibid. FO 371 / 23678. P. 102 – 107.
- 33 PRO. Cabinet 66. 1939. N 2. Copy N 65. P. 196.
- 34 Ibid. P. 197. Содержание всей записки изложено в приложении к разделу.
- 35 Ibid. P. 205 – 206.
- 36 Ibid. N 27. P. 260.
- 37 Подробнее см. в приложении к разделу.
- 38 PRO. Cabinet 66. 1939. N 4. Copy. N 19. P. 93 – 94.
- 39 Weekly Political Intelligence Summary. Secret Foreign Political Department. L., 1939 – 1941. N 2. 1939. 10 Oct. P. 6.
- 40 Ibid. N 3. 1939. 17 Oct. P. 5 – 6.
- 41 Ibid. N 6. 1939. 7 Nov. P. 5 – 7.
- 42 Ibid. N 7. 1939. 14 Nov. P. 6.
- 43 Ibid. N 10. 1939. 5 Dec. P. 6.
- 44 Ibid. N 11. 1939. 12 Dec. P. 6.
- 45 Ibid. N 12. 1939. 19 Dec. P. 6.
- 46 Ibid. N 13. 1939. 26 Dec. P. 4.
- 47 Ibid. N 14. 1940. 2 Jan. P. 6.
- 48 Ibid. N 17. 1940. 23 Jan. P. 5.
- 49 ДВП. Т. XXII. Кн. 2. С. 98 – 99, 107 – 108.

- ⁵⁰ Там же. С. 130 – 131. О вопросах Даладье и беседе Сурица с ним см. в предыдущем разделе.
- ⁵¹ Ministère des Affaires Étrangères. Documents diplomatiques français. 1939. 3 Septembre – 31 Decembre. Bruxelles, 2002. P. 157, 170 (Далее: DDF).
- ⁵² ДВП. Т. XXII. Кн. 2. С. 178.
- ⁵³ Там же. С. 159.
- ⁵⁴ Там же. С. 177 – 178.
- ⁵⁵ Там же. С. 202 – 203.
- ⁵⁶ Там же. С. 203.
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ Там же. С. 207 – 208.
- ⁵⁹ DDF. P. 97 – 98.
- ⁶⁰ Ibid. P. 118.
- ⁶¹ Ibid. P. 137.
- ⁶² Ibid. P. 118.
- ⁶³ Ibid. P. 156.
- ⁶⁴ Ibid. P. 337 – 339.
- ⁶⁵ Ibid. P. 336.
- ⁶⁶ Ibid. P. 234 – 237.
- ⁶⁷ Ibid. P. 236.
- ⁶⁸ Ibid. P. 246 – 247.
- ⁶⁹ Ibid. P. 285 – 288.
- ⁷⁰ Ibid. P. 341 – 343.
- ⁷¹ Ibid. P. 866 – 867.
- ⁷² См., например: Ibid. P. 245, 343 – 345 и т.д.
- ⁷³ Ibid. P. 288.
- ⁷⁴ См., например: PRO. Cabinet 66. 1939. N 5. Copy N 39. P. 109 – 114.
- ⁷⁵ Ibid. N 2. Copy N 5. P. 196 – 206.
- ⁷⁶ Ibid. P. 199.
- ⁷⁷ Ibid.
- ⁷⁸ Ibid.
- ⁷⁹ Ibid.
- ⁸⁰ Ibid. P. 200.
- ⁸¹ Ibid. P. 201.
- ⁸² Ibid. P. 201 – 202.
- ⁸³ Ibid. P. 203.
- ⁸⁴ Ibid. P. 204.

Острые споры вокруг Турции

Значительное внимание после заключения советско-германского пакта уделялось ситуации вокруг Турции. Ее стратегическое положение оказывало влияние на политику европейских стран и было причиной конфликтов, иногда длительных, а порой весьма драматических. Особое место принадлежало Турции в политике Российской империи и Советского Союза, что было связано с режимом черноморских Проливов и непосредственно касалось безопасности южных российских границ. Проливы давали стране и выход в Средиземноморье. Поэтому сохранение нормальных и дружественных отношений с Турцией, в крайнем случае ее нейтрализация, составляли важное направление во внешней политике Советского Союза.

В 20 – 30-е годы XX столетия Москве это в основном удавалось. Дружеские связи с кемалистским режимом, заложенные договором 1921 г., шли на пользу обеим странам. Но Турция была постоянным объектом внимания европейских держав. С начала XX в. Германия значительно усилила проникновение на Юг и в этом контексте активизировала свое внимание к политическому курсу Турции.

Давние связи существовали между Турцией, Великобританией и Францией. Англии они позволяли воздействовать на ситуацию вокруг Проливов. Кроме того, с положением Турции, как моста, соединяющего Европу и Азию, британские руководящие круги связывали свои интересы на всем Ближнем и Среднем Востоке и в Британской Индии.

Турция влияла самым непосредственным образом на положение на Балканах, и в этом отношении она также пользовалась особым вниманием в Лондоне, Париже и других европейских столицах.

Французская дипломатия, имевшая традиционные весьма глубокие и разветвленные связи с Балканскими странами, опекавшая и Балканскую, и Малую Антанту, постоянно пристально следила за политикой Турции.

Имела свой стратегический интерес к позиции Турции и Италия, поскольку от этой позиции зависела ситуация в Средиземном море.

Близость Турции к Балканскому региону в целом также влияла на ее стратегическую роль. Политические дискуссии вокруг Болгарии, Греции, Румынии и Югославии в той или иной степени постоянно затрагивали турецкую политику и ее ориентацию.

Перечисленные факторы определяли подход всех европейских стран к проблемам вокруг Турции и в 30-е годы. Нацистская Германия связывала с ней собственные планы на юго-востоке Европы. Англия и Франция стремились, используя свои традиционные связи, сохранить или даже усилить свое присутствие в Турции и ее ориентацию на англо-французский блок.

Для Сталина позиция Турции была важна прежде всего в контексте ситуации на Черном море и непосредственно южных границ Советского Союза. В отношении Проливов его вполне устраивал режим, установленный конвенцией в Монтрё, в соответствии с которым военным судам был закрыт проход через Босфор и Дарданеллы без соответствующих согласований и решений участников конвенции.

Борьба вокруг Турции особенно усилилась летом 1939 г. Во время подготовки и в ходе тройственных переговоров между Англией, Францией и Советским Союзом и в связи с усиливающейся напряженностью между Англией и Францией, с одной стороны, и Германией — с другой, английская дипломатия направила предложение Турции заключить англо-турецкий договор о взаимопомощи. Для Англии такой договор должен был обеспечить сохранение британских интересов в этом регионе и противодействие германскому и итальянскому влиянию.

В ответе на английские предложения от 25 апреля 1939 г. Турция в принципе соглашалась на заключение договора с Англией, но при соблюдении ряда условий, в числе которых было и такое: англо-турецкое соглашение о взаимной помощи должно быть дополнено договором между Англией и СССР, а также специальным соглашением Турции с СССР, определяющим способы их взаимопомощи в Проливах и в Черном море¹.

Советский Союз также активизировал свою позицию в отношении Турции. В связи с требованием Англии о гарантиях СССР в отношении Голландии и Швейцарии, советское правительство заявило, что оно в принципе было бы готово на это, но при условии компенсации в виде договоров о взаимопомощи СССР с Польшей и Турцией².

Параллельно с Англией подготовку соглашения с Турцией осуществляла и французская дипломатия. На этой основе в 1939 г. одновременно с британской инициативой во Франции возникла идея о подписании Тройственного договора между Англией, Францией и Турцией. Как и в отношении английского предложения, Турция дала свое принципиальное согласие,

также обусловив его рядом взаимных дополнительных обязательств. Кроме того, Турция хотела включить в договор пункт о политической и финансовой помощи, в том числе и в военной области со стороны Англии и Франции³.

Информированное в общих чертах о ходе переговоров Англии и Франции с Турцией, советское руководство высказало принципиальное одобрение идеи сближения Турции с Англией, так как оно совпадало с начавшимися переговорами между СССР, Англией и Францией. И именно тогда из СССР последовало предложение о возможности заключения отдельного соглашения между ним и Турцией.

В такой обстановке Советский Союз подписывает договор с Германией, что в корне меняет всю ситуацию. Уже 3 сентября Молотов предписывает послу в Анкаре А.В. Терентьеву передать турецкому министру иностранных дел Сараджоглу, что "изменившаяся в корне международная обстановка требует другого подхода к вопросу об оформлении дружеских отношений между СССР и Турцией, чем тот, который намечался обеими сторонами недели две тому назад. Мы были и остаемся друзьями Турции и считаем, что при доброй воле с обеих сторон можно найти общий язык"⁴.

Совершенно ясно, что в новых условиях договоренностей с Германией и после объявления ей войны Англией и Францией Советский Союз уже не хотел стимулировать заключение Турцией договора с этими странами. В Москве начали подумывать и о ином подходе к возможному заключению прямого договора с Турцией.

Со своей стороны и турецкие власти намекнули англичанам о необходимости новых обязательств с их стороны. А если учесть, что Турция незадолго перед этим подписала торговое соглашение с Германией, то становится очевидным, что в политическом плане она почувствовала возможность более выгодного торга с Англией и Францией.

4 сентября французский посол в Лондоне М. Корбен сообщил в Париж, что Foreign Office настаивает на ускорении подписания договора о политическом и военном сотрудничестве с Турцией. В то же время англичане чувствуют, что турецкие власти не хотят подписывать договор до получения более благоприятных условий в области экономики и финансов⁵. Английский МИД считал бы также недопустимым и противоречащим конвенции в Монре́е согласие Турции на пропуск через Проливы военных материалов⁶. Как видим, вокруг Турции завязывался тугой узел противоречий.

5 сентября Молотов встречается в Москве с турецким послом, который заявил, что "Турция продолжает поддерживать хорошие отношения как с Англией и Францией, так и с их

противниками"⁷, и спросил Молотова об отношении СССР к вопросу о намечаемом пакте с Турцией. По словам наркома, международная обстановка изменилась и ее надо изучить. Посол прямо ставит вопрос: "Значит ли это, что проблема с пактом откладывается, а отношение добрососедства и дружбы остаются прежними". Молотов в ответ снова повторяет, что обстановка изменилась и требует изучения⁸.

Трудно понять, почему Москва так быстро и резко отложила вопрос о заключении договора с Турцией, зная, что переговоры с Англией и Францией были уже близки к завершению.

В тот же день 5 сентября советский посол в Турции официально передал главе турецкого МИД Сараджоглу заявление советского правительства. Согласно инструкциям из Москвы, посол начал активно муссировать тему о том, что Турция своевременно не информировала Москву о своих переговорах с англичанами и она ничего не знает ни о них, ни о содержании переговоров с Францией. Он также подчеркнул, что в Москве известно об англо-турецкой и франко-турецкой декларациях, но декларации — это еще не пакты.

Посол в донесении в Москву, явно подыгрывая Молотову, обвинял Сараджоглу в том, что именно он повинен в несвоевременном информировании об англо-французских переговорах, что он англо- и франкофил, что в Турции есть немало деятелей, которые осуждают намерения правительства слишком поспешно обмениваться декларациями с англичанами и французами вместо того, чтобы разговаривать с ними за одним столом вместе с СССР⁹.

И в этом, и в последующих донесениях посол рисовал турецкую политику в негативных тонах, создавая в Москве впечатление о ее враждебности Советскому Союзу. В данном случае линия Молотова и позиция посла явно совпадали, причем на этой ранней стадии не было ясно, в чем же состояла реальная цель советского правительства.

В те же дни (7 сентября) состоялась важная ключевая встреча советского посла с президентом Турции Исметом Иненю. Посол снова начал беседу с упреков турецкого правительства, которое не сочло нужным своевременно информировать СССР о своих переговорах с англичанами. Президент оспаривал это утверждение, уверяя, что Турция была, есть и останется другом СССР. Затем он спросил, что думают в Советском Союзе о перспективе захвата Германией Румынии, Болгарии, Проливов и ее желания стать хозяином Европы. Отвечая, Терентьев ссылаясь на речи советских руководителей. Иненю интересовала позиция СССР в случае, если Турция будет атакована в районе Проливов или со стороны Балкан. Главная его мысль заключалась в том, что Турция может найти общий язык с Совет-

ским Союзом. Он настаивал на возможности Турции определять свою позицию в Средиземном море, не согласовывая ее с СССР, чего нельзя сказать о Балканах и Проливах.

Выводы советского посла об этой беседе состояли в следующем. Президент находится в растерянности и еще нет твердого решения турецкого правительства; оно боится германской и итальянской агрессии против Турции; президент несколько раз подчеркнул желание сотрудничества с СССР и хотел бы заявить о крепкой дружбе двух стран¹⁰.

Действительно Англия и Франция сильно давили на турецкое правительство, требуя подписания договора, а оно не хотело раздражать своего могущественного соседа и стремилось найти какую-то формулу, устраивающую обе стороны. Этот факт подтверждается телеграммой французского посла в Анкаре М. Массигли в Париж в тот же день 7 сентября. Он сообщал, что турецкий министр иностранных дел в срочном порядке информировал послов Франции и Англии об упомянутой встрече советского посла с президентом страны. Массигли довольно точно и пространно писал об этой встрече, особенно обращая внимание на готовность СССР договориться о взаимной помощи в случае агрессии на Балканах, в зоне Проливов и в Черном море¹¹. У него сложилось впечатление, что президент и министр иностранных дел склоняются к тому, чтобы прояснить позицию СССР, но советские гарантии должны применяться во исполнение договоренности Турции с Англией и Францией. Посол выразил скептицизм относительно советской позиции, считая ее маневром в расчете на разрыв англо-франко-турецких связей. Он сообщил, что завтра встретится с президентом Республики, и просил держать все это в секрете¹².

9 сентября Сараджоглу передал срочное послание Молотову, в котором изложил реакцию турецкого руководства на позицию советского правительства. Согласившись с тем, что Советы и Турция остаются друзьями, министр высказал следующие соображения: обе страны будут сотрудничать и оказывать помощь друг другу в случае агрессии европейских держав в районе Черного моря, включая Проливы, против Турции и СССР; то же относится и к району Балкан. Эти обязательства не имели бы силы, если бы они привели Турцию в состояние вооруженного конфликта с Англией и Францией, а также в случае, если будет стоять вопрос об СССР. Сараджоглу выражал готовность немедленно приехать в Москву, чтобы конкретизировать "соответствие взглядов"¹³.

14 сентября Молотов сообщил в Анкару, что считает желательным приезд Сараджоглу в Москву, чтобы решить вопрос о заключении пакта о взаимопомощи¹⁴. Таким образом, развитие событий до этого времени вроде бы показывало, что в Москве

готовы к подписанию договора с Турцией, не связывая его соглашением с Англией и Францией.

Тем временем союзники усиливали давление на Турцию. Документы британского военного кабинета показывают, что она занимала большое место в планах и действиях английских правящих кругов. Положение Турции, ее отношение с Советским Союзом фигурировали в записках Foreign Office; эта тема постоянно присутствовала и в еженедельных отчетах британской разведки, представляемых правительству¹⁵.

С 9 по 13 сентября в Анкаре был министр обороны Франции генерал Вейган, который пытался ускорить подписание военной конвенции. По его словам, он готов снять сомнения Анкары, касающиеся Греции. Оставалась неясной ситуация в отношении Италии, от которой Турция хотела получить о. Додеканез¹⁶. По мнению генерала, турецкое правительство считает, что в настоящий момент Россия обеспокоена близкой границей с Германией и хотела бы сохранения связей с Англией и Францией через Турцию. Поэтому турецкое руководство с оптимизмом смотрит на новую тактику СССР. В то же время оно опасается усиления советского военного давления¹⁷.

В телеграмме в Париж 12 сентября французский посол снова пишет о вероятности подписания СССР договора с Турцией¹⁸. 17 сентября в очередной телеграмме он сообщает о влиянии ввода советских войск в Польшу на советско-турецкие отношения, ссылаясь на свои разговоры с представителем турецких властей. Массигли считает, что СССР не может допустить Германию к Проливам. Англия и Франция не должны объявлять войну СССР и вообще осложнять ситуацию накануне визита Сараджоглу в Москву. Если этот визит завершится подписанием договора, то это будет свидетельством того, что "германо-русский союз сильно ограничен"¹⁹.

Как явствует из телеграммы Массигли, отправленной на следующий день, Турция на переговорах с Англией и Францией стремилась сделать оговорки, касающиеся России. Турция готова оказывать помощь Румынии и Греции, если они будут атакованы только Германией. Причем в ходе бесед с французским послом было прямо заявлено, что Турция не будет оказывать помощь Румынии в случае ее конфликта с СССР²⁰. Она сохраняет нейтралитет в отношении германо-русского союза. Все сказанное турецкие власти связывали с предстоящими переговорами в Москве²¹.

Как видно, турецкое правительство всячески пыталось лавировать. В принципе в Анкаре согласились включиться вместе с Англией и Францией в антигерманский фронт, но в том, что касалось СССР, хотели, видимо, совместить этот курс с какой-либо договоренностью с Советским Союзом. Для Англии и

Франции такая позиция была бы весьма выгодна, ибо шла явно вразрез с интересами Германии и ограничивала ее влияние на действия Москвы, а советскому руководству давала возможность самостоятельных действий в условиях новых отношений с Германией.

20 сентября Даладье дал инструкции послу в Анкаре. Он должен был обратить внимание турецкого правительства на то, что визит Сараджоглу в Москву может привести Балканские страны к заключению, будто Турция их покинула, уступая политическому и экономическому давлению Рейха. А совпадение позиций Германии, Италии и России в Средиземном и Эгейском морях и в Проливах создавало бы также впечатление, что Турция больше их не поддерживает. По мнению Даладье, только образование блока на Балканах с участием в нем Франции, Англии и Турции способно дать реальную помощь в условиях германо-советского соглашения. "Ясное и немедленное подтверждение турецкой солидарности с нами кажется сегодня существенным условием укрепления балканского фронта и Италии"²². Всякая оттяжка такого подтверждения сопряжена с риском ослабить сопротивление, которое уже пять месяцев руководство Франции вместе с правительством Турции пытается организовать на Балканах и в восточном Средиземноморье. Даладье заключает, что для ориентации на ближайшие месяцы войны он просит довести все это до Сараджоглу и дать ему настоячивые и убедительные советы²³.

Как видим, союзники были весьма встревожены поездкой Сараджоглу в Москву и перспективой заключения турецко-советского договора, опасаясь, что он может ослабить их позиции на Балканах и в Черноморском регионе. Но задача мобилизации всех сил против Германии была явно важнее маневров вокруг СССР. Кроме того, и Лондон, и Париж тревожили колебания турецкого руководства. Видимо, в этих столицах были склонны к этому договору, только бы он привел к снижению степени согласия между СССР и Германией.

Тем временем турки продолжали свою игру. 20 же сентября Массигли уведомил Даладье о реакции турецкого правительства на доводы французской стороны. Сараджоглу заявил, что не в его власти изменить что-либо в отношении визита в Москву, но добавил, что нет оснований говорить о каких-либо изменениях в политике Турции. "В присутствии моем и посла Англии, — писал Массигли, — турецкий представитель заявил, что все, что может быть нам предложено в Москве и что будет разделять нас с Францией и Англией, будет нами отклонено"²⁴. Со своей стороны посол также уверял Даладье, что не видит причин для беспокойства в отношении визита Сараджоглу в Москву²⁵.

В течение нескольких дней турецкие представители продолжали заверять французских и английских дипломатов, что они не имеют намерения менять свой политический курс и не допустят на предстоящих переговорах в Москве никаких шагов, нарушающих заключение договора с Францией и Англией²⁶. Стремясь всячески успокоить правительство этих стран, турецкие официальные лица даже заговорили о возможности парафирования Тройственного договора накануне отъезда Сараджоглу в Москву с целью убедить их в том, что вне зависимости от результатов предстоящих переговоров, Турция подпишет Тройственный договор.

С такими настроениями Сараджоглу отбыл в Москву. Но вскоре возникло еще одно обстоятельство, на которое немедленно отреагировали и в Лондоне, и в Париже. После начала советско-турецких переговоров в Москву прибыл Риббентроп для встреч с советскими руководителями.

Массигли, сообщая об этом в Париж, отметил, что он уже обсуждал этот вопрос в турецком МИД. Турецкие дипломаты пытались успокоить его, сказав, что, видимо, советские дипломаты хотят потребовать от Сараджоглу ограничить обязательства перед Англией и Францией. Массигли назвал это "неприемлемым"²⁷.

Таким образом, в этой сложной конфигурации Турция оказалась в фокусе разных тенденций, под нажимом Парижа, Лондона, Москвы и Берлина.

Перед советскими руководителями встала задача определить позицию СССР. Конечно, она не была стратегической, но имела важное значение в период после заключения пакта с Германией.

Выше отмечалось о совпадении сроков пребывания в Москве Сараджоглу и Риббентропа. На переговорах с Риббентропом 27 сентября зашел разговор о Турции. Сталин, как уже говорилось, заявил, что "турки не знают, чего они хотят". Он согласился с мнением Риббентропа, что лучшим выходом является абсолютный нейтралитет Турции. По словам Сталина, если пакт о взаимопомощи между СССР и Турцией будет содержать с турецкой стороны оговорки, касающиеся Англии и Франции, а с советской — о Германии, то он вообще не будет иметь никаких внешних последствий, если только не говорить о Болгарии. "...если Турция будет упорствовать в своем странном поведении, то, возможно, возникнет необходимость проучить турок"²⁸.

В последний день переговоров Риббентроп спросил Сталина о переговорах с Сараджоглу. Советский лидер ответил, что еще не встречался с ним за неимением времени, тем самым дав понять, что сомневается в заключении договора о взаимопомощи²⁹.

Из реплик Сталина оставалось неясным, в чем же состоял смысл приглашения Сараджоглу в Москву, если она уже заранее не была настроена на подписание договора с Турцией. Эта цель в какой-то мере стала понятна после первой встречи Сараджоглу со Сталиным и Молотовым, состоявшейся 1 октября. Сама беседа производит весьма противоречивое впечатление. Молотов начал встречу словами о том, что в Москве ознакомились с проектом англо-франко-турецкого пакта взаимопомощи, однако неясно, против кого направляется этот пакт, в чем его основное назначение и насколько далеко Турция зашла в переговорах. Не лучше ли было этого пакта вообще не заключать? На встречный вопрос о советско-турецком пакте Молотов совершенно определенно ответил, что отношение к нему зависит от ситуации вокруг Тройственного договора. Сараджоглу долго объяснял, что Тройственный пакт направлен против всякого агрессора. Затем он напомнил историю, связанную с этим пактом, и добавил, что в вопросах безопасности в Турции за прошедшее время ничего не изменилось и что для Турции было бы невозможно отказаться от подписания соглашений с Англией и Францией.

Задаваясь вопросом, против кого может быть направлен советско-турецкий договор, Молотов сказал: "Заключать пакт против Германии мы не можем, против Италии тоже сложно, так как она является союзницей Германии; что касается Болгарии, то она ведь не угрожает Турции". Если турецкая сторона не считает для себя возможным отступить от англо-турецкого пакта, то следует договориться о "советской оговорке" в Тройственном пакте, которая должна зафиксировать, что обязательства Турции по этому пакту теряют силу в случае, если Англия и Франция выступят против СССР³⁰.

Далее в беседу вмешался Сталин и уже вел всю встречу. Он посоветовал не подписывать пакта с Англией и Францией, признал, что Англия и Франция могут помочь Турции получить острова в Средиземном и Эгейском морях, но в отношении Балкан сомневается, что Турция может что-либо получить. Кроме того, у нее могут возникнуть осложнения с СССР из-за Румынии или Болгарии. Затем Сталин прямо заявил: "Мы с Германией разделили Польшу, Англия и Франция нам войны не объявили... Мы против Германии не выступили. Что же остается от пакта? Ничего. Хотим ли мы заключить пакт с Турцией? Хотим. Являемся ли мы друзьями Турции? Да. Но вот имеются обстоятельства, о которых я говорил и которые превращают пакт в бумажку"³¹.

Сараджоглу поставил ключевой вопрос. "Если бы договор между Турцией и Англией был составлен так, как об этом советует товарищ Сталин, то не было бы никаких помех к заключе-

нию советско-турецкого пакта о взаимной помощи?" Сталин ответил: "Безусловно". По убеждению Сараджоглу, "англичане и французы склонны договориться с Советским Союзом. Турецкий договор может урегулировать все недоразумения"³².

Сталин спросил: "В пактах турецко-английском и турецко-французском трудно что-либо менять?" Если бы возник конфликт между СССР и Румынией, сказал Сараджоглу, то Турция останется в стороне и он готов сделать об этом оговорку, как, впрочем, и на другие изменения, если СССР их предложит. Кроме того, англичане сами проявили инициативу внести поправку, в соответствие с которой Турция может отказаться от помощи Румынии, если из-за нее может возникнуть конфликт. Но Сталин парировал это заявлением: англичанам и французам нельзя верить, ибо они выполняют свои обязательства только тогда, когда им это выгодно (например, Чехословакия, Польша и т.д.), и внес новое предложение — перенести обязывающую статью из Тройственного пакта в разряд консультаций, что дало бы Турции свободные руки³³. Сараджоглу предложил заметить это заключением отдельного пакта с СССР.

В завершение беседы турецкий министр снова спросил об оговорках СССР. Молотов сказал, что обязательства Турции немедленно теряют силу, если Англия и Франция выступят против СССР. На вопрос Сараджоглу, как поведет себя СССР, если Германия двинется к Турции, нарком ответил: Советский Союз не поддержит Турцию, если она выступит против Германии, но если Германия выступит против Турции, то "мы воспротивимся"³⁴.

Сараджоглу заявил, что он доложит своему правительству ситуацию, обратив внимание на два вопроса:

— обязательство, принимаемое Турцией по оказанию помощи Румынии и Греции, переносится в консультативную часть,

— на время конфликта между Англией и Францией, с одной стороны, и СССР — с другой, обязательства Турции теряют свою силу³⁵.

Ссылка Сараджоглу на позицию Англии была, без сомнения, согласована им с британским правительством. Об этом, в частности, говорит беседа Майского с Черчиллем в Лондоне 7 октября, во время которой Черчилль сказал, что Англия не только понимает, но и вполне одобряет дружбу Турции с СССР. Черчиллю хотелось бы видеть Турцию в положении человека, одна рука которого протянута СССР, а другая — Англии. Если бы СССР один или вместе с Турцией могли бы закрыть доступы к Черному морю для Германии, то Англия примирилась бы с закрытием Проливов для своих судов и вообще отказалась бы от серьезной активности на Балканах³⁶. В последующих беседах

английские представители намекали, что они готовы признать особые советские интересы в отношении Румынии.

Итак, Турция сама и с поддержкой Англии всячески побуждала СССР заключить пакт с Турцией, не скрывая его возможной антигерманской направленности.

Примерно в том же духе действовала Франция. Уже 2 октября, т.е. на следующий день после встречи Сараджоглу со Сталиным и Молотовым, французский посол в Анкаре Массигли направил Даладье информацию о ней. В последующие дни на встрече французских и английских послов в Анкаре с генеральным директором турецкого МИД последний рассказал о беседе Сараджоглу с советскими лидерами и заявил, что не видит ничего страшного в их реакции и предложениях. Они, по словам турецкого дипломата, почти ничего не меняют в существовании Тройственного пакта³⁷ и будут мало приятны для Германии. Реакция британской дипломатии на донесения послов из Анкары была относительно сдержанной. Создавалось впечатление, что Англия была готова использовать любые средства, чтобы стимулировать советско-германские разногласия.

Но Франция отреагировала бурно и жестко. В тот же день Даладье отправил телеграмму французскому послу в Лондоне Корбену, в которой дал резкую оценку советским поправкам и заявил об их неприемлемости, особенно имея в виду, что они дают Турции карт-бланш и могут сыграть на руку Германии. Даладье был уверен, что Москва согласовала свои действия с Берлином³⁸. В таком же духе он послал телеграмму и в Анкару к Массигли. Получив депешу из Парижа, Массигли в тот же вечер дал ответную телеграмму, в которой солидаризировался со своим премьер-министром³⁹.

4 октября Даладье направляет подробную телеграмму французскому послу в Анкаре, в которой снова отрицательно высказывался о советских предложениях, говорил о преимуществах, которые получит Советский Союз в ущерб интересам Англии и Франции. Подписание одновременно договора в Москве и Тройственного пакта будет означать, что обещанная прямая помощь России, после советско-германского договора от 28 сентября, окажется косвенной поддержкой Германии, и в этом случае правительство Турции, хочет оно того или нет, будет действовать в пользу Германии⁴⁰. Даладье просил посла передать его личное послание президенту Турции Исмет Иненю. Об этом же Даладье уведомил в тот же день и Лондон⁴¹.

Французский посол в Лондоне информировал Даладье, что Англия поддерживает французский демарш и надеется, что турецкое правительство отклонит советские предложения. В то же время, по словам посла, в Foreign Office видят трудности, если

Турция окажется одна со сложностями на Черном море и на границе с Советским Союзом⁴².

Буквально через несколько часов в Париже получили телеграмму от своего посла в Анкаре, в которой Массигли сообщил о своей беседе с генеральным секретарем МИД в присутствии английского посла. Массигли, следуя инструкциям из Парижа, доказывал, что Тройственный пакт должен быть подписан в том виде, как он уже парафирован, в ином случае Турция будет загнана в угол.

На следующий день Корбен сообщил из Лондона о своей встрече в Foreign Office, на которой представитель британского МИД Сарджент сообщил, что во время встречи английского посла в Москве Сидса с Сараджоглу Сидс не добился большого результата, так как Сараджоглу не видит ничего плохого в статьях, предлагаемых Советским Союзом. Англия полагает возможным употребить в договоре слово "о консультациях"⁴³.

7 октября Массигли сообщает в Париж об очередной встрече в турецком МИД, где снова обсуждались все "про и контра" и где посол Франции подробно отмечал трудности, возникающие в случае принятия советских поправок⁴⁴. В тот же день в МИД Франции приняли специальное заявление. В нем отмечалось: "Мы не можем согласиться с тем, что в договоре с Россией Турция окажется прямо направленной против Франции и Англии ... мы принимаем меры предосторожности против русских маневров, направленных в пользу Германии. Не вызывает сомнений, что Риббентроп перед своим отъездом из Москвы касался проблем Тройственного пакта". И далее французский МИД давал возможную редакцию статьи договора, по которой Турция могла бы не выполнять своих обязательств (в случае вооруженного конфликта между Англией и Францией с СССР)⁴⁵.

На следующий день Даладье в пространной телеграмме Корбену выразил сожаление, что британское правительство имеет точку зрения, отличную от Франции; он дал инструкцию Массигли в Анкаре сообщить турецкому правительству, что Франция не может принять изменений в Тройственном пакте, парафированном 28 сентября.

Наконец, 9 октября генеральный секретарь турецкого МИД уведомил послов Франции и Англии, что Сараджоглу больше не может оставаться в Москве. Если ответ общих держав будет позитивным, то Сараджоглу продолжит переговоры в Москве, если нет (или в случае молчания) — он прерывает их и возвращается в Анкару⁴⁶.

В итоге после всех дискуссий последовали указания из Парижа своему послу в Лондон. 9 октября Даладье писал для сведения в Foreign Office о тех инструкциях, которые француз-

ский премьер-министр направлял в тот же день во французское посольство в Москве. Снова подвергнув критике советские оговорки и признав в то же время, что текст русско-турецкого договора вполне может быть совмещен с Тройственным пактом, чтобы облегчить для Турции подписание договора в Москве, Даладье предложил компромиссную формулировку. Ее суть сводилась к тому, что в случае вооруженного конфликта между союзниками с СССР Турция не будет оказывать поддержку Англии и Франции⁴⁷.

Британский министр Галифакс уведомил французоз, что, по мнению английского правительства, из-за большого влияния СССР на Турцию она может и не подписать Тройственный договор. Чтобы избежать этой ситуации, оно полагает возможным принять условия, по которым советско-турецкий договор не будет содержать ничего, что помешало бы Турции действовать в духе ее собственных интересов⁴⁸. Англия еще раз подчеркнула свои опасения по поводу более тесного союза России с Германией в случае резкого отказа от советских предложений.

В итоге обсуждений в Анкаре турецкие официальные лица пришли к следующему выводу:

- сохраняется текст Тройственного пакта, уже предварительно согласованный в Анкаре;
- делается одностороннее заявление советского правительства о тех пунктах, которые касаются СССР;
- статья 3 переводится из разряда "консультаций" в разряд "помощи"⁴⁹.

Судя по всему, это был последний согласованный проект, как некий предел, за который Англия, Франция и Турция не хотели выходить. Но так как все эти переговоры и коллизии касались Советского Союза, то, конечно, главные решения следовало ожидать из Москвы.

Как мы видели, Англия и особенно Франция оказывали массированное давление на Турцию. А в Москве столь же сильный нажим делала Германия. Выше говорилось об обмене репликами между Сталиным и Молотовым, с одной стороны, и Риббентропом — с другой, когда речь шла о переговорах с Турцией. Видимо, одновременно проходил и неофициальный обмен мнениями.

8 октября Шуленбург передал Молотову записку о том, что Риббентроп обеспокоен сведениями из Истамбула, "согласно которым советско-турецкие переговоры приведут в ближайшее время к заключению пакта о взаимопомощи". Риббентроп снова заявил, что германское правительство будет очень сожалеть, если советскому правительству не удастся побудить Турцию отказаться от заключения договора с Англией и занять по-

зицию абсолютного нейтралитета". Если советское правительство не сможет избежать заключения пакта о взаимопомощи с Турцией, то германское правительство твердо рассчитывает на оговорку в пакте, по которой советское правительство не будет оказывать помощь, направленную против Германии. "Отсутствие такой оговорки было бы нарушением советско-германского договора о ненападении. Эту оговорку следовало сделать в договорной письменной форме и опубликовать, чтобы не создавать нежелательное впечатление, противоречащее смыслу и букве германо-советских соглашений⁵⁰.

В тот же день на встрече с Шуленбургом Молотов, подтвердив получение записки, сообщил, что "советско-турецкие переговоры не продвинулись ни на шаг вперед. Не было и никаких обсуждений". Что касается оговорки, то Молотов не согласился с тем, что она вытекает из договора между двумя странами, но выразил готовность сделать ее, исходя из установки на дружбу с Германией. "Нас удивляет нервозность германских руководителей, — заявил Молотов. — Я сомневаюсь, чтобы мы пришли к какому-либо соглашению с турками. Но если оно и будет подписано, то не будет направлено против Германии... Если мы и ведем переговоры, то ведем их для выяснения позиции Турции". Шуленбург поинтересовался, какова же цель советско-турецких переговоров: состоит ли она в том, чтобы добиться турецкого нейтралитета, закрыть Дарданеллы и обеспечить мир на Балканах? Молотов заявил о солидарности с этой позицией Германии⁵¹. В советских дипломатических кругах получали одновременно сообщения об интересе к советско-турецким переговорам в Италии и на Балканах⁵².

Германский нажим заставил Кремль рассмотреть снова вопрос о переговорах с Турцией. Сараджоглу находился в Москве и ждал почти две недели ее реакции и продолжения переговоров. И только 13 октября Молотов встретился с турецким министром иностранных дел.

Сразу же по окончании встречи Даладье получил отчеты о ней из Анкары и от посольства Франции в Москве⁵³. По сведениям из Анкары, текст советско-турецкого пакта не обсуждался. А далее последовали сюрпризы для Сараджоглу. Сначала Молотов заявил, что СССР снимет с себя все обязательства на Балканах в случае германской агрессии. Сараджоглу сказал, что такой шаг был бы абсолютно неприемлемым, поскольку перечеркнет весь договор между Турцией и Россией. Затем Молотов поднял вопрос о Проливах, предлагая принять документ по этому поводу, что Сараджоглу также отверг. Наконец, и это было абсолютно неожиданно, Молотов спросил, не может ли Турция объявить о своем нейтралитете по отношению к Болгарии, на что Сараджоглу ответил отказом⁵⁴.

Правительство Турции, получив этот отчет, послало Сараджоглу следующие инструкции: следует отстаивать позицию, которую министр занял по поводу молотовских вопросов. Было бы желательным одновременно подписать и Тройственный пакт, и военную конвенцию между тремя странами двумя днями позднее⁵⁵.

В сообщении из Москвы турецкий дипломат дополнил информацию сообщением о том, что отсутствие на беседе Сталина может означать его нежелание рисковать присутствием на отказе Советов от договора. При этом он сам не исключил возможности продолжения переговоров⁵⁶.

16 октября Даладье отправил письмо послу в Лондон, в котором снова говорил о германских претензиях и о том, что турецкое правительство должно отказаться от германских или российских попыток изменить подготовленные договора с Англией и Францией⁵⁷. Тем временем нервничающий Сараджоглу ждал в Москве продолжения переговоров, и 17 октября они, наконец, состоялись. Согласно телеграмме из Москвы в Париж неблагоприятное впечатление Сараджоглу после предыдущей встречи подтвердилось и теперь, когда Молотов снова поднял вопрос о Проливах. Сараджоглу категорически возразил. Поскольку Молотов повторял формулу, которая, по мнению французов, поддерживается Германией, Сараджоглу констатировал несогласие по всем пунктам и решил назавтра утром уехать, хотя Молотов и пытался его удержать.

Слово "разрыв" не было упомянуто, но фактически это было именно так. Впервые Молотов выдвинул предложения о Проливах еще 1 октября во время первой встречи в Кремле с участием Сталина. По мнению французских дипломатов, Советский Союз уступил давлению Германии, которая имеет "открытый кредит в Кремле". Как считали турки, они имеют дело с новым вариантом русского империализма в отношении Турции⁵⁸. В таком же духе комментировал ситуацию в Москве и Массигли из Анкары⁵⁹.

17 октября Даладье направил немедленно телеграмму в Лондон, в которой сообщил: турецко-советские переговоры прерваны. Мы теперь можем подписать Тройственный договор со всеми приложениями и военной конвенцией⁶⁰. Французский посол сообщил о реакции Лондона. Британское правительство, отмечал он, особо подчеркнуло, что разрыв произошел исключительно из-за проблем, относящихся к советско-турецким отношениям, а не к тексту Тройственного договора⁶¹.

Договор Англии и Франции с Турцией, как и военная конвенция, были подписаны 19 октября. Договор заключался сроком на 15 лет. Он предусматривал англо-французскую помощь Турции в случае агрессии против нее, а также помощь со стороны

Турции в случае войны в зоне Средиземного моря, в которую будут вовлечены Франция и Англия. По договору Турция была обязана оказать помощь Болгарии и Румынии, если Англия и Франция будут вовлечены в войну, в связи с гарантиями, которые они дали этим странам.

Приложенный к договору протокол гласил: "Обязательства, принятые на себя Турцией в силу договора, не могут принудить Турцию к действию, результатом или последствием которого будет ее вовлечение в вооруженный конфликт с СССР". Этой оговоркой Турция как бы получала компенсацию за неудачу с заключением советско-турецкого пакта, обещая свой нейтралитет в отношении СССР при возникновении международных осложнений (предполагались действия СССР, возможно в отношении Бессарабии).

Через несколько дней Массигли сообщал из Анкары, что советский посол Терентьев поставил перед турецким министром иностранных дел несколько вопросов. Например, посол спросил, почему стороны подписали Тройственный договор, не дождавшись возвращения Сараджоглу. В ответ турецкий министр заметил, что заранее было решено подписать одновременно оба договора, но переговоры в Москве не принесли результатов. Советское правительство, сказал Терентьев, не считает это разрывом, а жалеет, что переговоры в Москве не были успешными, но их можно продолжить. Следующий его вопрос звучал так: если соглашение будет достигнуто между СССР и Турцией, возможно ли изменение Тройственного пакта в духе дискуссий, проходивших в Москве? В ответ Сараджоглу заявил, что Турция не видела неудобств в этом, но сейчас договор уже подписан и его содержание должно решаться с Англией и Францией. Терентьев снова спросил, каково будет мнение Турции о Проливах, если СССР будет в состоянии войны с Румынией. Сараджоглу заявил, что на этот вопрос он не может ответить без консультации с правительством. В заключение посол повторил слова, сказанные советскими представителями ранее о Тройственном пакте: "СССР не может положить руки на этот договор"⁶³.

Прежде чем подытожить ситуацию и дать оценку действиям СССР по отношению к Турции, отметим, что в донесениях советских послов из Анкары, Парижа, Лондона и некоторых других столиц еще в течение некоторого времени освещалась реакция на состояние советско-турецких отношений и на подписание Тройственного пакта. Так, 19 октября Суриц сообщал из Парижа, что неуступчивость турок имеет, вероятно, и материальную подкладку. Помимо словесных гарантий ей, видимо, обещаны и более весомые компенсации⁶⁴. Подтверждая это, советский посол в Анкаре сообщал в ноябре, что Турция получит

или уже получила от Англии большие кредиты. Назывались разные цифры — 62 млн ф. ст., 15 млн в золотых слитках и некоторые специальные кредиты. Предусматривалось оснащение турецкой армии военными материалами и снаряжением⁶⁵.

В телеграмме от 20 октября Суриц писал: в местной печати "перерыв в переговорах расценивается как поражение Германии, а не СССР; выражается надежда, что соглашение между СССР и Турцией будет достигнуто. Делались даже намеки, что СССР не очень огорчен отклонением Турцией его предложений, выдвинутых им лишь в порядке лояльности к Германии"⁶⁶.

В следующей телеграмме от 21 октября Суриц информировал, что перерыв в советско-турецких переговорах вызвал двойственные настроения: радость, что Москве не удалось сорвать или ослабить пакт между Францией и Турцией, и огорчение тем, что не заключен аналогичный пакт между СССР и Турцией. Рекомендовано всячески избегать задевать СССР. Вчера на конференции представителей печати молодой Бонкур дал такую директиву от министерства иностранных дел: говорите о провале немцев, но ни звука в этой связи об СССР⁶⁷.

Тем временем в Анкаре продолжались встречи советского посла с турецкими властями, на которых происходил обмен мнениями и выяснение отношений⁶⁸. Но 28 октября последовала грозная телеграмма Молотова: "Продолжение хождений к Сараджоглу не имеет смысла. Не стоит также посещать Иненю, если он сам не попросит к себе. Мы не нуждаемся в пакте о взаимопомощи с Турцией"⁶⁹.

Получив столь ясные инструкции, Терентьев начал активно информировать Москву в пространных телеграммах об антисоветских настроениях в Турции, о том, что турецкие руководители, включая президента и министра иностранных дел, уже давно действуют по указке Англии и Франции. Словом, он рисовал мрачные картины и перспективы советско-турецких отношений⁷⁰.

Наконец, дважды, в ноябре и декабре, к турецкой теме возвращались в Москве в связи с советско-германскими отношениями. 26 ноября во время беседы Молотова с Шуленбургом немецкий посол спросил, "не имели ли места какие-нибудь разговоры с турками, которые дали повод для ложных сообщений в печати"⁷¹. Молотов ответил, что никаких разговоров с турками не было, при этом добавил: "Вначале наш полпред, вернувшись в Турцию, имел несколько бесед с Сараджоглу, повторял наши старые формулы, но вскоре и эти беседы были по указанию Наркоминдела прекращены"⁷².

17 декабря во время очередной встречи Молотова и Шуленбурга немецкий посол затрагивал тему о возможности советского движения в Афганистан, о свержении там правительства

и создании базы для нападения на Индию. Как известно, Москва отклонила этот план, ссылаясь на необходимость тщательной и длительной подготовки к таким делам. Неожиданно Молотов заявил буквально следующее: "... хотелось бы знать, имеет ли германское правительство все эти данные, тем более что у германского правительства уже была один раз неправильная информация, касающаяся Турции, когда оно заявляло, что достаточно, чтобы СССР только указал Турции на невыгоду ее соглашения с Англией и Францией — как та откажется от этого соглашения... Я не делаю упрека германскому правительству, так как мы действовали не только на основании Вашей информации, но и на основании своей информации, тем не менее мне это вспоминается"⁷³.

Итак, Молотов расставил последние акценты и в какой-то мере прояснил всю ситуацию. В принципе договор с Турцией не представлял в тот момент нечто исключительно важное для Советского Союза. Главное состояло в том, что все перипетии вокруг договора должны были ответить на вопрос о степени договоренностей СССР с Германией и ее отношений с Англией и Францией. Договор с Турцией, видимо, помог бы советскому руководству несколько дистанцироваться от Германии и ослабить впечатление о их взаимозависимости перед всем миром. Но в то же время подписание этого договора не было изолированным шагом, он шел бы в неразрывной связке с Тройственным пактом. И подписание советско-турецкого договора, причем публичное, было бы очевидным жестом в сторону Англии и Франции, чего в Москве всячески старались избегать. Кремлевские лидеры, как мы знаем, поддерживали контакты с Англией и Францией, но делали это весьма закрыто и в ограниченных масштабах, особенно относительно Франции.

В то же время был, конечно, большой соблазн для Сталина закрепить советские позиции на южных границах, в районе Черноморских проливов и на Балканах. Видимо, Германии пришлось бы проглотить возможное подписание договора СССР и Турции, но в Москве начали трудные переговоры с Финляндией, только что были подписаны договора со странами Прибалтики и т.п. И во всем этом советские лидеры нуждались в поддержке Германии. Кроме того, опыт прошлого продолжал вызывать недоверие в Москве к "обещаниям" Англии и Франции.

Все это в совокупности и предопределило тот образ действий, который выбрали в Москве. Но из приведенной беседы Молотова с германским послом становится очевидным и то, что в Москве сделали тактическую ошибку, положившись на мнения и советы Риббентропа и других германских дипломатов. Именно этим, очевидно, объясняются явно противоречивые шаги советских лидеров, полагавших (по мнению в Берлине), что

Турция не решится подписать договор с Англией и Францией в результате энергичного нажима Советского Союза. Продолжение переговоров с Турцией и более гибкая позиция на них, вероятно, позволили бы Москве вести дальше сложные маневры.

В Москве недооценивали стратегические интересы Германии на Балканах. Уже скоро советскому руководству пришлось думать о противодействии германскому проникновению в этот регион.

Существенное влияние на проблемы вокруг Турции оказывала и позиция англо-французского блока и особенно Франции. Турецкому руководству были поставлены довольно жесткие условия с отказом согласиться на любые изменения в подготовленном Тройственном договоре. Тем самым уменьшались тактические возможности Турции на переговорах с Москвой. Французские лидеры не верили в искренность советских намерений и опасались, что СССР использует ситуацию, чтобы закрепиться в районе Средиземного и Черного морей, открывая путь на Балканы и к тому же прокладывая дорогу в этот регион и для Германии.

Политика Англии была несколько более сбалансированной. Британские лидеры хотели использовать советско-турецкие переговоры для своей большой игры в Европе, считая возможным пойти на большие уступки Москве в целях противодействия Германии. К этому призывали в Лондоне ряд политических и общественных деятелей, группирующихся вокруг Черчилля. Но и для Англии район Турции и Проливов были путем к британским владениям на Среднем и Ближнем Востоке и в Индии. И английский истеблишмент стремился противодействовать проникновению в тот регион и Германии, и Советского Союза. Английская политическая элита видела свою главную цель в ослаблении советско-германского сотрудничества, а интересы СССР в этом регионе мало учитывались в Лондоне.

Необходимо иметь в виду и роль Италии. Союзники (Англия и Франция) проводили сложные маневры для ее нейтрализации и ослабления связей с Германией. Они полагали, что заключение Тройственного пакта будет способствовать этим целям.

В истории дипломатической игры вокруг Турции ее участники следовали своим интересам. Во всей этой сложной ситуации в первые месяцы после начала Второй мировой войны и заключения советско-германского пакта действовали многие противоречивые тенденции и факторы. Давление Германии, неуступчивость Англии и Франции, метания Турции и нежелание СССР хотя бы несколько модифицировать свой курс — все это затруднило для советских лидеров осуществление каких-либо более решительных и самостоятельных действий в отношении Турции в конце 1939 г.

- ¹ Документы внешней политики. Т. XXII: 1939 год; В 2 кн. М., 1992. Кн. 2. С. 544. Примечание 108 (Далее: ДВП).
- ² Там же. С. 503. Приложение 143.
- ³ Ministère des Affaires Étrangères. Documents diplomatiques français. Bruxelles, 2004. P. 2 (Далее: DDF).
- ⁴ ДВП. Т. XXII. Кн. 2. С. 12.
- ⁵ См.: DDF. P. 2.
- ⁶ Ibid.
- ⁷ ДВП. Т. XXII. Кн. 2. С. 26.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же. С. 29—31.
- ¹⁰ Там же. С. 36—37.
- ¹¹ DDF. P. 19.
- ¹² Ibid. P. 20.
- ¹³ ДВП. Т. XXII. Кн. 2. С. 49—51.
- ¹⁴ Там же. С. 74—75.
- ¹⁵ Public Records Office. Cabinet 66. 1939. N 2. P. 1—10.
- ¹⁶ Ibid. P. 76.
- ¹⁷ Ibid. P. 77.
- ¹⁸ Ibid. P. 83—85.
- ¹⁹ Ibid. P. 149.
- ²⁰ Ibid. P. 158.
- ²¹ Ibid. P. 159.
- ²² Ibid. P. 176.
- ²³ Ibid. P. 177.
- ²⁴ Ibid. P. 179.
- ²⁵ Ibid.
- ²⁶ Ibid. P. 206—207, 218—222.
- ²⁷ Ibid. P. 254.
- ²⁸ ДВП. Т. XXII. Кн. 2. С. 611.
- ²⁹ Там же. С. 614.
- ³⁰ Там же. С. 148.
- ³¹ Там же. С. 149.
- ³² Там же.
- ³³ Там же. С. 151.
- ³⁴ Там же. С. 152.
- ³⁵ Там же. С. 152—153.
- ³⁶ Там же. С. 169.
- ³⁷ DDF. P. 291—293.
- ³⁸ Ibid. P. 306—307.
- ³⁹ Ibid. P. 308—311.
- ⁴⁰ Ibid. P. 322—324.
- ⁴¹ Ibid. P. 324.
- ⁴² Ibid. P. 327.
- ⁴³ Ibid. P. 328.
- ⁴⁴ Ibid. P. 334—335.
- ⁴⁵ Ibid. P. 360.
- ⁴⁶ Ibid. P. 361.
- ⁴⁷ Ibid. P. 364—365.
- ⁴⁸ Ibid. P. 367.

⁴⁹ Ibid. P. 373.

⁵⁰ ДВП. Т. XXII. Кн. 2. С. 619. Примечание 238.

⁵¹ Там же. С. 170.

⁵² Там же. С. 190—192.

⁵³ DDF. P. 416—420.

⁵⁴ Ibid. P. 417.

⁵⁵ Ibid. P. 418.

⁵⁶ Ibid. P. 420.

⁵⁷ Ibid. P. 422.

⁵⁸ Ibid. P. 433—434.

⁵⁹ Ibid. P. 434—435.

⁶⁰ Ibid. P. 436.

⁶¹ Ibid. P. 436—437.

⁶² Ibid. P. 445—452. См. также: ДВП. Т. XXII. Кн. 2. С. 625. Примечание 255.

⁶³ DDF. P. 502.

⁶⁴ ДВП. Т. XXII. Кн. 2. С. 203.

⁶⁵ Там же. С. 265, 269.

⁶⁶ Там же. С. 205.

⁶⁷ Там же. С. 207.

⁶⁸ Там же. С. 224—226, 235—238.

⁶⁹ Там же. С. 240. Ухудшение советско-турецких отношений широко комментировалось. Так, итальянский посол в Анкаре сообщал в своем донесении в Рим 6 ноября: "Отношения между Россией и Турцией отныне характеризуются взаимным и прогрессирующим недоверием" (Там же. С. 626. Примечание 259).

⁷⁰ Там же. С. 263—270, 373—380.

⁷¹ Речь шла, видимо, о резких статьях в Турции и в мировой печати, в которых срыв переговоров в Москве объяснялся давлением Германии и последствиями советско-германского пакта.

⁷² Там же. С. 337.

⁷³ Там же. С. 420.

Советско-финская война

С толь недолгое и сравнительно безболезненное решение вопроса о договорах со странами Прибалтики породило у советских лидеров настроение быстро осуществить свои планы и в отношении Финляндии. Но события пошли совершенно по иному пути и вызвали острый политический и военный кризис, привели к обострению международных позиций Советского Союза и в итоге к длительной войне.

Для Советского Союза ситуация вокруг Финляндии была тесно связана с проблемой безопасности СССР, особенно если учесть, что от нее до Ленинграда было всего 32 км. Руководство СССР постоянно беспокоила активность Германии в этой стране, а также тесные связи финской элиты с Великобританией и Францией. В Москве не забывали и о тех временах, когда Финляндия входила в состав Российской империи. Дискуссии с финскими политическими деятелями активно велись еще в 1938 г. и летом 1939 г. Так, 14 апреля 1938 г. резидент советской разведки, сотрудник советского посольства Б.Н. Ярцев (Рыбкин) имел встречу с министром иностранных дел Финляндии Р. Холсти, во время которой передал от высшего руководства Советского Союза желание улучшить советско-финские отношения¹. В Москве Б.Н. Ярцев мотивировал это тем, что Германия планирует напасть на Советский Союз, для чего намерена использовать финскую территорию. В этом случае Красная Армия будет вынуждена вступить в пределы Финляндии для отпора немецким войскам. Но ситуация сложится по-иному, если Финляндия будет готова сопротивляться германскому вторжению, и СССР предлагает ей всю возможную военную и экономическую помощь, гарантируя вывод своих войск сразу же после войны. Главный смысл советских предложений состоял в том, чтобы убедить Финляндию пойти на более тесное сотрудничество с СССР.

В ответ Холсти сообщил, что финское правительство не видит такой большой опасности для своей страны и при этом Финляндия полагается на свою приверженность скандинавскому нейтралитету. Однако Ярцев настаивал на том, что «советское правительство должно иметь "гарантии", что Финляндия не окажется на стороне Германии в случае войны». На вопрос, о каких гарантиях идет речь, Ярцев уклонился от

подробностей, сказав лишь, что эти гарантии могут быть определены на переговорах между двумя правительствами².

Схожие идеи еще ранее высказывал и А.А. Жданов — глава коммунистов Ленинграда. «Если какие-либо малые страны, например Финляндия, — говорил он, — будут вести себя враждебно по отношению к СССР, подстрекаемые более крупными странами, и будут готовы предоставить свою территорию для агрессивных действий фашистских держав, то в длительной перспективе такие малые страны "были бы потеряны"»³.

В дальнейшем вопрос о "гарантиях" для СССР в отношении Финляндии и о возможном военном сотрудничестве двух стран неоднократно поднимался советскими представителями, в частности в 1939 г. на летних англо-франко-советских переговорах в Москве. Но Финляндия по-прежнему рассчитывала на свой нейтральный статус, полагая также, что заключенный в 1934 г. пакт с СССР о ненападении сроком на 10 лет позволит ей сопротивляться возможному давлению.

Но уже осенью 1939 г. Сталин отреагировал на желание финнов придерживаться политики нейтралитета: "Я хочу понять, что вы в Финляндии хотели бы оставаться нейтральными, но я могу заверить вас, что это невозможно. Великие державы просто не позволят вам этого"⁴. Тогда же Жданов заявил: "Мы, жители Ленинграда, смотрим на мир через наши окна. Вокруг нас находятся малые страны, которые мечтают о больших делах... Мы не боимся этих малых стран... Мы достаточно сильны, чтобы открыть наше окно пошире и призвать нашу Красную Армию защищать нашу страну"⁵.

Значительную активность развивали в Хельсинки и представители Германии. Тогда, в 1938 и в 1939 гг. немецкий посол в Хельсинки В. фон Блюхер давал ясно понять, что сотрудничество Финляндии с Советским Союзом противоречит желаниям и намерениям Германии. Только Германия может оказать помощь Финляндии. По этой причине она должна быть заинтересована в сильной Германии⁶.

Теперь, хотя и в иной обстановке после подписания советско-германского пакта, в Москве снова были готовы использовать в том числе и упомянутые прежние аргументы. Было ясно, что для финнов предстоят весьма трудные переговоры. По секретному протоколу от 23 августа Финляндия, как известно, также была включена в сферу советских интересов. Составляя проекты договоров со странами Прибалтики, в Москве одновременно готовили аналогичный проект договора с Финляндией⁷.

Советские лидеры, очевидно, должны были отдавать себе отчет в том, что в системе международных интересов западных государств положение Финляндии отличалось от стран При-

балтики. Германия имела прочные и длительные отношения с финской политической и военной элитой. В планах англо-французского блока Финляндия также занимала значительно большее место, чем Прибалтийские государства.

Однако в Москве в начале сентября 1939 г. подошли к финской проблеме с теми же мерками, что и в отношении стран Балтии. Те же отделы и лица в Наркоминделе: правовой отдел и отдел Прибалтийских стран и соответственно их начальники Куроптев и Васюков, следуя указаниям, прежде всего Сталина, Молотова и Ворошилова, подготовили тексты возможного договора с Финляндией.

Судя по архивным материалам, в отличие от Латвии, Литвы и Эстонии в начале сентября 1939 г. по Финляндии были подготовлены два варианта договора — минимальный и максимальный. По минимальному варианту она передавала Советскому Союзу восточную часть Выборгской губернии — по линии Местерви — Калленерви — Похлерви — Коневец, острова в Финском заливе — Лавансаари, Писниксаари, Сейскари и западную часть о. Рыбачий; предоставляла СССР право на строительство морской и воздушной базы на островах Ханко и Суурсаари, обязывалась не укреплять без его согласия Аландские острова.

В соответствии с максимальным вариантом Финляндия должна была уступить СССР большую часть территории в Выборгской губернии; кроме упомянутых островов в Финском заливе передавала также острова Суурсаари, Руускери; уступала СССР район Петсамо (общей площадью 2761 кв. км). Требования, касающиеся о. Ханко и Аландских островов, совпадали в обоих вариантах. В обмен советское правительство предлагало Финляндии вдвое большую часть территории Советской Карелии (5529 кв. км). СССР получал право размещать войска, строить склады, иметь аэродромы на передаваемых в аренду территориях о. Ханко и в других районах.

В обоих вариантах регламентировались условия размещения советских войск (сухопутных, воздушных и военно-морских), места их диспозиции и т.п.⁸ В целом они предназначались для решения важнейшей задачи СССР — существенно отодвинуть финскую границу от Ленинграда.

Эти советские требования имели длительное историческое прошлое. Достаточно вспомнить меморандум, подготовленный российским Генеральным штабом накануне Первой мировой войны, где говорится, что Германия может попытаться атаковать Петроград через Финляндию, захватить Аландские острова, послать войска на о. Ханко и т.д. В 1920 г. во время переговоров о заключении Тартуского мира советская делегация просила финнов уступить часть территории на Карельском перешейке

к северу от Ленинграда и некоторые острова в Финском заливе⁹. Тогда, конечно, они не хотели об этом слышать. Похоже, что в Москве всего этого не забыли.

7 октября проекты договора были представлены Молотову. Предстояло решить, какому из вариантов следует отдать предпочтение.

А тем временем в Финляндии внимательно следили за развитием событий. Еще 3 сентября финский посланник в Москве встретился с Молотовым и сообщил, что в Хельсинки готовы улучшить экономические и торговые отношения с Советским Союзом¹⁰. Через несколько дней он беседовал с заместителем наркома В.П. Потемкиным и говорил о заинтересованности Финляндии начать переговоры о торговом соглашении¹¹. 19 сентября Молотов снова обсуждал с ним вопрос о торговом соглашении¹². Как мы знаем, в те же дни в Наркоминделе активно готовили прежде всего политические и военные требования к Финляндии.

6 октября Молотов направляет срочную телеграмму советскому послу в Хельсинки В.К. Деревянскому, в которой информирует его о том, что 5 октября он направил финскому правительству через финского посланника в Москве предложение о желательности скорейшего приезда в Москву финского министра иностранных дел для "обсуждения актуальных вопросов советско-финских отношений"¹³. Это означало, что в Наркоминделе завершили разработку советских предложений. И сразу же заработала политическая и дипломатическая машина. Советское правительство не хотело никакого промедления. Уже на следующий день Молотов снова встретился с финским посланником и почти в ультимативной форме спросил, почему до сих пор нет ответа финляндского правительства. Он мотивировал свою настойчивость тем, что "идет война, в которой участвуют крупнейшие державы Европы — Англия, Франция и Германия, и нужно спешить с вопросом улучшения отношений между странами"¹⁴. Финское правительство тотчас же ответило о своем согласии и о предстоящем отъезде финской делегации в Москву.

В Хельсинки развили большую политическую и даже военную активность. 6 октября состоялось срочное заседание так называемого внутреннего круга финского правительства, включая военных и руководителей иностранного ведомства. Лейтмотив обсуждения состоял в том, что Финляндия не может потерять ни своей независимости, ни своего нейтралитета и свою принадлежность к Скандинавскому сообществу¹⁵. 9 октября после заседания Государственного совета президент Каллио утвердил инструкцию для делегации на переговорах в Москве. В Финляндии (после договоров СССР со странами

Прибалтики) понимали, какого рода требования можно ожидать на переговорах. К тому же часть из них была упомянута в телеграмме Молотова.

Главная идея финнов состояла в том, чтобы не давать немедленного ответа, а начать переговоры, на которых сразу же отвергнуть в принципе идею о возможности создания в континентальной части Финляндии советских военных баз, поскольку это означало бы нарушение ее нейтралитета. Инструкции финской делегации давали мало возможности для маневра.

Одновременно финское правительство начало немедленно интересоваться позицией других стран. По данным советского посольства министр иностранных дел Эркко перед отъездом в Москву встречался с британским посланником в Хельсинки Сноу. Кроме того, финские власти направили своих представителей в Берлин, чтобы узнать, какой может быть позиция Германии. По информации советского дипломата в Великобритании английский посланник советовал финнам не идти ни на какие уступки в случае предъявления со стороны СССР территориальных требований и даже быть готовыми к вооруженной борьбе¹⁶.

Обсуждая инструкции своей делегации на переговорах в Москве, финские руководители стали выяснять возможность получения поддержки в других странах. Министр иностранных дел Эркко срочно совершил поездку в Берлин. Он просил статс-секретаря германского МИДа о поддержке финской делегации в Москве. Шведский посол в Берлине также просил об этом. Но эти обращения не имели успеха. Финским представителям сообщили, что не собираются вмешиваться в советско-финские переговоры и посоветовали быть более уступчивыми к требованиям СССР. А когда бывший финский премьер П. Свинхувуд, известный своими прогерманскими настроениями, изъявил желание встретиться с Гитлером, Блюхер получил указание из Берлина (германский посол в Швеции) отговорить Свинхувуда от этой затеи¹⁷.

Эркко обратился, конечно, за военной помощью в Стокгольм. Здесь не скрывали своих симпатий к Финляндии, но одновременно шведский министр иностранных дел Сандлер дал понять, что в этой сложной ситуации следует быть предусмотрительными.

Ситуация, связанная с Финляндией, интересовала шведских министров, шведское общество и средства массовой информации гораздо в большей степени, чем "война между великими державами" или положение вокруг Польши. Москву обвиняли в агрессивных намерениях¹⁸. В одной из бесед с Колонтай шведский министр заявил, что "в отношении Финлян-

дии Москва применяет немецкий метод", стремясь запугать финнов, заставить их принять советские требования или перейти к военному сопротивлению¹⁹. Шведский король Густав V пригласил королей Норвегии и Дании и президента Финляндии собраться в Стокгольме 18 – 19 октября для обсуждения положения дел²⁰.

Послы Скандинавских стран в Москве накануне начала советско-финских переговоров получили инструкции вручить ноты, выражающие надежду, что ничего не будет сделано в ущерб финской независимости, ее нейтралитета и сотрудничества с другими Скандинавскими странами. Однако Молотов даже отказался лично принимать послов, которые оставили свои ноты в Наркоминделе²¹.

Наибольшую, по крайней мере моральную поддержку Финляндия получила в тот момент из Вашингтона. В результате активности финского и шведского послов в США президент Ф. Рузвельт направил послание М.И. Калинину, в котором отметил "глубокие чувства дружбы между США и Финляндией" и выразил "надежду, что Советский Союз не будет требовать от Финляндии чего-либо несовместимого с дружбой и мирными отношениями между обеими странами". Но сам Рузвельт признавал, что эффект его послания "равен нулю"²². Молотов уверил американского посла, что СССР не имеет намерений наносить ущерб независимости Финляндии и будет действовать "в духе согласия". Но позднее, выступая с речью, он посоветовал президенту Рузвельту больше позаботиться о независимости Филиппин и Кубы нежели Финляндии²³.

С самого начала переговоров все возрастающее значение приобретал военный аспект. Военные приготовления Советского Союза на финском направлении начались еще в первой половине сентября, когда К.Е. Ворошилов и начальник Генерального штаба Б.М. Шапошников в директиве от 11 и 14 сентября распорядились усилить войска на советско-финской границе. На аэродромах приводились в боевую готовность военно-воздушные силы, началось минирование Финского залива. 13 сентября Ворошилов обратился в Экономический совет правительства СССР с предложением расширить работу по строительству укреплений на Карельском перешейке²⁴.

Значительные военные приготовления начались и в Финляндии. В армию были призваны резервисты, направляемые к советской границе, и туда же перебрасывалась авиация.

Финское правительство решило направить в Москву для ведения переговоров делегацию во главе с известным политическим деятелем, государственным советником Паасикиви, бывшим тогда послом в Швеции. Назначение Паасикиви было умелым шагом финского руководства. Трудно представить се-

бе более благоприятную фигуру. В молодости он получил образование в Петербурге, хорошо говорил по-русски, знал историю и традиции России. Паасикиви был главой финской делегации еще на мирных переговорах в Тарту в 1920 г. Будучи консервативным деятелем, он не боялся быть обвиненным в каких-либо симпатиях к России. В то же время всем было известно, что он являлся сторонником политики примирения с Россией, признавал ее стратегические интересы в Финском заливе. Это была приемлемая фигура и для Финляндии, и для советских лидеров.

Но ситуация для Паасикиви складывалась весьма непросто, поскольку общим настроением всех политических сил в Финляндии было желание не принимать требований Советского Союза. 6 октября состоялось заседание финского правительства, на котором было принято решение о линии поведения делегации в Москве. Общий смысл решения был одобрен и всеми фракциями парламента. В соответствии с инструкциями Паасикиви должен был отклонить идею военного союза, предоставление военных баз и уступки территорий. В ходе обсуждения в финских правящих кругах речь шла лишь о возможности передачи СССР нескольких внешних островов в Финском заливе, исключая Суурсаари.

12 октября в Москве открылись переговоры, на которых советская сторона сразу же предложила Финляндии заключить с Советским Союзом такой же договор, который Москва уже подписала с Прибалтийскими странами. Через два дня Молотов предъявил финской стороне конкретные условия, связанные с уступкой и арендой территории.

Из предъявляемых требований стало ясно, что в Кремле установились на программе минимум. Главным обоснованием советское руководство избрало необходимость обеспечения безопасности Ленинграда, имея в виду начавшуюся войну в Европе, которая может создать непосредственную угрозу Советскому Союзу, и в частности Ленинграду, расположенному всего в 32 км от советско-финской границы и от Финского залива.

Советские требования предусматривали передачу Советскому Союзу части Карельского перешейка, внешних островов в Финском заливе, соседней с Петсамо западной части п-ва Рыбачий, а также предоставление в аренду якорной стоянки в Лапхохья. В качестве компенсации Финляндия получала значительную территорию в Восточной Карелии. В отношении Аландских островов СССР соглашался на возможность их укрепления, но при условии, чтобы финны делали это самостоятельно²⁵.

СССР особенно настаивал на передаче ему в аренду о. Ханко сроком на 30 лет, мотивируя это тем, что он должен был

иметь возможность "перекрывать" Финский залив. Советский Союз намеревался отодвинуть границу от Ленинграда на 80 км.

Советское правительство мотивировало свои требования и конкретными интересами к каждой из требуемых территорий. Уточнялся также перечень тех островов, которые в Москве считали необходимым получить от Финляндии. В своем заявлении оно отмечало, что размер передаваемой Финляндии в обмен территории составлял 5523 кв. км. Предлагалось также усилить существующий пакт о ненападении между двумя странами пунктом о взаимных обязательствах не вступать в группировки и коалиции государств, прямо или косвенно враждебных той или другой договаривающейся стороне²⁶.

Оценивая содержание и характер советских условий, отметим, что в общем плане они шли в том же направлении, что и принятые Прибалтийскими странами и включенные в уже подписанные с ними договора. В частности, это касалось требований о согласии на предоставление СССР военных и военноморских баз и размещение на них военных частей (на о. Ханко — не более 5 тыс. человек). Это ограничение было связано с тем, что в Москве, видимо, понимали, что более крупные советские военные контингенты встретят сильное возражение с финской стороны.

Главное отличие условий, предъявленных Финляндии, от тех, которые выдвигались Прибалтийским государствам, состояло в том, что Москва настаивала на уступке ей части непосредственной финской территории (на Карельском перешейке) и аренде группы островов (в Финском заливе).

Финские представители сразу же пытались опровергнуть заявление Молотова об опасности нападения на территорию Советского Союза, указав, что нет никакой угрозы для СССР со стороны Финляндии. Но и Молотов, и Сталин, также участвующий в переговорах, заявили: "Мы не боимся нападения со стороны Финляндии. Но приходится опасаться провокаций со стороны третьей державы". На возражения и вопросы финских представителей, о каких странах может идти речь, Сталин назвал "Британию и Германию" и сказал: "У нас теперь хорошие отношения с Германией, но все в этом мире может измениться", и хотя теперь опасность не исходит ни со стороны Германии, ни со стороны Англии, но "надо принимать во внимание наихудшие перспективы. После окончания войны между Англией и Германией флот победителей может подойти к Финскому заливу, что будет составлять угрозу для Советского Союза"²⁷.

Как видно, советские лидеры использовали ту же аргументацию, что и во время переговоров с Прибалтийскими государ-

ствами. Вероятно, в Москве полагали, что намеки на германскую угрозу должны будут успокоить и Лондон, и Париж. В действиях советского руководства просматривалась совокупность нескольких факторов — попытка укрепить безопасность Советского Союза, в том числе и военными мерами, и стремление вернуть территории, принадлежавшие ранее России. Кроме того, судя по аналитическим запискам, хранящимся в российских архивах²⁸, в Москве рассчитывали на то, что предпринимаемые советским руководством меры должны вызвать подъем левого коммунистического движения в странах Прибалтики и в Финляндии, который в дальнейшем поможет их советизации. Мы не располагаем данными, ставили ли в Москве уже в октябре 1939 г. вопрос о будущем Финляндии и о смене в ней режима. Но в общем плане такие идеи имели место. Сталин, конечно, весьма расширительно толковал понятие "сферы интересов", рассчитывая, что они постепенно, а может быть, и очень скоро превратятся в нечто большее, чем простые "сферы влияния".

Мы помним, что в ходе переговоров с Балтийскими странами и после подписания с ними договоров и Сталин, и Молотов неоднократно подчеркивали, что Советский Союз не намерен ущемлять их независимость и ликвидировать их суверенитет. В отношении Финляндии таких заявлений не делалось, очевидно, потому, что Москва требовала простой уступки территорий, не претендовала на размещение советских войск на территории Финляндии (кроме островов, сдаваемых в аренду).

Трудно точно определить, каковы были планы Сталина в октябре 1939 г., но ясно, что он прекрасно помнил те времена, когда Финляндия входила в состав России, и тот размах левокоммунистического движения, который был в Финляндии после Октября 1917 г. Моральные и правовые соображения при этом не брались в расчет. Впрочем, советские лидеры видели, что такая практика уже получила распространение. (В сентябре 1938 г. во время Мюнхенского соглашения о судьбе Чехословакии; при нападении Германии на Польшу 1 сентября и т.п.) И, конечно, нельзя сбрасывать со счетов и соображения военно-стратегического и геополитического плана, состоящие в том, что в Кремле стремились создать более благоприятные условия на случай расширения войны. Видимо, здесь брали в расчет и то, что укрепление советских позиций в Прибалтике и Финляндии (в том числе и военных) значительно усилит позиции СССР на севере Европы в целом.

Предъявление советских требований 17 октября открыло целую серию острых и драматических дискуссий внутри Финляндии и в большинстве стран Европы и в США. Историки многих стран и по сей день продолжают обсуждать возможность

каких-либо альтернатив развитию событий в октябре — ноябре 1939 г.

После окончания Второй мировой войны в самой Финляндии был опубликован ряд мемуаров и исторических исследований²⁹. По мнению их авторов, Финляндия должна была проявить больше уступчивости и готовности к компромиссу, что позволило бы избежать советско-финской войны. Они убеждены, что советские лидеры могли бы удовлетвориться выдвинутыми требованиями и даже модифицировать их в лучшую для финнов сторону и сохранить независимость Финляндии. В той сложной обстановке, считают авторы этих трудов, в финских руководящих кругах одержали верх сторонники более жесткой и бескомпромиссной позиции. Но большая часть историков на основе анализа последующих событий оправдывают позицию, занятую тогдашними финскими деятелями, полагая, что в противном случае с Финляндией произошло бы то же самое, что случилось с Прибалтийскими странами, включенными в состав СССР.

В современных странах Балтии также продолжают обращаться к событиям 1939 — 1940 гг., при этом некоторые историки и общественные деятели, особенно в Латвии и Эстонии, критикуют тогдашние правительства за то, что они не последовали решению Финляндии, которая отказалась принять советские требования.

В истории, как известно, далеко не просто анализировать несостоявшиеся альтернативы. Сегодня трудно с полной определенностью сказать, что было бы с Финляндией, если бы финское правительство приняло советские условия. Сложности с ответами на поставленные вопросы состоят и в том, что историки не имеют в своем распоряжении документов, проливающих свет на те совещания, которые были в Кремле в сентябре — октябре 1939 г., и на конечные и промежуточные цели, которые были выдвинуты Сталиным и его окружением.

В Москве, конечно, считались с фактором войны в Европе, последствия которой были трудно предсказуемы, и в этих условиях СССР стремился закрепить свое влияние в стратегически важных областях — в районе Балтийского моря, Финского залива, а также в Восточной и Юго-Восточной Европе. Идеологические и геополитические цели советского руководства соединялись в единое целое. В октябре 1939 г. в отношении к Финляндии вопрос заключается в том, насколько далеко советские лидеры были готовы идти, чтобы добиться реализации поставленных целей. Этого тогда еще не знали ни в Хельсинки, ни в европейских столицах. Единственной очевидной реальностью было то, что Москва сталкивается с серьезными трудностями и что в отличие от Прибалтийских государств Финляндия прояв-

ляет неуступчивость и сопротивляется принятию советских требований.

Принципиально иной оказалась и мировая реакция на советские требования к Финляндии. Ее руководство, отказавшись сразу же в принципе принять советские условия, запросило перерыв в переговорах. Получив конкретные предложения между 12 и 14 октября, финские представители вернулись в Хельсинки, и новые переговоры возобновились в Москве лишь 23—25 октября. Затем они были снова прерваны и продолжались 2—4 ноября. В течение всего этого периода и в Финляндии, и в европейских столицах проходили интенсивные и бурные обсуждения складывающейся ситуации, в ходе которых определялись позиции и официальных кругов и мировой общественности. Разумеется, главным было определение позиции политических деятелей в Финляндии. Как уже отмечалось, на первом этапе переговоров в Москве финскую сторону представлял Паасикиви. На втором и третьем этапах к нему присоединился министр финансов социал-демократ Таннер.

В целом среди финских политиков можно выделить тех, кто призывал занять на переговорах более жесткую и неуступчивую позицию, и тех, кто был сторонниками большей гибкости и поисков возможных компромиссов. К числу "ястребов" можно отнести в первую очередь министра иностранных дел Эркко и министра обороны Ниукканена. Их главный довод состоял в том, что Советский Союз вряд ли пойдет на военное решение вопроса и что нужно максимально расширять международную поддержку Финляндии. Главными представителями более умеренных были уже упоминавшийся Паасикиви и известный военный, весьма популярный в стране маршал Маннергейм, назначенный главнокомандующим вооруженными силами страны. Они стояли за необходимость больших уступок Москве, чтобы избежать войны. По мнению Маннергейма, Финляндия не располагает достаточными средствами для обороны.

Следует подчеркнуть, что и "твердые" и "умеренные" считали невозможным соглашаться на советское требование о передаче СССР о. Ханко у входа в Финский залив. Большинство политических и общественных деятелей Финляндии также высказывались за то, чтобы передать СССР как можно меньше территорий и на Карельском перешейке. Паасикиви призывал к тому, чтобы вместо Ханко передать СССР какой-либо другой остров, но Эркко и его сторонники выступали против каких-либо уступок в этом вопросе.

Стремясь обеспечить себе как можно более широкую поддержку, финское правительство подключило к дискуссии парламент. В целом практически все парламентские фракции поддержали линию правительства — не уступать о. Ханко (рас-

смотрев при этом возможность передачи нескольких островов) и согласиться на то, чтобы несколько отодвинуть границу на Карельском перешейке.

Анализ положения в стране показывал, что в своем абсолютном большинстве финское население поддерживало линию правительства. В отличие от Прибалтики левые круги (прежде всего коммунисты) не имели сильных позиций, и в этом отношении Москве трудно было рассчитывать на поддержку своей линии внутри Финляндии. В стране прочные позиции занимали социал-демократы во главе с Таннером, к которым по традиции в Москве относились крайне враждебно. В советских средствах массовой информации Таннер был постоянной мишенью для всевозможных обвинений и критики. Аналогичным было отношение и к Маннергейму, который был известен еще в до-революционные времена, находясь на императорской службе.

Анализируя в целом позицию финских правящих кругов и учитывая, что в последующем историки (и в самой Финляндии) разделились во мнениях по вопросу об оценке действий финских политических сил накануне войны, можно, видимо, сделать следующий вывод: финские политики имели необходимый ресурс для того, чтобы продолжать переговоры в Москве, пытаясь предложить что-либо взамен о. Ханко и соглашаясь на небольшие уступки на Карельском перешейке.

Главная дилемма переговоров формулировалась в Хельсинки — "как совместить сохранение Финляндией своей независимости с требованиями России как великой державы". И в этом плане решающим для финского руководства стало опасение, что, получив стратегически важную военную базу в Финском заливе, Советский Союз будет иметь сильный рычаг дальнейшего давления на Финляндию и попытается изменить существующие в стране порядки и поставить ее в лучшем случае в зависимое от СССР положение.

Финское правительство возлагало большие надежды на поддержку других государств. Прежде всего оно обратилось к Швеции. Через два дня после приезда Паасикиви из Москвы финский президент Каллио, сопровождаемый министром Эркко, направился в Стокгольм, где прошла серия его встреч со шведским руководством. Премьер Ханссон и министр иностранных дел Сандлер заявили о моральной поддержке и о "северной солидарности". Но в конкретном плане они заявили, что "правительство должно принимать в расчет возможность германского вмешательства и что в этих условиях Швеция не может принимать решения без учета того, что происходит вне страны"³⁰. Шведов больше интересовала также проблема Аландских островов. В итоге встречи в коммюнике не было упомянуто о советской угрозе Финляндии. Было сказано лишь,

что Скандинавские страны должны (каждая в отдельности) отстаивать свой нейтралитет.

По ходу переговоров в Хельсинки продолжали обсуждать различные варианты и возможности. Но никаких серьезных уступок финские правящие круги делать не хотели. Тем временем в Москве на заседании 21 октября после очередного резкого обмена мнениями Молотов спросил финских делегатов: "Вы хотите найти повод для конфликта? Мы этого не хотим". В ответ Паасикиви бросил реплику: "Нам кажется, что в этом состоит Ваша цель"³¹.

Было очевидно, что переговоры подошли к критическому рубежу. В этот момент финские делегаты предприняли еще один шаг. Таннер, находившийся в Москве на переговорах, решил обратиться с личным письмом к шведскому премьер-министру Ханссону — своему коллеге по социал-демократии, и 26 октября финский социал-демократический политик К. Фагерхольм вручил лично ему письмо. В нем Таннер ставил прямой вопрос: может ли Швеция обещать поддержку, чтобы остановить Россию?

Накануне получения этого письма 22 октября в шведском правительстве проходило обсуждение внешнеполитических вопросов. И главный упор в дебатах снова делался на вопросе об Аландских островах. И опять, как и ранее, шведский премьер и министр иностранных дел давали понять, что Швеция не может активно вмешиваться в советско-финские конфликтные переговоры. Они, кроме того, опасались и раскола в своем кабинете. И 27 октября Ханссон ответил на письмо Таннера, включив в него фразу: "Швеция не может, присоединяясь к защите Аландских островов, брать на себя риск оказаться включенной в конфликт с Советским Союзом... Вы не должны в ваших расчетах полагаться на шведское вмешательство"³².

Конечно, шведские политические деятели учитывали все сложности международной ситуации. Они не хотели оказаться втянутыми в большой конфликт и надеялись балансировать между враждующими группировками. Как пишет М. Якобсон, "очевидно, Ханссон не был убежден, что шведские интересы требуют спасения Финляндии"³³.

Как бы то ни было, но в Хельсинки стало ясным, что они не могут рассчитывать на серьезную шведскую поддержку. Финский кабинет в самом конце октября принял решение предложить Москве незначительные уступки маленьких островов, но по-прежнему отклонить главные требования Москвы. Имея широкую поддержку и в парламенте, и в стране, финское руководство продолжало рассчитывать, что в сложной международной обстановке того времени Советский Союз не решится на применение силы, рискуя оказаться в международной изоля-

ции. Финские военные в целом довольно оптимистично оценивали готовность своих вооруженных сил к обороне и этим также стимулировали более твердую позицию политического руководства.

А в Москве решили усилить нажим на Финляндию. До этого времени ход переговоров не был известен широкой общественности, и 31 октября Молотов, выступая на заседании Верховного Совета по вопросам внешней политики, впервые дал публичную оценку советско-финским переговорам. Речь Молотова была твердой, и хотя она предназначалась для внутреннего потребления, это был и новый сигнал финскому правительству. Самим фактом обнародования своих требований Москва как бы закрывала двери для возможного отступления от своих позиций.

Советские средства информации развернули сильную антифинскую пропагандистскую кампанию. 3 ноября "Правда" писала: "Мы обеспечим безопасность СССР, не глядя ни на что, ломая все и всякие препятствия на пути к цели"³⁴. Как бы отвечая Молотову, финский министр Эркко заявил также публично: "Мы не можем жертвовать основными нашими ценностями и будем защищать их любой ценой"³⁵.

В эти же дни третий заключительный раунд переговоров снова оказался безрезультатным. Он начался уже без участия Сталина. Выслушав финских представителей, Молотов бросил многозначительную фразу: "Мы, гражданские люди, кажется, не смогли придти к решению, теперь должны заговорить военные"³⁶.

На следующий день финнов снова пригласили в Кремль, и присутствовавший уже Сталин заявил: "Советское правительство единственное в мире, которое терпит независимую Финляндию. Ни царское правительство, ни правительство Керенского не терпело этого. Но советское правительство требует, чтобы его границы были бы защищены. По этим причинам проблема Финского залива является важнейшей. Советское правительство не изменит своей позиции относительно Ханко". Молотов добавил, что Финляндия может формально "отдать Ханко в концессию или в аренду, продать и сделать то, что она хочет"³⁷. Паасикиви ответил: "Боюсь, Ханко не может быть отдан ни при каких обстоятельствах"³⁸. На этом советско-финские переговоры завершились.

Наступил перерыв в переговорах, который породил у финских деятелей иллюзию, что ситуация как будто стабилизировалась. И у некоторых из них появились настроения, что на этом может закончиться эта драматическая история.

Ряд финских и западных историков высказывают и такое мнение: финские политики не хотели и боялись принять какое-

либо решение. Ряд исследователей видят в этом нежелание посмотреть правде в глаза. Но существует точка зрения, что помимо действительно реальной близорукости и слабого учета ситуации было недопустимое для политических деятелей неумение строгого и, может быть, жесткого учета всех факторов. Судя по имеющимся документам, отсутствовали глубокий всесторонний анализ ситуации и разработка различных альтернатив и вариантов. Все это и влияло на ту драму, которая разыгрывалась в Хельсинки в октябре – ноябре 1939 г.

Как мы отметили, ноябрь был неким успокоением для финских политиков. Но одновременно в Хельсинки продолжала стекаться различная информация, а среди финской элиты не прекращались дискуссии и острые споры. М. Якобсон назвал советско-финский ноябрь "странным миром" (по аналогии со "странной войной" на Западе)³⁹. По его словам, совпадающим и с другими авторами, Паасикиви в своем отчете после провала московских переговоров видел три возможности в советской позиции: русские откажутся от своих требований, русские начнут войну, ничего не будет происходить⁴⁰.

Для большинства политиков третий вариант казался самым удобным. Поэтому-то и наступило некое успокоение. Но даже в эти три недели события не стояли на месте. Прежде всего отметим, что и Паасикиви и маршал Маннергейм и их сторонники продолжали предупреждать об опасности "игры с Москвой", о слабости финской армии и о том, что в конце концов в этих условиях принятие советских требований было бы лучше, чем возможное полное поражение в грядущей войне. Их противники, в том числе и Эркко настаивали на том, что принятие советских требований и есть шаг к полной потере независимости.

В этот же период продолжали поступать сведения и из-за границы. По различным каналам из Берлина шли сигналы о том, что "русские очень рассержены" и что финны должны быть более осмотрительны и "уступчивы"⁴¹. Любопытно и то, что некоторые схожие "советы" шли и из враждебного Берлину Лондона, хотя советские средства информации уверяли советских граждан, что именно англичане подстрекают финнов. Но, как показывают документы, позиция британского кабинета и крупных английских деятелей состояла в том, что движение русских в районе Балтики (и в Прибалтику, и в Финляндию) может быть направлено против германских устремлений и даже совпадать в этом смысле с британскими интересами⁴².

Однако финское руководство уверяло, что русские лишь хотели поугатать финнов и прозондировать их позиции. 23 ноября финский премьер Кояндер призвал сограждан ввести свою

жизнь в нормальное русло⁴³. Финские военные, в отличие от Маннергейма, также полагали, что угроза военного столкновения во второй половине ноября явно снизилась; возможности ведения военных действий со стороны СССР будут затруднены с наступлением зимы, с чем он будет вынужден считаться.

Что же происходило в октябрьские и ноябрьские дни 1939 г. в Советском Союзе? Какова была реакция Сталина и его окружения на ход советско-финских переговоров? Уже на первом их этапе советское руководство столкнулось с ситуацией, отличной от той, которая сложилась в результате переговоров с Прибалтийскими государствами.

Упорство финских делегатов продолжалось на всех этапах переговоров. Их готовность к уступкам касалась лишь незначительной части территории. К тому же они ни при каких условиях не соглашались на передачу Советскому Союзу о. Ханко для создания там военно-морской базы.

Советские лидеры решили применить к Финляндии тактику сильного нажима и угрозы применения силы. В ноябре 1939 г. Молотов говорил советскому послу в Швеции А. Коллонтай, когда она была в Москве: "Нам ничего другого не остается, как заставить их понять их ошибку и заставить принять наши предложения, которые они упрямо, безрассудно отвергают при мирных переговорах. Наши войска через три дня будут в Хельсинки (подчеркнуто нами. — А. Ч.), и там упрямые финны вынуждены будут подписать договор, который они отвергают в Москве"⁴⁴. Вспомним также слова Молотова о том, что "за дело должны взяться военные".

На переговорах с Прибалтийскими странами Москва как бы дозировала требования, сочетая их с некоторыми небольшими уступками. Причем их делал лично Сталин. Тот же метод он попытался использовать и на переговорах с финской делегацией. В частности, он заявлял, что Советский Союз готов несколько уменьшить запрашиваемые территории на перешейке (приблизив новую границу на 10 – 20 км к Ленинграду). Но эта "уступка" не затрагивала существа вопроса; и поскольку финская делегация, как мы отмечали, не соглашалась, Москва усиливала политический и пропагандистский нажим на Финляндию.

Покидая Москву после третьего этапа переговоров, финская делегация заявила о надежде на продолжение переговоров, но, как известно, советское руководство больше не возвращалось к идее возобновления переговоров, очевидно, полагая, что это бесполезно.

На основании имеющихся документов и анализа происшедшего можно предположить, что между 15 и 20 ноября в Москве приняли решение о военной акции против Финляндии.

На заседании Главного военного совета Сталин заявил: "Нам придется воевать с Финляндией". Собственно военные приготовления велись уже с конца октября. 29 октября по указанию из Москвы Военный совет Ленинградского округа представил Ворошилову "план операции по разгрому сухопутных и морских сил финской армии"⁴⁵. В округах, примыкающих к советско-финской границе, была объявлена повышенная боевая готовность, а Северный и Балтийский флоты также начали активную подготовку к боевым действиям, в том числе и в Финском заливе. Об этом в книге "Зимняя война" советских и финских авторов приводится значительное число документов.

В то же время авторы книги указывали, что уже на этой стадии обнаружались серьезные трудности, связанные с перемещением войск и с их боевым развертыванием. Они также отмечают распыленность советских воинских частей. 14 ноября на совещании в Ленинграде А.А. Жданов подверг резкой критике состояние подготовки войск, а 16 ноября состоялось совещание в Москве с участием Сталина, Ворошилова и военных руководителей. По данным архивов, подобные совещания проходили в тот период почти ежедневно. Военная операция против Финляндии разрабатывалась ускоренным темпом. Согласно поставленной задаче войска должны были начать военные действия к 20 ноября. 17 ноября Ворошилов подписал директиву Военному совету Ленинградского округа о форсировании подготовки к наступлению против Финляндии⁴⁶.

Уже на этом этапе выявлялись слабости в состоянии советских вооруженных сил. Как показало проходившее уже после войны совещание в Кремле в апреле 1940 г., военное руководство имело весьма смутное представление о состоянии финских вооруженных сил и степени укрепленности так называемой линии Маннергейма. Военные и разведывательные органы давали явно заниженные данные о способности финской армии к вооруженному сопротивлению.

Обстановка самонадеянности и восхваления силы советской страны распространялась и на ее вооруженные силы. Сталин и его соратники ориентировали советский народ и Красную Армию на быстрые победы над армией столь маленькой страны, как Финляндия. Согласно воспоминаниям маршала артиллерии Н.Н. Воронова, в ноябре на одном из совещаний в Кремле обсуждалась предстоящая финская военная кампания с участием генерала Г.И. Кулика, Л.З. Мехлиса. На вопросы о том, как артиллерия готова к военным действиям, Воронов, в свою очередь, спросил: "Вы планируете наступление или оборону? Какими силами, в каком секторе? Как много времени Вы отводите на всю операцию?" Ответ, по словам Воронова, был моментальным: "10 – 12 дней". Воронов сказал: "Я был бы рад,

если бы все решилось в течение 2 или 3 месяцев". На что Кулик заявил: "Маршал Воронов, Вы должны основывать ваши расчеты на том, что вся операция будет продолжаться 12 дней"⁴⁷.

И такие настроения, видимо, преобладали в Кремле. В своих мемуарах Н.С. Хрущев писал: "В России не планировали какое-либо финское сопротивление. Все, что мы должны были сделать — это чуть-чуть повысить голос, и финны должны были повиноваться. А если это не поможет, мы делаем один выстрел, и финны поднимают руки вверх и сдаются. Но финны опровергли наши воинственные надежды. Мы вскоре поняли, что мы были укушены гораздо больше, чем мы могли предполагать"⁴⁸.

Одновременно с военными мерами, передвижением и оснащением войск в СССР началась пропагандистская кампания. В ее основе лежало убеждение в том, что вступление советских войск на финскую территорию будет приветствоваться "трудовыми людьми и рядовыми солдатами" Финляндии, которые, следуя своим классовым интересам, выступят против "финской буржуазии".

В дело вступал революционно-классовый фактор. "Оптимизм" советского руководства усиливался и подогревался многочисленными сообщениями из Финляндии о растущем недовольстве рабочих, крестьян и молодежи политикой своего правительства. В Главном политуправлении Красной Армии были подготовлены обращения "К финским солдатам", "К трудящимся, крестьянам и интеллигенции Финляндии", цель которых состояла в том, чтобы усиливать раскол в финском обществе, изолируя правящие круги. Советское руководство продолжало жить иллюзиями о том, что большинство рабочих и крестьян капиталистических стран готово выступить против своих правительств и поддержать мысль о смене буржуазного общественного строя. Идея осуществить кардинальные перемены в Финляндии, видимо, обсуждалась в Кремле с середины ноября⁴⁹.

Сначала на переговорах с финскими представителями Москва брала за образец свои действия в отношении Прибалтики, приведшие к подписанию договоров о взаимопомощи. Теперь советские руководители были готовы опробовать в Финляндии вариант, связанный с изменениями общественного строя в стране.

Советское посольство продолжало направлять послания в Москву, в которых сообщало о положении в Финляндии, о настроениях среди финской элиты и простого населения. 12 ноября временный поверенный в делах СССР в Финляндии М.Г. Юданов направил в Наркоминдел подробную справку о положении в Финляндии. Прежде всего он подчеркивал, что правительство, военное командование и др. не желают никаких

договоров с СССР и делают крайне недружественные заявления в адрес Советского Союза. Главный вывод Юданова был сформулирован в словах — “у власти в Финляндии враждебные силы”. Они находятся в полном подчинении у Англии, разжигая среди финнов ненависть к советскому народу. Шовинистическая и антисоветская кампания, превращение страны в военный лагерь “возымели свое действие не только на мелкобуржуазные круги, чиновничество, но и захватили в военный угар известную часть мелких служащих, крестьян и рабочих”. Далее шла речь о военных мероприятиях правительства и настроениях в армии.

“По своему составу финская армия неоднородна. Четвертая часть состоит из шюккористов, преданных эксплуататорским классам лиц, имеющих неплохую военную подготовку; остальная часть финской армии состоит из резервистов — рабочих, крестьян и мелких служащих. Они в военном отношении слабо подготовлены, а с политической стороны представляют довольно опасную силу для финской буржуазии” (подчеркнуто мною. — А.Ч.). Среди резервистов растет большое недовольство, в частности их бесцельной задержкой на военной службе. Автор записки заключает, что в финской армии происходит разложение, финансовое положение в стране все более ухудшается⁵⁰.

Сопоставляя информацию, получаемую из разных ведомств, в Москве могли составить впечатление, что военная акция СССР против Финляндии приведет к резкому обострению ситуации в стране, взрыву недовольства широких кругов финского населения политикой правящих кругов и может вызвать усиление разногласий среди финских военных.

Москва имела и дипломатические контакты, прежде всего в Берлине и в Лондоне. В частности, 13 ноября во время беседы с германским послом Ф. Шуленбургом В.М. Молотов проинформировал посла о трудностях в ходе советско-финских переговоров. Он объяснил это происками Англии и заявил, что “наши требования минимальны, и мы от них ни на шаг не отступим и обеспечим их проведение в жизнь”.

На вопрос посла, каким способом это будет сделано — только ли мирными средствами, — Молотов ответил: “Сейчас это трудно сказать, но от своих минимальных требований СССР не отступит”⁵¹. Как видно, Молотов явно намекал на возможность использования и немирных средств.

16 ноября И.М. Майский сообщал в Москву о беспокойстве английских правящих кругов в связи с советско-финскими переговорами. Советский посол в Лондоне информировал о своей беседе с известным британским общественным деятелем Бивербруком, в ходе которой последний заявил: “Какой-либо

вооруженный конфликт между СССР и Финляндией явился бы для британского общественного мнения еще большим шоком, чем в свое время оказался даже советско-германский пакт о ненападении"⁵².

Через несколько дней Майский снова докладывал о своей беседе с Батлером, который заявил: едва ли можно ожидать, что СССР нападет на Финляндию, так как советские руководители "слишком умны и не пойдут на такие грубые и опасные методы для достижения своих целей. Однако если бы СССР все-таки напал на Финляндию, Англия не стала бы воевать из-за этого с СССР"⁵³. Майский встречался также с британским министром иностранных дел Галифаксом, разговор в значительной части касался и советско-финских переговоров. По словам министра, он не один раз указывал финскому посланнику в Лондоне на необходимость для Финляндии не быть "неразумной" в переговорах с СССР. Одновременно Галифакс настойчиво выражал надежду, что советско-финский конфликт будет разрешен добрососедски⁵⁴.

Как отмечалось, в Москве знали и об официальных настроениях в Вашингтоне, в частности из послания Ф. Рузвельта М.И. Калинину.

Итак, примерно к 20 ноября советское руководство приняло решение об осуществлении военной акции против Финляндии. Возникает естественный вопрос: что лежало в основе такого решения и почему Сталин был готов пойти на такой шаг? В общем плане Сталин действовал в контексте договоренностей с Германией о разделении сфер интересов, согласно которым Финляндия попадала в советскую сферу. Уже имелся опыт реализации договоренности в отношении восточной части Польши и республик Прибалтики. В Москве были уверены, что хотя Финляндия имела для Германии большое значение, последняя не станет противодействовать советским намерениям.

Важной для советских руководителей была позиция Англии и Франции. В Москве считали ситуацию весьма благоприятной, поскольку шла война между Германией и англо-французским блоком. Многочисленные послания советских послов из Лондона, Парижа и других стран убеждали советских лидеров, что англо-французское вмешательство практически невероятно. Позднее, уже после зимней войны, выступая на совещании в ЦК ВКП(б) по итогам войны, Сталин говорил о благоприятной международной обстановке для финской кампании — война на Западе, где "три самые большие державы вцепились друг другу в горло. Когда же решать вопрос о Ленинграде, если не в таких условиях, когда руки (этих держав. — А.Ч.) заняты и нам предстоит благоприятная обстановка, чтобы их в этот момент ударить"⁵⁵.

Существует весьма важный вопрос о том, как далеко шли советские планы в отношении будущего Финляндии. Скорее всего, первоначально в Москве намеревались точно следовать прибалтийскому примеру — получить ключевую военную базу в Финском заливе, расширить территорию на Карельском перешейке, разместить там небольшие контингенты войск, а затем в удобный момент попытаться решить и более широкую задачу о смене режима в Финляндии, возможно, путем изменений в составе финского правительства. И все это мыслилось осуществлять, используя войну между Германией и англо-французским блоком. Именно характер этой войны, когда обе стороны не предпринимали активных военных действий, сохраняя некое равновесие сил, позволял СССР решить задачу "освоения" территорий, принадлежащих ранее России.

Одновременно в Кремле, очевидно, учитывали и еще одно обстоятельство. Как раз в октябре из Берлина последовало предложение о мирных переговорах. Всем было ясно, что это было чисто пропагандистское заявление, сразу же отклоненное Лондоном. И все же постоянные опасения о возможности соглашений между "империалистическими странами" заставляли советских лидеров спешить реализовать свои намерения и планы, согласованные с Германией, поскольку в случае мирных переговоров немцы могли и воспрепятствовать этому. В Москве связывали решение финского и прибалтийского вопросов с обеспечением большей безопасности СССР в обстановке войны в Европе. Стремясь удерживать страны Прибалтики и Финляндии вне конфликта и создавая там советские военные базы, Советский Союз укреплял свои позиции в этом регионе, усиливал влияние на севере Европы в целом, ограничивая сферу действий и активности западных держав и Скандинавских стран. Решив пойти на применение военной силы, в Москве, видимо, также рассчитывали продемонстрировать военные возможности СССР, причем перед обеими враждующими группировками, включая и Германию.

В сложившейся ситуации Сталин, видимо, посчитал возможным ускорить события и добиться реализации не только советских требований, предъявленных Финляндией, но и другой задачи, связанной со сменой власти внутри Финляндии. Для этой цели и было решено использовать силы компартии в самой Финляндии и финских коммунистов, проживавших в Советском Союзе и работавших в Коминтерне.

В Москву был вызван известный финский коммунист Туоминен. В те же дни, между 10 и 15 ноября Сталин и наиболее близкие к нему лица из руководства партии и страны выдвинули идею создания "народного правительства" Финляндии, о котором должны были объявить после вступления советских

войск на финскую территорию. Для этой цели был выбран находившийся в Москве известный деятель финской компартии О. Куусинен. Он входил в состав Исполкома Коминтерна. В помощь ему в Москву были вызваны и другие лица. Одновременно предполагалось немедленно приступить к созданию военных формирований этого "народного правительства" из числа финнов и карел, проживающих на северо-западе Советского Союза. Уже 11 ноября Ворошилов издал специальный приказ о начале формирования армии "народного правительства"⁵⁶, которое, как предполагалось, вступит на территорию Финляндии одновременно с Красной Армией. Оно будет немедленно признано Советским Союзом и по мере продвижения Красной Армии и создаваемых финских вооруженных формирований должно будет усиливать свое влияние внутри страны.

Так, объединились в единое целое геополитические проблемы и идеи мировой революции — восстановление территории и границы старой России и распространение социализма и советской модели развития. В военно-стратегическом плане намечаемые шаги должны были укрепить советские позиции в Восточной и Северной Европе и содействовать обеспечению безопасности страны.

К началу 20-х чисел ноября советское руководство считало, что военная, политическая и пропагандистская подготовка к военным действиям завершена. Оставалось лишь использовать для этого какой-либо повод. И события не заставили себя долго ждать. Уже 26 ноября "Правда" опубликовала резкую статью, направленную лично против финского премьер-министра. А на следующий день ТАСС выпустило специальное сообщение о том, что финская артиллерия обстреляла на Карельском перешейке советскую территорию, в результате чего было убито четыре красноармейца. По названию местности этот эпизод вошел в историю как "выстрел в Майниле". Финское руководство, в свою очередь, заявило, что обстрел велся из советских орудий. В дальнейшем обе стороны обвиняли друг друга в преднамеренной провокации.

В книге "Зимняя война" указывается, что выстрелы в Майниле были "инспирированы СССР"⁵⁷. Одновременно в советской печати появились сообщения о столкновениях и в других районах. В Москве не согласились с финским предложением о совместном расследовании. Вместо этого Наркоминдел направил правительству Финляндии резкую ноту протеста, требуя принятия немедленных мер и отвода своих войск от границы. В ответ финское правительство предлагало отвести от границы и финские, и советские войска. 28 ноября в своем ответе Наркоминдел отверг все предложения финнов, обвинив их во враждебности и сообщил, что СССР денонсирует пакт о ненападении с Финляндией.

29 ноября Молотов направил финскому посланнику в Москве ноту, в которой уведомил правительство Финляндии, что СССР не может больше поддерживать с ней "нормальные отношения" и отзывает "своих политических и хозяйственных представителей"⁵⁸. В тот же день Молотов выступил с речью по радио, в которой возложил на финские власти всю ответственность за обострение советско-финских отношений. Он указал также, что финский народ должен сам решать свои внутренние и внешние дела.

По некоторым данным, в ночь с 28 на 29 ноября в Кремле состоялось совещание, продолжавшееся восемь часов. Видимо, на нем было принято решение о начале военных действий, что и произошло на следующий день⁵⁹. 30 ноября Молотов в беседе с германским послом Шуленбургом сообщил, что советские войска перешли финскую границу и что "действует авиация"⁶⁰.

И точно в соответствии с подготовительными мероприятиями 1 декабря было объявлено, что в маленьком городке Терийоки, расположенном на финской территории, уже занятой советскими войсками, образовано Народное Правительство Финляндской Демократической Республики во главе с упоминавшимся О. Куусиненом. Советское правительство немедленно установило с ним дипломатические отношения, и на следующий день Молотов и Куусинен подписали в Москве Договор о взаимопомощи и дружбе⁶¹. В нем отмечалось, что "финляндский народ образовал свою Демократическую Республику" и "наступило время для осуществления вековых чаяний финского народа о воссоединении карельского народа с родственным ему финским народом"⁶². По договору Советский Союз получал все то, что предъявлялось финским властям в октябре (о. Ханко и прилегающие территории, часть территорий на Карельском перешейке и т.д. и в обмен СССР уступал Финляндии район Северной Карелии площадью 70 тыс. кв. км).

Итак, советское правительство приступило к реализации не только программы максимум, но и к попыткам смены правительства Финляндии. Куусинен находился в постоянном контакте со Сталиным, Молотовым и советским военным командованием, согласовывая с ними все шаги нового правительства.

Расчет Сталина был совершенно очевиден. Он мало сомневался в том, что Красная Армия добьется немедленных и быстрых успехов и вступит в финскую столицу. Предполагалось, что "правительство Куусинена" тотчас же приступит к преобразованиям в стране в намеченном направлении. Состав правительства, его первые заявления и шаги не оставляли никакого сомнения, что речь должна была идти о включении Финляндии в орбиту социализма.

В Советском Союзе не реагировали на первые зарубежные отклики в мире на происходившие события⁶³. А они выявили любопытную картину: создание правительства Куусинена вызвало бóльший шок, чем начало самих военных действий. Советский посол во Франции Я.З. Суриц телеграфировал уже 2 декабря: прежние "разговоры, что СССР своими действиями преграждает путь германской агрессии, почти совершенно замолкли". Созданием правительства Куусинена СССР фактически полностью перечеркнул ту линию, которую он проводил во время польских и прибалтийских событий в сентябре — начале октября 1939 г.

Во всех странах Запада на первый план снова вышли обвинения СССР в распространении мировой революции. Как заметил тот же Суриц, «особенно обиженными себя чувствуют французские сторонники "черчиллевского варианта" — вроде бы Москва действует как наследник Петра Великого и вдруг — Куусинен»⁶⁴. Такими же были настроения в Англии, Италии и других странах. Особенно острой и болезненной была реакция в Скандинавских странах, которые помимо геополитических угроз увидели в советских действиях опасность "социального" нажима на Швецию, Норвегию и на всю Скандинавию. По воспоминаниям А.М. Коллонтай, шведская печать и даже "левые" круги осудили создание правительства Куусинена. Журналист Викман, имевший репутацию антифашиста, писал в газете "Дагенс Нюхетер": "Что это за договор с Куусиненом? И что за Териокское правительство? Неужели Москва хочет последовать дурному примеру фашистской Испании и создать марионеточное правительство на манер франкистского, чтобы разжечь гражданскую войну в Финляндии?". Да и в записях самой Коллонтай, всегда, естественно, поддерживавшей действие советского правительства, явно сквозило непонимание акции с правительством Куусинена⁶⁵.

Тень Коминтерна снова нависала над Европой. Мы не имеем сведений, просчитывалась ли подобная реакция в Кремле. Скорее всего, советские лидеры полагались на быстрые успехи Красной Армии и на неспособность стран англо-французского блока, США и Скандинавских стран предпринять что-либо реальное и серьезное против Советского Союза.

* * *

Ход и итоги советско-финской (зимней) войны подробно описаны во многих трудах финских, российских и западных ученых. Остановимся лишь на трех основных проблемах — военной, внутривосточной и дипломатической.

В плане чисто *военной* операции Советский Союз сразу же столкнулся с бóльшими трудностями, чем ожидал. Мы помним

заявления советских военачальников о двух неделях и т.п. Но уже к середине декабря обнаружилось, что финское сопротивление было весьма упорным. Вначале Молотов объяснял, что Красная Армия вынуждена преодолевать густую сеть минных полей. Но уже очень скоро стало очевидным, что советские войска не могут прорвать известную "линию Маннергейма", несут тяжелые потери. К тому же впервые с 1928 г. в Финляндии были сильные морозы.

Оказалось, что советским войскам не хватало боевой техники и обмундирования, военное командование действовало мало согласованно. 500-тысячная армия не могла ничего сделать со значительно менее численной финской армией. Красная Армия несла все возрастающие потери и в живой силе, и в самолетах, и в танках. Финны сбивали десятки советских самолетов, тысячи солдат были убиты, ранены или обморожены в финских лесах.

31 декабря германский генеральный штаб, который очень внимательно следил за ходом военных операций в Финляндии, обнародовал свою оценку действий Красной Армии. В отчете говорилось: "По количеству это была гигантская военная машина... Организация, оборудование и уровень руководства были неудовлетворительными; хотя в общих принципах подход руководства был неплохим, но сами командующие войсками были слишком молоды и неопытны. Система коммуникаций, связи и транспорта также плохо работала. Русские солдаты в своей массе не были обучены обращению с современной техникой, офицеры — новым методам командования"⁶⁶.

В 1942 г. тогдашний советский посол в США М.М. Литвинов заявил, что "Красная Армия не была готова к войне против Финляндии, потому что такая война не планировалась". Видимо, прав был Макс Якобсон, когда написал, что скорее у советских лидеров были другие расчеты, они не ожидали столь сильного финского сопротивления⁶⁷.

Судя по многим данным, в Кремле были раздражены и обескуражены военными неудачами Красной Армии. В конце декабря 1939 — начале 1940 г. у Сталина проходили постоянные заседания, на которых были приняты решения о смене значительного числа военных командиров и наращивании вооруженных сил, действующих в Финляндии. Очевидно, что они были вызваны не только военными соображениями. На карту был уже поставлен престиж Советского Союза. Сталин, Молотов, Ворошилов и другие советские лидеры постоянно говорили о силе и мощи Красной Армии, о том, что она готова сокрушить любого противника. И теперь в глазах всего мира Красная Армия не может ничего сделать с маленькой страной, в отношении которой у советских лидеров были столь сильные амбиции.

На финский фронт были срочно переброшены войска с Украины, из Сибири и из других округов. По некоторым оценкам, общая численность советских войск в Финляндии достигала в итоге 1 млн человек. Начался перевод в Финляндию значительного количества новой техники. Одновременно произошла замена десятков военных руководителей. Многие из них были осуждены за "измену, предательство и трусость". Вместо генерала К.А. Мерецкова, командовавшего частями Красной Армии, был назначен маршал С.К. Тимошенко, командовавший Северо-Кавказским, Харьковским и Киевским военными округами.

Нарком по военным делам К.Е. Ворошилов был фактически отстранен от общего руководства войной в Финляндии, отныне его осуществлял С.К. Тимошенко. Он срочно подготовил войска к наступлению. Главный упор делался на Карельский перешеек, где были сосредоточены 25 советских дивизий, основной задачей которых был прорыв "линии Маннергейма". 1 февраля советская авиация приступила к массовым бомбардировкам и артиллерийскому обстрелу финских позиций. 6 февраля началось финальное наступление 300 тыс. советских войск. Финны отчаянно сопротивлялись, и лишь 16 февраля начался их массовый отход с оборонительных позиций в западной части Карельского перешейка.

В итоге к концу февраля советские части, понеся большие потери, смогли прорвать "линию Маннергейма", заняли опорный пункт Суммо и часть Карельского перешейка и продолжили продвижение вперед. Теперь Москва могла говорить о военных победах. Учитывая закрытый характер советского общества, ни население СССР, ни мировая общественность не имели подробной информации о той огромной цене, которую уже заплатил Советский Союз за прорыв "линии Маннергейма" и продвижение в глубь финской территории. Следует при этом подчеркнуть, что финская армия продолжала сопротивление и намеревалась, перегруппировав свои силы, вести оборону и в марте. По данным финских военачальников (от середины февраля), они были в состоянии оказывать активное сопротивление по крайней мере в течение месяца.

По мере развертывания военных действий в Финляндии продолжались острые внутривластные дискуссии. Маршал Маннергейм, критиковавший в конце ноября 1939 г. правительство за недостаточное внимание к армии и написавший даже заявление об отставке, сразу же после начала войны был назначен главнокомандующим вооруженными силами Финляндии и к своим прежним заслугам добавил образ "героя" финского сопротивления и успешной борьбы с войсками Красной Армии в 1939 – 1940 гг.

Значительно усилились позиции В. Таннера, который стал министром иностранных дел и фактически главным лицом, которое пыталось получить для Финляндии международную поддержку и который начал попытки возобновления контактов с Москвой. Сменился и финский премьер-министр, которым стал президент финляндского банка Рюти.

Именно эта тройка и осуществляла руководство Финляндией в драматический для нее период. Вопреки расхожему мнению Москвы о постоянно враждебных действиях Таннера, он в то время реально пытался возобновить переговоры с Москвой.

Финское руководство действовало по нескольким направлениям. Прежде всего оно продолжало нажим на Швецию — главного союзника в Скандинавии. Таннер посещал Стокгольм и просил заверений шведского правительства в его готовности оказать помощь Финляндии и в прямом смысле, и в плане содействия в расширении международной поддержки. Особенно активными финно-шведские контакты были в январе — феврале 1940 г.⁶⁸ Но, несмотря на все старания Таннера, его шведские партнеры в итоге всех переговоров дали отрицательный ответ, сославшись на то, что ни шведский парламент, ни общественное мнение не поддерживают идею включения Швеции в конфликт. Соглашаясь на свою заинтересованность в укреплении Аландских островов, шведы заявляли, что большего, чем переговоры по этому поводу, они не могут себе позволить.

Чтобы получить хотя бы что-нибудь, Таннер просил шведов согласиться на пропуск через их территорию возможных военных поставок и проезд военных из Англии и Франции. Но в конечном счете и на это шведы ответили отказом. Они готовы были лишь взять на себя возможные посреднические усилия для достижения мира.

Помимо заботы о своем нейтралитете шведы опасались быть втянутыми не только в финские дела, но и в общеевропейский конфликт. К этому времени уже стало очевидным, что Германия усиливает внимание к Скандинавии, а Англия и Франция были бы не прочь создать в Норвегии и Дании противовес Германии. Это создавало для шведов вероятность оказаться вовлеченными в конфликт. Поэтому они были очень осторожны и к тому же не хотели ради Финляндии портить отношения с Советским Союзом, опасаясь возможных совместных советско-германских действий в Скандинавском регионе.

Таннер даже не предпринимал усилий для контактов с Германией, поскольку еще ранее немцы дали ясно понять, что они не будут вмешиваться в советско-финский конфликт еще и потому, что Финляндия находится в сфере советского влияния. Все же представители финской элиты предприняли одну по-

пытку. Бывший президент Финляндии Свинхувуд, используя личные каналы, совершил частную поездку в Берлин и в Рим, где имел встречи с Гитлером и Муссолини и также просил о поддержке. Но в обеих столицах финский деятель получил твердый отказ.

Оставалась лишь надежда на Англию и Францию. В Лондоне и в Париже общественность активно поддерживала Финляндию, осудила советские бомбардировки финских городов и военные действия Красной Армии в целом. Особенно неблагоприятное впечатление в Англии и Франции вызвало создание правительства О. Куусинена, ясно демонстрировавшее, что идеи и методы достижения мировой революции и стремление "советизировать" Европу не ушли из Кремля и продолжали служить инструментом политики советских лидеров. В то же время, оценивая позицию Великобритании, следует отметить ее двойственный характер. В общем плане финские события рассматривались британскими политиками в общеевропейском контексте и прежде всего в связи с войной. Для Лондона было ясно, что назревают германские акции против Норвегии и Дании, и в этих условиях для британской элиты и особенно военных было весьма соблазнительным, удовлетворяя требования общественности, попытаться отправить военный контингент и технику в Финляндию через Норвегию, а может быть, через Швецию. Некоторые историки и обозреватели не без основания полагают, что этот контингент мог бы "задержаться" в Норвегии, чтобы противодействовать германским акциям в Скандинавии.

В советской литературе политика Англии и Франции в "финском вопросе" квалифицировалась, как откровенно анти-советская, направленная на участие в военных действиях против Советского Союза, в целом вписываясь в общие оценки британской политики накануне и в первый период Второй мировой войны⁶⁹. Но в Лондоне некоторые деятели подходили к событиям с учетом более общих позиций. Мы уже упомянули о скандинавском аспекте. Но были и другие соображения. В Лондоне ясно понимали, что Москва не пойдет на военные столкновения с Англией и Францией и что в таком случае можно будет вовлечь Советский Союз в более сложную игру и в связи с финскими делами и в отношении Европы в целом. Во всяком случае, начальник британского генерального штаба генерал Айронсайд сообщил, что Великобритания готова направить в Финляндию группу добровольцев и альпийских стрелков в количестве 100 тыс. человек. При этом было выдвинуто условие, что должна быть официальная просьба правительства Финляндии и самое главное — согласие Скандинавских стран на пропуск через их территорию британского контингента.

Следует иметь в виду, что часть британского истеблишмента, включая У. Черчилля, вообще подвергала сомнению целесообразность английского вмешательства⁷⁰. И, наконец, отметим, что все переговоры по этому вопросу велись англичанами в течение всего февраля и начале марта и никаких действий так и не было предпринято до окончания советско-финской войны.

Схожая ситуация была и во Франции, которая собиралась направить в Финляндию контингент в 50 тыс. человек. Во Франции существовал и серьезный внутривластный фактор. Премьер-министр Даладье подвергался острой критике за неудачи французской политики и, объявляя о посылке военного контингента в Финляндию, рассчитывал успокоить общественное мнение и показать себя политиком, способным на решительные действия. В отличие от Лондона французы объявили о намерении направить этот контингент на Балканы и в район Черного моря, чтобы в случае необходимости подвергнуть атаке южные (особенно нефтяные) районы Советского Союза. Это уже были проявления общей антисоветской линии кабинета Даладье и желания интернационализировать конфликт, отвлекая внимание от Западной Европы. Но и французский контингент ждала та же судьба, что и британский, — дальше планов и разговоров дело не пошло, хотя они оказали определенное влияние на позицию Москвы⁷¹.

Острые дискуссии вокруг советско-финской войны происходили не только непосредственно во Франции и в Англии. Эта тема заполнила дипломатическую переписку и активно обсуждалась на встречах дипломатов в Москве, Париже и Лондоне. Недавняя публикация документов, предпринятая Министерством иностранных дел Франции, содержит значительное число материалов, показывающих реакцию французских и британских правящих кругов на события вокруг Финляндии⁷².

Сразу же после начала конфликта советское руководство при встречах с послами Франции и Англии не затрагивало проблему отношений СССР с Финляндией⁷³. Но уже с середины января и в феврале по мере возраставших трудностей для советских войск в Финляндии Сталин и его окружение начали проявлять интерес к позиции Англии и Франции. Этот интерес особенно усилился после решения о фактическом исключении СССР из Лиги наций и получения многочисленной информации от советских послов в Париже и Лондоне о планах посылки союзнических войск в Финляндию и даже о возможных бомбардировках Баку и других советских городов⁷⁴.

Особенно любопытны документы, подтверждающие ранее известный из многих других источников (в том числе касающихся парламентских дебатов) факт о том, что руководители Франции и Англии в итоге обсуждений отвергли идею о разры-

ве отношений с Советским Союзом. Наиболее трезво мыслящие политики исходили из того, что в случае разрыва Москва могла бы лишь еще теснее сблизиться с Германией⁷⁵. Как показали дальнейшие события, лидеры этих стран вплоть до подписания мирного договора пытались создавать в Хельсинки впечатление о своей готовности оказывать финнам военную и другую помощь, но, как известно, все это не получило продолжения.

В моральном плане может быть наиболее эмоциональной была реакция Соединенных Штатов Америки. Говоря о морально-политической стороне дела, следует упомянуть, что еще в декабре 1939 г. по настоянию прежде всего Англии и Франции вопрос о советских действиях в Финляндии был поставлен на обсуждение Совета Лиги Наций. Это заседание впоследствии тщательно учитывали в Москве, оценивая позиции различных стран. В итоге, как известно, Совет (под сильным нажимом Англии и Франции) осудил Советский Союз и принял решение исключить СССР из Лиги Наций.

В итоге своих действий в феврале Таннер потерпел неудачу в Швеции. Возможности помощи со стороны Англии и Франции были также весьма сомнительны. Но оставалась третья возможность — снова попытаться завязать диалог с Москвой. Эту идею Таннер обсудил с Паасикиви, и они решили действовать. Неожиданно Таннер получил частное письмо из Стокгольма от некоей Вуолиоки, которая была известна своими левыми взглядами и находилась в хороших отношениях с советским послом в Швеции А. Коллонтай. Она предложила Таннеру свои услуги в контактах с Коллонтай⁷⁶.

Вскоре из Швеции сообщили: Коллонтай запросила Москву, но Молотов не проявил к этому интереса. Однако всего через два дня пришла новая информация: в Стокгольм прибыл небезызвестный Ярцев и заявил, что советская сторона готова обсудить вопрос. Его интересовало, что шведы могли бы предложить, помня прежние советские требования⁷⁷.

Пребывая в эйфории от действий финской армии, сдерживающей советские войска, Таннер предложил передать СССР несколько небольших островов. Неясно, понимал ли Таннер, что Москва никогда не пошла бы на подобное унижение, или он намеренно хотел лишь завязать игру. Во всяком случае в Москве дали понять, что на такой основе никакие переговоры невозможны. Как пронизательно заметил М. Якобсон, ответ пришел не от Молотова, а от Ворошилова, ибо именно в эти дни началось общее наступление Красной Армии⁷⁸.

Некоторое время Таннер пребывал в ожидании, поскольку финская армия еще сдерживала натиск советских войск. Но уже через несколько дней была прорвана "линия Маннер-

гейма" и от Коллонтай пришло сообщение, что Москва готова к переговорам с правительством Рюти и предъявила советские условия. Они повторяли все те требования, которые выдвигались в октябре – ноябре 1939 г., в качестве условия добавлялась передача Советскому Союзу всего Карельского перешейка с г. Выборгом.

Первая реакция финского правительства была отрицательной. Но дальнейшие, причем быстро нарастающие события заставили Хельсинки поменять свою позицию. Маннергейм ясно заявил, что максимум, на что может рассчитывать финская армия, — продержаться не больше месяца, особенно с учетом того, что Красная Армия наращивала свое наступление. В это же время стало очевидно, что помощи от Англии и Франции не последовало. Все это вместе взятое и привело к тому, что в Хельсинки выразили готовность к официальным переговорам.

Паасикиви, на этот раз с другими членами делегации (ибо Москва не желала иметь дело с Таннером), снова, как три с лишним месяца назад, прибыл в Москву. Теперь Сталин не участвовал в переговорах, их вели Молотов, Жданов и генерал Васильев.

Прежде чем завершить рассказ об этих переговорах, попытаемся ответить на вопрос — что же повлияло на Сталина и побудило его пойти на подписание мира, особенно если учесть, что советские войска вели успешное наступление и при благоприятных обстоятельствах могли бы двинуться на Хельсинки или потребовать оккупации части финской территории. Сопоставим цели, которые были поставлены в Москве перед началом наступления, и их реальные результаты. Советское руководство изменило диспозицию своих намерений поэтапного решения вопроса.

В начале января 1940 г. стало очевидным, что в военном плане Красная Армия столкнулась с непредсказуемыми трудностями — она несла значительные потери и не смогла фактически продвинуться вперед, завязнув в финских лесах. Выявились серьезные упущения и слабости советской военной техники и системы управления войсками, что наносило большой ущерб общему международному престижу Советского Союза, особенно опасный с учетом возможного столкновения с ведущими европейскими державами. Н.С. Хрущев писал в своих мемуарах, что и Германия и другие страны решили, что Советский Союз — это "колосс на глиняных ногах"⁷⁹. Все эти итоги войны были в центре внимания специальной комиссии, созданной по результатам войны⁸⁰.

Произошла консолидация финского общества. Практически все политические силы страны, включая и представителей

интеллигенции, объединились в стремлении противостоять советскому наступлению. Критика собственного правительства и его действий отошла на второй план перед задачей общенационального единства.

В этих условиях фактор "народного правительства" О. Куусинена просто сошел со сцены. Если в начале декабря 1939 г. Молотов заявлял иностранным представителям, что "мы признаем только одно народное правительство Финляндии", и это же он повторил 6 апреля в ответ на зондаж о возобновлении мирных переговоров с правительством Рюти – Таннера, то уже через два дня Молотов официально сообщил, что Советский Союз готов к таким переговорам именно с правительством Рюти. Это было очевидным признанием того, что идея "большевиизации" Финляндии была отброшена и к идее "народного правительства" в Москве больше не возвращались.

Об изменениях в позиции Сталина могут служить следующие его слова: "Мы не хотим финской территории. Но Финляндия должна быть страной, дружеской по отношению к Советскому Союзу"⁸¹.

В международном плане советские лидеры также сталкивались со все большими трудностями. Они сумели убедить правительство Швеции, чтобы оно отказалось от помощи Финляндии, но в Москве были прекрасно осведомлены о симпатии и моральной поддержке Скандинавских стран по отношению к Финляндии.

Германия внешне отказалась от вмешательства в советско-финский конфликт, но в Берлине явно не собирались оказывать какую-либо помощь СССР. Чем с большими трудностями сталкивался Советский Союз в Финляндии и чем продолжительнее грозил продлиться советско-финский конфликт, тем слабее могла быть поддержка Германии, которая была единственной страной, не осудившей советскую акцию в Финляндии. Гитлер явно не хотел идти на помощь своему партнеру. То, что именно такой была его позиция, он заявил позднее Молотову во время его визита в Берлин в ноябре 1940 г.

В Москве понимали, что ни Англия, ни Франция не пойдут на серьезный военный конфликт с Советским Союзом, но Сталин при всей критике "британской политики" отдавал себе отчет, что продолжение войны в Финляндии грозит Советскому Союзу полной изоляцией, что может сломаться вся идея о советском нейтралитете и т.п. Кроме того, даже чисто символически в Москве не могли не считаться с планами посылки британского и французского контингентов на помощь Финляндии и отправки французских добровольцев к южным границам СССР. Все это грозило ему оказаться вовлеченным в конфликт

с англо-французским блоком, что было выгодно лишь Германии и втягивало Советский Союз в европейскую войну. В Москве, хотя и не подавали вида, но, конечно, были уязвлены исключением СССР из Лиги Наций.

То, что решение Кремля о прекращении войны с Финляндией не было просто тактическим решением, обусловленным военными неудачами в декабре 1939 — январе 1940 г., подтверждается следующим фактом. Именно сразу же после начала успешного нового наступления Красной Армии и прорыва "линии Маннергейма" Молотов сообщил в Хельсинки, что Москва готова к мирным переговорам.

В исторической литературе впоследствии, да и по сей день обсуждается вопрос о том, почему Сталин не продолжил наступления на финскую столицу и не оккупировал часть Финляндии. Были учтены все перечисленные факторы. Кроме того, ход войны и консолидация финского общества показали те сложности и то возможное длительное сопротивление, с которым мог бы столкнуться Советский Союз в случае продолжения кампании. Немаловажное значение имело и то, что советское руководство, приняв общее решение, хотело "успеть" осуществить его до возможного прибытия в Финляндию военных контингентов из Англии и Франции.

Успешное наступление Красной Армии в первых числах апреля позволило советским лидерам "спасти лицо". В конечном итоге Москва вынудила финнов принять те требования, которые выдвигала осенью 1939 г., добавив к ним передачу СССР двух крупных финских городов — Выборга (второго по величине в стране) и Сортавалы. Как писал один из историков, отказ Швеции прийти на помощь Финляндии стоил ей потери этих двух городов⁸².

В своей совокупности все перечисленные факторы составили основу для стратегического решения Москвы отказаться от идеи изменения финского общественного строя и ограничиться реализацией прежних требований. В нашем распоряжении нет сведений и документов о совещаниях в Кремле, на которых принимались решения по Финляндии. Поэтому мы не знаем, на каких требованиях могли остановиться в Москве еще до начала апрельского наступления Красной Армии. Во всяком случае ясно, что "добавленные советские требования" были, конечно, результатом военных успехов в апреле 1940 г.

Но в целом согласие Молотова на контакты с такими антисоветчиками, как Рюти и Таннер, еще до апрельского наступления показывало, что общее стратегическое решение было принято Сталиным, видимо, в январе — феврале 1940 г. В то же время зондаж Молотова в Берлине в ноябре 1940 г. относительно того, что "финский вопрос" еще окончательно не решен, свиде-

тельствовал, что в Москве еще не сняли полностью с повестки дня возможность вернуться к планам реализации положения Финляндии в сфере "советских интересов".

Война с Финляндией стоила СССР больших потерь. Согласно данным, уточненным в 1992 г., Красная Армия потеряла убитыми 71 214 человек, пропавшими без вести около 40 тыс. К этому следует добавить 188 671 раненого, 58 370 заболевших и 17 867 обмороженных⁸³. Потери финских войск составили 66 400 человек, из них 48 243 убитых, 4 тыс. пропавших без вести и 43 557 раненых⁸⁴.

В 1999 г. была опубликована стенограмма совещания, проведенного в апреле 1940 г. высшим руководством страны с участием Сталина и командного состава Красной Армии по итогам советско-финской войны. Оно было посвящено военным вопросам, и лишь в конце в своем выступлении Сталин затронул некоторые общеполитические аспекты войны.

Прежде всего поражает необычная для тех времен открытость и критический настрой участников совещания. Представители различных родов войск, командующие корпусов, дивизий и других военных подразделений вскрывали недостатки и ошибки в состоянии вооруженности и оснащения армии, в тактике и в системе подготовки армии накануне войны. Это свидетельствовало об обеспокоенности состоянием армии и военными итогами войны.

Большой интерес представляют и те выступления, в которых говорилось о просчетах разведки, "проглядевшей" военную укрепленность "линии Маннергейма". При этом критика не затрагивала высшего звена и ошибок руководства страны. Разумеется, не единого слова не было сказано и о том, что массовые репрессии в конце 30-х годов выбили из армии тысячи опытных военачальников и среднего командного состава.

В заключительной речи Сталин, поддержав критический дух, решил, очевидно, "сбалансировать" ситуацию и дал в целом положительную оценку итогов войны, следуя, видимо, правилу, что победителей не судят. Он прямо заявил, что Советский Союз решил те вопросы, которые он ставил накануне войны, и добился окончательного успеха. При этом он как бы оправдывал неудачу с идеей правительства Куусинена, заявив, что советское правительство решило пойти на компромисс с финскими властями, предъявив им требования — или заключить мир или получить правительство Куусинена, хотя для Сталина и его соратников должно было быть ясным, что вся идея с "финским правительством в изгнании" потерпела неудачу.

Март — апрель 1940 г. во многом повлияли на ситуацию на севере Европы на длительную перспективу. Это были месяцы активной и драматической политики. Для финской политиче-

ской элиты это было время решающего выбора. Ее лидеры беспрерывно ездили в Стокгольм, постоянно контактировали с Лондоном и Парижем, вели скрытые и жесткие диалоги с Москвой.

Прежде всего они столкнулись с острой внутривнутриполитической борьбой. Таннер, Рюти и Паасикиви считали, что следует принять советские требования (речь по-прежнему шла прежде всего об о. Ханко и части Карельского перешейка). Они шли на это, поскольку знали, что ни при каких условиях Швеция не будет оказывать помощь и не разрешит проход через свою территорию британского и французского контингентов. Они также понимали, что эти контингенты, численность которых постоянно уменьшалась, могут быть направлены не столько ради спасения Финляндии, сколько из желания остаться в Скандинавии, чтобы создать там новый фронт борьбы с Германией. Они разделяли мнение Маннергейма, который еще до начала решающего советского наступления считал, что возможности финской обороны весьма ограничены.

В то же время два члена кабинета активно выступали против принятия советских требований. И речь шла не о простом голосовании в правительстве, а о расколе среди населения страны. В принципе сторонники мира смогли убедить Комиссию по иностранным делам парламента, но решительно отрицали требование об о. Ханко. Желая создать впечатление, что они постоянно ищут другие варианты, и рассчитывая испугать Москву своим нажимом на Швецию, пытаясь смягчить советские условия мира, они снова и снова продолжали задавать Стокгольму один и тот же вопрос и неизменно получали негативный ответ. Этот ответ, как правило, исходил от шведского премьера или министра иностранных дел. Но когда в финской печати появились сообщения о "недружественной" позиции северного соседа, то в Стокгольме в ситуацию вмешался лично шведский король. В своем заявлении он выражал симпатии и поддержку всему финскому народу в его борьбе за независимость, однако в конце заявил то же самое, что говорили его министры: Швеция не сможет ни помогать финнам, ни дать согласие на пропуск войск через свою территорию (кроме частных лиц), чтобы не быть втянутой в войну⁸⁵. Позиция короля и правительства была подкреплена и решениями Комиссии по иностранным делам шведского парламента, которая также постановила отказать англо-французам в пропуске их войск через шведскую территорию⁸⁶.

Почти ежедневно финские деятели контактировали с представителями Лондона и Парижа. Чемберлен и особенно Даладье не хотели окончания советско-финской войны, рассчитывая на возможность своей игры в Скандинавии и продолжение

давления на Советский Союз, пугали его возможностью посылки своих войск (все понимали, что об этом хорошо известно в Москве). Даладьё настолько блефовал и так много обещал финнам, что усиливал их недоверие. Так, в конце апреля он уверял Хельсинки, что добьется от шведов согласия на пропуск войск. Финские политики понимали, что это были пустые слова.

В итоге в Хельсинки сложилось впечатление, что и их скандинавские партнеры и англо-французские политики думали прежде всего о своих собственных интересах, а отнюдь не о судьбе Финляндии. По словам Коллонтай, нажим Франции "перешел все границы" (и в Париже, и в Стокгольме, и в Хельсинки)⁸⁷.

Тем временем пришли плохие вести с фронта — началось успешное наступление советских войск, Москва ужесточила свои претензии, требуя передачи ей двух крупных финских городов. Финские лидеры негодовали. Они опять отправились в Стокгольм и вернулись с тем же результатом. Они снова просили у Лондона и Парижа помощи, получив от Даладьё уже упомянутый блефующий ответ.

Москва продолжала дипломатический нажим. В Стокгольм была направлена официальная нота, в которой Швеция предостерегалась от оказания помощи Финляндии и от вовлечения в европейский конфликт, что было чревато для нее возможными негативными последствиями.

Советские газеты гневно осуждали политику Англии и Франции, критиковали заявление президента США Ф. Рузвельта. Красная Армия нанесла сильные удары финским войскам, вынудив их начать общее отступление в важных районах на Карельском перешейке, и достигла пригородов г. Выборга, на который теперь претендовал Советский Союз.

И все эти события спрессовались во времени — все они произошли в течение месяца. И в Москве и в Хельсинки убедились, что у финских политиков нет больше выбора, и Рюти сообщил в Москву (через Стокгольм) о готовности приехать на переговоры.

Швеция все это время выполняла функции посредника. В последний момент финны пожаловались советскому послу в Швеции, что в Москве слишком сильно увеличили свои запросы. Посол посоветовала им начать переговоры, имея в виду, что в ходе их Сталин может сделать какой-нибудь великодушный жест.

В Москве тем временем снова дали понять, что не желают видеть на переговорах Таннера, который вместе с Маннергеймом стали для нее одиозными и неприемлемыми фигурами. Сталин, как известно, на переговорах не появился, и никаких "жестов" не последовало.

В итоге 13 марта 1940 г. мирный договор между Советским Союзом и Финляндией был подписан⁸⁸. Его основные статьи включали следующие положения. В преамбуле отмечалось, что

оба правительства создают условия для обоюдной безопасности, включая обеспечение безопасности городов Ленинграда и Мурманска и Мурманской железной дороги. Согласно статье второй национальная граница между Финляндией и Советским Союзом устанавливалась таким образом, что в состав СССР отходила вся территория Карельского перешейка, включая города Виппури (Выборг) и Виппур Вад с островами; западные и северные края Ладожского озера с городами Кегхольм и Сортавала и г. Суоярви; часть островов Финского залива; территория к востоку от Маркьярви с г. Куоярви; часть о. Рыбачий и Среднего полуострова. Более детальное разграничение должно было быть сделано специально создаваемой совместной комиссией.

Обе стороны отказывались нападать друг на друга и обязывались не участвовать в каких-либо коалициях, направленных против другой стороны.

Финляндия сдавала СССР в аренду сроком на 30 лет о. Ханко и воды, примыкающие к нему в радиусе 5 миль к югу и востоку и 3 миль к северу и западу, а также несколько прилегающих островов для создания морской базы, способной защищать вход в Финский залив против возможного нападения. В дополнение к этому СССР получал право размещения там необходимого количества солдат и воздушных сил.

Финляндия обязывалась в течение 10 дней вывести все свои военные формирования с о. Ханко и других островов и передать их под юрисдикцию Советского Союза. СССР, в свою очередь, должен был освободить от своих войск район Петсамо, территорию, уступленную Финляндии по договору 1920 г. Финляндия не могла создавать здесь военных баз, иметь подводные лодки и т.д. В подтверждение договора 1920 г. граждане Советского Союза имели право транзитного пересечения Петсамо для следований в Норвегию и обратно. Добавлялась статья о создании советского консульства в Петсамо.

Финляндия гарантировала Советскому Союзу право транзита товаров между СССР и Швецией. С этой целью предусматривалось строительство в течение 1940 г. железной дороги, которая связывала бы советский город Кандалакша с финским городом Кемиярви. Восстанавливались торгово-экономические отношения между двумя странами.

Договор предусматривалось ратифицировать в течение 10 дней. Специальный дополнительный протокол устанавливал прекращение военных действий с 13 марта 1940 г. и определял порядок ухода финских войск с территорий, отходивших к Советскому Союзу. Полная эвакуация финских войск должна была быть завершена к 22 – 25 марта 1940 г.

В Финляндии многие годы обсуждались итоги финской войны. Общий тон книг и комментариев состоял в том, что Фин-

ляндия проиграла войну, но не была побеждена и оккупирована. Отмечалось даже, что итоги зимней войны не вписываются в обычное противопоставление — “поражение или победа”. М. Якобсон и некоторые другие авторы придумали даже формулу — “победа в поражении”⁸⁹.

Но в марте 1940 г. история советско-финского противостояния еще не завершилась. В Финляндии распространилось враждебное отношение к Советскому Союзу. Политическая элита и общественность страны были глубоко разочарованы позицией Швеции, Англии и Франции. Определенные финские круги не оставляли идеи реванша. И в этой ситуации Германия решила усилить свое присутствие в Финляндии.

В ноябре 1940 г. на переговорах с Молотовым Гитлер отверг молотовские идеи о завершении “финского вопроса” как сферы советского влияния, сославшись на германские экономические интересы в Финляндии. Тем самым он фиксировал то, что в сентябре 1940 г. Финляндия специальным соглашением предоставила Германии право проезда через свою территорию в уже оккупированную немцами Норвегию. Германия создала на севере Финляндии базу. С одной стороны, это подогревало некоторые финские круги к возможному реваншу против СССР с помощью Германии, а с другой, определило политику финнов в июне 1941 г.

Финляндия сразу же объявила войну Советскому Союзу. Вместе с немецкими ее войска перешли новую советско-финскую границу и в конце сентября дошли до старых финских границ, далее продвинулись в глубь советской Карелии и остановились на линии р. Сувери около Онежского и Ладожского озер, где стояли в течение трех лет.

В финских политических и научных кругах войну против Советского Союза называют “продолжающаяся война”, или “вторая война”, являющаяся продолжением зимней войны 1939 — 1940 гг. Некоторые деятели в Финляндии предпочитали не считать ее союзником нацистской Германии, а лишь “воюющей” страной, которая воевала не на стороне Германии, а лишь за свои жизненные интересы и за возвращение утраченных территорий.

Естественно, это утверждение не было принято ни странами антигитлеровской коалиции, ни Германией. Гитлер рассматривал Финляндию как своего союзника, а коалиция считала ее участником фашистской агрессии. Финская “голубая дивизия” воевала против Советского Союза.

Симпатии и сочувствие к Финляндии, столь распространенные в Европе и в США в 1939 — 1940 гг., рассеялись (хотя формально США воздерживались от официального объявления войны Финляндии). И хотя на заключительном этапе войны Финляндия выступила против Германии, потребовав, чтобы 200-тысячное немецкое войско ушло с ее территории, это не спасло

финнов от того, чтобы они рассматривались как побежденные участники войны, воевавшие на стороне германского блока.

Союзники определили, что Финляндия должна выплачивать репарации. Была создана Контрольная комиссия, где Советский Союз играл ведущую роль (А.А. Жданов стал ее председателем). СССР вернулся к границам, установленным в 1940 г. В отличие от всех других германских сателлитов Финляндия не была оккупирована.

В 1945 г. был подписан советско-финский договор, который зафиксировал нейтральный статус Финляндии и его признание СССР, подтвердил ее границы и открыл новую эпоху во взаимоотношениях между двумя странами, основанную на мире, добрососедстве и взаимопонимании. Этим была подведена окончательная черта под трагическими событиями советско-финской войны 1939 — 1940 гг.

¹ Ссылку на этот разговор см.: *Tanner W. The Winter War* Stanford. P. 3 — 13.

² *Ibid.*

³ *Soviet Documents on Foreign Policy. Vol. III. 1931 — 1941. Oxford, 1953. P. 226.*

⁴ *Ibid.* См.: *Engle E., Paananen L. The russian-finnish Conflikt. 1939 — 1940. L., 1992. P. 6.*

⁵ *Engle E., Paananen L. Op. cit. P. 6 — 7.*

⁶ См.: *Akten zur deutschen auswärtigen Politik. 1918 — 1945. Serie D (1937 — 1941). Bd. 8 — 12. Baden-Baden. 1961 — 1969. P. 477.*

⁷ АВП РФ. Ф. 0135. Оп. 24. Д. 7. Л. 76 — 78; Ф. 06. Оп. 1. Д. 194. Л. 8 — 13; Оп. 2. Д. 318. Л. 3 — 4.

⁸ Там же. См. также: *Зимняя война. Кн. 1: Политическая история.* М., 1999. С. 119 — 120.

⁹ *Jakobson M. The Diplomacy of the Winter War. Cambridge, 1961. P. 16.*

¹⁰ *Документы внешней политики. Т. XXII: 1939 год; В 2 кн. М., 1992. Кн. 2. С. 13 (Далее: ДВП).*

¹¹ Там же. С. 63 — 64.

¹² Там же. С. 101.

¹³ Там же. С. 166.

¹⁴ Там же. С. 167.

¹⁵ *Jakobson M. Op. cit. P. 108.*

¹⁶ *Ibid. С. 171.*

¹⁷ *Documents on German Foreign Policy. 1918 — 1945. Series D. L., 1937 — 1945. Vol. VIII. P. 147, 206, 215, 221, 223, 225 (Далее: DGFP).*

¹⁸ *Колонтай А.М. Дипломатические дневники. 1922 — 1940: В 2 т. М., 2001. Т. 2. С. 461.*

¹⁹ Там же. С. 462.

²⁰ *Jakobson M. Op. cit. P. 112.*

²¹ *Ibid.*

²² См.: ДВП. Т. XXII. Кн. 2.

²³ *Jakobson M. Op. cit. P. 113.*

- 24 Ibid. С. 172.
- 25 Зимняя война. Кн. 1. С. 121 – 122; См. также: ДВП. Т. XXII. Кн. 2. С. 185 – 186.
- 26 ДВП. Т. XXII. Кн. 2. С. 186.
- 27 Зимняя война. Кн. 1. С. 122.
- 28 Об этом говорят различные материалы из РГАСПИ и АВР РФ.
- 29 См. раздел "Библиография".
- 30 Jakobson M. Op. cit. P. 122.
- 31 Ibid. P. 124.
- 32 Ibid. P. 50 – 58.
- 33 Jakobson M. Op. cit. P. 130.
- 34 Зимняя война. Кн. 1. С. 127.
- 35 Jakobson M. Op. cit. P. 133.
- 36 См.: Tanner W. Op. cit.
- 37 Ibid.
- 38 Ibid.
- 39 Jakobson M. Op. cit. P. 95 – 154.
- 40 Ibid. P. 140.
- 41 DGFP. Vol. VIII. P. 427 – 428.
- 42 Churchill W. The Second World War. Vol. I. Wash., 1976. P. 587 – 588; Jakobson M. Op. cit. P. 141.
- 43 Зимняя война. Кн. 1. С. 135.
- 44 Там же. С. 126; Международная жизнь. 1989. № 12. С. 200 – 201; Колонтай А.М. Указ. соч. Т. 2. С. 466.
- 45 Зимняя война. Кн. 1. С. 131 – 134; Куманев Г.А. Проблемы военной истории Отечества. М., 2007. С. 55.
- 46 Куманев Г.А. Указ. соч. С. 55; РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 238. Л. 1 – 4.
- 47 Воронов Н.Н. На службе военной. М., 1963. С. 136 – 137; См. также: Engle E., Paananen L. Op. cit. P. 1 – 2.
- 48 Khrushchev N. Remember. Boston, 1970. P. 152 – 153.
- 49 М. Якобсон пишет в своей книге, что лидер финских коммунистов О. Куусинен 13 ноября срочно вызвал из Стокгольма в Москву своего заместителя по Коминтерну и генерального секретаря финской компартии Туоминена, находящегося в подполье, для новой работы (Jakobson M. Op. cit. P. 146). Известно, что Туоминен принял трудное решение отказаться, ибо он не хотел участвовать в применении силы против собственного народа.
- 50 ДВП. Т. XXII. Кн. 2. С. 284.
- 51 Там же. С. 286.
- 52 Там же. С. 311.
- 53 Там же. С. 335.
- 54 Там же. С. 341.
- 55 Зимняя война. 1939 – 1940. М., 1999. Кн. 2: И.В. Сталин и финская кампания (стенограмма совещания в ЦК ВКП(б)). С. 272.
- 56 РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1380. Л. 1.
- 57 Зимняя война. Кн. 1. С. 137.
- 58 ДВП. Т. XXII. Кн. 2. С. 344.
- 59 Посетители кремлевского кабинета И.В. Сталина // Исторический архив. 1995. № 5 – 6. Р. 60.

⁶⁰ DGFP. ДВП. Т. XXII. Кн. 2. С. 352.

⁶¹ Ibid. С. 355 – 358.

⁶² Ibid. С. 356.

⁶³ В своих комментариях Г. Димитров писал в январе 1940 г.: «Действия Красной Армии развивались также в русле "мировой революции"» (The Diary of G. Dimitrov. New Haven. 2003. P. 124).

⁶⁴ ДВП. Т. XXII. Кн. 2. С. 634.

⁶⁵ Коллонтай А.М. Указ. соч. Т. 2. С. 476.

⁶⁶ Nazi Conspiracy and Agression. Wash., 1946. P. 981 – 982.

⁶⁷ Jakobson M. Op. cit. P. 216.

⁶⁸ Подробнее о переговорах финских представителей в Швеции см.: Jakobson M. Op. cit. P. 221 – 233; Описание этих драматических событий см.: Коллонтай А.М. Указ. соч. Т. 2. С. 483 – 522.

⁶⁹ О позиции Великобритании см.: Jakobson M. Op. cit. P. 240 – 241; См. также еженедельные отчеты политической разведки Великобритании (Weekly Political Intelligence Summary. Secret Foreign Political Department. L., 1939 – 1941) за период с января по апрель 1940 г.

⁷⁰ Jakobson M. Op. cit. P. 240.

⁷¹ Позиция французского правительства в связи с финскими событиями подробно изложена в публикации дипломатических документов МИД Франции. См.: Ministère des Affaires Étrangères. Documents diplomatiques français. Bruxelles, 2004. Doc. N 4, 6, 12 – 15, 18, 22, 36, 46, 65, 66, 68, 87, 88, 89, 96, 97, 99, 100, 103, 105 – 107, 110, 111, 115 – 118, 124, 125, 130, 131, 133, 135, 137, 141, 158. P. 1 – 325.

⁷² Ibid.

⁷³ Ibid. P. 1 – 2.

⁷⁴ Ibid. P. 22.

⁷⁵ Ibid. P. 138 – 139.

⁷⁶ Jakobson M. Op. cit. P. 213, 221; подробнее см.: Коллонтай А.М. Указ. соч. Т. 2. С. 486 – 489.

⁷⁷ Jakobson M. Op. cit. P. 233 – 239.

⁷⁸ Ibid. P. 220; Коллонтай А.М. Указ. соч. Т. 2. С. 491 – 494.

⁷⁹ См.: Khrushchev N. Op. cit.

⁸⁰ См.: Зимняя война. Кн. 2.

⁸¹ The Diary of G. Dimitrof. P. 124.

⁸² См.: Jakobson M. Op. cit. P.; Engle E., Paananen L. Op. cit.

⁸³ Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Материалы исследования. М., 1993. С. 125; См. также: Зимняя война. Кн. 1. С. 324.

⁸⁴ Зимняя война. Кн. 1. С. 325; Куманев Г.А. Указ. соч. С. 65.

⁸⁵ См.: Jakobson M. Op. cit.

⁸⁶ О действиях представителей Франции и Англии, их сильном нажиме на Хельсинки и Стокгольм см.: Коллонтай А.М. Указ. соч. Т. 2. С. 502 – 504.

⁸⁷ Там же. С. 512.

⁸⁸ ДВП. Т. XXII. Кн. 1. С. 140 – 144.

⁸⁹ Jakobson M. Op. cit. P. 259.

“Смена вех” в теории, идеологии и пропаганде. Первые признаки отрезвления

Полный драматизма и сложных переплетений период с конца августа 1939 до июня 1941 г. сопровождался существенными изменениями в теоретических построениях и в идеологическом обосновании советской внешней политики. Общая тенденция к сближению с Германией, наблюдавшаяся еще с весны — лета 1939 г., до начала сентября почти не отразилась на направленности советской пропаганды и на объяснении мирового развития и международных отношений.

По-прежнему основным постулатом советских оценок было осуждение фашизма, который рассматривался как главная опасность для мира и для построения социализма в Советском Союзе. Общие оценки немецкого фашизма как порождения монополистической буржуазии и ударной силы международного империализма, как главного врага трудящихся, закрепленные во многих документах партии большевиков и в решениях Коминтерна, сохраняли свою силу и направленность.

Одновременно, хотя порой и с несколько меньшим нажимом, шла критика и так называемых демократических режимов, прежде всего Англии и Франции, которые рассматривались такими же противниками рабочего класса всего мира. В условиях проходивших летом 1939 г. политических и военных переговоров между представителями Советского Союза, Англии и Франции накал пропагандистских выступлений против этих стран был несколько снижен, но, подчеркнем это с особой силой, общие оценки империализма, его агрессивной антинародной сущности и необходимость борьбы с ним по всем направлениям оставались основополагающими линиями советской теоретической мысли и идеологии. Они вытекали из идей мировой революции, проводились после 1917 г. и были снова провозглашены в начале 30-х годов, после прихода нацистов к власти в Германии и неоднократно подтверждались в решениях партийных съездов, в выступлениях Сталина и других руководителей партии и страны.

Важным постулатом советской внешнеполитической теории и пропаганды была идея об СССР как “осажденной крепо-

сти", существовавшей во враждебном капиталистическом окружении. И при всех изменениях в конкретной внешней политике, в оценке тех или иных буржуазных партий и их лидеров эти общие линии сохранились. Характеристика империализма в целом, резкое осуждение фашизма, жесткая критика англо-французского капитализма, особенно усилившаяся после Мюнхенского соглашения, составляли основное содержание всей советской идеологии. И "История ВКП(б). Краткий курс" и другие произведения теоретической и идеологической мысли, вся пропаганда и агитация, учебники и пособия для средней и высшей школы были пронизаны призывами борьбы с империализмом и фашизмом.

На судебных процессах 30-х годов главным обоснованием массовых репрессий всегда была связь "обвиняемых" с международной буржуазией, их агентурная деятельность в пользу тех или иных капиталистических стран.

Для многих тысяч людей, работавших в идеологических учреждениях, да и для миллионов простых граждан теоретические постулаты, базировавшиеся на основах идеологии марксизма-ленинизма, особенностях мирового развития и характеристике фашизма, казались незыблемыми, выражавшими суть советской теории и идеологии.

Известно также, что острым разоблачениям постоянно подвергалась и международная социал-демократия, объявленная главным врагом коммунистических партий и проводником буржуазных идей в рядах рабочего класса. Однако после некоторой переоценки событий, связанных с приходом фашизма к власти в Германии, VII конгресс Коминтерна, в соответствии с решениями Политбюро ЦК ВКП(б) несколько сместив акценты в критике социал-демократии и левых, выдвинул идею Народного фронта. Имелось в виду, что это станет средством объединения более широких сил в борьбе против угрозы фашизма.

Эти направления большевистской теории и практики отражали сталинскую интерпретацию идеологии мировой революции и национальные задачи строительства социализма и коммунизма в Советском Союзе. Анализ статей и выступлений Сталина 20—30-х годов дает основания заключить, что для него (может быть, во многом в отличие от Ленина и ряда других сталинских соратников) практика и идеология интернационализма и коммунизма во многих случаях являлись скорее средством, чем целью, идеи национализма и прагматических национальных интересов часто являлись приоритетными и выдвигались на первое место.

Постоянный дуализм идеологии интернационализма и реальных интересов, характерный для советской теории и прак-

тики, как правило, разрешался в пользу real politic. Но при этом, разумеется, разнообразные зигзаги в советской внешней политике всегда мотивировались общими соображениями борьбы с империализмом и буржуазной идеологией. Большевики никогда не посягали на "священные постулаты", связанные с критикой империализма, а в 30-е годы и фашизма, как его главной ударной силы. Любые отклонения от этих принципиальных установок рассматривались как "ревизионистские" или "антипартийные", и те, кто следовал этой "ревизии", подвергались осуждениям или преследованиям.

Прежде чем перейти к рассмотрению событий, связанных с подписанием договора с Германией, отметим, что в советской идеологии и международно-политической практике со времен Ленина и в годы правления Сталина либерально-демократические и социал-демократические режимы часто вызывали у большевиков большее отторжение и неприятие, чем "правые" и авторитарные режимы. Можно вспомнить острую ленинскую критику Ллойд Джорджа и ллойд джорджизма, бичевание британских колонизаторов и "душителей" жителей колоний, английских либералов и лейбористов за их наиболее изоциренную антинародную политику.

Похожей критике подвергались в советской идеологии Соединенные Штаты Америки за их "псевдодемократические" лозунги и политику, в действительности выражавшие интересы наиболее могущественных монополий, противостоящих трудящимся во всех странах мира. Столь же распространенной была жесткая критика в адрес французских социалистов и "буржуазных радикалов", "обманывавших" французский народ псевдодемократическими лозунгами и демагогией.

В то же время еще со времен революции 1917 г. и времен Раппало германофильские настроения были довольно распространенными в кругах советской элиты. Но в условиях поворота к критике фашизма советские политики и идеологи усилили осуждение антинародной сущности германского национал-социализма и его идеологии, экспансионистского характера германского империализма.

В плане идеологического воздействия на население в 30-е годы в советской пропаганде преобладала также идея о возможной войне, в которой Советскому Союзу, вероятно, придется участвовать. Собственно она вытекала из положения о том, что СССР в любой момент мог подвергнуться нападению, поэтому всячески осуждались пацифизм и притупление бдительности.

Но одновременно советские люди воспитывались в уверенности в силе и мощи социалистического государства, способно-

го дать отпор любому агрессору. Для закрепления этой уверенности использовались и исторический опыт, и традиции русского прошлого, когда нападавшие на Россию терпели поражение. Героизм и самоотверженность советских людей пропагандировались в художественной литературе и в искусстве.

Постулаты о постоянных кризисах империализма, об обострении его внутренних противоречий занимали важное место в советской идеологии и пропаганде. Уверенность в конечной победе социализма базировалась прежде всего именно на доказательствах внутренней слабости империализма. Фактически в довоенное время отсутствовала идея о расширении зоны победившего социализма за счет каких-либо конкретных соседних или иных территорий. Коминтерн ориентировал коммунистические партии на работу по разложению капиталистических режимов в своих странах, на разоблачении их антинародной сущности. Преобладающее направление всей деятельности Коминтерна состояло в поддержке Советского Союза, его общей международной линии и конкретных внешнеполитических мероприятий.

В связи с этим еще раз отметим, что в современной исторической литературе уже длительное время ведутся острые дискуссии о том, была ли советская стратегия наступательной или преследовала оборонительные цели. С точки зрения идеологии эти споры представляются во многом надуманными. Советская идеологическая доктрина постоянно исходила из наступательной стратегии. В теоретических трудах, как правило, говорилось, что критика капитализма должна вестись в наступательном духе, в постоянном и активном разоблачении всех проявлений империализма.

С началом 30-х годов неперенным атрибутом этих разоблачений была критика фашизма, его идеологии и практики. От каждого советского коммуниста и от всех коммунистических партий требовались активные действия, направленные на раскрытие достижений социалистической страны и на анализ глубоких противоречий и кризисов стран капитала и всей системы империализма.

В теоретическом багаже компартий было также обоснование глубоких противоречий между различными капиталистическими государствами, между "буржуазными силами" и группами и необходимости использования этих противоречий в интересах социалистического Советского Союза и коммунистического движения в целом.

Все эти концепции рассматривались как незыблемые, вытекающие и из общих положений марксизма-ленинизма и из конкретной ситуации в мире в 30-е годы.

Уместен вопрос, в какой мере и каким образом изменились советская стратегия и идеология после подписания советско-германского договора о ненападении вместе с приложениями от 23 августа 1939 г. В данной постановке содержится и другой вопрос — готовилось ли советское руководство к столь решительной "смене вех" и ориентиров.

Представляется очевидным, что, несмотря на поворот Москвы в сторону сближения с Германией, который обозначался еще весной и летом 1939 г., он не давал советским лидерам оснований для какого-либо пересмотра их теоретических и идеологических позиций.

Было неясно, во что выльются советско-германские контакты, к тому же продолжались тройственные переговоры между Советским Союзом, Англией и Францией. Поэтому идеологические органы (пресса, научные издания, кино, устная пропаганда) по-прежнему следовали той же линии, которая была взята из 30-х годов и которая базировалась на постоянных стереотипах социалистической теории.

Выше отмечалось, что как само подписание договора, так и особенно секретные приложения к нему были в известном смысле неожиданными для Сталина и его соратников. Им требовалось несколько дней, а может быть, и недель интенсивной работы, чтобы определить направления своей внешнеполитической деятельности. В первые недели выработка линии поведения определялась как долгосрочными целями, так и сугубо прагматическими задачами момента. В еще большей степени это касалось теории и идеологии. Любые кардинальные перемены требуют, как правило, длительного времени для переосмысления.

То, что произошло в коридорах Кремля в сентябре — октябре 1939 г., показывает, что советское руководство в принципе было готово к новой стратегии в теоретической и идеологической областях. Видимо, постепенно взяв курс на поворот в сторону Германии, Сталин продумывал влияние этого поворота и на область теории и идеологии. Но как и в какой форме это произойдет, стало очевидным, видимо, лишь после интенсивных обсуждений, начавшихся сразу же после подписания договора.

Прежде всего кремлевский лидер стоял перед необходимостью объяснить своему народу и всему миру (главным образом коммунистическому движению) причину такого резкого поворота в сторону соглашения с фашистской Германией, разоблачение и борьба с которой были главной задачей Советского Союза, коммунистических партий и всех прогрессивных сил.

Следующий вопрос, который мог обсуждаться в Кремле, состоял в том, насколько далеко намеревались идти советские лидеры в своих отношениях с нацистской Германией. В принципе могли существовать разные варианты. Москва могла ограничиться подписанием договора с Германией (даже с соответствующими приложениями), решая главную задачу оставаться в стороне от конфликта между империалистическими странами, сохраняя контакты с Англией и Францией, и не менять общую идеологическую стратегию, лишь приглушив прежнюю антифашистскую и антигерманскую направленность. При такой постановке вопроса объяснить издержки от подписания договора мировому общественному мнению и собственному народу было бы не столь трудно.

Возможен был и другой вариант. Советская идеология приспособляется к изменившейся обстановке (сохраняя дистанцию от нацистских теоретико-идеологических постулатов), но не дает никаких установок к перемене позиций коммунистических партий других стран и всего коммунистического движения в целом.

Но в Москве рассудили иначе, что ясно отразил сталинский подход к только что заключенному договору с Германией.

Последствия договоренностей с Берлином лишь начали проявляться, а в Кремле уже приступили к подготовке и претворению в жизнь кардинальной идеологической "смене вех". Видимо, настроения, воцарившиеся в Москве в последнюю неделю августа 1939 г., распространились и на сферу идеологии.

Первая реакция на договор произошла по линии Коминтерна, и сразу же Сталин получил сигналы о замешательстве и растерянности руководителей европейских компартий. 27 августа 1939 г. Г. Димитров и Д. Мануильский направили Сталину письмо, в котором сообщили: компартии "заняли правильные позиции поддержки советско-германского пакта". Одновременно они отмечали, что компартии, видимо, "рассчитывали сочетать эту поддержку с продолжением критики фашистской агрессии"¹.

Ситуация стала еще более сложной через несколько дней, когда после нападения Германии на Польшу Англия и Франция объявили войну Германии. Естественно, что компартии должны были определяться в своей тактике отношений к собственным правительствам. Об этом запрашивали Москву лидеры Коминтерна, руководители французской и бельгийской компартий, а также английской, американской и других стран. Они должны были также реагировать на германское вторжение в Польшу, которое, судя по первой реакции компартий ряда стран Европы, были готовы осудить².

Здравый смысл должен был подсказать Сталину и Димитрову, что по крайней мере на первых порах следовало не спешить, позволить компартиям "не терять лица" и с модификациями продолжать прежний курс. Но Димитров, как обычно, побоялся взять на себя решение вопроса и уже 5 сентября направил секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Жданову письмо, в котором сообщал, что идет разработка документа о тактике компартий в условиях начавшейся войны, и просил о срочной встрече со Сталиным³.

7 сентября прошла известная встреча Димитрова со Сталиным в присутствии Молотова и Жданова. Сталин фактически изложил сущность того самого поворота, который начал немедленно претворяться в жизнь. Уже из его первых установок видно, что был выбран действительно крайний, наиболее резкий вариант.

Вначале Сталин повторил обычную точку зрения, что война идет между двумя группами капиталистических стран за передел мира, за господство над ним. "Мы непрочь, чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга. Неплохо, если руками Германии было расшатано положение богатейших капиталистических стран (в особенности Англии). Гитлер, сам этого не понимая и не зная, подрывает капиталистическую систему"⁴. И далее: "Мы можем маневрировать, подталкивать одну сторону против другой, чтобы лучше разодрались". Заявив, что пакт о ненападении в некоторой степени помогает Германии, Сталин намеревался в следующий момент подталкивать другую сторону⁵.

В этих словах вождя не было ничего необычного. В довольно упрощенной форме (все это известно, но не из протоколов, а из "Дневника" Г. Димитрова) Сталин повторял известные положения марксизма-ленинизма об использовании межимпериалистических противоречий.

Но затем он выразил то, что стало реальной установкой и для мирового коммунистического движения, и для идеологического поворота внутри страны. Сталин заявил, что в условиях войны между империалистическими державами деление стран на фашистские и демократические уже неправильно и что коммунисты должны "решительно выступать против своих правительств, против войны". Он предложил снять лозунг единого народного фронта и фактически выступил за прекращение борьбы против фашизма. Особо резко советский лидер осудил Польшу, назвав ее фашистским государством, которое угнетает украинцев, белорусов и другие народы⁶.

Итак, спустя лишь две недели после подписания договора о ненападении Сталин уже выдвигал установку на прекращение критики фашизма (причем с теоретическим обосновани-

ем), ориентируя компартии стран Европы и США на осуждение войны этих государств против Германии и на критику своих правительств. Тем самым он сталкивал компартии с общественным мнением стран Европы, давал повод обвинять их в антипатриотизме, в игнорировании национальных интересов.

Советский лидер одним махом снимал все усилия, направленные на создание единых народных фронтов и сотрудничество коммунистов и социал-демократов. Подобная тактика помимо пренебрежения интересов и положения компартий была в какой-то мере еще и лишена здравого смысла, отстраняя те силы в странах Европы, которые Москва при случае могла бы использовать для своих интересов в качестве противовеса Германии.

Как отмечалось ранее, Сталин таким же образом отказывался от возможности использования в отношениях с Германией в качестве средств нажима свои сохраняющиеся связи с Англией и Францией. А теперь он снимал и фактор общественного мнения и возможности коммунистических сил в странах Европы.

И, наконец, впервые за многие годы Сталин начал обосновывать лозунг "расширения социализма". Вообще идея распространения мировой революции всегда присутствовала в той или иной степени в арсенале советской политики, но теперь она выдвигалась в совершенно новом контексте, в связи с подписанием советско-германского пакта.

В соответствии с установками Сталина буквально в следующие дни — 8—9 сентября была принята новая директива компартиям от имени Секретариата Исполнительного Комитета Коминтерна. Фактически документ почти дословно повторял сталинские слова, сказанные им накануне. Единственным добавлением стало предупреждение компартиям Франции, Англии, США и Бельгии, выступающим вразрез с этими установками. Им предлагалось немедленно выправить свою политическую линию⁷.

Однако некоторые компартии (Франции, Бельгии, Великобритании, Канады) не сразу полностью согласились с директивами руководства Коминтерна, продолжая отстаивать идею борьбы на два фронта. Президиум ИККИ снова вернулся к этой проблеме 19—20 октября⁸. И лишь в конце октября 1939 г. руководству Коминтерна удалось "исправить ошибки" ряда компартий.

Видимо, по согласованию со Сталиным Г. Димитров начал работу над программной статьей под названием "Война и рабочий класс", которую Сталин несколько раз правил, давая реко-

мендации автору статьи. Вообще-то сам Сталин избегал каких-либо публичных выступлений (вплоть до апреля 1940 г.). Всю работу по изложению новых установок (даваемых лично им) он возложил на Г. Димитрова и В.М. Молотова.

В этот момент Гитлер завершил разгром Польши и обратился с предложением о заключении мира. Было совершенно очевидно, что это демагогическое заявление не имело никакого реального смысла, а было направлено на то, чтобы приглушать негативный резонанс от оккупации Польши.

Но неожиданно этот нацистский демарш придал новые аргументы советскому руководству и для конкретных акций и для формирования нового теоретического подхода. В Москве начали усиленно пропагандировать мысль о том, что правящие круги Англии и Франции выступают против мира, как главные поджигатели войны, в то время как Германия демонстрирует готовность к миру. Одновременно по прямым указаниям Сталина лидеры Коминтерна отвергли попытки германских коммунистов продолжать борьбу против нацистского режима, за народную республику⁹.

Сталин и Жданов торопили Димитрова с написанием статьи, и 25 октября в Кремле состоялась повторная встреча Сталина и Жданова с Димитровым, на которой советский лидер опять разъяснял новые теоретические установки. По словам Димитрова, Сталин прямо указал ему: "Мы не будем выступать против правительств, которые за мир" (имея в виду прежде всего нацистскую Германию), повторив, что не следует помогать Чемберлену¹⁰. Он подвел базу под свои рассуждения, заявив, что надо выдвигать только те лозунги, которые соответствуют нынешнему моменту. Стремясь подкрепить свои позиции, Сталин подверг критике позицию большевиков во время Первой мировой войны, когда ставился лозунг превращения войны империалистической в войну гражданскую. Он особенно акцентировал внимание на необходимость консолидации с СССР, подразумевая прежде всего поддержку новой советской линии в отношении Германии.

Сталин повторил этот тезис на обеде в Кремле после парада и демонстрации на Красной площади 7 ноября 1939 г. Он опять обратился к событиям Первой мировой войны, заявив, что и тогда лозунг превращения империалистической войны в войну гражданскую подходил только для России, а не для европейских стран. Характеризуя современную ситуацию, Сталин заявил, что "мелкобуржуазные националисты" в Германии (видимо, он имел в виду национал-социалистов) проявляют гибкость и способность на крутой поворот, они не связаны с капиталистическими традициями в отличие от буржуазных руководи-

лей типа Чемберлена. Он призвал не держаться за прежде установленные правила и рутину, а вносить новые, что диктуется изменившимися условиями¹¹. Таким образом советское руководство стремилось теоретически обосновать свой внешнеполитический поворот и заставить принять его коммунистическое движение, прежде всего в странах Европы.

Если беседы Сталина с Димитровым, его замечания по поводу позиции Коминтерна были рассчитаны на внешний мир, то доклад Молотова на заседании Верховного Совета 31 октября делался главным образом для внутреннего потребления. Излагая внешнеполитические итоги деятельности Советского Союза в сентябре — октябре 1939 г. и высоко оценивая дружбу с Германией и сотрудничество с ней на прочной базе взаимных интересов, в том числе и после подписания договора о дружбе и границах от 28 сентября, Молотов столь же высоко оценил советские акции в отношении Польши, договора с Прибалтийскими странами.

Но глава советского правительства и народный комиссар по иностранным делам на этом не остановился. Он фактически дословно повторил сталинские слова, сказанные во время бесед с Димитровым, в частности и такие: "Старые формулы явно устарели и теперь неприменимы"¹².

Он заявил, что понятия "агрессия" и "агрессор" приобрели новый смысл и что Германия стремится к скорейшему окончанию войны и к миру, а Англия и Франция, вчера еще ратовавшие против агрессии, выступают за продолжение войны и против заключения мира. И далее он резко осуждал действия Англии и Франции в защиту Польши и т.п.

Однако глава советского правительства и на этом не остановился. Он обратился к идеологическим проблемам и обвинил правящие круги Англии и Франции в объявлении чего-то вроде "идеологической войны" против гитлеризма (напоминающей старые религиозные войны). "Но такого рода война не имеет для себя никакого оправдания... Идеологию гитлеризма, — заявил Молотов, — как и всякую другую идеологическую систему, можно признавать или отрицать, это — дело политических взглядов. Но любой человек поймет, что идеологию нельзя уничтожить силой, нельзя покончить с ней войной"¹³.

Этот пассаж советского наркома, конечно, свидетельствовал о многом. В своем стремлении оправдать внешнеполитический поворот, советские лидеры перешли границы. Глава правительства и дипломатического ведомства мог защищать подписание договора и внешнеполитические акции, но брать на себя функцию защиты гитлеризма как идеологии было не про-

сто бессмысленно и непонятно, но и крайне вредно для самого Советского Союза.

Прежде всего напомним, что за две недели до этого, объясняя ввод советских войск в Польшу, Молотов настаивал на советской политике нейтралитета, а теперь он взялся защищать гитлеровскую идеологию, которую СССР клеймил по всем линиям и осуждал на всех уровнях в течение многих лет. Оправданием гитлеровской идеологии советские руководители словно нарочито противопоставляли себя всему миру и ответственности стран Европы и других континентов. А главное, в этом не было никакой необходимости для конкретной советской политики.

Трудно найти этому какое-либо рациональное объяснение, тем более, что в идеологии нацистского руководства не произошло такой же перемены. Конечно, из печатных изданий и в официальных речах исчезли все антисоветские и антибольшевистские клише и обвинения, но не появилось и прославление идеологической доктрины большевизма. А если такие намеки и были, то как желание "подыграть" тональности, появившейся в советской пропаганде.

По линии Коминтерна в течение октября 1939 — примерно мая 1940 г. компартиям постоянно давались рекомендации поддерживать советские внешнеполитические акции, в том числе и позицию СССР во время зимней войны с Финляндией. Наиболее болезненным результатом были указания Коминтерна германской компартии. В конце декабря 1939 г. руководство Коминтерна направило свои соображения о "Политической платформе КП Германии", отметив, что в Германии сложились два фронта. Один — фронт господствующего режима, заключившего договор о дружбе с Советским Союзом (хотя и не гарантирующий последовательную дружбу с СССР), и второй — включающий некоторые круги буржуазии, часть католических и социал-демократических кругов. Этот фронт направлен непосредственно против пакта и против дружбы с СССР и идет "в услужение к англо-французскому военному блоку, выступая и против германского народа и против Советского Союза"¹⁴. Компартии Германии предлагалось прекратить борьбу против нацистского режима, а выступать против тех сил (по большей части умеренных кругов), которые ориентировались на англо-французский блок. Следуя этим указаниям, германские коммунисты должны были отказаться от борьбы с теми, кто организовал травлю и преследования коммунистов, кто арестовал многие тысячи активистов КПГ и держал в тюрьме генерального секретаря КПГ Э. Тельмана.

Таким образом, в своем стремлении задобрить Гитлера и доказать ему свою дружбу и лояльность советские лидеры были готовы даже пожертвовать делом германских коммунистов. Москва как бы расчищала для нацистского режима поле и вне и внутри страны, облегчая ему реализацию своей программы подавления демократических сил в Германии и пропаганды идей мирового господства.

Завершая вопрос о международно-политической сфере, отметим, что крайне жесткую критику советские лидеры обрушили на деятелей социал-демократии. В статье "Война и рабочий класс", которую Сталин редактировал, Г. Димитров посвятил специальный раздел разоблачению деятельности II Интернационала, в том числе и за прошлые прегрешения¹⁵. Главный вывод автора статьи был высказан предельно откровенно: "У коммунистов не может быть никакого единого фронта с теми, кто находится в общем фронте с империалистами и поддерживает преступную антинародную войну"¹⁶. В редакционной статье "Коммунистического Интернационала" № 5 за 1940 г. снова звучит крайне резкое по тону осуждение "вожаков социал-демократии"¹⁷.

В общую критику социал-демократии включился и В.М. Молотов. В своем докладе на заседании Верховного Совета СССР 29 марта 1940 г. он в свойственном для него стиле заявил: «В яростном вое врагов Советского Союза все время выделялись визгливые голоса проституированных "социалистов" из II Интернационала... лакеев капитала, продавших себя поджигателям войны»¹⁸.

Таким образом, руководство Советского Союза и Коминтерна вернулись к практике начала 30-х годов, когда социал-демократия была объявлена "социал-фашизмом". Ирония судьбы состояла в том, что на этот раз ее обвиняли уже не в пособничестве немецкому фашизму, а в том, что она призывала к борьбе с этим самым германским фашизмом, который превратился из главного врага в партнера Советского Союза.

Как известно, роспуск Коминтерна произошел в других условиях в 1943 г., но его действия начиная с осени 1939 г. во многом дискредитировали эту организацию в глазах мировой общественности и коммунистического движения и в значительной степени способствовали прекращению ее существования.

* * *

Все перечисленные выше мероприятия были обращены на международную сферу, но существенный идеологический поворот произошел и внутри Советского Союза.

Буквально через несколько дней после подписания советско-германского договора в центральных советских газетах по-

явились первые комментарии, которые уже содержали непрозрачные намеки на "дружбу народов СССР и Германии". 31 августа, выступая на внеочередной сессии Верховного Совета, Молотов заявил, что ранее "были некоторые близорукие люди", которые увлекались "упрощенной антифашистской агитацией"¹⁹. Это был явный знак к переменам не только во внешнеполитической, но и в идеологической сфере. Российский историк В.А. Невежин приводит реакцию писателя И.Г. Эренбурга: эти слова Молотова «меня резанули. В ту зиму мне пришлось обзавестись очками, но признать себя "близоруким" я не мог: свежи были картины испанской войны; фашизм оставался для меня главным врагом»²⁰.

Слова, брошенные Молотовым как бы вскользь, были неслучайными. Как показали дальнейшие события, советские лидеры намечали резкий поворот во всей системе "пропаганды и агитации". Они осознавали, что этот поворот вызовет непонимание у многих советских людей, поэтому-то и начиналась арт-подготовка к смене идеологических ориентиров.

Даже западные деятели, в том числе и германские, отмечали замешательство в различных кругах советской общественности. Об этом сообщал в Берлин германский посол Ф. Шуленбург 6 сентября 1939 г.: изменения советской политики "после нескольких лет пропаганды именно против германских агрессоров все-таки не очень хорошо понимаются населением"²¹. Об этом же писали многие зарубежные дипломаты и журналисты. А. Верг констатировал, что "миллионы русских были просто шокированы случившимся"²². При этом речь шла и о самом факте подписания договора, и о том пропагандистском фоне, который его сопровождал.

В условиях советской действительности, когда на собраниях и митингах принимались, как правило, решения, одобряющие советскую политику, в том числе и заключение договора с Германией, казалось, не могло быть и речи о какой-либо критике действий советских властей. И в этом плане чрезвычайно интересны находящиеся в РГАСПИ подборки писем трудящихся в адрес Молотова, в которых в том числе шла речь и об оценках пакта с Германией. Разумеется, для Молотова отобрали особо интересные письма, а не обычное восхваление советской политики.

Приведем лишь некоторые из писем. 24 августа 1939 г. некая Родина в письме к Молотову писала по поводу советско-германского пакта:

«Договор краткий, но содержательный, но меня удивляет, почему не предусмотрен следующий пункт: "При нарушении странами ст. I, II и IV договор расторгается автоматически со дня установления прямого или косвенного его нарушения, так как всем известно, что Герма-

ния по своей дурной "привычке" использует малейшую недоговоренность»²³.

Еще более определенно высказывается рабочий из Набережных Челнов Ст.И. Панфилов, который писал Молотову 28 августа:

«Договор о ненападении можно еще (условно) приветствовать, как некое болеутоляющее и обнадеживающее. О практической же пользе для нас судить подождем: не бросит ли Гитлер в нужную ему минуту этот договор в мусорный ящик, как ничего не стоящий клочок бумаги, что он неоднократно проделывал с другими, и не будет ничего удивительного, если он это проделает также и с нами. Вспомните-ка покойного Козьму Пруткову, говорившего: "Единожды солгавши, кто тебе поверит! Ломаный грош — вот цена словам таких людей, как герр Гитлер и К⁰».

А вот торгово-кредитное соглашение — это особая статья. Я лично думаю (более, уверен!), что этим соглашением мы поможем фашистской Германии пережить трудную для нее минуту, предоставляя ей кредит в 200 млн марок, может быть, для закупки военного сырья. Не помогать изворачиваться, да точить на нас нож надо, а бойкотировать, блокировать фашистских каннибалов, отгородиться от них китайской стеной, рвами, колючей проволокой, рогатками, волчьими ямами. Пусть жарятся в собственном (арийском) соку. А помогать им прыгнуть с горячей сковороды — не в наших интересах. Наоборот! Нужное же нам машинное оборудование, полагаю, могут поставить нам не хуже и не дороже, другие страны, а не только Германия.

Вот почему я отношусь к торгово-кредитному соглашению с фашистской Германией отрицательно и против его заключения протестую. Никаких подобных сделок ни с Германией, ни с Японией, ни с Италией, пока там власть в руках теперешних каннибалов! Бойкот им и эмбарго»²⁴.

Панфилов призывал "выгнать японцев со всего Дальневосточного края и ликвидировать все японские концессии на Сахалине"²⁵.

Мастер завода "Компрессор" Петров в письме, посланном после начала польского похода 19 сентября 1939 г., выражает недовольство тем, что у немцев остается часть Украины и Белоруссии, которые "Гитлер прибрал к рукам". Автор требует включения в СССР всей Галиции и Белоруссии и городов Кракова, Люблина, Брест-Литовска, Белостока, Гродно, Вильно²⁶. Ничего не зная о секретном протоколе к пакту, автор письма призывает присоединить к СССР Бессарабию и освободить "наших братьев по крови в Финляндии"²⁷. "Мнение всех, — пишет Петров, — Прибалтика должна быть наша, пусть Прибалтийские государства войдут в качестве равноправных республик в нашу семью. Не надо забывать, что много крови пролито русской за прорубание окна в Европу. Бессарабия также наша. Ждать нечего, если надо — все пойдут в большой бой"²⁸. Автор

письма просит Молотова, чтобы генштаб подробнее сообщал о боях Красной Армии, о реакции на наши шаги Англии, Франции и США²⁹.

Любопытно, что все это писалось 19 сентября, т.е. до переговоров и заключения договоров со странами Прибалтики.

Комсомолец Полканов из Курска 21 сентября своеобразно откликнулся на советско-германский пакт, призывая Молотова сказать Гитлеру: "Если он согласен быть во всех отношениях с Советским Союзом, то надо предложить ему стать коммунистом. Ибо так или иначе земной шар должен быть в два цвета, вода — в синий, а земля — в красный"³⁰.

В своем послании некий Ведков одобряет слова Молотова о том, что СССР будет давать отпор японцам. В отношении стран Балтии он пишет: "Заключив мир с маленькими Балтийскими странами, признав их внутреннюю самостоятельность, мы отнюдь не предполагаем, что им предстоит стать очередной жертвой фашизма и трамплином для нападения на нас". Поэтому он предлагает заявить: "Посягательство на какое-либо нарушение свободы этих малых государств ни в коем случае не будет допущено. Это своевременное заявление дает возможность в будущем сэкономить не один рубль, так как захват соседних с нами Балтийских стран потребует дополнительных расходов на вооружение"³¹.

Как видим, приведенные немногочисленные письма отражают далеко неоднозначную реакцию простых советских людей на столь неожиданный поворот в советской внешней политике.

Особенно непонимание ощущалось среди интеллигенции, писателей, ученых и журналистов. Многие из них, видимо, не могли принять прекращение всякой критики Гитлера и Гейбельса, тех самых вождей национал-социализма, против которых столько лет велась пропагандистская война.

Малейшее упоминание о Германии, даже об ее истории, фашизме в критическом плане теперь изымалось органами цензуры. Поскольку ученые и публицисты "не успели перестроиться", то из газет и журналов, из фильмов и радиопередач почти полностью исчезла германская тема. Зато в большом количестве публиковались самые разнообразные материалы, относящиеся к Англии, Франции и США, причем теперь все публикации были выдержаны в резких обличительных тонах. Ознакомление с журналами по исторической и международно-политической тематике показывает, что в конце 1939 — 1940 гг. в них печатались десятки статей об истории и современной политике стран Европы, Азии, Америки и Африки, но Германия практически почти не упоминалась. Даже в материалах с критикой колониализма ни слова не говорилось о германской

политике в отношении стран Ближнего и Среднего Востока и т.п.

Поскольку все же в редакции поступали статьи, содержащие критику фашизма, пришлось вмешаться лично Сталину. Так, он имел беседу с Л.З. Мехлисом о газете "Красная Звезда", которая помещала подобные материалы, и дал указание немедленно прекратить их публикацию³².

Как всегда, в советской идеологической практике многие хотели доказать свою лояльность и явно переусердствовали в своем стремлении представить Германию как "постоянного друга Советского Союза". Уже не могло быть и речи о том, что она может быть эвентуальным противником.

После начала польских событий с ведома А.А. Жданова начали издаваться материалы, характеризующие Польшу как страну полуфашистского типа. Сам он опубликовал статью под названием "О внутренних причинах военного поражения Польши", в которой клеймил польские власти, угнетавшие людей других национальностей³³.

Представляют интерес те многочисленные директивы, которые давались руководством ВКП(б) и Главным политическим управлением Красной Армии военным округам. Практически во всех воинских частях выходили газеты. Их редакторам давались указания печатать материалы в духе общих идеологических установок. Это означало, что и в воинских частях снималась всякая критика фашизма и Германия уже не представлялась как возможный противник.

В конкретном плане подобный подход имел еще один отрицательный аспект. В армии фактически полностью прекратилось идеологическое обоснование вероятности войны с Германией. Вместо этого развертывалась антибританская и антифранцузская пропаганда, что в военном отношении было лишено смысла, поскольку ни о каких предполагаемых военных операциях против них речь не шла.

В связи с польским походом Красной Армии в сентябре 1939 г. в советской пропаганде выдвигалась тема освободительной миссии Советского Союза. Все органы пропаганды и информации получили указание активно писать о советских воинах-освободителях, которые пришли на помощь украинцам и белорусам, живущим под гнетом польской буржуазии. И эта тема в отличие от лозунгов, обеляющих фашизм, получила одобрение советских людей, в том числе и интеллигенции. В ряде научных трудов приведено немало высказываний и выдержек из писем участников похода в Польшу, а также советских писателей и журналистов, в которых они практически полностью одобряют и поддерживают "освободительную миссию" Советского Союза.

В дальнейшем, когда из освобожденных территорий стали поступать известия о процессах советизации и коллективизации, об арестах и высылках нежелательных элементов, тон публикаций стал несколько менее восторженным, но в целом идея "освобождения" заняла существенное место в арсенале советской идеологии.

Явно меньший энтузиазм был проявлен по отношению "освободительной" миссии Советского Союза в Финляндии. Это было связано с сильным финским сопротивлением и большими потерями Красной Армии. Сама идея "освобождения" возможно и получила бы большую поддержку, если бы не сопровождалась столь значительными жертвами.

В упомянутой книге В.А. Неvejeва приводятся слова ответственного редактора газеты "Красная Звезда" Е.А. Болтина о том, что войну с Финляндией мы начали под лозунгом выполнения Красной Армией ее интернациональных задач. Однако практика заставила нас убедиться, что этот лозунг, обращенный к красноармейцам, оказался неправильным, и его пришлось заменить другим, правильным — о защите северо-западных границ СССР и Ленинграда³⁴.

Идея освобождения и освободительной миссии, получившая распространение с сентября 1939 г., трансформировалась летом 1940 г. в теорию "расширения социализма". Она находилась в органической взаимосвязи с постоянным постулатом о капиталистическом окружении и об СССР как "осажденной крепости". В этом плане всякие действия по расширению зоны социализма находили понимание у советских людей.

По свидетельствам Г. Димитрова, еще в ходе беседы в ночь с 7 на 8 сентября 1939 г. Сталин заявил, что он не видит ничего плохого в "расширении социалистической системы... на новые территории и население"³⁵.

В докладе 6 ноября 1939 г. Молотов сказал, что с присоединением Западной Украины и Западной Белоруссии "капиталистическому миру пришлось потесниться и отступить, а СССР вырос на своей территории, а по количеству населения — примерно на 13 млн человек"³⁶. В следующем докладе 1 августа 1940 г. он снова вернулся к этой теме. По его словам, после вхождения Прибалтийских стран в СССР и присоединения Бессарабии и Северной Буковины население Советского Союза увеличилось на 10 млн человек, а вместе с населением Западной Украины и Западной Белоруссии — более чем на 23 млн³⁷. Молотов отметил, что ¹⁹/₂₀ всего этого населения раньше входило в состав Советского Союза, но было силой отторгнуто в момент его военной слабости империалистическими державами Запада. Теперь это население должно воссоединиться с Совет-

ским Союзом. Речь шла и о возвращении исконных земель, и о том самом расширении социализма, о котором говорили Сталин в тесном кругу еще 7—8 сентября 1939 г. и Молотов в публичных речах на сессиях Верховного Совета.

Соответственно эта тема оставалась одной из центральных в идеологическом арсенале советской пропаганды. На совещании 9 сентября 1940 г. в связи с выходом художественного фильма "Закон жизни" Сталин заявил: "С точки зрения борьбы сил в мировом масштабе между социализмом и капитализмом СССР делает большое дело, поскольку мы (Советский Союз) расширяем фронт социализма и сокращаем фронт капитализма"³⁸.

Следует отметить, что во всей пропагандистской работе в связи с реализацией лозунга "расширения социализма" имелись по крайней мере две особенности. Во-первых, население, ничего не зная о секретных договоренностях с Германией, никак не связывало расширение зоны советских территорий с отношениями с Германией. Во-вторых, в силу взятого курса на полное замалчивание военной угрозы со стороны Германии советские идеологи не могли использовать тезис о значении присоединяемых территорий в плане противодействия германскому продвижению на Восток (на что советские дипломаты постоянно намекали в беседах с представителями Великобритании и других стран).

* * *

Примерно с весны 1940 г. в советско-германских отношениях начали сказываться первые признаки напряженности. Как мы знаем, сначала они затронули экономическую сферу, где обе стороны проявляли недовольство взаимным исполнением принятых на себя обязательств. В частных беседах советские руководители разных рангов все чаще выражали недовольство действиями Германии и намекали, что она остается потенциальным противником Советского Союза. И хотя пресса и научные журналы продолжали следовать линии, намеченной в сентябре—октябре 1939 г., тон научных и пропагандистских материалов стал более сдержанным.

Прежняя эйфория в Кремле явно отходила на второй план. Уже не было восхвалений фашистской идеологии и тем более гитлеризма. Участились случаи, когда обобщенная безымянная критика империализма могла подразумевать и Великобританию, и Германию. В.А. Невежин приводит пример, когда Сталин говорил в марте 1940 г. советскому генералу Петрову: "Учтите: договор с Германией, хотя мы и подписали, но фашистская Германия была и остается нашим злейшим врагом"³⁹.

Весной 1940 г. Москву посетила известная польская писательница В. Василевская. В беседе с ней Сталин заявил 28 июня 1940 г., что война с немцами начнется "рано или поздно"⁴⁰.

И таких заявлений, намеков или полунамеков становилось летом 1940 г. все больше. Совершенно ясно, что советские деятели разных рангов (писатели, ученые, служащие наркоматов, руководители средств информации) могли это делать лишь при одном условии — они знали о настроениях в Кремле. И хотя не было никаких специальных постановлений по этому поводу, но разными способами и Молотов, и Жданов и, наконец, сам Сталин выражали растущее недовольство Москвы поведением германских лидеров, которые по всем линиям демонстрировали явные препятствия для реализации экономических связей и осуществляли самостоятельные (без консультации с Москвой) действия в разных регионах мира. Беспокойство значительно возросло после молниеносного разгрома Франции, когда рухнули надежды Сталина на длительный конфликт Германии с ее противниками в Европе.

Аналогичные тенденции стали заметны и в действиях Коминтерна. Анализ многочисленных документов Коминтерна показывает, что летом 1940 г. проявились признаки его переориентации. 8 июня 1940 г. в директивах компартии Голландии давались рекомендации усилить сопротивление германской оккупации. Аналогичные советы направлялись другим компартиям⁴¹.

Значительные дискуссии проходили в Коминтерне в связи с выработкой новой позиции французской компартии. После многочисленных согласований с Москвой было определено, что продолжающаяся борьба с собственной буржуазией должна увязываться с борьбой против иноземных (т.е. немецких) захватчиков.

Интересна оценка момента, данная германскими коммунистами 24 мая 1940 г. Уже говорилось (явно с согласия Москвы) об империалистическом насилии со стороны германской буржуазии, о сочувствии германских коммунистов народам Дании, Норвегии, Бельгии, Люксембурга, поработанным польскому, чешскому и австрийскому народам⁴².

В ряде документов компартий сохранялись резкие оценки деятельности британских и французских правящих кругов, но теперь они сочетались (чего не разрешалось ранее) с явной критикой германского империализма и его оккупационной политики. В ноябре 1940 г. Г. Димитров говорил Молотову: "Мы взяли курс на разложение оккупационных немецких войск в разных странах". Он спрашивал Молотова, не помешает ли это советской политике, на что получил ответ: "Конечно, это надо делать. Мы не были бы коммунисты, если не вели бы такой курс. Только это надо делать без шума"⁴³.

В это же время Москва стала использовать Коминтерн и для осуждения политики Германии, например, в связи со вторым венским арбитражем и германской политикой на Балканах⁴⁴.

Любопытно и то, что в ряде документов Коминтерна в конце 1940 — начала 1941 г. снова ставился вопрос о возможности создания национальных антифашистских фронтов. При этом речь шла об Италии, Франции и, может быть, других стран⁴⁵.

После неудачи визита Молотова в Берлин тенденции к критике Германии возросли⁴⁶. Примером использования идеологического давления на немцев может служить история с публикацией в газете "Труд" в январе 1941 г. статей немецкого писателя Л. Фейхтвангера, известного своим критическим отношением к нацизму. Этим Москва хотела показать свое недовольство позицией германских представителей на торговых переговорах между СССР и Германией. Известен, в том числе и по дипломатическим каналам, факт недовольства ведомств Геббельса этой советской публикацией. По этой или по другой причине, но немцы в итоге заняли на переговорах более примирительную позицию, а публикация Фейхтвангера была немедленно приостановлена⁴⁷.

Следует особенно подчеркнуть, что многие указанные действия (и со стороны Коминтерна и в советских идеологических и пропагандистских органах) иллюстрировали признаки отрезвления советских лидеров, их постепенный, хотя и весьма ограниченный и осторожный отход от прежней линии на дружбу с Германией, на оправдание фашизма и его идеологии, на отказ от любой критики фашизма (его идеологии, оккупационной практики), на прекращение любой критики германских действий. Но все это было скрыто от общественности. Конечно, сведения об этих переменах доходили до германского руководства. Но оно, как правило, не реагировало на поступающую информацию, видимо, потому, что в Берлине уже приняли решение готовить войну против Советского Союза.

В публичном же плане в советской пропаганде прогерманская линия полностью не прекратилась. По-прежнему материалы о Германии (в том числе и об ее истории) публиковались в малой степени и в весьма общем и примирительном духе. Но все же хвалебный тон этих материалов был явно снижен. Недовольство в Кремле некоторыми действиями Германии, ее нежелание считаться с советскими интересами влияли на содержание и формы советской пропаганды и агитации.

Советская элита получала с лета — осени 1940 г. сигналы, которые несколько разрушали дружественный прогерманский стереотип, созданный осенью 1939 г. Это еще не вылилось в "образ будущего врага", но появились намеки, которые шли в

этом направлении. Они разрушали миф о "вечной и нерушимой советско-германской дружбе и сотрудничестве".

Однако для миллионов советских людей по-прежнему помещались оптимистические статьи в прессе, шли радиопередачи о высоком уровне политических и экономических связей с Германией. Во всяком случае после победных отчетов и докладов о росте силы и могущества Советского Союза не могло возникнуть больших сомнений в правильности и успехах советского внешнеполитического курса на развитие сотрудничества и дружбы с нацистской Германией.

¹ Коминтерн и Вторая мировая война: В 2 ч. М., 1994. Ч. 1. С. 71.

² РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 2. Д. 2. Л. 15–17, 30.

³ Там же. Оп. 18. Д. 1292. Л. 8–9.

⁴ The Diary of Georgi Dimitrov. New Haven, 2003. P. 115–116; Коминтерн и Вторая мировая война. Ч. 1. С. 88.

⁵ The Diary of Georgi Dimitrov. P. 11.

⁶ Ibid. P. 10–11.

⁷ Ibid. P. 88–89.

⁸ Ibid. P. 141–143.

⁹ Ibid.

¹⁰ Ibid. P. 184–185.

¹¹ Ibid.

¹² Правда. 1939. 1 нояб.

¹³ Коммунистический Интернационал. 1939. № 8–9. С. 11.

¹⁴ Коминтерн и Вторая мировой война. Ч. 1. С. 218–226.

¹⁵ Коммунистический Интернационал. 1939. № 8–9. С. 32.

¹⁶ Там же. С. 33.

¹⁷ Там же. 1940. № 5. С. 7.

¹⁸ Там же. 1940. № 3–4. С. 6.

¹⁹ Правда. 1939. 1 сент.

²⁰ Эренбург И.Г. Люди, годы, жизнь. Воспоминания: В 3 т. М., 1990. Т. 2. С. 204; Невежин В.А. Синдром наступательной войны: Советская пропаганда в преддверии "священных боев". 1939–1941 гг. М., 1997. С. 55.

²¹ Documents on German Foreign Policy. 1918–1945. L., 1937–1995. Vol. VIII. P. 12.

²² Цит. по: Невежин А.В. Указ. соч. С. 55.

²³ РГАСПИ. Ф. 5446. Оп. 82. Д. 110. Л. 66.

²⁴ Там же. Л. 149 об.

²⁵ Там же. Л. 148.

²⁶ Там же. Л. 145 об.

²⁷ Там же. Л. 144.

²⁸ Там же. Л. 144 об.

²⁹ Там же. Л. 147.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. Д. 67. Л. 83.

- ³² Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия: В 2 кн. М., 1989. Кн. 1. Ч. 2. С. 131 – 132; Невежин В.А. Указ. соч. С. 57.
- ³³ Правда. 1939. 14 сент.
- ³⁴ См.: Невежин В.А. Указ. соч.
- ³⁵ The Diary of Georgi Dimitrov. P. 182.
- ³⁶ Правда. 1939. 8 нояб.
- ³⁷ Коммунистический Интернационал. 1940. № 7. С. 7.
- ³⁸ См.: Невежин В.А. Указ. соч.
- ³⁹ Там же. С. 129.
- ⁴⁰ Отечественная история. 1998. № 4. С. 19 – 31.
- ⁴¹ Коминтерн и Вторая мировая война. Ч. 1. С. 356, 357 – 367.
- ⁴² Там же. С. 347 – 352.
- ⁴³ Там же. С. 40.
- ⁴⁴ Там же. С. 411 – 412, 343.
- ⁴⁵ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1331. Л. 89; Оп. 10а. Д. 124. Л. 2 – 3; о некоторых новых тенденциях в деятельности Коминтерна в начале 1941 г. см.: Bayerlein B.H. "Der Verräter, Stalin, bist Du!". Vom Ende der linken Solidarität Komintern und kommunistische Parteien im Zweiten Weltkrieg 1939 – 1941. Berlin, 2008. S. 320 – 326.
- ⁴⁶ Подробнее об этом см. в заключительном разделе "Канун трагедии".
- ⁴⁷ Новая и новейшая история. 1990. № 1. С. 98 – 118; Невежин В.А. Указ. соч. С. 129 – 130.

Часть II

**Надежды и разочарования.
Германия ужесточает курс.
Сталин перед выбором**

Стремительное и неожиданное поражение Франции и оккупация Германией большей части Западной и Северной Европы означало, что Гитлер выполнил часть своего стратегического плана — был разгромлен давний противник (Франция), а Великобритания отгеснена на острова. Теперь предстояло определить дальнейшее направление действий — либо подготовка к вторжению в Англию, либо движение в сторону Балкан, либо поворот на Восток, поскольку сокрушение России оставалось одной из главных задач нацистского режима.

В совершенно новой ситуации оказалось советское руководство. В изменившихся условиях необходимо было определить действия на ближайшее время и главное на длительную перспективу, поскольку идея Сталина находиться "над схваткой" и использовать в полной мере войну между двумя империалистическими группировками уже не могла быть реализована.

На фоне нарастания напряженности в советско-германских отношениях раскрываются итоги поездки В.М. Молотова в Берлин, определившей новые установки Кремля в отношении Германии, маневры в Лондоне и реакция Москвы на перспективы советско-английских отношений. Значительное внимание уделяется противоборству великих держав на Балканах, куда все больше смещались интересы воюющих сторон.

Осознав изменившуюся международную обстановку, руководство Кремля с конца 1940 г. взяло курс на постепенную подготовку к возможному столкновению с Германией.

В завершающих разделах рассматриваются внешнеполитические усилия советского руководства и меры, предпринимаемые внутри страны, в связи с нарастающей угрозой войны с Германией против СССР.

Присоединение и советизация Прибалтики

События в Прибалтике лета 1940 г. продолжают привлекать внимание многих историков, общественных деятелей и журналистов, в том числе в самих странах Балтии. За годы после обретения независимости там было издано значительное число научных и публицистических книг, статей и сборников документов, проведены десятки конференций и круглых столов, в которых шла речь о событиях 1939—1940 гг.¹ Особый всплеск интереса произошел в связи с празднованием 60-летия окончания Второй мировой войны.

Большинство авторов и общественных деятелей этих государств называют тот период началом "советской оккупации", которую доводят до 1990 г. Характерная черта изданных здесь исторических трудов состоит также в явной недооценке внутренних процессов в Литве, Латвии и Эстонии, выразившихся в недовольстве значительной части населения социально-экономической и политической ситуацией, на основе чего усиливались позиции левых сил. Не берется в расчет и такой фактор, как понимание того, что страны Прибалтики находились между Германией и Советским Союзом и некоторая часть этих сил, в том числе и среди интеллигенции, была готова сделать выбор в пользу Советского Союза.

Анализируя современную историческую литературу стран Балтии, необходимо выделить объемистый труд эстонского историка Магнуса Ильмярва "Тихое подчинение" ("Silent Submission")², в котором дается несколько иная трактовка событий 1939—1940 г. в Прибалтике. Основные положения автора сводятся к тому, что авторитарные режимы, установившиеся в Эстонии, Латвии и Литве еще в середине 30-х годов, вызывали недовольство широких масс населения, в том числе интеллигенции, особенно левого направления. Все внутри- и внешнеполитические решения правительств этих стран принимались без широкой информированности населения.

В своей недавно изданной книге "Прибалтика и Кремль" российский историк Е. Зубкова пишет в этой связи: "Отсутствие политического плюрализма, подавление оппозиции, усиление государственного контроля в сфере экономики, национализм и ограничение прав национальных меньшинств — эта

тенденция проявилась в Литве, Латвии и Эстонии по-разному и с разной степенью интенсивности, но эволюция всех трех Балтийских стран накануне советского вторжения шла именно в этом направлении"³.

М. Ильмярв констатирует, что элита всех трех стран постоянно стремилась ориентироваться на великие державы, среди которых первое место принадлежало Германии. Именно такая направленность преваляровала и в действиях прибалтийских лидеров в драматические 1939—1940-е годы. Опираясь на эту линию, они склонялись то в пользу Германии, то СССР, при этом левые круги предпочитали в этой ситуации Советский Союз.

Проблема "выбора" между Германией и СССР действительно существовала. Е. Зубкова приводит следующую цитату из книги А. Штротаса: «После 1933 г. прогрессивные интеллектуалы, видя усиливающуюся нацистскую угрозу, начали думать о возможности включения своих стран в "интернационалистский" Советский Союз, предпочитая его Третьему рейху»⁴. Теория "выбора" широко обсуждалась в кругах интеллигенции всех трех Балтийских республик. Советский дипломат писал из Латвии в сентябре 1939 г.: "Значительная часть влиятельных кругов восприняла пакт (о взаимопомощи между СССР и Латвией. — А.Ч.) как наименьшее зло — лучше мол быть под влиянием русских, чем немцев, ибо при русских латыши все же сохранят свою национальность, а немцы уничтожат не только национальную культуру, но и самих латышей»⁵.

Анализируя состав первых правительств Эстонии, Латвии и Литвы, М. Ильмярв отмечает, что это были видные представители прибалтийской интеллигенции левого спектра. Он дает и своеобразную трактовку действий СССР. Основываясь на определении понятия "оккупация" в международных правовых документах, которое означает занятие войсками всей или части чужой территории, автор не считает советские действия оккупацией в точном смысле этого слова, называя их "оккупацией мирными способами" (или "мирной оккупацией").

Представляется, что именно значительное внимание автора к внутривластной ситуации в Прибалтийских странах, к расстроению общества и политических элит, к постоянной ориентации на великие державы дает возможность представить картину событий 1939—1940 гг. более сложной и многофакторной, чем это делает большинство современных историков стран Балтии. Не случайно книга М. Ильмярва вызвала широкую полемику в Эстонии и явное недовольство в националистических кругах эстонской элиты.

Все сказанное не оправдывает противоправных и аморальных акций сталинского руководства, так же как и массовых репрессий против местного населения. Но учет различных факто-

ров абсолютно необходим, в том числе внутренней политики, реакции Германии, Англии и Франции на события в Прибалтике летом 1940 г. Кроме того, вызывает много вопросов и возражений характеристика положения в странах Балтии после 1945 г. как продолжение советской оккупации. Хорошо известно, что в послевоенной Прибалтике не было советских войск и что советский режим в этих республиках был даже более либеральным, чем на остальной территории СССР.

В последние годы ряд историков стран Балтии включились в кампанию по оправданию действий тех, кто сотрудничал с нацистами в годы Второй мировой войны. Они считают этих коллаборационистов ветеранами войны, давая им часто большие привилегии, чем тем, кто воевал против немецких оккупантов.

К сожалению, историография Балтийских стран демонстрирует постоянную связь с интересами современных политиков этих государств, что ведет к политизации истории, как бы стимулируя те круги в России, которые в ответ пытаются полностью оправдывать действия сталинского руководства в 1939 — 1941 гг. Тем самым создается некий заколдованный круг, который предельно затрудняет возможности для поиска каких-либо компромиссных формулировок.

В то же время и в российской исторической литературе за последние годы произошло заметное размежевание. После известного Постановления Съезда народных депутатов, осудившего советско-германский пакт 1939 г., в исторической литературе и публицистике стали преобладать оценки летних событий 1940 г. как нарушение принципов международного права и морали.

Однако с середины 90-х годов появились работы, авторы которых или возвращались к старым оценкам (согласно им действия сталинского руководства диктовались только соображениями обеспечения безопасности страны), или давали более сбалансированные объяснения событий тех лет. При этом снова возрос интерес к внутренним прибалтийским аспектам рассматриваемого периода, к анализу режимов в Латвии, Литве и Эстонии, существовавших до 1940 г. Различия в освещении событий отражали отношение к более общим вопросам, прежде всего к советско-германским договорам 1939 г., положению Советского Союза в Европе и в мире в 1939 — 1941 гг. Российские историки Н.С. Лебедева и Е.Ю. Зубкова, трактуя события 1940 г., считают период с 15 — 17 июня до 3 — 5 августа оккупацией Прибалтийских стран (хотя, как пишет Зубкова, и с большей долей условности), а после вхождения их в состав СССР они стали частью "коммунистического режима" советского образца⁶.

За прошедшие годы после распада СССР и образования независимых государств, в том числе и в Балтийском регионе,

после обнародования секретных протоколов к советско-германским договорам и публикации множества документальных свидетельств появилась возможность воссоздать реальную картину происходившего, с учетом всей совокупности самых разнообразных и противоречивых факторов развития, международных и внутривосточных аспектов. Необходимость именно такого подхода была подтверждена и стала очевидной и в связи с празднованием 60-летия окончания Второй мировой войны. Эта годовщина показала также непродуктивность излишней политизации истории, ее подчиненности потребностям определенных политических кругов.

Несомненно, драматичность событий 1940 г. и их острое восприятие в странах Балтии и во всем мире продолжает оказывать влияние на историографию, порождая споры и различия в оценках.

* * *

Обращаясь к истории присоединения Прибалтики к Советскому Союзу летом 1940 г., следует сконцентрировать внимание на нескольких моментах. Прежде всего встают вопросы, каким образом и в какое время Сталин намеревался решать прибалтийскую проблему после сентября 1939 г. Это относилось ко всем территориям, отошедшим к сфере советских интересов. С ответом на эти вопросы связаны следующие: когда и почему советское руководство приняло решение приступить к решению проблем Прибалтики.

Прежде всего необходимо учитывать необходимость обеспечения безопасности СССР, которая встала особенно остро в условиях Второй мировой войны и быстрых германских побед в Европе. Важно также иметь в виду внутренние факторы развития Балтийского региона и весь аспект двустороннего взаимодействия советских властей с правительствами и общественными организациями Латвии, Литвы и Эстонии. Наконец, весьма интересен для исследователей этой темы анализ внешнего контекста событий 1940 г., куда входят и расчеты Советского Союза, и вся международная обстановка весной и летом 1940 г., и реакция обоих воюющих блоков на возможные и реальные действия СССР в Прибалтике.

Мы помним, что вопрос о советских гарантиях в Прибалтике был одним из ведущих на англо-франко-советских переговорах летом 1939 г. Как отмечалось выше, в какой-то мере решения, принятые в ходе переговоров о заключении советско-германского пакта в августе 1939 г., были неожиданными для Москвы. Максимум, чего добивались представители СССР на упомянутых переговорах с Англией и Францией, было согласие

Польши и Румынии на проход советских войск через их территорию в случае общих военных действий предполагаемых союзников. В отношении же Прибалтики на протяжении всего 1939 г. намерения СССР концентрировались на нейтрализации Прибалтики, ослаблении там германского влияния и усилении своей роли в этом регионе. В таких условиях произошло подписание пакта Молотова – Риббентропа и признание Германией включения Прибалтики в сферу советских интересов.

Судьба Восточной Польши решалась в условиях разгрома Польши немецкими войсками в сентябре 1939 г. А в Прибалтике, Финляндии и Бессарабии советским лидерам предстояло действовать самостоятельно. При этом была своя специфика в отношении Бессарабии. Ее захват Румынией никогда не признавался Советским Союзом, поэтому ее возвращение было как бы естественным его требованием. Что касается Прибалтики и Финляндии, и здесь ситуация имела свою специфику. Латвия, Литва, Эстония и Финляндия, бывшие ранее частью Российской империи, после революции в России стали самостоятельными государствами, с которыми СССР имел нормальные дипломатические отношения со всеми вытекающими международно-правовыми последствиями.

Как уже отмечалось, согласно документам АВП РФ два отдела Наркоминдела в начале сентября 1939 г. начали готовить проекты новых договоров о взаимопомощи с Латвией, Литвой, Эстонией, которые были подписаны в сентябре – октябре 1939 г.⁷ Теперь известно во всех деталях, что, отдавая эти территории в сферу интересов своего нового союзника, Гитлер рассчитывал в ходе будущей войны, в том числе против СССР, вернуть их "Великой Германии".

Но об этом в сентябре – октябре 1939 г. речь не шла. Сталин и Молотов, очевидно, приняли решение вернуть в сферу советского влияния то, что прежде принадлежало Российской империи, укрепляя тем самым свои границы и безопасность. Осуществить это намерение предполагалось в несколько этапов.

Согласно договорам о взаимопомощи страны Балтии сохраняли свою независимость. Судя по заявлениям Сталина и Молотова, расчет делался на постепенное усиление советского влияния в странах Прибалтики.

В Москве верили также, что антинародная политика руководства в этих странах будет усиливать недовольство среди населения, которое в итоге приведет к постепенной смене режимов и приходу к власти левых сил, ориентирующихся на Советский Союз.

Естественно, в Москве учитывали и общее развитие международной обстановки. Были критически проанализированы и

учтены ход и итоги финской кампании. "Странная война" между Германией, с одной стороны, Англией и Францией, с другой, давала Сталину возможность для маневра, для постепенного усиления влияния в Прибалтийских странах. Как свидетельствуют документы (и опубликованные, и архивные), до мая 1940 г. обстановка здесь не обострялась. Советские военные, расквартированные в Латвии, Литве и Эстонии, получили строгий приказ не выходить за расположение советских баз и по возможности не вмешиваться в жизнь Балтийских республик, избегать тесных отношений с населением.

Судя по документам, в Москве проявляли недовольство излишне активными контактами советских военных с местным населением. В октябре 1939 г. Молотов писал советскому полпреду в Эстонии К.Н. Никитину: «Нашей политики в Эстонии в связи с советско-эстонским пактом о взаимопомощи Вы не поняли. Видно, что Вас ветром понесло по линии настроений советизации. Вы обязаны, наконец, понять, что всякое поощрение этих настроений насчет "советизации" Эстонии или даже простое непотребление этим настроениям на руку нашим врагам и антисоветским провокаторам. Главное, о чем Вы должны помнить, — это не допускать никакого вмешательства в дела Эстонии»⁸.

В инструкции Молотова, данной советскому полпреду в Литве Н.Г. Позднякову еще 14 октября 1939 г., советский нарком писал: "Всякие заигрывания и общения с левыми кругами сократите"⁹. А через неделю Молотов снова повторил: "Малейшая попытка кого-либо из вас вмешаться во внутренние дела Литвы повлечет строжайшую кару на виновного... Следует отбросить, как провокационную и вредную, болтовню о советизации Литвы"¹⁰. Об этом же говорилось и в приказе наркома обороны, в котором предписывалось пресекать "самым беспощадным образом настроения и разговоры о советизации среди военнослужащих"¹¹. Судя по документам, до весны 1940 г. эти приказы сохраняли силу.

По запросам и инструкциям из Москвы советские полпреды в Латвии, Литве и Эстонии направляли в центр аналитические обзоры и телеграммы, в которых отмечался рост недовольства широких слоев населения экономическим положением и социальной политикой режимов Ульманиса в Латвии, Сметоны в Литве и Пятса в Эстонии. Эти режимы характеризовались как профашистские, антинародные и ультрареакционные.

4 декабря 1939 г. советский посол в Латвии И.С. Зотов направил в Наркоминдел пространное письмо, в котором писал о постоянном саботаже со стороны латвийских властей действий советских воинских частей, о попытках всячески изолировать и советское полпредство и торгпредства. По его словам, в речах

министров проводится мысль, что свою независимость Латвия может защитить только сама¹². И хотя в официальных беседах латвийские деятели постоянно заверяют советских представителей, что они намерены выполнять условия договора о взаимопомощи, на деле все выглядело иначе. Последний раздел письма озаглавлен "Симпатии латвийского народа к СССР и меры правительства". В нем сообщалось, что, несмотря на притеснения и преследования на фабриках и заводах, трудящиеся благожелательно настроены к Советскому Союзу.

В тот же день в аналогичном духе в Москву было направлено письмо Н.Г. Позднякова. Он писал, что литовская буржуазия отрицательно относится к расположению частей Красной Армии в стране и стремится опорочить ее в глазах населения. В то же время прогрессивные круги по-иному оценивают положение. "Люди прямо заявляют, что с приходом советских войск стало спокойнее за судьбу Литвы, за судьбу ее независимости и трудящегося населения. Создалась уверенность в том, что никакой враг, а главным образом Германия, в Литву уже не сунется"¹³.

В дневнике советского полпреда в Эстонии К.Н. Никитина давалась примерно схожая оценка обстановки в Эстонии. Правда, он одновременно весьма обеспокоенно писал о случаях "самовольного обмена валюты со стороны советских красноармейцев и краснофлотцев и о необходимости выдавать пайки советским войскам в эстонских кронах" и т.п.¹⁴

В январе 1940 г. в пространном письме из Риги И.С. Зотов сообщал, что латвийское правительство выполняет пакт о взаимопомощи с большим нежеланием и затягивает разрешение жизненно необходимых вопросов. Организованно ведется пропаганда против СССР и советских гарнизонов; в министерстве общественных дел создан отдел по фабрикации антисоветских слухов; усиленно вынашивается мысль "спихнуть" к весне советские базы в море и навсегда "покончить с русскими"¹⁵.

В письме из Риги 10 марта 1940 г. Зотов пишет об ухудшающемся экономическом положении, о неурожае и об усилении недовольства населения политикой правительства Ульманиса, что выражается в оживлении деятельности революционных элементов, призывах к свержению правительства, в ярко выраженных симпатиях к советским гарнизонам¹⁶.

В письме из Каунаса Н.Г. Поздняков описывал ситуацию в более спокойных тонах, считая, что литовские власти будут лояльно выполнять обязательства по договору с СССР, но одновременно постоянно ориентируются на Англию и Францию, надеясь на их победу¹⁷. Он переслал в Москву выдержки из бюллетеня департамента государственной безопасности Литвы, в котором отмечалось ухудшение экономического положе-

ния рабочих, повышение цен на продовольственные товары. Директор департамента признает, что агенты Коммунистической партии умело используют ситуацию для своей пропаганды. По мнению Позднякова, необходимо удовлетворить ряд требований рабочих, чтобы подавить их протест против существующего социального строя¹⁸.

В обширном политотчете советского полпреда в Литве от 30 марта делается вывод: литовцы согласились на договор с Советским Союзом как на наименьшее зло, без всякой искренности, от договора они будут пытаться освободиться при первой же возможности, "правящая верхушка Литвы меньше всего ценит созданное Советским Союзом спокойствие в этом участке Европы"¹⁹.

Во всех трех Прибалтийских республиках компартии при поддержке советских представителей значительно активизировались. 3 марта компартия Латвии обнародовала резолюцию, в которой в качестве главной была поставлена задача "свержения фашистской диктатуры"²⁰. В апреле аналогичное воззвание было принято компартией Эстонии, в котором она призывала к свержению реакционного правительства Пятса — Лайдонера и его замене народным правительством. В мае схожее заявление было принято и компартией Литвы²¹.

Примерно с декабря 1939 г. советское руководство начало обращать внимание на активность так называемой Балтийской Антанты. Впервые после годичного перерыва ее заседание состоялось 7 — 8 декабря 1939 г. в Таллине. В связи с этим Поздняков писал Молотову из Литвы: «Любопытно, почему вдруг правительства Литвы, Латвии и Эстонии заторопились с созывом давно не состоявшейся конференции министров (Балтийская Антанта) и намечают провести ее в первых числах декабря месяца. Им, видимо, нужно о чем-то поговорить и затем сговориться. Зачем, спрашивается, после визита в Эстонию на днях в Литву приезжал с визитом "вежливости" начальник латвийского генерального штаба»²².

С 14 по 16 марта 1940 г. в Риге проходила новая конференция министров Балтийских стран. Представитель советского посольства в Риге сообщал в Москву, что на ней рассматривался вопрос о распространении военного оборонительного союза, который Латвия уже имеет с Эстонией, и на Литву. По его мнению, речь идет о создании "тайного военного союза между тремя Балтийскими странами, который направлен против СССР"²³. Позднее в письме к Молотову ответственный руководитель ТАСС Я. Хавинсон прямо назвал Балтийскую Антанту "легальной формой англо-французского влияния в Прибалтике" и отмечал, что в настоящее время "Балтийская Антанта занята закулисной антисоветской возней"²⁴. Параллельно с

информацией об активности Балтийской Антанты советские представители в Латвии, Литве и Эстонии обращали постоянное внимание на попытки Англии и Франции усилить свое влияние в этих странах также в антисоветских целях.

Вся эта информация внимательно отслеживалась в Москве. Однако до конца февраля, видимо, в связи с продолжающейся зимней войной, советское руководство не предпринимало каких-либо активных действий в отношении Прибалтики. Отметим лишь директиву наркома обороны Советского Союза о повышении боеготовности расположенных здесь частей Красной Армии, направленную в войска в начале февраля²⁵. Как следует из доклада Тимошенко Сталину, ко 2 мая в Прибалтике насчитывалось 66 976 человек, 1630 орудий и минометов, 1065 танков, 150 бронемашин, 526 самолетов²⁶. 28 февраля было принято постановление Совнаркома "О мероприятиях, связанных с размещением советских вооруженных сил на территории Эстонии, Латвии и Литвы"²⁷.

Показателем растущего внимания в Москве к Прибалтике может служить и специальная резолюция Секретариата Исполкома Коминтерна по литовскому вопросу, принятая 23 марта. Коммунистам Литвы предлагалось усилить борьбу за создание массового движения народного фронта, который поддерживал бы политику СССР. Коммунисты должны были выступать против любой поддержки "англо-французских поджигателей войны", против любых контактов с противниками советско-германского пакта, делающих ставку на разрыв между Германией и СССР²⁸.

Очевидно, после окончания зимней войны в Москве начали подумывать об активизации советских действий в Прибалтике. Именно с этим была связана подготовка в Наркоминделе и в других советских ведомствах аналитических материалов о внутривосточной ситуации в Прибалтике и о внешнеполитической ориентации правительств Латвии, Литвы и Эстонии. Даже если отбросить явную заданность отчетов советских представительств из Прибалтийских стран, было ясно, что внутривосточная ситуация в этих государствах была далеко не "идиллической". Их авторитарные режимы и социальная политика вызвали недовольство части населения, к тому же явно ухудшалось экономическое положение. На этой основе росли левые настроения.

Учитывая международную ситуацию и внутривосточное положение, правящие круги стран Прибалтики должны были проявлять осторожность и понимать, что их попытки объединить свои действия могут вызвать недовольство и ответную реакцию в Москве. До апреля 1940 г. Советский Союз не предпринимал каких-либо активных действий. Видимо, руководст-

во СССР, особенно в условиях советско-финской войны, стремилось не обострять отношений с правительствами Латвии, Литвы и Эстонии. Такая линия была понятной еще и потому, что в Москве нуждались в посредничестве Швеции, в спокойной позиции Англии в условиях начала и хода мирных переговоров с Финляндией.

Однако в апреле—мае произошли кардинальные перемены в международной ситуации, особенно в ходе войны между Германией и англо-французским блоком, что сказалось на настроениях, планах и действиях советского руководства. До этого времени оно рассчитывало на продолжающуюся длительную и вялую войну между двумя империалистическими блоками. Но 9 апреля начался новый драматический период европейской истории. В этот день германские войска вступили в Данию и Норвегию, 10 мая — в Бельгию и Голландию, а затем вторглись во Францию. 20 мая немецкие вооруженные силы вышли к Ла-Маншу, а в начале июня почти без сопротивления пал Париж. Французская армия была разгромлена буквально в несколько недель, а британский экспедиционный корпус, потерпев поражение в сражении под Дюнкерком, покинул континент и вернулся в Британию. Англия постоянно ожидала немецкого вторжения.

Странная война, которая велась в Европе после сентября 1939 г., таким же странным образом закончилась совершенно неожиданным молниеносным разгромом Франции. Фактически большинство европейских стран оказались в германских руках.

По свидетельству очевидцев, в Москве были потрясены таким стремительным поворотом в войне. Расчеты Сталина на длительное противостояние воюющих держав и на возможность долгого использования Советским Союзом этого конфликта не оправдались. Прежде всего в Кремле справедливо опасались, что Германия может постепенно потерять интерес к СССР, поскольку страх перед угрозой войны на два фронта уже почти не существовал. Отмечаемые признаки периодического роста напряженности в советско-германских отношениях могли нарастать. К тому же в телеграммах советских послов из Прибалтики проскальзывала мысль о сохраняющемся интересе Германии к этому региону, хотя официально ее деятели разных уровней заверяли Москву, что ни Прибалтика, ни Финляндия больше не входят в сферу немецких интересов.

Для Сталина были неясны намерения Гитлера после победы над Францией: обратится ли он к подготовке вторжения в Великобританию или примет какие-либо иные решения. После захвата Германией практически большей части Европы и усиления хотя и скрытых, но очевидных для Москвы противоречий с Германией перед советскими лидерами все более вставал вопрос

о безопасности страны и создании более благоприятных условий на случай столкновения или даже войны с Германией. И в этом плане Сталин явно стремился продвинуться на Запад и предотвратить германское проникновение, преобладание или даже захват Прибалтики. И это обстоятельство также побуждало Москву ускорить решение прибалтийской проблемы.

Советское руководство понимало, что не могло быть и речи о серьезной реакции в оккупированных Германией европейских странах на какие-либо акции СССР в Прибалтике или в других районах. Вместе с тем оно, видимо, постоянно опасалось возможных секретных договоренностей между Германией и Англией, хотя заявление нового британского лидера У. Черчилля о том, что Англия будет вести войну с Германией до победного конца, несколько успокаивало. Именно в те дни впервые за много месяцев Сталин лично принял нового британского посла в Советском Союзе Стаффорда Криппса, но, как известно, дальше этого жеста дело не пошло.

В условиях, когда вся Европа была потрясена столь быстрыми германскими победами и когда можно было ожидать немецкое продвижение на Юг, Юго-Восток Европы и на Балканы, видимо, Сталин и решил ускорить решение прибалтийской проблемы. Мы не располагаем документами о каких-либо заседаниях Политбюро, касающихся обсуждения вопросов внешней политики. Но, учитывая дальнейший ход событий, можно предположить, что, получив известие о выходе 20 мая немецких войск к Ла-Маншу и фактическом разгроме Франции, советское руководство, видимо, немедленно приступило к действиям в Прибалтике. С учетом многочисленных фактов из донесений советских послов об усилении левых сил в Прибалтийских странах, скорее всего, в Москве полагали, что наступила благоприятная ситуация для изменения политической ориентации этих стран и реализации советских намерений.

Сначала сценарий был похож на сентябрьские действия СССР, когда главным требованием Советского Союза было согласие Прибалтики на размещение там советских войск. И на этот раз в конце мая 1940 г. это требование было одним из ключевых. В качестве повода для резких заявлений в Москве выбрали информацию об исчезновении нескольких советских военнослужащих в Литве. Вообще она фигурировала в заявлениях СССР еще в начале мая. Но именно после 20 мая в Москве не только вновь вернулись к этому вопросу, но и сделали его основным. Действия литовских властей квалифицировались как "похищение военнослужащих и как провокационные действия, чреватые самыми тяжелыми последствиями"²⁹. 30 мая в "Правде" появилось официальное сообщение ТАСС, составленное в жесткой форме.

В Литве советские демарши вызвали серьезное беспокойство. В этой связи отметим мнение о ситуации в Каунасе латвийского посла в Литве. Он писал министру иностранных дел Мунтерсу в Ригу, что 25 мая Молотов вызвал литовского посла в Москве и представил ему два документа, в которых речь шла именно об исчезновении советских солдат. По словам латвийского дипломата, литовский министр Урбшис опасается, что Москва имеет более широкие цели. Он чувствует, что советская акция может касаться и Латвии и Эстонии³⁰. Через два дня латвийский посол снова информировал Ригу, что в Каунас прибыл русский генерал А.Д. Лактионов, но он не имел контактов с литовскими властями.

Все это вызывало беспокойство в Каунасе. Правительство впало в депрессию. Никто не сомневается, что русские готовят что-то весьма неприятное и, возможно, выдвинут новые требования³¹.

Спустя несколько дней латвийский посол в Лондоне сообщал в Ригу, что состоялась обычная регулярная встреча балтийских послов, на которой литовский посол информировал о советских требованиях, о вызове премьер-министра Литвы А. Меркиса в Москву. Эстонский посол заявил, что русские выдвигают требования к Эстонии, в частности касающиеся аренды русскими военно-морской базы в Палдиске. Все балтийские дипломаты задавались вопросом, что все это могло бы означать. Они полагали, что применительно к Литве, может быть, речь идет об увеличении гарнизонов или создании специальной полиции, или все это вызвано страхом перед активностью Германии³².

Перед отлетом в Москву 10 июня литовскому министру иностранных дел Урбшису, по его словам, было неясно, чего действительно хотят в Москве³³. 11 июня латвийский министр иностранных дел Мунтерс имел встречу в Риге с заместителем наркома обороны Лактионовым и советским послом Деревянским, на которой советский генерал осуждал инциденты в Литве. В целом вся беседа, как сказал Мунтерс, была живой и дружеской³⁴.

Главным объектом давления Москвы оставалась Литва, Латвии и Эстонии никаких требований пока не предъявлялось. Латвийский посол в Каунасе сообщил 11 июня, что на встрече с литовскими представителями в Москве советские официальные лица впервые критически заговорили о военном сотрудничестве трех стран в военной области, и в частности о подписании Литвой военного соглашения с Латвией и Эстонией³⁵. Все это вместе взятое начало беспокоить уже не только власти Литвы, но также Риги и Таллина.

3 июня последовал приказ наркома обороны СССР, по которому войска, размещенные в Прибалтике, переходили в непо-

средственное подчинение заместителя наркома А.Д. Лактионова³⁶.

7 июня в Москву прибыл премьер-министр Литвы А. Меркис. В беседах с ним Молотов обвинил литовское правительство в нелояльном отношении к СССР, охарактеризовал Балтийскую Антанту как военный союз, направленный против Советского Союза. 11 июня в беседе с Молотовым принял участие и министр иностранных дел Литвы Ю. Урбшис, уже имевший опыт переговоров с советскими представителями в конце сентября — начале октября 1939 г.

На встречах с литовскими лидерами Молотов прежде всего потребовал принять меры против министра внутренних дел и начальника полиции Литвы. 14 июня он заявил о необходимости изменения состава литовского правительства с тем, чтобы оно "честно выполняло бы договор о взаимопомощи" и согласилось на пропуск на территорию Литвы дополнительных частей Красной Армии (имелось в виду еще 9 — 12 дивизий)³⁷. В тот же день требования, изложенные Молотовым, были оформлены как официальное заявление советского правительства.

Помимо вопроса о похищении советских военнослужащих в заявлении делался особый акцент на вступление Литвы в военный союз с Латвией и Эстонией. Это превратило так называемую Балтийскую Антанту в военный союз, направленный против Советского Союза, что является нарушением советско-литовского Договора о взаимопомощи³⁸.

В сложившейся ситуации литовский президент Сметона настаивал на сопротивлении Красной Армии, однако генерал В. Виткаускас отказался от этой идеи. 15 июня в 9 час. 45 мин Ю. Урбшис сообщил Молотову о принятии советских требований и о создании нового правительства Литвы во главе с генералом С. Раштикисом³⁹. Президент Сметона и сопровождавшие его лица перешли границу Германии. Временным президентом Литвы был объявлен премьер-министр А. Меркис.

На следующий день состоялась беседа Молотова с посланником Латвии в Москве Ф. Коуиньшем и латвийскому правительству было направлено заявление правительства СССР. В нем почти дословно повторялась та часть советского обращения к Литве, в которой говорилось о Балтийской Антанте. Латвия обвинялась в привлечении к этому союзу Литвы и в попытках вовлечь в него также и Финляндию. Далее выдвигались те же требования — о вводе дополнительного контингента советских войск и о формировании нового правительства⁴⁰.

Одновременно советское заявление было направлено и правительству Эстонии, фактически дословно повторяя обращение к Латвии⁴¹. Правительству Латвии давался срок для ответа до 23 час. 16 июня, а правительству Эстонии — до 24 час.

И в тот же день обе страны сообщили о принятии советских требований.

Все вопросы, связанные с размещением в Прибалтийских странах новых контингентов советских войск, были оформлены соответствующими протоколами представителей командования Красной Армии и новыми военными представителями Прибалтийских государств. Уполномоченными для ведения дальнейших переговоров Президиум Верховного Совета направил А.Я. Вышинского — в Латвию, В.Г. Деканозова — в Литву и А.А. Жданова — в Эстонию.

Следует отметить, что в заявлениях советского правительства, а также Латвии и Эстонии ни слова не говорилось об изменении статуса этих государств. Так, и.о. президента Литвы Ю. Палецкис отметил, что "первостепенной задачей правительства будет установление подлинно сердечных и дружественных отношений с Советским Союзом, с которым у Литвы существует тесный союз на основе пакта о взаимопомощи"⁴². С такими же словами выступили латвийское и эстонское правительства⁴³.

В отличие от Литвы, президент которой Сметона бежал из страны, латвийский президент К. Ульманис не только председательствовал на заседании кабинета, принявшего советские требования, но и продолжал оставаться формально президентом до 20 июня 1940 г.⁴⁴ Именно Ульманис в обращении по радио к населению Латвии сообщал о вводе советских войск и о формировании нового правительства и заявил, что все это делается на основе решения латвийского правительства. Он призвал дружественно относиться к советским военным, подчеркнув, что конечная и наиболее важная цель состоит в развитии добрососедских отношений с "нашим великим соседом — Советским Союзом"⁴⁵. Назначив Кирхенштейна новым латвийским премьер-министром, Ульманис обратился к нему с теми же призывами⁴⁶. В таком же духе говорил на заседании нового правительства Латвии и его глава Кирхенштейн⁴⁷.

Необходимо подчеркнуть, что в составе новых правительств всех трех республик были представители не компартии, а левой интеллигенции — деятели науки, образования и культуры, достаточно хорошо известные в своих странах, что также усиливало позиции тех кругов, которые лояльно относились к Советскому Союзу и предпочитали выбор в пользу СССР, а не Германии.

Любопытна была реакция Москвы на распространяемые слухи о введении в Прибалтику от 100 до 150 советских военных дивизий по причине неудовольствия Москвы военными победами Германии на Западе, что отражает ухудшение отношений между СССР и Германией. В специальном сообщении

ТАСС от 22 июня 1940 г. все эти слухи были отклонены и заявлено, что в Прибалтике находится всего 18 – 20 дивизий, цель которых состоит в том, чтобы гарантировать выполнение пактов о взаимопомощи между СССР и Балтийскими странами⁴⁸. В сообщении не говорилось ни слова о планах СССР по включению их в состав Советского Союза. Оно вполне соответствовало тому, о чем сказал Сталин осенью 1939 г.: мы не собираемся советизировать эти страны, они сделают это сами.

Теперь же, в июне – июле 1940 г. Москва делала ставку на принятие решений в самих Балтийских государствах. Собственно все условия для этого советские лидеры уже создали (прежде всего для изменения в составах правительств).

По сведениям немецкого посла в Латвии фон Котце, он имел последнюю встречу с Мунтерсом 17 июня. Латвийский министр заявил ему, что он и его коллеги отвергают мнение, что военный пакт между Латвией и Эстонией представляет военный заговор против Советского Союза и враждебен ему. Латвийское правительство было полно решимости, приняв советские требования и реорганизовав состав правительства, налаживать отношения и с правительством СССР, и с советскими военными властями⁴⁹.

Во всех трех Прибалтийских странах левые силы, прежде всего компартии, начали организовывать массовые митинги и демонстрации, создавать различные объединения и союзы, значительно активизировались профсоюзы. 17 июня нарком обороны СССР С.К. Тимошенко, докладывая Сталину о военных мерах в этом регионе, сообщал, что началось разоружение военизированных организаций и изъятие вооружения у населения⁵⁰.

2 июля по предложению Литвы был аннулирован Договор 1937 г. между Эстонией, Латвией и Литвой (Балтийская Антанта). И именно с начала июля на многих больших митингах в Латвии, Литве и Эстонии, организованных компартиями и левыми силами, прозвучали первые заявления и призывы к объединению с Советским Союзом.

Об этих митингах и демонстрациях среди историков существуют различные точки зрения. Они, конечно, проводились с согласия и одобрения советских властей. Но столь же ясно и то, что левые силы в Прибалтийских странах были в числе одних из главных их организаторов.

Советские лидеры составляли свои представления о ситуации в Прибалтике не только из сообщений дипломатов, но и из донесений советских резидентов спецслужб в Прибалтике. Так, советский агент в Эстонии в течение июня – июля 1940 г. информировал в том же духе, и дипломаты. Доклады содержали сведения о митингах и демонстрациях (в Нарве, Изборске

и других городах), направленных против политики буржуазного правительства и буржуазных элементов, о легитимизации компартии, об издании левых и прокоммунистических журналов, о спокойствии в Таллине и т.д. "По улицам иногда ходят люди с эстонскими национальными значками в петлицах, женщины носят белые цветы, подчеркивая этим, что они белые, а не красные. Но таких лиц немного".

Особый интерес представляет информация о слухах о предстоящем столкновении между Германией и Советским Союзом. Такие слухи исходят от контрреволюционных элементов, которые уверяют, что "именно Германия будет освободительницей Эстонии от большевиков". Сообщалось и о выжидательной позиции эстонской интеллигенции.

В своей совокупности донесения дипломатов и разведслужб подкрепляли мнение советских лидеров (а большинство агентурных донесений докладывались от имени Берия лично Сталину и Молотову) о том, что подавляющая часть населения (прежде всего "трудящиеся массы") настроены в пользу Советского Союза.

Началась ускоренная подготовка к выборам в парламенты всех трех государств, которые были намечены на 14 июля. В первых числах июля были образованы избирательные комиссии, где лидирующие позиции занимали представители левых сил, включая коммунистов, и примыкающие к ним организации и люди. Как известно, выборы, проходившие по советскому образцу (лишь при одном кандидате) завершились "полной победой" народных фронтов. При этом процент полученных ими голосов превышал 90%.

Созданные в результате выборов народные сеймы Литвы и Латвии, а также Государственная дума Эстонии приняли решение (21 и 22 июля) просить Верховный Совет СССР включить свои страны в состав Советского Союза в качестве союзных республик. 1–6 августа на заседании VII сессии Верховного Совета эта просьба была удовлетворена.

Итоги этой драматической истории подвел в своем докладе на сессии Молотов. Он заявил, что договора о взаимопомощи не дали должных результатов и не привели к сближению Литвы, Латвии и Эстонии с Советским Союзом, так как этому мешали правящие буржуазные группы. Советский нарком снова упомянул Балтийскую Антанту, охарактеризовав ее как военный союз против СССР с участием всех трех стран после присоединения к нему Литвы. По словам Молотова, пакты о взаимопомощи были грубо нарушены, и СССР больше не мог этого терпеть. Далее он заявил:

"В результате принятых мер и прошедших выборов три Прибалтийские республики вошли в состав СССР, и теперь СССР увеличива-

ет свою численность на 10 млн (включая также Бессарабию и Северную Буковину), а если к этому добавить 13 млн населения Западной Украины и Западной Белоруссии, то СССР увеличил свое население за последний год более чем на 23 млн человек.

Многие из этих территорий раньше входили в СССР, но были силой отторгнуты от СССР в момент его военной слабости. Теперь население страны уже составляет 193 млн человек, и границы СССР будут перенесены на побережье Балтийского моря.

И все это было осуществлено мирным путем при активном участии и поддержке широких народных масс этих стран и с опорой на левые силы в самих этих странах⁵¹.

Подводя итоги произошедшего, можно констатировать, что решение о присоединении к СССР стран Балтии было принято их законодательными органами, хотя выборы в них проходили по советскому сценарию, без альтернативных кандидатов, и что присоединены они были с использованием силы. Затем в Прибалтийских республиках была осуществлена их советизация, в них устанавливались порядки и действовали те же законы, которые существовали на всей территории Советского Союза. Они стали частью СССР. В них действовали советские органы управления и силовые ведомства, в которых преобладающую роль играли и местные национальные кадры.

Нарушения законности и репрессии, которые предпринимались в Прибалтийских республиках, в том числе и массовые депортации, не были чем-то изолированным. Эти методы использовались в отношении многих тысяч граждан СССР на всей его территории.

Советские руководители полагали, что перемены в странах Балтии, вхождение их в состав СССР помимо соображений обеспечения безопасности СССР и расширения зоны социализма отвечали интересам народных масс Литвы, Латвии и Эстонии. Так, социальный аспект и концепция мировой революции тесно соединялись со стратегическими и геополитическими целями. При этом соображения права и морали не брались в расчет. Считалось, что решение судьбы других стран и народов — обычная политическая и дипломатическая практика того времени.

Реакция в мире на события в Прибалтике

Прошлый опыт и выбор момента давали основания советским лидерам не опасаться слишком резкой реакции западных правительств и мировой общественности на присоединение стран Балтии. Договоры о взаимопомощи, заключенные с ними Советским Союзом в конце сентября — начале октября 1939 г.,

предусматривавшие ввод советских войск на их территорию, не вызывали каких-либо сильных протестов западных держав, особенно если сравнить их с гораздо более резкой реакцией на финские события. Видимо, Прибалтика не занимала значительного стратегического места в их политике. Она оценивалась скорее в системе взаимоотношений Германия — Советский Союз — Англия — Франция — Скандинавские страны. И в этом контексте выбор момента в 1940 г. был удобен для Москвы.

* * *

Германия всегда проявляла большую чувствительность к ситуации на Балтике, особенно в отношении Литвы. Судя по откликам, может быть, в Берлине предпочли бы более легкий и постепенный вариант советских действий, но, занятый решающими операциями на западном фронте, Гитлер предоставил Сталину полную свободу действий в отошедшей к СССР сфере интересов. К тому же советские действия 1939 — 1940 гг. были предопределены соглашениями с Германией. Во всяком случае и Шуленбург в Москве, и Риббентроп, и другие официальные лица в Берлине сразу же заявили о своем невмешательстве.

Еще 17 мая 1940 г. Сталин поручил Молотову сообщить Шуленбургу, что СССР решил присоединить Бессарабию и Балтийские страны. Сообщая об этом, советник немецкого посольства в Москве заметил: "Было очевидно, что советское правительство, обеспокоенное быстрыми успехами Германии во Франции, решило расширить и усилить свои позиции в этом районе и добиться максимума преимуществ от соглашений с Германией о разделении сфер интересов"⁵².

17 июня в беседе с Шуленбургом Молотов поздравил посла с победами германской армии на Западе и одновременно информировал его о том, что СССР договорился с Латвией, Литвой и Эстонией о смене в них правительств и о вводе советских войск на их территории. Основной причиной этих мероприятий СССР назвал свое нежелание оставлять в Прибалтийских странах "почву для французских и английских интриг". В то же время СССР не хочет, чтобы оно явилось поводом для ссоры с Германией⁵³.

Спустя месяц, 17 июля во время очередной встречи Молотова с Шуленбургом германский посол заявил: "Германия не имеет намерения вмешиваться в политические дела Прибалтийских государств, но она уверена, что правительство СССР учтет и обеспечит германские экономические интересы в этих государствах"⁵⁴. В связи с этим заметим, что позднее, в сентябре во время довольно острой пикировки советских и германских представителей по вопросу о дунайской комиссии совет-

ская сторона выражала недовольство тем, что немецкое руководство заранее не проинформировало Москву о своих намерениях и, напротив, советское правительство заблаговременно сообщило в Берлин о предпринятых им акциях и в Бессарабии и в Прибалтике, начав их лишь после получения согласия Германии.

На это в целом рутинное замечание неожиданно отреагировал заместитель Риббентропа Вайцзекер, который поручил Шуленбургу обратить внимание советского правительства на следующее различие. "В то время как акция Советского правительства в Литве и вообще в Прибалтийских странах представляла собой *захват* территорий (курсив наш. — А.Ч.) (Вайцзекер сразу же слово "захват" заменил на "приобретение" и просил воспринимать именно в этой редакции), то действия Германии при разрешении венгеро-румынского конфликта были направлены на сохранение мира в этой части Европы"⁵⁵. Конечно, эта немецкая оговорка отражала напряженность в советско-германских отношениях в тот момент и показывала, как в Берлине реально оценивали советские действия в Прибалтике.

Однако в июне — августе 1940 г. Германия уверяла Москву в своем невмешательстве. В то же время в отношениях между Германией и Советским Союзом возник ряд проблем. Прежде всего отметим экономические интересы Германии, о чем говорил Шуленбург во время своих встреч с Молотовым. Немецких представителей волновали вопросы обеспечения имущественных интересов германских граждан в Прибалтике, а также их переселения и лиц немецкой национальности из стран региона (главным образом из Латвии). Для их решения были созданы специальные смешанные комиссии по Латвии и Эстонии и отдельная комиссия по Литве.

В меморандуме Шуленбурга, врученном Молотову 17 июля, были перечислены меры, подлежащие выполнению. Среди них — беспрепятственный перевоз из Латвии и Эстонии в Германию имущества немецких переселенцев, сохранение неприкосновенности собственности германских подданных и лиц немецкой национальности, сохранение объема торговли Германии с Прибалтийскими государствами и т.д. Размер сумм, принадлежащих немецким переселенцам, определялся в 50 млн германских марок, половина которых находилась на счетах Латвийского банка. Речь шла также о немецких кредитах на сумму 30 — 35 млн немецких марок. Всего германские имущественные интересы в Прибалтике оценивались в размере 160 — 180 млн немецких марок⁵⁶.

Наибольшие интересы Германии были связаны с Литвой. В обзорной записке о внешней политике Москвы, подготовленной в советском посольстве в Каунасе, подчеркивались особые

связи между Литвой и Германией. Причем речь шла и о торговле, и об экономических связях, и о геополитических проблемах. Даже если убрать явную идеологизированность автора записки, все равно остается ощущение, что Германия действительно располагала существенными рычагами давления на Литву⁵⁷.

Как и в отношении других стран Балтии, Политбюро ЦК ВКП(б) 24 июля приняло решение о национализации банков и крупной промышленности Литвы. В их число включались предприятия с более чем 20 рабочими, а также особо важные. Германская сторона обратилась с просьбой отказаться от национализации немецких банков, предприятий, зданий, имущества граждан немецкой национальности⁵⁸. 27 июля вечером Сталин лично дал советскому полпреду Позднякову указание приостановить применение в Литве закона о национализации в отношении немецких банков и крупных предприятий. Через 45 минут в повторном разговоре с Каунасом Сталин предложил литовцам сделать исключение для немцев и приостановить действие закона о национализации, имея в виду предстоящее переселение немцев в Германию, с тем чтобы урегулировать эти вопросы в дальнейшем путем прямых переговоров между Москвой и Берлином⁵⁹.

Между СССР и Германией возник еще один вопрос, который также относился к Литве. Он касался небольшого участка территории Литвы, который по советско-германскому протоколу от 28 сентября 1939 г. находился в зоне немецкого влияния⁶⁰, что было некоторой компенсацией за согласие Германии отнести Литву к сфере советских интересов. Но 13 июля 1940 г. Молотов в специальном обращении, подтвердив все формальные права Германии на этот участок прежней литовской территории, в то же время выразил свое и Сталина желание пересмотреть этот вопрос. По словам советских лидеров, теперь в контексте отношений между СССР и Литвой его решение имело бы для СССР особое политическое значение. При этом для немецкого населения, живущего на этой территории, будут созданы все условия для переселения в Германию. Ответ последовал уже после официального вхождения Литвы в СССР. Германское правительство соглашалось приступить к рассмотрению этого вопроса. Однако Берлин отмечал, что это будет большой жертвой для Германии и она интересуется, какую компенсацию СССР готов предложить за просимую территорию⁶¹.

Через несколько дней Молотов вручил Шуленбургу памятную записку, в которой говорилось о невозможности каких-либо уступок со стороны СССР. Отмечалось также, что на территории, на которую претендует Советский Союз, проживает 82,3% литовцев и только 7,3% населения принадлежат к немец-

кой национальности. В итоге СССР предлагал материальную компенсацию в размере 3 млн 860 тыс. золотых долларов, уплачиваемых в течение двух лет. При этом Молотов заявил, что эта сумма составляет половину тех денег, которые США уплатили царской России за полуостров Аляска, что, естественно, не имело никакого отношения к обсуждаемому вопросу.

После долгих переговоров Германия согласилась уступить территорию, которую просил Советский Союз, и 10 января 1941 г. был подписан соответствующий протокол. СССР соглашался уплатить Германии в порядке компенсации 7 млн 500 тыс. золотых долларов (т.е. в 2 раза больше, чем ранее предлагал СССР). Протокол устанавливал порядок выплат — поставками цветных металлов и золотом⁶². К 24 мая 1941 г., т.е. к завершению демаркации этого участка границы, СССР расплатился за уступленную ему территорию.

В состав Советской Литовской Республики включалась часть территорий Белоруссии, где преобладало население литовской национальности. Об этом Литва просила СССР еще в октябре 1939 г. во время переговоров о подписании договора о взаимопомощи. Тогда литовцам было категорически отказано, но теперь этот вопрос был решен.

В дальнейшем между СССР и Германией периодически возникали вопросы (в том числе и спорные) в связи с переселением немцев, финансовыми и иными делами. В частности, 9 сентября немецкая сторона просила Москву оставить германские представительства в Риге и Таллине до окончания переселения немцев, аналогично тому, как это было предусмотрено в Каунасе⁶³. Молотов обещал рассмотреть эту просьбу, но в итоге советское правительство не дало согласия.

Таким образом, как и предполагалось, германская реакция на включение Прибалтики в состав Советского Союза не вызвала каких-либо проблем для Москвы. Возникающие трудности и спорные вопросы были скорее отражением общего характера советско-германских отношений, чем связанными непосредственно с прибалтийскими делами. Германия продолжала нуждаться в союзе с СССР, учитывая неясный исход германо-английского противоборства, нерешенность балканских проблем и т.п. В целом же Гитлер, видимо, считал, что в будущем столкновении с СССР прибалтийские, как и другие вопросы, будут решены в пользу Германии. На данном этапе в Берлине были удовлетворены исходом зимней войны и неудачей СССР с присоединением Финляндии.

Значительно сложнее обстояло дело с реакцией другого блока воюющих держав.

Наиболее ясной с самого начала была позиция Соединенных Штатов Америки. В заявлении заместителя государствен-

ного секретаря США было указано, что США не признают изменений, произошедших в странах Прибалтики, и соответственно отказываются признать их включение в состав Советского Союза. Эта позиция оставалась неизменной и в ходе Второй мировой войны, когда СССР и США были союзниками, и фактически в послевоенное время⁶⁴.

Франция, как раз в те майские и июньские дни 1940 г. была разгромлена Германией и, естественно, практически почти не реагировала на события в Восточной Европе и в Прибалтике. Хотя в нашем распоряжении имеются донесения, которые направлял в вишистскую Францию ее посол в СССР Лабонн⁶⁵.

Безусловно, наиболее активную позицию занимали британские власти. Прежде всего отметим, что в целом английское общественное мнение и средства массовой информации реагировали на события в Прибалтике летом 1940 г. более сдержанно, чем это было осенью 1939 г. во время событий, связанных с Польшей, с первым введением советских войск в Прибалтику и, конечно, с советско-финской войной.

Отметим, что в трудные для Британии дни непосредственно после поражения Франции и опасности германского вторжения все остальные события, в том числе и в Прибалтике, а затем и на Балканах оценивались английскими лидерами в общем контексте международной ситуации и главным образом в связи с войной против Германии. Когда же опасность миновала и Черчилль отклонил всякие возможные соглашения с Германией, началась трудная и многомесячная воздушная и морская война с Германией, британское руководство стало активнее интересоваться международными делами, особенно в тех районах, где можно было ограничить германские аппетиты.

Следует также иметь в виду, что как раз в тот период правительство Англии предпринимало попытки расширить контакты с Советским Союзом. В Москву был назначен новый британский посол Ст. Криппс, который в самый разгар прибалтийского кризиса имел встречи со Сталиным и Молотовым, вручив Сталину послание недавно ставшего премьером У. Черчилля. Очевидно, во время этих бесед и в последующие дни британские представители, пытавшиеся улучшить отношения с Советским Союзом и по возможности ослабить советско-германский альянс, проявляли сдержанность и осмотрительность и в оценке прибалтийской ситуации и в официальной реакции на действия советских властей.

В анализе позиции Англии мы располагаем различными типами документов — среди них донесения британских послов в Прибалтийских странах о ходе событий непосредственно в этих странах, донесения Ст. Криппса из Москвы. Важное значение для понимания британской позиции имели еженедель-

ные донесения английских спецслужб о ситуации в разных районах мира, в том числе в Прибалтике и, наконец, непосредственно материалы британского военного кабинета и Foreign Office, показывающие процесс выработки решения британского правительства. Несомненный интерес представляют и послания советского посольства в Великобритании, а также донесения агентов спецслужб СССР, работающих в Англии.

Итак, обратимся сначала к донесениям британских дипломатов из Прибалтики. 17 июня Престон сообщал из Каунаса о занятии Литвы русскими войсками. Причем, по мнению английского посла, это стало сюрпризом для немцев и не явилось результатом русско-германского соглашения. Вообще в Каунасе преобладает мнение, сообщал он, что русские действия представляют собой удар для Берлина и это может дать преимущество для союзников⁶⁶. Через два дня в следующем послании из Литвы Престон сослался на разговор с советским военным атташе, который заявил, что цель русских войск состоит в том, чтобы продвинуться как можно дальше в направлении Восточной Пруссии⁶⁷. На это влияли и сообщения из Москвы, в которых советские представители стремились успокоить Лондон и, как это уже было в сентябре 1939 г., создать впечатление, что действия СССР имеют антигерманскую направленность. Получая всю эту информацию, военное ведомство Англии направило срочное послание своему послу в Риге и просило выяснить ее подлинность, а также сообщать об оценке силы Красной Армии в Балтийском регионе⁶⁸.

26 июня Престон сообщал из Каунаса, что многие здесь считают русско-германскую войну неизбежной и для многих главная надежда — это Британская империя⁶⁹. 5 июля британский посол в Таллине Гальяни и Престон из Каунаса доносили, что в результате выборов и Эстония и Литва войдут в состав СССР. По словам Престона, хотя Молотов говорил министру иностранных дел Литвы, что ввод русских войск осуществляется с согласия немецкой стороны, многие убеждены в неизбежности войны России с Германией⁷⁰. Уже после выборов Престон назвал единогласное голосование на выборах странным, особенно если учесть, что и социалисты и националисты выступали против включения Литвы в состав Советского Союза⁷¹.

В донесениях британских дипломатов и в разговорах в Лондоне начала фигурировать тема признания или непризнания со стороны Англии присоединения Прибалтики к СССР. Об этом ответственный чиновник Foreign Office Кольер беседовал в Лондоне с эстонским послом, который выражал надежду, что Англия не будет признавать включение Эстонии в состав СССР. Об этом же говорит и литовский посол⁷². Стала обсуждаться и тема статуса нынешних послов Балтийских стран в Англии.

В этой связи представляют интерес донесения британских спецслужб о ситуации в Прибалтике. Анализ обзоров департамента политической разведки МИД Англии с 5 июня до 20 августа в части, касающейся политики СССР, дает большой материал для понимания советских намерений и возможной реакции Лондона. При этом следует иметь в виду, что сами обзоры составлялись в достаточно объективистском, информативном духе. Ознакомление с решениями британского военного кабинета и министерства иностранных дел показывает, что они учитывали информацию своей политической разведки, сопоставляя ее с источниками информации, получаемыми по другим каналам.

5 июня авторы обзора предсказывали попытки СССР усилить свои стратегические позиции в районе Балтийского и Черного морей. Отмечалось, что Россия сильно шокирована столь быстрыми успехами Германии⁷³.

В обзоре за 12 июня речь шла о явном желании советского правительства усилить позиции СССР в Балтийских государствах. С этой целью оно оказывает давление на Литву, Латвию и Эстонию, чтобы покончить там с британским и германским влиянием⁷⁴.

18 июня авторы обзора, информируя о советских требованиях, сообщают о желании СССР усилить *стратегические позиции на Балтике против Германии* (курсив наш. — А.Ч.). Позиция СССР повсюду остается оборонительной, поскольку это касается отношений с Германией. Хотя нет признаков, что Советский Союз намерен ссориться с Германией, однако чувствуется его недоверие к ней, особенно в связи с ее будущими планами⁷⁵. В этом многие страны усматривали возможность обострения отношений между Германией и Советским Союзом. Авторы одного из обзоров пишут, что по соглашению августа 1939 г. Германия предоставила СССР свободу рук на Балтике, и теперь нет свидетельств, что она протестует против избранных СССР методов, считая эти действия нормальными и не показывая признаков беспокойства. Два не особенно доверяющих друг другу партнера следуют своим собственным интересам, но пока не собираются нападать друг на друга. Это, очевидно, отражает намерение Сталина подождать, как будут развиваться события и как Германия будет использовать результаты своей борьбы с Британией. Втягивать себя в войну сейчас, когда Германия еще сильна, было бы для Сталина глупостью⁷⁶.

В обзоре за 25 июня впервые появляется упоминание о напряженности на советско-финской границе: "Советы хотят усилить еще более свои стратегические позиции на Балтике, и это может привести к будущему развитию событий в Финлян-

дии, как это уже имеет место в отношении Балтийских государств⁷⁷. 2 июля авторы обзора пишут о присоединении к СССР Бессарабии и Северной Буковины, считая, что, видимо, Молотов все это согласовал с германским послом, с которым он много раз встречался на прошедшей неделе. Сообщается также, что в последние дни в советской прессе появились такие фразы: "Опасность войны увеличивается для нашей Родины"; "В буржуазных странах усиливается гонка вооружений. Таким образом, возрастает опасность нападения на единственную страну социализма" и т.п.⁷⁸

Обзор за 9 июля содержит подробную информацию о целях СССР на Юго-Востоке Европы и о Турции и ни слова о балтийских делах. Зато опять делается намек на возможные советские действия против Финляндии, при этом отмечается, что они заставят Швецию искать поддержки Германии, хотя это иллюзорные мечты. В то же время делается вывод: кажется, сейчас ситуация менее напряженная⁷⁹. Но уже через неделю, 16 июля констатируется, что "абсорбция Балтийских стран" движется быстро. Произшедшие здесь выборы гарантировали, что выбранные кандидаты будут следовать советским намерениям. "Мирная абсорбция (поглощение) стала значительным успехом для советской дипломатии, а Германии, благодаря ее занятости другими делами, ничего другого не оставалось, как быть заинтересованным свидетелем⁸⁰.

23 июля, сообщая о решении о вхождении трех Балтийских стран в состав Советского Союза, авторы прямо пишут о возможности дальнейших мер в отношении Финляндии. Сталин может попробовать использовать против нее то, что он успешно сделал в Литве, Латвии и Эстонии. Теперь ему не грозит столкновение с Англией и Францией, как это было во время зимней войны. Англия не будет сейчас добавлять СССР в список своих врагов. Германия еще не готова к открытому разрыву с Советским Союзом, так что при изолированной Швеции Финляндия не может рассчитывать на чью-либо поддержку. Эти соображения, конечно, учитываются Сталиным, если он решится возобновить интерес к финской проблеме. Германия, по мнению авторов обзора, также не хочет иметь СССР в числе своих противников, и все это позволяет Сталину сделать то, что он осуществил в Бессарабии, не противопоставляя себя Германии на Балканах⁸¹.

1 августа, говорится в обзоре за 30 июля, наступит последний акт балтийской драмы, когда "советские актеры" искусно сыграют свои роли и формально будет решено включение Балтийских стран в СССР. Авторы сообщают, что послы этих стран протестовали и оспаривали законность процесса. Администрация США объявила о непризнании "инкорпорации" Балтийских государств в состав СССР. В Лондоне пока не отве-

тили на обращение послов, так как оно затрагивает много проблем. Отмечается также, что Германия вряд ли одобрит советские методы давления на своих западных границах. Она уже направила на восток часть своих войск после разгрома Франции и объявила о призыве резервистов. Ясно, что быстрота действий СССР будет вызывать адекватную реакцию Германии.

В обзоре от 6 августа констатировалось, что Балтийские страны потеряли свою независимость, и их жизненный уровень упадет до уровня Советского Союза. Но главный акцент был сделан снова на Финляндию. В речи Молотова на сессии Верховного Совета упоминания о ней были весьма недружественными. Учитывая активность финских коммунистов, можно опасаться, что советское правительство постарается использовать внутреннюю ситуацию в Финляндии⁸².

13 августа авторы обзора, как бы подводя итоги событий, комментировали дружеские пассажи СССР в адрес Германии в противовес Англии. Действительно, с помощью Германии Советский Союз консолидировал свои интересы в Балтийских странах, в Западной Украине и Западной Белоруссии. СССР отклонил английские призывы к улучшению отношений. Теперь, по мнению авторов, добавляются новые осложнения ввиду непризнания Англией нового статуса Эстонии, Латвии и Литвы как членов СССР. Она будет удерживать золотой запас этих стран и принадлежащие им 29 судов. Упоминалось о национализации британской собственности в Литве, Латвии и Эстонии без компенсации.

В обзоре подчеркивается тот факт, что, несмотря на дружеские заверения Молотова, Германия усиливает свою армию в Польше, как бы напоминая Москве важность германо-советского сотрудничества и последствия, которые могут быть в случае его нарушения⁸³.

В обзоре за 20 августа отмечалось, что вопрос об отношениях СССР и Англии в связи с инкорпорацией Балтийских стран еще не урегулирован. Авторы оценивали национализированную британскую собственность в 5,5 млн ф. ст. Тем не менее британские власти рекомендовали своим гражданам покинуть Балтийские страны⁸⁴.

В своей совокупности материалы, представленные департаментом политической разведки МИД Англии, обращали внимание на акции СССР в Прибалтике по большей части в контексте общих международных проблем (отношений в треугольнике СССР — Германия — Англия).

Тем временем в дискуссию о балтийских делах и возможной реакции Великобритании активно включился и британский посол в Москве Стаффорд Криппс. В течение 2 — 4 августа он направил несколько посланий в Foreign Office. 2 августа Криппс сообщал Галифаксу, что Молотов, объясняя включение

Балтийских стран в Советский Союз, ссылаясь на враждебность в отношении СССР действий так называемой Балтийской Антанты⁸⁵. 3 августа из Foreign Office была направлена телеграмма Криппсу, из которой видно, что в британском МИД на основании получаемой информации начал формироваться круг вопросов, представлявших особый интерес для Великобритании. Внешнеполитическое ведомство запрашивало мнение Криппса о проблеме отношения Лондона к прибалтийским событиям⁸⁶. 6 августа МИД писал Криппсу: "Мы стоим перед многими проблемами, в любом случае нам становится трудным избежать ответа (в условиях национализации британской собственности и т.п.)⁸⁷. Вопросы Foreign Office основывались и на упомянутых данных британской политической разведки.

В Foreign Office считали, что инкорпорация Прибалтики Советским Союзом была проведена силой, о чем было сообщено Криппсу 3 августа. Правительство США уже отказалось признать это включение, и американская общественность будет разочарована, если Великобритания одобрит его без убедительных оснований.

Польское правительство (в изгнании) заметило, что признание может создать серьезный прецедент и для них. Наконец, следует иметь в виду, что нельзя допустить признания прав СССР на Прибалтику с учетом отсутствия компенсации за национализированную британскую собственность.

Лондон предлагал Криппсу такой ответ: правительство Великобритании считает, что происшедшие изменения в Балтийских странах не таковы, чтобы прекратить рассматривать их послов как представителей этих стран. При этом необходимо избегать трудности в возможном улучшении отношений с Советами, в частности не усложнить переговоры о торговом соглашении. В то же время Криппсу сообщали, что послы де-факто становятся обычными гражданами и если мы отказываемся де-юре признавать ситуацию, то и они не должны связывать Англии руки. Во всяком случае МИД еще раз повторил важность не усложнять советско-британские отношения. Признание де-факто, по его мнению, было бы достаточной мерой⁸⁸.

Как видим, британская дипломатия пыталась, следуя своей традиции, найти такую форму, которая позволила бы не соглашаться на признание и в то же время "сохранить лицо" для переговоров с Москвой.

На следующий день, 4 августа Криппс направляет пространную телеграмму в Лондон. По его словам, лучшим решением будет объявить о признании де-факто советского суверенитета над тремя территориями. В то же время Криппс ставит вопрос о взаимосвязи различного толкования суверенитетов, в том числе и учет форс-мажорных обстоятельств. Отказ от при-

знания в связи с отсутствием компенсации, по мнению Криппса, опасен, так как может привести к отказу Советов от компенсации за события в Польше, Бессарабии и Буковине. По поводу представительства Балтийских стран в Лондоне Криппс считает, что этот вопрос также сложен, поскольку де-факто Лондон теперь должен иметь дело с Москвой, в том числе и по вопросам, относящимся к Прибалтике. Он предлагает четыре возможных альтернативы: сделать заявления о непризнании, оставить все как есть без всякой декларации, объявить о признании суверенитета де-факто над тремя территориями, признать и де-факто и де-юре. По мнению Криппса, лучшей в настоящий момент может быть третья альтернатива, т.е. признание суверенитета СССР де-факто. Она не будет слишком "наступательной" и в то же время позволит избежать признания де-юре. Криппс призывает не следовать примеру США и настаивает при решении этого вопроса учитывать важность улучшения англо-советских отношений и торгового соглашения (на предстоящих переговорах об этом с А.И. Микояном).

Далее Криппс заявляет, что в сложившихся условиях Россия может занять прибалтийские территории, чтобы помешать Германии использовать их для нападения на СССР. При этом он добавляет, что видит опасность движения СССР в сторону дальнейшего сближения с Германией и ухудшения ситуации на Ближнем и Среднем Востоке⁸⁹. Уточняя свою позицию, Криппс сообщил 7 августа, что продолжение признания балтийских миссий в Лондоне (которые в отличие от польской теперь никого не представляют) может быть расценено советским правительством как свидетельство непризнания или как некая поддержка создания правительств в изгнании или национальных комитетов, враждебных Советскому Союзу⁹⁰.

После получения информации из различных источников в конце июля — начале августа 1940 г. сформировалась официальная позиция британского военного кабинета. Первым документом стал меморандум государственного секретаря по иностранным делам от 26 июля, т.е. когда ситуация в Прибалтике уже определилась, но юридического акта об их присоединении к СССР еще не было. Формальным поводом для меморандума стало уже упомянутое обращение балтийских послов в Лондоне.

Госсекретарь писал, что "инкорпорация" (так британские власти определили наряду с "абсорбцией" процесс вхождения стран Балтии в СССР) была осуществлена против воли балтийских народов и в действительности означала захват, сравнимый с захватом Германией Австрии и Чехословакии и Италией — Албании. Поэтому с моральной точки зрения всё говорит за то, чтобы отказаться от признания. Но следует также иметь в

виду, что Германия полна решимости удалить советские силы из Балтийского региона. Она может использовать наше признание в качестве повода объявить себя защитником малых и нейтральных стран (как Швеция и Финляндия), где действия СССР вызвали серьезное беспокойство. Британский дипломат напомнил также о бескомпромиссной позиции США и американского общественного мнения.

Обращаясь к англо-советским отношениям, госсекретарь ставит вопрос — получит ли Англия какие-либо преимущества в случае признания. Беседы Криппса со Сталиным и Молотовым показали, что вряд ли можно рассчитывать на какие-либо перемены в позиции СССР по отношению к Англии, и наоборот, наш отказ от признания не сделает советскую политику худшей, чем сейчас. Напомнив о национализации британской собственности, британский секретарь по иностранным делам делает следующий вывод: отказ от признания в настоящий момент представляет собой наилучшее решение (по моральным соображениям в том числе), даже если в будущем обстоятельство вынудят нас пойти на него⁹¹.

Через три дня, 29 июля был выпущен меморандум от имени военного кабинета, который в значительной мере основывался на упомянутом меморандуме от 26 июля. Меморандум военного кабинета касался нескольких проблем. Прежде всего по вопросу об отношении к присоединению Советским Союзом Прибалтики кабинет решил запросить Криппса о возможностях улучшения отношений между Россией и Турцией. Советские претензии на балтийское золото должны быть рассмотрены после прояснения вопроса о компенсации за национализацию британской собственности. Признать поглощение (*absorption*) Эстонии, Латвии и Литвы можно после того, когда будет достигнута "взаимность".

Госсекретарь информировал военный кабинет о просьбе посла Криппса учесть, что, хотя сейчас нет признаков изменения советской позиции, было бы неразумным создавать трудности в связи с "аннексией Балтийских стран". Он полагает, что политика России может считаться реалистичной, поскольку она не может рисковать разрывом с Германией в этот момент. Он видит большие трудности в признании *де-юре* особенно в связи с недовольством США и поляков, и поэтому следует признать *де-факто административный контроль советского правительства над Балтийскими странами* (курсив наш. — А.Ч.).

Военный кабинет высказался за переговоры с Москвой о торговом соглашении (при преимущественном внимании к бартеру). В целом была одобрена линия, намеченная в телеграмме Криппсу. Признание *де-факто* может быть рассмотре-

но, а де-юре правильнее связать с общим урегулированием. Было решено ни в коем случае не передавать золото Советам, пока не будет получена компенсация за британскую собственность, и провести по этому вопросу необходимые консультации с правительством США⁹².

31 июля Сарджент в телеграмме Криппсу уточнил, что советская политика по отношению к Финляндии дает дополнительные аргументы для отказа от признания включения Балтийских стран в состав Советского Союза⁹³. 3 августа Сарджент напоминает Криппсу о необходимости дать предложения о немедленном ответе балтийским послам⁹⁴.

После получения телеграммы от Криппсу о возможном решении вопросов признания в Лондоне состоялось совещание, на котором Кольер отверг идею о признании де-юре. Он напомнил, что, как это стало очевидным из недавней речи Молотова и заявлений Сталина, отношение Советского Союза к Англии остается без изменений и нет оснований считать, что признание балтийского "завоевания" может что-то изменить в этом вопросе. Кольер полагает, что признанием ситуации де-факто может быть, например, удаление дипломатических миссий из Балтийских стран (в том смысле, что они там больше не могут быть физически). По его мнению, не надо отвечать письменно балтийским послам в Лондоне, а поговорить с каждым устно (в частном порядке), сказав, что они будут продолжать рассматриваться как послы и оставаться на дипломатическом листе. Вряд ли это создаст серьезную проблему для англо-советских отношений⁹⁵.

В развитие этих идей Сарджент предложил 8 августа сообщить балтийским послам о том, что они сохраняют свой дипломатический иммунитет⁹⁶. По его словам, признание де-факто означает на практике отозвать дипломатические миссии, не ожидая пока Советы потребуют этого. Не надо делать каких-либо заявлений, пока нас не попросит об этом советское правительство или парламент. Если они и попросят об этом, то мы ни в коем случае не пойдем на признание де-юре⁹⁷.

Наконец, 9 августа все эти вопросы были обсуждены с участием секретаря по иностранным делам, ряда министров и Кольера. В итоге было решено, что следует дать ответ балтийским послам устно, провести консультации о золоте и балтийских пароходах. На тексте этого короткого решения Кольер сделал приписку от руки: опыт отношений с СССР, в частности опыт 1929 г., убеждает, что все расчеты, связанные с согласием Советов на материальные уступки в вопросе о долгах и т.п., в обмен на улучшение отношений не давали результатов⁹⁸.

И в заключение отметим, что в бумагах военного кабинета от 8 августа есть отрывки из двух телеграмм Криппса из Моск-

вы. В одной он сообщал, что финский посол в Москве озабочен русско-финскими отношениями, а в другой снова высказывается за признание де-факто "абсорбции" Балтийских стран Советским Союзом. В ходе последовавшей дискуссии на заседании военного кабинета было отмечено, что, отказываясь от признания, Англия ничуть не выиграет, но может отдалить Россию. Вместе с тем, если она гарантирует признание, то зайдем более слабую линию, чем США. А дальше Россия может снова напасть на Финляндию и абсорбировать ее. И если признать абсорбцию Эстонии, Латвии и Литвы, то будет трудно не признать ее абсорбцию Финляндии⁹⁹.

В итоге обсуждения военный кабинет постановил:

— отложить решение о признании включения стран Балтии в Советский Союз;

— провести консультации с правительством США о судьбе балтийского золота и по проблеме компенсации;

— согласиться, что балтийские суда должны продолжать задерживаться в британских портах, но не реквизируются их.

Секретарь по иностранным делам сказал, что он еще не готов дать рекомендации в отношении признания российской "абсорбции" Балтийских стран. Пока рассматривается вопрос о возможности признания этого де-факто, но не де-юре. Единственная трудность состоит в том, что имеется мало надежд на согласие Советов дать компенсацию за утрату частных интересов в этих странах¹⁰⁰.

В августовские дни помимо закрытых обсуждений балтийская тема поднималась и в британском парламенте. Было несколько запросов в палате общин, и во всех случаях представители правительства высказывались в духе решения военного кабинета. В ответ на один из запросов заместитель госсекретаря Батлер сообщил, что правительство решило не признавать советскую абсорбцию де-юре и балтийские послы остаются в дипломатическом листе¹⁰¹.

15 августа Галифакс информировал Ст. Криппса о своей встрече с Майским, в ходе которой советский посол передал просьбу правительства СССР вывезти британских граждан из Балтийских стран до 25 августа. Галифакс ответил, что британское правительство будет действовать на основе реальной ситуации. На информацию Майского, что балтийским послам в Лондоне даны инструкции закрыть свои представительства и передать все архивы и материалы советскому посольству в Англии, Галифакс снова повторил: послы должны смотреть в лицо фактам. И далее были обсуждены вопросы о британской собственности, о балтийских пароходах, т.е. все те сюжеты, которые находились в центре внимания на встречах представителей обеих стран в последнее время¹⁰².

Наконец, 5 сентября британский премьер-министр как бы подвел черту под дискуссиями в британском правительстве в июле — августе 1940 г. Он (так же как и госсекретарь) заявил: "Правительство не собирается признавать какие-либо территориальные изменения, которые могут произойти во время войны, если только они не являются результатом свободных и мирных переговоров и соглашений"¹⁰³. Эта формула в дальнейшем повторялась государственными деятелями Англии, оставлявшими вопросы о балтийских делах на время послевоенного урегулирования. В таком же духе фактически писал и У. Черчилль в своем известном послании Сталину осенью 1940 г.

Итак, можно подвести некоторые итоги. В целом британская реакция на события в Прибалтике была достаточно сдержанной. Выше отмечалось, что в те июньские и августовские дни 1940 г. в Британии опасались немецкого вторжения — рядом была поверженная Франция, и английскому истеблишменту было не до Прибалтики. Советские акции по присоединению Балтийских стран рассматривались в Лондоне в контексте советско-германского сотрудничества и попыток Англии ослабить его. В Британии была довольно распространенной идея, что всякое движение СССР на Запад приведет в конечном счете к усилению напряженности с Германией и может послужить английским интересам. Кроме того, в Лондоне не прекращали попыток завязать британско-советский диалог, имея в виду использовать английского посла Ст. Криппса и возможные переговоры о торговом соглашении. И поскольку встречи Криппса со Сталиным и Молотовым происходили именно в те дни, когда советские войска входили в прибалтийские города, то Лондону или нужно было заявлять протест и прерывать переговоры или занять спокойную и выжидательную позицию, чему и было отдано предпочтение.

Действительно, со стороны Англии не было никаких протестов и жестких заявлений и вопросов. Собственно все дискуссии в британских правительственных кругах вращались вокруг проблемы — признавать де-юре или де-факто советскую абсорбцию (поглощение) Прибалтики.

В конечном счете английская политическая элита пришла к весьма прагматическому выводу: даже своим признанием на данной стадии они не смогут повлиять на прежний стратегический выбор Сталина в пользу соглашения с Германией. Она видела, что Москва еще не готова даже на модификацию своего внешнеполитического курса. Кроме того, реализация намерений СССР в Восточной Европе, и это понимали в Лондоне, зависела исключительно от германской поддержки. Как заявили некоторые британские дипломаты, здесь имели место противоречивые факторы — с одной стороны, движение на Запад

Москва могла осуществить лишь при поддержке Германии, а с другой — именно это движение давало Британии шанс на нарастание советско-германских противоречий.

Следует также учитывать, что Англия традиционно не имела заметного влияния в Балтийском регионе, и хотя она была озабочена судьбой собственности британских граждан в Прибалтике, это был все же не столь важный аргумент для активных протестных мер и заявлений.

На позицию британских политических и общественных деятелей существенное влияние оказывало традиционное неприятие социальных и идеологических, а тем более военных "большевистских экспериментов".

В июне — августе 1940 г. существовал еще и так называемый финский фактор. Ранее было показано, насколько резко реагировали западные демократии на события в Финляндии в конце 1939 г. по сравнению с их отношением к прибалтийским и даже к польским событиям. И когда в конце июля — начале августа 1940 г. начали распространяться слухи о возможном обострении советско-финских отношений, то это добавило дополнительные аргументы тем, кто выступал против признания включения Прибалтики в состав Советского Союза. В связи с этими слухами в Лондоне не хотели создавать никакого прецедента.

Необходимо также отметить некоторые различия в подходе к событиям у различных представителей британских правящих кругов. Если посол Ст. Криппс призывал к бóльшей осмотрительности (он, разумеется, был заинтересован в этом при переговорах с советскими лидерами) и ратовал за официальное признание присоединения Прибалтики де-факто, то в Лондоне занимали значительно более жесткие или осторожные позиции.

В итоге опытная английская дипломатия вышла из положения в традиционном британском стиле. Она решила сохранить лицо перед балтийскими послами в Лондоне, оставив их в дипломатическом листе, но одновременно не ответила на их протестующие демарши, ограничившись личными устными беседами с каждым из них в отдельности. Одновременно, по словам Галифакса, дипломаты советовали балтийским послам считаться с фактами.

В отношении Москвы британское правительство также решило вообще избегать каких-либо заявлений о признании де-юре или де-факто, посчитав, что сами дискуссии по этому вопросу, в том числе и с советскими представителями, говорят о том, что оно считается с фактами, не называя это признанием де-факто. Английские представители, и это также было типичным для британской дипломатической службы, как бы оставля-

ли этот вопрос открытым на будущее, чтобы использовать его для новых переговоров и "торга". И очень скоро У. Черчилль, предлагая Сталину секретное соглашение в качестве платы за это, говорил о согласии признать де-факто присоединение Прибалтики к Советскому Союзу при послевоенном урегулировании. Сталин, как известно, не ответил на предложение премьера, в том числе в части, касающейся Прибалтики, довольно иронично заметив, что оно не имеет особого значения, поскольку в реальности Британия де-факто уже считается с вхождением Прибалтики в состав Советского Союза.

В целом реакция и Германии и Великобритании на события в Балтийском регионе отразила реалии того времени и то соотношение сил в треугольнике Германия — СССР — Англия, которое сложилось в середине 1940 г.

Очень скоро балтийская тема отошла в сторону, поскольку центр политической, военной и дипломатической активности все больше смещался в сторону Балкан.

* * *

О французской позиции во время событий в Прибалтике в апреле — июле 1940 г. трудно говорить, поскольку именно в трагические майские дни Франция была повержена в результате германского наступления, и поэтому, естественно, никаких шагов, в том числе и по международным делам предпринимать не могла. Тем не менее в архиве министерства иностранных дел Франции имеется специальный фонд, в котором собраны телеграммы, поступавшие от французских послов в Прибалтийских странах и в Москве. В основном эти донесения носили чисто информационный характер, но и в них и в посольских комментариях можно найти немало интересных документов и материалов.

18 июня французский посол в Риге Годран, сообщая о предстоящем занятии Латвии Советским Союзом, повторил то, что представители СССР говорили в Литве, имея в виду недружественную позицию Балканской Антанты. Он информировал, что Москва потребовала изменения состава правительства и Ульманис принял это требование¹⁰⁴.

В телеграмме из Риги от 20 июня Годран выдвинул ту же версию, которую муссировали британские дипломаты: "Красная Армия принимает меры предосторожности против Германии"¹⁰⁵. А 10 июля он прямо написал: "Русские войска готовы противостоять Германии. 15 дивизий (от 200 до 250 тыс. человек) в Литве, 6 дивизий (от 60 до 80 тыс.) в Латвии, 3 — 4 дивизии (от 40 до 50 тыс.) в Эстонии, и эти войска готовы занять территории к северу от Брест-Литовска¹⁰⁶. В следующей телеграмме посол добавил, что 50 дивизий резервистов сосредоточены в

районе Москвы. "Эти концентрации русских войск вблизи границ рейха вызваны быстрыми победами Германии во Франции и страхом русских в отношении Германии". СССР хочет воспользоваться войной во Франции, чтобы постепенно проникнуть в Балтию. Эти войска направлены против Германии¹⁰⁷.

В телеграмме от 10 июля французский посол уверял, что немцы готовят наступление против Советского Союза и уже перевели многие дивизии с запада на восток. Посол даже назвал срок принятия Берлином решения — до 10 июля. Он сообщает также о слухах, что Литва станет 13 советской республикой с видимостью автономии¹⁰⁸.

3 августа французский посол в Эстонии сообщал, что СССР хочет воспользоваться занятостью немецких сил, чтобы предъявить ультиматум Финляндии, спустя 6 недель после ультиматума странам Балтии. Существует мнение, что, несмотря на трудности, правительство Финляндии будет сопротивляться¹⁰⁹. В телеграмме из Таллина 9 августа посол Жуан писал о каких-то заверениях, данных эстонским властям, что в стране сохранится мелкая частная собственность и крестьян не будут насильственно посылать в колхозы. Здесь часто пишут, что Эстония предпочла бы скорее быть под советским господством, чем под германским¹¹⁰. Все послы (из Латвии, Эстонии и Литвы) сообщили, что им предложено прекратить их деятельность и выехать из стран до 25 августа и что официальные отношения Балтийских стран с Францией прекращены¹¹¹.

В период с 15 июня по 20 августа значительное число телеграмм были направлены из Москвы французским послом Лабонном. Они в основном касались информации о его встрече с Молотовым и контактах с британским послом Ст. Криппсом¹¹².

* * *

События в Прибалтике, завершившиеся ее включением в состав Советского Союза, подтверждают необходимость учета самых различных факторов — как международных, так и внутриполитических. Очевидно, что действия СССР, хотя и вытекали из протоколов к советско-германскому договору, были ускорены летом 1940 г. после неожиданного разгрома Франции и коренного изменения ситуации в Европе. Советские лидеры явно спешили завершить создание пояса безопасности перед лицом возрастающей агрессивности Германии, оккупировавшей уже большую часть Западной и Северной Европы.

Сталин учитывал и признаки напряженности в советско-германских отношениях. По-прежнему важным фактором было стремление советских руководителей к расширению "зоны социализма", что вписывалось в общую концепцию мировой революции, которой следовали лидеры большевиков. Нельзя

не учитывать и желание Москвы вернуть территории, ранее входившие в состав Российской империи. На принятие решений оказывали влияние донесения из стран Прибалтики советских дипломатов и разведслужб о том, что значительная часть населения симпатизирует Советскому Союзу. Так воедино соединились факторы геополитические, военно-стратегические и социально-классовые.

Факты подтверждают и то, что многие жители Латвии, Литвы и Эстонии были недовольны социальной политикой своих правительств, что способствовало усилению левых сил.

В этом плане можно снова обратиться к книге М. Ильмярва, который подчеркивает оторванность руководства Прибалтийских стран от широких кругов общественности. Он проанализировал состав новых правительств, созданных в Эстонии, Латвии и Литвы, показав, что они представляли левые круги интеллигенции (включая и небольшое число коммунистов). Автор прямо пишет: "Причина, по которой значительная часть населения Эстонии и даже широкие массы в Латвии и Литве или активно или пассивно симпатизировали Советскому Союзу, была связана с природой режима, который был отчужден от населения. Поэтому именно авторитарные режимы Пятса, Ульманиса и Сметоны прокладывали путь к периоду советского правления"¹¹³.

В процессе присоединения Прибалтики Советский Союз использовал те же противоправные методы, которые были свойственны сталинской системе в целом и которые были осуждены в современной России после перемен конца 80-х — начала 90-х годов. Мы уже отмечали, что многие историки и политики Латвии, Литвы и Эстонии называют весь этот процесс советской аннексией и оккупацией. Большинству российских историков термин "оккупация" представляется неприемлемым и некорректным, в том числе и с чисто правовой точки зрения. В качестве одного из аргументов против этого термина выдвигается соображение, что в процессе присоединения Прибалтики значительная роль принадлежала левым партиям и беспартийной интеллигенции, представители которых вошли в правительства и в местные органы власти после присоединения этих стран к СССР.

Еще раз обратим внимание на то, что эстонский историк М. Ильмярв писал о так называемой мирной оккупации, ставя под сомнение сам термин "оккупация" (исходя в том числе и из норм международного права).

В мире действительно существуют различные трактовки понятия "оккупация". Страны Прибалтики, по словам эстонского автора, очень скоро вошли в состав так называемой оккупирующей страны со всеми правами граждан Советского Союза, что не соответствовало правовому статусу оккупации.

Весьма существенным представляется и необходимость учета того обстоятельства, что перед странами Прибалтики стояла проблема выбора между Советским Союзом и Германией. Ориентация на Германию и другие западные страны была одним из ключевых направлений во внешней политике стран Балтии в течение 20 – 30-х годов. Это особенно проявилось после событий в Польше в сентябре 1939 г., которые давали основание ожидать германских попыток поглощения Прибалтики. Поэтому альтернатива – Советский Союз или Германия приобретала вполне реальные основания на будущую перспективу, и в этих условиях многие деятели стран Балтии предпочитали СССР.

Чувство безысходности у правящих кругов стран Прибалтики усиливалось и тем, что Германия, у которой были довольно прочные позиции в этих странах, дала им ясно понять и в сентябре – октябре 1939 г. и особенно в мае и июле 1940 г., что она не будет вмешиваться в развитие событий и противодействовать СССР в этом регионе.

Наконец, факты показывают, что для многих тогдашних политических и общественных деятелей Балтийских стран было ясно, что в условиях острого противоборства двух воюющих блоков и особенно после поражения Франции им было бесполезно ждать какой-либо помощи и поддержки от англо-французской коалиции.

Как свидетельствуют документы из британских архивов, английское правительство предпочло занять осторожную позицию, охарактеризовав присоединение стран Прибалтики как "инкорпорацию" (поглощение), сопровождая это доводами, что вхождение стран Прибалтики в состав СССР может усилить напряженность в отношениях между СССР и Германией, а это было важно для британских интересов.

Пример Финляндии, которая, хотя и отстояла свою независимость, но добилась этого ценой уступки значительной части территории, нескольких месяцев кровопролитных боев, также учитывался политиками и общественностью стран Балтии. События конца 1939 г. показали, что Прибалтика занимает совсем не то место в интересах и планах держав англо-французской коалиции и даже Германии, нежели Финляндия. И если в разгар зимней войны в Англии и Франции раздавались даже призывы к вооруженному вмешательству на стороне Финляндии, то ничего подобного не было на Западе в отношении Балтийских государств.

В условиях лета 1940 г. никто не только не оказал поддержки Балтийским странам, но даже официально не осудил советские акции. Единственной страной, сделавшей официальное сообщение, были Соединенные Штаты Америки, да и то речь

шла о моральном непризнании "захвата Прибалтики", а отнюдь не об осуждении или о протесте, направленном непосредственно Советскому Союзу.

Учет всех отмеченных обстоятельств, в том числе и внутриполитического фактора позволяет понять сложность и драматизм ситуации и то, что случилось с народами Прибалтики осенью 1939 и летом 1940 г.

Сказанное, однако, отнюдь не снимает ответственности Советского Союза за противоправные и аморальные действия в отношении Прибалтики в 1940 г., за массовые репрессии и депортации многих жителей Прибалтийских стран. От этой практики сталинизма страдали все народы СССР. Советские акции 1940 г., связанные с реализацией секретных протоколов к пакту Молотова – Риббентропа, в том числе и в отношении Прибалтики, были официально осуждены в 1988 г. решением высшего законодательного органа СССР – Съездом народных депутатов¹¹².

Присоединением Прибалтики советские лидеры завершили определение судеб тех территорий, которые отошли к сфере интересов СССР по советско-германскому договору и секретному приложению к нему от 23 августа 1940 г. Сталин осуществил многолетние устремления, вернув Советскому Союзу старые территории, входившие когда-то в состав Российской империи и дававшие СССР выход к Балтийскому морю. В причудливом сочетании с "имперской идеей" Сталин, Молотов и их соратники подчеркивали классовый аспект, заявляя с удовлетворением о расширении "зоны социализма", что было, по их мнению, существенным вкладом в процесс распространения мировой революции.

Помимо этих намерений, естественно, Советский Союз преследовал цели безопасности. Присоединяя Прибалтику (вслед за восточной частью Польши), Москва как бы останавливала возможное германское продвижение в эти территории. Это был и результат соглашения с Германией и одновременно свидетельство их скрытого противоборства.

Напомним еще раз, что на протяжении 1939 г. (включая летние переговоры с Англией и Францией) советские представители постоянно связывали вопрос об обеспечении безопасности СССР с ситуацией в Польше, Румынии и Прибалтике, рассматривали их в контексте общей расстановки сил в Центральной, Восточной и Северной Европе и соотношения сил между великими державами.

Оценивая события 1940 г., повторим, что их можно определить как присоединение Прибалтики с использованием силовых средств, а также с учетом внутриполитических факторов и активности левых кругов в проведении последующей советиза-

ции региона. Важно подчеркнуть, что в дальнейшем эти государства жили, как и другие республики СССР, уже по законам той системы, которая существовала в Советском Союзе. В них ликвидировалась частная собственность, проводилась национализация, началась коллективизация сельского хозяйства, нарушалась законность, осуществлялись необоснованные репрессии и депортации. При этом во всех этих процессах значительную роль играли и местные национальные кадры.

Но одновременно в советское время в развитие экономики, науки, образования, культуры и искусства Литвы, Латвии и Эстонии вкладывались большие средства. Были созданы условия для формирования местных кадров, которые активно функционировали во всех названных сферах. Впоследствии, после распада СССР, с началом глубоких демократических преобразований в России и массовых народных выступлений в странах Прибалтики, именно из Москвы пришли импульсы и был дан "зеленый свет" признанию независимости государств Балтии и демократическим реформам.

После лета 1940 г. перед советским правительством встал вопрос о дальнейшей политике СССР, ее приоритетах на ближайший период и на более отдаленную перспективу.

¹ Многие современные авторы из стран Балтии ссылаются в своих трудах на материалы: Report of the Select Committee to Investigate Communist Aggression and the Forced Incorporation of the Baltic States into the USSR: Third Interim of the Select Committee on Communist Aggression. Wash., 1954.

² *Ilmjärv M.* Silent Submission. Formation of Foreign Policy of Estonia, Latvia and Lithuania. Stockholm, 2007.

³ *Зубкова Е.* Прибалтика и Кремль. М., 2008. С. 31.

⁴ Там же. С. 95.

⁵ Полпреды сообщают: Сборник документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией. Август 1939 – август 1940 г. М., 1990. С. 99.

⁶ *Лебедева Н.С.* Германия и присоединение Литвы к СССР // Международный кризис 1939 – 1941 гг. М., 2006. С. 255. *Зубкова Е.* Указ. соч. С. 100 – 101.

⁷ АВГПРФ. Ф. 0135. Оп. 24. Д. 7. Л. 76 – 78.

⁸ Полпреды сообщают... С. 144.

⁹ Там же. С. 123.

¹⁰ Там же. С. 138 – 140.

¹¹ Там же. С. 151 – 152.

¹² Там же. С. 177 – 185.

¹³ Там же. С. 189 – 190.

¹⁴ Там же. С. 194 – 197.

¹⁵ Там же. С. 226.

¹⁶ Там же. С. 248.

- 17 Там же. С. 229.
- 18 Там же. С. 248 – 249.
- 19 Там же. С. 286.
- 20 Там же. С. 289 – 240.
- 21 Там же. С. 335 – 336.
- 22 АВП РФ. Ф. 012. Оп. 2. П. 21. Д. 215. Л. 1 – 2.
- 23 Полпреды сообщают... С. 263 – 264.
- 24 Там же. С. 338 – 339.
- 25 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 54. Л. 22 – 23.
- 26 РГВА. Ф. 4. Оп. 19. Д. 71. Л. 236 – 237.
- 27 АВП РФ. Ф. 01. Оп. 16. П. 1, 9. Л. 46 – 48.
- 28 Коминтерн и Вторая мировая война. М., 1994. Ч. 1. С. 310 – 319.
- 29 Полпреды сообщают... С. 330 – 331, 332 – 334 и др.; АВП РФ. Ф. 012. Оп. 2. П. 21. Д. 215. Л. 100; П. 8. Д. 87. Л. 46.
- 30 The Occupation and Annexation of Latvia. 1939 – 1940: Documents and Materials. Riga, 1995. P. 179 – 180.
- 31 Ibid. P. 182.
- 32 Ibid. P. 185.
- 33 Ibid. P. 187.
- 34 Ibid. P. 188 – 189.
- 35 Ibid. P. 190.
- 36 РГВА. Ф. 29. Оп. 34. Д. 552. Л. 1 – 2, 17 – 18.
- 37 Полпреды сообщают... С. 373.
- 38 Там же. С. 374 – 376.
- 39 Там же. С. 377.
- 40 Там же. С. 386 – 387.
- 41 Там же. С. 389 – 390.
- 42 Там же. С. 402.
- 43 Там же. С. 415, 421.
- 44 Только 20 июня МИД Латвии запросил согласие Литвы, Германии и Швейцарии на выдачу транзитных виз для выезда Ульманиса в Швейцарию. Однако Ульманис не смог этого сделать, так как был арестован и выслан в Сибирь.
- 45 Полпреды сообщают... С. 220 – 221.
- 46 Там же. С. 236 – 237.
- 47 Там же. С. 268 – 272.
- 48 Там же. С. 257 – 258.
- 49 Там же. С. 195.
- 50 РГВА. Ф. 4. Оп. 19. Д. 19. Л. 238 – 238об.
- 51 Правда. 1940. Авг.
- 52 The Occupation and Annexation... P. 172.
- 53 Полпреды сообщают... С. 471.
- 54 Документы внешней политики. Т. XXIII: В 2 кн. М., 1995. Кн. 1. С. 353 – 354.
- 55 Там же. С. 582 – 583.
- 56 Полпреды сообщают... С. 471 – 472.
- 57 Там же. С. 344 – 347.
- 58 РГАСПИ. Ф. 597. Оп. 3. Д. 8. Л. 88.
- 59 Там же. Д. 6. Л. 21.
- 60 Полпреды сообщают... С. 61.

- ⁶¹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 2. Д. 14. Л. 126 – 127.
- ⁶² Там же. П. 17. Д. 191. Л. 23 – 24.
- ⁶³ АВП. Т. XXIII. Кн. 1. С. 585.
- ⁶⁴ Там же.
- ⁶⁵ Ministère des Affaires Étrangères. Documents diplomatiques français. 1940. N 8 (Далее: DDF). Bruxelles, 2004.
- ⁶⁶ Public Record Office. FO. 371/24761. N 5889/1224/59. Baltic States. P. 26 (Далее PRO).
- ⁶⁷ Ibid. P. 39.
- ⁶⁸ Ibid. P. 50.
- ⁶⁹ Ibid. P. 83.
- ⁷⁰ Ibid. P. 103 – 109.
- ⁷¹ Ibid. P. 156.
- ⁷² Ibid. P. 160.
- ⁷³ Weekly Political Intelligence Summary. Secret Foreign Political Department. L., 1939 – 1941. N 35. 1940. June. P. 4.
- ⁷⁴ Ibid. N 36. 1940. 12 June. P. 5.
- ⁷⁵ Ibid. N 37. 1940. 18 June. P. 4 – 5.
- ⁷⁶ Ibid. N 38. 1940. 25 June. P. 5 – 6.
- ⁷⁷ Ibid. P. 6.
- ⁷⁸ Ibid. N 39. 1940. 2 July. P. 5 – 6.
- ⁷⁹ Ibid. N 40. 1940. 9 July. P. 6.
- ⁸⁰ Ibid. N 41. 1940. 16 July. P. 4.
- ⁸¹ Ibid. N 42. 1940. 23 July. P. 5.
- ⁸² Ibid. N 44. 1940. 6 August. P. 5.
- ⁸³ Ibid. N 45. 13 August. P. 4.
- ⁸⁴ Ibid. N 46. 20 August. P. 4.
- ⁸⁵ PRO. P. 253.
- ⁸⁶ Ibid. P. 276.
- ⁸⁷ Речь шла и об официальной информации из Москвы и о письмах послов Балтийских стран в Лондоне (Ibid. P. 279).
- ⁸⁸ См.: PRO. 371 / 24761. 6081/g, 272.
- ⁸⁹ Ibid. N 6241, 120. P. 300 – 303.
- ⁹⁰ Ibid. N 6081. P. 270.
- ⁹¹ Ibid. P. 263.
- ⁹² Ibid. P. 264 – 267.
- ⁹³ Ibid. P. 257.
- ⁹⁴ Ibid. P. 257 – 258.
- ⁹⁵ Ibid. P. 259.
- ⁹⁶ Ibid.
- ⁹⁷ Ibid.
- ⁹⁸ Ibid. P. 260.
- ⁹⁹ Ibid. P. 261.
- ¹⁰⁰ Ibid. P. 261 – 262.
- ¹⁰¹ Ibid. N 5889. P. 333, 335.
- ¹⁰² Ibid. N 6250. Copy N 8.
- ¹⁰³ Ibid. N 5889. P. 406.
- ¹⁰⁴ DDF. 1940. N 8, 185. P. 280.
- ¹⁰⁵ Ibid. N 176. P. 281.
- ¹⁰⁶ Ibid. N 186. P. 282.

¹⁰⁷ Ibid. N 187. P. 282.

¹⁰⁸ Ibid. N 188 – 189. P. 283.

¹⁰⁹ Ibid. N 157.

¹¹⁰ Ibid. N 260 – 261, 286.

¹¹¹ Ibid. N 166. P. 289, N 157. P. 290, N 237. P. 291.

¹¹² Ibid. N 767. P. 182, N 768 – 759. P. 183, N 773 – 774. P. 186, N 777.

P. 187.

¹¹³ *Ilmjärv M.* Op. cit. P. 549.

¹¹⁴ Ibid. P. 551.

СССР и Германия. Напряжение нарастает

Подписание экономического соглашения между двумя странами в феврале 1940 г. и окончание зимней войны подвели некоторую черту, в том числе и в советско-германских отношениях. Происходили постоянные контакты между двумя странами в политико-дипломатической сфере, прежде всего в виде постоянных (иногда по несколько раз в неделю) встреч германского посла в Москве Шуленбурга с Молотовым и другими деятелями меньшего калибра. Менее активные связи осуществлялись через советского посла в Берлине.

Москва реализовывала договоренности, зафиксированные советско-германскими договорами от 23 августа и 28 сентября. Были заключены договора о взаимной помощи между СССР и странами Балтии, одним из результатов которых было размещение советских войск в этих странах. Несмотря на некоторое германское сопротивление (впрочем, достаточно вялое) к сфере советских интересов была добавлена Литва. Судьба разделенной Польши оставалась неясной, и Германия и Советский Союз предпочитали оставить решение этого вопроса на будущее.

Явная осечка, постигшая СССР в Финляндии, не ухудшила советско-германских отношений. В Берлине в целом точно придерживались договоренностей с Советским Союзом. И хотя немецкие интересы в Финляндии явно превосходили связи Германии с Прибалтикой, Берлин отказал Финляндии в поддержке в трудный для нее момент войны.

В Кремле в целом были довольны сложившимся раскладом сил. Сталин неоднократно повторял свое удовлетворение от союза с Германией, публично восхваляя нацистский режим и немецких руководителей. Ему явно импонировало и то, что он стал играть столь важную роль в мировой политике.

В концептуальном плане коммунистические лидеры реализовывали на практике один из фундаментальных принципов своей доктрины — использование межимпериалистических противоречий в интересах страны социализма.

"Странная война", которая велась на Западе, до апреля 1940 г. явно устраивала Москву. Предполагалось, что она продлится долго, силы Англии и Франции будут уравнеше-

вать военную мощь Германии, и за это время в СССР удастся выполнить программу перевооружений и определить дальнейшую политику.

В компенсацию за немецкую поддержку или по крайней мере полное невмешательство при реализации своих акций в Польше, Прибалтике и Финляндии советские руководители пошли на серьезные уступки Германии в экономической области, подписав широкое и весьма выгодное для Германии соглашение в феврале 1940 г.

Идеологический план в отношениях с Коминтерном и международным коммунистическим движением не слишком беспокоили Сталина и его окружение. Коминтерн находился под полным контролем Москвы, а борьба за власть и влияние коммунистических партий были явно отодвинуты на второй план. Антифашистские лозунги и риторика оказались отброшены и, по мысли Кремля, не должны были служить помехой для осуществления его намерений.

Всё, таким образом, складывалось для Москвы благоприятно, если не считать неудачи в ходе войны с Финляндией, завершившейся, впрочем, благоприятным миром 1940 г. В результате СССР получил даже больше того, чем требовал в октябре – ноябре 1939 г.

В Кремле также полагали, что Советский Союз вел довольно удачную игру с Англией, Францией и США. Советские дипломаты продолжали с ними контакты, избегая, правда, всего того, что могло бы хоть в какой-то мере нарушить отношения с Германией. Любые существенные вопросы, которые представители этих стран и особенно Великобритании ставили в ходе переговоров, немедленно доводились до сведения Берлина. Это свидетельствовало, во-первых, о том, что в Москве не имели сколько-нибудь серьезных намерений о чем-либо договариваться с Англией, и, во-вторых, демонстрировали доверительный характер советско-германских отношений.

И все же глубокий анализ ситуации, сложившейся весной 1940 г., должен был бы показать кремлевским лидерам, что в мировой политике явно назревали весьма серьезные процессы. Прежде всего в период с сентября 1939 г. в отношениях между Советским Союзом и Германией не прекращалась, а иногда даже усиливалась напряженность. Она проявлялась и во время переговоров по экономическим вопросам и в ряде других областей двусторонних связей. Раздражение между отдельными ведомствами (вспомним хотя бы ход визита наркома И. Ф. Тевосяна в Германию с группой экспертов) удавалось устранять только в результате вмешательства руководителей обеих стран. Чаще всего это делали Молотов и Риббентроп. Что касается эконо-

номического соглашения, то понадобился даже обмен личными посланиями между Риббентропом и Сталиным. Возникло немало раздражающих моментов и по другим вопросам. Все они в совокупности явно свидетельствовали, что отношения между странами отнюдь не были идиллическими.

В этой ситуации можно было ожидать, что в Москве проведут серьезный анализ не только состояния советско-германских отношений, но самое главное их перспектив в общем контексте международного развития. К тому же зона столкновения интересов между Советским Союзом и Германией все больше смещалась в сторону Балкан, Черноморских проливов и Средиземноморья. Во время трудных переговоров с Турцией осенью 1939 г. в Москве отклонили решения, идущие из Анкары по советам Лондона и Парижа, опасаясь возможной негативной реакции Германии и испытывая постоянное давление немецких руководящих лиц в Берлине и в Москве.

У нас нет архивных свидетельств и подтверждений, что в Москве проводили серьезные обсуждения всей складывающейся ситуации. Нет почти никаких данных и о том, что готовились какие-либо аналитические разработки о долгосрочных стратегических намерениях Германии в Европе в целом и особенно ее политики в отношении Советского Союза. Можно было ожидать, что в Москве понимали, сколь проблематичным был тот "брак по расчету", который Гитлер заключил со Сталиным в августе – сентябре 1939 г., и насколько он шел вразрез с общим замыслом нацистской верхушки, изложенным в программных трудах и речах Гитлера и его сподвижников.

Зимняя война с Финляндией серьезно испортила и без того прохладные отношения Советского Союза с Англией, Францией и особенно с США, которые дали столь нервную реакцию на советские действия против Финляндии.

Все говорило за то, что в Европе ожидаются крупные перемены, что США все более активно втягиваются в европейские дела. Но судя по документам и по реальным шагам, советские лидеры были явно не готовы к определению своей долгосрочной стратегии. Они были озабочены прежде всего реализацией своих планов в Восточной Европе и по возможности стремились избегать слишком тесных связей с Германией и обвинений в том, что Советский Союз является военным союзником Германии.

К весне 1940 г. уже не имелось реального смысла в показных жестах и Москвы и Берлина, символизирующих дружеские отношения между двумя странами. К их числу относится совместный военный парад в Брест-Литовске, обмен дружескими посланиями и пр.

В то же время германские намерения просматривались довольно ясно и определенно. Сохраняя линию на сотрудничество с СССР, нацистское руководство готовилось к решающим битвам на Западе, усиливало свой интерес к Балканам и Юго-Востоку Европы.

В отношениях с Москвой оно делало основной упор на получение зерна, нефтепродуктов и стратегического сырья (цветные металлы), очень часто мало считаясь с ее пожеланиями и интересами. Как позднее говорили Гитлер и его сподвижники, они полагали, что и так дали Москве слишком многое, предоставив Сталину свободу рук в отведенной ей сфере.

Обе стороны преследовали сугубо прагматические цели. Но, разумеется, все это облекалось до поры до времени во фразы и заявления о дружбе и взаимопонимании.

* * *

5 марта 1940 г. Молотов имел пространную беседу с Шуленбургом, в ходе которой определились некоторые немецкие приоритеты. Прежде всего германское правительство просило отложить на один год вопрос об открытии советского консульства в Варшаве, а также принять меры по прекращению обстрелов германской пограничной охраны. Затем Шуленбург выразил пожелание использовать какое-либо советское торговое судно для получения сведений о погоде в районе к западу от Англии, на что Молотов фактически ответил отказом, явно не желая обострять отношений с Англией. Он также не согласился с немецкой идеей о создании линии воздушного сообщения между Германией и Ираном через СССР. Шуленбург заявил, что Германия полностью снимает вопрос о возможных советских действиях в Афганистане¹.

В тот же день в Берлине К. Риттер и К. Шнурре настойчиво просили советского посла Шкварцева не повышать цены на нефть и тем более не прерывать ее поставки в Германию². На следующий день Шкварцев информировал Молотова о своей подробной встрече с Риббентропом, на которой германский министр сообщил о переговорах с американским деятелем Уоллесом в Берлине и о его встречах с Гитлером.

Из пространных дефиниций Риббентропа заслуживает внимания прежде всего то, что Гитлер исключал любые переговоры о восстановлении самостоятельности Польши и Чехословакии. По словам фюрера, по всем вопросам разграничения сфер интересов в Восточной Европе Германия будет иметь дело с Советским Союзом. Новым моментом, несомненно, следует считать следующее заявление Риббентропа: "Только победой Германия обеспечит новое положение в

Европе... основанием этому может быть разграничение сфер естественных интересов великих держав; причем малые государства, исторически доказавшие законность своего самостоятельного существования, должны получить свое место при этом разграничении"³. Он ясно выразился и по вопросу о Финляндии: при внешнем нейтралитете Германия "внутренне с СССР"⁴.

Сопоставляя все эти высказывания с другими можно сделать вывод; в Берлине готовились для переговоров о возможных новых соглашениях.

Через несколько дней на встрече с Молотовым уже Шуленбург информировал советское правительство о пребывании Уоллеса в Берлине. Создавалось впечатление о подготовке Германии к новому этапу "странной войны", поскольку несколько раз Шуленбург цитировал Риббентропа и говорил, что Германия "сломит силу англо-французского блока". Интересно и то, что Шуленбург сообщил Молотову: по его сведениям, Турция может под давлением Англии и Франции "зажать СССР в ... тиски, используя для этого и Дарданеллы" (т.е. открыть Проливы). В ответ Молотов выразил лишь надежду, что турки вряд ли поддадутся нажиму Англии и Франции⁵.

В эти же дни Германия занялась зондированием еще одного вопроса. 10 — 11 марта Риббентроп посетил Рим и в ходе встреч с Муссолини и Чиано явно стремился побудить их улучшить советско-итальянские отношения и ослабить связи Италии с Францией и Англией. Он заговорил о желательности значительного улучшения советско-итальянских отношений. По возвращении в Берлин Риббентроп поручил Шуленбургу сообщить Молотову, что Муссолини стремится укрепить экономические и политические связи с Москвой⁶.

Через несколько дней советский поверенный в Риме Гельфанд встречался с Чиано, который сказал, что именно Риббентроп является сторонником улучшения итало-советских отношений. Но у Гельфанда сложилось впечатление, что Италия не собирается радикально менять свою линию в отношении СССР⁷.

Все эти разговоры преследовали цель выяснить намерения Москвы в отношении Балкан и Средиземноморья. Кроме того, Гитлер, как показали дальнейшие события, готовил новое "глобальное" соглашение с Италией и был не прочь использовать Москву для создания нового противовеса не только Англии и Франции, но и США, усиливавшим свой интерес к Европе.

Буквально через несколько дней Молотов пригласил Шуленбурга и просил его дать подробную информацию о поездке Риббентропа в Рим. Этот факт особенно интересен, так как

Молотов уже имел об этом сведения от Шкварцева. Риббентроп повторил то же, что он уже говорил советскому послу в Берлине. В своих комментариях Шуленбург добавил, что, по мнению Муссолини, именно СССР, а не Италия являлся инициатором ухудшения двусторонних отношений. Молотов заявил: "Вопрос об улучшении советско-итальянских отношений не вызывает в Москве интереса", по вине Италии связи между двумя странами стали не столь тесными, и с тех пор ничего не изменилось.

На настойчивые просьбы Шуленбурга дать свой ответ Берлину Молотов сказал, что он является в целом положительным, СССР и Италия поддерживают дружеский контакт, но *сейчас* для СССР это не имеет значения, так как непонятно, что будет дальше⁸.

Муссирование темы о советско-итальянских отношениях не было случайным. 18 марта заместитель иностранных дел Великобритании Р. Батлер в беседе с Майским интересовался слухами о пресловутом "тройственном блоке" (Германия – Италия – СССР), который будто бы пытается создать Риббентроп и который должен в первую очередь "урегулировать положение на Балканах"⁹.

Наконец, последним аккордом в этой двухнедельной кампании стала беседа Молотова с Шуленбургом 26 марта, во время которой немецкий посол по поручению Риббентропа информировал Молотова о встрече Гитлера и Муссолини. Он отметил сердечные отношения между двумя странами, добавив, что Италия ясно стоит на стороне Германии. Поддержав германо-советское сотрудничество, Муссолини дал понять, что считает желательным улучшение отношений между Италией и СССР. «Фюрер высоко оценил "долговечность" германо-советских отношений и мудрую прозорливость Сталина, взявшего курс на соглашение с Германией».

Комментируя информацию, Шуленбург сказал, что существующие отношения между СССР и Италией дают повод Германии "усматривать отсутствие третьего звена в Союзе". Риббентроп не считает, что СССР должен сделать первый шаг. Германский министр мог бы сыграть роль посредника, и поначалу можно было бы договориться о возвращении посла Италии в Москву и полпреда СССР в Италию.

Молотов ответил, что для него остаются неясным причины обострения отношений со стороны Италии и насколько сейчас серьезны пожелания Муссолини. Напомним, что он уже имел к этому времени информацию Гельфанда о скептицизме Чиано в отношении улучшения связей Италии и СССР. В заключение Молотов уклонился от прямого ответа, заявив, что он проинформирует советское правительство.

Нарушая дипломатический протокол, Шуленбург заявил: по словам Риббентропа, имеются слухи, что "советский поверенный в делах не принимает мер к улучшению советско-итальянских отношений", хотя сам Шуленбург мало в это верит¹⁰. В конце беседы, в ходе которой затрагивался и вопрос о мирных переговорах с Финляндией, Шуленбург передал просьбу главного военно-морского командования Германии предоставить на восточном побережье Камчатки бухту для снабжения германских судов. Молотов ответил, что это было бы затруднительно, так как англичане недавно задержали еще один советский пароход, ранее это была "Селенга"¹¹.

Во время встречи Гитлера с Муссолини Германия еще раз продемонстрировала свое истинное отношение к СССР. По данным германских источников, на беседе 18 марта с Муссолини Гитлер не скрывал своего враждебного отношения к "большевистской России", указав в то же время на необходимость "в сложившихся условиях продолжать сотрудничество с Москвой" на базе советско-германского договора 1939 г.¹² Конечно, в Москве не знали об этих заявлениях, но реальные факты могли вызывать у советских лидеров определенный скептицизм по поводу уверений Гитлера о вечной дружбе с СССР.

Как видно, в феврале – марте 1940 г. германские лидеры в своих постоянных контактах с Советским Союзом концентрировали внимание на улучшении советско-итальянских отношений¹³ и на прояснении его намерений на Балканах. Что касается Балкан, то здесь объяснение было довольно простым. Готовясь к схватке с Францией и Англией в центре Европы, Германия стремилась оторвать большинство Балканских стран и Юго-Восточной Европы от традиционных связей с этими державами и постепенно привлекать для этих целей Италию, а может быть, и Советский Союз.

Настойчивый интерес в Берлине к итало-советскому сближению, как выяснилось позднее, имел и более общий стратегический смысл, и реальные контуры новых германских политических устремлений стали очевидными уже в конце лета.

Анализ дипломатических встреч и бесед представителей Германии и СССР позволяют прийти к выводу, что поле взаимных интересов двух стран не сокращалось, хотя эйфория августа – сентября 1939 г. и в Берлине и в Москве явно снижалась. Конечно, главное место в советско-германских отношениях занимала экономика¹⁴. Казалось, заключение широкого соглашения в феврале 1940 г. открыло путь для активного и многопланового экономического взаимодействия между обеими странами, но и в этой области снова возникли трудности. 25 февраля 1940 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло

решение "для размещения заказов на предметы вооружения направить в Германию комиссию под руководством Тевосяна" (в составе 61 человека). При этом особо был выделен крейсер "Лютцов", определялись ответственные за его приемку и доставку¹⁵.

28 марта 1940 г. нарком И.Ф. Тевосян встретился с начальником штаба германских ВВС генералом Удетом и довольно резко заявил о нарушениях германской стороной поставок самолетов. Мы помним, насколько остро обсуждалась эта проблема в ходе советско-германских переговоров в конце 1939 — начале 1940 г. Тогда понадобилось вмешательство Сталина и Риббентропа, чтобы преодолеть разногласия. И вот теперь выяснилось, что договоренность даже о том ничтожном числе самолетов (а речь шла лишь об образцах, чтобы наладить их производство в СССР), которые немцы обязались поставить в СССР, не была выполнена.

Тевосян потребовал объяснений и настаивал, чтобы проблема была решена в один — два месяца. Удет предлагал более длинные сроки — апрель — июль¹⁷. Столкновение позиций было столь сильным, что этот вопрос уже на следующий день обсуждался на встрече Тевосяна с Герингом. Рейхсмаршал продемонстрировал полное расположение германской стороны. Германия, заявил он, сделает все, что обязана сделать по договору, он уже дал распоряжение осуществить поставки всех самолетов в апреле — мае, за исключением двух типов, которые будут поставлены в июне.

Однако Тевосян, следуя инструкциям из Москвы, пошел еще дальше. Сославшись на многочисленные примеры дружественных отношений Советского Союза к Германии и заявления в этой связи Сталина и Молотова, Тевосян жестко заявил: "До сих пор по договору Германия ничего не отгрузила в СССР, ни одной заклепки. Больше того, не заключено ни одного фирменного договора и нет еще предложений на важнейшие поставки". Между тем ранее Геринг просил Ворошилова об ускорении отгрузки зерна, нефтепродуктов, а также никеля из СССР. Поняв, что складывается весьма неприятная ситуация, Геринг немедленно выразил возмущение позицией немецкой стороны. Он тут же приказал адъютанту записать перечень советских претензий и заключил: "Даю честное слово, что после этого разговора все пойдет по-иному"¹⁷. В столь же примирительном тоне Геринг обещал решить и вопрос о поставках самолетов.

Однако советское руководство, не удовлетворившись заверениями рейхсмаршала, объявило о прекращении с 1 апреля отгрузки зерна и нефти в Германию. 5 апреля Шуленбург встретился в Москве с наркомом внешней торговли А.И. Мико-

яном и заявил, что его "забомбардировали" телеграммами из Берлина по поводу приостановки советской стороной поставок нефти и зерна. Он выразил "встревоженность" немецкой стороны и просил возобновить поставки, признав (хотя и пытался найти оправдание) задержки в поставках угля и образцов самолетов в СССР. Ответ Микояна был твердым и резким: пока не будет конкретного поворота в германских поставках в СССР, он "лишен возможности что-либо сделать положительное с советскими поставками в Германию"¹⁸. По словам Микояна, с августа 1939 по март 1940 г. СССР направил в Германию товаров на 66,5 млн марок, а Германия в СССР — только на 5,5 млн марок¹⁹.

Видимо, вопрос о взаимных поставках оказался настолько острым, что уже 9 апреля, беседа с Шуленбургом по общим вопросам, Молотов, как бы извиняясь, сказал, что хозяйственные органы СССР несколько перестарались, приостановив отправку товаров в Германию, в частности нефти и зерна. Правда, они имели на это основание, поскольку и Германия задерживала поставки. Учитывая заверения, данные на днях Герингом, Молотов сообщил, что советским хозяйственникам дано указание отменить задержку поставок нефти и зерна²⁰.

Через три дня, беседа с Тевосяном, Геринг снова "рассыпался в любезностях". Он заверил, что немецкие организации получили строгое указание выполнить условия советско-германского договора²¹.

Однако успокоительные обещания с обеих сторон сразу не изменили положения, поскольку уже 21 апреля в беседе с Микояном советник посольства Германии в СССР Хильгер опять поднял вопрос об ускорении поставок зерна. По его словам, из обещанного 1 млн т зерна из старого урожая заключена лишь одна сделка на 150 тыс. т.

До июня "Экспортхлеб" обещал оформить контракт на 360 тыс. т, а Микоян — немедленно ускорить отгрузку зерна. По словам Хильгера, это не соответствует намерению СССР направить в Германию до июня 1 млн т. Что касается немецких поставок угля, то Хильгер уверял, что советская сторона не справляется с его приемкой. Микоян категорически отверг эти утверждения. Также раздраженно выражались и взаимные претензии по поставкам нефтепродуктов, никеля и меди.

Инцидент с взаимными поставками товаров хорошо иллюстрирует характер трудностей отношений между двумя странами. Германия явно хотела бы получать из СССР нефть и зерно, не слишком беспокоясь о своих обязательствах. Как свидетельствуют документы, Гитлер и его окружение считали, что договор от 23 августа и главным образом секретные протоколы дали СССР так много преимуществ в Восточной Европе, что компенсируют все другие немецкие обязательства.

В то же время Москва, может быть, впервые после заключения августовского договора столь жестко прореагировала на нарушение обязательств германской стороной. И дело заключалось, конечно, не в самих поставках, которые имели не такое уж существенное значение для СССР (по сравнению с заинтересованностью Германии в советской нефти и зернопродуктах). Для *Москвы вопрос приобретал уже политическую окраску.*

К этому времени в целом ситуация в Европе начала стремительно меняться, мир вступал в новый этап, что не могло не сказаться на состоянии советско-германских отношений.

В первых числах апреля 1940 г. Германия начала вторжение в Норвегию и Данию. Уведомляя об этом Советский Союз, германское правительство подчеркнуло, что предпринимаемые действия не затронут интересов СССР. Они объяснялись имеющимися данными о намерении Англии буквально на днях высадить свои войска в Норвегии и Дании и желанием лишь упредить Великобританию. В меморандуме Германии также заявлялось, что она не намерена затрагивать неприкосновенность и самостоятельность Норвегии и Дании.

Своим вторжением Германия положила конец "странной войне" и начала подготовку к активным действиям на всем Западном фронте. Военная компания в Скандинавии была недолгой. Фактически не встречая сопротивления, немецкие войска вскоре заняли и Осло и Копенгаген. Москва сообщила в Берлин о необходимости поддерживать нейтральный статус Швеции и получила заверения Германии на этот счет и благодарность шведов за поддержку.

Тем временем события стремительно нарастали. 10 мая Шуленбург информировал Молотова о вступлении германских войск на территории Бельгии, Голландии и Люксембурга²². Слова Молотова, что "он не сомневается в немецких успехах" на Западном фронте, посол передал в Берлин²³.

Одновременно немецкие войска атаковали линию Мажино. Любопытен комментарий Шуленбурга. По его мнению, Балканские страны и весь Юго-Восток Европы, очевидно, почувствуют большое облегчение в связи с действиями Германии²⁴.

В середине мая германские войска заняли всю Голландию, прорвали линию Мажино и начали наступление на Париж. Об этом Шуленбург сообщил Молотову, на что советский нарком отметил важность движения немцев к Парижу. Несмотря на такую благоприятную реакцию, Шуленбург в довольно резкой форме поднял ряд вопросов, касающихся советско-германских отношений. Прежде всего он сообщил о нажиме Берлина по поводу снижения цен на нефть. Молотов согласился с предложениями Геринга о ценах на нефть, но выразил неудовольст-

вие с положением дел о поставках немецкого угля в Советский Союз. В ходе беседы были отмечены и другие негативные моменты, связанные с экономическими вопросами, с работой Комиссии по эвакуации беженцев и др.²⁵

Через 10 дней Риббентроп через Шуленбурга снова просит Молотова усилить поставки нефтепродуктов (особенно в связи с событиями на Западном фронте) и выражает неудовольствие невыполнением со стороны СССР заказов на зерно.

Из бесед советских представителей с германскими официальными лицами (они отражены в советских документах) было заметно неудовлетворение позицией Германии и ее нежеланием выполнять соглашения. Но если обратиться к немецким документам и ознакомиться с их интерпретацией, то можно проследить и их недовольство. Так, 10 мая главный немецкий экономический эксперт на переговорах Риттер в письме к Шуленбургу писал, что цена на нефть, которую Москва поставляет Германии, на 50% выше мировой и составляет 45 тыс. немецких марок, в то время как Германия предлагает 36 тыс. В то же время цена на уголь, поставляемый Германией, установлена ниже мировых. Таким образом, Германия несет значительные убытки²⁶.

Любопытно, что, по сообщениям Риттера, Молотов, не отрицая этого, ссылался на то, что советские требования сопоставимы с тем, что немцы запросили за крейсер "Лютцов". Через два дня Риттер откровенно пишет, что у немецкой стороны складывается впечатление, что советские участники переговоров не стремятся к достижению соглашения в соответствии с ранее намеченными договоренностями²⁷. Он выдвигает конкретные претензии фактически по всему комплексу, связанному с советскими поставками и т.п., при этом сослался на упомянутое распоряжение Геринга²⁸.

Поскольку в Берлине продолжали считать, что ситуация остается неудовлетворительной, Риттер предложил, чтобы Риббентроп снова, как это было в январе 1940 г., обратился лично к Сталину с письмом²⁹. В проекте этого письма Риттер повторил все претензии германской стороны и по поводу нефти и по поставкам металлов. Он заверял, что в случае принципиальных изменений позиции Москвы германская сторона также готова выполнять все свои обязательства³⁰.

Помимо экономических проблем стоит обратить внимание на небольшой вопрос. В постановлении Политбюро от 5 апреля 1940 г. фактически утверждался проект приказа НКВД о порядке применения оружия пограничными нарядами на советско-германской границе. В соответствии с этим приказом, подписанным Берия, в случае применения оружия при задержании нарушителей на советско-германской границе пограничным

нарядом надлежало следить за тем, чтобы пули не ложились на территории Германии³¹. Появление такого приказа явно показывало, что такие нарушения не были единичными и, очевидно, стало результатом соответствующих переговоров между представителями СССР и Германии.

Следует отметить, что весной и в начале лета 1940 г. в Берлине снова был поднят вопрос об улучшении итало-советских отношений, особенно интересовавший Гитлера, который возвращался к этой теме в письме к Муссолини 13 мая³². Как следствие получаемых инструкций Шуленбург вновь поднял ее на беседе с Молотовым 31 мая³³. На этот раз Молотов был еще более категоричен и даже резок. Он обвинял Италию в неискренности и сказал, что советское правительство не видит никакого интереса в попытках улучшения отношений с Италией³⁴.

Но через несколько дней, видимо, в Москве после дополнительных обсуждений решили отказаться от столь жесткой линии в отношении Италии. Очевидно также, что на советское руководство повлиял неослабевающий нажим Риббентропа. В любом случае 3 июня Молотов передал в Берлин через Шкварцева о согласии Москвы обменяться послами с Римом³⁵.

Через 10 дней Молотов на встрече с прибывшим итальянским послом А. Россо заявил, что в СССР относятся к Италии, так же как Германию и СССР, к молодым странам, более приспособленным к новым условиям, чем такие государства, как Англия и Франция. По словам Молотова, "господство этих стран идет к концу, и в этой ситуации голоса Германии, Италии и Советского Союза будут более слышны, чем хотя бы год тому назад"³⁶.

Информируя Рим о последней встрече с Молотовым, Россо сообщал о своем "четком впечатлении", что Москва склонна активизировать свои отношения с Италией. 15 июня МИД Италии уведомил Россию, что Муссолини дал указание продвигаться вперед в развитии контактов с Советским Союзом³⁷.

Поворот в советской политике к нормализации отношений с Италией произошел в результате крупных поражений франко-английских войск и в связи с ситуацией на Балканах. В день ввода советских войск в Бессарабию Москва подтвердила пакт о ненападении между Италией и СССР 1933 г.³⁸ 10 июня Италия, разумеется, под давлением и по договоренности с Германией, объявила войну Великобритании и Франции.

В Москве в этих условиях уже не могли больше игнорировать Италию, ставшую прямым военным союзником Германии. Кроме того, балканские дела все в большей степени привлекали внимание европейских воюющих стран, и советское руководство, разумеется, не хотело конфронтации со страной, которая играла весьма существенную роль в этом регионе.

Как показатель стремления хоть как-то сбалансировать поступающие ежедневно сообщения о победах германских войск, в Москве именно в эти дни приняли нового французского посла и дали агреман на приезд известного британского деятеля Ст. Криппса, назначенного английским послом в Советском Союзе³⁹.

Согласие на нормализацию отношений с Италией входило в общий контекст тех дискуссий в советском руководстве, которые, видимо проходили в Москве в связи со стремительным разгромом Франции, а также поражением британских войск в Дюнкерке и их эвакуацией на острова.

* * *

Итак, к началу лета 1940 г. обстановка в Европе резко изменилась. Германия начала активные действия и в течение менее двух месяцев разгромила Францию, Бельгию, Голландию и оттеснила Англию на британские острова. Рушилась главная установка Сталина на длительное противостояние двух империалистических блоков. Конечно, Англия не была разбита и война продолжалась, но Германия, оккупировавшая значительную часть Европы, уже не должна была держать столько военных сил на западе. *Она явно перестала нуждаться в Советском Союзе в той степени, как прежде.*

В своих мемуарах Н.С. Хрущев вспоминал: Сталин "находился в таком состоянии, которое не вносило бодрости и уверенности в том, что наша армия достойно встретит врага. Он как-то опустил руки после разгрома Гитлером французских войск и оккупации Франции... Сталин видел надвигающуюся неумолимую лавину, от которой нельзя уйти, и уже была подорвана его вера в возможность справиться с этой лавиной. А лавиной этой была неотвратимая война с Германией". Сталин "стоял уже перед Гитлером, как кролик перед удавом"⁴⁰.

Теперь (и это видно из множества немецких документов) перед Гитлером и его окружением стоял "вечный" вопрос — куда направить главный удар — против Великобритании или же повернуться против большевистской России. Вспомним в этой связи слова фюрера 23 ноября 1939 г.: "Пакты существуют столько времени, поскольку они служат нашим целям". Отметим, что Германия была еще сильно связана с СССР, она нуждалась в советской нефти, зерновых продуктах и в цветных металлах.

После поражения Франции Гитлер, прежде всего явно в пропагандистских целях, обратился к Великобритании с предложением о мире, но Черчилль, ставший британским премьером, ответил категорическим отказом. Для Англии подписание мира было равносильно признанию полного поражения, при

котором Гитлер диктовал бы условия мира. Поэтому война с Великобританией должна была продолжаться, и Гитлер, приняв решение добиваться поражения Англии, продолжал сотрудничество с СССР, хотя и степень немецкой заинтересованности явно слабела, ее направления меняли приоритеты.

После июня в Берлине началось обсуждение дальнейшей стратегии, и теперь в качестве главных противников выступали Великобритания и США, причем в последнем случае, а также ввиду интереса к британским колониям ось противоборства распространялась и на Дальний Восток и южную Азию. Что касается Европы, то Германия явно усиливала внимание к Балканам, Средиземноморью и Юго-Восточной Европе.

В Москве не знали деталей дискуссий в немецком руководстве, но ощущали при постоянном общении с германскими официальными лицами изменившиеся акценты в немецких приоритетах.

Сталин и его окружение также стояли перед дилеммой определения дальнейших шагов. И здесь обнаружили просчеты советской стратегии 1939 г. Судя по всему, у советских лидеров не было ясных представлений о конечной цели.

Договариваясь с Германией и фактически сведя отношения с Англией и Францией к минимуму, Москва лишила себя возможности игры на противостоянии и балансировании. И как только Германия разгромила Францию, Советский Союз оказывался визави с Германией, искренность целей которой подвергалась все большему сомнению. Постоянное взаимное раздражение, разногласия и стычки по экономическим вопросам усиливали беспокойство в Москве. Но у Сталина практически уже не было выбора. Германия настолько набрала силу, что для СССР был немислим переход в англо-американский лагерь (к тому же при ослаблении Англии и угрозе немецкого вторжения на британские острова).

Видимо, в Москве (как это вытекало из последующих действий и из некоторых документов) приняли следующие решения.

1. Общая стратегическая линия оставалась неизменной: демонстрация сотрудничества с Германией, приветствие, по крайней мере на словах, ее побед на Западе и стремление смягчать или устранять источники разногласий, в том числе и особенно в экономической области.

В условиях быстрых и во многом неожиданных побед Германии в Западной Европе Москва оказывалась более заинтересованной в сохранении с ней сотрудничества, чем Берлин. Именно этим можно объяснить стремление советских руководителей внешне не обострять ситуацию и продолжать уверять немцев в своей поддержке.

2. При усилении германского интереса к Балканам и советские лидеры значительно активизировали здесь свои действия, пытаясь подтвердить там свое влияние, опираясь прежде всего на Болгарию и Югославию и по возможности нормализуя отношения с Турцией. Сложность и противоречивость ситуации состояла в том, что такая позиция СССР неизбежно вела к усилению советско-германских противоречий и объективно была направлена к противодействию германским планам на Балканах.

3. Укреплялись двусторонние отношения с потенциальными и реальными союзниками Германии, прежде всего с Японией. Руководители в Кремле хотели, как и ранее Германия, избавиться от возможных столкновений и на Западе и на Востоке и добивались этого нормализацией советско-японских отношений и стабилизацией положения на Дальнем Востоке.

Именно в этом контексте следует оценить и готовность СССР нормализовать контакты с Италией, на чем так сильно настаивали Гитлер и Риббентроп. В отличие от японского направления в Москве не строили больших иллюзий по поводу отношений с Италией, в целом ее действия определялись нежеланием игнорировать пожелания Германии и избегать противоречий с Италией в связи с балканскими делами.

4. Хотя с явным опозданием и оговорками, Москва решила продемонстрировать публично сохранение связей с Великобританией и даже с Францией. Буквально за несколько дней до ее оккупации Молотов принял французского посла, агреман которому был дан за несколько дней.

Но еще более явная демонстрация была проявлена в отношении Великобритании. Советское руководство дало согласие на назначение британским послом в СССР известного английского общественного деятеля Стаффорда Криппса, которому был оказан прием не только Молотовым, но и Сталиным 1 июля 1940 г. Однако, следуя общей политической линии, Москва дальше этого шага не пошла.

5. Главное же на этом этапе состояло в том, что завершилось присоединение Прибалтики с согласия Германии (в соответствии с договором) и с учетом того, что ни Англия, ни тем более разгромленная Франция не могли этому воспрепятствовать.

В целом в мае – июне 1940 г. советские лидеры ограничились выше перечисленными действиями. Они были вызваны событиями последних предвоенных месяцев, а также быстрым и неожиданным поражением Франции. Что касается перспектив, в Москве, видимо, ожидали дальнейшего развития событий.

Постепенный поворот к войне

Советско-германские отношения в период с мая до ноября 1940 г. сохраняли в целом свою прежнюю динамику. Обе стороны продолжали взаимные уверения в дружеских чувствах (хотя и в более умеренных тонах) и в желании развивать сотрудничество, концентрируя внимание на экономических и торговых вопросах, усиливая дискуссии, прежде всего вокруг ситуации на Балканах.

В то же время по отдельным признакам было очевидно, что СССР и особенно Германия готовились к рассмотрению более общих проблем, вытекающих из тех перемен, которые произошли в Европе после поражения Франции и явного ослабления Великобритании. Главная интрига состояла в определении того, какое место Гитлер и его окружение отводили в новой обстановке своим отношениям с Советским Союзом, считали ли они, что договоренности с Москвой должны продолжаться в том же духе или же трансформироваться и развиваться в ином направлении.

Трудные дискуссии проходили и в Кремле. Непосредственно летом 1940 г. Сталин, видимо, принял решение исчерпать полностью августовские договоренности с Германией 1939 г., опасаясь, что задержка с их реализацией приведет к трудностям, поскольку Германия может снизить свой интерес к позиции Москвы ввиду своих впечатляющих побед над англо-французской коалицией.

17 июня Молотов встретился с Шуленбургом. Он поздравил посла с победами германских армий. Было обсуждено также предложение маршала Петэна о мирных переговорах. Советский нарком информировал Шуленбурга о вводе советских войск в Прибалтийские страны и о смене в них правительств. Главное, что хотел узнать Молотов, он услышал — Шуленбург ясно заявил, что действия СССР в Прибалтике являются исключительным его делом и Прибалтийских государств⁴¹.

В середине июня во многих странах и по разным каналам начали распространяться слухи об усиливающихся разногласиях между СССР и Германией. 14 июня Риббентроп дал указания Шуленбургу поднять в беседе с Молотовым вопрос "в тактичной форме" о враждебных высказываниях в отношении Германии. Следуя своей линии, Москва решила упредить подобные слухи, и 23 июня было опубликовано сообщение ТАСС, в котором СССР опровергал версии о сосредоточении советских войск вблизи германской границы. "Добрососедские отношения между СССР и Германией, — отмечалось в сообщении ТАСС, — нельзя поколебать какими-либо слухами и мелко-

травчатой пропагандой, ибо отношения основаны... на коренных государственных интересах СССР и Германии"⁴².

В тот же день Шуленбург посетил Молотова для подробной беседы. Немецкий посол снова высказался за улучшение советско-итальянских отношений, но главными темами беседы стали два вопроса. Во-первых, Шуленбург выразил явное неудовольствие крайне незначительными поставками Германии цветных металлов, особенно из третьих стран. Было очевидно, что экономические вопросы продолжали оставаться весьма чувствительными и непростыми в отношениях между двумя странами. Во-вторых, Москва начала зондаж о реакции Германии на предстоящие акции СССР по присоединению Бессарабии. Советские лидеры очень спешили разрешить этот вопрос, поскольку между Германией и Францией уже велись переговоры о перемирии и позиция Германии по Бессарабии могла бы стать менее определенной.

Состоявшаяся 23 июня беседа это подтвердила. Шуленбург пытался напомнить Молотову, что в свое время СССР был готов заявить претензии на Бессарабию только в том случае, если от какой-либо третьей стороны (Венгрии, Болгарии) последуют свои территориальные претензии. По словам Шуленбурга, Германия серьезно зависит от румынской нефти. Молотов довольно резко сказал: "Вопрос о Бессарабии не нов для Германии". Интересно и то, что он включил в проблему разрешения бессарабского вопроса и присоединение к СССР Буковины⁴³. Эта беседа показала, что помимо экономических проблем в центр советско-германских дискуссий все более включались балканские дела (с участием Италии) и советско-японские отношения.

Буквально через два дня Шуленбург сообщил Молотову мнение германского правительства по поводу Бессарабии. Оно в полной мере признавало права Советского Союза на Бессарабию и просило лишь понять немецкие экономические интересы в Румынии. Риббентроп заявлял также, что вопрос о правах СССР на Буковину является новым и осложнит мирное и быстрое решение бессарабского вопроса. Молотов защищал советские права и интересы в Буковине, особенно настаивая на крайней срочности вопроса и на желательности немедленного демарша Германии, имея в виду Румынию.

Из беседы Молотова с Шуленбургом стало ясно, что Москва не начинала своих разговоров в Бухаресте, явно предпочитая, чтобы это было сделано германскими руками⁴⁴. Как видно из германских документов, Риббентроп направил 27 июня румынскому правительству рекомендацию "безоговорочно принять требования советского правительства"⁴⁵.

Опасаясь, что постановка вопроса о Буковине в дополнение к Бессарабии может привести к задержке с решением проблемы, в Москве решили пойти на уступки. 26 июня Молотов в письме к Шуленбургу дал согласие на то, чтобы к СССР отошла лишь северная часть Буковины с г. Черновцы⁴⁶.

Итак, в июне 1940 г. сразу же после разгрома Франции советское правительство, активно воздействуя на Германию, добилось ее невмешательства в события в Прибалтике, приведшие к ее вхождению в состав СССР. В то же время, как это видно из донесения немецких дипломатов из Прибалтийских государств, уже на самой ранней стадии Германия выдвигала две проблемы: экономические интересы и, самое главное, судьба немецкого населения в Прибалтийских государствах, что стало предметом дальнейших контактов и осложнений между двумя странами⁴⁷.

Полная индифферентность Германии в отношении Прибалтики объясняется ее незначительными стратегическими интересами в этом регионе. Иное дело Бессарабия, поскольку румынская нефть была одним из главных топливных источников для Германии, и Берлин обусловил свое согласие на присоединение Бессарабии условием: СССР ни в коей мере не затронет немецких экономических связей с Румынией.

В июле Германия опять проявила недовольство невыполнением СССР своих обязательств по поставкам нефтепродуктов и цветных металлов. Теперь к этому добавилось ее желание увеличить поставки никелевой руды из Финляндии за счет понижения в поставках доли СССР. Немецкие требования имели в виду уменьшение финских поставок в СССР на 25% с тем, чтобы на долю Германии пришлось 75%⁴⁸. Через несколько дней этот вопрос был снова поднят в беседе Молотова с Шуленбургом, причём советский нарком крайне нервно реагировал на информацию о прямых переговорах германских представителей с Финляндией⁴⁹.

В те же дни неожиданно возникло еще одно, отмеченное ранее, обстоятельство, обостренно воспринятое обеими странами. Оно касалось просьбы Сталина и Молотова согласиться на передачу СССР небольшой части территории Литвы, переданной Германии по договору от 28 сентября 1939 г., о чем шла речь в предыдущем разделе. Но немцы заявили, что это их территория и они не собираются эвакуировать из нее своих граждан.

В целом документы июля – октября 1940 г. показывают, что столкновение позиций обеих стран происходило постоянно. Фактически на всех многочисленных встречах Молотова с Шуленбургом возникали спорные вопросы. В итоге они разрешались, но буквально через несколько дней поднимались.

В отношении экономических и торговых вопросов весьма острой оказалась беседа А.И. Микояна с главой немецкой экономической делегации К. Шнурре⁵⁰, который признал факты невыполнения Германией своих обязательств по поставкам. Речь шла и о возможности размещения заказов СССР в Германии и о расширении германских поставок. Микоян представил меморандум о шестимесячных итогах экономических отношений. Беседа и тон разговора показывают, насколько далеко зашли разногласия между обеими сторонами и какой большой заряд недовольства был накоплен. Практически по всем вопросам, большим и малым, стороны высказывали свои претензии и неудовлетворенность. Беседа явно противоречила заявлениям о вечной дружбе и взаимопонимании.

В период июля — сентября в советско-германских отношениях появились более общие темы. Они были связаны с упоминавшимися уже дискуссиями и в Берлине, и в Москве о стратегических направлениях политики после поражения Франции и заключения германо-французского перемирия (с правительством в Виши).

Еще 8 июля Шкварцев докладывал в Наркоминдел об исключительном внимании Берлина к Юго-Востоку Европы в связи с "активизацией СССР в этих районах"⁵¹. По словам советского посла, немецкая пресса единодушна в том, что страны Европы, за исключением областей влияния СССР, находятся под господством Германии и Италии. При этом в большинстве стран создаются правительства немецкой ориентации. Пресса пишет, что война с Англией еще предстоит, к ней идет подготовка, но одновременно завершена переброска немецких войск с Запада на Восток.

Особое значение доклада советского посла состояло и в том, что еще 13 июля 1940 г. в Москву последовало сообщение о переброске немецких войск с Запада на Восток. С учетом постоянно накапливающегося взаимного недовольства и разногласий советское руководство понимало, в какую сторону могут повернуться события.

Именно в те июльские дни Германия провела несколько встреч с лидерами ряда стран Юго-Восточной Европы. 10 июля в Мюнхене Гитлер и итальянский министр иностранных дел Чиано имели встречу с премьер-министром Венгрии⁵². Они заявили о поддержке притязаний Венгрии на часть Трансильвании, о необходимости исходить из того, что Венгрия должна опираться только на державы "оси". Они также намекнули, что с пониманием относятся к интересам Венгрии в ее отношениях с СССР.

Через три недели в Зальцбурге Гитлер встречался с премьер-министрами Румынии и Болгарии. На этих переговорах Гитлер обещал

сотрудничество в экономической и военной областях, германо-итальянские гарантии Румынии, поддержку претензий Болгарии на Южную Добруджу и т.п.⁵³ В те же дни Гитлер принял в Берггдорфе делегацию Словакии во главе с президентом И. Тисо и объявил, что Словакия переходит в разряд государств, находящихся под защитой Германии, и примет активное участие в создании нового порядка в Европе⁵⁴.

31 июля Шуленбург по поручению из Берлина информировал Молотова о проходивших встречах в Зальцбурге, но было совершенно ясно, что эти информации происходят уже постфактум и Германия действует самостоятельно, не консультируясь с СССР. В одной из бесед с Шуленбургом Молотов обратил внимание на это обстоятельство. Об этом же говорил и Шкварцев в Берлине, но немецкие представители оставили эти замечания без ответа.

Во второй половине июля и в августе во многих странах (как это можно проследить по прессе и по дипломатическим документам) усиленно распространялись слухи и сообщения о разногласиях между СССР и Германией, о возможности союза СССР с Англией и т.п. Видимо, отчасти подобные комментарии явились результатом какой-то утечки информации о тех обсуждениях, которые проходили в высших кругах Германии. Еще 6 июля МИД Германии разослал циркулярное письмо, в котором упомянул о германо-советских разногласиях. 21 июля Гитлер в разговоре с генералом Браухичем заявил о необходимости обратиться к решению русской проблемы и в конце июля дал указание подготовить план разгрома СССР, имея в виду начало военных действий в мае 1941 г.⁵⁵ 28 и 31 июля Гитлер направил указания о подготовке оперативных планов военного разгрома СССР⁵⁶. В начале августа верховное командование Германии издало директиву "Ауфбау Ост" о переброске войск на восточные границы Германии.

6 августа Риббентроп уже открыто заявил протест Москве (в беседах с Шкварцевым) в связи с публикацией в латвийской газете "Яунакас Синае" статьи, начинающейся словами: "Германские коммунисты против Компъена⁵⁷, и германская компартия распространяет воззвание о том, что подписание в Компъене соглашения является неслыханным диктатом". Риббентроп заявил, что эта статья направлена против Германии и противоречит последним высказываниям фюрера и Молотова и что появление подобных статей нежелательно⁵⁸.

Трудно сказать, в какой мере публикация статьи была согласована с Москвой, но любопытна весьма спокойная реакция Молотова. На самой телеграмме Шкварцева Молотов написал: «Тов. Вышинскому. Скажите латышам (ЦК), что нельзя этого допускать впредь. Держаться надо по "Правде"»⁵⁹. А Риббен-

тропу из Москвы сообщили, что указанная газетная статья появилась в прессе в результате "недоразумения"⁶⁰.

В последней декаде августа в Москве были напечатаны статьи, посвященные годовщине подписания советско-германского пакта. Конечно, если сравнить их с публикациями сентября 1939 г., то будет заметна разница. В 1940 г. формулировки были сдержаннее, хотя их общий тон и оценки оставались положительными. Такими же, а может быть, даже, еще с большим пафосом, были и статьи, опубликованные в Германии 23–24 августа 1940 г.

Но сразу же вслед за этими юбилейными статьями 31 августа Молотов после информации, полученной от Шуленбурга о "третьем" решении Германии и Италии спорных вопросов между Венгрией и Румынией в Вене, жестко заявил, что германское правительство нарушило третью статью договора о ненападении от 23 августа 1939 г., где говорилось о консультации между сторонами по интересующим их вопросам. По словам Молотова, речь идет о двух пограничных с СССР странах⁶¹. Шуленбург попытался объяснить происшедшее "большой поспешностью в решении вопроса".

Тот же сюжет присутствовал и в беседе Шкварцева с Риббентропом 2 сентября. Германский министр сказал, что не считает этот факт противоречащим обязательствам Германии о консультациях с СССР⁶².

Новый элемент разногласий был связан с информацией о созыве 1 сентября в Вене совещания экспертов по дунайским вопросам⁶³. Советское правительство заявило, что СССР не может не участвовать в каких-либо совещаниях по дунайским вопросам, так как СССР является придунайским государством, что теперь подтверждено возвращением Бессарабии⁶⁴.

Значительный интерес представляет реакция Германии на советское заявление, прозвучавшая во время беседы Шкварцева со статс-секретарем МИД Германии Вайцзекером. Сначала Вайцзекер заявил, что на заседании дунайской комиссии (которая уже существует) речь шла о той части Дуная, которая лежит выше течения этой реки, граничащей с Советским Союзом. В связи с вновь поднятым вопросом о недовольстве СССР, что Германия не информировала ее о третьем решении в Вене, немецкий дипломат заявил: Германия заявляла о своей незаинтересованности в Бессарабии, у СССР нет больше территориальных интересов в Румынии, это же относится и к Венгрии. Вайцзекер напомнил советскому послу и о том, что именно Германия посоветовала Румынии разрешить конфликт с СССР иным путем, чему она и последовала.

Поскольку ранее советские дипломаты приводили в пример консультации СССР с Германией по Прибалтике, то Вайцзекер

заявил (мы уже писали об этом в предыдущей главе, но повторим еще раз): он обращает внимание на различие, состоящее в том, что «акция советского правительства в Литве и вообще в Прибалтийских странах представляла собой захват территории (Вайцзекер, правда, тут же заменил слово "захват" на слово "приобретение"), а действия Германии при разрешении венгеро-румынского конфликта были направлены к сохранению мира в этой части Европы»⁶⁵. Фразеология Вайцзекера уже могла дать Москве представление, насколько далеко зашли разногласия и как в Берлине трактуют договор 1939 г.

9 сентября этот вопрос был снова обсужден на встрече Молотова с Шуленбургом, на которой советский нарком, весьма пространно вспоминая все переговоры-консультации, которые Москва вела с Берлином по поводу Бессарабии и Буковины, заявил, что СССР пошел на компромисс по поводу Южной Буковины. Вспомнил Молотов и Прибалтику, опять повторив примеры многочисленных советских консультаций с Германией. Затем стороны обменялись взаимными претензиями по поводу оставления германских представительств в Риге, Таллине и по другим вопросам⁶⁶.

В дальнейшем советская сторона еще несколько раз продолжала ставить вопрос о советском участии в заседаниях дунайской комиссии⁶⁷. Общее ухудшение отношений между СССР и Германией наглядно видно из обсуждения вопроса о дунайской комиссии и третейского арбитража в Вене. 16 сентября немцам была направлена памятная записка по вопросу о дунайской комиссии⁶⁸. Затем последовало более серьезное обострение. 21 сентября Молотов имел беседу с Шуленбургом, в которой снова напоминал обо всех фактах, касавшихся Бессарабии, Буковины и пр. и в заключение вручил памятную записку. В ней наркоминдел отвергает по пунктам объяснение германского правительства и снова напоминает всю историю советских консультаций по поводу Бессарабии и Прибалтики, когда Германия была заранее уведомлена и давала свое согласие на действия СССР.

Далее Москва предлагает: поскольку принятое решение в Вене противоречит статье III Договора о ненападении, то СССР готов обсудить вопрос об ее изменении или отмене, если она представляет неудобство для Германии. Когда Молотов коснулся данного вопроса в беседе с Шуленбургом, последний заявил: об этом не может быть и речи, в Берлине об этом и не думают, это было не более чем недоразумение⁶⁹.

Все эти дискуссии, столкновения и разногласия явились отражением более общих вопросов.

Как уже указывалось, Германия после июня – июля была занята выработкой дальнейшей стратегии. События показали,

что сначала немцы предприняли ряд попыток осуществить высадку на британских островах, но потерпели неудачу и в конечном счете перешли к их длительной осаде и бомбардировкам. Как отмечалось ранее, Черчилль отверг все германские предложения о мире. Поэтому Англия приняла решение сражаться до конца.

В этой ситуации Германия, видимо, разработала план действий в следующих направлениях:

- изоляция Англии, вытеснение ее из Юго-Восточной Европы, Ближнего Востока, Малой Азии, по возможности и из Индии и соседних территорий. Во многих разговорах немецких дипломатов, политических и общественных деятелей того периода постоянно звучала тема о новом переделе мира, о немецком интересе к Африке и Азии и о том, что нужны новые коалиции для разгрома Англии и краха всей Британской империи;

- образование тройственного союза (Германия, Италия и Япония) для достижения этой стратегической цели. При этом Италии отводится главная роль по включению в орбиту Германии или тройственного союза Балканских стран и государств Юго-Восточной Европы. Германия вкупе с Италией резко активизирует свои действия в отношении Румынии, Венгрии, Болгарии и Словакии. Устранив Англию из состава дунайской комиссии, они стремятся "прибрать к рукам" эту комиссию. Япония предпринимает антибританские действия на Дальнем Востоке, Соединенные Штаты Америки нейтрализуются во избежание их участия в войне на стороне Великобритании;

- подготовка к вторжению в Россию. Гитлер заговорил об этом в конце июля — начале августа и уже дал некоторые распоряжения на этот счет. Военные получили шесть месяцев для выработки стратегического и оперативного планов. Пока Берлин поставил задачу максимально ограничить советское влияние и действовал на Юге и Востоке Европы, ослабляя связи СССР с Югославией, Болгарией и Турцией. Германия приветствовала улучшение советско-итальянских отношений, полагая, что через своего союзника сможет больше влиять и на действия СССР. Гитлер и Риббентроп активизировали свой нажим на Москву в экономической области, рассчитывая увеличить получение Германией так нужных ей зерно- и нефтепродуктов, а также цветных металлов;

- на данном этапе не портить и не обострять отношения с СССР. Берлин все еще рассчитывал привлечь его к общей борьбе с Великобританией.

В этих целях некоторые германские политики и журналисты, видимо, не без подсказки властей, заговорили о возможности нового раздела мира на сферы влияния, где Советскому Союзу отводились бы территории в районе Среднего Востока (Иран, Афганистан), в Монголии и т.п.

10 сентября известный германский профессор, дипломат, советник Кейтеля О. Недермайер на встрече с советником советского посольства А. Кобуловым развивал идеи о разделении сфер влияния в Европе и Азии. Германии он отдавал Юго-Восток Европы, СССР — Монголию и Иран. Англия же будет вытеснена из Средиземноморья и лишится своего господствующего положения в Азии⁷⁰. Отводя Советскому Союзу подобную роль, Гитлер и его окружение рассчитывали направить советские интересы не на Юго-Восток Европы, а в Азию, ставшая СССР с Великобританией.

Взяв общий курс на подготовку будущей войны с СССР, нацистское руководство было в тот период не заинтересовано в углублении и обострении противоречий с СССР, надеясь привлечь его к формирующемуся тройственному союзу, а уже после ослабления или даже поражения Англии приступить к реализации своих планов в отношении СССР. Поэтому в течение сентября — октября немцы сделали ряд успокоительных жестов и заявлений в адрес Советского Союза, демонстрируя свое желание снять возникшие наслоения и продолжать сотрудничество с Советским Союзом.

13 октября Риббентроп направил письмо на имя Сталина, в котором сообщал о намерении Германии продолжать политику добрососедства и углубления политического и экономического сотрудничества с Советским Союзом и личных контактов ведущих деятелей двух стран. Риббентроп сослался на установку Гитлера содействовать выполнению исторической задачи Советского Союза, Германии, Италии и Японии координировать политику в долгосрочном плане путем разграничения их интересов по "вековым вехам".

В послании много говорилось об английской политике, которая, отвергнув предложение фюрера о мире, стремится расширить свои действия на Балканах, на севере Европы, в Азии и на Дальнем Востоке⁷¹. И именно для противодействия Англии Германия считала бы важным сотрудничество в рамках тройственного союза и Советского Союза. Германия особенно ратовала за улучшение отношений между СССР и Японией. "Суммируя все сказанное, — писал Риббентроп, — можно добавить, что, по мнению фюрера, историческая миссия четырех держав состоит в том, чтобы на многие годы объединить политику для будущего развития их народов и для определения их интересов на длительную перспективу⁷². Германское правительство заявляло, что оно приветствовало бы визит Молотова в Берлин в ближайшее время, а затем Риббентроп мог бы прибыть в Москву для встреч со Сталиным, возможно, при участии представителей Италии и Японии⁷³.

Как видим, германское руководство начало реализовывать организацию возможного союза четырех стран, внешне стре-

мясь сгладить возникшие противоречия с СССР и поставив вопрос о разграничении интересов.

Это письмо Шуленбург вручил Молотову 17 октября⁷⁴. А еще ранее Риббентроп принял Шкварцева в Берлине и заверял его о намерении укрепить советско-германские отношения⁷⁵. На беседе 17 октября Шуленбург сообщил Молотову, что Германия согласна с предложением СССР об образовании единой дунайской комиссии с участием СССР и с привлечением Италии, что вызвало возражения Молотова. Шуленбург также обратил внимание Молотова на возможность созыва конференции четырех держав в Москве, уверяя, что информация об этом, уже попавшая в печать, исходит не от Германии⁷⁶.

Принимая предложенный Германией тон, советское правительство сообщило 19 октября, что, идя навстречу ее пожеланиям, оно согласно на участие Италии в работе единой дунайской комиссии⁷⁷. А через два дня Риббентропу направили ответ Сталина, в котором советский лидер соглашался с возможностью дальнейшего улучшения отношений, опирающееся на прочную базу разграничения интересов на длительный срок. Сталин соглашался на визит Молотова в Берлин 10 — 12 ноября и писал о готовности затем принять Риббентропа в Москве. Не возражая в принципе против идеи обсуждения некоторых вопросов с участием представителей Японии и Италии, Сталин писал, что этот вопрос следовало бы предварительно обсудить⁷⁸.

Инициатива приглашения Молотова в Берлине проходила на фоне подписания тройственного пакта между Германией, Италией и Японией. Информация о предстоящем его заключении была впервые доведена до сведения советского правительства 26 сентября во время беседы Молотова с поверенным в делах Германии в СССР В. Типпельскирхом. В немецкой сопроводительной записке всячески подчеркивалось, что этот пакт никоим образом не затронет отношений, которые каждая из трех держав имеет с Советским Союзом. Этот союз «направлен исключительно против “демократических поджигателей войны”», нынешний период приведет к окончательному покорению Англии⁷⁹. Эта же мысль была подчеркнута Вайцзекером во время его беседы с Шкварцевым 28 сентября⁸⁰.

В целом реакция советского правительства на заключение тройственного пакта и приглашение Молотова в Берлин была достаточно осторожной. По данным американского посла в Москве, в Кремле были недовольны этим пактом. Советские лидеры считали, что он означал принципиальное изменение германской политики в отношении СССР. В Москве циркулировали слухи, что следующей весной Германия начнет войну против СССР, что уже сейчас на германо-советской границе находится значительное число немецких войск⁸¹.

В тот же период в германо-советских отношениях возникла финская тема. 22 сентября в Берлине было заключено германо-финляндское соглашение о транзите немецких войск и военного снаряжения через Финляндию в Северную Норвегию. 23 сентября финское правительство уведомило об этом соглашении советское посольство в Хельсинки⁸². Во время беседы Молотова с Типпельскирхом 26 сентября советский нарком поднял вопрос об этом соглашении, считая, что Германия согласно статье 3 советско-германского пакта должна была сообщить об этом в Москву до подписания договора. В Москве есть сведения, сообщил Молотов, что речь идет не только о транзите, поскольку немецкие войска размещаются на финской территории⁸³.

Молотов снова поднял этот вопрос во время встречи с Типпельскирхом 4 октября. Москва настаивала на том, что Германия должна была заранее информировать СССР, поскольку по договору между ними Финляндия относится к сфере интересов Советского Союза. Немецкий дипломат уверял, что все германские войска следуют в Киркенес (Северная Норвегия) и не останутся на территории Финляндии⁸⁴.

В канун визита Молотова в Берлин между советскими и немецкими представителями продолжались иногда весьма острые диспуты о размерах компенсации за немецкую собственность в Прибалтике. Москва также готовилась к предстоящим заседаниям единой дунайской комиссии (взамен ранее существовавших международной дунайской и европейской дунайской комиссий)⁸⁵. Но все эти вопросы теперь отходили на второй план. Советским лидерам предстояло определиться с долгосрочной перспективой в отношениях с Германией.

Как уже отмечалось, в Москве понимали, что быстрый разгром Франции и оккупация Германией практически всей Западной и Северной Европы в корне меняли всю ситуацию. Перспективы англо-германской войны были достаточно туманны. К тому же в Москве могли быть крайне озабочены сведениями о попытках посредничества Рузвельта между Англией и Германией после отклонения Черчиллем всяких предложений Берлина о мирных переговорах. Здесь, видимо, понимали, что и в случае мирных переговоров и в случае поражения Англии СССР останется один на один с Германией, оккупировавшей почти всю Европу.

Постоянно растущее напряжение в германо-советских отношениях не сулило ничего хорошего. Германия начала активное проникновение на Балканы (гарантии Румынии, арбитраж между Румынией и Венгрией, нажим на Болгарию и т.п.). Италия, ставшая союзником Германии по тройственному пакту, также устремляла свои взоры на Балканы. И в этой обстановке

Берлин приглашает Москву присоединиться к тройственному пакту, явно намекая на то, что Советскому Союзу предлагают в качестве зоны интересов в основном Средний Восток (что в любом случае должно было привести к столкновению интересов Москвы и Лондона).

Теперь Сталину необходимо было определить стратегию на длительную перспективу. Москве становилось все труднее играть на противоречиях и балансировать между англо-французским блоком и Германией ввиду разгрома Франции и ослабления Англии, оттесненной на британские острова.

Все эти вопросы и оказались в центре внимания советского руководства в сентябре – ноябре 1940 г., накануне и в ходе визита Молотова в Германию.

Визит Молотова в Берлин

В архивах нет подробных данных о том, насколько в Москве понимали всю серьезность сложившейся ситуации и было ли это предметом обсуждений в высшем руководстве. СССР нормализовал отношения с Италией и контактировал с правительством Японии.

Москва продолжала связи с Англией. Беседы Сталина с новым британским послом Ст. Криппсом должны были продемонстрировать Германии, что СССР продолжает линию на то, чтобы не быть воюющим союзником Германии в ее борьбе с Англией. Происходили встречи и с представителями США.

Этим, пожалуй, и ограничивались достижения Москвы. С той же Англией советские лидеры не пошли даже на некоторые показательные шаги. При наличии контактов сохранялись весьма прохладные и даже недружественные отношения с Соединенными Штатами Америки.

Германия явно вытесняла СССР из Балкан и Юго-Восточной Европы. Даже в соседней Финляндии появились немецкие солдаты. Практически у Сталина не было выбора. Конечно, он был удовлетворен советизацией части Польши, Прибалтики и Бессарабии, но это мало влияло на общую расстановку сил.

В стратегическом плане Сталин и Молотов уже ничего изменить не могли. Разрыв или даже охлаждение с Германией могли привести лишь к войне с ней, причем с поверженными или максимально ослабленными потенциальными союзниками.

Фактически Гитлер поставил перед Москвой жесткий вопрос – о присоединении к тройственному пакту и о новом переделе, на этот раз уже мировых сфер влияния с весьма непредсказуемыми для СССР последствиями. Гитлер явно хотел

использовать Москву для вытеснения Англии из традиционных для нее регионов. Между тем для СССР было бесперспективно и даже опасно втягиваться в авантюры на Среднем Востоке и в Южной Азии. Кроме того, согласие войти в тройственный пакт уже и формально заканчивало бы период предпочтительных отношений Германии с Советским Союзом, оставляя Москву перед лицом объединенной германо-итальянской коалиции и нейтральной Японии, имевшей свои интересы прежде всего на Дальнем Востоке и в районе Тихого океана. Присоединяясь к пакту, Москва окончательно ставила бы крест на возможных маневрах и даже не слишком значительных контактах с Англией и весьма затрудняла бы себе отношения с США, для которых Япония и Германия становились основными противниками.

В создавшейся ситуации Сталин не мог отказаться от поездки Молотова в Берлин. Разумеется, он мог и должен был использовать мирный период, чтобы максимально ускоренными темпами осуществлять программу перевооружения армии и готовить ее к вероятной войне. Но реализация этой цели была связана и с внутренним развитием страны, с логикой, особенностями и возможностями советской системы. Судя по всему, в Москве решили попытаться выжать все, что еще можно было, из сотрудничества с Германией и ждать дальнейшего развития событий.

Конец октября и начало ноября были отмечены подготовкой к визиту в Берлин, в которой кроме Сталина участвовали прежде всего Молотов, Ворошилов и Микоян, в течение нескольких месяцев контактировавшие с германскими официальными лицами. В итоге родились так называемые директивы к берлинской поездке, найденные в архиве в виде рукописей и, судя по почерку, написанные Молотовым. Существует даже мнение, что эти директивы ему продиктовал Сталин⁸⁶. Очевидно также, что Молотов обобщил и те предложения в ходе обмена мнений, с которыми и согласился Сталин.

Заголовок документа и его внешний вид показывают, что это не было ни постановление Политбюро, ни протоколно оформленный документ. Весь документ производит впечатление записи совещания и возможных рекомендаций и соображений, которые давал Сталин, может быть, и с учетом других предложений.

"Директивы" начинаются с описания цели поездки. Она формулируется как необходимость "разузнуть" действительные намерения Германии и всех участников тройственного пакта о планах "Новой Европы" и Великого Восточно-Азиатского Пространства, их границ, характера государственной структуры, этапов и сроки осуществления, перспективы присоединения других стран к пакту и место СССР в этих планах "сейчас и в дальнейшем".

Была названа идея подготовить (видимо, в плане поездки) "наметку" сфер интересов СССР в Европе, а также в Ближней и Средней Азии, прощупав возможности соглашения об этом с Германией, а также с Италией, но на данной стадии переговоров не заключать какого-либо соглашения, имея в виду их продолжение в Москве в ближайшее время. Предполагалось установить преемственность намечаемой сферы интересов с пактом от 23 августа 1939 г. Отмечалось, что прежние разграничения уже были исчерпаны, за исключением Финляндии, и выдвигались следующие новые требования Советского Союза:

«Финляндия — устранение всяких трудностей со стороны Германии (вывод немецких войск и прекращение всяких политических демонстраций, направленных во вред интересам СССР);

Болгария (главный вопрос переговоров) должна быть отнесена к сфере интересов СССР, как это было уже сделано Германией и Италией в отношении Румынии, с вводом советских войск в Болгарию;

вопрос о Турции должен решаться с участием СССР, так как у нас есть там серьезные интересы;

ситуация вокруг Румынии и Венгрии должна обсуждаться по договоренности с СССР (как пограничной с ним страны);

вопрос об Иране также решается с нашим участием (с оговоркой, что "без нужды об этом не говорить";

в отношении Греции и Югославии — узнать "намерения оси";

о Швеции — должна остаться нейтральной страной;

применительно к Балтике СССР интересуется свободный проход через Малый и Большой Бельт, Эре Зунд, Каттегат и Скагеррак. Может быть, обсудить это на совещании по типу дунайской комиссии;

на Шпицбергене обеспечить работу советской угольной концессии».

И далее следовали отдельные пункты для переговоров: по вопросу об отношениях с Англией «действовать в духе обмена мнениями на даче у Сталина; о США узнать, правда ли, что Германия делала мирные предложения Англии через Рузвельта; также сообщить об американских предложениях об оказании советской поддержки Турции и Ирану; выяснить, где граница "Восточного Азиатского Пространства"; о Китае — мы готовы к секретному протоколу, где сказать о желательности почетного мира для Китая (Чан Кайши), с посредничеством СССР (а м.б. и Германии и Италии). Мы готовы признать Индонезию сферой влияния Японии, Маньчжоу Го также остается за Японией. Предложить мирную акцию в виде открытой декларации 4-х держав (но при условии благоприятного исхода перегово-

ров о Болгарии, Турции и т.п.) на условиях, что Великобритания сохраняется как империя (без подмандатных территорий) с теми владениями, которыми она владеет теперь. Но она должна уйти из Гибралтара и Египта, возвратить Германии ее прежние колонии, предоставить Индии права доминиона и не вмешиваться в дела Европы»⁸⁷.

В советско-японских отношениях "директивы" предписывали держаться в духе прежних переговоров с Японией, суть которых заключалась в желании Москвы также договориться о разграничении сфер интересов.

Были также затронуты вопросы о компенсации немецким собственникам в Прибалтике, о судьбе Польши и об экономических делах.

Содержание "директив", данных Молотову накануне его поездки в Берлин, достаточно ясно показывает общую линию поведения и намерение советского руководства. Прежде всего ясно, что линия на раздел сфер интересов оставалась центральной в германском и в советском подходе. Она была ключевой в советско-германских договорах в августе – сентябре 1939 г., и теперь она рассматривалась как главное условие присоединения Москвы к тройственному пакту.

В вопросе о Финляндии Москва считала, что соглашения 1939 г. не были реализованы (в отличие от других стран), т.е. Финляндия оказалась единственной в списке сфер интересов, не включенная в состав Советского Союза. Этот принцип Москва была готова и даже хотела сделать одним из основных на предстоящих переговорах. Как показывают "директивы", ее не устраивали намерения Германии сместить акценты советских интересов в Азию. СССР хотел получить опору на Балканах в лице Болгарии, участвовать в решении судеб Венгрии, Румынии, Турции и Ирана, добиться согласия на свое присутствие на Дунае и в Балтийских проливах.

Молотову давалось указание обменяться мнениями и по другим вопросам (политика США, судьба Китая, колониальные проблемы и т.д.). В принципе было решено никаких документов не подписывать, а отложить все до возможной следующей встречи в Москве.

Вопрос, который неизбежно встает при ознакомлении с текстом "директив", состоит в том, насколько ясно понимали в Москве нереальность советских намерений в создавшихся условиях и их неприемлемость для Германии. Сталин не мог не видеть, что ситуация в Европе и соответственно в советско-германских отношениях в ноябре 1940 г. коренным образом изменились по сравнению с августом 1939 г.

Возможны следующие варианты ответа на поставленный вопрос:

— советское правительство хотело просто прозондировать обстановку, чтобы понять истинные намерения Гитлера и степень его искренности в заявлениях и стремлениях к продолжению сотрудничества с СССР;

— не имея намерения присоединиться к тройственному пакту, Москва выдвигала заведомо неприемлемые предложения, если Германия изъявит готовность к компромиссу, СССР будет "торговаться" вокруг своих предложений;

— Сталин мог осознавать, что советские требования затрагивали самую сердцевину германских планов и действий после разгрома Франции, и ставил некую преграду немецкому проникновению на Балканы; было очевидно, что германские лидеры не согласятся на советские требования.

В целом "директивы" подтверждали, что в тот период у Сталина не было ясной и перспективной стратегии. Он не хотел ссориться с Германией, но не мог и принять германские требования. Ничего принципиально иного, кроме идеи получения новых сфер интересов, Москвой не просматривалось.

В этих условиях поездка Молотова в Берлин имела мало шансов на успех. Она могла либо еще более испортить отношения с Германией, либо несколько сгладить противоречия, или создать условия, чтобы оттягивать время. Судя по "директивам", в любом случае главная цель состояла в том, чтобы получить более ясное представление о намерениях германского руководства. Было также очевидно, что обе стороны попытаются максимально использовать предстоящие переговоры в пропагандистских целях.

К переговорам в Берлине активно готовилось и германское руководство. Наряду с немецкими правящими кругами большую работу вело и германское посольство в Москве, видимо, в соответствии с указаниями, полученными из Берлина. Так, в телеграмме Шуленбурга Риббентропу от 30 октября говорилось, что было бы целесообразным, если бы предложения о присоединении к тройственному пакту сделал лично Риббентроп во время визита Молотова в Берлин⁸⁸. Совершенно очевидно, что такой шаг еще больше связал бы Москву с тройственным пактом, оставляя инициативу и главную роль за Германией.

9 ноября, т.е. буквально за три дня до визита, в германском посольстве в Москве был подготовлен проект соглашения трех держав, входящих в тройственный пакт. Они должны были содействовать реализации существующих экономических договоренностей. Намечалось, что соглашение могло бы быть подписано на 10 лет и состоять из четырех статей и двух секретных протоколов⁸⁹.

Заявляя о желании определить свои сферы влияния в Европе, Азии и Африке с целью установления нового порядка в

духе их общих интересов, стороны договаривались о следующем. Германия, Италия и Япония должны были продолжать усилия по восстановлению мира, привлекая для этого и другие страны. Советскому Союзу предстояло заявить, что он будет сотрудничать во имя этих целей с державами тройственного пакта. Все четыре страны призывались уважать сферы влияния друг друга и постоянно консультироваться в связи с возникающими проблемами. Участники возможного соглашения четырех держав не будут присоединяться к каким-либо коалициям, направленным против одной из них. Все они обязывались уважать упомянутые территориальные притязания.

Первый секретный протокол касался сфер влияния. Помимо Европы интересы Германии были обращены в Центральную, а Италии в Северную и Северо-Западную Африку. Япония заявляла о своих территориальных устремлениях в Восточной Азии, к югу от японских островов, Советский Союз (по мысли авторов проекта) — к югу от границ СССР в направлении Индийского океана.

Второй секретный протокол касался Турции, Германии, Италии и Советского Союза. Значительный интерес представляет пункт, касающийся режима черноморских Проливов. Участники намеревались заявить о замене известной конвенции в Монтрё соглашением, по которому Советскому Союзу предложили бы гарантировать проход через Проливы военных судов черноморских стран, а также Германии и Италии⁹⁰. Торговые суда сохраняли право прохода через Проливы.

В те же дни согласно меморандуму, составленному в Берлине, распускалась старая дунайская комиссия и создавалась новая комиссия с участием Советского Союза⁹¹.

11 ноября государственный секретарь германского МИД Вайцекер представил свой меморандум для переговоров с Молотовым в Берлине⁹². В нем отмечалось, что помимо вопросов большой политики (позиция России по вопросу о войне, включая итало-греческий конфликт, ее отношение к тройственному пакту, проблема Проливов) необходимо предложить для дискуссии следующие вопросы:

- отношение России к Афганистану и Ирану,
- попытки Британии сблизиться с Россией,
- германская позиция в отношении Финляндии,
- гарантия стран "оси" Румынии,
- состояние германо-советских экономических переговоров,
- компенсация за литовскую территорию (Мемель с правами собственности и т.д.),
- напомнить Молотову его обещание обеспечить интересы собственности германских граждан и Volksdeutsch в Балтий-

ских странах, поскольку переговоры по этому вопросу идут неудовлетворительно,

— требовать освобождения арестованных в северной Буковине,

— в связи с ликвидацией германских консульств в Каунасе, Риге и Таллине сохранить германскую миссию в Риге, предложив взамен открыть советские консульства в Осло и в Брюсселе (подобные привилегии имеет только Италия),

— может быть, упомянуть об антигерманских высказываниях мадам Коллонтай⁹³.

И, наконец, в тот же день был подготовлен меморандум директора департамента по экономической политике германского МИД о состоянии советско-германских экономических переговоров. Автор фиксирует состояние переговоров, удовлетворение достигнутыми результатами и одновременно рекомендует получить заверения Молотова о готовности советских властей принять прежние немецкие просьбы о поставках металлов, ценах и т.п. и зафиксировать все это в соглашении обеих сторон⁹⁴.

Как видим, германская сторона подготовила целый набор документов, в которых были изложены все германские намерения. Главными из них были: присоединение СССР к тройственному пакту, новый раздел на сферы влияния, согласно которому СССР должен был двигаться в сторону Ирана, Афганистана и Британской Индии. Он не получал ничего нового в отношении Проливов и должен был согласиться с немецкими пожеланиями в экономической сфере.

Таким образом, Берлин намеревался явно ограничить устремления СССР и ослабить его позиции в Европе. При этом Гитлер опирался на мощь Германии, которая оккупировала почти всю Европу.

* * *

Итак, 12 ноября в Берлине начались переговоры Молотова с германским руководством. Он имел по две продолжительные беседы с Гитлером и Риббентропом, встречался с Герингом и Гессом⁹⁵. Изучение записи переговоров показывает, что Молотов точно следовал "директивам". Он уклонился от ответа на вопрос о присоединении СССР к тройственному пакту, ограничиваясь словами, что Москве не совсем ясны цели пакта и Советский Союз не хочет быть объектом этого договора.

Гитлер и Риббентроп (и особенно рейхсканцлер) всячески стремились увести в сторону обсуждения общих проблем совместных действий и разграничения интересов. Следуя заранее подготовленному плану, Гитлер сформулировал идею о некоем восточноазиатском движении стран — участниц пакта на Юг — Германии и Италии — в Африку, СССР — в сторону Индии⁹⁶.

Все это объяснялось необходимостью борьбы с Англией. Немецкая сторона поставила вопрос, постоянно его муссируя, о необходимости изменения режима черноморских Проливов в пользу СССР и запрета прохода через них военно-морских сил нечерноморских стран⁹⁷. Собственно этим и ограничились реальные германские предложения, если не считать общих пространственных рассуждений о большом значении советско-германского договора и сотрудничества двух великих держав в будущем. При этом Гитлер рассыпался в восхвалении Сталину, не забывая формулировать свои цели.

Во время одной из бесед Гитлер заявил, что Германия не нуждается в военной помощи России, но чтобы успешно противодействовать Англии, готова к силовому проникновению на территории, в которых она существенно заинтересована политически и экономически⁹⁸.

Он как бы заранее объяснял последовавшие шаги к проникновению на Балканы. Особо Гитлер остановился на отношении к США, отметив империалистический характер их политики и необходимость противостоять "англо-саксонскому союзу".

Что касается Молотова, то он беспрерывно повторял два — три сюжета, подчеркивая важность решения не столько общих, сколько чисто конкретных вопросов. Половина времени всей беседы с Гитлером была отведена финляндскому вопросу. Молотов постоянно настаивал на признании Германией прежних с ней договоренностей о Финляндии как сферы советских интересов, имея, видимо, в виду завершить финский вопрос, который не был доведен до конца. При этом Молотов ссылался на два негативных факта — присутствие немецких войск на финской территории и антисоветские демонстрации в Финляндии. Соглашаясь с Молотовым, Гитлер также постоянно повторял, что теперь ситуация изменилась. Германия не хочет возникновения военной ситуации на Балтике и имеет собственные экономические интересы в Финляндии⁹⁹.

Молотов же настаивал, что в договоре и приложении к нему от 23 августа немцы не делали никаких оговорок в связи с разграничением сфер интересов, но Гитлер, а потом и Риббентроп были непреклонны. В итоге Москва не получила свободу рук в Финляндии. Гитлер откровенно сказал о психологических и моральных обязательствах Германии перед финским народом. Он напомнил, что во время зимней войны, когда финны "храбро защищались, симпатии всего мира были на стороне финнов, а Германия вопреки всему тогда поддержала Советский Союз"¹⁰⁰. Гитлер особенно настаивал на необходимости избежать нового конфликта, явно намекая, что любые действия СССР в отношении Финляндии приведут к "новой войне"¹⁰¹ и в этом случае обстоятельства могут заставить Германию вмешаться в

события, чтобы воспрепятствовать возможности создания английских или даже американских воздушных баз в Швеции или в самой Финляндии¹⁰².

Это был уже прямой выпад против СССР, так же как и слова фюрера, что Германия не будет ничего предпринимать в случае каких-либо действий Финляндии против России, но употребит свое влияние, если будет движение в противоположном направлении (т.е., видимо, действий России против Финляндии). Он также отверг утверждения о нахождении немецких войск в Финляндии, заявив, что войска лишь проходят в Киркенес (в Норвегии) через Финляндию, о чем Берлин информировал Москву. Гитлер напомнил и о военных сооружениях на Аландских островах, что также заботит Германию¹⁰³. Одним словом, он дал понять, что в отношении Финляндии время для СССР уже ушло.

В связи с вопросом о разграничении интересов Молотов пытался апеллировать к случаю с Буковиной, когда, следуя просьбе Берлина, СССР отказался от прав на Южную Буковину. На это Гитлер сказал, что о Буковине вообще речь не шла в приложении к договору. А на слова Молотова, что именно благодаря СССР Германия смогла, перебросив войска на запад, одержать свои победы, Гитлер цинично заявил: Германия оборонялась от Франции и Англии, а СССР захватывал территории других государств¹⁰⁴.

Следующий вопрос, на котором также неоднократно настаивал Молотов, касался советских гарантий Болгарии и ввода туда советских войск¹⁰⁵. И Гитлер, и Риббентроп с порога отвергли эту идею, заявив, что надо запросить мнение и Болгарии и Италии¹⁰⁶. Когда же Молотов сослался на германские гарантии Румынии и ввод туда немецких войск, германские лидеры объяснили это тем, что их просила об этом Румыния, и необходимостью противодействия Англии, между тем как СССР никакой войны не ведет и поэтому цель его требования непонятна¹⁰⁷. Вопрос о Проливах Молотов предлагал решать в двустороннем порядке — между СССР и Турцией, с чем германские руководители также не согласились¹⁰⁸.

В беседе Геринга с Молотовым затрагивались экономические вопросы, но и здесь не обошлось без взаимных упреков, хотя и делались общие дружелюбные заявления¹⁰⁹.

Молотов постоянно информировал Сталина о ходе переговоров и получал в целом одобрение своей линии поведения. В заключительной телеграмме Молотов резюмировал некоторые итоги. "Обе беседы (имеются в виду с Гитлером) не дали желаемых результатов". Риббентроп внес проект общего заявления и два проекта секретных протоколов — один о разграничении сфер интересов с акцентом на сферу СССР в направле-

нии Индийского океана и другой о Проливах, причем предложил обсуждать оба проекта в дипломатическом порядке через послов. Тексты обоих проектов точно совпадали с приводимыми выше, подготовленными в германском посольстве в Москве. "Я сказал, — отметил Молотов, — что не возражаю против такого порядка обсуждения этих проектов. Тем самым Германия не ставила сейчас вопрос о приезде в Москву Риббентропа. Таковы основные итоги. Похвастаться нечем, но по крайней мере выяснил теперешние настроения Гитлера, с которыми придется считаться"¹¹⁰.

Таким образом, можно констатировать, что обеим сторонам визит не принес практических результатов. Германия хотела еще какое-то время сотрудничать с Советским Союзом, используя его против Англии и направляя советские амбиции в "святая святых" Британской империи. Решать эту проблему Гитлер намеревался, подключив СССР к тройственному пакту. В качестве платы в Европе он рассчитывал удовлетворить советский интерес к изменению режима черноморских Проливов. Но Гитлер натолкнулся на явное нежелание СССР следовать предлагаемому курсу. Германия хотела продолжать экономическое сотрудничество, получая из СССР необходимые ей зерно, нефтепродукты и цветные металлы, затягивая поставки из Германии. Советское руководство, также желавшее продолжать сотрудничество с Берлином и рассчитывавшее получить за присоединение к тройственному пакту немецкое невмешательство в Финляндию, согласие Германии пустить СССР в Болгарию и признание в связи с этим советских интересов на Балканах, встретило жесткий отказ Гитлера.

Немецкие газеты после визита писали об "огромном успехе" для обеих сторон. Советская пресса в целом также отмечала "позитивные результаты поездки Молотова". 15 ноября в специальном циркуляре Вайцекера сообщалось, что обмен мнениями проходил "в атмосфере взаимного доверия и привел к согласию обеих сторон по всем важным вопросам, интересующим Германию и Советский Союз". Опровергались все слухи о напряженности в германо-русских отношениях¹¹¹.

На самом деле итоги поездки Молотова были весьма тревожным сигналом для Москвы. После его визита стало ясно, что ничего реального СССР от сотрудничества с Германией уже не получит. А в условиях, когда в Москву поступало все больше информации о переброске немецких войск на Восток и о слухах о подготовке Германии к войне с СССР, у Сталина оставалась только одна цель и возможность — максимально отодвинуть столкновение, ослаблять постоянное напряжение, усиливая темпы перевооружения Красной Армии. Одновременно в дипломатическом плане можно было бы попытаться (хотя и без

больших шансов на успех) активизировать действия на Балканах, создавая преграду германскому проникновению. Согласно словам Я.Е. Чаадаева, управляющего делами Совнаркома, когда Молотов докладывал на Политбюро об итогах визита в Берлин, Сталин был убежден, что Гитлер нацелен на войну. Российский историк Г.А. Куманев, ссылаясь на записи Чаадаева, приводит слова Молотова, сказанные на этом заседании Политбюро: "Покидая фашистскую Германию, все мы, члены советской делегации, были убеждены: затеянная по инициативе фашистской стороны встреча являлась лишь показной демонстрацией. Главные события лежат впереди... Общей для всех членов делегации являлась также уверенность в том, что неизбежность агрессии Германии неимоверно возросла, причем в недалеком будущем. Соответствующие выводы должны сделать из этого и наши вооруженные силы". А Сталин, по словам Чаадаева, констатировал: "Теперь Гитлер поставил перед собой цель расправиться с Англией... Но это не главное для Гитлера, а главное — нападение на Советский Союз. Мы все время должны помнить об этом и усиленно готовиться для отражения фашистской агрессии"¹¹².

Что касается Германии, то, по сведениям из Берлина, Гитлер был настолько взбешен после первой встречи с Молотовым, что отказался присутствовать на вечернем приеме 12 ноября, даваемом Риббентропом в честь Молотова, и на ужине в советском посольстве вечером 13 ноября, ограничившись лишь заранее запланированным завтраком днем 13 ноября¹¹³. Риббентроп писал в своих мемуарах, что в конце ноября — начале декабря он еще пытался убедить Гитлера не отвергать идею союза с русскими и согласиться с некоторыми требованиями Сталина, но остановить его было уже невозможно¹¹⁴.

В мире на визит Молотова прореагировали противоречиво и в основном тревожно. Свидетельства дипломатов в Балканских странах показывают их крайнюю озабоченность германской активностью. Здесь мало надеялись, что Москва или Лондон смогут что-либо противопоставить Берлину. Значительный интерес представляет, конечно, позиция официального Лондона. 10 ноября Ст. Криппс в телеграмме в Лондон назвал предстоящий визит Молотова сюрпризом¹¹⁵. В последующие дни члены британского кабинета пытались прояснить смысл визита, сопоставляя свои соображения с донесениями британских послов из Турции, Югославии и других стран. В анализе британских политиков все же преобладали домыслы и предположения, часто мало соответствующие реальному положению дел.

В наиболее развернутой форме соображения по поводу визита были изложены в пространный записке Ст. Криппса из Москвы 11 ноября, т.е. в самый канун визита. Прежде всего и

Криппс и другие представители британского истеблишмента считали, что эту поездку можно расценить как германский успех. Криппс точно подметил советские намерения, назвав в своей телеграмме финский вопрос, сферы интересов на Балканах и проблему контроля над Проливами. Англичане мало верили в какие-то широкие новые соглашения в Берлине. Главную опасность они видели для Турции и в меньшей степени для Ирана¹¹⁶. В последующие дни вопрос о Турции и о необходимости усиления ее позиции и сопротивления нажиму и со стороны Берлина и со стороны Москвы был едва ли не основным в комментариях британских руководящих кругов.

14 ноября британский МИД просил своих послов во многих странах узнать у советских дипломатов и из других источников какие-либо сведения о визите Молотова в Берлин и немедленно сообщить о них в Лондон и затем Криппсу в Москву. В одной из телеграмм, в частности от британского посла в Турции, высказывалось предположение, что Молотов хочет обсудить в Берлине те предложения, которые британское правительство делало Москве незадолго до этого¹¹⁷. Собственно для Англии в любом случае мало что могло измениться от переговоров в Берлине. Англия отражала германские воздушные атаки, позиция Советского Союза не претерпевала изменений, а Балканы все более попадали в зависимость от Германии, чему Англия вряд ли могла помешать.

После окончания визита в Англию начала поступать информация о том, что переговоры в Берлине дали мало результатов. 19 ноября британский посол в Югославии прямо писал по этому поводу: "мало что достигнуто". Ссылаясь на советские источники, посол назвал итоги переговоров "без сенсаций и крайне скудными"¹¹⁸. Посол считал, что теперь Германия сконцентрируется на положении Турции.

23 ноября посол Англии в Швейцарии коротко сообщил в Лондон, что, по сведениям из Германии, результаты переговоров с Молотовым "можно считать нулевыми"¹¹⁹. Наконец, 25 ноября государственный секретарь военного британского кабинета сделал для членов кабинета заключение: на переговорах Гитлера и Молотова в Берлине "мало что достигнуто"¹²⁰.

Таким образом, и в Лондоне и в других столицах были убеждены, что визит не принес результатов, и теперь оставалось только гадать, как это скажется на советско-германских отношениях и на ситуации в Европе и в мире в целом.

Хотя в циркуляре статс-секретаря Вейцекера от 15 ноября говорилось об успехах переговоров в Берлине¹²¹, на самом деле Германия явно готовилась к нападению на СССР. 18 ноября Гитлер выступил на расширенном совещании офицеров германской армии с резкой антисоветской речью¹²², а спустя ме-

сяц — 18 декабря он подписал известную директиву № 21 (план "Барбаросса"), в которой было сказано: «Вооруженные силы Германии должны готовиться сокрушить советскую Россию в кампании, известной как операция "Барбаросса", еще до окончания войны против Англии. Подготовка должна быть завершена к 15 мая 1941 г.»¹²³.

9 января 1941 г. Гитлер произносит свою известную речь, заявляя: "Существует перспектива русского вмешательства, которая принадлежит британцам... Вот почему Россия должна быть теперь сокрушена. Или англичане уступят, или Германия будет вести войну против Англии в условиях более благоприятных. Разоружение России даст Германии огромные преимущества. Гигантские территории России содержат огромные богатства. Таким образом, Германия получит в свое распоряжение все возможные средства для ведения войны, даже на разных континентах, если эта операция будет вестись успешно"¹²⁴.

19 ноября советское посольство в Германии направило письмо с полным отчетом о визите Молотова, о его предпосылках, об откликах немецкой прессы и т.п. В письме повторяются высокие оценки немецкой печатью итогов визита и для Германии, и для СССР¹²⁵. Весь тон письма и его направленность показывают, что или в посольстве действительно не понимали, что происходит в советско-германских отношениях, или сознательно дезинформировали Москву.

История с подготовкой плана "Барбаросса" получила подробное освещение в мировой историографии. Существуют различные сведения о принятии Гитлером решения начать подготовку к войне против Советского Союза¹²⁶. Как следует из дневника Гальдера, он дал указание "начать оперативную разработку" этой войны сразу же после капитуляции Франции¹²⁷. В течение лета — осени 1940 г. в германском генштабе имелись различные проекты войны на Востоке¹²⁸.

Интересно, что одна из первых директив по подготовке войны против СССР была подписана фюрером в день прибытия Молотова в Берлин. Известный немецкий историк Х.А. Якобсен, издатель дневника Гальдера, приводит любопытный комментарий разработчиков планов войны: "Невзирая на исход переговоров, все приготовления по Востоку, о которых уже даны устные распоряжения, должны продолжаться"¹²⁹. Историк Г. Городецкий полагает, что перед визитом Молотова в Берлин Гитлер еще колебался по поводу нападения на СССР. В то же время некоторые историки считают, что план войны с СССР был важнейшим элементом общей гитлеровской доктрины.

Видимо, в широкой перспективе Гитлер после разгрома Франции явно брал курс на войну с СССР. И его колебания касались скорее сроков и, возможно, (во многом гипотетической)

альтернативы "глобального" соглашения со Сталиным по сокрушению Англии и Британской империи, на что германский лидер мало надеялся и рассчитывал. Во всяком случае быстрое охлаждение интереса Гитлера к переговорам с Молотовым после первой же негативной реакции советского наркома на германские предложения показывало, что он был готов к такому повороту событий, продемонстрировав это в уже упомянутой речи 18 ноября, т.е. спустя несколько дней после отъезда Молотова из Берлина. На совещании в немецком генштабе 18 декабря 1940 г. Гитлер уже обсуждал планы нападения на Советский Союз.

Чрезвычайный интерес представляет вопрос о том, насколько в Москве были осведомлены о существовании подобных планов. Мы не располагаем сведениями, знал ли точно Сталин, что Гитлер начинает подготовку к нападению на СССР, и понимал ли он, что последует за отклонением германских предложений во время визита Молотова в Берлин.

Мы еще вернемся более подробно к этому вопросу при описании событий в марте – июне 1941 г. Сейчас же отметим, что разведывательная и политическая информация, доходившая до Кремля, была уже осенью 1940 г. довольно противоречивой и неполной. Ограниченные сведения о германских военных передвижениях в Польше сочетались с обширными донесениями советского посольства в Берлине и некоторыми разведанными о широких планах Гитлера по вовлечению СССР в борьбу против Англии. Все это создавало иллюзию в Москве, что можно продолжать неопределенную и выжидательную игру, сохраняя стратегический курс на сотрудничество с Германией, взятый в августе – сентябре 1939 г.

А тем временем в реальной жизни негативные для СССР тенденции нарастали. 20 ноября состоялся визит венгерского министра иностранных дел в Берлин и было объявлено о присоединении Венгрии к тройственному пакту. Причем одна из немецких газет писала, что это присоединение было достигнуто "при сотрудничестве и при полном одобрении советского правительства". В СССР отреагировали на это сообщением ТАСС, опровергающим подобную трактовку. Советник германского посольства в Москве Типпельскирх посетил Вышинского и выразил недовольство Берлина информацией ТАСС¹³⁰.

В те же дни усиленно распространялись слухи о предстоящем присоединении к пакту и Болгарии, что было недвусмысленным ответом Германии на предложение СССР о включении Болгарии в сферу своих интересов.

В Москве решили как бы подвести черту под берлинскими переговорами. 25 ноября Молотов встретился с Шуленбургом и Шнурре для обсуждения экономических вопросов. Беседа сно-

ва показала взаимные претензии сторон. Немецкие представители хотели увеличения советских поставок зерна. Они выражали также крайнее неудовольствие малой суммой компенсации за немецкую собственность в Прибалтике¹³¹. Остро встал вопрос и о поставках никелевой руды из Финляндии. Шнурре ссылался на соглашение по этому поводу между Германией и Финляндией. На это Молотов резко заявил, что советская сторона не может гарантировать те договоры, "которые она не видела и не знает"¹³².

Затем Молотов остался с Шуленбургом и перешел к обсуждению вопросов, которые он вел с Риббентропом в Берлине. Молотов передал советские проекты соглашений. В отличие от того, что предлагалось немцами в Берлине, в Москве хотели иметь общий текст и пять секретных протоколов. СССР соглашался в основном принять проект пакта четырех об их политическом сотрудничестве и экономической взаимопомощи (из четырех пунктов в формулировке Риббентропа), но при следующих условиях:

- германские войска вообще выводятся из Финляндии, представляющую собой сферу влияния СССР;

- обеспечение безопасности СССР в Проливах путем заключения пакта взаимопомощи между СССР и Болгарией, находящейся в сфере безопасности границ СССР в районе Босфора и Дарданелл;

- центром устремлений (аспирации) СССР будет признан район Сочи – Батум и Баку в направлении к Персидскому заливу;

- Япония отказывается от угольных и нефтяных концессий на Северном Сахалине на условиях справедливой компенсации.

В отношении Турции имелось в виду, что если она откажется присоединиться к пакту четырех, то Германия, Италия и СССР выработают и проведут необходимые военные и дипломатические меры¹³³.

Встреча показала, что, как и в заявлениях Молотова на беседах с Гитлером в Берлине, по-прежнему ключевыми были пункты о Финляндии и Болгарии.

Наряду с этими требованиями в Москве решили сделать уступки в экономических вопросах. 28 ноября Молотов сообщил о решении СССР удовлетворить просьбу Германии о поставках ей 2,5 млн т зерна, а также о согласии увеличить размеры компенсации за собственность в Прибалтике и т.п.¹³⁴

6 декабря вновь назначенный советский посол в Германии В.Г. Деканозов пожаловался в Москву, что он уже девятый день в Берлине, но до сих пор не принят Риббентропом и не назначена дата вручения верительных грамот¹³⁵. В тот же день Молотов опять имел встречу с Шуленбургом и Шнурре. В ходе беседы

возник остро поставленный вопрос о разрешении транзита германских самолетов, а также ящиков с запасными частями и медикаментами для германского корабля (через Владивосток). Этот, казалось бы рутинный вопрос вызвал сильное раздражение Молотова, который в итоге отказал немецкой просьбе. Он охарактеризовал задержку с вручением Деканозовым верительных грамот, как необычную и непонятную¹³⁶.

Тем временем болгарское правительство отрицательно ответило на предложения СССР о заключении пакта о взаимопомощи между двумя странами, чем облегчило Германии реализацию ее планов¹³⁷.

Очередная встреча Молотова с Шуленбургом 21 декабря показала, что обе стороны решили не обострять отношения по несущественным вопросам. Они согласовали четыре соглашения — по хозяйственным вопросам; об урегулировании взаимных претензий в отношении Прибалтики, о переселении и пограничных взаимоотношениях. Последнее касалось небольшой бывшей литовской территории, отошедшей в сентябре 1939 г. к Германии, которую теперь Москва хотела бы получить с выплатой Германии компенсации. Вопрос об этом Деканозов обсуждал у Риббентропа 22 декабря. Перед концом беседы Риббентроп неожиданно для посла спросил: «Продолжает ли советская сторона считать, что ей так нужен этот "кусочек" Литвы?», на что Деканозов ответил: «Да»¹³⁸.

Практически с конца декабря 1940 г. и вплоть до июня 1941 г. отношения между СССР и Германией концентрировались вокруг нескольких проблем. Прежде всего обе стороны решили несколько снизить напряженность подписанием ряда соглашений по экономическим и торговым вопросам, что в большей степени отвечало интересам Германии. На компромиссной основе был согласован вопрос об участке советско-германской границы на бывшей территории Литвы.

Представители СССР и Германии подписали несколько соглашений — «хозяйственное», «о переселении и компенсации по прибалтам», о советско-германской границе и погранично-правовых отношениях.

После довольно долгих препирательств 10 января 1941 г. Микоян и Шнурре все же подписали соглашение о взаимных товарных поставках на второй договорный период¹³⁹. Советские поставки включали зерно (прежде всего пшеницу) и нефтепродукты, германские — станки, оборудование, уголь, трубы, алюминий, электрооборудование и пр.¹⁴⁰ В тот же день были подписаны договор о советско-германской границе от р. Игарки до Балтийского моря¹⁴¹, соглашение об урегулировании взаимных имущественных претензий, касающихся Литвы, Латвии и Эстонии¹⁴².

11 января по традиции было опубликовано сообщение ТАСС, извещавшее об этих соглашениях, где были повторены дежурные слова о взаимном понимании и доверии, о дружественных отношениях между СССР и Германией¹⁴³. Германский МИД в циркулярном письме также рекомендовал своим загранпредставителям подчеркивать "важное значение заключенных в Москве германо-советских соглашений". Потом был прощальный визит Шнурре к Молотову, где советский нарком передал привет Риббентропу¹⁴⁴.

В течение января — июня 1941 г. поставки с обеих сторон продолжались. При этом периодически снова выдвигались взаимные претензии по поводу сроков их исполнения. Германское руководство, приняв решение о подготовке вторжения в Советский Союз, хотело получить как можно больше советских товаров, предпочитая оставлять в тайне свои приготовления к войне на Восточном фронте.

Впоследствии, уже после начала войны английский посол в Москве Ст. Криппс назвал советскую политику в 1940 — 1941 гг. "экономическим умиротворением" Германии.

Почти в день подписания серии соглашений в Москве¹⁴⁵ Гитлер, выступая на совещании военных руководителей, заявил: "Ныне Россия должна быть разбита... Лучше сделать это сегодня, когда русская армия лишена командиров и слабо вооружена и когда русские с большими трудностями и с иностранной помощью расширяют промышленность вооружений... Цель операции — разгром русской сухопутной армии, занятие основных индустриальных районов и разрушение остальных, прежде всего в районе Екатеринбурга, кроме того, должен быть занят район Баку"¹⁴⁶.

СССР в отношениях с Германией уже ничего не осталось, кроме экономических договоренностей, которые значили не слишком много для его экономики и программы перевооружений.

Обе стороны старались не опоздать. Германия рассчитывала начать нападение на СССР до реальных сдвигов в оснащении советской армии, а Москва, понимая, что война приближалась, хотела выиграть время и осуществить эту цель.

Оставался вопрос, который еще не был снят с повестки дня советско-германских отношений. На встрече с Шуленбургом 17 января 1941 г. советский нарком напомнил, что прошло уже почти два месяца с того момента, как из Москвы были посланы в Берлин предложения советского правительства, содержащие ответ на вопросы, поднятые Риббентропом во время его встречи с Молотовым в бомбоубежище в Берлине. Но никакой реакции не последовало. Шуленбург сказал, что его не особенно удивляет это обстоятельство, поскольку прежде Германии необходимо переговорить с Японией и Италией.

Молотов выразил свое удивление избранной германской стороной манере поведения. После этого довольно быстро, 23 января, Шуленбург передал Молотову ответ германского правительства. Он был весьма кратким. В нем подтверждалось содержание тех предложений, которые были сделаны Молотову в Берлине, но указывалось, что после получения советских контрпредложений в конце ноября германское правительство обсуждает их с правительствами Италии и Японии и надеется в ближайшем будущем возобновить переговоры с Советским Союзом¹⁴⁷.

Однако вплоть до июня 1941 ни германское, ни советское правительства к этому вопросу больше не возвращались. Тем самым была подведена последняя черта под визитом Молотова в Берлин в ноябре 1940 г. Гитлера больше не интересовало дальнейшее политическое сотрудничество с СССР. Его глобальные предложения о новом разделе сфер влияния были в большой мере навеяны идеями главного сторонника сближения с СССР — Риббентропа, которому принадлежала инициатива с выдвижением восточноазиатского проекта.

Судя по некоторым изданным биографиям германского министра, в течение марта — мая 1941 г. он несколько раз пытался склонить Гитлера к идее политических компромиссов с СССР, но фюрер и близкое к нему окружение уже сделало свой выбор. Подготовка плана "Барбаросса" шла полным ходом.

Более сложным остается вопрос, насколько все это понимали советские лидеры. На переговорах в Берлине Молотов имел директиву ничего не подписывать и ни на что не давать ясного и окончательного ответа. Уже менее чем через две недели Москва выразила согласие принять в основном проект пакта четырех о политическом сотрудничестве и экономической взаимопомощи. Но как и на переговорах в Берлине, так и в советских предложениях от 25 ноября было выдвинуто условие: окончательное решение финской проблемы, вывод немецких войск из Финляндии, заключение пакта о взаимопомощи между СССР и Болгарией, получение советской военной базы в Проливах и т.д. Не исключено, что сознавая опасность и бесперспективность присоединения к тройственному пакту, советские лидеры посчитали, что, может быть, Германия, еще заинтересованная в сотрудничестве с Москвой, согласится на эти незначительные для нее уступки.

Но скорее всего в Москве не была ясна перспектива сотрудничества с Германией. Никто не решился бы сказать в Кремле, что ставка на союз с Гитлером в конечном итоге не оправдалась и к осени 1940 г. исчерпала себя. Включив в состав СССР страны Прибалтики, восточную часть Польши и Бессарабию, совет-

ское руководство реализовало свои цели, но одновременно лишило себе маневра. После разгрома Франции и перемен в настроении Берлина у Сталина уже не было никакого выбора. Ему оставалось только ждать и пытаться выиграть максимум времени, чтобы реализовать программу перевооружения, получить от Германии согласие на такие уступки, как возвращение к идее включения Финляндии в сферу советских интересов, а также признание их в Болгарии и в Проливах.

Но Германия уже не хотела ничего уступать. Поэтому в первой половине 1941 г. Москва пыталась что-то противопоставить германскому проникновению на Балканы¹⁴⁸.

Попытка советского руководства заключить договор о взаимной помощи с Болгарией потерпела неудачу. В начале января 1940 г. оно получило информацию о переброске части немецких войск в Болгарию, которая якобы осуществляется с ведома и согласия СССР. 13 января ТАСС в специальном заявлении отметил, что ни германская, ни болгарская сторона никогда не ставили об этом вопрос и, следовательно не получали согласия СССР¹⁴⁹.

Через несколько дней Молотов в беседе с Шуленбургом сделал официальное заявление, в котором говорилось: по всем данным, германские войска в большом количестве сосредоточились в Румынии и готовятся вступить в Болгарию, Турцию и в район Проливов. Советское правительство в этой связи предупредило, что "появление каких-либо иностранных вооруженных сил на территории Болгарии и обоих Проливов оно будет считать нарушением безопасности СССР". В ответ Шуленбург даже не стал оспаривать эту информацию, сказав, что Германия делает это на случай возможного нападения Англии¹⁵⁰.

Во время упомянутой ранее встречи с Шуленбургом 23 января Молотов вернулся к вопросу о вводе германских войск в Болгарию. По словам Шуленбурга германские войска вступят в Болгарию в том случае, если Англия предпримет дальнейшие шаги¹⁵¹.

Так продолжалось до начала марта. 1 марта Шуленбург официально уведомил Молотова, что Германия, получив известие о намерении англичан высадиться в Греции, решило ввести свои войска в Болгарию. Молотов реагировал очень нервно и постоянно повторял, что Болгария находится в сфере интересов СССР и поэтому Москва не может нейтрально воспринять это сообщение.

Информируя Берлин об этой встрече с Молотовым, Шуленбург писал, что в Москве ничего не хотят менять в своей позиции и продолжают считать Болгарию зоной интересов Советского Союза¹⁵². Через два дня он направил в Берлин уже более

пространный политический отчет о болгарских делах и о своих впечатлениях о беседе с Молотовым, снова указывал на полное расхождение советско-германских позиций. Судя по отчету, она проходила в крайне напряженной и нервной обстановке, доводы Молотова не принимались в расчет, а Москва поняла, что ничего уже не может сделать для противодействия Германии¹⁵³.

4 марта уже МИД Болгарии специально уведомил СССР, что болгарское правительство дало согласие на ввод немецких войск. В ответ СССР официально заявил, что не считает это решение правильным, поскольку акция Германии ведет к расширению войны и втягиванию в нее Болгарии. Советский Союз предупреждал, что не сможет оказать какую-либо поддержку Болгарии в ее нынешней политике¹⁵⁴.

Ранее, как известно, болгарское правительство отклонило предложение СССР о заключении советско-болгарского договора о взаимной помощи. Тогда же оно объявило, что Болгария, так же как Венгрия, Румыния и Словакия, заявила о присоединении к тройственному пакту.

Последние маневры на Балканах были связаны с событиями вокруг Югославии¹⁵⁵. 5 января 1940 г. СССР подписал с Югославией Договор о дружбе и ненападении¹⁵⁶, что вызвало резкое неудовольствие Германии, выраженное в речи Гитлера 4 мая 1941 г. Английский посол Ст. Криппс позднее писал Идену, что Гитлер не мог удержаться от проявления бешеной ненависти к советскому правительству за заключение последним пакта с Югославией.

Советское правительство подписало договор как последний отчаянный шаг, поскольку по всему было видно, что оставались считанные дни для ввода немецких войск в Югославию и смены правительства в Белграде, вызывавшего недовольство в Берлине, который обвинял его в симпатиях к Англии. Но этот договор уже ничего не мог предотвратить. Времени для таких явно недружественных жестов по отношению к Германии, уже не было. Они уже ничего не значили для Берлина.

В беседе с Молотовым 5 мая Шуленбург сказал, что подписание советско-югославского договора показалось в Берлине странным, учитывая антигерманские заявления и действия Белграда. И вообще, по его мнению, начиная с января создается впечатление, что Советский Союз стремится помешать Германии в ее стремлении победить Англию. При этом он упомянул заявление советского правительства по Болгарии от 4 марта (протест в связи с вводом немецких войск), советско-турецкое заявление от 25 марта и, наконец, подписание договора с Югославией.

В результате сильнейшего нажима на Югославию там сменилось правительство, а вскоре немецкие и венгерские войска вступили на ее территорию. Так неудачно для СССР заверши-

лись его попытки противодействовать Германии на Балканах. Гитлер просто игнорировал советские интересы, заявления и конкретные шаги. Не считаясь с договорами с СССР, он ввел войска в большинство Балканских стран и вынудил их присоединиться к тройственному пакту. Москва оказывалась в изоляции.

Для понимания германских намерений значительный интерес представляет позиция германского посла в Москве Шуленбурга в апреле – июне 1941 г. Этому вопросу посвящено немало публикаций – мемуаров, исторических биографий, глав в исследовательских книгах и статей. Проливают свет на него и архивные материалы.

На основании их анализа можно заключить, что в правящих нацистских кругах противоречиво относились к намерению Гитлера и военных начать подготовку к вторжению в Россию.

Положение Шуленбурга было довольно трудным. Как посол он должен был выполнять инструкции из Берлина и прежде всего своего шефа – Риббентропа. Судя по биографическим книгам, Риббентроп пытался убедить фюрера, что главной задачей должен оставаться разгром Британской империи. Но особенно активно пытался противодействовать решению о войне с СССР посол Шуленбург. Свои соображения он изложил в специальном меморандуме, который направил Гитлеру.

Полный текст меморандума не был найден, но его содержание отражено в книге советника германского посольства в Москве Хильгера и историка Мейера¹⁵⁷. Шуленбург, обращаясь к истории, стремился обосновать свои возражения против войны с Советским Союзом. Он, так же как министр иностранных дел, полагал, что России и Германии необходимо вместе бороться с Англией. По мнению германского посла, Сталин и все советское руководство настроены примирительно и готовы к продолжению сотрудничества с Германией.

Долгое время из Берлина не было никакой реакции на меморандум Шуленбурга, и германский посол начал предпринимать попытки встретиться с Гитлером и изложить ему свои соображения. При этом он использовал и Риббентропа, который обещал Шуленбургу свою поддержку¹⁵⁸.

В итоге такая встреча состоялась в Берлине 28 апреля¹⁵⁹. В ходе ее фюрер всячески критиковал Россию за подписание пакта с Югославией, говорил много о Греции, которая постоянно находилась в орбите английского влияния, и утверждал, что русские концентрируют свои войска в районе Балтии. Шуленбург уверял, что это – следствие постоянного русского опасения за свою безопасность: "Если мы посылаем одну германскую дивизию, то русские для этой же цели посылают десять"¹⁶⁰. Он пытался напомнить также, что если в 1939 г. Россия

отказалась быть на стороне Англии и Франции, когда они были еще сильны, то теперь тем более она не сделает никакого шага в английскую сторону. "Я убежден, — заключал немецкий посол, — что Сталин готов на дальнейшие уступки Германии"¹⁶¹. По словам Хильгера (и этого нет в записи Шуленбурга), в конце встречи Гитлер якобы сказал: "Я не собираюсь воевать против России". И когда впоследствии Хильгер спросил посла, какова была бы цена войны, если бы она началась, Шуленбург объяснил, что Гитлер, "видимо, обманывал его"¹⁶².

Шуленбург обратил внимание Гитлера на коммюнике ТАСС, опубликованное еще 19 апреля, в котором явно отражено желание Москвы добиваться нового соглашения с Германией. В нем заявлялось, что на переговорах в Берлине Советский Союз не был готов к присоединению к трехстороннему пакту¹⁶³. Тем самым как бы подчеркивалось, что теперь ситуация изменилась. Но доводы Шуленбурга не произвели впечатления на фюрера.

Не осталось незамеченным и то, что во время известного случая, когда Сталин провожал японского министра Мацуока, советский лидер обратился к присутствовавшему на вокзале германскому полковнику Креббсу и сказал ему: "Мы должны остаться друзьями, и вы должны теперь сделать все для этого"¹⁶⁴.

К описанию намерений советского руководства мы еще вернемся, а пока лишь укажем, что Сталин стремился восстановить политический диалог с Германией, пользуясь поддержкой Шуленбурга. Тем временем посол, очевидно, продолжал свою линию, направив 3 мая отчет в Берлин о первомайском параде в Москве, обратив внимание на речь С.К. Тимошенко. В ней говорилось о стремлении Советского Союза к миру и одновременно обращалось внимание на международную обстановку, которая "очень сложна и полна сюрпризов", поэтому "советский народ должен быть готов сражаться"¹⁶⁵.

Любопытна также оценка германским послом замены Сталиным Молотова на посту главы советского правительства. Шуленбург не исключал того, что это было результатом ошибок в советской внешней политике. Во всяком случае германский посол писал: "Я убежден, что Сталин использует свое новое положение как главы правительства, чтобы лично действовать в сторону сохранения мира и развития добрых отношений между Советами и Германией"¹⁶⁶.

В пространным письме в Берлин 12 мая о назначении Сталина главой правительства Шуленбург особо подчеркнул, что причина лежит прежде всего в сфере внешней, а не внутренней политики¹⁶⁷.

Последние контакты между советскими и германскими представителями проходили уже на фоне приближающейся войны. На встрече 5 мая Шуленбурга с советским послом Деканозовым в Москве встал вопрос о циркулирующих в Берлине и в Германии слухах о предстоящем военном конфликте между СССР и Германией, которые, по словам Шуленбурга, начались еще в январе 1941 г. Немецкий посол сообщил, что он имел в Берлине встречу с Гитлером, на которой немецкий лидер оправдывал действия Германии необходимостью принять меры предосторожности на восточной границе Германии. По словам германских дипломатов, они получили инструкции из Берлина категорически отвергать всякие слухи о предстоящей войне между СССР и Германией¹⁶⁸.

9 мая в Москве публикуется опровержение ТАСС в связи с сообщением агентства "Домей Цусин" из Нью-Йорка о том, что СССР концентрирует крупные военные силы на западных границах. Москва жестко опровергла эту информацию¹⁶⁹. В те же дни на встрече Деканозова и Шуленбурга послы обменялись взаимными обвинениями в связи с действиями Германии и СССР на Балканах. Москва была недовольна немецкими акциями в отношении Румынии и Болгарии, а Берлин — советско-югославским пактом. В связи со слухами о возможном конфликте, по мнению Деканозова, желательно опубликовать совместное коммюнике, в котором опровергнуть распространяющиеся слухи. Со своей стороны Шуленбург предложил, чтобы Сталин обратился с письмами к главам Германии, Японии и Италии и заявил, что СССР будет и в дальнейшем проводить дружественную к этим странам политику и предложил бы Гитлеру выпустить совместное коммюнике¹⁷⁰.

На встрече Шуленбурга с Деканозовым советский посол сообщил о заявлении Сталина и Молотова, что в принципе они не возражают против обмена письмами, но только между СССР и Германией. При этом Сталин считает, что текст может быть подготовлен Шуленбургом и Молотовым. Но неожиданно Шуленбург сказал, что он не имеет соответствующего поручения от своего правительства и сомневается, что он его получит¹⁷¹. Шуленбург, видимо, поступил так по собственной инициативе. По его мнению, будет лучше, если Сталин сам обратится с письмом к Гитлеру¹⁷². На этой встрече и в дальнейшем Шуленбург призывал советских представителей не верить слухам о концентрации немецких войск вблизи советской границы и об ухудшении отношений между двумя странами, намекая на то, что эти слухи идут из Лондона.

Эти и другие "разъяснения" и "намекы" падали на благоприятную почву постоянных сталинских подозрений и антибританских настроений.

В том же направлении, как и у Шуленбурга, сделан отчет немецкого военно-морского атташе в Москве, направленный в Берлин 7 июня. Давая обзор внешней политики советского правительства, автор писал, что многие шаги в Москве "могут рассматриваться как примирительные в отношении Германии... Заметна тенденция сотрудничать с Германией и устранять возможные разногласия. Советские поставки в Германию нарастают" и т.д.¹⁷³

Видимо, все это в совокупности было одной из последних попыток Шуленбурга и некоторых его сотрудников спасти ситуацию и предотвратить войну, что, зная ускоренную подготовку Берлина к войне, сделать было уже невозможно. В Берлине полным ходом шла подготовка к вторжению. По словам Рибентропа, Гитлер потребовал от него "безоговорочно поддержать" его решение, поскольку никакая дипломатия не изменит "его мнения о позиции русских"¹⁷⁴.

Г. Городецкий писал в своей книге, что в те же дни Вайцзеру передали слова Гитлера: "Россию можно разгромить как бы мимоходом, и это нисколько не повлияет на войну с Англией. Англию разобьют в этом году, будет война с Россией или нет. Потом Британскую империю нужно будет поддержать, но Россию следует обезвредить"¹⁷⁵.

25 мая было подписано протокол между верховным командованием вермахта и представителями финских вооруженных сил, где распределялись обязанности (вплоть до конкретного движения войск) обеих сторон в предстоящей войне. При этом немецкое командование уже не стеснялось, например, прямо писать о германском движении через Балтийские страны к Ленинграду и действиях в связи с этим финских войск¹⁷⁶. И это планировалось, когда официально начало военных действий еще камуфлировалось и скрывалось.

4 июня в Москву пришла большая аналитическая записка посла Деканозова, в которой он отмечал, что в мае в печати и в настроениях общественности Германии появилась масса публикаций (параллельно со слухами о близости войны между Германией и СССР) о некоем сближении между двумя странами в основном на базе далеко идущих уступок со стороны Советского Союза. Говорилось и об отказе СССР от вмешательства в дела Европы, и об усилении антианглийского направления во внешней политике СССР, и о новом советско-немецком соглашении против Англии. Многие газеты мира подробно обсуждали слухи (видимо, также инспирированные из Германии) о согласии СССР сдать Германии в аренду территорию Украины. Причем на картах Европы последнего издания в Германии Украина отделяется пограничной чертой от остальной части Советского Союза. Подтверждением этому может служить ме-

морандум Департамента по внутренним делам германского МИДа, в котором распределялась ответственность германских должностных лиц и ведомств за различные части Советского Союза — на Украине и Кавказе, в Прибалтике, в Белоруссии, в Центральной России (Москве)¹⁷⁷.

Вся эта волна слухов о предстоящих переговорах между Германией и Советским Союзом, видимо, была следствием ряда причин. Был конечно элемент сознательной дезинформации с германской стороны, пытающейся закамouflировать активную подготовку к вторжению, были и попытки Шуленбурга если не добиться переговоров, то хотя бы распространить информацию об этом. Второстепенные деятели Германии на встречах в Берлине с советскими дипломатами также стремились намекать на возможные советско-германские переговоры.

И были, конечно, постоянные попытки Сталина не провоцировать Германию и завязать новый диалог с германским руководством. В майские дни в центре дипломатической дискуссии были Деканозов и Шуленбург. И большинство советских посольств и разведка давали противоречивую информацию и о приближающейся войне и о переговорах.

В заключение Деканозов делает вывод, что "немцы по-прежнему продолжают идеологическую (и фактическую) подготовку для войны против СССР"¹⁷⁸.

13 июня советские лидеры предпринимают очередную попытку "успокоить" мировую и советскую общественность. В известном сообщении ТАСС отмечалось, что в печати муссируются слухи о "близости войны между СССР и Германией". Сталин, видимо, согласился на это, после того, как Шуленбург сообщил, что в Берлине не хотят никакого совместного коммюнике. ТАСС изложил характер слухов (Германия якобы предъявила СССР территориальные и экономические претензии; СССР их отклонил и Германия начала сосредоточивать свои войска у границ СССР с целью нападения на СССР; СССР, в свою очередь, также усиленно готовится к войне с Германией и сосредоточивает свои войска на границах Германии) и опроверг их: Германия не предъявляла никаких требований и нет никаких переговоров; СССР соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении, и поэтому слухи о подготовке СССР к войне "являются лживыми и провокационными". Передвижение войск ТАСС объяснял летними сборами (маневрами) и т.п.

В этих объяснениях отражена прежняя линия, но затем ТАСС сделал еще одно утверждение: "По данным СССР, Германия также неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении, ввиду чего, по мнению советских

кругов, слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы, а происходящая в последнее время переброска германских войск, освободившихся от операций на Балканах, в восточные и северо-восточные районы Германии связана, надо полагать, с другими мотивами, не имеющими касательства к советско-германским отношениям”¹⁷⁹.

Трудно объяснить, зачем в Москве решили говорить за Германию и оправдывать ее действия. Вряд ли этим можно было убедить Берлин в том, что она так думает, поскольку в личных встречах с немецкими деятелями Молотов и его сотрудники не особенно стеснялись в выражениях, предъявляя свои претензии к Германии, в том числе и по поводу слухов о передвижении немецких войск. Главная идея в Кремле, очевидно, состояла в том, чтобы любой ценой отодвинуть возможный конфликт с Германией, и в то же время создавалось ощущение, что именно невозможность СССР повлиять на развитие событий заставило советских лидеров выпустить это сообщение ТАСС. Предпринимая этот шаг и другие попытки, в Москве рассчитывали, видимо, вынудить Берлин хоть как-то отреагировать и, как это бывало ранее, получить от Гитлера или Риббентропа какие-либо успокоительные заверения¹⁸⁰. Но полное игнорирование Германией и этого сообщения ТАСС показывало, как кардинально изменилась ситуация.

На последней встрече с Шуленбургом 21 июня Молотов вручил послу памятную записку, в которой указывалось, что за время с 27 марта по 18 апреля германские самолеты нарушали советские границы 80 раз, а с 19 апреля по 19 июня — уже 180 раз, причем иногда они углублялись на советскую территорию на 100 — 150 км. Молотов спрашивал также о причине отъезда ряда сотрудников немецкого посольства в Германию и о том, почему “миролюбивое сообщение” ТАСС от 13 июня не было опубликовано в Германии. Шуленбург не смог дать ответы, откровенно заявив, что “Берлин его совершенно не информирует”¹⁸¹.

Вручая Шуленбургу памятную записку 21 июня, одновременно Молотов настойчиво добивался, чтобы Деканозов вручил такое же заявление Риббентропу или Вайцзекеру в Берлине. Такое указание советский посол получил еще вечером 20 июня. Вайцзекер принял Деканозова 21 июня в 21 час. 30 мин. Немецкий дипломат заявил, что “он не в курсе” этого вопроса, и обещал, что ответ Москве будет дан позднее¹⁸².

Говоря, что Берлин не ставит его в известность, Шуленбург лукавил, так как в тот же день он получил совершенно секретную срочную телеграмму от Риббентропа¹⁸³, в которой речь шла о необходимости немедленно уничтожить эту шифрограм-

му, а затем излагалась просьба информировать Молотова о следующем. Риббентроп начинает с истории, напоминая о взаимопонимании между Германией и Советской Россией, выраженном в договорах от 23 августа и 28 сентября 1939 г. Германское правительство рассчитывало, что между двумя странами будут дружеские добросердечные отношения. Однако Германия полностью ошиблась в своих предположениях. В телеграмме говорится, что Коминтерн постоянно вел антигерманскую кампанию (осуществлял саботаж, террор и шпионаж в пользу СССР), Советский Союз стремился деморализовать Югославию и другие страны и насаждать в них антигерманские настроения. В области внешней политики большевики аннексировали страны, лежащие в сфере ее влияния, что видно на примере Балтийских стран, Финляндии, Румынии. Эти действия показали, что Москва насильственно включила в свой состав те области, которые находились лишь в сфере ее влияния, даже с "учетом того, что Германия признавала эти факты". Такова, как видим, была немецкая трактовка постфактум секретного протокола к пакту Молотова — Риббентропа.

Немецкий министр далее обвинял Москву в военных приготовлениях против Румынии и других регионов, в неприемлемых требованиях относительно Болгарии во время визита Молотова в Берлин, в стремлении получить военную базу в Проливах, в желании полностью завоевать Финляндию и в целом во враждебных антигерманских действиях на Балканах. Заключив договор с Югославией, Советский Союз пытался создать общий англо-югославо-греческий фронт против Германии. Эта политика, по словам Риббентропа, сопровождалась растущей концентрацией советских войск на всем протяжении от Черного до Балтийского морей, что создавало реальную угрозу для территории рейха. Последние сведения показывают агрессивный характер концентрации российских войск. В дополнении к этому отчеты из Англии относительно переговоров Криппса показывают тесное политическое и военное сотрудничество между Англией и Советским Союзом.

Суммируя это, правительство рейха заявляет, что советское правительство не только продолжает, но даже усиливает свои попытки разрушить Германию и Европу, оно активизирует антигерманскую внешнюю политику, концентрирует все свои силы на германской границе. Поэтому можно сделать вывод, что советское правительство разорвало свои договора с Германией и готово нанести удар по ней, в то время как она борется за свою жизнь. Фюрер поэтому приказал вермахту "бороться с этой угрозой всеми средствами".

Последнее перед нападением на Советский Союз послание Риббентропа в Москву, разумеется, ничего не значило — это

была лишь попытка оправдать германскую агрессию, решенную уже много месяцев до этого. Но оно представляет интерес, поскольку дает некоторые оценки немецкого отношения к пакту с Советским Союзом и к событиям 1939—1941 гг. Германский министр задним числом проводит различие между тем, что Германия согласилась считать зоной советских интересов, и правом присоединить эти территории к СССР. Он упоминает советские попытки противодействовать Германии на Балканах и предложения Молотова во время его визита в Берлин. То есть это были те вопросы, которые служили полем напряжения весь период после подписания пакта.

Отбрасывая пропагандистскую шелуху, можно констатировать, что многие прежние показные жесты и заявления Гитлера и его окружения мало что значили, они лишь скрывали истинные намерения рейха и были направлены на то, чтобы притупить бдительность Сталина и выжать из сотрудничества с ним все, что было возможно.

Что касается Сталина и его окружения, то, может быть, они и понимали реальные цели Гитлера, но в практическом плане вплоть до конца 1940 г. следовали курсу, взятому в августе—сентябре 1939 г., не делая попыток более гибко подойти к отношениям с Германией. Последние беседы в Москве и в Берлине, обмен посланиями и телеграммами ничего не меняли, они происходили за несколько часов до вторжения Германии на территорию Советского Союза.

¹ Документы внешней политики. Т. XXIII: В 2 кн. М., 1995. Кн. 1. С. 128—132 (Далее: ДВП).

² Там же. С. 133.

³ Там же. С. 134.

⁴ Там же. С. 135.

⁵ Там же. С. 138—139.

⁶ Там же. Кн. 2. Ч. 2. С. 786.

⁷ Там же. С. 786—787.

⁸ Там же. Кн. 1. С. 153—154.

⁹ Там же. С. 159.

¹⁰ Там же. С. 184—186.

¹¹ Там же. С. 187.

¹² Staatsmänner und diplomaten bei Hitler. Bd. 1. München. 1969. S. 96—97.

¹³ О советско-итальянских отношениях в 1940 г. см.: *Petrakki G. Pinocchio, the Cat and the Fox: Italy between Germany and Soviet Union. 1939—1941 // Wegner B. From Peace to War: Germany, Soviet Russia and the World. 1939—1941. Oxford, 1997.*

¹⁴ О советско-германских экономических отношениях см.: *Иваницкий Г.М. Советско-германские торгово-экономические отношения в 1939—1940 гг. // Новая и новейшая история. 1989. № 5. С. 28—39;*

Сиполс В.А. Торгово-экономические отношения между СССР и Германией в 1939 – 1941 г. в свете новых архивных документов // Новая и новейшая история. 1997. № 1. С. 29 – 41.

15 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 27. Л. 50.

16 ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. С. 195 – 196.

17 Там же. С. 198 – 199.

18 Там же. С. 208.

19 ADAP. Bd. IX. S. 65 – 66; См. также: ДВП. Т. XXIII. Кн. 2. Ч. 2. С. 791.

20 ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. С. 213.

21 Там же. С. 217 – 218; ADAP. Bd. IX. P. 128.

22 ДВП. Т. XXIII. Кн. 2. Ч. 2. С. 257 – 258.

23 Documents on German Foreign Policy. 1918 – 1945. Series D (1937 – 1945). Vol. IX. L., 1956. P. 316 (Далее: DGFP).

24 Ibid. P. 257 – 259.

25 Ibid. P. 272 – 274.

26 Ibid. P. 318 – 319.

27 Ibid. P. 331.

28 Ibid. P. 332.

29 Ibid. P. 412 – 414.

30 Ibid.

31 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 27. Л. 81.

32 DGFP. Vol. IX. P. 33 – 335.

33 Ibid.

34 Ibid. С. 297 – 298.

35 Ibid. С. 312.

36 Ibid. С. 342.

37 J document diplomatici italiani. P. 21 – 26.

38 *Городецкий Г.* Роковой самообман: Сталин и нападение Германии на Советский Союз. М., 2001. С. 40 – 44.

39 Вопрос об агремане Криппсу поднимался несколько раз Шуленбургом в беседах с Молотовым, и советские власти давали разъяснения по этому вопросу, включая два заявления ТАСС (22 мая и 30 мая). См.: ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. С. 277 – 279, 289.

40 Вопросы истории. 1990. № 9. С. 67 – 84; *Куманев Г.А.* Проблемы военной истории отечества. 1938 – 1945. М., 2007. С. 40.

41 ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. С. 354.

42 Там же. С. 363.

43 Там же. С. 364 – 368.

44 Там же. С. 375 – 376.

45 Там же. Кн. 2. Ч. 2. С. 801 – 802.

46 Там же. Кн. 1. С. 376. В дальнейшем, уже после присоединения Бессарабии, немецкие представители неоднократно уведомляли Москву, что они имеют стратегические интересы в Румынии. См.: GDFFP. Vol. IX. P. 276, 280.

47 Ibid. P. 278, 593 – 595, 599 – 601, 627 – 628, 687 – 688.

48 ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. С. 413.

49 Там же. С. 439 – 440.

50 Там же. С. 548 – 552.

51 Там же. С. 421 – 422.

52 GDFFP. Vol. IX.

- ⁵³ Ibid.
- ⁵⁴ Ibid. См. также: ДВП. Т. XXIII. Кн. 2. Ч. 2. С. 808—809.
- ⁵⁵ *Jacobsen M.A. Der Zweite Weltkrieg in Chronik und Dokumenten.* 1939—1945. S. 143—146.
- ⁵⁶ ADAP. Bd. V. S. 1207.
- ⁵⁷ Место подписания германо-французского перемирия в ходе Первой мировой войны.
- ⁵⁸ ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. С. 482.
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ Там же. Кн. 2. Ч. 2. С. 809.
- ⁶¹ Там же. Кн. 1. С. 546—547.
- ⁶² Там же. С. 553—554.
- ⁶³ Там же. С. 577—578.
- ⁶⁴ Там же.
- ⁶⁵ Там же. С. 582—583.
- ⁶⁶ Там же. С. 583—586.
- ⁶⁷ Там же. С. 591—592, 606.
- ⁶⁸ Там же. С. 606.
- ⁶⁹ Там же. С. 616, 618—621.
- ⁷⁰ Там же. С. 588.
- ⁷¹ GDFP. Vol. IX. P. 291—297.
- ⁷² Ibid. P. 296—297.
- ⁷³ ADAP. Bd. IX. S. 248—253; См. также: ДВП. Т. XXIII. Кн. 2. Ч. 2. С. 812—813.
- ⁷⁴ ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. С. 680—682.
- ⁷⁵ Там же.
- ⁷⁶ Там же. С. 682; См. также: GDFP. Vol. IX. P. 335.
- ⁷⁷ ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. С. 697.
- ⁷⁸ Там же. С. 699. Подробный ответ Сталина см.: GDFP. Vol. IX. P. 353—354.
- ⁷⁹ ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. С. 629.
- ⁸⁰ GDFP. Vol. IX.
- ⁸¹ *Foreign Relations of the United States.* 1940. Vol. I. P. 565.
- ⁸² ДВП. Т. XXIII. Кн. 2. Ч. 2. С. 813; ADAP. Bd. XI/1. S. 127, 137. Дискуссии по финским делам продолжались и позднее. См., например: GDFP. P. 328, 329.
- ⁸³ ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. С. 628.
- ⁸⁴ Там же. С. 651.
- ⁸⁵ GDFP. Vol. IX. P. 510—511. См. также: ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. С. 712.
- ⁸⁶ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2. Ч. 1. См. также: Директивы И.В. Сталина В.М. Молотову перед поездкой в Берлин в ноябре 1940 г. // *Новая и новейшая история.* 1995. № 6; *Безыменский Л.А. Визит В.М. Молотова в Берлин в ноябре 1940 г. в свете новых документов* // *Новая и новейшая история.* 1995. № 6.
- ⁸⁷ Через два дня по указанию Сталина пункт об Индии был вычеркнут.
- ⁸⁸ GDFP. Vol. IX. P. 432.
- ⁸⁹ Ibid. P. 508—510.
- ⁹⁰ Ibid. P. 510.
- ⁹¹ Ibid. С. 510—511.

⁹² Ibid. С. 521 – 522.

⁹³ Ibid. P. 522.

⁹⁴ Ibid. P. 523.

⁹⁵ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2. Ч. 1. С. 36 – 51, 54 – 79, 80 – 82. Подробную запись всех встреч Молотова в Берлине см. также в публикации немецких дипломатических документов: GDFP. Vol. IX. P. 533 – 570. См. также: СССР – Германия. 1939 – 1941. Нью-Йорк, 1989. 2-е изд. С. 94 – 131. Об обстановке на переговорах в Берлине см.: *Бережков В. Годы дипломатической службы*. М., 1972. С. 3 – 36.

⁹⁶ Там же. С. 38, 46, 69.

⁹⁷ Там же. С. 39, 75.

⁹⁸ GDFP. Vol. IX. P. 543.

⁹⁹ Ibid. P. 45 – 46, 54, 63 – 66, 68, 550 – 553.

¹⁰⁰ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2. Ч. 1. С. 64.

¹⁰¹ GDFP. Vol. IX. P. 551.

¹⁰² Ibid. P. 555.

¹⁰³ Ibid. P. 553.

¹⁰⁴ Ibid. P. 552 – 553.

¹⁰⁵ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2. Ч. 1. С. 71. См. также: GDFP. Vol. IX. P. 567 – 568.

¹⁰⁶ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2. Ч. 1. С. 71.

¹⁰⁷ GDFP. Vol. IX. P. 567 – 568.

¹⁰⁸ Ibid. P. 567.

¹⁰⁹ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2. Ч. 1. С. 81.

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ GDFP. Vol. XI. P. 581.

¹¹² *Куманев Г.А. Рядом со Сталиным*. М., 1999. С. 392 – 420.

¹¹³ *Bloch M. Ribbentrop*. 1996. P. 327.

¹¹⁴ *Ribbentrop J. Memoirs*. L., 1954. P. 150.

¹¹⁵ Public Record Office. FO. 371, 24852 – 27377. N 7163. P. 209.

¹¹⁶ Ibid. P. 212 – 213.

¹¹⁷ Ibid. № 7174. P. 231.

¹¹⁸ Ibid. N 4185. P. 238.

¹¹⁹ Ibid. P. 237.

¹²⁰ Ibid. P. 233.

¹²¹ СССР – Германия. 1939 – 1941. Нью-Йорк, 1989. С. 131 – 132.

¹²² ADAP. Bd. XI. Doc. N 599. S. 816.

¹²³ Текст директивы № 21 (План "Барбаросса") см. в кн.: СССР – Германия. 1939 – 1941. С. 134 – 139; *Weizsäcker E.H. Memoirs*. L., 1951. P. 247.

¹²⁴ *Bloch M. Op. cit.* P. 327.

¹²⁵ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2. Ч. 1. С. 95 – 106.

¹²⁶ См., например: *Tauler J. Die Planung des Unternehmen "Barbarossa" // Der Mensch gegen den Menschen. Überlegungen und Forschungen zum deutschen Überfall auf die Sowjetunion*.

¹²⁷ *Городецкий Г. Указ. соч.* С. 69.

¹²⁸ Там же. С. 71.

¹²⁹ *Halder F. Kriegstagebuch*. Bd. II. München, 1991. S. 165, 129 – 130, 147 – 148.

¹³⁰ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2. Ч. 1.

- 131 Там же. С. 132.
- 132 Там же. С. 133.
- 133 Там же. С. 136 – 137.
- 134 Там же. С. 152 – 154.
- 135 Там же. С. 172.
- 136 Там же. С. 186 – 187.
- 137 Там же. С. 159 – 160, 211.
- 138 Там же. С. 216 – 218.
- 139 Там же. С. 292 – 293.
- 140 Там же. С. 295 – 301.
- 141 Там же. С. 302 – 303.
- 142 Там же. С. 306 – 325.
- 143 Там же. С. 326 – 327.
- 144 Там же. С. 336.
- 145 Речь идет о германо-советском протоколе о взаимных поставках, подписанных 18 апреля 1941 г. (GDFP, Vol. IX, P. 579 – 580).
- 146 ADAP, Bd. XI, P. 881 – 882.
- 147 Ibid, P. 343 – 345.
- 148 Политика Советского Союза на Балканах рассматривается в следующем разделе. Здесь речь идет лишь о действиях Германии и реакции СССР.
- 149 ДВП, Т. XXIII, Кн. 2, Ч. 1, С. 327.
- 150 Там же. С. 344.
- 151 Там же. С. 356.
- 152 GDFP, Vol. IX, P. 195.
- 153 Ibid, P. 213 – 216.
- 154 ДВП, Т. XXIII, Кн. 2, Ч. 1, С. 443 – 444.
- 155 Подробнее об этом см. в разделе “Балканский узел”.
- 156 Прибалтика и геополитика: Сб. документов. М., 2006. С. 106.
- 157 *Hilger G., Meyer A.G.* The Incompatible Allies. 1918 – 1941. N.Y., 1953, P. 328; A memoir of German-Soviet relationships N.Y., 1954.
- 158 *Ribbentrop J.* Op. cit. P. 152.
- 159 GDFP, Vol. IX, P. 666 – 669.
- 160 Ibid, P. 667.
- 161 Ibid, P. 668.
- 162 Ibid, P. 691 – 692.
- 163 Правда. 1940. 19 апр.
- 164 *Городецкий Г.* Указ. соч. С. 238.
- 165 Там же.
- 166 Там же. P. 730.
- 167 Там же. P. 790 – 793.
- 168 ДВП, Т. XXIII, Кн. 2, Ч. 2, С. 656. Германские дипломаты усиленно опровергали эти слухи еще раньше. См.: GDFP, Vol. IX, P. 446.
- 169 ДВП, Т. XXIII, Кн. 2, Ч. 2, С. 663 – 664.
- 170 Там же. С. 667.
- 171 Там же. С. 675.
- 172 Там же. С. 676.
- 173 GDFP, Vol. IX, P. 981 – 962.
- 174 *Ribbentrop J.* Op. cit. P. 152.
- 175 *Городецкий Г.* Указ. соч. С. 251.

¹⁷⁶ GDFP. Vol. IX. P. 879—885.

¹⁷⁷ Ibid. P. 960—962.

¹⁷⁸ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2. Ч. 2. С. 719.

¹⁷⁹ Там же. С. 734—735.

¹⁸⁰ Шуленбург сразу же направил текст заявления ТАСС в Берлин без всяких комментариев (GDFP. Vol. IX. P. 1027—1028).

¹⁸¹ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2. Ч. 2. С. 751—753.

¹⁸² ADAP. Bd. XII. S. 885.

¹⁸³ GDFP. Vol. IX. P. 1063—1065. В своей книге. "The Incompatible Allies" советник посольства Германии в Москве Хильгер оспаривает факт получения телеграммы в такой форме. Он считал, что была лишь телеграмма, посланная в 3.00 22 июня, которую Шуленбургу предписывалось передать Молотову. И все же в архивах германского МИД такая телеграмма существует.

Балканский узел

События на Балканах в 1940—1941 гг. стали темой, которая привлекла внимание десятков исследователей в разных странах, в том числе и в России¹. Во многих серьезных научных трудах, основанных на архивных, ранее неизвестных документах, воспроизводятся события на Балканах в целом, а также в Румынии и Венгрии, Болгарии, Югославии и Греции, анализируются действия Германии, Великобритании, Советского Союза, Италии и Турции.

В данном разделе мы остановимся на основных направлениях и целях политики на Балканах СССР, Германии, Великобритании и других стран в рассматриваемый период. Это представляется тем более важным, что существуют различные мнения авторов, прежде всего в оценке позиции крупных держав и самих Балканских государств. Все, что происходило в этом регионе, во многих трудах анализируется в контексте общих политических целей, прежде всего в треугольнике Германия — Англия — Советский Союз с учетом также маневров Италии и отчасти Турции.

Обращение к событиям на Балканах позволяет лучше понять и оценить намерения и реальные шаги основных актеров международной драмы, разыгравшейся на начальном этапе Второй мировой войны. Оживленные споры в историографии последнего времени идут вокруг оценки действий Советского Союза. Часто ставится вопрос — в чем причины неудач политики СССР в отношении Балкан в 1940—1941 гг.

Разумеется, балканские события невозможно оценить вне контекста советско-германских и советско-британских отношений, ибо их общее состояние и направленность во многом определяли политический курс этих стран в Балканском регионе. Можно говорить и об обратном воздействии этих событий на взаимоотношения в указанном треугольнике.

Ситуация на Балканах в то время имела в своем развитии несколько этапов. В начальной фазе во многом она складывалась в русле продолжения прежней политики и взаимосвязей, установившихся здесь в течение довольно продолжительных довоенных лет.

После сентября 1939 г. основное внимание Германии, Советского Союза и англо-французской коалиции было обращено на Центральную, Западную и Восточную Европу. Вокруг Балкан велись обычные традиционные маневры, сопровождаемые попытками европейских держав либо сохранить, либо усилить здесь свое влияние и в Юго-Восточной Европе в целом. Исключение, пожалуй, можно сделать в отношении Турции, где уже осенью 1939 г. шли острые политические дискуссии и столкновения позиций в связи с подписанием договора Англии и Франции с Турцией и советскими попытками повлиять на ход событий.

Если говорить о Советском Союзе, то на протяжении многих лет основное внимание по-прежнему было сосредоточено вокруг проблемы черноморских Проливов, традиционно занимавшей едва ли не главное направление российских внешнеполитических усилий еще с XIX и даже XVIII вв. Соглашения, определившие режим Проливов, принятые на конференции в Лозанне в 1922–1923 гг. и в Монтрё (1936), в целом удовлетворяли Москву. Они как бы ставили заслон на пути через Босфор и Дарданеллы военных судов различных стран в мирное время, снимая угрозу советскому черноморскому бассейну.

Разумеется, основные ключи от Проливов оставались в руках Турции, но главные участники событий, в том числе и Советский Союз внимательно следили за тем, чтобы режим судоходства соблюдался и не нарушался.

Но в течение многих десятилетий XIX столетия Россия не оставляла планов усилить здесь свое влияние, а может быть, и взять Проливы под собственный контроль. Однако установленный в этом регионе режим, предполагавший международный контроль и ответственность, устраивал основные европейские державы, закрепляя некий баланс сил и интересов.

Длительное время опорой России на Балканах были Болгария и Сербия. После окончания Первой мировой войны ситуация изменилась. Державы-победительницы — Англия и Франция — не имели намерений пускать “коммунистическую Россию” на Балканы. И все же идеи так называемой славянской солидарности побуждали московских лидеров продолжать считать Болгарию и созданную после Первой мировой войны Югославию теми странами, где Советский Союз мог рассчитывать на использование своего влияния и прежних традиций. СССР имел пакты о ненападении с Турцией и Болгарией. Он пытался установить дипломатические отношения с Югославией, усиливая контакты с Грецией. Но в целом к началу Второй мировой войны его влияние на Балканах в реальности было не слишком велико. Кремль на этот счет имел скорее большие иллюзии и отголоски прежних представлений, нежели реальные достижения и возможности.

Балканы на протяжении ряда столетий являлись стратегически важным регионом для Англии и Франции. Именно они контролировали политику Турции. После Первой мировой войны Франция занимала активные позиции в странах Балканской Антанты (собственно именно французская дипломатия инициировала ее создание, особенно в Румынии и отчасти в Югославии). Британская дипломатия, рассматривавшая Балканы как регион, связывавший Европу со "святой святых" английской дипломатии — со Средним и Ближним Востоком, также имела значительные интересы и прочное влияние на Юго-Востоке Европы.

Традиционным западным партнером Балканских стран являлась и Италия. Постепенно внимание к ним возрастает и в Берлине. Собственно немецкое проникновение на Балканы осуществлялось еще в начале XX столетия, накануне и в ходе Первой мировой войны. Но в 20 — 30-е годы оно пошло на спад и лишь накануне и в начале Второй мировой войны снова усилилось.

Постепенно балканские дела становились частью общего противостояния великих держав на европейском континенте, в районах Малой Азии и Ближнего Востока. До весны — лета 1940 г. каждая воюющая держава и нейтральный Советский Союз накапливали силы и стремились сохранить или укрепить свои позиции на Балканах, чтобы противодействовать попыткам других стран. Мы уже упомянули острые дебаты вокруг Турции, закончившиеся подписанием договора Турции с Англией и Францией, позволявшего англо-французскому блоку удерживать Турцию от тесных и обязывающих отношений и с Германией и с Советским Союзом.

Если обратиться к политике самих Балканских стран, то при всем их различии и многообразии в ней было много общего. Лидеры этих государств в большей или меньшей степени стремились сохранять нейтралитет, балансировать между воюющими группировками и державами, опасаясь, что слишком тесное сближение с той или иной из них может создать серьезные трудности для независимости и самостоятельного развития. Реализовывать такой внешнеполитический курс становилось все сложнее и труднее, ибо по мере разрастания мирового конфликта и усиления агрессивности и экспансионизма великих держав Балканские страны все больше вовлекались в общее противоборство. В этих условиях сохранять нейтралитет и дистанцироваться от великих держав становилось затруднительно.

Очень скоро ситуация на Балканах коренным образом изменилась. Это было связано со стремительным германским наступлением, поражением Франции и оккупацией Германией значительной части континентальной Европы. Планы Гитлера

по ее завоеванию реализовывались гораздо быстрее, чем многие ожидали.

Судя по немецким документам, именно в апрельские и майские месяцы 1940 г. в нацистском руководстве были обсуждены и определены направления дальнейших действий Германии. И в этих планах значительное внимание было обращено на район Юго-Восточной Европы и на Балканы.

Как показали дальнейшие немецкие действия, Гитлер и его окружение предполагали осуществлять свои планы, сочетая самые различные методы и средства, политический и дипломатический нажим, силовое давление вплоть до применения военных мер. Используя различные каналы и средства информации и прямые постоянные контакты с Москвой, германское руководство всячески внедряло мысль, что все их шаги направлены против английского влияния и попыток Великобритании поставить Балканы под свой контроль. При этом немецкие лидеры, разумеется, использовали и фактический уход Франции с международно-политической арены и ее устранение как действующего игрока и на европейской и на балканской сцене. Постоянная угроза германского вторжения значительно ослабляла Великобританию и влияла на возможность противодействия германским экспансионистским устремлениям. В этих условиях Англия могла ориентироваться на свои традиционно сильные связи с Турцией и Грецией, но и здесь возможности британских политиков были ограничены.

Гитлеру приходилось постоянно учитывать желания своего итальянского союзника, особенно заинтересованного в решении балканских проблем. Италия традиционно влияла на ситуацию в Средиземноморье, а следовательно, и в районе черноморских Проливов. Итальянские политики активно маневрировали вокруг греческих, албанских и югославских дел, т.е. по всем направлениям, так или иначе связанным с ситуацией в странах, примыкающих к Средиземноморью.

Германские дипломаты действовали в свойственном им в тот период стиле — напористо, мало считаясь с установившимися правилами и протоколом. При этом они широко и умело использовали средства дезинформации и пропаганды, играя и на противоречиях между Балканскими странами. Даже в отношениях со своими союзниками нацистское руководство действовало жестко. Так, в целом демонстрируя дружеские отношения с Муссолини и Чиано, Гитлер и Риббентроп не стеснялись "ставить Италию на место", когда им казалось, что их союзник наращивает активность в тех районах и в том направлении, которые представляли интерес для самой Германии. Причем агрессивность германского руководства все более нарастала после лета 1940 г.

Ситуация на Балканах в значительной мере сказывалась на советско-германских отношениях, и именно это интересует нас в наибольшей степени. Но сначала обратимся к общим целям и конкретной политике Советского Союза в отношении Балканского региона в целом и применительно к отдельным странам Юго-Восточной Европы и на Балканах.

Подписав договор с Германией и разделив сферы интересов, советские лидеры видели свою цель на Балканах в усилении своих традиционных двусторонних связей с Турцией, Болгарией, Румынией, Югославией и т.д. Свидетельством этого стали договоры о торговле и мореплавании, заключенные Москвой в течение 1939 и первой половины 1940 г. Советские лидеры намеревались использовать свой нейтралитет, чтобы представить интерес для тех малых Балканских стран, их руководителей, общественных деятелей, представителей культуры и религии, для всех тех, кто опасался попасть под пресс и англо-французской коалиции и Германии. Следует признать, что в относительно спокойном ходе "странной войны" такая политическая линия приносила свои дивиденды.

Но образ нейтрального Советского Союза изменился в результате развязывания советско-финской войны. Под влиянием пропагандистских усилий Англии и Франции и закулисных намеков Германии в Балканских странах рождались опасения, что советские лидеры при определенных обстоятельствах будут непрочь повторить свои намерения и против других малых государств.

Однако общая отдаленность Советского Союза от Балканского региона, его изолированность и отсутствие реальных возможностей и рычагов воздействия очень скоро вернули ситуацию в прежнее русло — советско-турецкие связи, а также отношения с другими странами полуострова развивались в общем русле международной политики.

В то же время, как уже отмечалось, резкое изменение международной обстановки, разгром Франции, стремление Германии противостоять Британской империи в различных регионах мира поставило и перед советскими лидерами вопрос об активизации действий на Балканах. Идея советских лидеров состояла в том, чтобы, сохраняя внешний нейтралитет, добиться с помощью Германии расширения советского влияния в ряде регионов, включая и Балканы. Весной 1940 г. под сильным нажимом Германии Москва нормализовала отношения с Италией, рассчитывая и через нее воздействовать на Гитлера и его окружение.

Вскоре после разгрома Франции прошел первый шок. Стало очевидным, что война на этом не кончается и предстоит борьба между Германией и Англией, которой все в большей степени оказывали помощь Соединенные Штаты Америки.

В Москве решили, что в таких условиях Германия будет продолжать нуждаться в советской поддержке, и следовательно, можно было бы попытаться использовать ситуацию для получения выгод, на этот раз на Балканах. При этом, конечно, растущая напряженность в советско-германских отношениях ощущалась, но, видимо, пока в этом не усматривалась слишком серьезная угроза. Советские лидеры продолжали сохранять контакты с Великобританией, в том числе обсуждая и балканские дела без каких-либо результатов и обязывающих решений. Их главный просчет состоял в том, что они не ощутили (не имея достоверной информации) принятого Германией решения начать движение в сторону Балкан, не особенно беря в расчет интересы своего советского союзника. Справедливости ради следует признать, что если бы в Москве своевременно и осознали бы опасность германского движения на Балканы, Сталин и Молотов мало что могли бы изменить, поскольку стратегическая инициатива была не в их руках.

В первой половине 1940 г. Советский Союз подписал договоры о торговле и мореплавании с Болгарией, Югославией и Венгрией². Сами по себе они не имели сколько-нибудь заметного значения, но для советских лидеров означали, что СССР продолжает укреплять отношения с Балканскими странами на двусторонней основе. Особенно в этой связи в Москве выражали удовлетворение договором с Югославией, поскольку с ней у Советского Союза не было до этого дипломатических отношений. Торговый договор как бы послужил сигналом и преддверием к их установлению.

И действительно, через полтора месяца последовал обмен письмами между советским полпредом в Турции А.В. Терентьевым и послом Югославии в Турции И. Шумяковичем, в котором оба информировали друг друга, что и югославское и советское правительства приняли решение об установлении нормальных дипломатических отношений между Югославией и Советским Союзом³.

Летом 1940 г. Москва приступила к осуществлению своих планов в отношении Бессарабии. В течение длительного времени Бессарабия после окончания Первой мировой войны входила в состав Румынии. Как известно, СССР никогда не признавал этот факт, считая, что Румыния захватила территорию, принадлежащую России.

Согласно договоренностям между СССР и Германией о взаимных консультациях, Молотов в Москве и советский посол в Берлине уведомили немецкое руководство о начале акции в отношении Бессарабии⁴. В Германии в принципе были готовы к этому (в этот момент завершался разгром Франции) и не препятствовали советским действиям и в Прибалтике и в Бессарабии⁵.

Известно, что немецкие представители в Бухаресте "подготовили" румын и настойчиво рекомендовали им принять советские требования⁶. Как указывалось ранее, единственная сложность состояла в том, что советские лидеры решили добавить к претензиям на Бессарабию также и район Северной Буковины, что не было предусмотрено советско-германским протоколом. Немцы сначала пытались оспорить это, но очень быстро решили не протестовать. Хотя в дальнейшем, в том числе во время переговоров Молотова в Берлине и Гитлер и Риббентроп напоминали, что Германия проявила великодушие и согласилась с советским требованием, невзирая на то что оно было для нее совсем неожиданным⁷.

Аналогично с Германией столь же благожелательную к СССР позицию заняла Италия. 27 июля Чиано сообщил советскому правительству, что Италия также посоветовала Румынии принять советские предложения⁸.

Говоря об этих событиях, следует отметить, что официальное заявление советского правительства румынским властям было составлено в жестком стиле. В Москве было, конечно, известно, что после рекомендаций Германии и Италии правительство Румынии примет советские требования. В этих условиях такой тон заявления был неуместен и явно не шел на пользу отношениям СССР с Румынией. Советская пресса писала о "насильственном отторжении Бессарабии, о том, что румынам дается один — два дня и что СССР не допустит разрушения предприятий и железных дорог, аэродромов" и т.п. Попытки румынских властей попросить небольшую отсрочку для решения технических вопросов были отклонены правительством СССР⁹.

Разумеется, требования были выполнены, но в Бухаресте не забыли о тоне советских заявлений. Подобная "мелочь" ясно показывала весьма негибкие методы Советского Союза. Видимо, в Москве считали, что подобная жесткость и ультимативность лишь подтверждает его силу и вес. Но эта амбициозность явно не укрепила советских позиций и влияния среди малых стран, в том числе и на Балканах.

В течение июня — июля значительно обострились румыно-венгерские отношения. И именно в связи с этим выявились новые тенденции в политике Германии и Советского Союза. Венгрия не скрывала своих намерений отторгнуть в свою пользу Трансильванию, находившуюся в тот момент в составе Румынии. В Будапеште действовали по нескольким направлениям. Нажимали на Германию и на Италию, добиваясь их поддержки, и в то же время, особенно во время решения бессарабского вопроса, венгры старались всячески подчеркивать хорошие отношения с Москвой, явно стремясь еще более ухудшить советско-румынские контакты.

3 июля венгерский посланник в Москве обратился к советскому правительству за поддержкой в решении трансильванской проблемы. Москва с энтузиазмом откликнулась на это предложение. На встрече в этот день и на следующей 4 июля Молотов всячески заверял венгерского представителя в полной поддержке, заявил, что венгерские претензии к Румынии "имеют под собой основания". Он намекнул, что хорошо бы решить этот вопрос на международной конференции, где СССР оказал бы всемерную поддержку венгерским притязаниям к Румынии¹⁰.

На встрече 4 июля Молотов предложил венграм подписать договор о торговле и мореплавании, что было очень быстро реализовано.

В Москве решили, что, предлагая созвать международную конференцию и заранее ангажируя свою полную поддержку венгерским требованиям, они как бы возвращали себе инициативу в определении судеб стран Юго-Восточной Европы. Венгрия приветствовала советскую поддержку, надеясь, что тем самым она может несколько ослабить зависимость в осуществлении своих требований только от решения Берлина и Рима.

Но советский "нажим" нервировал Турцию и Югославию, которые отнюдь не хотели отдавать на "заклание" своего румынского союзника. В беседе с советским полпредом в Бухаресте югославский посол пытался несколько успокоить Москву. Он прямо просил советское правительство сделать в отношении Румынии какой-нибудь жест, хотя бы ради того, чтобы предотвратить ее полное подчинение Германии¹¹. Но в Москве словно списали Румынию со счетов.

В некоторых Балканских странах начали распространяться слухи, что Советский Союз готов двинуться дальше — за р. Прут. Югославские дипломаты снова просили Москву "парализовать" усиливающееся влияние Германии на Румынию¹².

28 июля в Зальцбурге состоялось совещание представителей Германии, Болгарии, Румынии и Словакии. 31 июля Шуленбург информировал об этом Молотова который сделал следующие выводы об итогах совещания:

— Германия не будет участвовать как арбитр в будущих переговорах между Румынией, Венгрией и Болгарией;

— Германия дала совет Венгрии (хотя ее и не пригласили в Зальцбург) уменьшить свои претензии к Румынии и договориться с ней;

— Германия дала совет Румынии уступить и договориться с Венгрией и с Болгарией;

— Германия рекомендовала Румынии уступить Болгарии Южную Добруджу¹³.

16 – 24 августа немцы посадили за один стол венгров и румын (в румынском городе Турну-Северен), но уговорить их прийти к соглашению им не удалось¹⁴. В Москве это было известно. Здесь по-прежнему сомневались в благоприятном исходе переговоров, продолжая надеяться усилить роль СССР. Некоторое время советские представители даже вели переговоры с венграми о возможности продажи военных самолетов и т.п. Но в этой тупиковой ситуации и венгры, и румыны искали поддержку отнюдь не в Москве, а в Берлине.

Германия полностью воспользовалась сложившейся ситуацией. 29 – 30 августа Риббентроп и Чиано собрали в Вене представителей Венгрии и Румынии и фактически продиктовали им условия соглашения, которое в дальнейшем было названо "венским арбитражем".

Немцы решили "удовлетворить" и одновременно "умерить аппетиты и тех и других". По венскому арбитражу к Венгрии были переданы северная и северо-восточная части Трансильвании общей площадью в 43 тыс. кв. км с населением более 2,5 млн человек, из которых более 1 млн были румыны. Почти полмиллиона венгров осталось в южной Трансильвании, т.е. в Румынии. Южная Добруджа была передана Румынией Болгарии¹⁵.

Пока шла подготовка к переговорам в Вене и в их ходе, немцы негласно активно уверяли румын, что Советский Союз готовит новое нападение на Румынию. "Довод, что будто бы русские готовы вступить в Молдавию, — писал бывший румынский посол в Москве Гаряну, — сыграл важную роль в подписании соглашения в Вене"¹⁶. В дипломатических кругах упорно говорили и о том, что немцы "доверительно" сообщили румынам содержание бесед Шуленбурга в Москве, в ходе которых советские представители заявляли о полной поддержке венгерских притязаний на румынские территории¹⁷.

Свидетельством негибкости действий советских представителей говорит весьма красноречивый факт. Заместитель наркома по иностранным делам Деканозов в самый разгар событий пригласил румынского посла и вручил ему угрожающую ноту, в которой требовал от румынской стороны прекратить нарушение советско-румынской границы¹⁸. И это произошло в тот самый день, когда в Бухаресте обсуждался вопрос об отношении к решениям в Вене.

Сразу же после принятия венского арбитража Гитлер и Муссолини в совместной декларации объявили о своих гарантиях неприкосновенности границ румынского государства. Это означало, что от границы по р. Прут и Нижнему Дунаю, т.е. там, где остановились советские войска, начиналась сфера немецкого влияния. Тем самым Германия сводила на нет советские устремления влиять на развитие событий.

В Москве были шокированы содержанием "венского арбитража". Молотов резко заявил Шуленбургу, что арбитраж был проведен без ведома советских руководителей, в нарушение статьи советско-германского договора о предварительных консультациях. Немецкий посол пытался объяснить случившееся поспешностью¹⁹.

События быстро нарастали. В Румынии произошел переворот, король отрекся от престола и главой правительства стал принц Михай, а премьер-министром — генерал Антонеску, который сразу же объявил о намерении начать "крестовый поход за великую Румынию" вместе с Германией и другими странами тройственного пакта. В октябре 1940 г. в Румынию были введены германские войска. А через некоторое время и Венгрия присоединилась к тройственному Пакту.

Другой инцидент также относился к этому региону и касался работы так называемой дунайской комиссии. В ее задачу входила выработка рекомендаций по режиму судоходства на Дунае. Немцы, усиливающие свое влияние в комиссии, инициировали ее срыв, не пригласив представителей Советского Союза. Москва отреагировала довольно болезненно и неоднократно напоминала об этом в беседах с германскими представителями. В итоге этот небольшой инцидент был урегулирован, и советские представители начали участвовать в работе комиссии, которая, правда, мало что решала.

События конца августа — октября 1940 г. показали, что Германия не просто объявила о своем намерении двигаться на Балканы, но и осуществляла это на практике. Маневрируя и в Бухаресте и в Будапеште, сочетая жесткое силовое давление с дипломатическими переговорами, Гитлер фактически не только навязал венские решения, но полностью привязал Румынию и Венгрию к Германии и тройственному пакту. "Венский арбитраж" в какой-то мере на время устроил обе стороны и в то же время не удовлетворил их. Принятое решение не только не устранило противоречия, но в определенной степени создавало условия для их обострения в будущем.

Но основную свою цель Гитлер на этом этапе решил. Внешне оправдывая свои действия, в том числе и в Москве необходимостью противостоять влиянию Англии и ее проiscaм на Балканах, германские лидеры в корне меняли ситуацию на Балканах.

Было совершенно очевидно, что немецкие решения объективно противоречили интересам СССР. Перед советскими планами на Балканах был поставлен первый барьер. Причем, реализуя свои действия, Гитлер открыто продемонстрировал нежелание считаться с Советским Союзом и не принимать в расчет его политические интересы. Судя по дипломатическим

документам, советские полпреды в Балканских странах именно так и оценили ситуацию. Видимо, так поняли ее и в Москве.

Вряд ли правы те исследователи, которые сбрасывали со счетов намерения Москвы поставить хоть какую-то преграду германскому продвижению на Балканы²⁰. Но в целом в Москве пожинали плоды стратегической расстановки сил и боязни Кремля что-либо кардинально изменить.

Сталин и Молотов продолжали калькулировать свою политику фактически лишь в рамках советско-германского пакта, причем применительно к условиям почти годичной давности. Продолжая мыслить категориями разделения зон интересов, советские лидеры попытались сразу же после присоединения Бессарабии расширить свое влияние на Балканах, прежде всего в Румынии. Они решили действовать как бы на равных с Германией, не понимая, что ситуация меняется кардинальным образом и Гитлер уже не желает считаться с Советским Союзом, готовясь к будущей войне.

А в отношении малых балканских стран, в конкретном случае Румынии, в Москве проявили неконструктивный подход. В дни румыно-венгерского кризиса советские лидеры отказались от более искусных действий, не посчитавшись даже с просьбами и намеками со стороны Турции, Болгарии и Югославии проявлять больше гибкости. В итоге Кремль получил болезненный удар, к тому же было ясно, что германское движение на Балканы на этом не остановится.

* * *

События на Балканах в августе – октябре 1940 г. заставили советских лидеров по-иному взглянуть на свою политику в этом регионе. Следовало определить приоритеты и направления и соответственно выстроить очередность возможных шагов и решений.

Разумеется, советская политика в отношении Балкан не могла быть отделена от общей внешнеполитической линии советского правительства и международной ситуации. Главным вопросом, конечно, были перспективы отношений с Германией.

Как уже указывалось при рассмотрении других вопросов, мы не располагаем документами о каких-либо обсуждениях в Москве об обстановке на Балканах в конце 1940 г. Но, сопоставляя те документы, которые имеются в нашем распоряжении, а также советские действия осенью и зимой 1940 г., можно с большой долей вероятности сделать некоторые заключения о намерениях СССР.

Прежде всего отметим, что значительно возросло количество донесений советских послов из Балканских стран, в которых

выражалась явная тревога и озабоченность в связи с резкой активизацией германских действий на Балканах и их очевидной направленностью против интересов СССР.

Реальные факты насторожили и весьма сильно обеспокоили советских лидеров. История с венским арбитражем заставила Москву посмотреть на события на Балканах в ином свете. Как показали дальнейшие события и как можно было заключить из заявлений и выступлений Молотова и из бесед Сталина и Молотова с представителями других государств, в Москве решили действовать в следующих направлениях.

1. Использовать шанс снова договорится с Гитлером и его окружением о разделении сфер влияния и о сотрудничестве на Балканах в связи с предстоящей поездкой Молотова в Берлин и его переговорами с нацистскими лидерами. При этом попытаться, как мы уже отмечали и как подчеркнем дальше, соединить новые договоренности более общего плана с решением конкретных задач. Главными темами были выбраны Болгария и проблема черноморских Проливов.

2. Больше использовать фактор Италии и ее влияние на Балканах. Этому должна была способствовать нормализация советско-итальянских отношений, осуществленная с помощью Германии.

3. Учитывая неудачу в использовании румыно-венгерского конфликта, укрепить контакты с Болгарией, Югославией и Турцией, повлиять на Турцию при обсуждении проблемы Проливов.

4. Не прекращать диалог с Великобританией, в том числе и по вопросам Балкан, при сохранении недоверия ко всей британской политике, в том числе и на Балканах. Привлечь Англию (причем весьма осторожно) для противодействия Германии на Балканах.

Весь этот комплекс проблем оказался в центре советской политики во второй половине 1940 — первой половине 1941 г.

Мы уже подробно говорили о переговорах Молотова в Берлине в ноябре 1940 г., а сейчас вернемся к ним снова, но лишь в контексте ситуации на Балканах.

Повторим, что прежде всего была осторожно выдвинута идея зондажа позиций тройственного пакта и возможности советского присоединения к нему. В этой связи Москва выражала готовность к обсуждению тех проблем, на которые ранее намекали германские представители, — о так называемом Великом Восточно-Азиатском Пространстве и, может быть, новой Европе.

Но, как известно, Германия, в принципе поддерживая присоединение СССР к тройственному пакту, явно хотела направить его устремления на юг, в районы Азии, т.е. в те регионы,

которые составляли главный интерес для Британской империи. Правда, уже очень скоро на переговорах выяснилось, что германские варианты такого соглашения были представлены в довольно общем виде. Но для Молотова этот общий подход был лишь неким фоном для выдвижения советских предложений, касающихся Европы, главным образом Балкан. Молотов озвучил их, следуя полученным в Москве директивам.

Во-первых, это был так называемый вопрос о Дунае. Советское руководство хотело бы усилить участие представителей СССР в дунайской комиссии. Видимо, имелась в виду возможность оказывать давление на Румынию, чтобы хотя бы в какой-то мере компенсировать неудачу в разрешении румыно-венгерского конфликта.

Во-вторых, один из основных интересов Москвы был обращен на Болгарию и черноморские Проливы. Вероятно, Сталин и Молотов были явно шокированы тем, что Германия и Италия предоставили гарантии Румынии и ее границам. Как бы в противовес этому Советский Союз предлагал решить вопрос о военной базе в Болгарии и соответственно о вводе своих войск в Болгарию для защиты входов в Черное море. Москва мотивировала это предложение необходимостью обеспечения безопасности "причерноморских районов Советского Союза и урегулирования вопроса о черноморских Проливах"²¹. В ходе обмена телеграммами с Молотовым Сталин уточнял также, что присутствие наших войск в Болгарии может быть использовано для давления на Турцию²².

Далее были упомянуты Румыния и Венгрия, причем в контексте учета интересов СССР и необходимости согласования германских действий с Москвой.

Таким образом, советское руководство предложило Германии вновь согласовать интересы. Но на этот раз, скорее речь шла не о разграничении, а об учете советского влияния на Балканах. В условиях нараставшего германского проникновения на Балканы в Москве решили поставить перед Гитлером вопрос о необходимости считаться с интересами СССР.

Как видно, советские лидеры продолжали сохранять иллюзии о готовности Германии заключать соглашения по типу августовского пакта 1939 г. Они, конечно, не могли знать, что в Берлине уже приняты решения о подготовке войны против СССР, но все поведение немцев в последние месяцы на Балканах должно было не просто насторожить, но и убедить их в том, что Гитлер, мало считаясь с советскими интересами, стремится "прибрать к рукам" Балканские страны.

Конечно, выдвигая свои предложения, в том числе и в порядке зондажа, Москва ничем не рисковала, а могла бы точнее выяснить немецкую позицию. Но все же было очевидным, что

ее предложения, касающиеся Болгарии, Проливов и Турции, были в тот период уже лишены реальной основы.

Берлинские переговоры в ноябре 1940 г. развеяли надежды в Москве усилить или просто сохранить свое влияние на Балканах, а тем более иллюзии расширить там свое присутствие с помощью Германии.

В конце ноября советские лидеры, все более озабоченные положением на Балканах, начали массированную попытку непосредственно резко активизировать свою роль в этом европейском регионе.

Мы уже упоминали советские предложения Берлину, переданные Шуленбургу Молотовым 25 ноября, среди которых фигурировала идея "организации советской военной и морской базы в районе Босфора и Дарданелл на началах долгосрочной аренды, заключения пакта о взаимопомощи между СССР и Болгарией и соглашения между СССР, Германией и Италией о гарантиях независимости и территорий Турции (при условии согласия Турции) или какое-либо иное соглашение в случае турецкого отказа"²³.

Дата вручения советских предложений была выбрана неслучайно. 20 ноября к тройственному пакту присоединилась Венгрия, 23 — Румыния, а 24 ноября — Словакия.

А несколькими днями ранее в Москве узнали, что 18 ноября состоялся визит болгарского царя Бориса в Берлин и его встреча с Гитлером. В дипломатических кругах стало известно, что Гитлер предлагал Болгарии присоединиться к тройственному пакту, обещая поддержать ее претензии к Греции, т.е. фактически восстановить Болгарию в границах, существовавших до Версальского мира²⁴.

В этих условиях в Москве действовали в нескольких направлениях. Прежде всего было решено активизировать диалог с Италией, чтобы заручиться ее общей поддержкой как члена тройственного пакта и, может быть, продвинуть советские планы в отношении Проливов.

Сначала итальянцы пошли на контакты, проявляя даже благожелательный интерес. Но как только об этом узнали в Берлине, Гитлер и Риббентроп довольно решительно "поправили" своего союзника. А если учесть, что в то время неожиданно итальянские войска потерпели поражение в войне с Грецией и Германия приняла решение вмешаться и ввести войска в Грецию, то становилась очевидной обреченность на неудачу всяких попыток Москвы использовать Италию.

Оставался единственный, по мнению Москвы, весьма важный фактор — давление собственно на Болгарию. И именно вокруг нее разворачивались наиболее драматические действия на Балканах в конце 1940 — начале 1941 г. 18 ноября Молотов и

Деканозов напомнили болгарскому послу в Москве И. Стамнову, что еще осенью 1939 г. СССР предлагал Болгарии заключить договор о взаимной помощи. Болгария, заявили они, "может на нас полностью рассчитывать"²⁵. А 25 ноября, т.е. в тот же день, когда Молотов вручал свое послание Шуленбургу, в Софию со специальной миссией прибыл заместитель наркома по иностранным делам А.А. Соболев. Он встретился с царем Борисом и премьер-министром Филовым и от имени советского правительства сделал Болгарии официальное предложение о заключении пакта о взаимной помощи. При этом в отличие от переговоров в Берлине было решено снять требования о пропуске советских войск и о военных базах в Болгарии. В случае заключения пакта Москва готова была не возражать против присоединения Болгарии к тройственному пакту, тем более, что в тот же день Молотов говорил Шуленбургу о возможности присоединения к нему и Советского Союза.

Затем началось давление на Болгарию по всем направлениям. Соболев обещал Болгарии всяческую помощь, напоминал об идеях славянской солидарности, о традиционной российско-болгарской дружбе и, наконец, ясно намекнул о готовности поддержать болгарские территориальные претензии к Турции и Греции (выход к Эгейскому морю и в район Адрианополя и т.п.).

25 ноября состоялась также беседа Сталина и Молотова с Димитровым. Главе Коминтерна было предложено организовать в Болгарии поддержку советским предложениям, причем Сталин не стеснялся в своих антитурецких высказываниях, сообщил Димитрову о претензиях Болгарии к Турции по территориальному вопросу. Буквально на следующий день по всей Софии были распространены листовки, призывавшие одобрить советскую инициативу. После гневной реакции Молотова болгарские коммунисты начали исправлять положение.

Зажатая в тисках между Берлином и Москвой, София оказалась в трудном положении. В течение длительного времени болгарские руководители стремились сохранить нейтралитет, но теперь им становилось все труднее оставаться на этой позиции. Получив информацию о советских маневрах, в Берлине усилили нажим на болгарских лидеров. В частных беседах они пугали их перспективой подчинения СССР по типу Прибалтийских государств²⁶.

В Софии после долгих и трудных обсуждений и колебаний приняли решение отклонить советские предложения. Еще на сессии Народного собрания Болгарии 20–23 сентября Филев заявил, что разрешением вопроса о Добрудже Болгария обязана прежде всего Германии и Италии²⁷.

30 ноября болгарское правительство дало официальный отрицательный ответ на советские предложения о заключении

пакта. При этом оно ссылалось на то, что Болгария уже ведет переговоры о присоединении к тройственному пакту и для Болгарии не существует угрозы от кого-либо, следовательно, нет надобности подписывать пакт о взаимной помощи и т.п.²⁸ Одновременно Болгария сообщила обо всех подробностях миссии Соболева и тем самым стремилась извлечь выгоды на переговорах с Германией²⁹.

В Москве советское руководство было вынуждено всячески оправдываться за свои антитурецкие заявления, которые стали известны в Анкаре из разных источников (видимо, и из Германии). Молотов в беседе с турецким послом Актаем уверял, что они были сделаны под впечатлением, что Болгария ищет гарантии, опасаясь нападения со стороны Турции. Это посол немедленно отверг³⁰. Разъяснения приходилось давать и представителям других держав.

В Москве пытались все же сохранить хоть что-то в особых отношениях с Болгарией. 6 декабря советский посол в Берлине Лаврищев вручил болгарскому правительству документ, в котором предлагал ограничиться односторонним предоставлением СССР гарантий безопасности и интересов Болгарии. Посол настаивал на ответе, и 18 декабря Попов фактически окончательно отклонил советские предложения³¹.

Приближалась неотвратимая развязка в болгарской судьбе. 3 декабря Гитлер внушал болгарскому послу, что если бы Болгария сразу присоединилась к тройственному пакту, то "русская опасность войны не возникла бы"³². А через месяц, 4 января 1941 г. он говорил Филову: Болгарии нечего бояться, "Россия проглотит свершившийся факт, как это было в случае с Румынией"³³. В начале января Филова пригласили в Вену, где Гитлер и Риббентроп окончательно убедили его. По возвращении в Софию он уговорил царя Бориса.

Москва попыталась снова оказать давление на Софию. 4 января СССР уже соглашался на заверения Болгарии не разрешать пребывания германских войск на своей территории. 18 января последовало заявление ТАСС, опровергающее слухи, что переброска немецких войск в Болгарию осуществлена с ведома и согласия Советского Союза.

20 января 1941 г. совет министров Болгарии принял решение о присоединении Болгарии к тройственному пакту, что было формально подписано 1 марта. И в тот же день немецкая армия фельдмаршала Листа вступила на ее территорию.

В специальной ноте Москва заявила, что ввод немецких войск в Болгарию ведет к расширению сферы войны и к втягиванию в нее Болгарии и СССР не может больше оказывать поддержку болгарскому правительству³⁴. Но это уже была простая формальность и фактическое признание собственного бессилия.

Итак, Советский Союз после нескольких месяцев политических и дипломатических усилий, после маневров в Берлине, попыток активного давления на Болгарию проиграл Гитлеру в борьбе за Болгарию (вслед за Румынией). Балканская драма 1940—1941 гг. была близка к своей окончательной развязке. Последней страницей в ней стала история с Югославией.

До середины 1940 г. Югославия не занимала существенного места в советской внешней политике. Это была единственная балканская страна, с которой у Советского Союза не было даже обычных дипломатических отношений. Но продвижение Германии на Балканах, ее постепенное проникновение в Румынию, Венгрию и Болгарию, итальянские планы и действия против Греции, обострение внимания к проблемам Проливов — все это повысило значение югославского фактора. Советское правительство, терявшее на Балканах одну позицию за другой, усилило свой интерес к этой стране в западной части Балкан. Для СССР это была бы компенсация за потерю позиций в Румынии и Венгрии. Югославия могла сыграть значительную самостоятельную роль в вопросе о Проливах, вокруг нее концентрировались интересы Италии. Прежде всего, как уже отмечалось, Москва провела успешные торговые переговоры с Югославией, подписав договор о торговле и мореплавании, который открыл путь к установлению нормальных дипломатических отношений между двумя странами.

Югославия, как и некоторые другие балканские страны, стремилась удержать свою нейтралистскую позицию, чтобы не оказаться втянутой в конфликты, а тем более в военные операции на Балканах. Действуя в этом направлении, югославские лидеры одновременно предпринимали меры по укреплению своей армии, и в этом контексте они сделали весьма неординарное движение, обратившись к Советскому Союзу с предложением о продаже Югославии оружия. В Москве к этому отнеслись с большим интересом, и начались соответствующие переговоры между военными делегациями обеих стран.

Общая ситуация вокруг Югославии накалялась. Германия, уже фактически прибравшая к рукам Румынию, Венгрию, в итоге и Болгарию, недвусмысленно показала свое намерение присоединить к тройственному пакту и Югославию. Особенность ситуации состояла в том, что Англия, фактически теряющая свои позиции на Балканах, развернула активную деятельность вокруг Югославии, которая играла существенную стратегическую роль в защите Греции от итальянских, а затем и германских притязаний. Английская дипломатия пыталась создать на Балканах хоть какой-то противовес германской экспансии: Криппс в Москве и британские послы в Белграде и Анкаре

стремились спасти то, что еще можно было спасти, и всячески побуждали Москву, если не возглавить, то активно включиться в формирование некоего объединения (включая и Югославию) для противодействия Германии³⁵.

В Москве, раздраженные своими неудачами в Румынии, а затем и в Болгарии были непрочь сделать что-либо в предлагаемом направлении, но Сталина останавливала, во-первых, боязнь разозлить Германию и ухудшить советско-германское сотрудничество и, во-вторых, постоянное недоверие к Англии, которую советский лидер подозревал в антисоветских намерениях и интригах. Такой настрой лимитировал активность действий на Балканах и принятие каких-либо планов по противодействию Германии. К тому же справедливости ради следует отметить, что возможности Советского Союза были весьма ограничены и стремительно сокращались.

В тревожные недели конца 1940 — начала 1941 г. в Москве все же решились благосклонно отнестись к предложению Англии, чтобы руками Британии немного сдержать германские аппетиты. На двустороннем уровне советское руководство охотно наращивало диалог с Югославией. В Москве поддержали идею о продаже ей оружия. Были даже обсуждены его виды и размеры, но в Москве боялись утечки информации о переговорах и крайнего недовольства Берлина.

Германия, со своей стороны, развернула активный нажим на Югославию, требуя ее присоединения к тройственному пакту. В итоге в 1941 г. югославское правительство официально объявило о своем решении.

В этот момент события в Югославии приняли неожиданный драматический оборот. Все началось с того, что группа высшего югославского генералитета произвела государственный переворот, отстранив правительство, и захватила власть в стране. Неожиданная особенность случившегося состояла в том, что многие из тех военных, которые пришли к власти, были лично тесно связаны с Советским Союзом, а по некоторым данным и свидетельствам, имели даже контакты с советской военной или политической разведкой³⁶.

Переворот в Югославии вызвал раздражение в Берлине. Ее новые руководители обратили значительное внимание на Москву, рассчитывая на ее помощь и поддержку. В то же время они сразу же подтвердили решение прежнего руководства о присоединении к тройственному пакту и вообще стремились всячески успокоить немцев и заверить их в своей лояльности. Но Гитлер мало верил в это и немедленно дал приказ готовиться к вторжению в Югославию.

Началась короткая, но полная драматизма история с подписанием советско-югославского договора. Она описана в ряде

исторических трудов с деталями и подробностями, поэтому мы выделим лишь несколько моментов³⁷.

Идея подписать договор с Советским Союзом родилась в Белграде и была сразу же поддержана в Москве. Югославы рассчитывали, что этим актом они в какой-то мере обезопасят себя от вторжения немецких войск или во всяком случае Гитлер будет действовать более осторожно. Москва, закрепив отношения с Югославией, стремилась восстановить в какой-то мере свои пошатнувшиеся позиции на Балканах, став снова действующим игроком на балканской сцене, продемонстрировав Берлину свою самостоятельную роль на Балканах.

Проект договора о дружбе и союзе был быстро согласован при активном участии известного югославского дипломата, посла в Москве Гавриловича, горячего сторонника соглашения с СССР. Ключевым пунктом подготовленного текста договора было обязательство сторон оказывать помощь друг другу в случае нападения третьей стороны. Составной частью договора должна была стать и конвенция, определявшая порядок возможного военного сотрудничества.

Когда казалось, что все готово к подписанию, неожиданно в Москве решили заменить предлагаемый пакт, назвав его договором о дружбе и ненападении, убрав слово "союз", что отличалось от первоначальных предложений югославы. Они согласились и заявили, что готовы немедленно подписать договор. Все это происходило 4 апреля 1941 г.

На решение Москвы, несомненно, подействовало предупреждение Германии, сделанное в тот же день Шуленбургом в беседе с Молотовым. Немецкий посол заявил, что сейчас "не время для подписания договора между СССР и Югославией ввиду острой ситуации в германо-югославских отношениях". Молотов, однако, твердо заявил: "Советское правительство обдумало свой шаг и приняло окончательное решение"³⁸.

Но из-за немецкого демарша в Москве решили еще раз модифицировать текст договора, включив формулировку о "нейтралитете" вместо обязательств о поддержке. Гаврилович реагировал на это очень болезненно и упрасивал Москву не менять формулировку. В Москве вроде бы стояли на своем, но буквально в самый последний момент в присутствии Сталина и других советских руководителей Молотов объявил о согласии убрать слова о нейтралитете. Теперь текст звучал так: в случае нападения на одну из сторон "соблюдается политика дружественных отношений".

В исторической литературе существует несколько версий о причинах перемен в советской позиции, о неуступчивости югославы. Но ясно одно — донесения в Москву свидетельствовали о том, что Германия готовится к нападению на Югославию³⁹.

Видимо, Сталин все же надеялся, что самим фактом подписания договора Москва поставит Германию в неудобное положение и, может быть, заставит отложить нападение, т.е. дать югославам время для лучшей подготовки к отпору. Кроме того, Москва все же хотела показать Берлину, что она играет самостоятельную роль и не может просто так проглатывать немецкие акции, не учитывающие советские интересы.

4 апреля Вышинский сказал Криппсу, что СССР не только не возражает, но даже рекомендует югославам заключить соглашение с Великобританией⁴⁰. Кажется, в Москве были готовы согласиться и на использование Британией в противодействии Германии на Балканах, к чему англичане уже не раз призывали.

Итак, 5 апреля в Кремле был подписан советско-югославский "Договор о дружбе и ненападении между СССР и Югославией", в котором говорилось о политике дружественных отношений к стороне, подвергшейся нападению со стороны третьего государства"⁴¹. А 6 апреля утром в советском генштабе военные представители обеих сторон договорились о вооружениях и боевой технике, предоставляемой Советским Союзом Югославии.

Но сам договор и планы военного сотрудничества были перечеркнуты уже через несколько часов, когда германские войска вторглись в Югославию. Вскоре к ним присоединились итальянцы. Через 10 дней югославская армия капитулировала.

6 апреля Шуленбург по поручению Риббентропа уведомил Молотова о военных действиях Германии против Югославии и Греции. При этом он не упомянул о только что подписанном советско-югославском договоре, делая вид, что его не существует. Да и сам Молотов также не решился ни одним словом упомянуть договор.

Итак Германия захватила большую часть Балкан, исключив Советский Союз от какого-либо влияния в этом регионе, и получила плацдарм для будущей войны против Советского Союза.

* * *

На протяжении XX столетия Балканы не раз становились главным центром европейской напряженности. Их неслучайно называли "пороховым погребом Европы". Именно здесь зарождались многие противоречия и источники конфликтов, которые сотрясали Европу. Балканы стали детонатором Первой мировой войны.

Нечто похожее происходило в Европе и во второй половине 1940 — начале 1941 г. После разгрома Франции и захвата большей части Западной, Центральной и Северной Европы, в условиях подготовки Германии к вторжению в Британию именно

Балканы стали одним из очагов напряженности, одним из основных направлений германской агрессии.

Балканская драма завершилась в апреле 1941 г. фактически полным захватом Балканских стран Германией. Часть их была просто оккупирована, некоторые оказались в полном ее подчинении. Действия Берлина были реализацией его общего плана завоевания мирового господства. В перспективе целью было окончательное вытеснение Великобритании из района Балкан, юго-востока Европы и Средиземноморья. Подчинением Балкан Германия создавала плацдарм и предпосылки для нападения на Советский Союз.

Германия осуществила свою программу без потерь и слишком больших усилий, сочетая политические, дипломатические и военные методы, действуя жестко, быстро и напористо, применяя тактику "кнута и пряника", политику "разделяй и властвуй". Балканские страны не могли долго противостоять мощной и налаженной германской машине. В течение длительного времени они находились в орбите влияния различных держав, которые конкурировали между собой и играли на противоречиях между ними. Италия, главный германский союзник, имела на Балканах ограниченные цели и намерения. Ее самостоятельность лимитировалась Германией, которая приходила Риму на помощь, как это было в случае с Грецией. Позиции Англии были существенно ослаблены, а ее действия ограничены. Англичане не сумели защитить своего давнего союзника Грецию. Они пытались влиять на политику Турции, старались предотвратить переход Проливов в германские руки. На определенном этапе Черчилль попытался привлечь Советский Союз для противодействия Германии, всемерно разъясняя Москве, что Гитлер готовится к следующей акции — к нападению на СССР и Москва должна думать и о самозащите и о противодействии Германии. Но даже в те драматические недели в Лондоне не были готовы отказаться от своих антисоветских настроений. Конечно, они считали своей главной целью ослабление советско-германских связей, но общее недоверие и враждебность к СССР сохранялись в британском истеблишменте и в Foreign Office.

Для нас наиболее интересны намерения и действия Советского Союза. Здесь мы ищем и ответ на вопрос о том, как и в какой мере балканские трагические события повлияли на советско-германские отношения. Анализ этих событий важен для того, чтобы ответить еще на один вопрос, который ставился многими исследователями, — насколько верным было само определение главного содержания развития международных событий в 1940—1941 гг. (особенно после поражения Франции), выраженное в заглавии книги "Восточная Европа между Гитле-

ром и Сталиным" (подготовленной Институтом славяноведения РАН). Можно ли считать эту формулу лишь метафорой и риторическим приемом или за ней стояло действительное содержание определенного исторического периода.

Сначала поставим вопрос — понимали ли в Кремле, что с середины 1940 г. Балканы становились эпицентром европейской напряженности и главным направлением гитлеровских агрессивных устремлений.

Конечно, многочисленные донесения советских послов из Балканских стран, из Берлина, Рима и Лондона показывали постепенный рост напряженности и значительного увеличения германской активности. Однако советские лидеры вплоть до весны 1941 г. словно не верили, что Гитлер будет действовать на Балканах, полностью и явно игнорируя советские интересы, не считаясь с СССР и вытесняя его из Балкан и Юго-Восточной Европы.

В Москве, конечно, ощущали изменения в отношениях Германии к СССР, что проявилось и в экономической и в политической областях. Но Сталин и его соратники полагали, что германские акции, если не по всем, то по многим направлениям будут пока развиваться в русле советско-германского пакта. Во всяком случае в Кремле рассчитывали обсудить с Гитлером линии возможного дальнейшего сотрудничества. Поступающие сведения о резком росте германской активности в Румынии, Венгрии, Словакии, Болгарии часто воспринимали в Москве как нагнетание слухов или как намеренную дезинформацию.

Таким образом, СССР, по крайней мере с середины 1940 г., действовал в русле и в рамках советско-германского сотрудничества, что было серьезным просчетом, ибо не учитывались кардинальные изменения в германской стратегии, прежде всего на Балканах.

Встает еще один вопрос: понимал ли Сталин, что рано или поздно Гитлер двинется против Советского Союза. Можно сослаться в этой связи на некоторые программные речи Сталина и Молотова или главы Коминтерна Димитрова об империалистическом окружении и т.п.

Видимо, ситуация на Балканах с учетом политики Германии, Италии, Англии, Турции и самих Балканских стран не стала предметом пристального внимания в Кремле. Сталин и Молотов в основном реагировали на германские действия и те или иные повороты в политике других заинтересованных государств.

Конечно, у СССР уже не было ни сил, ни возможностей противостоять Германии и вести на Балканах самостоятельную политику, и в Москве уже не могли поставить задачу противо-

действия Германии на Балканах, или предложить свою посредническую роль в этом регионе. Для этого требовались перемены в позиции к Англии и значительно большая гибкость в отношении Турции, да и Италии, что в той обстановке уже вряд ли было возможно, так как требовало кардинального пересмотра внешнеполитического курса.

Все это, видимо, можно было бы делать не в разгар событий, не вслед за действиями Германии, а ранее, в течение всего 1940 г., может быть еще до разгрома Франции.

Подводя общие итоги, отметим, что Гитлер захватил Балканы, вытеснив оттуда и Советский Союз и Великобританию, причем делал это часто в весьма унижительной для СССР форме и тем самым создал плацдарм для принятого уже решения о нападении на Советский Союз. А если к этому добавить, что осенью 1940 г. немецкие войска уже начали просачиваться в Финляндию (под предлогом транзита в Норвегию), то становилось очевидным, что Москва попадала во все бóльшую изоляцию. Приобретения в Восточной Европе и в Прибалтике сблизили границы двух государств, ликвидировав буферную зону между СССР и Германией.

Гитлеровская Германия стягивала кольцо вокруг Советского Союза.

¹ См. раздел: "Библиография".

² Документы внешней политики. Т. XXIII: В 2 кн. М., 1995. Кн. 1. С. 14 – 23, 260 – 267, 554 – 560.

³ Там же. С. 369 – 370.

⁴ Там же. С. 365 – 366.

⁵ См.: Documents on German Foreign Policy. 1918 – 1945: In 13 vols. L., 1937 – 1945. Vol. VIII (Далее: DGFP).

⁶ Ibid.

⁷ Ibid.

⁸ ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. С. 381 – 384.

⁹ Там же. С. 380 – 385.

¹⁰ Там же. С. 415.

¹¹ Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939 – 1941 гг. М., 2002. С. 318.

¹² ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. С. 438.

¹³ Там же. С. 467.

¹⁴ Там же. С. 25 – 26.

¹⁵ См.: DGFP. Vol. VIII.

¹⁶ Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 329.

¹⁷ Там же. С. 330.

¹⁸ ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. С. 541 – 542.

¹⁹ Там же. С. 546.

²⁰ См., например: *Городецкий Г. Роковой самообман: Сталин и нападение Германии на Советский Союз.* М., 2001.

- 21 ДВП. Т. XXIII. Кн. 2. Ч. 1. С. 60–61.
- 22 Там же. С. 61.
- 23 Там же. С. 137.
- 24 Там же. С. 114–115.
- 25 Там же. С. 109–111.
- 26 The Diary of Georgi Dimitrov. New Haven, 2003.
- 27 См.: DGFP, Vol. VIII.
- 28 ДВП. Т. XXIII. Кн. 2. Ч. 1. С. 158–161.
- 29 Там же.
- 30 Там же. С. 196–199.
- 31 Там же. С. 211.
- 32 Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 394–395.
- 33 Там же. С. 397.
- 34 ДВП. Т. XXIII. Кн. 2. Ч. 1. С. 441.
- 35 См.: *Городецкий Г.* Указ. соч.
- 36 Там же.
- 37 См.: Восточная Европа между Гитлером и Сталиным; *Городецкий Г.* Указ. соч.
- 38 ДВП. Т. XXIII. Кн. 2. Ч. 2. С. 518–520.
- 39 См.: DGFP, Vol. VIII.
- 40 ДВП. Т. XXIII. Кн. 2. Ч. 2. С. 531–532.
- 41 Там же. С. 522–523.

Зондаж британского премьера. В Москве сохраняют прежний курс

В общем комплексе советской внешней политики по степени активности в тот период английское направление занимала следующее после Германии место. Объяснить это можно различными причинами. Англии принадлежало традиционно значительное место в российской, а затем и советской внешней политике. Фактически она была главным мотором Мюнхенского соглашения 1938 г. и играла ведущую роль в переговорах с СССР летом 1939 г.

Сохранением связей с Великобританией после подписания пакта с Германией Москва как бы продемонстрировала свой нейтралитет, особенно учитывая и то, что Англия была главным противником Германии в начавшейся войне. Но это обстоятельство, как мы уже отмечали (сентябрь — декабрь 1939 г.), лимитировало действия советского руководства, которое очень боялось вызвать неудовольствие в Берлине своими связями с Англией.

Британско-советские контакты не могли не затрагивать и общеевропейские проблемы. Несмотря на военные действия с Германией, Англия продолжала контролировать ситуацию в различных регионах мира, где, кстати, ее интерес сталкивался с той же Германией. И британские и советские представители в своих контактах очень часто обращались к истории летних переговоров 1939 г., предъявляя друг другу взаимные претензии за их провал.

Следует иметь в виду и личностный фактор. Сталин, как известно, всегда испытывал некую англофобию, не жалуя ни британских консерваторов, ни либералов и лейбористов. Чемберлен и Галифакс, стоявшие у руля британского кабинета и Foreign Office до мая 1940 г., имели репутацию антисоветски настроенных деятелей, что оказывало влияние на их политику в рассматриваемый период.

На таком фоне строились советско-английские отношения и в 1940 и в первой половине 1941 г. С декабря 1939 — до марта 1940 г. в Лондоне очень болезненно и критически реагировали на советско-финскую войну. С марта 1940 г. до назначения У. Черчилля премьер-министром в политике Англии появились

некоторые новые веяния и нюансы. В это же время британским послом в СССР был назначен Ст. Криппс.

Можно с полной уверенностью определить круг вопросов, которые были в центре переговоров советских и британских представителей в тот период. В основном все контакты в Лондоне осуществлялись через посла И.М. Майского, причем его главными собеседниками были заместитель министра иностранных дел Великобритании Р.Д. Батлер и реже Галифакс, а затем А. Иден.

В Москве Ст. Криппс встречался с заместителем наркома Вышинским, реже с Молотовым и один раз со Сталиным. Ведущей темой при встречах были:

- советско-финская война;
- вопросы, касающиеся Прибалтики;
- торгово-экономические отношения и в связи с этим возможность заключения советско-английского торгового договора;
- общие вопросы, затрагивающие события в Европе и в мире, позицию Германии, состояние советско-германских отношений, перспективы взаимоотношений Советского Союза и Великобритании.

После длительного, почти полуторамесячного перерыва, вызванного острой антисоветской кампанией в связи с советско-финским конфликтом, И. Майский направил 20 января 1940 г. письмо Молотову с обзором ситуации в Англии¹. Он оценил атмосферу в Англии как "леденящую", при которой пустота вокруг советского посольства все более расширяется. В Париже, по мнению Майского, ситуация еще хуже, однако разница между Англией и Францией не слишком велика. Конечно, главным фактором явилась советско-финская война, но были и другие обстоятельства. Они определялись неудачей в попытках "оторвать" СССР от Германии и превратить его в державу, проводящую политику дружественного нейтралитета в отношении Англии и Франции.

Значительное влияние на Лондон оказала необычайно критическая реакция Рузвельта и американских политических кругов в отношении СССР в связи с зимней войной. По мнению Майского, определенные круги британского истеблишмента подталкивали Чемберлена даже на разрыв отношений с СССР и расширение помощи Финляндии, но английское правительство на это не пошло. Во всяком случае чем скорее разрешился бы советско-финский конфликт, тем больше шансов было на улучшение советско-британского сотрудничества. 30 января Майский имел подробную беседу с Батлером, который не скрывал крайне негативного отношения Англии к Советскому Союзу, связывая это с войной против Финляндии и с

тем, что СССР оказывает поддержку главному и смертельному врагу — нацистской Германии². Следует отметить, что именно в январе британское правительство отозвало под предлогом отпуска своего посла из Москвы У. Сидса, который назад не вернулся. 20 января тогда еще военно-морской министр Англии У. Черчилль заявил, что Англия никогда не пойдет на "постыдный мир с агрессором и ставит своей единственной и главной целью победу над гитлеризмом"³.

На встрече с Майским 16 февраля Батлер довольно неожиданно упомянул о возможности английского посредничества между СССР и Финляндией. Обсуждался и вопрос о возможной "локализации финского вопроса применительно к советско-английским отношениям"⁴.

В тот же день в Москве Молотов встречался с членом палаты общин Стаффордом Криппсом. Это была довольно влиятельная фигура в британских политических кругах. Он имел репутацию сторонника сближения Великобритании с СССР. Еще 12 ноября 1939 г. Криппс в беседе с Майским заявил, что "поставил целью своей жизни улучшение англо-советских отношений"⁵. Криппс начал беседу с упоминания о переговорах в октябре — ноябре 1939 г. об улучшении советско-английских торговых отношений. Как известно, тогда советское правительство, активно развивающее свои связи с Германией, фактически не ответило на инициативу Лондона. Молотов заявил, что СССР не отказывался от развития торговых дел с Англией, но враждебная позиция по многим вопросам тормозила и тормозит двусторонние отношения⁶. В Лондоне активно заговорили о Криппсе как о возможном английском посланце в Москве, о чем, видимо, Молотову было известно.

Тем временем советское правительство заявило о готовности вести мирные переговоры с существующим правительством Финляндии, но на новых условиях. Об этом Молотов сообщил Майскому 21 февраля, упомянув, что Москва не имеет никаких претензий к Швеции (о чем беспокоилось английское правительство), и заявил: "Советское правительство ценит посредничество английского правительства"⁷. Майский довел это до сведения Батлера, уверяя, что по условиям мира СССР не будет вмешиваться в вопросы внутреннего режима в Финляндии⁸.

Но через три дня на встрече с советским послом Батлер заявил, что британское правительство отказывается от посреднической роли из-за слишком жестких условий мира, выдвинутых советской стороной (речь шла о передаче СССР всего Карельского перешейка с г. Выборгом). Батлер несколько раз повторял, что речь идет не о желании СССР заключить мир, а об отдельных условиях, подчеркивая, что английское правительство не хочет ссориться с СССР⁹.

Как бы то ни было, английское руководство явно упустило шанс и момент для улучшения отношений с СССР. Видимо, под давлением США и противников сближения с СССР британские официальные лица не сделали того, что буквально в то же время осуществили Швеция и правительство Финляндии. Снова подтвердилась противоречивость позиции Англии в этом вопросе. Находясь в состоянии войны с Германией, она вроде должна была бы быть заинтересованной в любых формах снижения роли СССР как союзника Германии, но одновременно в Великобритании преобладали прежние настроения к СССР.

Согласие Москвы на британское посредничество также было довольно примечательно. Было очевидно, что оно не вызовет большого восторга в Берлине, но, похоже, СССР готов был пойти на это.

В итоге тема советско-финского конфликта была исчерпана в англо-советских отношениях, поскольку в начале марта состоялось подписание мирного договора между СССР и Финляндией, означавшее окончание советско-финской войны. Теперь в центре советско-английских контактов оказался снова вопрос о торговле и экономических связях.

27 февраля Молотов направил через Майского сообщение Галифаксу, в котором защищал линию СССР. Он отмечал, что советское правительство имеет в виду возобновить переговоры о товарообороте с Англией, причем, отвечая на прежние вопросы Галифакса и как бы предупреждая будущие споры, заявил, что СССР "обеспечивает ввоз товаров для своих нужд, а не для ввоза в другие страны"¹⁰. Этим Москва отводила обвинения, что она может воспользоваться торговлей с Англией или с кем-либо еще для отправки товаров в Германию в соответствии с советско-германскими соглашениями. Молотов очертил некоторые условия возможных переговоров, упомянув о задержании английскими властями советских судов "Селенга" и "Маяковский" во Владивостоке. Он прямо заявил, что освобождение этих двух судов было бы наилучшим условием для начала торговых переговоров и заключения соответствующего соглашения¹¹. В беседе с Батлером 4 марта Майский отметил, что на "Селенге" имеется 1209 т вольфрама, 400 т сурьмы, 100 т олова и 508 т кофе и этот груз предназначен к отправке в СССР. Москва резервировала за собой право потребовать возмещение за убытки от задержания советских судов¹².

Вопрос о задержании "Селенги" был повторен Майским в беседе с Батлером 18 марта, в дополнение к сообщению об обстреле и задержании другого советского судна — "Маяковский". По данным советского посла, в нем находилось 4655 т меди и 216 т молибдена. Любопытно, что Батлер на этот раз ссылаясь на позицию французского правительства, которое

противится освобождению, так как вольфрам на "Селенге" шел через Индокитай¹³.

27 марта Майский встретился с Галифаксом, и с этого момента начались активные советско-британские переговоры о торговле. Инициатором на этот раз выступала советская сторона. Трудно сказать, что лежало в основе ее решения. В чисто торгово-экономическом плане развитие торговли мало что могло дать Советскому Союзу. Скорее, сыграли роль политические факторы. Советское правительство, видимо, хотело преодолеть то резкое отчуждение и осуждение, которое было в Англии в отношении СССР в период зимней войны. В то же время советская инициатива преследовала и зондаж, поскольку, судя по донесениям советского посла, настроения против каких-либо соглашений с СССР были в Англии достаточно сильны.

Во всяком случае на встрече 27 марта Майский сообщил, что СССР готов начать переговоры. Причем снова был поставлен вопрос об освобождении советских пароходов еще до их начала. Галифакс не дал ответа, пытался оправдывать британскую позицию с задержкой судов тем, что Англия хочет закрыть все каналы, через которые Германия может получать нужные ей материалы¹⁴.

Советская инициатива шла в одном русле с речью Молотова 29 марта, в которой он заявил, что между СССР и Германией нет союза, СССР проводит политику нейтралитета¹⁵. В Англии эта речь не осталась незамеченной. Ряд деятелей полагали, что британским властям следует пытаться улучшить отношения с СССР. В своей речи в тот же день Черчилль заявил, что Англия не хочет воевать с Россией, она ведет борьбу с Германией¹⁶.

Тем временем английский кабинет обсуждал советское предложение о начале торговых переговоров и решил занять выжидательную позицию 19 апреля Галифакс сообщил Майскому, что все вопросы рассматриваются в Англии под углом зрения ведения войны. Правительство хотело бы быть "успокоено", что товары, импортируемые СССР, пойдут не в Германию, а для внутреннего потребления. Общий вывод Галифакса состоял в следующем: "Англия, конечно, не потеряла интереса к товарообмену с СССР... Однако по сравнению с октябрём прошлого года общая ситуация сильно изменилась, и в настоящее время британское правительство едва ли могло бы пойти на какое-либо серьезное соглашение с СССР, если бы оно не имело того или иного отношения к основной проблеме всей британской политике — блокаде Германии"¹⁷.

Итак, английское правительство, дало понять, что оно не видит для себя значительных политических выгод от каких-либо соглашений с СССР. Незадолго до этого был подписан большой

договор о торгово-экономическом сотрудничестве между СССР и Германией, и в Лондоне не знали размеры и характер этих взаимосвязей. Кроме того, все говорило за то, что на данном этапе любые попытки ослабить отношения СССР с Германией вряд ли имели бы успех.

Через несколько дней Майский на встрече с Галифаксом снова уговаривал британского министра в полезности начала торговых переговоров. В то же время он констатировал явное нежелание британской стороны идти на какое-либо улучшение отношений с СССР, подтверждая это примером с задержанием советских судов¹⁸.

Создавалось впечатление, что стороны как бы вернулись к событиям октября 1939 г. Шли консультации, тема торгового договора существовала, но продвижения не было, причем на этот раз по вине английской стороны.

8 мая Галифакс вручил Майскому официальный меморандум, в котором британское правительство, отметив, что, по заявлению Советского Союза, его целью является импорт товаров для собственного потребления, а не для реэкспорта в другие страны, снова запрашивало, правильно ли поняли в Лондоне, что в Германию не будут пересылаться импортируемые товары¹⁹. И дальше шли рассуждения в таком же духе. В меморандуме ответственность за задержание советских пароходов снова перекладывалась на французскую сторону.

Из ответа британского правительства было совершенно очевидно, что в Лондоне предпочитали говорить о возможных переговорах, не давая согласия ни на их начало, ни на подписание торгового договора в целом. 20 мая Галифакс уведомил Майского, что английское правительство пришло к выводу о нецелесообразности ведения торговых переговоров путем обмена нотами и меморандумами и предлагало направить в Москву крупного политического деятеля для выяснения возможности улучшения англо-советских отношений вообще и заключения торгового договора, в частности. При этом Галифакс называл все того же Ст. Криппса, назвав конкретные сроки визита — 23—27 мая²⁰. Это свидетельствовало, с одной стороны, о том, что британское правительство фактически отодвигало, если не снимало вопрос о торговом договоре, но, с другой — Лондон зондировал вопрос об отношениях с Советским Союзом в более широком плане.

Однако в Москве решили вернуться к вопросу о торговых переговорах, и буквально на следующий день Молотов направил письменный ответ советского правительства на английский меморандум от 8 мая. СССР в принципе отклонял идею о подчинении своей торговой политики военным задачам того или иного государства. Советское правительство имеет в виду

переговоры о товарообороте, обеспечивающем ввоз товаров для своих нужд, а не для вывоза в другие страны, хотя и считает, что все эти вопросы находятся в компетенции советского правительства. СССР повторял, что английские власти ответственны за задержание советских пароходов²¹.

На этом в Москве не остановились. На следующий день было опубликовано сообщение ТАСС, излагающее историю советско-английских контактов по вопросу о торговых отношениях. Примечателен заключительный вывод: "Советское правительство отмечает, что сам факт выдвижения со стороны английского правительства на обсуждение вопросов, относящихся исключительно к компетенции советского правительства, не свидетельствует о наличии желания у английского правительства вести торговые переговоры с СССР"²². Появление в печати сообщения ТАСС вызвало раздражение в Лондоне²³.

Решение обнародовать ход контактов с английскими представителями показывает, что в Москве теряли интерес к торговым переговорам с Великобританией. Кроме того, давая согласие на приезд Криппса, советское руководство как бы очерчивало пределы и ход предстоящих переговоров.

Что касается конкретных целей обнародования сообщения ТАСС, то оно было адресовано, скорее всего, Германии. Москва показывала Берлину свою неуступчивость и нежелание идти на какие-либо контакты с Англией по общим вопросам.

Весь этот обмен мнениями и претензиями проходил уже на фоне перемен в Лондоне. 10 мая 1940 г. в Англии было образовано новое коалиционное правительство, которое возглавил У. Черчилль, и, видимо, именно с этим было связано решение направить в Москву Ст. Криппса и намерение рассмотреть спектр проблем для возможных англо-советских переговоров.

В довольно своеобразной и весьма далекой от существующего протокола форме Батлер сообщил Майскому: "Прежние меморандумы по вопросу англо-советских торговых переговоров, за которые ответственно прежнее правительство, сдаются в архив, и чем меньше о них будет вспоминаться, тем лучше. Новое правительство хочет начать переговоры снова и уже совсем иначе. Оно готово к заключению товарообменного соглашения с СССР". Далее Батлер обещал сделать представление французскому правительству о необходимости освобождения советских пароходов²⁴.

С учетом дальнейших событий можно констатировать, что на этом практически закончились советско-английские переговоры по вопросу о возможном заключении торгового соглашения между двумя странами. Этот вопрос был включен британской стороной как часть общих политических переговоров. Этим самым Черчилль демонстрировал свое желание улучшать

отношения с СССР в целом, имея в виду прежде всего ослабление связей СССР с Германией. В своей речи 30 марта еще в качестве министра Черчилль призывал нейтральные страны включаться в войну против нацистской Германии²⁵.

В Москве вспомнили о торговых переговорах в связи с предложением британского правительства о посылке в Москву Криппса как уполномоченного представителя английского правительства. Тогда Наркоминдел отказался принять Криппса в таком качестве, заметив: "Если английское правительство действительно хочет вести переговоры о торговле, а не просто ограничиться разговорами о каком-то несуществующем повороте в отношениях между Англией и СССР, то это можно было бы сделать через своего посла в Москве г-на Сидса или другое лицо на посту посла в Москве, если г-н Сидс будет заменен другим лицом"²⁶. Этим сообщением ТАСС (опубликованным в печати) Москва как бы ограничивала миссию Криппса переговорами о торговле и, самое главное, снова доводила до сведения Берлина свое понимание англо-советских контактов. Это обстоятельство необходимо иметь в виду, учитывая, что Берлин (как это видно из немецких и советских документов) уже интересовался целями миссии Криппса. В ответе советских представителей в Берлин успокаивающе отмечалось, что Криппс едет в Москву как новый посол Великобритании, против чего СССР, естественно, не может возражать.

В Лондоне поняли ситуацию, и поверенный в делах Англии в СССР сообщил Молотову, что прежний посол Сидс отзывается, а вместо него назначается Стаффорд Криппс. СССР дал свое согласие²⁷.

Окончательная точка в истории о возможном торговом соглашении между СССР и Англией была поставлена Сталиным, а еще ранее Молотовым во время их беседы с Криппсом уже 14 июня и 1 июля 1940 г. Молотов снова напомнил о враждебной позиции Англии и Франции в связи с задержанием советских пароходов²⁸, а Сталин назвал все вещи своими именами. Он заявил: "СССР будет снабжать немцев цветными металлами для производства продукции, предназначенной для СССР... У нас есть договор с немцами, по которому мы должны дать им часть цветных металлов для выполнения наших заказов, и так как нам самим не хватает необходимых цветных металлов, то ясно, что часть ввезенных из-за границы металлов попадет в Германию". Если это обстоятельство, заявил Сталин, представляет препятствие для заключения торгового соглашения с Англией, то соглашение не состоится. "Договор, заключенный с Германией или с кем-либо еще, мы нарушить не можем, и при переговорах англичане должны учесть указанное обстоятельство"²⁹.

Если вспомнить, сколько раз британские представители настаивали на обязательстве СССР не поставлять в Германию ничего из того, что Советский Союз будет получать из Англии (с уклончивыми ответами Майского и др.), и вообще заявляли, что все содержание торговых переговоров с Советским Союзом должно быть подчинено британским действиям по блокаде Германии, то совершенно ясно, что признание Сталина о поставках в Германию товаров, в том числе и покупаемых из других стран, ставило крест на любых торговых соглашениях между двумя странами.

Английская общественность и официальные круги никогда не согласились бы на договор с кем-либо, заранее зная, что их товары (в том числе и стратегические) будут попадать их главному врагу. Зная это, Сталин давал ясно понять, что советское правительство не намерено заключать торговое соглашение (и вообще какие-либо договоры) с Великобританией на английских условиях. К тому же в Москве были явно раздражены нежеланием Англии вернуть СССР задержанные пароходы.

Заявлением Сталина Москва преследовала еще одну цель. Она демонстрировала свою лояльность Берлину, ибо запись беседы Сталина с Криппсом была через Шуленбурга доведена до сведения германского правительства.

В целом в советско-английских отношениях в 1940 г. можно выделить несколько моментов. Прежде всего речь идет об упомянутом уже приезде в Москву посла Ст. Криппса в июне. На первой же встрече с Молотовым английский дипломат заявил, что он имеет инструкции добиваться немедленной встречи со Сталиным для передачи ему "весьма важного послания" от премьер-министра Великобритании. 1 июля Криппс передал послание Сталину через Молотова.

В тот же день Сталин принял Криппса, беседа продолжалась почти три часа. Криппс направил в Лондон семь телеграмм с подробным изложением беседы и своими комментариями. 17 июля в Лондоне было официально объявлено: "Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) И.В. Сталин принял британского посла в СССР С. Криппса 1 июля в Кремле, имел место обмен мнениями по европейским проблемам"³⁰.

Еще ранее, 13 июля Молотов передал германскому послу Ф. Шуленбургу запись беседы Криппса со Сталиным, и через несколько дней Шуленбург по поручению МИД Германии сообщил Молотову, что она доведена до сведения германского правительства, которое "с интересом ознакомилось с содержанием записи и весьма признательно за информацию"³¹. 13 июля Молотов послал запись беседы также Майскому в Лондон и советским послам в Риме, Берлине и ряда других стран. Интересно отметить, что Майский получил ее спустя почти две неде-

ли после того, как состоялась беседа, и в один день с германским послом в Москве. Это, кстати, создало определенные трудности для Майского, который во время встречи с Черчиллем и позднее с Галифаксом в начале июля на их вопросы о встрече Сталина с Криппсом и реакции Сталина вынужден был ограничиваться ответом, что он не имеет никакой информации из Москвы.

Итак, 1 июля впервые после начала войны Сталин встретился с британским послом. Как уже указывалось, за полтора часа до беседы Криппс передал Молотову послание Черчилля, датированное 24 июня 1940 г., т.е. после стремительного разгрома Франции. Англия оказывалась одна визави с нацистской Германией, и Черчилль, конечно, хотел прозондировать, как реагируют в Москве на эту ситуацию, которую вряд ли ожидали и в Западной Европе, и в Кремле.

Обратимся к посланию британского премьера. Черчилль как бы мимоходом возвращается к событиям лета 1939 г., когда, как он пишет, советское правительство прервало переговоры с Англией и вступило в тесные отношения с Германией и таким образом Германия стала другом СССР и врагом Великобритании³². Но теперь, по мнению Черчилля, возник новый фактор, когда перед Европой стоит перспектива установления германской гегемонии. Географически и Англия и СССР расположены на оконечностях Европы и уже в силу этого находятся на особом положении по сравнению с другими странами континента и могут лучше, чем они, противостоять стремлению Германии к гегемонии. Цель Великобритании — спасти себя от господства Германии и освободить остальную Европу от того нашествия, которое она осуществляет. Советское правительство само в состоянии судить о том, угрожает ли интересам СССР нынешнее стремление Германии к гегемонии над Европой и как ему лучше обеспечить свои интересы. Как писал Черчилль, он рассчитывает, что советское правительство обсудит с британским послом всю ситуацию, когда идет “методический процесс завоевания и поглощения” Европы со стороны Германии³³.

Итак, британский премьер нарочно обостряет вопрос. С одной стороны, это было, конечно, связано с опасностью, нависшей над Англией в результате разгрома Франции, а с другой — он явно намекает Сталину об угрозах, возникающих и для Советского Союза. Черчилль ничем не рисковал. Он хотел узнать мнение Сталина о сложившейся ситуации, не предлагая ничего конкретного, но явно просил подумать о возможном изменении советской позиции.

Действительно, для Сталина германские победы были неожиданными, но насколько он был готов пересмотреть подходы к ситуации, было неясно.

Представляя послание, Криппс начал беседу с заявления о желании Англии "поддержать равновесие в Европе" и на Дальнем Востоке. Для этого она хочет поддерживать дружественные отношения с СССР и Турцией. Криппс особо выделил необходимость стабилизации положения на Балканах и предложил сделать это "под эгидой СССР". Упомянул Криппс и о торговых переговорах³⁴.

Сталин начал с заверения, что СССР не имеет блока с Германией на предмет войны против Англии, а имеет лишь пакт о ненападении. Касаясь вопроса о равновесии, он прямо сказал, что СССР хотел бы изменить старое равновесие в Европе, но в ходе переговоров в 1939 г. англичане и французы не захотели пойти СССР навстречу, и именно поэтому этот вопрос стал базой для сближения СССР с Германией. Поэтому на восстановление старого равновесия СССР пойти не может. По вопросу о Балканах советский лидер отклонил идею какой-либо советской эгиды. Но по главной проблеме — о господстве Германии в Европе Сталин выражает сомнение, что, разгромив Францию, Германия уже добилась господства. Для этого надо еще иметь господство на морях, чего у Германии нет и вряд ли будет. Сталин уверяет также, что, зная германских руководителей, он не замечал с их стороны стремления к мировому господству³⁵.

Криппс уточнил свою позицию в отношении Балкан, заявив, что речь идет не о господстве СССР на Балканах, а о роли СССР и Турции в установлении стабильности в этом европейском регионе. Он также сказал, что Англия остается единственной силой, которая может предотвратить германское господство. Сталин напомнил, что Криппс забыл о США. Криппс упоминал о какой-то книге одного из германских лидеров, который писал о германском господстве. Британские секретные службы имеют твердое мнение о стремлении Германии к господству в отношении Запада и Востока, явно намекая на опасность, исходящую от Гитлера и для СССР.

Сталин заметил, что есть разные деятели и в Германии, но он не верит в ее намерение господствовать в Европе, так как она не имеет сил для его установления³⁶.

Далее снова возник вопрос о Балканах и о Проливах. Сталин довольно скептически говорил о позиции Турции, заявляя, что СССР не собирается на нее нападать, вновь отводя вопрос о стремлении Германии к преобладанию на Балканах. Он согласился с необходимостью улучшения отношений с Турцией.

Говоря об общем впечатлении от беседы, следует выделить несколько моментов. Прежде всего важен сам факт согласия Сталина на встречу с британским послом в момент, когда Англия сталкивалась со смертельной опасностью и когда британ-

ские лидеры твердо заявили, что отвергают всякие мирные переговоры с Германией и готовы сражаться до конца. Советский Союз был явно заинтересован в сохранении британского фронта и противовеса Германии после захвата ею почти всего европейского континента. Москва также намекала и на возможную роль США в противодействии Германии.

Явно в расчете на Германию Сталин повторял, что не видит у германских лидеров стремления к господству. Но совершенно очевидно, что в самом упоминании об этом (причем Москва в информации, отправленной в Берлин, поставила вопрос о господстве на первое место) советское руководство как бы намекало Германии на необходимость учета советских интересов, особенно в условиях предложений с британской стороны. Это было скорее не предупреждением, а предостережением Берлину.

Такой же намек Москва делала Берлину и в отношении Балкан. В информации о беседе, посланной Германии, говорилось: по поводу предложений насчет Балкан (о руководящей роли СССР) Советский Союз считает, что "ни одна держава не может претендовать на исключительную роль по объединению Балканских государств и руководства ими", на такую миссию не претендует и СССР, несмотря на его заинтересованность в балканских делах³⁷.

Таким образом, в СССР решили использовать послание Черчилля, может быть, прежде всего для своих отношений с Германией, поскольку, конечно, были налицо опасность германской гегемонии в Европе и первые признаки ее возрастающей активности на Балканах.

Что касается непосредственно советско-английских отношений, то Сталин фактически обошел этот вопрос (да, собственно, Черчилль пока не предлагал ничего конкретного), явно предпочитая продолжать намеченный курс и выжидая развития событий. Кроме того, именно в это время советское правительство осуществляло меры по присоединению Прибалтики и Бессарабии и не хотело как-то раздражать Германию. Тем более, что от позиции Англии в решении этих проблем мало что зависело, хотя Москва и знала о настроениях Лондона.

Когда через два дня Черчилль встретился первый раз с советским послом, став премьер-министром, то он неожиданно спросил Майского, имея в виду советские действия в Бессарабии: "Это означает возврат к империализму царских времен?" И после разъяснений посла Черчилль сказал: "Может быть, Вы и правы. Но если Ваши действия даже продиктованы не старым царем, а новым советским империализмом, что с того, у меня нет возражений"³⁸. Кстати, в этой беседе Черчилль настойчиво убеждал Майского, что если бы Англия оказалась разбитой, то

Гитлер затем всю свою мощь обрушил бы на СССР. При этом Черчилль сослался на мнение французского деятеля Лаваля (сотрудничавшего с нацистами) о том, что Гитлер ненавидит большевиков и ждет лишь благоприятной обстановки, чтобы нанести им смертельный удар.

Но не прошло и месяца, как в советско-английских отношениях возник вопрос, ставший на довольно долгое время предметом взаимных претензий. 23 июля заместитель наркома иностранных дел С.Л. Лозовский в беседе с Криппсом вручил ему ноту протеста по поводу действий банка Англии и английского казначейства, задержавших принадлежащее Госбанку СССР золото, купленное им у банков Эстонии, Литвы и Латвии³⁹. Этот же вопрос был поднят и Молотовым во время его длительной беседы с Криппсом 7 августа⁴⁰.

В довольно жесткой форме вопрос о прибалтийском золоте был поднят Микояном на встрече с Криппсом 22 августа и Молотовым 24 августа, причем Молотов спросил Криппса о позиции британского правительства в вопросе о вступлении Прибалтийских республик в СССР⁴¹. Позиция Англии в этом вопросе была скоординирована с линией США, которым наркоминдел направил 26 августа аналогичную ноту, касающуюся задержания прибалтийского золота и в США.

Тем временем Криппс попытался снова вернуть Москву к обсуждению общих проблем советско-английских отношений. 7 августа в беседе с Молотовым он затронул вопрос о сущности советского нейтралитета. По словам Криппса, сейчас этот нейтралитет благожелателен по отношению к одной стороне (речь шла о Германии), чего нельзя сказать о другой. Он прямо поставил вопрос о том, можно ли ожидать обнадеживающих шагов Советского Союза к улучшению отношений с Англией. Молотов согласился с существующим различием. При этом он сослался на наличие у СССР пакта о ненападении с Германией и на ее поддержку в связи с интересами СССР в Западной Украине и Западной Белоруссии. То же различие есть и в торговле. СССР получает из Германии машины, военное оборудование и т.п., поставляя им взамен сырье. Что касается Англии, здесь, по словам Молотова, сказывается отсутствие общих географических границ и недружественные английские действия (в том числе он назвал задержание прибалтийского золота)⁴².

На следующей встрече с Молотовым 24 августа Криппс выяснял по поручению Foreign Office советскую позицию в связи с напряженной обстановкой на Балканах, вызванную обострением итало-греческих отношений. До сего времени, сказал Молотов, советское правительство не считало события на Балканах серьезными, поэтому СССР не занимает по отношению к ним активную позицию⁴³.

Тем временем вопрос о Прибалтике приобретал все большую остроту. На встрече 22 августа Микоян прямо заявил Криппсу, что торговые отношения между СССР и Великобританией не могут быть установлены, пока не решен вопрос об отношении Англии к Прибалтийским государствам, и в частности о прибалтийском золоте⁴⁴. Галифакс в беседе с Майским изложил позицию Англии в вопросе о Прибалтийских государствах, которая не могла устроить СССР. Вышинский на встрече с Криппсом, касаясь вопроса о прибалтийском золоте, довольно жестко повторил, что без урегулирования между СССР и Англией этого вопроса расширенные торговые отношения едва ли могут иметь место. На это Криппс ответил, что британское правительство не может изменить свою позицию из-за позиции США и общественного мнения и предложил заморозить балтийский вопрос до конца войны или хотя бы на 9, 6 или 3 месяца⁴⁵.

17 октября Криппс встретился с Вышинским и затронул вопрос об отношениях между Румынией и Великобританией, но главное, он заявил, что имеет конфиденциальное поручение британского правительства для передачи только Молотову, связанное с серьезными изменениями на Балканах, на Ближнем Востоке, это должно повлиять на взаимоотношения между Англией и СССР⁴⁶. 22 октября Криппс снова имел беседу с Вышинским и выразил крайнее сожаление, что Молотов не встретился с ним и не ответил ему даже по телефону. Криппс усматривал в этом политическую подоплеку и вручил Вышинскому *текст нового официального заявления британского правительства*⁴⁷.

Оно имело *стратегический смысл* и затрагивало основы советской политики последнего времени. По некоторым данным, в его составлении лично участвовал премьер-министр У. Черчилль. Британское правительство призывало СССР осуществить пересмотр и поворот в своей внешней политике. Нет сомнения в том, что в Лондоне провели тщательный анализ изменившейся ситуации в Европе и в мире с учетом возрастающей опасности для СССР со стороны Германии. Неслучаен был и выбор момента для обращения Черчилля к советскому правительству. Наверняка британская разведка была осведомлена о напряженностях в советско-германских отношениях и, может быть, об обмене письмами между Москвой и Берлином о возможном визите Молотова в Берлин.

Заявление начинается с констатации провала планов Гитлера по захвату Англии. Великобритания тем временем увеличивала свою оборонную и наступательную мощь и, кроме того, рассчитывает на более активную помощь со стороны "великой мировой промышленной державы" (т.е. США). Потерпев неудачу с вторжением в Англию, Германия теперь будет искать

возможности расширения арены боевых действий, привлечения Японии и, главное, усиливать давление на две великие нейтральные страны, которые еще не участвуют в войне. Очевидно, что под одной из великих держав подразумевался Советский Союз.

В этих условиях британское правительство подвергло пересмотру свою внешнюю политику, особенно на Ближнем Востоке. Англия намерена попытаться полнее определить свое отношение к важнейшим нейтральным державам и получить от них большей ясности об их отношении к Великобритании. Отметив далее важность политики Советского Союза, британское правительство прямо говорит об интересах нейтральных держав (читай Советского Союза) в послевоенное время. Англия ставит в этой связи вопрос о характере советского нейтралитета. По словам английских деятелей, существует нейтралитет враждебный и благожелательный. Второй столь же ценен, как и вооруженная помощь.

По мнению британского правительства, в случае своего успеха в войне Германия не выразит ни малейшего намерения сойтись с СССР о новом порядке и в Европе и в Азии. Об этом свидетельствуют ее последние действия в Румынии и Болгарии, в Финляндии и части Польши, на Дальнем Востоке. Британское правительство упоминает также об откровенных высказываниях влиятельных немецких деятелей по поводу Советского Союза.

В свете всех этих фактов *английское правительство решило высказать советскому руководству некоторые соображения, чтобы "внести ясность в отношения между двумя странами, что в конечном счете должно привести ко взаимной выгоде"*. Правительство Черчилля в абсолютно откровенном духе (даже в нарушение чисто протокольных норм) заявляло: Великобритания понимает, что "теперь не время просить СССР увеличить имеющиеся для него опасности тем, чтобы СССР открыто объявил о повороте в политике". Поэтому возможное соглашение между Англией и СССР должно оставаться пока конфиденциальным и неразглашенным. Британское правительство делает "полное и откровенное предложение" о сотрудничестве в будущем, в том числе и в период после войны. Но СССР должен внести свою некоторую долю в оказании помощи интересам Англии и ее друзей "во время теперешнего чрезвычайно трудного периода". Далее намекалось, что если советское правительство не готово вступить в соглашение, то британское правительство вряд ли будет осуществлять свои обязательства в случае победы.

В итоге Англия предлагала подписать соглашение между двумя странами (а до подписания обе стороны действовали бы в

полном соответствии с духом соглашения) и сохранять его сугубо секретный и конфиденциальный характер до тех пор, пока советское правительство даст согласие на его опубликование⁴⁸.

Итак, У. Черчилль призывал Сталина пересмотреть советскую политику и заключить (тайное) соглашение с Великобританией. Прежде чем дать оценку степени реальности такого соглашения, а также возможной реакции Москвы, обратимся к предлагаемому тексту соглашения. В проекте фиксировались обязательства обеих сторон:

Советский Союз должен проводить в отношении Великобритании такой же нейтралитет, как к Турции и Ирану, оказывая содействие в их обороне; помогать китайскому правительству в его борьбе против японской агрессии и воздерживаться от соглашения с Японией.

Если возможное торговое соглашение с Англией не вызовет опасной реакции со стороны держав "оси" или Японии, то СССР заключает с Великобританией пакт о ненападении, подобный действующему пакту между Германией и СССР.

Великобритания в случае победы в войне консультируется в полной мере с СССР о послевоенном устройстве. Это означает лишь то, что взгляды Советского Союза будут приняты к рассмотрению на базе дружеского совещания с другими заинтересованными державами.

По окончании войны Англия не вступает в союзы, направленные против СССР, равно как СССР воздерживается от враждебных действий против Великобритании (в том числе и посредством внутренней пропаганды).

Великобритания до проведения в будущем консультаций признает de facto власть Советского Союза в Эстонии, Латвии, Литве, Бессарабии, Северной Буковине и тех частях Польши, которые теперь находятся под Советским Союзом; поставляет советскому правительству товары на основе общего торгового или товарообменного договора; гарантирует, что на территорию СССР не будет произведена атака со стороны Турции или Ирана или их союзников⁴⁹.

* * *

Следует сразу же отметить, что предложения британского кабинета оставляли противоречивое впечатление. С одной стороны, СССР предлагалось (хотя и втайне) заключить соглашение с Англией, что привело бы немедленно к обострению его отношений с Германией. Весь смысл соглашения был направлен именно на это. Рекомендуемые Советскому Союзу шаги в отношении Турции, Ирана и Китая имели малозначительное и второстепенное значение. Главная цель состояла в стремлении добиться отхода СССР от прежних тесных отношений с Герма-

нией. При этом в Лондоне исходили из реального факта обострения их отношений.

Со стороны Черчилля предлагаемое соглашение было попыткой прежде всего прозондировать состояние советско-германских отношений и, может быть, если не добиться поворота советского внешнеполитического курса, то по крайней мере укрепить позиции СССР в связи с возможными германскими предложениями, которые действительно очень скоро последовали во время ноябрьского визита Молотова в Берлин.

Поражает то, что, зная прагматизм Сталина, английское руководство выдвигало неадекватные обязательства сторон. От Москвы хотели поворота во внешней политике, но взамен предлагали весьма отдаленные послевоенные консультации, к тому же с оговорками.

В кругах британского истеблишмента существовали различные точки зрения о пути к возможному англо-советскому сближению. Стремление разорвать или хотя бы ослабить германо-советские узы постоянно сталкивалось с традиционными антисоветскими и антирусскими настроениями. Эта противоречивость проявилась и при подготовке британских предложений в октябре 1940 г.

В британских архивах имеются документы, подтверждающие предположение, что английские официальные лица имели какую-то информацию о новых попытках Германии привлечь СССР к своим геополитическим планам. 13 октября Криппс писал из Москвы в Лондон: "Германия, вероятно, сделает чрезвычайное предложение Советскому Союзу, и это обстоятельство следует учитывать, делая британские предложения о послевоенной позиции"⁵⁰. Из этого донесения Криппса, как и из других документов Foreign Office, видно, что в Лондоне решили сделать акцент на послевоенном урегулировании, что давало британскому правительству возможность избежать каких-либо обещаний в настоящее время.

В этой связи значительный интерес представляет раздел о британской политике в отношении Прибалтики. В первоначальном варианте некоторые чиновники Foreign Office исходили из реального контроля СССР над Балтийскими странами и занятии части Польши и Румынии. Но признание советского суверенитета над названными территориями могло бы вызвать осложнения с правительствами США и Польши⁵¹.

Варианты британских предложений на основе проекта, Ст. Криппса и замечаний Foreign Office были рассмотрены на заседании британского военного кабинета 15 октября. В ходе дискуссии секретарь по иностранным делам предложил послать копию намеченных предложений британскому послу в Вашингтоне с кратким пояснением. Надо иметь в виду, отмечал

он, что США вряд ли пойдут слишком далеко до президентских выборов, которые должны были состояться в начале ноября. "Мы должны найти компромисс между нынешней ситуацией и послевоенной позицией, когда мы имели в виду признание de jure русской агрессии в Восточной Европе". Но, по мнению Foreign Office, в настоящей ситуации можно говорить лишь о признании de facto (во всяком случае до конца войны)⁵².

В таком виде кабинет согласился послать инструкции Криппсу. В ходе заседания премьер-министр У. Черчилль сказал: "Мы уже признаем de facto советский контроль над Балтийскими странами и частями Польши и Румынии, и я не вижу необходимости сообщать им снова, что мы будем продолжать это делать"⁵³. Далее премьер напомнил об идее Криппса временно предложить формулу "de facto sovereignty", распространяя ее и на бывшее Польское государство. По его мнению она должна быть предложена Криппсом лишь как база для консультации после войны. Черчилль выражал опасение, что если в дальнейшем изменить данную формулу, русские сочтут это отходом от прежней позиции. Кроме того, он сообщил, что Сикорский (глава Польского правительства в Лондоне) призывал быть достаточно осторожным в инструкциях Криппсу, в том числе и в употреблении слов о признании de facto⁵⁴.

Дискуссии на эту тему продолжались в британских политических кругах и в дальнейшем. Так, 30 октября в Foreign Office снова вернулись к проблеме двух формул — "de facto контроль" над Балтийскими странами и частями Польши и Румынии и "de facto sovereignty" на оккупированных территориях, включая бывшее Польское государство. В итоге Криппсу посоветовали в переговорах с Вышинским избегать осложнений, особенно в употреблении слов "бывшее Польское государство"⁵⁵.

Этот небольшой эпизод показывает, как сильно влияло на британские политические круги предубеждение в отношении Советского Союза. В ситуации, когда над Англией нависла столь сильная опасность, английское правительство не хотело идти на какие-либо обязывающие заявления, оправдывающие советские действия в отношении Польши и Прибалтики.

Совершенно очевидно, что столь обтекаемые формулы не могли удовлетворить Сталина и служили для него дополнительным аргументом против какого бы то ни было поворота во внешней политике в сторону сближения с Великобританией.

Заинтересованность обеих стран друг в друге была не так велика, чтобы они искали компромисс по этим вопросам, как это было в 1942 г., или готовы были отложить их решение на будущее. Лондон затрагивал вопрос о Прибалтике, Бессарабии и т.п., но свел британские обязательства к признанию de facto власти в них Советского Союза.

Однако для Москвы признание de facto на практике уже существовало, Англия ничего сделать для изменения ситуации не могла. Но неопределенность оставалась, поскольку в заявлении Лондона не было серьезного предложения о возможности хотя бы обсуждения этого вопроса даже при послевоенном урегулировании. В конце были практически мало что значащие обязательства гарантировать нейтралитет Турции и Ирана, поскольку с этими странами у СССР уже были некоторые соглашения. Таким образом, пакет британских обязательств был весьма невелик, и вообще весь этот раздел был составлен весьма обтекаемо и порой двусмысленно.

Послание из Лондона снова поставило перед руководителями в Кремле проблему внешнеполитического выбора. Мы уже отмечали, что Сталин и его окружение ощущали нарастающие с каждым днем трудности в советско-германских отношениях. Эйфория годичной давности уходила в прошлое. Франция была разгромлена. Значительная часть Европы находилась под властью Германии. Гитлер усиливал давление на Балканские страны, в результате чего Румыния и Болгария все более тесно входили в сферу немецкого влияния. В аналогичном положении находилась и Венгрия. Англия отбила первые попытки вторжения со стороны Германии, но ее судьба была еще неясной. Правда, появился новый фактор в лице США (о чем Сталин, как мы помним, говорил на встрече со Ст. Криппсом еще в июле 1940 г.), но до активного подключения США к европейским делам было еще далеко.

До этого времени советское руководство сохраняло значительную дистанцию от британских властей. В Москве предпочитали поддерживать умеренные контакты по дипломатическим каналам, не идя на какое-то качественное улучшение отношений. К тому же в Лондоне заняли крайне враждебную позицию к СССР во время советско-финской войны.

Конечно, в Москве понимали, что с приходом У. Черчилля, а затем и А. Идена к руководству британской политикой ее направленность могла измениться. Несомненно, существовал и фактор большей заинтересованности Великобритании в отношениях с Советским Союзом после разгрома Франции. Черчилль своим посланием явно рассчитывал ослабить советско-германские узы и по крайней мере еще больше нейтрализовать СССР.

Но британские предложения не могли встретить отклика в Москве. Сделав выбор в августе 1939 г., Сталин осенью 1940 г. не мог пойти на другие решения. Он понимал, что о любом, самом конфиденциальном и секретном соглашении с Англией станет известно в Берлине. Это может привести к серьезным трудностям или даже к разрыву германо-советского сотрудни-

чества. К тому же Черчилль взамен на такой опасный поворот фактически ничего не предлагал. Если можно было предположить худшее — советско-германский конфликт, то помощь из Лондона представлялась в Москве минимальной и символической.

Таким образом, английские предложения оказались неприемлемы. Видимо Сталин мог, опираясь на британскую готовность к сотрудничеству, занять более жесткую позицию в отношении Германии, особенно с учетом того, что в тот момент, осенью 1940 года, Германия была еще явно не готова к войне с Советским Союзом. Но он не решился на это.

Сталин не был особенно настроен и на серьезное улучшение отношений с Англией по другим вопросам с учетом британской инициативы. Можно было бы пойти на расширение торговли и активизировать контакты (не подписывая никакого договора). Такая тактика пришлась бы не по нраву в Берлине, но Гитлер не имел бы конкретных аргументов для недовольства. Подобной модификацией контактов с Англией советское руководство имело бы возможность усилить давление на Берлин, особенно в отношении германской активности на Балканах. Но время было упущено. Если бы это было сделано несколькими месяцами раньше, шансов на соглашение, конечно, было бы больше.

Но теперь уже английское руководство отвергало идею торгового соглашения и не предлагало Советскому Союзу что-либо существенное. Оно цеплялось за мелкие, раздражающие СССР вопросы, не желая идти навстречу его интересам и требованиям. Создавалось впечатление, что Черчилль словно сознательно обращался к Сталину с предложениями, которые не могли его заинтересовать.

В итоге Сталин принял предложение Гитлера и отправил Молотова в Берлин. Видимо, здесь имели какие-то косвенные данные о маневрах Черчилля в отношении Москвы, именно поэтому решили срочно пригласить Молотова и предложить Сталину новый, явно малопримемый раздел сфер влияния (на этот раз с подключением Италии и Японии).

Как известно, советское руководство не пошло на принятие и германских предложений. Но одну из главных задач Гитлер решил. Настояв на визите Молотова, он разрушил основу для англо-советского сближения. Его тактика была понятной.

Визит Молотова, состоявшийся буквально через две недели после получения британских предложений, означал, что Москва закрывала двери для каких-либо маневров. Советские лидеры предпочли следовать линии на ограничение контактов с Великобританией, оставаясь один на один с растущей агрессивностью нацистской Германии на юго-востоке и севере Европы.

Стремясь сглаживать противоречия с Германией, советское руководство даже не решилось довести до сведения Черчилля содержание бесед в Берлине и, главное, сообщить ему (по разным каналам) об отказе включить в сферу своих интересов территории на Ближнем и Среднем Востоке, находившиеся в орбите традиционного британского влияния. Но, подчеркнем это снова, британское правительство не предлагало СССР ничего конструктивного, что могло бы подвинуть Москву на смену внешнеполитического курса. Английская инициатива не сказалась на отношении Москвы к Германии. Как мы знаем, советские лидеры, отвергнув немецкие предложения, сделанные Молотову в Берлине, в то же время не были готовы к переоценке ситуации и к какой-то модификации своей политики.

В критический период, когда в Берлине принималось решение начать подготовку к скорому нападению на СССР, Сталин и его соратники как бы снова поставили себя в зависимое от Германии положение. Они лишь пытались в конкретных вопросах смягчить трения с Германией, хотя события явно двигались в сторону военного столкновения с Германией.

* * *

Как и следовало ожидать, в Лондоне встретили известие о визите Молотова в Берлин с раздражением и беспокойством. Ст. Криппс в беседе с А. Вышинским и представители британского МИД в Лондоне во время встреч с Майским фактически в одних и тех же выражениях заявили, что поездка Молотова в Берлин, видимо, означает, что советское правительство отклонило предложение английского правительства от 22 октября 1940 г.⁵⁶ Криппс прямо сказал, что считает бесполезным прилагать какие бы то ни было новые усилия к улучшению отношений между СССР и Англией⁵⁷.

И Вышинский, и Майский повторяли свои аргументы, возлагающие на Англию ответственность за ухудшение англо-советских отношений. Возвращаясь к предложениям английского правительства от 22 октября, Вышинский выразил Криппсу свое недоумение, поскольку оно само находится в осаде. Он отверг предложение о признании в будущем де факто советской власти в Прибалтийских странах, заявив, что отсутствие в них английских дипломатов уже сейчас означает признание де факто⁵⁸.

Советские представители напомнили, что английское правительство отказывается решить вопрос о возвращении прибалтийских пароходов, задержанных британскими властями, заморозило возвращение СССР золота стран Прибалтики.

Желая приглушить негативную реакцию во многих странах, включая и Англию, на поездку в Берлин, Молотов разослал

17 ноября циркуляр советским послам, в котором разъяснял, что во время переговоров в Берлине не обсуждались и не решались вопросы о присоединении СССР к тройственному пакту. Он также подчеркнул, что СССР решительно возражал против попыток Германии "прибрать к рукам" Турцию⁵⁹.

Галифакс не удовлетворялся объяснениями Майского и Вышинского и организовал в Лондоне утечку информации о британских предложениях от 22 октября. При этом он пытался обвинить советское посольство в разглашении содержания британских предложений⁶⁰.

После обмена раздраженными посланиями отношения еще более ухудшились. Небольшое их оживление произошло после отставки Галифакса и назначения британским министром иностранных дел А. Идена, давнего сторонника улучшения советско-британских отношений.

27 декабря Иден пригласил Майского и заявил, что между обеими странами нет никаких органических противоречий в сфере внешней политики. При этом он ссылаясь на московское коммюнике 1935 г., подписанное во время его визита в СССР⁶¹. Иден говорил так, будто не было столь острых разногласий в последние месяцы и раздражения Лондона визитом Молотова в Берлин. Майский повторил советскую оценку событий и отметил нежелание английского правительства улучшать двусторонние отношения.

Информируя советского посла в США Уманского о состоянии англо-советских отношений, Молотов писал, что в них преобладали главным образом вопросы, связанные с Прибалтикой и с торговыми переговорами. Речь шла прежде всего о судьбе золота Прибалтийских стран и его передаче госбанку Советского Союза. Сообщалось также о том, что Англией было задержано 39 латвийских и эстонских судов. Из бесед с английскими представителями становится все более очевидным, что все мероприятия в отношении СССР английское правительство согласовывает с Вашингтоном⁶².

В феврале 1941 г. английское правительство предпринимает новую инициативу. Встречаясь с Вышинским, посол Криппс сообщил, что глава британской дипломатии А. Иден направляется с визитом в Анкару. В этой связи Криппс хотел бы узнать "мнение Сталина о желательности и возможности встречи Идена" с ним, что могло бы способствовать улучшению англо-советских отношений⁶³.

Таким образом, британское правительство снова зондировало возможности улучшения англо-советских отношений. Несомненно, это было связано в том числе и с тем, что Германия усиливала продвижение на Балканы. Кроме того, и политическая информация и данные британской разведки свидетельст-

вовали о том, что во время визита Молотова в Берлин не было заключено никаких новых советско-германских соглашений, напротив, противоречия между двумя странами явно усиливались.

В архиве Великобритании (Public Record Office) имеется специальная подборка донесений из различных стран, относящихся к рассматриваемому периоду, в которых говорится о растущей напряженности между Германией и Советским Союзом и о возможном столкновении между ними. Количество сообщений такого рода резко возросло начиная с января 1941 г. 3 января военному атташе в Москве была направлена телеграмма из Лондона, в которой говорилось о нарастающей враждебности Германии в отношении СССР⁶⁴. В январских телеграммах от ряда других британских дипломатов прямо говорилось, что, судя по неофициальным источникам, готовится германская атака на Россию⁶⁵. В Будапеште также росли слухи о напряженности, о том, что румыны надеются с помощью Германии вернуть себе Бессарабию⁶⁶.

В те дни Вышинский сообщил Криппсу: по мнению советского правительства, "сейчас еще не настало время для решения больших вопросов путем встречи с руководителями СССР", тем более, что встреча Идена со Сталиным политически не подготовлена. Криппс уловил определенные нюансы в советском ответе. Он тотчас же отреагировал на слова Вышинского о том, что время еще не настало — такая постановка вопроса может говорить, что такое время может наступить в будущем. Вышинский ответил: "Наступление такого времени в будущем не исключено, но в будущее заглядывать трудно"⁶⁷.

Сталин явно не был готов к какому-либо пересмотру во внешней политике, но в это время напряженность в отношениях с Германией стремительно нарастала, так что можно было ожидать значительных перемен. Новое болгарское правительство дало согласие на ввод германских войск в Болгарию, что, как известно, заставило Москву выступить со специальным заявлением, осуждающим решение болгарских властей⁶⁸. С этого момента одним из главных вопросов в англо-советских контактах стала позиция и положение Турции.

6 марта Вышинский на встрече с Криппсом уже подробно обсуждал турецкие дела. Британский посол изложил свое мнение о развитии событий на Балканах. По его мнению, Германия теперь после ввода войск в Болгарию будет добиваться того же в отношении Югославии и параллельно усилит нажим на Турцию, стремясь склонить ее присоединиться к тройственному пакту. По словам Криппса, будущее Турции будет зависеть во многом от помощи со стороны Англии и Советского Союза. В связи с этим британские власти фактически предлагали

Москве усилить договоренности для защиты Турции, призывая СССР улучшить с ней отношения. Впервые в столь определенной форме Криппс заявил, что, по его мнению, главная цель Берлина состоит в подготовке удара против СССР и все их действия на Балканах имеют целью защитить свой балканский фланг перед предстоящим нападением на Советский Союз. Вышинский сказал, что позиция СССР по отношению к Турции ясна и не требует дополнительных разъяснений⁶⁹. Интересно, что советский дипломат никак не прореагировал на слова Криппса о намерении Германии напасть на СССР.

Но инициатива Криппса в отношении Турции не осталась незамеченной. Уже через три дня Вышинский вручил турецкому послу в Москве Актаю заявление правительства и Наркоминдела. В нем говорилось: в связи со слухами о том, что в случае нападения на Турцию какой-либо иностранной державы СССР может этим воспользоваться в своих интересах. Москва заверяет Турцию, что она в такой ситуации может (в соответствии с советско-турецким договором от 17 декабря 1925 г.) рассчитывать на полное понимание и нейтралитет Советского Союза⁷⁰. Характерно, что, делая это заявление, Москва официально ссылалась на информацию, полученную от Криппса.

На следующий же день Вышинский снова встретился с британским послом и сообщил о сделанном накануне заявлении советского правительства, переданном турецкому послу. Он напомнил, что это заявление не предназначено для печати⁷¹.

Со своей стороны, турецкое правительство выразило Москве свое огромное удовлетворение советским заявлением и дало адекватные заверения СССР, предложив опубликовать соответствующие декларации⁷². Наркоминдел, согласившись с доводами Анкары, дал краткую информацию в печати о заявлении советского и турецкого правительств.

Любопытно, что германский посол в Турции фон Папен немедленно посетил советского посла и поздравил с этой акцией, расценив ее как направленную против Англии, поскольку Германия не имеет никаких планов нападения на Турцию⁷³. Он всячески подчеркивал общность взглядов Германии и СССР и довольно цинично заявил: "Наша цель — это победить англичан... Когда мы начали борьбу с англичанами и французами и Вы приняли в ней участие, то для нас обоих была ясна цель этой борьбы — это победа над англичанами. Вы заработали во время этой борьбы не меньше, чем мы: половину Польши, Прибалтику, Бессарабию. Сейчас мы хотим бить англичан везде, где они находятся: и на Балканах и в самой Англии. Поэтому было неизбежно введение наших войск в Болгарию. Я считаю, что Ваше неодобрение нашего этого шага основано лишь на не-

доразумении. Я уверен, что мы выиграем войну, только идя с Вами рука об руку"⁷⁴.

В последние месяцы перед нападением Германии на СССР в отношениях между Англией и Советским Союзом можно выделить еще три момента. Прежде всего отметим визит Криппса к Вышинскому 22 марта, в ходе которого британский посол обратил внимание на опасные действия и планы Германии в отношении Финляндии и Швеции и призвал СССР содействовать созданию финско-шведского союза для противодействия Германии. Криппс также передал просьбу Идена оказать немедленную помощь Югославии ввиду попытки Германии заставить ее подписать с ней пакт.

В тот же день Вышинский снова принял Криппса и фактически отклонил предложение британских властей "для дружественного обсуждения поставленных вопросов", обратив внимание на недружелюбные заявления Галифакса по отношению к СССР (хотя в этот момент Галифакс уже не состоял в правительстве, а был британским послом в Вашингтоне). Беседа была довольно резкой, и тон Вышинского был достаточно раздражительным⁷⁵.

16 апреля Иден пригласил Майского для длительной беседы, в ходе которой заявил, что и Англии и СССР угрожает один и тот же "bad man", явно призывая СССР к новому пониманию ситуации. Когда же Майский, критически отозвался об английских предложениях от 22 октября, Иден отмахнулся, сказав: "Это было до меня"⁷⁶.

Через два дня после этого Криппс посетил Вышинского и вручил ему заявление для Молотова (поскольку Молотов не хотел принимать Криппса). Оно в основном касалось конкретных вопросов, но в нем затрагивались и общие вопросы, причем в довольно жесткой по отношению к СССР форме. В частности, Криппс обвинял СССР за поддержку Германии (в том числе и экономическую)⁷⁷.

Словом, в самый канун войны Германии с СССР англо-советские отношения продолжали оставаться на точке замерзания. Последнее, что стоит отметить — это серию предупреждений, поступивших из Лондона в Москву, о готовящемся нападении Германии на Советский Союз.

В конце марта в Лондон пришло сообщение из Швеции, в котором подробно излагался германский план молниеносной атаки против Советского Союза. В начале апреля аналогичная информация была получена в Лондоне из Белграда, Вашингтона и Афин. В частности, Гитлер сказал югославскому принцу-регенту о своем намерении напасть на СССР до конца июня 1941 г.⁷⁸

В советско-английских отношениях кануна Великой Отечественной войны был еще один примечательный эпизод. О нем

писал У. Черчилль в своих мемуарах. Он стал предметом оживленной дипломатической переписки в апрельские дни 1940 г. Речь идет о так называемом предупреждении Черчилля Сталину о готовящемся нападении Германии на Советский Союз⁷⁹. Собственно в нем не говорилось об этом напрямую, а лишь сообщалось о перемещениях немецких войск с Балкан в сторону Польши.

Мы вернемся еще раз к этому "предупреждению" в связи с рассмотрением намерений и действий Сталина и советского руководства в самый канун войны. Здесь же остановимся на нем в контексте англо-советских отношений и ситуации в правящих кругах британского истеблишмента.

Как уже отмечалось, после известного письма Черчилля Сталину в октябре 1940 г., накануне визита Молотова в Берлин, на которое Москва фактически не прореагировала, в советско-английских контактах наступил спад. После приема посла Криппса Сталиным 1 июля британскому послу с большим трудом удавалось добиться встречи даже со вторыми лицами Наркоминдела.

Фокус британского внимания был направлен в сторону Балкан и Северной Африки. Черчилль и деятели британского кабинета мало рассчитывали на разрыв сотрудничества СССР с Германией. Теперь же, когда со всех сторон поступала информация о подготовке Германии к войне против СССР, Черчилль, получив упомянутую разведывательную информацию, неожиданно решает довести ее до сведения Сталина. Некоторые историки впоследствии увидели в этом предтечу будущего англо-советского военного союза. Другие считают, что Черчилль проявил "упрямство" в свете своих непростых отношений с Криппсом, который не поддерживал решение своего премьера.

Вообще взаимоотношения британского посла в Москве с руководством в Лондоне очень напоминали ситуацию с немецким послом Шуленбургом. Германский дипломат не разделял намерения Гитлера начать поход против СССР и, как мы знаем, в апреле — мае 1941 г. предпринимал усилия для сохранения германо-советских отношений. И в своей повседневной деятельности Шуленбург часто не соглашался с представителями германских военных и МИД Германии.

Британский посол Криппс также иногда весьма остро полемизировал с Foreign Office и самим премьер-министром. Получив текст небольшого письма-предостережения Сталину от Черчилля, Криппс, которому в Москве отказали во встрече со Сталиным, не стал передавать его Молотову. После нескольких дней оживленных дискуссий в Лондоне и резкой реакции Черчилля Криппс 6 апреля 1941 г. встречался с Вышинским и вручил ему послание⁸⁰. 23 апреля Вышинский уведомил Криппса, что послание вручено Сталину.

Главное возражение Криппса против инициативы Черчилля состояло в том, что в обстановке противоречивых слухов и информации Сталин мог решить, что Лондон хочет спровоцировать обострение советско-германских отношений и, испытывая общее недоверие к Великобритании, не поверит в искренность британских намерений. К тому же "предостережение" Черчилля было предельно кратким и составлено в довольно неопределенной форме. Могло сложиться впечатление, что британский лидер вроде бы и предупредил Сталина и одновременно не выходил за чисто формальные рамки. Г. Городецкий, может быть, один из самых известных специалистов по биографии Криппса и весьма критически относящийся к Черчиллю, считает, что британский премьер в тот момент был озабочен прежде всего провалами английских действий на Балканах и в Северной Африке и не верил в какую-либо трансформацию политики Сталина⁸¹.

Только в канун вторжения, 16 июня, по поручению Идена Майскому сообщили о концентрации немецких войск на советских границах с подробным описанием, в каких именно пунктах происходит их сосредоточение⁸².

Для понимания настроений в Лондоне и позиции Великобритании весьма интересны и уже упоминавшиеся еженедельные обзоры специального управления политической разведки, представляемые военному кабинету. Как мы указывали ранее, очень часто эти обзоры влияли на решения, принимаемые британскими властями, и на их оценки международной ситуации. Если обратиться к обзорам за конец 1940 — первую половину 1941 г., то можно выделить несколько тем, постоянно присутствовавших в тех разделах, которые относились к Советскому Союзу. На первом месте, разумеется, были советско-германские отношения. Далее шла ситуация на Балканах, отношения СССР с Японией, положение на севере Европы, в частности финские дела, и т.п. И все это рассматривалось сквозь призму англо-советских отношений.

1 января 1941 г. в обзоре указывалось, что вряд ли можно ожидать каких-либо сенсаций в советско-германских отношениях. Самое большее, что стоит в повестке дня, — советско-германское соглашение о торговле⁸³. 29 января авторы неожиданно затронули тему об английских предложениях Москве, сделанных, в частности, Черчиллем в октябре 1940 г. и в другое время. "Отсутствие советского ответа показывает, что англо-советские отношения остались на мертвой точке"⁸⁴. 12 февраля повторено, что англо-советские отношения остаются негативными⁸⁵.

Фактически в каждом еженедельном обзоре первой половины 1941 г. речь шла о ситуации на Балканах — сначала в Бол-

гории, затем в Югославии с обязательным упоминанием и Турции. В отношении Болгарии авторы считают маловероятным, чтобы Сталин рискнул на силовое столкновение с Германией⁸⁶. Через две недели отмечалось, что хотя цели Советского Союза на Балканах остались амбициозными, он не будет пытаться препятствовать немецкому вторжению в Болгарию⁸⁷.

Концентрируя внимание обычно на международных вопросах, авторы неожиданно довольно пространно откликнулись на XVIII конференцию ВКП(б). Они во всех деталях описывали полномочия отдельных членов Политбюро и даже обратили внимание на состав президиума конференции⁸⁸. В условиях крайне напряженной общей международной обстановки и весьма сложного положения Великобритании ее спецслужбы подробно занимались вопросом о разделении полномочий между Маленковым и Вознесенским, Ждановым и Щербаковым и т.п.

Авторы обзора за 12 марта вернулись к событиям на Балканах. В этот день они, может быть, впервые упомянули слухи о германском нападении на Советский Союз весной или в июле 1941 г.⁸⁹ Эти слухи, говорится в обзоре, исходят из всех частей Европы. Через неделю, 19 марта, эти слухи были повторены⁹⁰. 26 марта появляется тема, о которой будет часто говориться — о германском проникновении не только на Балканы, но и в Финляндию, что весьма чувствительно для Советского Союза⁹¹.

Чрезвычайно интересен обзор за 2 апреля. В нем указывалось: "Отношения между СССР и Германией, с одной стороны, и Великобританией — с другой — быстро двигаются к критической точке". Сообщалось о немецкой угрозе славянству на Балканах и Ленинграду, о том, что Советский Союз может превратиться в германского вассала вместо того, чтобы достичь соглашения с Великобританией. Сталин должен понимать, говорится в обзоре, что он стоит перед опасностью потерять контроль над собственной страной⁹².

В последующих обзорах подробно описываются все перипетии с заключением советско-югославского пакта и договора с Японией⁹³. Вообще японская тема фигурирует в нескольких обзорах и в контексте советско-германских отношений и в связи с позицией США и Великобритании⁹⁴.

В отчете за 4 июня появилась тревога, что в условиях нарастающей опасности и слухов о нападении Сталин может сделать несколько существенных уступок Гитлеру, которые усилят контроль Германии над СССР, и Великобритания может серьезно пострадать от этого⁹⁵.

11 июня английские спецслужбы сообщили, что в интервью в Лондоне Майский признал факт концентрации немецких войск на советской границе. Однако ему трудно поверить, что Германия "планирует военную акцию против СССР"⁹⁶.

Анализ обзоров британских спецслужб позволяет сделать вывод, что они ожидали нападения Германии на СССР и советовали британскому кабинету занимать выжидательную позицию, что Черчилль и делал.

* * *

Все изложенные выше факторы не позволили реально улучшить советско-английские отношения. Стратегическое соглашение Сталина с нацистской Германией ухудшило и практически свело на нет связи с Англией и Францией.

Англия осознала необходимость восстановления контактов с Москвой только тогда, когда встал вопрос о ее выживании и спасении в связи с угрозой германского вторжения. Но даже в тот момент британские лидеры продолжали находиться под влиянием традиционного неприятия советских действий и намерений.

И все же даже негативный опыт советско-английских отношений, чередование намеков на сотрудничество с резкими заявлениями и обвинениями в адрес друг друга не прошли даром. Уже на следующий день после нападения Германии на Советский Союз британский премьер-министр заявил о сотрудничестве с СССР и совместной борьбе против нацистской опасности.

¹ Документы внешней политики. Т. XXIII: В 2 кн. М., 1998. Кн. 1. С. 53 – 55 (Далее: ДВП).

² Там же. С. 63.

³ Winston S. Churchill's War Speeches. Т. 2. L., 1943. P. 158 – 162.

⁴ ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. С. 89.

⁵ Там же. Т. XXII. Кн. 2. С. 280 – 281.

⁶ Там же. Кн. 1. С. 91 – 94.

⁷ Там же. С. 102.

⁸ Там же. С. 104 – 105.

⁹ Там же. С. 108.

¹⁰ Там же. С. 111.

¹¹ Там же. С. 112. Задержание этих судов в январе 1940 г. в районе Формозы английские власти объясняли подозрением, что груз "Селенги" (а это был вольфрам) предназначен для отправки в Германию.

¹² ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. С. 123.

¹³ Там же. С. 157.

¹⁴ Там же. С. 188 – 191.

¹⁵ Известия. 1940. 30 марта.

¹⁶ Winston S. Churchill's War Speeches. Т. 2. P. 180 – 183.

¹⁷ ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. С. 222.

¹⁸ Там же. С. 240 – 241.

- 19 Там же. С. 251.
- 20 Там же. С. 275.
- 21 Там же. С. 276 – 277.
- 22 Там же. С. 279.
- 23 Там же. С. 279 – 280.
- 24 Там же. С. 284.
- 25 Winston S. Churchill's War Speeches. Т. 2. Р. 180.
- 26 ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. С. 289.
- 27 Там же. С. 293.
- 28 Там же. Кн. 2. Ч. 2. С. 804.
- 29 Там же. Кн. 1. С. 398.
- 30 ДВП. Т. XXIII. Кн. 2. Ч. 2. С. 802.
- 31 ADAP. Bd. X. S. 171.
- 32 ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. С. 399.
- 33 Там же. С. 400.
- 34 Там же. С. 394.
- 35 Там же. С. 395.
- 36 Там же. С. 396.
- 37 Там же. Кн. 2. Ч. 2. С. 805.
- 38 Там же. Кн. 1. С. 409.
- 39 Там же. С. 451 – 453.
- 40 Там же. С. 488.
- 41 Там же. С. 535.
- 42 Там же. С. 485 – 488.
- 43 Там же. С. 534.
- 44 Там же. С. 598 – 599.
- 45 Там же.
- 46 Там же. С. 675.
- 47 Там же. С. 701 – 705.
- 48 Там же. С. 704.
- 49 Там же. С. 704 – 705.
- 50 Public Record Office. FO. 371. 1940. N 6845. 17 Oct. 1940. P. 71 (Дале: PRO).
- 51 Ibid.
- 52 Ibid. P. 73.
- 53 Ibid. P. 85.
- 54 Ibid.
- 55 Ibid. 30 oct. 1940. P. 98.
- 56 ДВП. Т. XXIII. Кн. 2. Ч. 1. С. 51 – 53, 80, 86 – 87.
- 57 Там же. С. 51.
- 58 Там же. С. 52.
- 59 Там же. С. 92.
- 60 Там же. С. 93.
- 61 Там же. С. 238.
- 62 Там же. С. 231.
- 63 Там же. С. 416.
- 64 PRO. Northern. 1941. Soviet Union. File N 78. N 29479. P. 4.
- 65 Ibid. P. 9.
- 66 Ibid. P. 10.
- 67 ДВП. Т. XXIII. Кн. 2. Ч. 1. С. 419 – 420.

⁶⁸ Там же. Кн. 2. Ч. 2. С. 449.

⁶⁹ Там же. С. 453—456.

⁷⁰ Там же. С. 465.

⁷¹ Там же. С. 467—468.

⁷² Там же. С. 482.

⁷³ Там же. С. 505.

⁷⁴ Там же. С. 506.

⁷⁵ Там же. С. 491—496.

⁷⁶ Там же. С. 582.

⁷⁷ Там же. С. 826—829, 595—597.

⁷⁸ Там же. С. 829.

⁷⁹ *Городецкий Г.* Роковой самообман: Сталин и нападение Германии на Советский Союз. М., 2001. С. 188—212.

⁸⁰ Об обстоятельствах встречи Криппса с Вышинским см.: АВГРФ. Ф. 07. Оп. 2. П. 9. Д. 20. Л. 25—29; Там же. Ф. 06. Оп. 3. П. 8. Д. 89. Л. 1—6; см. также: *Городецкий Г.* Указ. соч. С. 198—199.

⁸¹ См.: *Gorodetsky G.* Stafferd Cripps in Moscow. 1940—1942: Diaries and Papers. L., 2007.

⁸² Ibid. С. 739.

⁸³ Weekly Political Intelligence Summary. Secret Foreign Political Department. L., 1939—1941. N 65. 1.01.1941. P. 6; N 68. 22.01.1941. P. 6.

⁸⁴ Ibid. N 69. 29.01. 1941. P. 7.

⁸⁵ Ibid. N 71. 12.02. 1941. P. 6.

⁸⁶ Ibid.

⁸⁷ Ibid. N 73. 26.02. 1941. P. 7.

⁸⁸ Ibid. P. 7—9.

⁸⁹ Ibid. N 70. 12.03. 1941. P. 7.

⁹⁰ Ibid. N 76. 19.03. 1941. P. 6.

⁹¹ Ibid. N 77. 26.03. 1941. P. 6.

⁹² Ibid. N 78. 2.04.1941. P. 6.

⁹³ См., например: Ibid. N 79. 9.04. 1941. P. 8; N 80. 16.04. 1941. P. 6—8.

⁹⁴ Ibid. N 83. 7.05. 1941. P. 6—8.

⁹⁵ Ibid. N 87. 4.06. 1941. P. 6.

⁹⁶ Ibid. N 88. 11.06. 1941. P. 6.

Японский нейтралитет

О тношения Советского Союза с Японией в 30-е годы складывались далеко не просто и противоречиво. Постоянная напряженность на границе сменялась периодическими вооруженными столкновениями. В основе конфликтов лежала неурегулированность территориальных интересов в Дальневосточном регионе, корни которого уходили еще во времена русско-японской войны.

В конце 30-х годов Япония продолжала свою экспансионистскую политику в отношении Китая, соперничала с Англией и Соединенными Штатами Америки за преобладание и за влияние на Дальнем Востоке. Японские правящие круги периодически организовывали силовые действия против СССР, получая решительный отпор.

Перед началом Второй мировой войны, летом 1939 г., после очередного вооруженного столкновения между СССР и Японией было подписано перемирие, что дало возможность советскому руководству сконцентрировать внимание на своих западных границах. Возникшая после подписания советско-германского пакта ситуация, поставившая в центр европейские дела, требовала максимальной осторожности в отношениях с Японией. Как Германия больше всего боялась войны на два фронта, так и СССР стремился избегать напряженности, а тем более конфликтов одновременно на Западе и на Востоке.

Ситуация значительно изменилась после подписания тройственного пакта между Германией, Италией и Японией и более активного подключения Японии к решению общих международных проблем. В этом процессе Япония нуждалась не только в сотрудничестве со своими новыми партнерами по тройственному пакту, но и в урегулировании отношений с Советским Союзом. В то же время и для Германии она становилась важным фактором в борьбе с англо-американским блоком, особенно за влияние в Азии и на Дальнем Востоке.

В мировой историографии по сей день продолжают дискуссии о советско-японских отношениях в 1940–1941 гг. и о подписании в апреле 1941 г. договора о нейтралитете¹. Для некоторых исследователей этот пакт был свидетельством намерения СССР дистанцироваться от Германии, отношения с которой становились все более напряженными.

Весной 1941 г. к Сталину стекалась информация об активной подготовке Германии к нападению на СССР. Авторы ряда исследований полагают, что советские лидеры с целью обезопасить свои восточные границы добивались подписания договора с одним из членов тройственного пакта, чтобы тем самым снизить возможности враждебных действий нацистского руководства в отношении к Советскому Союзу. В этих трудах заключение договора с Японией ставится в один ряд с усилиями СССР хоть в какой-то мере ограничить немецкое продвижение на Балканы и в район Юго-Восточной Европы.

Но в своей сравнительно недавно изданной книге профессор Г. Городецкий выдвинул противоположную гипотезу. Он полагает, что, подписывая договор с Японией, Советский Союз стремился с ее помощью укрепить сотрудничество с Германией, а может быть, и убедить Гитлера подключить СССР к тройственному пакту. Однако Молотов во время визита в Берлин в ноябре 1940 г. получил отказ. Такая трактовка вписывалась в общую концепцию автора о "великом самообмане Сталина" и его вере в то, что отношения между СССР и Германией можно было не только продолжать, но и наполнить новым содержанием².

Не имея реальных документов советского политического руководства, из которых можно было бы узнать и понять его намерения и настроения, нам трудно дать ответ на многие вопросы, связанные с той сложной международной ситуацией, которая была в мире в начале 1941 г., и которые пролили бы свет на планы и аргументы Сталина и его окружения и их представления о развитии мировых и европейских событий и в тот период и в перспективе. Мы постараемся высказать свои предположения и кратко проанализируем состояние отношений между СССР и Японией в 1940—1941 гг. накануне и в ходе подписания советско-японского договора о нейтралитете.

В рассматриваемое время в центре советско-японских контактов было несколько вопросов, касающихся как двусторонних связей, так и международных проблем в целом, но, разумеется, решение большинства из них находилось в непосредственной взаимосвязи с отношениями все в том же треугольнике: Германия — Советский Союз — англо-американская коалиция, и в данном случае к ним прибавлялась Япония. Собственно в течение 1940 — начала 1941 г. советские и японские представители обсуждали вопросы о рыболовной конвенции между двумя странами, о торговых отношениях, о проблемах северного Сахалина и Курильских островов и уже упомянутый вопрос о возможности подписания двустороннего договора о ненападении или о нейтралитете.

Сначала обратимся к некоторым эпизодам этих контактов и переговоров. Уже 21 января 1940 г. в беседе заместителя нарко-

ма по иностранным делам С.А. Лозовского с тогдашним послом Японии в Москве С. Того речь шла о "создании благоприятных предпосылок для переговоров о заключении торгового соглашения между двумя странами"³. На следующей встрече 19 марта стороны обменивались взаимными претензиями о нарушениях воздушной границы, о задержках с проведением переговоров о рыболовной конвенции и т.п.⁴

В мае и начале июня Молотов встречается с послом Того и снова участники пришли к выводу, что после разрешения пограничного вопроса будут созданы условия для урегулирования всех вопросов между Японией и Советским Союзом. При этом Того так расставил их очередность: пограничные проблемы, рыболовный вопрос, возобновление торговых переговоров⁵. Далее следовали долгие препирательства о демаркации границы, о небольших территориях в Монголии или в Манчжоу-Го.

Но 2 июля во время беседы Того говорил об общих вопросах взаимоотношений и внес предложение подписать соглашение о нейтралитете и даже представил небольшой проект (всего три статьи). Разъясняя ситуацию, Того упоминал о войне Японии с Китаем и о желании японцев запретить провоз оружия для чунцинского правительства в Китае и т.д. И Молотов и японский посол пространно обсуждали различные проблемы, но советский нарком не дал ясного ответа на японское предложение о нейтралитете. Того настаивал на ответе по поводу советской помощи Китаю и сослался на то, что во время решения вопроса о Бессарабии Япония послала в Москву специальное позитивное послание⁶, т.е. то, что сейчас Япония просит от СССР в отношении Китая.

В дальнейшем в течение нескольких месяцев вопрос о соглашении фактически не обсуждался, и только 1 ноября Молотов принял в Москве нового японского посла Татекаву, который сообщил, что после того, как к власти в Японии пришло правительство Коноя, ее внешняя политика в корне изменилась. Это нашло свое выражение в заключении Японией военного союза с Германией и Италией. В связи с этим японское правительство предлагает Москве подписать уже не договор о нейтралитете, а пакт о ненападении, во многом аналогичный советско-германскому пакту.

Судя по беседе, Молотов не был готов к подробному обсуждению, поэтому только заметил, что заключение предлагаемого пакта дает ряд выгод для Японии, развязывая ей руки на юге, но создает затруднения для СССР в его отношениях с США и Китаем. Поэтому следует обсудить и то возмещение, которое СССР получил бы в порядке компенсации⁷.

Японское правительство явно втягивало Советский Союз в дискуссию по обоим вопросам. Эта встреча проходила накану-

не визита Молотова в Берлин, где советское руководство намеревалось поставить перед Гитлером и Риббентропом вопрос о новом разграничении интересов, в том числе и в связи с созданием тройственного пакта. Не совсем ясно, была ли инициатива японских властей их собственной или это был совместный германо-японский зондаж накануне берлинских переговоров. Но в любом случае Молотов не хотел раскрывать карт, и обсуждение вопроса пока не получило продолжения.

18 ноября после возвращения из Берлина Молотов пригласил японского посла. Советский нарком сослался на свои разговоры с Риббентропом; теперь советская сторона действительно убеждена в том, что Япония готова пойти на широкое движение в пользу улучшения отношений с Советским Союзом. Обращаясь к идее пакта о ненападении, Молотов упомянул о том, что, подобно договору с Германией, Советский Союз естественно связывает его заключение с возвращением таких утраченных ранее Россией территорий, как Южный Сахалин, Курильские острова (на данном этапе, по словам Молотова, можно было бы говорить по крайней мере о продаже Японией некоторой группы Курильских островов). И если Япония готова к рассмотрению этих вопросов, то возможен и пакт о ненападении, а если нет, то советская сторона предлагала вернуться к идее пакта о нейтралитете. При этом Молотов назвал важным условием ликвидацию японских нефтяной и угольной концессий и передачу имущества концессионных предприятий в собственность Советского Союза. СССР был согласен на компенсацию за это и на поставки нефти Японии в течение пяти лет (около 100 тыс. т ежегодно). Татекава уклонился от обсуждения территориальных вопросов, но высказался за увеличение советских поставок нефти до 200 тыс. т ежегодно⁸.

Состоявшаяся через три дня встреча Молотова с Татекавой явилась как бы продолжением предыдущей. Главной темой разговора стало упоминание Молотовым на прошлой встрече вопроса о возврате СССР утраченных ранее территорий. Но японский посол сразу же заявил, что проект протокола о ликвидации японских концессий на Северном Сахалине совершенно неприемлем. Вместо этого Япония предложила Советскому Союзу продать Японии Северный Сахалин и тем самым положить конец спорам. Далее японский посол обосновывал права Японии на Сахалин, обращаясь к историческим прецедентам.

Молотов в ответ напомнил о советско-германском пакте, который позволил СССР вернуть утраченные ранее территории. Но Татекава заметил, что это был возврат за счет третьих держав, а не Германии, и это в корне отличается от требований к Японии. Татекава даже сослался на пример продажи Аляски,

которая сгладила споры и разногласия между двумя странами. Молотов жестко отпарировал, что о продаже Северного Сахалина не может быть и речи, скорее, в СССР нашлись бы покупатели на Южный Сахалин. Он намекнул, что, передав часть Курильских островов, Япония получила бы свободу рук для действий на юге, ибо, "как известно, Германия, заключив с СССР пакт о ненападении и обеспечив себе тыл, добилась на западе больших успехов"⁹. Молотов снова отметил актуальность вопроса о ликвидации нефтяной и угольной концессий.

На следующий день Молотов, сообщая советскому полпреду в Японии К.А. Сметанину о беседе с Татекавой, добавил: "Пока с нашими переговорами ничего не выходит. Мы во всяком случае подождем, ускорять события мы не имеем желания"¹⁰. На этом обмен мнениями о возможном пакте о ненападении или о нейтралитете был прерван и до апреля 1941 г. не поднимался.

13 и 26 декабря 1940 г., а также 20 января 1941 г. Молотов беседовал с Татекавой в основном о рыболовной конвенции¹¹. И лишь 18 февраля между ними обсуждался вопрос о нефтяной концессии на Северном Сахалине¹².

В ходе этих переговоров, которые проходили в довольно рутинном порядке, и Япония и Советский Союз как бы зондировали позиции друг друга, в том числе и в контексте всей ситуации с тройственным пактом. Учитывая, что Япония была уже членом этого пакта, советские лидеры как бы продолжали посылать через нее сигналы в Берлин. Как известно, в Москве также не оставляли попыток возвращаться время от времени к вопросу о советских интересах на Балканах. Во всяком случае в Москве явно попытались еще раз использовать японских деятелей для того, чтобы снова прозондировать настроения в Берлине.

Эта идея получила подтверждение в марте 1941 г. в связи с приездом в Москву нового министра иностранных дел Японии Мацуока, который планировал также посетить Берлин.

24 марта состоялась первая беседа Мацуока с Молотовым, на которой японский министр сказал, что цель его поездки в Берлин и в Рим состоит в желании обменяться мнениями с руководителями Германии и Италии по вопросам, касающимся тройственного пакта. Одновременно Мацуока заверил, что он выступает за улучшение советско-японских отношений.

Во время встречи Молотов позвонил Сталину, который через 10 минут присоединился к переговорам и также заявил о желательности улучшения советско-японских отношений.

Мацуока начал развивать совершенно фантастическую идею о "моральном японском коммунизме", противостоящем англосаксонской традиции капитализма и индивидуализма.

Необходимо, по его словам, уничтожить англосаксов и именно для этого и был создан пакт трех держав. Касаясь войны с Китаем, Мацуока говорил, что Чан Кайши является слугой англосаксонских капиталистов, поэтому Япония ведет с ним борьбу. Сталин уклонился от дискуссии о так называемом моральном коммунизме, но заметил, что какова бы ни была идеология в Японии или в СССР, она не может помешать практическому сближению обеих стран. Что же касается англосаксов, то "русские не были их друзьями и не намерены дружить с ними и сейчас"¹³.

Но главные события произошли после поездки Мацуока в Берлин и Рим, когда он несколько дней пребывал в Москве. 12 апреля с ним встретился Сталин. Еще во время первой встречи с Молотовым в Москве Мацуока предложил в срочном порядке подписать пакт о нейтралитете без всяких условий. Ранее Молотов не поддерживал эту идею. Теперь Мацуока говорил Сталину, покидая Москву: "Сожалею, что пакт не подписан"¹⁴.

Предлагая подписать пакт, японские руководящие круги хотели действительно освободить себе руки для войны на юге. Из японских документов известно, что незадолго до этого правительство Японии, видимо, осведомленное о германских планах нападения на СССР, приняло решение сосредоточиться на войне с Англией и США в районе Азии и Дальнего Востока и не втягиваться в войну с Советским Союзом. Вероятно, оно хотело до германской атаки против СССР сделать для Берлина ясным свое решение. В то же время в Токио пришли к выводу, что целесообразно оставить все спорные вопросы советско-японских отношений до будущих времен и зафиксировать это в письмах Японии и Советского Союза.

Далее Мацуока и Сталин изложили свои позиции, которые, представляя значительный интерес в контексте их общей оценки международной ситуации. Особого внимания заслуживает позиция Сталина.

Прежде всего Мацуока подчеркнул, что наличие у Японии союзного договора с Германией не означает, что она должна связывать руки СССР. Наоборот, в случае каких-либо осложнений Япония могла бы посредничать между СССР и Германией. Он вновь упомянул возможность для СССР выйти через Индию к водам Индийского океана и даже предложил СССР захватить город-порт Карачи. По словам японского министра, также настроена и Германия. Затем министр опять говорил о "моральном коммунизме", о борьбе с англосаксонским опытом Чан-Кайши и т.п.¹⁵

В ответ Сталин откровенно напомнил предложение Молотова в Берлине о том, что СССР был бы готов присоединиться к пакту трех, превратив его в пакт четырех. Но Гитлер не согла-

сил, сказав, что Германия в военной помощи пока не нуждается. Теперь, по словам Сталина, только в том случае, если дела в Германии и Японии пойдут плохо, можно поставить вопрос о пакте четырех. Поддержав идею улучшения отношений между Японией и СССР, он неожиданно в явном противоречии с недавним заявлением Молотова поддержал идею пакта о нейтралитете¹⁶. Были урегулированы остающиеся спорные моменты, согласованы идея декларации о Манчжоу-Го и о Монголии, а также вопрос об обмене письмами по поводу концессий на Северном Сахалине. При этом Сталин и Мацуока обменялись довольно едкими репликами о продаже Северного Сахалина. Все вопросы о пакте были решены.

В заключение Мацуока, повторяя слова Гитлера, снова заговорил о выгодах выхода СССР через Индию к теплому морю, на что Япония была бы не только согласна, но и помогла бы "уговорить" индусов. Сталин в ответ откровенно заметил, что получение Японией запрашиваемой территории даст ей спокойствие, а СССР придется вести войну в Индии¹⁷.

На следующий день пакт о нейтралитете между СССР и Японией был подписан (Молотовым и Мацуока) с добавлением короткой декларации, состоялся обмен письмами¹⁸.

На встрече с Молотовым 14 мая Татекава заговорил о слухах об ухудшении советско-германских отношений. Но Молотов, не вдаваясь в подробную дискуссию, опроверг сообщения о концентрации 100 с лишним советских дивизий и нескольких десятков немецких по обе стороны границы¹⁹. А на последующей встрече они обсуждали вопросы подготовки рыболовного и торгового соглашений²⁰.

Теперь мы можем вернуться к вопросу о намерениях советского руководства, причинах внезапной перемены его позиции и согласия на пакт о нейтралитете с Японией. Г. Городецкий, как уже отмечалось, объяснял это попытками Москвы возобновить диалог с Гитлером и присоединиться к тройственному пакту, действуя на этот раз через Японию. Посол Англии Ст. Криппс называет другую причину, подхваченную многими исследователями: Москва пошла на заключение пакта, чтобы обезопасить свою границу на Востоке в свете угрозы войны на Западе.

Оценивая пакт о нейтралитете в контексте позиции и Японии и СССР, выскажем следующие предположения.

Япония готовилась начать активные и обширные действия против англичан и американцев, и ей важно было обеспечить свой тыл и устранить опасность войны на два фронта. Мацуока убедили в Берлине, что немцы явно не намерены больше договариваться с СССР, хотя Гитлер и не сообщил прямо японскому министру о принятом решении начать войну против СССР. Мацуока мог догадываться об этом и, видимо, так можно объяс-

нить его заключительные замечания Сталину по поводу слухов об ухудшении советско-немецких отношений.

Немецкие и японские документы свидетельствуют, что Гитлер не советовал Японии заключать с СССР пакт о ненападении²¹. Германия была заинтересована прежде всего в том, чтобы направить Японию на юг и активизировать ее противодействие Англии и США.

Мацуока понял, что ни о каком присоединении Москвы к тройственному пакту речь больше не идет. Поэтому, вернувшись в Москву, он начал продвигать идею пакта о нейтралитете взамен договора о ненападении. Чтобы добиться ее осуществления, министр оставил в стороне амбициозный японский вопрос о покупке Северного Сахалина и прочие.

Японские лидеры точно рассчитали, что вне зависимости от того, как пойдет дальше развитие событий (будет ли столкновение Германии с СССР или нет), Гитлер в своем противостоянии с Англией и США заинтересован в союзе с Японией. Поэтому они ничем не рисковали, идя на заключение договора о нейтралитете с Советским Союзом. Действительно, германские официальные круги никак не прореагировали на это событие.

При объяснении мотивации Сталина и его намерений в связи с подписанием советско-японского договора о нейтралитете, следует, видимо, иметь в виду следующие обстоятельства. Мы уже отмечали одну из гипотез: цель советских лидеров состояла в желании использовать Японию, чтобы послать сигнал Гитлеру о возможности договоренностей по поводу разграничения интересов и сфер влияния. Известно и то, что Мацуока, вернувшись из Берлина в Москву, дал понять Сталину, что Германия не откликнулась на эту идею. Больше того, хотя Мацуока прямо не сказал этого ни Сталину, ни Молотову, но они могли сделать вывод, что в Берлине не приветствовали идею советско-японского договора. Сталин ощущал явный рост напряженности в советско-германских отношениях. В рамках общего мирового развития Сталин был, как мы уже отмечали, лишен возможностей для сколько-нибудь эффективных маневров. И на этой стадии договор с Японией давал Москве очевидные преимущества.

Мы бы не поддержали утверждение, что Сталин думал только о противодействии Германии и в этом контексте рассматривал договор с Японией. В равной мере вряд ли можно согласиться с мнением, что этим актом Сталин предпринимал отчаянную попытку снова договориться с немецким руководством. Представляется, что в действиях Москвы присутствовало и то, и другое. Нечто похожее имело место в отношении Балкан с той лишь большой разницей, что договор с Японией несколько

гарантировал Советский Союз в случае войны от борьбы и на Востоке и на Западе, в то время как балканские дела были прочно связаны с противостоянием Германии.

В отношениях с Японией на протяжении второй половины 1940 — начале 1941 г. Москва следовала своей линии. Она сохраняла контакты, обозначала и спорные моменты и пункты для возможных соглашений, но не проявляла излишней активности. Как сказал Молотов, "мы не спешим и не будем торопить событий".

В апереде — мае 1941 г. Сталин получал все больше информации о готовящемся нападении на Советский Союзом и с каждым днем сильнее чувствовал нарастание напряженности в отношениях с Германией. Одновременно он ощущал всю трудность противостояния ее продвижению на Балканы, которое сжимало тиски вокруг СССР. В этих условиях Сталин принял мгновенное и для многих неожиданное решение — немедленно пойти на подписание договора с Японией. В тот момент оно, казалось, не имело стратегического значения (хотя уже менее чем через три месяца стало ясно, что Москва избежала войны на два фронта), но этот шаг как бы демонстрировал, что СССР является самостоятельным и важным игроком на международной арене, способным к акциям, которые могли даже не понравиться в Берлине. Заключение договора с Японией было для Сталина тем более важно, что буквально за несколько дней до этого Гитлер нанес ему болезненный удар в Югославии, с которой Москва подписала договор, видимо, не ожидая немедленного германского наступления против Белграда.

Здесь же, на японском направлении Сталин ничем не рисковал. Может быть, принимая решение подписать договор с Японией в такой блицформе, Сталин психологически утверждал и убеждал самого себя в том, что он еще может самостоятельно определять развитие событий. И в этом, видимо, лежит объяснение и той необычной эйфории, которая сопровождала подписание договора с Мацуокой, и поездки Сталина на вокзал на проводы японского министра (впервые в практике советского вождя), и его неожиданных реплик, как будто речь шла о каком-то необычном и стратегически переломном факте, способном изменить ситуацию²². Японцы, судя по всему, были ошеломлены такой реакцией, но они вели свою игру и, вероятно, с интересом наблюдали антураж вокруг заключения договора с Советским Союзом.

Забегая вперед, можно констатировать, что Япония продемонстрировала в апреле 1941 г. свое желание двигаться на юг и не ввязываться в войну с Советским Союзом, а Москве удалось в тяжелые военные годы избежать войны на два фронта.

¹ Документы внешней политики. Т. XXIII: В 2 кн. М., 1998. Кн. 2. Ч. 2. С. 565–567 (Далее: ДВП). См. также: Советско-японская война. 9 августа – 2 сентября 1945 г. Рассекреченные архивы. М., 2006. Гл. 3. Подход СССР, Германии и Японии к проблеме советско-японских отношений в канун Великой Отечественной войны (1940 г. – июнь 1941 г.). С. 82–109.

² См.: *Городецкий Г.* Роковой самообман. Сталин и нападение Германии на Советский Союз. М., 2001.

³ ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. С. 45.

⁴ Там же. С. 162–163.

⁵ Там же. С. 301–305.

⁶ Там же. С. 401–407.

⁷ Там же. Кн. 2. Ч. 1. С. 10–12.

⁸ Там же. С. 111–113.

⁹ Там же. С. 117–118.

¹⁰ Там же. С. 126.

¹¹ Там же. С. 190–193, 235–236, 346–350.

¹² Там же. С. 408–410.

¹³ Там же. Кн. 2. Ч. 2. С. 500–502.

¹⁴ Там же. С. 560.

¹⁵ *Городецкий Г.* Указ. соч. С. 560–561.

¹⁶ Там же. С. 562.

¹⁷ Там же. С. 564.

¹⁸ Там же. С. 565–567.

¹⁹ Там же. С. 680.

²⁰ Там же. Р. 707–713.

²¹ Documents on German Foreign Policy. 1918–1945. L., 1937–1945.

²² ДВП. Т. XXIII. Кн. 2. Ч. 2. С. 560–565.

Советско-американские контакты: возможности и реальности

Отношения Кремля и Белого дома, с одной стороны, органически вписывались в общую стратегию советского и американского руководства на международной арене в 1939 – 1941 гг., а с другой – отражали специфику, обусловленную традициями прошлого и особым положением обеих великих держав. Формально и СССР и США объявили о своем нейтралитете сразу же после начала Второй мировой войны, причем для США это было логичным выражением политики нейтралитета и изоляционизма, утвержденной конгрессом Соединенных Штатов. 3 сентября 1939 г. президент Ф. Рузвельт заявил, что сделает все возможное, чтобы США остались вне войны, а 5 сентября подписал Акт о нейтралитете, который запрещал экспорт военных материалов в воюющие страны.

Но в ноябре 1939 г. конгресс США с согласия президента принял поправки в закон о нейтралитете, который отменял ряд ограничений на продажу вооружений. Речь шла прежде всего о возможности США продавать в воюющие страны (прежде всего в Великобританию) военные материалы. Одновременно в США была принята программа расширения военного производства и роста вооруженных сил. В начале июля 1940 г. на эти цели конгресс выделил более 5 млрд долл., а в сентябре был утвержден закон о воинской повинности.

В Вашингтоне никогда не скрывали своих симпатий и связанности с Великобританией. Кроме того, американские лидеры со все возрастающей тревогой следили за расширяющейся германской агрессией в Европе, сближением Германии с Италией и особенно с Японией, наиболее опасным соперником США на Дальнем Востоке. Поэтому союз сначала с англо-французской коалицией, а после разгрома Франции с Великобританией составлял главное направление политики Белого дома. Именно это обстоятельство служило основанием, чтобы называть США невоюющим союзником Великобритании, так же как СССР – таким же союзником Германии.

В советско-американских отношениях весьма значительное место занимали так называемые социальные факторы. Несмотря на признание СССР и установление с ним дипломатических отношений в 1933 г., американская элита не принимала

"большевистские эксперименты", которые были чужды и несовместимы с принципами американской демократии. Мы уже отмечали, что США, может быть, даже более сильно, чем их европейские партнеры, осудили советско-финскую войну. И хотя Ф. Рузвельт отверг требования крайних кругов о разрыве дипломатических отношений с Советским Союзом, его моральное осуждение СССР было однозначным и резким¹. Подобная линия американского руководства служила постоянным раздражителем в советско-американских отношениях 1940 — начала 1941 г. Вместе с тем США весь этот период предпринимали усилия к ослаблению советско-германских связей. В этом аспекте Рузвельт координировал свои действия с Лондоном, причем все более усиливая собственное влияние на британское руководство.

В недавно изданной монографии М.Ю. Мягкова рассказывается о деятельности созданного в декабре 1939 г. в США специального "Комитета по проблемам мира и реконструкции", который анализировал актуальные проблемы международной политики, развития и перспективы будущего мирового порядка². А в январе 1940 г. в США был создан "Консультативный комитет по проблемам международных отношений" во главе с заместителем госсекретаря С. Уэллесом. В подготовленном комитетом меморандуме от 20 января 1940 г. были определены задачи США и их возможное посредничество в ходе европейской войны³.

Широкий международный резонанс вызвала длительная поездка С. Уэллеса в Европу в феврале — марте 1940 г. В ходе ее он посетил Германию, Англию, Францию, Италию, встречался с ведущими политиками и общественными деятелями этих стран. О визите сообщали послы в своих донесениях, он освещался в мировой прессе. Поездка Уэллеса носила характер зондажа. Он подготовил доклад об итогах своих встреч в Европе. Было очевидно, что американское руководство разрабатывало свою линию поведения на ближайшее время и на длительную перспективу. Рузвельт должен был решить — остаются ли США "над схваткой", или пытаются играть роль посредника — "медиатора", или намерены теснее вовлекаться в европейские дела, учитывая и то, что они явно затрагивали интересы национальной безопасности США. Все больше их беспокойство вызывали также ситуация на Дальнем Востоке и растущие аппетиты Японии.

В общем комплексе международной политики США стремились сохранять свои контакты с Москвой, пытались по возможности снизить уровень связанности кремлевских руководителей с нацистской Германией, и внимательно следили за развитием советско-японских отношений. Со своей стороны, и

в Москве сохраняли контакты с представителями США. Но, как и в случае с Великобританией, Сталин, Молотов и их окружение на всех дипломатических встречах и в Москве и в Вашингтоне постоянно обвиняли США во враждебных намерениях по отношению к СССР.

Анализ встреч американского посла в Москве Штейнгарта с представителями СССР и советского посла в Вашингтоне К. Уманского с американскими дипломатами и общественными деятелями показывает, насколько сложными были взаимоотношения между двумя странами. Создавалось впечатление, что и в США и в Советском Союзе предпочитали сохранять дипломатические каналы связи, и вместе с тем эти встречи использовались в основном для того, чтобы обмениваться взаимными обвинениями и претензиями.

Впрочем, то же самое происходило между советскими представителями и британскими политиками и дипломатами. Фактически и в советско-английских, и в советско-американских контактах отсутствовало конструктивное начало. Обе стороны как бы понимали, что не следует ожидать каких-либо существенных перемен во взаимоотношениях, и занимали выжидательную позицию в преддверии возможных перемен в международной обстановке.

Персонально контакты с американской стороны вели Г. Уоллес и несколько раз государственный секретарь К. Хелл. Именно они постоянно встречались с Уманским. А в Москве Штейнгант беседовал, как правило, с заместителем наркома по иностранным делам Лозовским, в отдельных случаях с Вышинским и значительно реже с Молотовым. Главным "переговорщиком" в Москве был Вышинский, иногда Молотов и однажды сам Сталин.

Если обратиться к тематике советско-американских контактов, то можно прийти к выводу, что набор тем был довольно однообразным. Фактически за весь период 1940 — начала 1941 г. они касались торговли и взаимных поставок, обоюдных обвинений в дискриминационных мерах и более общих вопросов.

Из бесед Уманского в Вашингтоне видно, что по всем вопросам он занимал жесткую позицию. В донесениях в Москву о той или иной встрече он всячески подчеркивал свою "твердую линию", его тон был постоянно обвинительный, а свои отчеты он сопровождал резкими комментариями по отношению к своим собеседникам. Было очевидно, что этот дипломат мало что мог сделать хотя бы для некоторого смягчения жесткой линии обеих сторон. Кроме того, как свидетельствуют источники, Уманский занимал довольно изолированное положение в Вашингтоне, избегая широких контактов с представителями аме-

риканских элит. Наряду с довольно недружественной позицией правящих кругов Вашингтона такая линия поведения не способствовала каким-либо позитивным сдвигам в двусторонних отношениях.

Между тем Москва явно могла бы смягчить тон в отношениях с США, не опасаясь реакции Берлина, как это было в отношениях Советского Союза с Великобританией. Соединенные Штаты не участвовали в войне, и, как известно, Гитлер сам лично и его министры принимали высоких представителей США и в 1940 и в начале 1941 г.

* * *

Обратимся к некоторым вопросам советско-американских отношений в 1940 — начале 1941 г.⁴

Уже 21 января 1940 г. американский посол Л. Штейнгатт в беседе с В.П. Потемкиным сетовал на неудовлетворительные условия жизни и труда американских инженеров, работающих в Советском Союзе по контракту.

В ответ заместитель наркома выразил неудовольствие публичным выступлением американского военного министра Джонсона, в котором последний в весьма критическом духе оценил действия советских войск в Финляндии⁵. Штейнгатт затронул неурегулированный вопрос с личным имуществом бывшего американского посла в Польше Биддла, захваченным советскими войсками при занятии Львова⁶.

Мы коснулись содержания бесед по упомянутым небольшим вопросам, чтобы подчеркнуть "атмосферу" советско-американского диалога. Обе стороны и в дальнейшем возвращались к этим вопросам. Как и в отношениях с рядом других стран, обе стороны постоянно фиксировали внимание на мелких вопросах, избегая каких-либо других тем, по которым можно было бы завязать конструктивный диалог.

1 февраля Штейнгатта принимал Молотов. Беседа была посвящена финской проблеме, и США хотели сыграть роль посредника в возможных мирных переговорах. На этой встрече Штейнгатт поставил более общие вопросы. Он заявил: "Трения, наблюдавшиеся в последнее время между СССР и США, являются плодом недоразумения", так как Рузвельт является другом Советского Союза. Молотов обвинил США в существующих трениях, перечислив весь тот набор, который и в дальнейшем постоянно использовался советскими представителями (враждебная кампания прессы, отказ принять советских специалистов на американские заводы, задержка заказов и поставок и т.д.). По словам Молотова, советская сторона не сделала ни одного шага, направленного против США⁷.

К. Уманский писал в Москву о враждебном отношении США к СССР. Конечно, в первые месяцы 1940 г. на это влияла зимняя война. На нее американское правительство реагировало очень болезненно. Но ситуация осложнялась и другими обстоятельствами. В пространном письме в Москву 17 февраля Уманский сообщал об "антисоветских выпадах" Рузвельта, об ущемлении СССР по линии "наших экономических интересов", вытекавших из так называемого морального эмбарго, о трудностях в работе Амторга и т.п.⁸

Обмен взаимными претензиями не прекратился и после окончания советско-финской войны. 27 марта заместитель наркоминдела А. Лозовский вызвал американского посла и в резкой форме изложил ему претензии советского правительства. Снова фигурировало "моральное эмбарго", упоминались антисоветские выступления ряда политических деятелей США, говорилось об отзыве американских специалистов. Штейнгатт пытался возражать, заявляя, что именно Рузвельт отверг предложение о разрыве дипломатических отношений с СССР и т.п.

По итогам беседы Лозовский направил информацию Уманскому, в которой просил придерживаться такой же линии в беседах с госсекретарем К. Хеллом. Особое внимание он обратил на то, что США снабжают Англию и Францию вооружением, но по отношению к нейтральному СССР создают препятствия даже при реализации старых заказов и необходимых для СССР машин и сырья⁹.

Через несколько дней Уманский имел длительную беседу с Хеллом. По словам советского посла, Хелл стремился смягчить "грубую просоюзническую" линию Рузвельта и вел беседу в примирительном духе. Характерузуя советский нейтралитет, он назвал его "благожелательным по отношению к одной из воюющих стран". Касаясь вопросов торговли, Уманский выдвинул условием развития отношений отмену со стороны США "морального эмбарго"¹⁰.

На короткой встрече с Молотовым 28 апреля Штейнгатт заверил его, что часть вопросов, поднятых в меморандуме Лозовского, вызвана недоразумением и что он надеется уладить все эти вопросы¹¹.

4 мая Уманский направил в НКВД записку, в которой попытался дать обзор состояния советско-американских отношений. Назвав линию Рузвельта недружелюбной, а позицию Хэлла более сдержанной, Уманский снова перечислил все претензии к США. В то же время он отметил некоторые позитивные моменты в действиях Министерства торговли¹².

13 мая Уманский в беседе с министром земледелия США Г. Уоллесом снова упоминал о дискриминационных шагах американских властей. Уоллес обратил внимание посла на герман-

скую политику на Балканах. Уманский, подобно Майскому и Молотову, оправдывал ее, отрицая намерение Германии внедриться в этот регион¹³.

Многие американские представители не скрывали, что США являются скорее невоюющей страной, чем нейтральной, явно отдавали предпочтение союзу с Англией и Францией и осуждали политику Германии. Начиная с июня после разгрома Франции они и в Вашингтоне и в Москве все больше обращали внимание на "неизбежность движения Германии на Восток против СССР". И именно с этого времени значительно возросла их заинтересованность в европейских и мировых делах. Эта тенденция проявилась и в ходе длительной беседы Хэлла с Уманским 12 июня 1940 г. в Госдепартаменте США. Хэлл заявил, что все попытки США удержать Германию, Италию и Японию от агрессии (в том числе и предполагаемое им экономическое сотрудничество) ни к чему не привели, и США приступают к форсированию вооружений. Он откровенно говорил о "громадных" советских поставках немцам. Именно данное обстоятельство, подчеркнул госсекретарь, создает трудности в советско-американских отношениях. В этих условиях претензии СССР в связи с реквизицией "каких-то немногих машин и станков" — это мелочь. Другие страны — торговые партнеры США — признают в отличие от СССР возросшие потребности национальной обороны США. Хэлл проводил мысль о том, что "изменение политики СССР перед лицом грозящих всему миру опасностей" сразу облегчило бы позицию американского правительства, и в торговых и иных отношениях обеих стран произошли бы "за одну ночь" неузнаваемые перемены¹⁴.

Таким образом, в условиях, возникших в результате стремительного и неожиданного разгрома Франции, руководство США, во-первых, явно склонялось к противодействию Германии в Европе и Японии — на Дальнем Востоке и, во-вторых, подключилось к попыткам изменить внешнеполитическую линию Москвы. В этом оно действовало в одном русле с британским руководством.

Мы уже отмечали безуспешность английских маневров в связи с нежеланием Кремля разорвать союз и сотрудничество с Германией. К тому же было видно, что британские лидеры не отказались ни от антисоветских действий, ни от антисоветской риторики.

Нечто подобное происходило и в советско-американских отношениях. Ни Хэлл, ни Рузвельт не захотели сделать какие-либо существенные благоприятные жесты, чтобы снять те негативные наслоения, о которых Хэлл говорил Уманскому. И если США призывали Москву не концентрироваться на ме-

лочах и не придавать им слишком большого значения, то это в такой же степени относилось и к американскому правительству.

Объективно Москва могла улучшить отношения с США. Если налаживание советско-английских связей, по мнению Кремля, было чревато неодобрением Берлина, то в отношениях с Вашингтоном Москва имела более "свободные руки". Формальный нейтралитет США снимал для Сталина опасность недовольства в Берлине.

Конечно, ситуация была сложной и неоднозначной. На упомянутой беседе с Хеллом Уманский повторял уже известные обвинения в адрес США. Он пространно говорил о дискриминационных мерах в торговле, о недружественных заявлениях американских политиков, включая речь Рузвельта на съезде молодежи. Уманский посчитал заслугой советского правительства, что оно оставило без внимания речь президента¹⁵.

Сообщая об этой беседе и об относительно спокойном тоне американской печати, Уманский просил указаний из Москвы. Действительно, как полагали многие наблюдатели, в этот период в США было весьма распространено мнение, что США и Россия в одинаковой мере подвергаются угрозе со стороны Германии и могут вследствие этого стать союзниками. В то же время отмечались и колебания администрации Рузвельта в отношении Москвы.

Через несколько недель Уманский имел беседу с министром внутренних дел США Икесом. Американский министр продолжил линию, впервые обозначенную Хэллом. По словам Икеса, политика Чемберлена и Даладье привела к крушению, поставила Англию на край пропасти и создала громадную потенциальную опасность для США. Оккупация нацистской Германией Европы может активизировать фашистские элементы и в США. По его мнению, может наступить момент для советско-американской встречи либо в Вашингтоне, либо в Москве, чтобы выяснить возможные точки соприкосновения между обеими странами в ближайшем будущем¹⁶. При этом он заявил, что не является сторонником поспешных выводов об ухудшении советско-германских отношений в связи с событиями в Прибалтике. Уманский сразу же отверг идею встречи "уполномоченных", поскольку Москва не одобряет ее (как это было видно на примере миссии Криппса), предпочитая обычные дипломатические каналы связи. Прежде чем садиться за стол переговоров, заявил, он, надо очистить советско-американские отношения от введенных американским правительством дискриминационных мер¹⁷. Таким образом, советский полпред, видимо, не без ведома Москвы явно не поддержал предложение Икеса.

Власти США продолжили свои попытки активизировать отношения с СССР. Состоялось несколько встреч Уманского с

Уэллесом. 27 июля Уэллес по поручению Рузвельта сделал заявление о том, что пора обеим странам подумать не только об отношениях нынешних, но и в будущем: "Не пора ли устранить источники трения, которых и без того достаточно во всем мире, и ликвидировать остроту, создавшуюся в отношениях между нашими странами"¹⁸. На этот раз Уманский заявил, что он выслушал заявление Уэллеса с интересом. По его мнению, предпосылки для этого имеются. Во-первых, органы власти США не должны допускать дискриминацию прав и интересов СССР; во-вторых, необходимо учитывать, что СССР и США две великие политически и экономически независимые державы, и связи между ними должны строиться безотносительно от их отношений с третьими странами¹⁹. Вместе с тем Уманский негативно оценил позицию Уэллеса по Прибалтике²⁰ и некоторым другим вопросам, высказанную им в заявлении 24 июля. В итоге обе стороны согласились приступить на следующей неделе к работе по устранению "взаимных претензий". При этом Уэллес поддержал идею о том, что отношения между двумя странами не должны зависеть от связей каждой из них с третьими державами²¹.

Через четыре дня Москва отреагировала на заявление С. Уэллеса. Молотов оценил ответы Уманского, как правильные. По мнению советского наркома, Уэллес преуменьшил борьбу США и Японии за господство на Тихом океане. Молотов согласился с идеей представить меморандум обо всех претензиях к американцам, включая и те, которые предъявлял Лозовский 27 марта, советскую ноту от 12 июня, устные представления Хэллу и другие факты дискриминации. Он ориентировал Уманского на возможные американские претензии (в том числе и в связи с национализацией американского имущества на территории Западной Украины и Западной Белоруссии), но дал указание заявить, что американские претензии не могут идти ни в какое сравнение с недружелюбной политикой США в отношении СССР²².

На следующий день состоялась вторая встреча Уманского с Уэллесом с участием представителей Госдепартамента. По отчету Уманского Уэллес, явно имеющий директиву Рузвельта "проявлять уступчивость и нащупать компромиссы по накопившимся вопросам, демонстрировал совершенно необычную для него дружелюбность. Создается впечатление, что правительство США, убедившись, что экономическими репрессиями оно не добьется изменения ориентации нашей внешней политики, сейчас прощупывает возможности достигнуть той же цели путем некоторого упорядочения советско-американских отношений"²³.

Как результат готовности обеих сторон осуществить хоть какое-нибудь продвижение 5 августа состоялся обмен нотами

между Наркоматом внешней торговли СССР и посольством США в СССР, в которых Микоян уведомил американскую сторону о том, что в течение предстоящих 12 месяцев хозяйственные организации СССР намерены закупить в США товаров на сумму в 40 млн долл. При этом условием было выдвинуто устранение ограничений, установленных правительством США²⁴.

В той напряженной обстановке это был хотя и небольшой, но примечательный знак. Взаимные претензии и обмен обвинениями явно переходили через край, и, видимо, обе стороны решили как-то смягчить обстановку.

Комментируя состоявшийся обмен нотами, Молотов в телеграмме Уманскому поддержал продолжение переговоров с Уэллесом, но в то же время указал на необходимость предъявления американцам перечня советских претензий, включая упоминание обо всех враждебных выступлениях в отношении СССР со стороны американских должностных лиц²⁵. Из телеграммы следовало, что Москва была готова продолжать переговоры, в том числе и по спорным проблемам.

Реализуя указания Москвы, на следующей встрече с Уэллесом 8 августа Уманский изложил перечень советских претензий (вопрос о лицензиях, о прибалтийском золоте, об отмене "морального эмбарго", о враждебных антисоветских выступлениях американских деятелей и т.п.). И хотя в итоге собеседники согласились, что в отношениях между двумя странами нет таких противоречий, которые могли бы помешать нормализации отношений, сам длинный перечень взаимных претензий не настраивал на оптимистический лад²⁶.

На очередной встрече Уэллеса и Уманского 16 августа продолжилось обсуждение различных вопросов, причем Уэллес передал советскому послу списки товаров, разрешенных к лицензированию (их число составило, по данным Уманского, "лишь 65% от общего числа запрашиваемого оборудования"). Уэллес подчеркивал добрую волю американских властей, а Уманский акцентировал внимание на отрицательных сторонах проблемы и снова писал в Москву об "ухищрениях Уэллеса" и т.п.²⁷

Через четыре дня Молотов в телеграмме Уманскому подвел некоторые итоги состоявшихся пяти встреч с Уэллесом: "Можно считать установленным, что американское правительство отказывается признать нашу принципиальную позицию о нераспространении декрета от 2 июля на оборудование, закупленное нами до 2 июля, а в отношении политических вопросов (прибалты, "моральное эмбарго" и др.) занимает враждебную Советскому Союзу позицию, прикрывая ее малозначительными оговорками. Сам факт длительных переговоров с Вами, видимо, нужен американскому правительству для использования

в целях нажима на Японию". Молотов просил Уманского предложить Уэллесу сформулировать американские предложения²⁸.

Помимо Уэллеса советский посол имел встречи и с министром финансов Моргентау, которого Уманский характеризовал более позитивно. И именно для Моргентау Молотов просил сообщить, что СССР согласен поставлять в США марганец, хром, асбест и платину²⁹.

Некоторые вопросы советско-американских отношений были затронуты американским послом в Москве Штейнгартом в беседе с Молотовым 26 сентября. Посол США откровенно заявил, что после падения Франции произошли серьезные перемены во взглядах американского правительства, которое отрешилось от беспечности и приступило к интенсивной программе вооружений, поворот США "в сторону реализма" благоприятствует постановке вопроса об улучшении советско-американских отношений. Перечислив позитивные шаги правительства США (фрахт американских пароходов, продажа бензина, разрешение вывоза 70% купленного оборудования и т.п.), Штейнгарт заявил: в США ожидают, что и советское правительство сделает что-либо для дальнейшего улучшения отношений³⁰.

На встречах Уманского с Моргентау 17 октября и с Уэллесом 24 октября продолжалось обсуждение вопросов о лицензировании, станках и пр.³¹ Американская сторона подняла вопрос об открытии американского консульства во Владивостоке, о трудностях с передвижением американских граждан по территории СССР и т.д.

29 октября Штейнгарт имел беседу с Вышинским, в которой снова говорилось об улучшении отношений. Очевидно, в преддверии визита Молотова в Берлин американский посол особо обращал внимание на опасность тройственного союза: «Любое соглашение одной из великих свободных держав с Германией, Италией или Японией ограничит свободу действий этой державы в будущем. Любое соглашение, заключенное с одной из стран — участниц тройственного союза, приведет к изоляции этой страны от других великих держав и поставит ее в зависимость от стран "оси"»³². Правительство США явно предостерегло Москву от каких-либо новых соглашений с Германией или Японией. Вышинский в ответ повторил общие заявления о мирной политике СССР.

2 ноября Москва приняла решение о разрешении открытия американского консульства во Владивостоке, которое начало свою деятельность в январе 1941 г.³³ Тогда же в Вашингтоне состоялась десятая встреча Уманского с Уэллесом, на которой он подвел некоторые итоги переговоров: по ряду вопросов уже достигнуто "полное согласие" (фрахт, золото, консульство во Вла-

дивостоке и т.д.). По мнению американцев, можно было бы уже перейти к подготовке текстов обмена нотами по ряду вопросов³⁴.

Любопытная и важная беседа состоялась на встрече Штейнгарта с Лозовским 21 ноября. Впервые в столь откровенной форме американский посол заявил: независимо от того, кто победит в этой войне — Англия или Германия — США будут в выигрыше; у СССР после войны останется немного друзей, учитывая, что Англия, Франция, Япония, Швеция, Финляндия и пр. не очень благожелательны к СССР, и лишь США относятся дружески к Советскому Союзу. США помогают Англии, СССР помогает Германии, но США и СССР являются нейтральными державами, между ними нет никаких противоречий, которые толкали бы их к конфликту; наоборот, имеются все данные для дружественных отношений³⁵. Штейнгарт поставил ряд мелких вопросов, касающихся выезда американских граждан из западных областей Украины и Белоруссии, предоставления квартир сотрудникам посольства и т.д. Уманский привел факты о том, что претензии советской стороны не идут ни в какое сравнение с "мелкими" претензиями американцев, и опять говорил о золоте, о "моральном эмбарго" и т.д.

На последующей, одиннадцатой встрече с Уэллесом снова продолжались обсуждения взаимных претензий — о станках, прибалтийских пароходах и т.д.³⁶ Штейнгарт особо интересовался обстановкой на Дальнем Востоке. В ответ на вопросы Штейнгарта Молотов поручил Уманскому сообщить американцам о мирной политике СССР и нормальных отношениях с Китаем³⁷. 16 декабря между Уманским и Уэллесом продолжался тот же обмен претензиями³⁸.

Тем временем Госдепартамент США принял решение об отмене "морального эмбарго", введенного 2 декабря 1939 г. как американский ответ на советско-финскую войну. В конце января 1941 г. Штейнгарт, встретившись с Лозовским, несколько изменил тон и сделал заявление "об уступчивости американского правительства и неуступчивости правительства СССР"³⁹. По словам американского посла, правительство США пошло навстречу СССР по многим вопросам: допуск советских инженеров на заводы Райт, продажа бензина, фрахт американских судов, отмена "морального эмбарго" и т.д. В то же время советское правительство за пять месяцев не разрешило корреспондентам США разговаривать по телефону из дома, отказало в ремонте лифтов в домах посольства США в Москве, требовало оплачивать в валюте билеты от Москвы до Владивостока и т.д.⁴⁰

18 февраля на встрече с Вышинским Штейнгарт предъявил советскому дипломату список претензий США. К ним относилась ситуация с женой американского корреспондента и други-

ми арестованными, имеющими отношение к американским дипломатам и журналистам. Затем Штейнгатт говорил о напряженной обстановке на Дальнем Востоке и на Балканах, о том, что немцы подталкивают Японию на войну против США⁴¹.

На встрече с Лозовским 15 апреля 1941 г. Штейнгатт помимо старых взаимных претензий привел сведения о предстоящем нападении Германии на Украину и о концентрации немецких войск на советской границе, что, разумеется, Лозовский назвал "слухами". Посол заверил, что "в случае нападения Германии на СССР США будут рады оказать помощь СССР". В заключение беседы он снова подчеркнул: "Остерегайтесь Германии"⁴².

Наконец, 5 июня 1941 г. состоялась последняя перед нападением Германии на СССР встреча Штейнгатта с Лозовским. Американский посол констатировал, что начиная с августа правительство США официально и через прессу выражало желание улучшить отношения с Советским Союзом и удовлетворило большинство его просьб. Но, несмотря на это, не желая ухудшать отношения с США, советское правительство в то же время не идет навстречу Соединенным Штатам даже в тех мелких и незначительных вопросах, по которым они обращались к СССР. Советское правительство требует вернуть балтийские суда и золото, но само продолжает забирать собственность американских граждан в Латвии, Литве и Эстонии. Не возвращаются конфискованное имущество посла Биддла. И теперь американское правительство решило поступать в отношении СССР "точно так же, как советское правительство поступает в отношении США", не согласившись, например, продать лен американским фирмам. Правительство США отказалось передавать Советскому Союзу станки. И далее Штейнгатт привел другие аналогичные примеры. В ответ Лозовский начал приводить факты, которые должны были подтвердить недружественную политику США в отношении Советского Союза. Также следовал длинный перечень таких фактов, среди которых было и признание американскими властями несуществующих представителей стран Прибалтики в США.

Американский посол сообщил о переговорах между США и Японией и в заключение снова предупредил Лозовского о скоплении германских войск на западной границе СССР и о своей уверенности, что немцы готовы напасть на Советский Союз. В ответ Лозовский заявил, что СССР спокойно относится ко всяким слухам о нападении на его границы и "встретит во всеоружии всякого, кто попытается нарушить его границы"⁴³.

Вот на такой ноте в июне 1941 г. завершились советско-американские контакты. Они показали, что Рузвельт и его администрация критически реагировали на советско-финскую войну,

что вытекало и из общих принципов политики США и из конкретной ситуации в мире. При этом, отмечая жесткую реакцию США на эту войну, одновременно укажем на их весьма сдержанную позицию в связи с действиями Советского Союза в Прибалтике.

Лидеры США не скрывали своей поддержки Великобритании, особенно после разгрома Франции, они выражали тревогу в связи с оккупацией Германией ряда европейских стран и ее продвижением на Балканы. Обеспокоенность США была вызвана и союзом Германии с Японией — их главным противником на Дальнем Востоке.

Все это побудило американское руководство приступить к программе перевооружения и к отходу от своей жесткой изоляционистской позиции. При всех симпатиях к Англии Рузвельт и его окружение не прекращали контактов с Германией. Достаточно указать на разрекламированную миссию Уэллеса в Европу, в том числе на его встречи с Гитлером и другими нацистскими лидерами. Совершенно очевидно, что правительство США стремилось если не оторвать СССР от Германии, то во всяком случае ослабить их сотрудничество. И именно вследствие этого в условиях возрастающей опасности для Великобритании американское руководство примерно с августа 1940 г. пыталось улучшить американско-советские отношения (в торговле и в политической сфере). Оно активизировало свои контакты и в Москве и с послом СССР в Вашингтоне.

В то же время американские правящие круги не хотели или не были готовы идти на широкие договоренности с Советским Союзом. Подобно Великобритании они предпочитали общие декларации и призывы, нежели реальные конкретные шаги и готовность удовлетворить советские претензии, как они говорили, "по мелочам", сами цепляясь за эти самые "мелочи". Такой стиль встреч и в Вашингтоне и в Москве создавал впечатление, что в действительности представители американского истеблишмента хотели главным образом ослабить советско-германское сотрудничество и прощупывали обстановку. Конечно, США преследовали при этом более широкие стратегические цели, их вовлеченность в европейские и в мировые дела явно возрастала.

И все же перед Москвой обозначилась возможность если не улучшения отношений, то во всяком случае проведения более позитивного диалога. И это могло происходить при ясном понимании различного, а порой, противоположного подхода обеих стран ко многим международным проблемам при очевидной несовместимости большинства идеологических установок и ценностей.

Мы уже отмечали, что в Москве в целом не решались отойти от курса на союз и сотрудничество с нацистской Германией.

Стремительное поражение Франции серьезно подорвало расчеты Москвы на длительное столкновение и противоборство двух капиталистических блоков. Но, как мы видели, разгром Франции не изменил общего курса Москвы. Опасаясь негативной реакции Берлина, советские руководители всячески ограничивали и лимитировали контакты с Великобританией, считая британскую политическую элиту едва ли не главным идейным и политическим противником советской власти.

Однако если осторожность Москвы в отношении Лондона имела какое-то объяснение, то иной могла бы быть линия Кремля в отношении США. Америка формально, да и по существу была нейтральной страной. Мы уже отмечали, что, поддерживая Великобританию, США сохраняли контакт и с нацистской Германией. Это означает, что у Москвы был определенный шанс наладить конструктивный контакт с крупнейшей мировой державой и попытаться создать хоть какой-либо противовес Германии, у которой явно усиливались противоречия с Советским Союзом. Тем не менее в Москве проявляли явную нерешительность. На протяжении всех контактов с представителями США в 1940 — начале 1941 г. советские представители и в Москве и в Вашингтоне, как и их американские собеседники, упорно цеплялись за реальные и мнимые трудности, как правило, мелкие и незначительные, существующие в отношениях между СССР и США, словно сознательно закрывая глаза на то, что советское правительство в трудной и явно ухудшающейся обстановке *больше нуждалось в сотрудничестве с США, чем американское руководство с Советским Союзом.*

Некоторые историки являются сторонниками точки зрения, что сталинская политика в 1939 — 1941 гг. была проявлением *realpolitik*, а отнюдь не базировалась на идеологических постулатах. Между тем именно с точки зрения "реальной политики" для Сталина было бы выгодным развитие отношений с США. В тех условиях трудно было предположить, что Москва могла бы пойти на союз с заокеанской державой, но использование США и для укрепления своих международных позиций и для создания противовеса Германии, а в конечном счете лучших для себя условий в сложной дипломатической игре, которая велась в Европе и в мире с лета 1940 г., давало бы Москве дополнительные шансы.

В конечном счете по разным причинам, но обе стороны не захотели отойти от взятого курса в отношении друг друга. Но они создавали определенный психологический задел, который дал свои плоды. Менее чем через три недели, сразу же после нападения Германии на СССР началось движение к созданию антигитлеровской коалиции с участием СССР, Великобритании и США.

¹ Уже на следующий день после начала советско-финской войны, правительство США, реагируя на бомбардировку советскими самолетами финских городов, ввели так называемое моральное эмбарго на поставки в СССР американских самолетов, навигационного оборудования, стратегического сырья (алюминия, молибдена и т.п.), которое действовало до 15 января 1941 г.

² Мягков М.Ю. Проблемы послевоенного устройства Европы в американско-советских отношениях 1941–1945 гг. М., 2006. С. 35 (Автор ссылается на документы Национального архива США: Departments of State Records of the Advisory Committee on Problems of Foreign Relations. 1940–1945. National Archives. R.G. Entry 499. Box 108).

³ Там же. С. 36–38.

⁴ О советско-американских контактах в этот период см.: Документы внешней политики. Т. XXIII: В 2 кн. М., 1998. Кн. 2. Ч. 2 (Далее: ДВП); Foreign Relations of the United States. Wash., 1945–1959 (Далее: FRUS).

⁵ FRUS. Vol. III. P. 249–250; ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. С. 48–49.

⁶ Часть имущества Биддла (около 200 ящиков), включала ковры, серебро, меха, произведения искусства общей стоимостью 400 тыс. долл. — это в значительной мере предметы из коллекций польских магнатов Потоцких, приобретенные Биддлом до 1939 г. Лозовский уверял, что советская сторона проявила благожелательность и в итоге передала американцам 47 ящиков, заявив, что г-н Биддл никому из представителей советской власти указанного имущества не передавал (см.: ДВП. Т. XXIII. Кн. 2. Ч. 2. С. 776–777).

⁷ ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. С. 127–128.

⁸ Там же. С. 94–98.

⁹ Там же. С. 196.

¹⁰ Там же. С. 204–206.

¹¹ Там же. С. 239.

¹² Там же. Кн. 2. Ч. 2. С. 794–796.

¹³ Там же. Кн. 1. С. 267–268.

¹⁴ Там же. С. 346.

¹⁵ Речь шла о Финляндии (Там же. С. 347).

¹⁶ Там же. С. 411.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 457.

¹⁹ Там же.

²⁰ Речь идет об осуждении Уэллесом присоединения Балтийских стран к СССР (FRUS. 1940. Vol. 1. P. 401–402).

²¹ ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. С. 458.

²² Там же. С. 468–469.

²³ Там же. С. 470.

²⁴ Там же. С. 477–478.

²⁵ Там же. С. 483.

²⁶ Там же. С. 489–494.

²⁷ Там же. С. 516–518.

²⁸ Там же. С. 526–527.

²⁹ Там же. С. 624.

- 30 Там же. С. 633.
- 31 Там же. С. 691—694, 708—711.
- 32 Там же. С. 718.
- 33 FRUS. 1940. Vol. I. P. 425; 1941. Vol. I. P. 460—463.
- 34 ДВП. Т. XXIII. Кн. 2. Ч. 1. С. 7—10.
- 35 Там же. С. 120—121.
- 36 Там же. С. 154—157.
- 37 Там же. С. 165.
- 38 Там же. С. 202—206.
- 39 Там же. С. 361.
- 40 Там же. С. 363.
- 41 Там же. С. 406—408.
- 42 Там же. Кн. 2. Ч. 2. С. 573—575.
- 43 Там же. С. 720—728.

Канун трагедии

Если в конце 80-х — начале 90-х годов основные историографические дискуссии разворачивались вокруг вопросов подлинности секретных протоколов к договору августа 1939 г., их смысла и оценки, то с середины 90-х годов один из главных фокусов внимания был направлен на события первой половины 1941 г. В большой мере это было связано с появлением книг В.А. Суворова (Резуна), пропагандировавшего идею о плане превентивного советского нападения на Германию. Эта тема настолько увлекла исследователей в разных странах, что некоторые другие проблемы как бы отходили на второй план. Ей посвящены всевозможные публикации как в России, так и за рубежом¹.

Любопытно, что по вопросам всего периода 1940 — 1941 гг. и в том числе предвоенных месяцев за прошедшие 10 лет в научный оборот было введено явно незначительное число новых документов, которые могли бы внести что-либо принципиально иное в оценку общих и конкретных событий рассматриваемого периода. Может быть два объяснения этому факту: или основные документы уже стали достоянием исследователей, или находящиеся в архивах важные документы еще остаются недоступными.

В этих условиях внимание авторов работ, опубликованных за последние 10 лет, сосредоточено на интерпретации и оценках известных фактов и поиске дополнительных фактов и аргументов для подтверждения тех или иных концепций и точек зрения. Анализируя заключительный период 1939 — 1941 гг., мы также имеем в виду затронуть ряд проблем, в том числе касающихся так называемой превентивной войны.

При освещении событий конца 1940 — первой половины 1941 г. возникает необходимость ответить на ряд ключевых вопросов. Среди них — степень подготовленности Советского Союза к большой войне и что делалось в этом направлении; оценка в Кремле общего состояния международных отношений и конкретные задачи советской внешней политики; какова была общеполитическая стратегия у Сталина и его окружения после осени 1940 г. и как она реализовалась на практике; состояние советско-германских отношений, знали ли в Кремле о планах и намерениях Гитлера, в том числе касающихся СССР,

на ближайшую перспективу; соотношение идеологии и реальной политики в действиях советского руководства и особенности процесса принятия им решений, включая роль различных "групп давления" (военные, идеологический аппарат, партийные и советские верхи и т.д.); наконец, реальные настроения широких слоев населения, степень их доверия к руководству страны и понимание обстановки и готовности к войне.

Ответы на эти и другие вопросы, относящиеся к событиям предвоенных месяцев, невозможны без учета базовых целей СССР, сформировавшихся в результате подписания советско-германских договоров в августе – сентябре 1939 г. и событий 1939 – 1940 гг. Хронологически заключительный этап предвоенного периода может рассматриваться, по нашему мнению, после визита Молотова в Берлин и принятия "плана Барбаросса" (нападения на Советский Союз).

25 ноября 1940 г. Сталин сказал Димитрову: "Наши отношения с Германией внешне вполне вежливые, но между ними существуют серьезные разногласия"².

Итак, как же можно оценить состояние международных дел с точки зрения советских лидеров в конце 1940 г. Мы уже неоднократно отмечали, что, подписывая договоры с Германией и совершая столь крутой поворот в своей внешней политике, они прежде всего надеялись на военное столкновение двух воюющих империалистических группировок, при котором советская страна останется вне войны, наблюдая, по словам Сталина, как обе враждующие силы будут ослаблять друг друга. В этом, по их мнению, были определенные гарантии безопасности Советского Союза и заинтересованность обоих воюющих блоков хотя бы в его нейтральном статусе. Именно так некоторые современные историки расценивают главную выгоду пакта Молотова – Риббентропа для СССР.

Но данное весьма реальное направление возможной стратегии было вскоре изменено Сталиным. Советские лидеры буквально через месяц дополнили пакт Договором о дружбе и сотрудничестве с Гитлером, ввели в действие целую систему взаимодействия между двумя странами (в экономической, политической и идеологической областях).

"Эйфория" в Москве приняла столь широкий характер, что сопровождалась полным прекращением критики фашизма и даже поражающими многих положительными словами о гитлеризме как идеологии.

По линии Коминтерна Сталин, мало считаясь с мнением и положением компартий в странах западной Европы, заставил их (вместе с Г. Димитровым) также отказаться от критики фашизма, что привело к ослаблению и дискредитации компартий.

Одновременно вопреки решению оставаться в стороне от воюющих стран московские лидеры свели до минимума свои контакты с Англией и Францией, отказываясь от более активных связей с Англией (даже от заключения торгового соглашения), опасаясь раздражать Гитлера или вызвать в Берлине хоть какое-либо неудовольствие. И все это, видимо, по мнению Сталина, компенсировалось тем, что с согласия Гитлера Москва смогла реализовать свои давнишние стремления. Примерно в течение года после подписания договора Советский Союз вернул себе часть Польши, населенную украинцами и белорусами, добился включения в свой состав Прибалтики, Бессарабии и Северной Буковины и присоединения после тяжелой войны части территории Финляндии.

Эти приобретения рассматривались прежде всего как "возвращение старых российских территорий, расширение зоны социализма", что должно было усилить военную мощь и геополитические позиции СССР, повысить уровень его безопасности. Не говоря об этом публично, советское руководство через своих дипломатов уверяло руководителей Англии и Франции, что все эти меры должны помешать продвижению Германии на Восток. Западные деятели, в целом умеренно реагировавшие на советские действия по присоединению новых территорий, считали, что они в дальнейшем смогут обострить советско-германские отношения к выгоде для Англии, США и их союзников.

Остается неясным ответ на главный вопрос — считал ли действительно Сталин, что, подписав договоры и взяв линию на сближение с Германией, он избегает будущей войны с ней, что сотрудничеству с Германией суждены многие годы и что с германской стороны эти договоры являются лишь поводом избежать войны на два фронта и не снимают одну из главных целей нацистской Германии — сокрушение Советского Союза. Ответ на этот вопрос чрезвычайно важен, ибо он помогает оценить обоснованность тех или иных мероприятий Кремля и причины игнорирования им некоторых явно недружественных шагов Германии уже к лету 1940 г.

Первым отрезвляющим шоком для СССР стал молниеносный разгром Франции. В мемуарах Н.С. Хрущева описаны настроения паники и замешательства в Кремле после известия об этом: "Сталин сыпал отборными русскими ругательствами и сказал, что теперь Гитлер непременно даст нам по мозгам"³. Британский историк Дж. Робертс в связи с этим событием так озаглавил соответствующий раздел своей книги — «Разгром Франции и конец "антисоветского пакта"»⁴. Над Англией нависла смертельная опасность, и сталинская идея длительной и,

может быть, перманентной войны Германии на Западном фронте подверглась серьезной модификации.

Непосредственно в советско-германских отношениях летом и осенью 1940 г. наметился определенный застой, явно сократились дружественные жесты и появилась поначалу незначительная, но очевидная напряженность в отношениях двух стран по ряду проблем.

Летом и осенью 1940 г. перед советским руководством встал вопрос, что делать дальше. И здесь обнаружилось, что у Сталина фактически не было активного плана действий. Могут возразить, что и пассивная, выжидательная позиция — тоже своего рода решение. Но в любом случае она или служит подготовкой для принятия конкретных шагов, или так и останется проявлением именно отсутствия дальнейшей программы, нежеланием или боязнью по-новому оценить ситуацию и что-либо изменить в соответствии с иной обстановкой.

В этой связи для понимания реальных целей обеих сторон может служить визит Молотова в Германию в ноябре 1940 г. Содержание бесед главы советского правительства с Гитлером и Риббентропом показало, что сотрудничество между двумя странами, начатое год с лишним назад, выдыхается. Как выяснится позднее из опубликованных документов, Гитлер уже принял принципиальное решение о начале войны с СССР, и поэтому его разговоры с Молотовым имели характер отвлекающего маневра. Верные своим методам, нацистские лидеры не хотели раскрывать карт и делали это вплоть до 22 июня 1941 г. В то же время они предложили Молотову совершенно нереальный и эфемерный "евразийский план", по которому интересы России направлялись в район Среднего Востока, поближе к Афганистану, Ирану и Индии, чтобы обострить советско-британские отношения. Одновременно германские лидеры жестко отклонили советские намерения на Балканах.

Большой интерес и много вопросов вызывают планы Советского Союза. И из директив делегации и из хода переговоров видно, что Москва, вероятно, хотела прозондировать намерения Гитлера. В позитивном плане Сталин и Молотов не могли выдвинуть что-то новое, кроме предложения с помощью Германии завершить дело с Финляндией и получить военную базу в Болгарии.

Идея о присоединении Москвы к тройственному пакту носила столь абстрактный характер, что вряд ли могла заинтересовать Москву. Гитлер представил ее в таком "глобальном" и эфемерном плане раздела мира на сферы влияния, что сразу же возникали сомнения в реальности и искренности германских намерений. Молотов фактически вернулся из Берлина ни с чем.

Сегодня мы можем заключить, что время, прошедшее после подписания договора с Германией, показало, что *Советский Союз стал как бы заложником Германии и ее действий*. Это произошло и потому, что в Москве не решились сбалансировать сотрудничество с Германией нормальными отношениями с Англией и Францией и расширением связей с США. Кроме того, Сталин был готов на самый кардинальный поворот в политике, в том числе и в такой священной для СССР области, как идеология и интересы коммунистического движения. Он настолько увлекся, что утратил чувство меры и ощущение реальности. Он поверил заверениям Гитлера, словно забыв сущность тоталитарного нацистского режима, для которого коварство и ложь, насилие и обман были постоянными атрибутами политики. Сталин будто исключал для себя возможность и ошибки, все еще веря, что сможет задобрить фюрера, притупить его бдительность такими бессмысленными жестами, как приветствие по поводу победы над Францией.

Сталин был настолько раздражен реакцией Англии и США на советско-финскую войну, что как будто не обратил внимания на жетский отказ Гитлера в Берлине, когда Молотов предложил довести прежнюю договоренность о судьбе Финляндии до конца. Фюрер тогда цинично сказал главе советского правительства: "Вы и так много заполучили в Прибалтике и в Восточной Европе". Этот, по терминологии Г. Городецкого, "самообман" помешал Сталину и его соратникам объективно оценивать события почти вплоть до конца 1940 г.

В историографии существуют различные точки зрения по поводу того, когда в Москве началась подготовка к так называемой наступательной войне. Да и сам термин "наступательная война" также получил неоднозначное толкование. А.В. Суворову и его сторонникам он служит доказательством подготовки советским правительством превентивного удара по Германии, при этом называется даже дата — 6 июля 1941 г.⁵ Для ряда исследователей переломной датой называется известная речь Сталина на приеме выпускников военных академий 5 мая 1941 г. Существует, однако, и довольно распространенное мнение, что Сталин полностью не осознал опасность надвигающейся войны и не принял должных мер к отражению агрессии. В этой общей палитре взглядов есть и такие: действия советского руководства были, несомненно, правильными, и ему просто не хватило времени для подготовки к войне.

Мы не имеем документов, которые могли бы подтвердить или отвергнуть ту или иную точку зрения. Нам представляется, что осознание советским руководством надвигающейся опасности не может быть сведено к какому-либо дню. Накопление негативной информации началось, видимо, где-то в конце лета

1940 г. А серьезной отправной точкой стали итоги визита Молотова в Берлин в ноябре 1940 г. и германское продвижение на Балканы. Уже в октябре, как отмечает В.А. Невежин, в советских средствах информации начали проследиваться антигерманские нотки⁶. По данным советской разведки, на столе у Сталина стали появляться донесения о возможной подготовке в Германии к нападению на СССР.

Явные советско-германские противоречия в сфере экономических связей также не могли не озадачивать Кремль. Наконец, не только результаты переговоров Молотова в Берлине, но само поведение Гитлера явно свидетельствовали о переменах в планах нацистского руководства. Мы не располагаем точными сведениями, стало ли Сталину немедленно известно об одобрении Гитлером плана "Барбаросса" в декабре 1940 г., но, несомненно, какая-то информация о его существовании не могла не дойти до Кремля.

В конце 1940 – начале 1941 г., как уже неоднократно отмечалось, Германия явно устремилась на Балканы. Присоединение Венгрии и Румынии к тройственному пакту, жесткий ультиматум Болгарии, твердый отказ от признания в этой стране советских интересов и в итоге ее присоединение к пакту, а затем и ввод германских войск в Болгарию наглядно демонстрировали тот факт, что Германия прибирала к рукам Балканский регион. Она действовала вкупе с Италией в противовес Англии, абсолютно, причем уже открыто, не считаясь с Советским Союзом и даже не желая выслушивать его мнение. В Москве понимали, что, проиграв в Болгарии, решившись на прямое обращение к болгарскому руководству, минуя Берлин, СССР лишается едва ли не последних рычагов противодействия Германии.

Оставалась только одна страна, с помощью которой еще можно было вести борьбу, – Югославия. Но, как известно, отчаянные попытки Москвы сохранить свое влияние в Белграде, в результате заключения договора, быстро были пресечены Германией, которая добилась свержения правительства Югославии и затем также ввела туда свои войска.

Таким образом, в сфере геополитики и дипломатии советские возможности были исчерпаны. В области двусторонних экономических и даже политических отношений взаимные упреки и обвинения явно влияли на общий климат взаимоотношений. В то же время для общественности обе стороны продолжали, хотя теперь гораздо реже, делать заявления о сохранении линии на сотрудничество и добрососедские отношения. Впрочем, они делали это вплоть до 22 июня 1941 г.

Посол Шуленбург во время встреч с Молотовым и другими советскими деятелями мало скрывал свое беспокойство и фактически намекал на приближающуюся опасность и на воинст-

венные настроения в Берлине⁷. Об этом же, хотя и в осторожной форме (зная о настроениях Сталина) неоднократно писал в Москву и советский посол в Берлине⁸.

Таким образом, Сталин снова оказался перед необходимостью принимать какое-либо решение. У нас нет никаких свидетельств о заседаниях в Кремле. Видимо, как это было и раньше, решения принимались в узком составе и без протоколов.

Дневник посещений Сталина позволяет отметить, что интенсивность встреч Сталина с наиболее доверенными ему людьми резко усилилась в конце 1940 — начале (особенно в феврале — апреле) 1941 г. Очевидно, именно тогда, т.е. в самом конце 1940 г., а скорее, в феврале — марте 1941 г. и было принято общее решение⁹.

Собственно выбор действий был невелик. Все возможности были исчерпаны значительно раньше. И теперь, в начале 1941 г. уже не могло быть речи о каком-то кардинальном повороте. Гитлер уже захватил почти всю Европу, включая Балканы. Он отказался от решающей битвы за Англию, опасаясь ее превосходства на море и активного вмешательства Соединенных Штатов Америки.

Советское руководство смогло лишь обезопасить себя от возможной войны на два фронта, подписав договор о нейтралитете с Японией, что, несомненно, может быть оценено как успех внешней политики СССР. Оно даже не рассматривало возможность ориентации на Великобританию, которая была слаба и смогла лишь устоять перед Германией. К тому же предложения Черчилля были весьма расплывчаты. Скорее всего, в Москве понимали, что в случае войны логикой событий СССР и Англия так или иначе окажутся в одном лагере.

Сопоставляя самые различные факты, анализируя меры, принятые в СССР в конце 1940—начале 1941 г., и последующие события, внимательно вчитываясь в выступления и замечания деятелей самого различного калибра, можно прийти к обоснованному заключению: в Москве сделали вывод об обострении международной ситуации и приняли решение начать непосредственную подготовку к возможной большой войне.

Поэтому заявление ряда историков о том, что советское руководство перешло от оборонительной к наступательной тактике, является необоснованным. Главное состояло в том, что началась интенсивная подготовка к войне. Это вывод не зафиксирован специальным постановлением, мероприятия были растянуты по времени. Некоторые из них осуществлялись ранее, еще в 1940 г. и были лишь активизированы весной 1941 г., за ними последовали другие.

Намеченные меры касались прежде всего внутреннего развития Советского Союза. Ознакомление с решениями Полит-

бюро и Секретариата ЦК ВКП(б) с середины и особенно с конца 1940 — начала 1941 г. показывает, что практически на каждом заседании речь шла о производстве новых видов оружия, о срочной модернизации армии. Первые шаги в этой области были предприняты сразу же после подведения итогов советско-финской войны, выявившей слабость Красной Армии, ее технической оснащенности и подготовки командного состава. Приведем лишь некоторые факты.

На заседании Политбюро ЦК ВКП(б) в июле 1940 г. было принято решение о дополнительном финансировании опытных работ по самолетостроению, о создании двухместного самолета первоначального обучения, о синхронных оптических прицелах для бомбомета¹⁰. На другом заседании было решено начать изготовление автоматического прибора для вывода самолета из пикирования¹¹, о закупках в Германии новых типов авиационной техники¹², о создании одноместного пикирующего бомбардировщика М-90¹³, об организации производства бронекорпусов и бронемашин к танкам КВ¹⁴ и т.п.

Упомянутые решения принимались в течение июля — августа 1940 г. Их число неизмеримо возросло в конце 1940 — начале 1941 г. В этой связи стоит обратить внимание на слова Сталина, сказанные им на приеме в Кремле после парада и демонстрации 7 ноября 1940 г. Заявив в свойственной ему манере о необходимости "постепенно переучиваться", он заявил: "Мы не готовы для такой воздушной войны, которая идет между Германией и Англией. Оказалось, что наши самолеты могут задерживаться только 35 минут в воздухе, а немецкие и английские — по несколько часов. Если наши воздушные силы, транспорт и т.п. не будут на равной высоте с силами наших врагов (а такие у нас все капиталистические государства и те, которые прикрашиваются под наших друзей!), они нас съедят"¹⁵. Далее Сталин уверял, что, кроме него, никто не занимается этим вопросом и т.д. Г. Димитров писал, что он никогда не видел и не слышал Сталина таким, как в тот вечер¹⁶. В конце ноября Сталин в беседе с Димитровым заявил: "Неправильно считать Англию разбитой. Она имеет большие силы в Средиземноморье. Она непосредственно стоит у Проливов... Наши отношения с немцами вежливы, но между нами есть серьезные трения"¹⁷.

4 февраля 1941 г. во время чествования Ворошилова Сталин как бы начал подводить итоги внешней политики, сказав, что благодаря ей СССР успел и использовал мирные условия. Но проводить политику нейтралитета и быть в стороне от войны помогали армия и флот. "Мы имеем уже 4-миллионную армию наготове для всяких неожиданностей"¹⁸.

На заседании Политбюро и Секретариата ЦК ВКП(б) помимо программ о перевооружении армии постоянно рассматри-

вались вопросы замены военных руководящих кадров. Этот процесс начался после зимней войны и был ускорен в начале 1941 г. Другой вопрос, насколько все эти меры оказались эффективными, но они определенно были усилены. В апреле в соответствии с указаниями СНК и ЦК ВКП(б) были размещены заказы на авиабомбы и взрыватели, принято постановление "О плане текущих военных заказов на II квартал 1941 г.", а в мае — "О производстве танков Т-34 в 1941 г." В мае же предпринят ряд мер по прикрытию государственной границы СССР. 23 апреля вышло партийно-правительственное постановление "О новых формированиях в составе Красной Армии" и утвержден "План проведения сборов высшего начсостава, игр, полевых поездок и учений в округах в 1941 г."¹⁹.

В то же время следует ясно осознавать, что все же главным признаком изменения линии Кремля были не военные приготовления, поскольку программа перевооружений осуществлялась уже длительное время и первые ее результаты (судя по некоторым высказываниям советских военных) планировалось получить в 1942 г., а политика руководства страны в сфере идеологии и пропаганды, в том числе и по линии Коминтерна. Она позволяет наглядно проследить характер и динамику перемен в советско-германских отношениях, а также те направления, по которым советские лидеры готовились к возможной предстоящей схватке с нацистской Германией.

Весь этот процесс был ранее мало изучен в отечественной историографии, и только сравнительно недавно российский исследователь В.А. Невежин ввел в научный оборот значительное число архивных документов, раскрывающих роль пропаганды и агитации, литературы, искусства и науки, перемен в идеологической сфере. По мнению В.А. Невежина, «пропагандистские структуры, вынужденно "законсервировавшие" свою антифашистскую направленность на первом этапе действия пакта Молотова — Риббентропа, уже с лета 1940 г. стали проявлять активность в деле добывания "негатива", направленного против Германии»²⁰. Особенно это стало заметно в конце 1940 — начале 1941 г. Если ранее нередко были случаи, когда представители ряда печатных изданий получали выговоры за любые антигерманские или антифашистские материалы, то теперь ситуация в корне менялась. Статьи или кинофильмы запрещались за излишне "примиренческий и идилический" тон в отношении Германии.

28 августа 1940 г. была принята директива Главного политического управления Красной Армии (ГлавПУ) о перестройке партийно-политической работы. Согласно этой директиве всем Военным советам предписывалось преодолевать настроения благодушия. "Каждый военнослужащий должен быть внутрен-

не отобилизован, с учетом военной обстановки, когда и на Западе и на Востоке полыхает пожар мировой войны”²¹.

В.А. Невежин приводит выдержки из выступления главного идеолога партии А.А. Жданова 30 ноября 1940 г., в котором говорилось об опасном “безмятежном состоянии, о беспечном отношении к вопросам обороны”. Он сослался на сталинское высказывание о необходимости готовиться к неожиданностям, чтобы не быть застигнутыми врасплох, и указал на недостатки в подготовке к возможной войне. Жданов отметил: “Некоторые товарищи приходят в ужас от мысли о неизбежности людских жертв и материальных потерь в грядущей войне. Если придется воевать, то мы должны быть не менее энергичными и не менее жестокими, чем наш военный противник”²².

Спустя более года после эйфории и успокоенности речь главного советского идеолога звучала совершенно по-иному. Как в этом выступлении, так и во многих других речах, а также документах конца 1940 — начала 1941 г. постоянно обращалось внимание на усиление боевой готовности, на необходимость изживать “мирные” настроения беспечности. Создавалось впечатление, что существовала общая установка. В полной мере это стало очевидным в феврале 1941 г., когда недавно назначенный начальник ГлавПУ А.И. Запорожец направил на имя А.А. Жданова подробную докладную записку о состоянии пропаганды среди населения²³. Дневник посещений Сталина фиксирует, что именно в день отправки записки Жданов и Запорожец почти три часа находились в кабинете Сталина²⁴. Данный факт не оставляет сомнений, что записка Запорожца не была его личной инициативой. Она отражала позицию Сталина и Жданова и, вероятно, решения, принятые руководством партии и страны.

Записка Запорожца имела широкий и комплексный характер. В ней предусматривались меры в области пропаганды (в армии и среди гражданского населения), “военизация” пионерской и комсомольской физкультурных организаций, давались поручения издательствам по выпуску литературы о войне и мире, в частности о современной войне. Шла речь и о перестройке научных организаций, Союза советских писателей, Радиокомитета и кинематографии. Им вменялось в обязанность развивать военную пропаганду, даже вести изучение иностранных языков сопредельных стран — “наших вероятных противников”.

Проанализировав записку Запорожца, В.А. Невежин делает вывод: объем предполагаемых мер был столь велик, что вряд ли ее автор сформулировал бы свои предложения, не получив предварительно “добро” у вождя либо у его ближайших соратников²⁵.

Нам представляется, что в данном случае Небезин сужает постановку вопроса. Записка Запорожца явилась следствием общего решения, которое, видимо, было принято в Кремле на рубеже 1940 — 1941 гг. Реализация этого решения предполагала действия и меры по различным направлениям. И одно из них касалось вопросов значительных изменений в содержании и формах пропаганды и агитации среди населения. Среди них важное место отводилось повышению боевого духа Красной Армии.

В течение марта — апреля 1941 г. намеченные меры (не только изложенные в записке Запорожца) начали реализовываться, причем весьма ускоренным способом. Были сняты запреты на многие статьи и произведения литературы и искусства, наложенные в конце 1939 — начале 1940 г. либо за их прямую антигерманскую направленность, либо из боязни вызвать недовольство в Берлине. В прессе дали высокую оценку фильму "Александр Невский", удостоенному Сталинской премии в марте 1941 г.²⁶, несмотря на его откровенную антигерманскую направленность. Тогда же Сталин предпринял демонстративный шаг, лично позвонив писателю И.Г. Эренбургу. Он похвалил намерение писателя показать оккупационную политику фашистской Германии во Франции²⁷. В апреле во время встречи группы кинематографистов с К.Е. Ворошиловым писатель Вс. Вишневский заверил маршала, что "у советских людей налицо готовность к войне против Германии, а также сохранились привитые еще до заключения пакта о ненападении антифашистские настроения"²⁸. Наконец, отметим известный факт, когда югославский посол на двусторонних переговорах сообщил Сталину, что правительство Югославии получило информацию о подготовке Германии к нападению на СССР. Сталин поблагодарил посла и сказал: "Мы готовы, если им, немцам, угодно — пусть пойдут"²⁹.

С 25 марта по 5 апреля был осуществлен новый частичный призыв в Красную Армию, что позволило увеличить ее численность на 300 тыс. человек³⁰. В ряде работ сторонников версии о подготовке Советского Союза к нанесению превентивного удара по Германии в качестве аргументов выдвигалась мысль, что советские руководители объявили "мобилизационную готовность". Представляется, что подобные рассуждения основаны на неправильном толковании слова "мобилизация". В русском языке, как известно, существует двойное значение этого слова: одно — непосредственный призыв в армию, особенно в условиях войны, другое имеет более общий смысл, включая состояние напряжения сил, готовность сконцентрироваться на тех или иных задачах.

Применительно к предвоенным событиям, конечно, речь не шла о какой-либо конкретной мобилизации. Термин "моби-

зационная готовность" употреблялся советскими руководителями еще с весны 1940 г. как призыв не успокаиваться, не почивать на лаврах, а находиться в состоянии готовности к испытаниям или к возможным осложнениям, вплоть до опасности войны.

Одно из первых упоминаний слова "мобилизация" мы находим в докладе Молотова на заседании Верховного Совета СССР 1 августа 1940 г., когда он завершил свое выступление следующим заявлением: «Чтобы обеспечить нужные нам дальнейшие успехи Советского Союза, мы должны всегда помнить слова товарища Сталина о том, что "нужно" весь наш народ держать в состоянии мобилизационной готовности перед лицом опасного военного нападения, чтобы никакая "случайность" и никакие фокусы наших внешних врагов не могли застать нас врасплох»³¹. В дальнейшем, в 1940 г. и особенно в начале 1941 г. слова о "мобилизационной готовности" неоднократно употреблялись деятелями разного уровня, но отнюдь не подразумевали призыв к мобилизации. Речь все же шла о необходимости отказаться от "беспечности", об осознании возросшей внешней угрозы. При этом, разумеется, имелась в виду именно опасность со стороны Германии.

В контексте событий тех месяцев в словах о "мобилизационной готовности" был заложен определенный смысл. Они отражали явное намерение власти подготовить народ к военной угрозе, но отнюдь не предполагали каких-либо определенных шагов.

Обсуждение ситуации и определение мер по подготовке к войне проходило и в органах разведки. П.А. Судоплатов вспоминал в своей книге, что в начале 1941 г. состоялось совещание руководства Разведуправления Красной Армии и оперативного управления Генштаба, на котором обсуждался вопрос о состоянии немецких и японских вооруженных сил. Главным был вопрос — предполагает ли военная разведка и НКВД одновременное начало военных действий против СССР как на Западе, так и на Дальнем Востоке. В итоге было принято решение, доложенное высшему руководству: "Ограничиться активной обороной на Дальнем Востоке и развернуть на западном направлении главные силы и средства, которые были бы готовы не только отразить нападение на Советский Союз, но и разгромить противника в случае его вторжения на нашу территорию". При этом ясно говорилось, что речь идет именно о Германии и ее союзниках³².

В общем комплексе мероприятий, отражающих новый подход к международной обстановке, следует отметить действия Сталина в военной сфере. В середине декабря 1940 г. в Москве было созвано совещание высшего командного состава для выработки мер по преодолению недостатков, отмеченных специальной комиссией ЦК, которая была создана незадолго до сове-

щения³³. Перед его началом и в дальнейшем к Сталину стала стекаться разнообразная информация о подготовке Германии к войне против СССР. Не будем забывать, что и само совещание было созвано вскоре после того, как Гитлер подписал директиву № 21 об операции "Барбаросса" (хотя, может быть, в Москве и не имели об этом подробной информации).

Выступавшие на совещании нарком обороны С.К. Тимошенко и Г.К. Жуков не скрывали своей тревоги по поводу складывающейся обстановки и говорили о необходимости срочных шагов по укреплению обороноспособности страны. В своих воспоминаниях Жуков писал, что сразу после окончания совещания их вызвали к Сталину. Он был мрачен, "это уже был не тот Сталин", которым его привыкли видеть. Чувствовалась его явная обеспокоенность ситуацией и резкой критикой состояния армии и деятельности Наркомата обороны³⁴.

Как следствие, в первой половине января были проведены два войсковых учения, на которых Жуков и его подчиненные проигрывали различные варианты отражения нападения и возможных контрударов Красной Армии³⁵. Учения подтвердили неподготовленность армии к ведению активной и успешной обороны. Известный советский военачальник маршал М.В. Захаров писал в своих мемуарах: "Результаты учений показали, что оперативно-стратегическое мышление большинства командиров высшего уровня далеко от совершенства и требуются дальнейшие кропотливые и непрестанные усилия по оттачиванию навыков руководства и управления крупными формированиями, полному овладению характером современных операций, их организацией и планированием и затем осуществлением их на практике"³⁶.

Констатацией этих факторов дело, как известно, не ограничилось. 13 января 1941 г., т.е. сразу же после учений, Сталин уволил К.А. Мерецкова с поста начальника Генерального штаба и назначил на эту должность Г.К. Жукова. Одновременно были сняты со своих постов многие командиры из высшего командного состава в центре и на местах.

Все эти события явно вписывались в общий контекст того поворота, который происходил в оценке ситуации и выработке действий советского руководства и Сталина в начале 1941 г.

Речь Сталина 5 мая 1941 года

Мы подходим теперь к событию, вокруг которого именно в последние 10 лет развернулись острые дискуссии и споры.

Решения советского руководства в области пропаганды, выступления А.А. Жданова, записка А.И. Запорожца и т.п. оставались неизвестными широким кругам населения. Все это пред-

назначалось как руководство к действию лишь для советского и партийного актива.

Но совершенно очевидно, что назревание войны с могущественным противником требовало ориентации всего населения страны, которому в течение почти полутора лет внушали мысль об устойчивости сотрудничества и даже дружбы с Германией, об успехах советской политики "в деле обеспечения мира для народов Советского Союза". И даже война с Финляндией, а тем более акции по присоединению части Польши и Прибалтики не требовали пропагандистских мер по "военному воспитанию народа". В своей речи на пленуме ЦК ВКП(б) по итогам советско-финской войны Сталин много говорил о настроениях беспечности и "шапкозакайдачества". Теперь же речь шла о подготовке к "большой войне", и требовались неординарные действия и заявления.

5 мая 1941 г. Сталин выступил с речью перед выпускниками военных академий в Кремле. Эта речь также не была опубликована в то время, хотя информация о ней давалась в газетах. Дискуссии вокруг выступления советского лидера сразу же приобрели и продолжают носить характер некой мифологии. Сведения о содержании речи проистекают из двух источников — из воспоминаний военачальников, присутствовавших на заседании, и из материалов допросов советских военнопленных, пущенных в оборот нацистской пропагандой еще в годы войны и служивших оправданием при нападении Германии на СССР: Гитлер и Геббельс заявили 22 июня 1941 г., что они якобы упредили советское наступление.

Но особенный всплеск и остроту проблема получила после выхода в свет книг А.В. Суворова³⁷. В значительной мере его утверждения о том, что Москва готовила превентивную войну против Германии, базировались именно на речи Сталина 5 мая 1941 г., хотя при издании его первой книги текст речи еще не был опубликован.

В многочисленных книгах и статьях российских и зарубежных авторов были выдвинуты разнообразные версии об этой речи, записи которой впервые в России были опубликованы лишь в 1990 и 1995 гг.³⁸ Некоторые историки, стоящие на "крайних" позициях, уверяли, что в этой речи Сталин изложил программу наступления против Германии и что вместе с планом, предложенным Жуковым и Тимошенко, она составила основу для нанесения превентивного удара против Германии, названного Сталиным "наступательной войной". Другие авторы оценивали эту речь как чисто пропагандистское выступление, не имеющее практического смысла и не связанную ни с какими планами "наступательной войны". Ряд авторов заняли компромиссную позицию.

Прежде чем высказать свои соображения, обратимся к изложению основных положений речи. Сталин разделил ее на две части. В первой он говорил о состоянии боевой подготовки Красной Армии. Основной его тезис сводился к тому, что после завершения процесса перевооружения Красная Армия стала "современной армией", которая извлекла уроки из войны против Финляндии и "из современной войны на Западе".

Во второй части, повторив свои прежние замечания о причинах побед Германии в 1940 – 1941 гг., Сталин заявил, что немецкая армия хорошо училась и критически пересмотрела причины своего поражения в 1918 г., лучше вооружила армию, обучила ее новым приемам ведения войны. Он подчеркнул, что немцы потерпели поражение в 1916 – 1917 гг., потому что вели войну на два фронта, чего не произошло теперь.

Далее им был поставлен вопрос: действительно ли германская армия непобедима, и сам же ответил на него: "В мире нет и не было непобедимых армий". "Сейчас германская армия идет с другими лозунгами, чем это было при начале войны. Она сменила лозунги освобождения от Версаля на захватнические", но германская армия "не будет иметь успеха под лозунгами захватнической, завоевательной" войны.

Ряд историков приводят отзывы некоторых свидетелей, которые цитируют места, не попавшие в официальное изложение речи. К ним относятся прежде всего слова о том, что Сталин критически отозвался об агрессивных действиях Германии, связав это с такой ответной советской мерой, как якобы прекращение поставок стратегического сырья и зерна из Советского Союза. Затем, по некоторым свидетельствам, Сталин якобы сказал о неизбежности вооруженного столкновения с Гитлером, и если нарком по иностранным делам и его аппарат "сумеют оттянуть начало войны на два – три месяца – это наше счастье"³⁹.

По данным другого свидетеля – писателя В.В. Вишневского были сказаны и такие слова: «Под лозунгами против Версаля Гитлер одержал ряд успехов, но впереди – большая борьба; поскольку Франция и Англия потерпели поражение от Германии, то "большая борьба" будет вестись с другими державами, имея в виду США и Советский Союз»⁴⁰. По сведениям А. Верта, Сталин также заявил: "Англия еще не побеждена, и роль американского потенциала будет все возрастать"⁴¹.

На этом официальная часть встречи с выпускниками военных академий была закончена. После этого состоялся традиционный банкет, во время которого Сталин сделал заявление, вокруг которого развернулись (и продолжают) столь острые споры и дискуссии. Нам известно его содержание из записки К. Семенова. В связи с предложенным тостом "За мирную ста-

линскую внешнюю политику" советский лидер неожиданно прервал оратора и сказал буквально следующее:

"Разрешите внести поправку. Мирная политика обеспечивает мир нашей стране. Мирная политика дело хорошее. Мы до поры до времени проводили линию на оборону — до тех пор, пока не перевооружили нашу армию, не снабдили армию современными средствами борьбы. А теперь, когда мы нашу армию реконструировали, насытили техникой для современного боя, когда мы стали сильны — теперь надо перейти от обороны к наступлению.

Проводя оборону нашей страны, мы обязаны действовать наступательным образом. От обороны перейти к военной политике наступательных действий. Нам необходимо перестроить наше воспитание, нашу пропаганду, нашу агитацию, нашу печать в наступательном духе. Красная Армия есть современная армия, а современная армия — наступательная"⁴².

По сведениям присутствующего на банкете Э. Муратова Сталин добавил:

"Основная угроза СССР исходит от Германии, а спасти Родину может лишь война против фашистской Германии и победа в этой войне. Я предлагаю выпить за войну, за наступление в войне, за нашу победу в этой войне"⁴³.

В дневниковой записи Г. Димитрова эта фраза Сталина изложена так:

"Наша политика мира и безопасности есть в то же время политика войны. Нет обороны без наступления. Надо воспитывать армию в духе наступления. Надо готовиться к войне"⁴⁴.

В различных книгах, со ссылкой на те или иные источники, приводятся версии этих слов. Но все авторы сходятся во мнении, что Сталин призвал к наступательным действиям и к подготовке к войне. В.А. Невежин ссылается на некоторые источники, согласно которым советский лидер призывал к "расширению социализма силой оружия". Но такие слова нигде не подтверждаются. Вряд ли он мог позволить себе так говорить, учитывая его известную осторожность.

Сакраментальные слова Сталина о "наступательной войне" стали теми аргументами, на основе которых В.А. Суворов и его сторонники утверждали, что он именно тогда призвал готовиться к нападению на Германию, т.е. фактически сформулировал и идею "превентивной войны".

Итак, каков же был реальный смысл, цели и содержание сталинской речи. Главное, по нашему мнению, состоит в том, что это выступление явилось составной частью мероприятий, которые вытекали из изменения советского внешнеполитического курса в первые месяцы 1941 г.

Сталин не появлялся на публике уже длительное время, и его короткие заявления 5 мая 1941 г. явно имели программный и нарочито неординарный характер. Речь и, разумеется, реплики

не были напечатаны, они предназначались для узкого круга, но Сталин и его окружение исходили, очевидно, из того, что основные идеи станут известны активу Красной Армии. Поэтому адресат сталинских заявлений был довольно широк — они были обращены к партийному, советскому и военному активу, не исключалась и утечка об этом за границу.

Мы уже отмечали, что следствием перемены стали новые установки идеологическому и пропагандистскому аппарату. Их озвучивание и реализацию взяли на себя А.А. Жданов и его приближенные. Теперь в качестве аудитории был выбран армейский актив. Подчеркиванием значения этого стало то, что новые идеи провозгласил сам Сталин.

Анализируя речь советского лидера, можно прийти к следующим выводам:

1. Центральным пунктом стало указание на коренные изменения международной обстановки, прежде всего характера войны со стороны Германии. Глава страны как бы оправдывался за союз с Гитлером, отделив начальный этап войны, когда Германия шла под антиверсальскими лозунгами, от последующих событий, когда она перешла к реализации захватнических целей. Советский лидер нашел удобную форму сравнения действий Гитлера с эпохой Наполеона, когда также менялись цели войны. И поэтому вся советская политика получила не только объяснение, но и оправдание. А то, что Сталин постоянно думал об этом, говорит его частое возвращение к объяснению причин и сущности союза с Гитлером, включая и его речь уже после победы.

С учетом этой логики он мог оправдывать и свертывание критики фашизма после подписания пакта с Германией и другие мероприятия.

2. В новой ситуации менялся и главный враг Советского Союза из постоянно враждебного капиталистического окружения. Сталин не упоминал (это делали постоянно и он и его соратники) Англию как главного поджигателя войны и США как страну с наиболее захватническими целями. Теперь основным противником страны социализма становилась Германия. Сталин не развивал эту тему, но упомянул ее ясно и прозрачно. И если учесть, что двумя месяцами раньше соответствующие указания были даны средствам пропаганды, которые постепенно возвращались к критике фашизма и это же было разрешено компартиям, то теперь они доводились до армии.

3. В этих условиях страна должна была отказаться от "настроений благодушия и успокоенности, мобилизоваться, проникнуться боевым духом". Важной задачей было и преодоление пацифистских настроений, ориентация на активную воинственную критику империализма и агрессивных завоевательных войн, которые империализм вел и ведет в настоящее время.

Москва как бы возвращалась к идеологии и риторике 30-х годов в освещении проблем войны и мира, важными элементами которой была и критика так называемого абстрактного пацифизма.

4. Спустя год после своего выступления на пленуме ЦК по итогам советско-финской войны, когда и техническое состояние армии и способы ведения войны были подвергнуты довольно резкой критике, Сталин взял иной тон. Он внушал мысль, что благодаря принятым мерам страна имеет современную армию.

В разное время он особенно негативно отзывался об оснащении авиации, но сейчас, по словам советского руководителя, ситуация улучшилась, и самолеты отвечают современным требованиям. Сталин пытался обосновать, что он успешно использовал союз с Германией для перевооружения армии.

5. В этом же контексте развивалась идея о том, что нельзя считать германскую армию непобедимой. Он снова связал это с изменениями ее целей. Теперь, когда она перешла к захвату чужих территорий, изменился ее дух и боеспособность. И как следствие она перестала быть непобедимой. И в этом случае Сталин как бы оправдывал свои прежние слова и линию советской пропаганды, превозносившие силу немецкого оружия, ее техническую оснащенность, превосходство над армией Франции и других стран Европы. Призывая готовиться к войне, советский лидер должен был явно снизить боевые возможности предполагаемого противника, чтобы преодолеть и в армии и у населения настроения беспокойства перед мощью германской армии, особенно с учетом его слов о том, что Красная Армия стала сильной современной армией.

Трудно сказать, насколько реально Сталин верил в боеспособность Красной Армии. Он словно успокаивал себя и старался внушить уверенность другим. Хотя надо иметь в виду, что программа перевооружения Красной Армии была рассчитана, как мы отмечали, до 1942 г.

Однако Сталин все же недооценивал силу германской армии и переоценивал возможности Красной Армии. Как известно, утверждения о качестве советских самолетов и танков в большой мере оказались блефом, они как раз не соответствовали требованиям современной войны, и понадобились огромные усилия, чтобы уже в условиях войны провести кардинальное перевооружение советских вооруженных сил. И когда мы справедливо упрекаем советское руководство за плохую подготовку к войне, то имеем в виду и техническое состояние армии, и явные упущения в оперативном управлении, и отсутствие учета современного опыта ведения войны.

Поэтому следует признать, что в словах Сталина 5 мая было больше пропагандистского смысла и как раз тех настроений самоуспокоенности, против которых он и выступал.

6. В заключение остановимся на наиболее сложном вопросе, касающемся понятия "наступательной войны". Мы уже отмечали различные точки зрения, имеющиеся в исторической литературе.

Существуют как бы два значения термина "наступательная война". Одно — более обиходное и привычное для сталинской терминологии. Неоднократное употребление в речи слов "наступательный дух", "переход от обороны к наступлению", "наступательная война" и т.п., по нашему мнению, вписывалось в общую тональность его призывов к активности, к мобилизационной готовности, к преодолению беспечности и благодушия. Кроме того, оно также совмещалось с акцентом на изменение ситуации в связи с переходом Германии к захватнической войне. Советский лидер как бы объяснял, что на первом этапе, в условиях тесного союза и сотрудничества с Германией, Советский Союз мог довольствоваться стратегией обороны и накопления сил и не противодействовал Гитлеру. Теперь же обстановка диктовала переход к наступательной стратегии.

Употребление понятия "наступательная война" означало и изменение в старых лозунгах и чисто военных установках. Прежняя идея, что "мы не отдадим врагу ни пяди своей территории", теперь представлялась Сталину, видимо, уже недостаточной. Речь шла, очевидно, о том, что война может вестись на вражеской территории и привести к расширению социализма.

Итак, понятие "наступательная война" означало скорее общий призыв, некое иносказание, нежели идею непосредственного упреждающего удара и установку на превентивную войну, тем более с указанием конкретной даты, как это делает Суворов и его адепты. В этом плане второй смысл понятия "наступательная война", означавший именно планы подготовки нападения на Германию, не подтверждается ни реальным состоянием армии, ни политической ситуацией, ни иными факторами.

Как известно, для начала наступление (как пишет Суворов, 6 июля) нужна была многомесячная подготовка. Между тем непосредственной подготовки даже к тактическому развертыванию армии не производилось вплоть до самого нападения Германии. В отношениях с возможными союзниками — Англией и США в апреле — июне 1941 г. ничего нового не происходило, не было ни намеков, ни зондажей.

Речь Сталина явно нацеливала армию и народ на общий настрой к предстоящей войне с Германией, но не на конкретные сроки возможного столкновения. Правда, и мы уже цитировали эти слова, однажды Сталин сказал, что если Молотов и его дипломаты дадут нам 2—3 месяца передышки, то это "будет прекрасно". Может быть, этим руководствуются сторонники суворовской версии, когда они прибавляют именно два месяца

к дате 5 мая. Но это шло не от реальностей. Сталинские слова о 2—3 месяцах означали, скорее, расхожее выражение, чем чисто конкретный смысл.

Таков был смысл и направленность сталинских высказываний 5 мая 1941 г. Они составили один из важных и ключевых компонентов политики переориентации, решение о проведении которой было принято, по нашему мнению, в начале 1941 г. Она стала реализовываться в области идеологии и пропаганды.

В то же время отметим, что все эти заявления не были рассчитаны на публикацию. В печати и в общении с немцами Москва соблюдала осторожность. Советские официальные лица уверяли, что, хотя отношения с Германией обострились, СССР сохраняет приверженность прежним с ней договоренностям.

В связи с оценкой сталинской речи 5 мая и с вопросом о так называемой превентивной войне в исторической литературе обсуждается записка, составленная Г.К. Жуковым и С.К. Тимошенко и адресованная Сталину, с подробным описанием упреждающего удара Красной Армии против немецких войск. В записке отмечаются направления ударов и продвижение советских войск, их состав и численность⁴⁵. Для суворовской версии эта записка является чуть ли не решающим аргументом.

Однако укажем, что записка представляет собой черновую рукописную запись с чьими-то пометками (но ясно, что не Сталина) и может быть одним из документов, оставленным в оперативном управлении Генштаба. Исходя из нашей версии, что в начале 1941 г. было принято политическое решение о подготовке к возможной войне, представляется, что указания об этом получили различные ведомства и, конечно, руководящий состав Красной Армии. Нет ничего удивительного, что в числе различных подготавливаемых в Генштабе вариантов мог быть и такой, в котором говорилось и о нанесении упреждающих ударов. Составление подобных вариантов входило в обычную практику любого военного ведомства. Они вполне укладывались и в сталинские идеи, изложенные 5 мая, о "переходе от обороны к наступлению". Собственно эта записка явилась как бы продолжением тех предложений и планов, которые готовились в Генеральном штабе и ранее. Одна из записок была составлена еще летом 1940 г.⁴⁶ Другие возможные варианты действий излагались в выступлениях С.К. Тимошенко и Г.К. Жукова на совещании командного состава Красной Армии в декабре 1940 г.⁴⁷

Во всех этих планах споры шли о том, где лучше всего концентрировать наибольшие силы — в районе Польши или на южном направлении и т.д.

Существование подобных документов вполне объяснимо, но никаких конкретных последствий они не имели. Неизвестно

даже, дошла ли записка до адресата. Нет сведений ни о какой реакции Сталина на нее. Она так и осталась одним из черновых проектов Генерального штаба Красной Армии.

Подтверждением характера намечаемых мер может служить и последовавшее буквально в тот же день 5 мая решение о назначении Сталина на пост Председателя Совета Народных Комиссаров (вместо В.М. Молотова). Таким образом, в его руках концентрировалось не только высшее партийное руководство, но и обязанности главы исполнительной власти. Совершенно очевидно, что это говорило о чрезвычайном положении.

По иронии судьбы это происходило ровно два года спустя после назначения Молотова на пост наркома по иностранным делам вместо М.М. Литвинова. Тогда это означало поворот от ориентации на соглашение с Англией и Францией в сторону Германии. Теперь, видимо, принятое решение должно было свидетельствовать о переходе от партнерства с Германией к подготовке войны с ней, поскольку, судя по многочисленным фактам, нацистское руководство брало курс на войну против Советского Союза.

В течение мая – июня шли совещания в различных ведомствах страны, на которых осуждались необходимые меры во исполнение сталинских указаний.

8 – 9 мая в Секретариате ЦК ВКП(б) прошла встреча редакторов центральных газет и журналов. С докладом выступил секретарь ЦК А.С. Щербаков. Фактически он повторил основные положения сталинской речи от 5 мая: и о “смене лозунгов”, и об изменении характера войны (даже сравнение Гитлера и Наполеона), о необходимости преодолеть “самодовольство”, “развеять миф о непобедимости германской армии”, о перестройке армии на основе учета опыта войн, наконец, призыв к наступательной войне⁴⁸. Секретариат ЦК решением от 9 мая дал указание действовать в духе сталинских идей.

Подобные совещания были проведены и среди деятелей творческой интеллигенции. На большом совещании кинематографистов выступал А.А. Жданов. Он заявил, что “генеральная линия” руководства предполагала в том числе и расширение “фронта социализма” (он привел примеры Прибалтики, Западной Украины и Западной Белоруссии, Бессарабии и Северной Буковины). “Если обстоятельства нам позволят, то мы и дальше будем расширять фронт социализма”, – заявил Жданов, назвав это генеральной целью. Он призвал “прививать народу непримиримость к врагам социализма, готовиться нанести смертельный удар любой буржуазной стране или любой буржуазной коалиции, а главное, воспитывать людей в духе активного, боевого, воинственного наступления”. Жданов также прямо заявил, что “столкновение между нами и буржуазным миром будет и мы обязаны кончить его в пользу социализма”⁴⁹.

Как видно, Жданов развивал сталинские положения, также как бы оправдывая прежнюю политику страны. Он ни слова не сказал о сотрудничестве с Германией, зато повторил тезис о нашей независимости и самостоятельности. Наконец, он прямо признал неизбежность столкновения СССР с буржуазным миром.

14 мая было созвано совещание по вопросу "политзанятий в Красной Армии" с участием А.А. Жданова, Г.М. Маленкова и руководства Красной Армии⁵⁰. 20 мая на собрании работников аппарата Президиума Верховного Совета выступал М.И. Калинин, который также говорил в духе сталинской речи, в том числе и о "расширении зоны коммунизма". Выступая 5 июня перед выпускниками Военно-политической академии, он заявил: "Мы не знаем, когда будем драться: завтра или послезавтра, а при таких условиях нужно быть готовым сегодня"⁵¹. Советские лидеры явно возвращались к риторике прежних лет, направляя главное внимание на поднятие "боевого духа", на наступательный характер всей идеологической работы.

Зная особенности процесса принятия решений в советском и партийном руководстве, можно с большой степенью уверенности сказать, что, взяв курс на подготовку к возможному столкновению с Германией, оно пропагандировало и разъясняло его в своих выступлениях перед различными аудиториями. Не вызывает сомнений, что в их основе лежала речь 5 мая 1941 г., которая была не обычным сталинским экспромтом, а заранее обдуманное выступление, разумеется, в привычном для советского вождя обрамлении.

* * *

В данном контексте стоит обратиться к теме, которая также служит в течение многих лет предметом острых дискуссий и догадок. Речь идет о тех многочисленных предостережениях и информации, которая стекалась к Сталину о готовящемся в самое ближайшее время нападении Германии на Советский Союз.

Донесения из различных источников в большинстве случаев поступали начальнику Разведывательного управления Красной Армии Ф.И. Голикову, наркому внутренних дел Л.П. Берия и наркому государственной безопасности В.Н. Меркулову, которые передавали их Сталину. Например, еще 20 марта 1941 г. Голиков направил Сталину сводную записку обо всех военных передвижениях. Однако общий вывод Голикова состоял в том, что наиболее вероятно военные акции против СССР начнутся после победы Германии над Англией или после заключения почетного мира Англии с Германией⁵².

В публикации документов "1941 год" собраны практически все известные донесения из самых различных источников о готовившемся нападении Германии на Советский Союз⁵³. Поток

таких сообщений особенно усилился с начала апреля 1941 г. В них речь шла и о крупных передвижениях немецких войск к границам СССР, и о подготовке германских учреждений к войне, и о деятельности немецкой дипломатии по привлечению к предстоящему походу против Советского Союза государств, находящихся в орбите германского влияния.

В течение всего апреля и особенно в мае во многих донесениях советских резидентов из Германии и других стран подробно перечислялись и назывались те немецкие части, которые перемещались из восточной части Германии по польской территории и размещались совсем вблизи границ Советского Союза. Наиболее часто подробные сообщения, попадавшие к Сталину, поступали от советских резидентов, действовавших под кличками "Лицеист", "Корсиканец", "Захар" и "Марс" из Будапешта, "Софокл" из Белграда, "Старшина" из Берлина, источников в германском министерстве авиации и т.д.

В апреле — мае к Сталину направились уже сводные данные, составленные в Наркомате госбезопасности от В.Н. Меркулова и в Разведуправлении Генерального штаба Красной Армии (от Ф.И. Голикова). В этих материалах приводились подробные данные о перемещениях немецких войск, о распоряжениях разных германских ведомств, о заседаниях в Берлине с участием представителей германского высшего руководства, в том числе и военного командования, об инструкциях германским дипломатам. Во многих донесениях называются различные конкретные даты предстоящего нападения. (В основном они варьировались по времени от конца мая до середины июля 1941 г.)

В своей совокупности все эти данные должны были составить у Сталина представление о том, что Германия усиленно готовится к нападению на СССР в самое ближайшее время. Подобные сообщения шли и в июне 1941 г.

В сборнике приведена сводная таблица сообщений агентов из Германии о ее подготовке к войне против СССР за период с 6 сентября 1940 по 16 июня 1941 г. Информация в Москву шла помимо советских резидентов в Германии также из других стран (из Японии от Зорге), от немецких антифашистов, в том числе и от перебежчиков — солдат, находившихся на советско-германской границе, буквально накануне войны. Мы уже упоминали, что югославский посол в Москве сообщил Сталину по поручению своего правительства о готовящемся нападении Германии на СССР, о чем его информировал германский министр во время беседы. О том же уведомлял Сталина премьер-министр Великобритании в специальном послании. Сигналы шли и из Вашингтона.

Во всех донесениях примерно назывались совпадающие сроки нападения — последняя декада июня 1941 г. (а Зорге, как

известно, назвал даже точную дату — 22 июня)⁵⁴. На многих из них имеются пометки Сталина. Он, как правило, в резкой форме выражал неодобрение или несогласие с предупреждениями, часто даже бранными словами в адрес "так называемых информаторов и резидентов"⁵⁵. По воспоминаниям Ф.И. Голикова, он боялся докладывать Сталину о предупреждениях, зная его раздраженную реакцию на подобные донесения.

Сталин считал (выразив это в виде пометки на одном из агентурных донесений), что это была дезинформация, в большинстве случаев подготовленная в Англии с единственной целью столкнуть Германию и Советский Союз.

Особые вопросы вызывает такая сталинская реакция в начале 1941 г., когда руководство страны, обеспокоенное политикой Германии, начинает готовить народ к предстоящей войне. И в этой ситуации Сталин не хочет верить никому, даже сообщениям перебежчиков с немецкой стороны.

Многие исследователи пытались трактовать подобный феномен, когда лидер страны в критический момент не желал прислушиваться к многочисленным предупреждениям. Ряд историков определяют подобную реакцию как "необъяснимую, иррациональную", серьезным образом повлиявшую на неподготовленность страны к отражению агрессии.

Существуют различные объяснения такой позиции вождя, включавшей политические и психологические факторы. В общем их комплексе, оказывавших, видимо, влияние на Сталина, следует отметить и информацию о разногласиях в высших кругах Германии. Вероятно, она искусно подбрасывалась из Берлина не только в Москву, но и в другие страны. Ее главный смысл состоял в том, чтобы показать, что немецкие военные выступали за войну на Востоке, в то время как многие политические деятели, особенно из ведомства Риббентропа, были готовы к продолжению сотрудничества с Москвой. Сведения такого рода поступали к Сталину от советской агентуры и докладывались ему главой Наркомата госбезопасности Меркуловым и руководителем военной разведки Голиковым. В некоторых даже говорилось о "расколе" в немецком руководстве. Об этих донесениях подробно рассказывает в своих воспоминаниях Р. Судоплатов. Информация поступала из Лондона и Стокгольма, а также из советского посольства в Берлине.

20 марта 1941 г. Голиков направил Сталину подробный отчет, как бы обобщающий всю информацию. По мнению главы советской военной разведки, в германских правящих кругах существуют две противоположные точки зрения. Одна из них заключается в том, что СССР в настоящее время слаб в военном отношении, поэтому следует использовать удобный момент и вместе с Японией покончить с СССР и освободиться

от пропаганды и от домоклова меча, висящего все время над Германией. Другая состоит в том, что русские солдаты сильны в обороне, это доказано историей. Рисковать нельзя. Лучше поддерживать с СССР хорошие отношения⁵⁶.

Идею о разногласиях продвигал и посол Шуленбург, пытаясь уговорить Сталина не делать поспешных выводов, а продолжать посылать сигналы в Берлин, даже в виде личного послания Гитлеру. Известно, что Шуленбург, находясь в Берлине, был принят Гитлером и стремился убедить фюрера в продолжении сотрудничества с Советским Союзом. Гитлер не раскрывал ему всех карт. Шуленбург, хотя и чувствовал, что ситуация становится критической, все же еще питал какие-то иллюзии. Эта линия послы прослеживается во многих его донесениях в Берлин, в беседах с дипломатами других стран. Она видна из мемуаров Риббентропа, из книги советника германского посольства в Москве Хильгера и других источников. О серьезных разногласиях между группой Геринга и Риббентропа в связи с отношениями с СССР говорится и в одном из сообщений агента из Берлина⁵⁷.

В таком же контексте следует оценить и усиленно распространяемые слухи о готовящемся широком соглашении Москвы и Берлина о новом разграничении сфер интересов, о согласии СССР предоставить Германии серьезные экономические привилегии на Украине. Информация об этом приходила к Сталину из Лондона (со ссылками на Foreign Office) и от хорошо информированных шведских дипломатов. Г. Городецкий даже так озаглавил одну из глав своей книги, посвященных 1941 г. — "Политика уступок агрессору. Новый германо-советский пакт?"

В некоторых материалах от апреля 1941 г. из Берлина от источников, заслуживающих доверия, содержится информация о подготовке "некоего ультиматума"⁵⁸, который Германия намеревалась предъявить Советскому Союзу. Последующее изучение германских документов показало, что никакой подготовки ультиматума не было. Зато 30 апреля Сталину было доложено о предстоящих немецких экономических требованиях по вопросам, связанным с поставкой сырья. Через несколько дней поступило сообщение, что вся концентрация войск — это лишь средство давления на СССР, а 8 мая — информация о том, что вопрос об ультиматуме продолжает обсуждаться в немецких правящих кругах.

25 мая в одном из донесений выражалась уверенность, что сосредоточение немецких войск на границе ставит одной из целей сделать Сталина более сговорчивым в вопросах поставки в Германию необходимых ей товаров и особенно нефти. Не отрицая наличие планов военных действий, информатор заявлял, что военные вообще любят составлять различные планы на всякий случай⁵⁹.

Важнее, вероятно, что все эти донесения, а скорее всего намеренная дезинформация из Берлина, вполне соответствовали предположениям Сталина и особенно Молотова о возможной "большой игре", которая позволила бы Москве избежать конфликта летом 1941 г. Интересно, что Молотов в последний раз употребил слова о "большой игре" в разговоре с Г. Димитровым 21 июня 1941 г.⁶⁰ Именно этим объясняются и постоянные попытки Молотова завязать через Шуленбурга новый обмен мнений с германскими лидерами, в том числе по вопросам, о которых Гитлер и Риббентроп говорили Молотову в Берлине в ноябре 1940 г.

В эту схему укладываются и донесения Сталину о том, что немецкое руководство рассматривает вопрос о наращивании военных действий против Англии⁶¹. Другая версия, также доходящая до Москвы, состояла в том, что существует опасность возможного соглашения Берлина с Лондоном. Она имела целью усилить недоверие Сталина к британскому руководству, в том числе и к предостережениям Черчилля.

В любом случае вся эта информация порождала у Сталина сомнение к сведениям о близком нападении Германии, создавая ощущение, что у него еще есть резервы для различных маневров в отношении Германии. И в этих условиях советский лидер еще более уверовал, что он не должен давать никакого повода Гитлеру для нападения на Советский Союз. Подобная реакция отражала и некоторые общие подходы Сталина к складывающейся ситуации. Принятие решения о подготовке к войне с Германией сочеталось с приверженностью ко многим прежним установкам. В течение января – июня 1941 г. многие советские руководящие деятели неоднократно повторяли, особенно в разговорах с немцами, что СССР продолжает взятый ранее курс и по-прежнему настроен на сотрудничество с Германией.

Существует довольно распространенное мнение, что Сталин не верил или не хотел верить всем предупреждениям из-за боязни дать немцам повод спровоцировать нападение, надеясь на максимальное оттягивание времени.

В этой точке зрения также есть доля истины, но, как нам кажется, есть и другие объяснения. Оценив ситуацию и приняв ряд мер внутри страны, Сталин все же не решился ни на смену курса, ни на решительные действия по приведению страны и армии в боевую готовность. Москва по-прежнему тщательно выполняла свои экономические и торговые обязательства. Известно, что последний советский поезд с зерном и со стратегическим сырьем отправился в Германию буквально накануне германского нападения – в ночь на 22 июня 1941 г.

Мы уже упоминали слова английского посла Ст. Криппса о том, что СССР проводил политику "экономического умиротворения Германии". Как показали события второй половины

1940 — первой половины 1941 г., Сталин отверг и глобальные политические "предложения" Германии (что подтверждает визит Молотова в Берлин), Москва постоянно критиковала все случаи нарушения Германией прежних договоренностей, в том числе и по экономическим вопросам. Но в конечном счете и Молотов и Сталин шли немцам навстречу, соглашаясь на серьезную диспропорцию в экономических поставках в пользу Германии и продолжая поставлять в Германию стратегическое сырье — нефть, зерно и т.д.

Видимо, Сталин полагал, что столь сильная заинтересованность Германии в этих поставках из СССР будет влиять на гитлеровское руководство и станет сдерживающим фактором в его планах нападения на СССР. Очевидно, это обстоятельство также влияло на боязнь Сталина спровоцировать Гитлера и давало ему надежду на оттягивание сроков приближения войны. Именно поэтому Сталин и Молотов уверяли Шуленбурга, чтобы он сообщал в Берлин о намерении Москвы сохранять сотрудничество с Германией.

В течение марта — июня 1941 г. немецкие самолеты постоянно нарушали воздушное пространство Советского Союза. Советское руководство фиксировало это, иногда делая заявления и выражая протесты, но дальше этого дело не доходило. Неоднократные попытки Г.К. Жукова и других военных, приближенных к Сталину, убедить его дать указания о приведении в боевую готовность хотя бы некоторые контингенты войск Западного округа наталкивались на сопротивление. В итоге он решился на эти ограниченные шаги лишь в самые последние дни перед германским вторжением.

И только 9 — 11 июня, очевидно, в Кремль из разных источников поступила надежная информация о возможном нападении Германии на СССР в самое ближайшее время. Об этом сообщали и резиденты, и послы из многих стран.

Неизвестно, знали ли в Москве, что 10 июня главнокомандующий сухопутными войсками Германии генерал Гальдер издал распоряжение, в котором определенно указывалось, что нападение на СССР намечено на 22 июня 1941 г.⁶²

Вне зависимости от этого приказа в те же числа нарком госбезопасности СССР дал инструкции наркому госбезопасности Украины по проведению срочной разведдеятельности в связи с военными приготовлениями Германии. 11 июня Военный совет Киевского военного округа просил С.К. Тимошенко разрешить провести ряд подготовительных военных мероприятий, на что, может быть, впервые он дал согласие⁶³. И хотя эти меры были ограниченными, в тот же день Г.К. Жуков отменил их⁶⁴. Видимо, это стало следствием немедленного вмешательства лично Сталина. И только 21 — 22 июня войска Западного военного округа

получили директиву: в связи с возможным нападением немцев 22 — 23 июня войскам приказывалось скрытно занять огневые точки на государственной границе. Одновременно следовало обычное предупреждение не поддаваться на провокационные действия⁶⁵.

Выше отмечалось, что советский полпред в Соединенных Штатах Америки Уманский в конце 1940 — начале 1941 г. имел немалое число встреч с представителями Государственного департамента. Москва не возражала против этих контактов, но на какие-либо шаги не шла. Видимо, именно в связи с этим госсекретарь США Уоллес и сказал в сердцах, что он не понимает русских, которые ничего не предпринимают в критические для них дни. Очевидно, Сталин решил, что в случае начала войны союз с США и Великобританией будет неизбежен, а пока, мол, незачем торопить события, а главное — не давать Гитлеру повода проявить недовольство или даже спровоцировать его на агрессию.

Сталин, видимо, продолжал действовать в расчете на хотя бы эфемерную возможность чем-то заинтересовать Гитлера. В какой-то мере Сталин внутренне постоянно искал оправдания за подписанный пакт с Гитлером. Он ведь искренне верил, что перехитрил всех, в том числе Гитлера. Но постепенно становилось очевидным, что немецкий диктатор не только больше в нем не нуждается, но даже игнорирует его. Так, в апреле 1941 г. в разговоре с Г. Димитровым Сталин неожиданно высказал идею о возможной ликвидации Коминтерна. Конечно, все события после заключения советско-германских договоров в августе — сентябре 1939 г. нанесли сильный удар по коммунистическому движению, прежде всего в Западной Европе, и во многом дискредитировали Коминтерн. Но не это лежало в основе сталинской идеи.

Вспомним, что еще в середине 1940 г. нацистское руководство зондировало почву о возможном присоединении Советского Союза к Антикоминтерновскому пакту. Этот вопрос стал едва ли не центральным на переговорах Молотова в Берлине в ноябре 1940 г. Тогдашний глава советского правительства, выполняя личную директиву Сталина, не пошел на договоренности с Гитлером по этому вопросу, потому что не видел реальных выгод от привлекательных немецких предложений. Его явно не соблазняла весьма эфемерная гитлеровская идея о каком-то "евразийском соглашении", предполагавшем направление советских устремлений и интересов в район Центральной Азии, к Афганистану и Индии.

И вот неожиданно в апреле 1941 г. советские дипломаты возвращаются снова к этой теме и дают через Шуленбурга сигнал в Берлин, что в Москве готовы благожелательно рассмотреть вопрос о присоединении к Антикоминтерновскому пакту.

Не вызывает сомнений, что сталинская идея о роспуске Коминтерна была неслучайной. В 1943 г. Сталин пошел на роспуск Коминтерна, чтобы продемонстрировать свою лояльность и стремление к сотрудничеству на этот раз с США и Великобританией, а двумя годами раньше он был готов на тот же шаг, но для маневров в отношении Германии. Ни Гитлер, ни Риббентроп, как известно, даже не ответили на советское заявление.

Анализируя действия СССР в начале лета 1941 г., заявления Сталина и его соратников, все перипетии советской внутренней и внешней политики, можно прийти к обоснованному выводу о том, что, видимо, одновременно с подготовкой к войне в Москве решили максимально оттягивать время, продолжать политику "экономического умиротворения" Германии, реагировать (особенно по дипломатическим каналам) на растущую агрессивность с ее стороны, но делать все, чтобы не спровоцировать немцев на нападение и выигрывать время для реализации программы перевооружения Красной Армии, не предпринимая в то же время немедленных конкретных шагов по приведению войск на границе в боевую готовность. Именно в этом контексте следует оценить и известное опровержение ТАСС от 10 мая и заявление ТАСС от 14 июня 1941 г. То, что они дезориентировали советских людей, не слишком волновало политиков и идеологов в Кремле. Оба заверения шли в одном русле, они были обращены к Германии все с той же целью — показать желание сотрудничать с ней, может быть, даже вызвать ее лидеров на какие-то ответные шаги и заявления.

Некоторые историки оценивают советскую политику в отношении Германии в конце 1940 — начале 1941 г. как политику "умиротворения", сравнивая ее даже с акциями Англии и Франции накануне и во время Мюнхенского соглашения⁶⁶. Тактику СССР в те последние перед войной месяцы можно объяснить, но она обрекала страну на пассивность и в военной и во внешнеполитической области. Собственно, она была завершением линии, начатой советскими лидерами после событий августа — сентября 1939 г. Не остановившись на простом договоре о ненападении, что было бы оправданно, а подписав договор о дружбе с Германией, практически сведя к минимуму все контакты с Англией и США, даже не пытаясь использовать их в качестве хоть какого-либо противовеса Германии, прекратив всякую антифашистскую пропаганду, посылая Гитлеру приветствия по поводу разгрома Франции и прочие жесты, Сталин стал, как мы уже отмечали, своеобразным заложником Гитлера, как бы поддерживая его устремления и планы. Эти действия нельзя было ни исправить, ни компенсировать никакими тактическими шагами, особенно после молниеносного разгрома Франции. Именно тогда стало очевидным, что СССР уже мало

что мог предпринять в международном плане. И полностью это осознали в Кремле, когда Гитлер устремился на Балканы, не оставив Москве ни малейшего шанса сохранить там какое-либо советское влияние, даже в отношении таких стран, как Болгария и Югославия, и в ходе визита Молотова в Берлин в ноябре 1940 г.

Любопытно, что оба враждующие между собой блока — Германия совместно с Италией и англо-французская коалиция, а затем и одна Великобритания словно соревновались между собой, вытесняя Советский Союз из Балкан, из районов Средиземного и Черного морей.

По мнению некоторых военных, трудно говорить и о том, что, расширив свою территорию, Советский Союз укрепил военные позиции и безопасность страны. Новая граница с Германией оказалась уязвимой, а в Прибалтике не было создано никаких серьезных сухопутных и морских укреплений. Неслучайно в первые же недели войны немцы легко прошли новые западные советские рубежи и быстро оккупировали Прибалтику и присоединенные территории.

Впрочем все эти заключения, выводы и объяснения делались и делаются постфактум и становятся делом историков. А тогда, в условиях сложной и необычайно противоречивой обстановки (что всегда бывает накануне или в начальной стадии большой, а тем более мировой войны), когда решения принимались втайне, не всегда легко было найти оптимальное решение и определить направление развития событий. Может быть, именно эта сложность и противоречивость ситуации и является причиной того, что период 1939 — 1941 гг. и по сей день остается темой острых споров и дискуссий.

* * *

Такова была ситуация накануне германского вторжения. Сегодня, спустя многие десятки лет, историки и политики, журналисты и дипломаты спорят о том, правилен ли был курс, взятый тогда советским руководством, анализируют разные возможные варианты, но все это носит характер предположений. Историк не выносит обвинительного вердикта или приговора, он может лишь, анализируя реальный ход событий, предложить свою версию и интерпретацию. Ясно одно — действия советских лидеров отражали характер того строя и той власти, которые были в Советском Союзе. А мы сегодня оцениваем происходившие процессы с позиций историков, живущих в принципиально иной стране и в кардинально изменившейся международной обстановке.

А тогда, в июне 1941 г. советская страна словно замерла в ожидании. В Кремле шли непрерывные встречи членов По-

литбюро и руководящего военного состава. Осведомленные дипломаты, идеологи и журналисты гадали, сколько дней оставалось до войны. В немецком посольстве паковали ящики, а расстроенный посол фон Шуленбург, так не хотевший военного столкновения с Россией, уже не видел никаких шансов избежать войны. Он слишком хорошо знал намерения германских лидеров.

В Берлине же царили настроения эйфории от нового грандиозного военного похода, который должен был сокрушить большевизм, покорить Россию и после этого нанести последний удар по Великобритании. В итоге вся Европа была бы в руках Гитлера, и он мог бы думать о новом переделе мира, о захватах в Азии и т.п.

Черчилль испытывал некоторое облегчение, поскольку Англия не подверглась германскому вторжению, явно выигрывая войну на море и лишая немцев превосходства в воздухе. Он консультировался с Рузвельтом о согласованности решений в случае начала войны между СССР и Германией.

А главный персонаж в Кремле, оставаясь наедине с собой, видимо, задавал себе все те же вопросы — правилен ли был его выбор в августе — сентябре 1939 г., действительно ли он не смог переиграть Гитлера. Скорее всего, Сталин не хотел верить в то, что война была у порога. Все политические и дипломатические средства оказались исчерпаны. Ему оставалось только ждать.

¹ См. раздел "Библиография".

² The Diary of G. Dimitrov. New Haven, 2003. P. 137.

³ Khrushchev N. Remember. Boston, 1970. P. 176 — 177.

⁴ Roberts G. The Unholy Alliance: Stalin's Pact with Hitler. L., 1989.

⁵ Суворов В.А. Ледокол: Кто начал Вторую мировую войну? М., 1999; Он же. День-М.: Когда началась Вторая мировая война. М., 1994.

⁶ Неужин В.А. Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии "священных боев". 1939 — 1941. М., 1997.

⁷ См.: Беседы Шуленбурга в Москве в апреле — июне 1941 г. (Документы внешней политики. Т. XXIII: В 2 кн. М., 1998. Кн. 2. Ч. 2 — Далее: ДВП).

⁸ См.: Беседы советского посла Деканозова с немецкими дипломатами (ДВП. Т. XXIII. Кн. 2. Ч. 2).

⁹ Кремлевские посетители кабинета И.В. Сталина // Исторический архив. 1995. № 2 — 4.

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 18. Протоколы заседания Политбюро. № 19. № 229. Л. 17 — 18.

¹¹ Там же. № 18. № 7. Л. 1.

¹² Там же. № 19. № 26. Л. 2.

¹³ Там же. № 149. Л. 63.

¹⁴ Там же. № 19, 292, 74.

¹⁵ *Димитров Г.* Дневники (9 март 1933 – 6 февруари 1949). София, 1997.

¹⁶ *Ibid.* P. 201.

¹⁷ *Ibid.* P. 203.

¹⁸ *Ibid.* P. 213.

¹⁹ См.: 1941 год: В 2 кн. М., 1998. Кн. 2. С. 51–52, 64–68, 28–45, 104–106, 162–167, 201–209, 227–248, 290–293.

²⁰ *Невежин В.А.* Указ. соч. С. 130.

²¹ Там же. С. 135–136.

²² Там же. С. 128.

²³ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 28. Л. 13–16; *Невежин В.А.* Указ. соч. С. 140–141.

²⁴ Исторический архив. 1996. № 3. С. 61–68.

²⁵ *Невежин В.А.* Указ. соч. С. 141.

²⁶ Там же. С. 159.

²⁷ Там же. С. 159–160.

²⁸ Там же. С. 158.

²⁹ См.: *Верт А.* Россия в войне. 1941–1945. М., 1965.

³⁰ *Невежин В.Н.* Указ. соч. С. 162.

³¹ Коммунистический Интернационал. 1940. № 7. С. 10.

³² *Суголатов П.* Разные дни тайной войны и дипломатии 1941 г. М., 2001. С. 157–158.

³³ Накануне войны: Материалы совещания высшего руководящего состава РККА. 23–31 декабря 1940 г. М., 1993; см. также: *Захаров М.В.* Генеральный штаб в предвоенные годы. М., 1989. С. 195–211; *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления: В 2 т. Т. I. С. 306–307.

³⁴ *Жуков Г.К.* Указ. соч. Т. I. С. 306.

³⁵ *Захаров М.В.* Указ. соч. С. 239–251.

³⁶ Там же. С. 247–254.

³⁷ Работы В.А. Суворова см. в разделе "Библиография".

³⁸ Речь идет о записях выступлений Сталина, сделанных А.А. Семеновым, сотрудником Наркомата обороны, найденных в бывшем Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Впервые запись была опубликована в журнале "Искусство кино" (1990. № 5. С. 10–16). Но наиболее полная запись с комментариями была осуществлена историком А.А. Печенкиным (Исторический архив. 1995. № 2. С. 12–31). Еще ранее российский историк Л.А. Безыменский передал запись речи Сталина немецкой исследовательнице И. Флейшауэр, которая опубликовала ее в Германии в 1990 г. (См. *Fleishhauer I.* Diplomatischer Widerstand gegen "Unternehmen Barbarossa": Die Friedensbemuhungen der Deutschen Botschaft Moskau. 1939–1941. В., 1991. S. 406). Материалы о выступлении Сталина 5 мая см. также в кн.: 1941 год: Документы: В 2 кн. Кн. 2. М., 1998. С. 158–162. Сам Л.А. Безыменский позднее также опубликовал запись в Германии. (*Bezymenski L.* Die Rede Stalins am 5 Mai 1941. Documentiert und Interpretiert. "Osteuropa", 1992. S. 262–282).

³⁹ Воен.-ист. журн. 1995. № 2. С. 22–28.

⁴⁰ *Невежин В.А.* Указ. соч. С. 172–173; РГАЛИ. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 2079. Л. 31.

- 41 *Верт А.* Указ. соч. С. 138; *Невежин В.А.* Указ. соч. С. 173.
- 42 Исторический архив. 1995. № 2. С. 30.
- 43 *Муратов Э.* Шесть часов с И.В. Сталиным на приеме в Кремле // *Нева*. 1993. № 7. С. 285.
- 44 РГАСПИ. Ф. 146. Оп. 2. Д. 54. 5 мая 1941.
- 45 Текст записки см. в кн.: 1941 год: Документы. Кн. 2. С. 215–220. См. также: *Городецкий Г.* Роковой самообман: Сталин и нападение Германии на Советский Союз. М., 2001. С. 281 (В книге приводятся данные из Архива Генерального штаба и Главного разведывательного управления).
- 46 1941 год: Документы: Кн. 2. С. 557–571.
- 47 *Roberts G.* Op. cit. P. 71–72.
- 48 РГАСПИ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 927. Л. 33.
- 49 Там же. Ф. 17. Оп. 121. Д. 115. Л. 8, 10, 46, 159, 162. См. также: *Невежин А.В.* Указ. соч. С. 193–194.
- 50 РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 25. Д. 4004. Л. 1; *Невежин В.А.* Указ. соч. С. 195.
- 51 *Невежин В.А.* Указ. соч. С. 211.
- 52 *Roberts G.* Op. cit. P. 67.
- 53 1941 год. Кн. 2. С. 400–407.
- 54 РГАСПИ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 42. Л. 147; Д. 415. Л. 1–5, 12–14; Л. 22–22об., 50–52.
- 55 См., например: РГАСПИ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 415. Л. 50; Д. 412. Л. 147–149; Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. М., 2000. Т. 2. Кн. 1. С. 107, 293, 306.
- 56 *Городецкий Г.* Указ. соч. С. 217.
- 57 1941 год. Кн. 2. С. 90–91.
- 58 Там же. С. 60–61, 268.
- 59 Там же. С. 259–260.
- 60 Там же. С. 416.
- 61 *Городецкий Г.* Указ. соч. С. 257–258.
- 62 1941 год. Кн. 2. С. 340–341.
- 63 Там же. С. 341–342.
- 64 Там же. С. 342.
- 65 Там же. С. 413–414, 423.
- 66 См., например: *Roberts G.* Op. cit. P. 63.

Библиография

- 1939 год. Уроки истории. М., 1990.
- 1940 год и Эстония: Документы и материалы. Таллинн, 1989.
- 1941 год: Документы: В 2 кн. М., 1998.
- Алексеев Е.П.* и др. Внешнеполитическая деятельность СССР накануне Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Пособие. Л., 1990.
- Алиев А.И.* Развязывание германским фашизмом Второй мировой войны и мероприятия партии по усилению обороноспособности страны. Махачкала, 1958.
- Альтернативы 1939 года: Документы и материалы. М., 1989.
- Анфилов В.А.* Незабываемый сорок первый. 2-е изд., доп. М., 1989.
- Бабаянц А.А.* Международные отношения и внешняя политика СССР, 1939–1941: Документы и материалы. М., 1948.
- Бакаев Д.А.* В огне Хасана и Халхин-Гола. Саратов, 1984.
- Бармин В.А.* Советский Союз и Синьцзян, 1918–1941 гг.: Региональный фактор во внешней политике Советского Союза. Барнаул, 1999.
- Барышников В.И.* От прохладного мира к зимней войне: Восточная политика Финляндии в 1930-е годы. СПб., 1997.
- Барышников Н.И.* и др. Финляндия во Второй мировой войне. Л., 1989.
- Басистов Ю.В.* Сталин – Гитлер: От пакта до войны. СПб., 2001.
- Безыменский Л.А.* Гитлер и Сталин перед схваткой. М., 2000.
- Бережков В.М.* Годы дипломатической службы. М., 1972.
- Бережков В.М.* Как я стал переводчиком Сталина. М., 1993.
- Бережков В.М.* С дипломатической миссией в Берлин, 1940–1941. М., 1966.
- Бережков В.М.* Страницы дипломатической истории. М., 1987.
- Бикмеев М.А.* Советско-финская война, 1939–1940 гг.: Факты, события, люди и безвозвратные потери Башкортостана. Уфа, 1999.
- В небе Китая, 1937–1940 гг.: Воспоминания советских летчиков-добровольцев: Сборник. 2-е изд., испр. и доп. М., 1986.
- Буллок А.* Гитлер и Сталин: Жизнь и власть: В 2 т. М., 1994.
- Вихавайнен Т.* Сталин и финны. СПб., 2000.
- Вишлёв О.В.* Накануне 22 июня 1941 года: Документальные очерки. М., 2001.
- Внешняя политика СССР: Сб. документов. Т. 4: 1935 – июнь 1941. М., 1946.
- Война 1939–1945: Два подхода: Сб. статей. М., 1995.
- Война и политика, 1939–1941: Сб. статей / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 1999.

- Война и политика, 1939 – 1941: Сб. статей / Отв. ред. А.О. Чубарьян, Г. Городецкий. М., 2001.
- Волков С.В., Емельянов Ю.В. До и после секретных протоколов: Советско-германские соглашения 1939 г. М., 1990.
- Вопросы истории внешней политики СССР и международных отношений: Сб. статей памяти академика В.М. Хвостова. М., 1976.
- Восточная Европа между Гитлером и Сталиным, 1939 – 1941 гг. М., 1999.
- Вторая мировая война: Актуальные проблемы. М., 1995.
- Вторая мировая война: Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. М., 1997.
- Год кризиса, 1938 – 1939: Документы и материалы: В 2 т. М., 1990.
- Горбунов Е.А. 20 августа 1939 г. М., 1986.
- Горбунов Е.А. Крах планов "ОЦУ". 10 августа 1938 г., 20 августа 1939 г. Владивосток, 1988.
- Горбунов Е.А. Схватка с Черным Драконом: Тайная война на Дальнем Востоке. М., 2002.
- Городецкий Г. Миф "Ледокола". М., 1995.
- Городецкий Г. Роковой самообман: Сталин и нападение Германии на Советский Союз. М., 2001.
- Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера?: Незапланированная дискуссия: Сб. материалов. М., 1995.
- Грибков А.И. Исповедь лейтенанта: Встречи с полководцами. Операция "Анадырь". М., 1999.
- Деборин Г.А. Международные отношения и внешняя политика СССР: сентябрь 1939 г. – май 1941 г. М., 1947.
- Деревянко А.П. Пограничный конфликт в районе озера Хасан в 1938 году: Материалы к 60-летию хасанских событий. Владивосток, 1998.
- Джилас М. Разговоры со Сталиным / Пер. с англ. М., 2002.
- Дипломатические отношения западноевропейских стран между двумя мировыми войнами. Ярославль, 1976 – 1977.
- Документы внешней политики СССР. Т. XXII: 1939 год: В 2 кн. М., 1992; Т. XXIII: 1940 – 22 июня 1941 г.: В 2 кн. М., 1998.
- Документы и материалы кануна Второй мировой войны. 1937 – 1939: Сборник: В 2 т. М., 1981.
- Другая война. 1939 – 1945. М., 1996.
- Дубинский А.М. Советско-китайские отношения в период японо-китайской войны, 1937 – 1945. М., 1980.
- Европа между миром и войной, 1918 – 1939: Сб. статей. М., 1992.
- Емельянов Ю.В. Большая игра: Ставки сепаратистов и судьбы народов. М., 1990.
- Жуков Г.К. Воспоминания и размышления: В 2 т. М., 1974 (1978, 1979, 2002); В 3 т. М., 1983 (1984 – 1985, 1988, 1990, 1992, 1995).
- Жуков Ю.Н. Тайны Кремля: Сталин, Молотов, Берия, Маленков. М., 2000.
- Захаров М.В. Генеральный штаб в предвоенные годы. М., 1989.
- Зимняя война. 1939 – 1940: В 2 кн. М., 1998 – 1999.
- Зубкова Е. Прибалтика и Кремль. 1940 – 1953. М., 2008.

- Ивашин И.Ф.* Борьба СССР за мир и безопасность народов накануне Второй мировой войны. М., 1958.
- Исаев С.И.* и др. Советский Союз накануне Великой Отечественной войны. М., 1990.
- История Второй мировой войны. 1939 – 1945: В 12 т. Т. 1: Зарождение войны. Борьба прогрессивных сил за сохранение мира. М., 1973; Т. 2: Накануне войны. М., 1974.
- История международных отношений и внешней политики СССР, 1917 – 1960 гг.: В 3 т. М., 1962.
- Канун и начало войны: Документы и материалы. Л., 1991.
- Карягин В.В.* Дипломатическая жизнь за кулисами и на сцене: Воспоминания. М., 1994.
- Катынь: Пленники необъявленной войны: Документы и материалы. М., 1997.
- Катынь: Пленники необъявленной войны: Документы и материалы / Под ред. Р.Г. Пихои, А. Гейштора. М., 1999.
- Кишкурно Я.А.* Танковые войска в Финляндии, 1919 – 1945 гг. и участие советской и финской бронетехники в боях в Карелии и на Карельском перешейке в годы войны. СПб., 2001.
- Книга памяти: Российская Федерация, Ленинградская область: Советско-финская война, 1939 – 1940 гг. СПб., 2001.
- Кобляков И.К.* Борьба СССР за мир и коллективную безопасность, 1938 – 1941. М., 1975.
- Колкер Б.М., Левит Н.Э.* Внешняя политика Румынии и румыно-советские отношения (сентябрь 1939 – июнь 1941). М., 1971.
- Колонтай А.М.* Дипломатические дневники. М., 2001.
- Коминтерн и Вторая мировая война: В 2 ч. М., 1994, 1998.
- Коминтерн и идея мировой революции: Документы. М., 1998.
- Кошкин А.А.* Крах стратегии "спелой хурмы": Военная политика Японии в отношении СССР, 1931 – 1945 гг. М., 1989.
- Крысин М.Ю.* Прибалтика между Сталиным и Гитлером. М., 2004.
- Кузьмин В.А.* Советская внешняя политика в биографических портретах ее ведущих действующих лиц (1939 – 1957): Учебное пособие. Екатеринбург, 1997.
- Кузьмин В.А.* Советская внешняя политика в биографиях наркомов и министров иностранных дел (1917 – 1991). Екатеринбург, 2001.
- Куклин П.С.* Перед войной и в начале войны: Записки ветерана. Самара, 2000.
- Кундюба И.Д.* Советско-польские отношения, 1939 – 1945 гг. Киев, 1963.
- Лебедева Н.С.* Катынь: Преступление против человечества. М., 1994.
- Леговский А.М.* СССР и Сталин в судьбах Китая: Документы и свидетельства участников событий, 1937 – 1952 гг. М., 1999.
- Леонгард В.* Шок от пакта между Гитлером и Сталиным: Воспоминания современников из СССР / Пер. с нем. Л., 1989.
- Майский И.М.* Воспоминания советского посла. Война. 1939 – 1943. М., 1965.
- Максимычев И.Ф.* Дипломатия мира против дипломатии войны: Очерк советско-германских дипломатических отношений в 1933 – 1939 гг. М., 1981.

- Маннанов М.А. Военные аспекты внешней политики СССР конца 30-х годов: Было ли советское руководство готово к большой войне? Уфа, 2001.
- Материалы "Особой папки" Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) по вопросу советско-польских отношений, 1923 – 1944 гг.: Сборник. М., 1997.
- Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в начале Второй мировой войны (сентябрь 1939 – август 1940). М., 1990.
- Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в период фашистской агрессии на Балканах и подготовки нападения на СССР (сентябрь 1940 – июнь 1941 г.) М., 1992.
- Международные отношения накануне Второй мировой войны. СПб., 1993.
- Международные отношения. Политика. Дипломатия. XVI – XX вв. М., 1964.
- Международный кризис 1939 – 1941 гг.: От советско-германских договоров 1939 г. до нападения Германии на СССР: Материалы международной конференции. М., 2006.
- Мельтюхов М.И. Канун Великой Отечественной войны: Дискуссия продолжается. М., 1999.
- Мельтюхов М.И. Советско-польские войны: Белый орел против красной звезды, 1918 – 1939. М., 2004.
- Мельтюхов М.И. Советско-польские войны: Военно-политическое противостояние, 1918 – 1939 гг. М., 2001.
- Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина: Советский Союз и борьба за Европу, 1939 – 1941: Документы, факты, суждения. М., 2000.
- Мисаревич Е.А. На освобожденной земле: Политическая работа в западных областях Белоруссии (сентябрь 1939 – июнь 1941 г.). Минск, 1989.
- Молодяков В.Э. Берлин – Москва – Токио: К истории несостоявшейся "оси", 1938 – 1941. М., 2000.
- Молодяков В.Э. Несостоявшаяся "ось": Берлин – Москва – Токио. М., 2004.
- На берегах Халхин-Гола: Сборник. Улан-Удэ, 1989.
- На Халхин-Голе: Воспоминания ленинградцев – участников боев с японскими милитаристами в районе реки Халхин-Гол в 1939 г. Л., 1989.
- На чаше весов: Эстония и Советский Союз: 1940 г. и его последствия. Таллинн, 1999.
- Невежин В.А. Синдром наступательной войны: Советская пропаганда в преддверии "священных боев". 1939 – 1941 гг. М., 1997.
- Некрич А.М. Внешняя политика Англии в годы Второй мировой войны. 1939 – 1941 гг. М., 1963.
- Некрич А.М. Война, которую назвали "странной". М., 1961.
- Некрич А.М. 1941, 22 июня: Проблема участия СССР во Второй мировой войне. 2-е изд. (1-е – 1965). М., 1995.
- Некрич А.М., Хвостов В.М. Как возникла Вторая мировая война. М., 1959.
- Новиков М.В. СССР, Коминтерн и Гражданская война в Испании. 1936 – 1939. Ярославль, 1995.

- Новиков Н.В.* Воспоминания дипломата: Записки, 1938 – 1947. М., 1989. Оглашению подлежит: СССР – Германия, 1939 – 1941: Документы и материалы. М., 1991.
- Орлов А.С.* СССР – Германия: Август 1939 – июнь 1941. М., 1991.
- От Мюнхена до Токийского залива: Взгляд с Запада на трагические страницы истории Второй мировой войны. М., 1992.
- От пакта Молотова – Риббентропа до договора о базах: Документы и материалы. Таллинн, 1990.
- Пакт Молотова – Риббентропа и его последствия для Бессарабии: Сб. документов. Кишинев, 1991.
- Панависовский В.Е.* Уроки Хасана и Халхин-Гола. М., 1989.
- Парвизпур Б.Х.* Советско-иранские отношения в годы Второй мировой войны, 1939 – 1945. Тбилиси, 1978.
- Письма И.В. Сталина В.М. Молотову, 1925 – 1936 гг.: Сб. документов. М., 1995.
- По дорогам Китая, 1937 – 1945: Воспоминания советских военных советников и специалистов. М., 1989.
- Победа на реке Халхин-Гол: Сб. статей. М., 1981.
- Поздеева Л.В.* Лондон – Москва: Британское общественное мнение и СССР, 1939 – 1945. М., 2000.
- Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Европа: Решения "Особой папки", 1923 – 1939 гг. М., 2001.
- Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке, 1933 – 1943: Сб. статей: Свердловск, 1979.
- Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке в новейшее время: Сб. научных трудов. Свердловск, 1987.
- Политический кризис 1939 г. и страны Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1989.
- Полпреды сообщают... Сб. документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией, август 1939 г. – август 1940 г. М., 1990.
- Помогайло А.А.* Псевдоисторик Суворов и загадки Второй мировой войны. М., 2002.
- Посетители Кремлевского кабинета И.В. Сталина: Журналы (тетради) записи лиц, принятых первым генсеком. 1924 – 1939 гг. // Исторический архив. 1994. № 6; 1995. № 2, 3, 4.
- Поцелуев В.А.* Внешняя политика СССР в канун и в годы Великой Отечественной войны. М., 1985.
- Предвоенный кризис 1939 года в документах: Материалы научной конференции, 15 ноября 1989 г. М., 1992.
- Принимай нас, Суоми-красавица: "Освободительный" поход в Финляндию 1939 – 1940 гг.: Сб. документов и фотоматериалов. СПб., 1999.
- Причины возникновения Второй мировой войны: Сб. статей. М., 1982.
- Пронин А.А.* Советско-германские соглашения 1939 г.: Истоки и последствия. Екатеринбург, 1998.
- Против фальсификации истории Второй мировой войны / Сб. статей. М., 1964.
- Реутов Г.Н.* Накануне Великой Отечественной: Советско-германские отношения, май 1939 – июнь 1941 г. СПб., 1991.
- Розанов Г.Я.* Сталин – Гитлер: Документальные очерки советско-германских дипломатических отношений, 1939 – 1941 гг. М., 1991.

- Роковые годы, 1939 – 1940: События в Прибалтийских государствах и Финляндии на основе советских документов и материалов. Таллинн, 1990.
- Россия в XX веке. Историки мира спорят. М., 1994.
- Россия и внешний мир: Диалог культур. М., 1997.
- Россия и Германия в годы войны и мира, 1941 – 1995. М., 1995.
- Россия и Германия. М., 1998. Вып. 1.
- Россия и Франция, XVIII – XX века. М., 1995.
- Румянцев Н.М. Герои Халхин-Гола. М., 1989.
- Севастьянов П.П. Перед великим испытанием: Внешняя политика СССР накануне Великой Отечественной войны (сентябрь 1939 – июнь 1941 г.). М., 1981.
- Секреты Гитлера на столе у Сталина: Разведка и контрразведка о подготовке германской агрессии против СССР, март – июнь 1941 г.: Документы из Центрального архива ФСБ России. М., 1995.
- Семиряга М.И. Советско-финляндская война: К 50-летию окончания. М., 1990.
- Семиряга М.И. Тайны сталинской дипломатии, 1939 – 1941. М., 1992.
- Сиполс В.Я. Внешняя политика Советского Союза, 1936 – 1939 гг. М., 1987.
- Сиполс В.Я. Дипломатическая борьба накануне Второй мировой войны. М., 1979.
- Сиполс В.Я. Тайны дипломатические: Канун Великой Отечественной, 1939 – 1941. М., 1997.
- Славинский Б.Н. Пакт о нейтралитете между СССР и Японией: дипломатическая история, 1941 – 1945 гг. М., 1995.
- Советская внешняя политика в ретроспективе, 1917 – 1991: Сб. статей. М., 1993.
- Советская внешняя политика, 1917 – 1945 гг.: Поиски новых подходов. М., 1992.
- Советско-американские отношения, 1939 – 1945: Сб. документов и материалов. М., 2004.
- Советско-китайские отношения, 1917 – 1952. Сборник документов. М., 1959.
- Советско-нацистские отношения, 1939 – 1941: Документы. Нью-Йорк, 1983.
- Советско-норвежские отношения, 1917 – 1955 гг.: Сб. документов. М., 1997.
- Советско-польские отношения, 1918 – 1945. М., 1974.
- Советско-финляндская война, 1939 – 1940. СПб., 2003.
- Советско-чехословацкие отношения между двумя войнами. 1918 – 1939: Сб. статей. М., 1968.
- Соколов Б.В. Тайны финской войны. 1939 – 1940. М., 2000.
- СССР – Германия. 1939 – 1941 гг.: Сборник документов и материалов. Нью-Йорк, 1989.
- СССР – Германия. 1939 – 1941: В 2 т. Вильнюс, 1989.
- СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны, сентябрь 1938 – август 1939 г.: Документы и материалы. М., 1971.
- СССР в борьбе против фашистской агрессии, 1933 – 1945. М., 1976.
- СССР и страны Европы: Внешнеполитические проблемы. М., 1982.

- СССР, Франция и эволюция Европы в 30-е годы: Сб. научных статей. М., 2003.
- Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева. М., 1991.
- Суворов В.А. Аквариум. М., 1991.
- Суворов В.А. День-М.: Когда началась Вторая мировая война? М., 1994.
- Суворов В.А. Ледокол: Кто начал Вторую мировую войну? М., 1992.
- Суворов В.А. Освободитель. СПб., 1993.
- Суворов В.А. Очищение: Зачем Сталин обезглавил свою армию? М., 1998.
- Суворов В.А. Тайные люди: Записки разведчика. Екатеринбург, 1991.
- Судоплатов П.А. Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год. М., 2001.
- Тайны и уроки зимней войны, 1939 – 1940: По документам рассекреченных архивов. СПб., 2000.
- Таннер В. Зимняя война: Дипломатическое противостояние Советского Союза и Финляндии, 1939 – 1940. М., 2003.
- Трубайчук А.Ф. 1939 год: К истории советско-германского сговора. Киев, 1994.
- Трубайчук А.Ф. Пакт о ненападении: была ли альтернатива Второй мировой войне. Киев, 1990.
- Урбшиц Ю. В годы суровых испытаний. 1939 – 1940. Вильнюс, 1989.
- Фальсификаторы истории: (Историческая справка) [По поводу опубликования Государственным департаментом США архивных материалов германского министерства иностранных дел "Нацистско-советские отношения", 1939 – 1941 гг.] М., 1948.
- Фляйшхауэр И. Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии, 1938 – 1939. М., 1991.
- Халхин-Гол в огне: Сборник. М., 1989.
- Халхин-Гол'39: Сборник. М., 1989.
- Хмелинский П.В. Навстречу смерчу: О политике И.В. Сталина накануне войны. М., 1991.
- Хрущев Н.С. Время. Люди. Власть. Воспоминания: В 4 кн. М., 1999.
- Цветков Г.Н. Политика США в отношении СССР накануне Второй мировой войны. Киев, 1973.
- Чельшев И.А. СССР – Франция: Трудные годы, 1938 – 1941. М., 1999.
- Чуев Ф.И. Молотов: Полудержавный властелин. М., 1999.
- Шибалева Е.А. Региональные пакты взаимопомощи как одна из форм борьбы СССР за создание системы коллективной безопасности до Второй мировой войны. М., 1957.
- Шшов А.В. Россия и Япония: История военных конфликтов. М., 2000.
- Шкагов И.Н. Озеро Хасан. Год 1938. М., 1988.
- Шуранов Н.П. Политика кануна Великой Отечественной войны. Кемерово, 1992.
- America and the winter war, 1939 – 1940. New York; London, 1981.
- Aufstand der Opfer: Verratene Völker zwischen Hitler und Stalin. Göttingen, 1982.
- The Baltic and the outbreak of the Second World War. Cambridge, 1992.
- Becker F. Im Kampf um Europa: Stalins Schachzüge gegen Deutschland und den Westen. Graz; Stuttgart, 1991.

- Bolté Ch.G.* The Soviet question in British politics: From October Revolution to Cold War. Bristol, 1989.
- British documents on foreign affairs. From the First to the Second World War. Wash., 1986 – 1995. 25 vol.
- Bouvier J., Cacon J.* La verite sur 1939. La politique exterieure de L'U.R.S.S. d'octobre 1938 a juin 1941. P., 1999.
- Broue P.* Staline et la revolution: La cas espagnol (1936 – 1939). P., 1993.
- Carley M.S.* 1939: The alliance that never was and the coming of World War II. Chicago, 1999.
- Churchill W.S.* The Second World War. Vol. 1 – 6. L., 1950 – 1953.
- Contact or isolation?: Soviet-Western relations in the interwar period. Stockholm, 1989.
- Coox A.D.* Nomonhan: Japan against Russia, 1939. Stanford, 1985.
- Crowe D.M.* The Baltic States and the great powers: Foreign relations, 1938 – 1940. Boulder, 1993.
- Dallin D.J.* Soviet Russia's foreign policy 1939 – 1942. New Haven, 1943.
- Der Zweite Weltkrieg: Analysen, Grundzüge, Forschungsbilanz. München; Zürich, 1990.
- Deutschland und das bolschewistische Russland von Brest-Litovsk bis 1941. B., 1991.
- Deutschland zwischen Krieg und Frieden. Bonn, 1990.
- Deutsch-russische Beziehungen. B., 1995.
- Deutsch-sowjetische Beheimverbindungen: Unveröff. Diplomatische Depeschen zwischen Berlin und Moskau im Vorfeld des Zweiten Weltkrieges. Tübingen, 1988.
- The Diaries of Alexander Cadogan. 1938 – 1945. L., 1971.
- The Diary of Georgi Dimitrov. New Haven, 2003.
- Die Beziehungen zwischen Deutschland und der Sowjetunion. 1939 – 1941. Dokumente des Auswärtigen Amtes. Tübingen, 1949.
- Documents on German Foreign Policy. 1918 – 1945: 13 Vol. L., 1937 – 1945.
- Documents on Polish-Soviet relations 1939 – 1941. L., 1961.
- Dreyer D.* Schweizer Kreuz und Sowjetstern: Die Beziehungen zwischen ungleicher Partner seit 1917. Zürich, 1989.
- Eagles K.D.* Ambassador Joseph E. Davies and american-soviet relations, 1937 – 1941. N.Y.; L., 1985.
- Eagle E., Paananen L.* The Winter War: The soviet attack on Finland, 1939 – 1940. Harrisburg, 1992.
- European unity in context: The interwar period. London; New York, 1989.
- Foreign Relations of the United States: Diplomatic papers. The Soviet Union. 1933 – 1939. Wash., 1952.
- Gafenco G.* Preliminaires de la guerre a l'est. De l'accord de Moscou (21 aout 1939) au hostilities en Russie (22 juin 1941). 1944.
- Gorodetsky G.* Grand delusion: Stalin and the German invasion of Russia. New Haven; London, 1999.
- Gorodetsky G.* Stafford Cripps in Moscow. 1940 – 1942. Diaries and Papers. L., 2007.
- Hass G.* 23 August 1939. Der Hitler – Stalin Pact: Dokumentation. B., 1990.
- Haslam J.* The Soviet Union and the struggle for collective security in Europe, 1933 – 1939. L., 1993.

- Haslam J.* The Soviet Union and the threat from the East, 1933–1941: Moscow, Tokyo and the prelude to the Pacific War. L., 1992.
- Herwarth H. von.* Hitler und Stalin: Erlebte Zeitgeschichte 1931 bis 1945. Frankfurt am Main, 1982.
- Herwarth H. von, Starr S.F.* Against two evils. N.Y., 1981.
- Hilger G.* Incompatible Allies. A Memoir history of German-Soviet Relationships 1918–1941. N.Y., 1953.
- Hillgruber A., Hildebrand K.* Kalkül zwischen Macht und Ideologie: Der Hitler – Stalin Pakt: Parallelen bis heute? Zürich, 1980.
- Hitchens M.G.* Germany, Russia and the Balkans prelude to the Nazi-Soviet non-aggression pact. N.Y., 1983.
- Hitler – Stalin Pakt, 1939: Das ende Ostmitteleuropas?* Frankfurt am Main, 1989.
- Ilmjärv M.* Silent Submission. Formation of Foreign Policy of Estonia, Latvia and Lithuania. Stockholm, 2004.
- Jacobson M.* The diplomacy of the Winter War. An account of the russo-finnish war, 1939–1940. Cambridge, 1961.
- Jalanti H.* La Finlande dans e'etau germano-sovietique 1940–1941. Neuchatel, 1966.
- Kikuoka M.T.* The Changkufeng incident: a study in Soviet-Japan conflict, 1938. Lanham, etc., 1988.
- Kitchen M.* British policy towards the Soviet Union during the Second World War. N.Y., 1986.
- Knipping F.* Die amerikanische Russlandpolitik in der Zeit des Hitler – Stalin Pakts, 1939–1941. Tübingen, 1974.
- Kolasky J.* Partners in tyranny: The Nazi-Soviet nonaggression pact. August 23, 1939. Toronto, 1990.
- Kriegsausbruch 1939: Beteiligte, Betrottene, Neutrale.* München, 1989.
- Krosby H.P.* Finland, Germany and the Soviet Union, 1940–1941. The Petsamo dispute. Madison, 1968.
- Kunert P.* Hitlers kalter Krieg: Moskau, London, Washington, Berlin: Geheimdiplomatie, Krisen und Kriegshysterie 1938–1939. Kiel, 1992.
- Leonhard W.* Betrayal: The Hitler – Stalin Pact of 1939. N.Y., 1989.
- Leonhard W.* Der Schock des Hitler – Stalin Paktes. München, 1989.
- Leslie G.* L'inevitable alliance Berlin – Rome – Moscou. Genève, 1938.
- Lupke H.* Japans Russlandpolitik von 1939 bis 1941. Frankfurt am Main; Berlin; Metzner, 1962.
- Mechanisms of power in the Soviet Union.* Basingstoke; London, 2000.
- Ministère des Affaires Étrangères. Documents diplomatiques français. 1939. 3 Septembre – 31 Decembre. Bruxelles, 2002; 1940. 1 January – June. Bruxelles, 2005.*
- Molotov – Ribbentrop pact.* Sheffield, 1981.
- Moscou – Paris – Berlin. Télégrammes chiffrés du Komintern (1939 – 1941).* P., 2003.
- Moskau – Berlin Strenggeheim: Wie Stalin und Hitler Osteuropa unter sich aufteilten, 1939 bis 1941 / Dok., hrsg. vom Dokumentekabimett europaischer Geschichte, Gegenwart und Zukunftsplanung.* Lindhorst, 1989.

- Myllyniemi S.* Die baltische Krise. 1938 – 1941. Stuttgart, 1979.
Nationalsozialistische Aussenpolitik. Darmstadt, 1978.
- Niedhart G.* Grossbritannien und die Sowjetunion. 1934 – 1939. München, 1972.
The occupation and annexation of Latvia, 1939 – 1940: Doc. and materials. Riga, 1995.
The Pact Molotov – Ribbentrop and its consequences for Bessarabia: Documents. Kichinev, 1991.
The Origins of the Second World War / Ed. P. Finney. London; New York, 1997.
- Pagel J.* Polen und die Sowjetunion. 1938 – 1939: Die polnisch-sowjetische. Beziehungen in den Krisen der europäischen. Politik am Vorabend des Zweiten Weltkrieges. Stuttgart, 1992.
- Papachriston I.R.* American-Soviet relations in the Pacific, 1933 – 1941. Boulder, 1968.
- Pietrow B.* Stalinismus. Sicherheit. Offensive: Das "Dritte Reich" in der Konzeption der Sowjetischen. Aussenpolitik, 1933 – 1941. Melsungen, 1983.
- Plettenberg I.* Die Sowjet Union im Völkerbund 1934 bis 1939: Bundespolitik zwischen Staaten unterschiedlicher Gesellschaftsordnung in der internationale. Organisation für Friedenssicherung: Ziele, Voraussetzungen, Möglichkeiten, Wirkungen. Köln, 1987.
- Post W.* Unternehmen Barbarossa. Deutsche und sowjetische Angriffspläne 1940/1941. 2. Auflage. B., 1996.
- Read A., Fischer D.* The deadly embarce: Hitler, Stalin and the Nazi-Soviet pact, 1939 – 1941. New York; London, 1988.
- Rezun M.* The Soviet Union and Iran: Soviet policy in Iran from the beginnings of the Pahlavi dynasty until the Soviet invasion in 1941. Boulder; London, 1988.
- Ribbentrop J.* Memoirs. L., 1954.
- Richardson W.* "To the world of the future": Mexican visitors to the USSR, 1920 – 1940. Pittsburgh (Pa.), 1993.
- Roberts G.* The Soviet Union and the origins of the Second World War: Russo-German relations and the road to war, 1933 – 1941. L., 1995.
- Roberts G.* Stalin's Wars. New Haven, 2006.
- Roberts G.* The unholy Alliance: Stalin's pact with Hitler. L., 1989.
- Santis H. de.* The diplomacy of silence: The American foreign service, the Soviet Union and the Cold War, 1933 – 1947. Chicago; London, 1988.
- Schauplatz Balticum: Szenarium einer Okkupation und Angliederung: Dok., 1930/1940. B., 1991.
- Scherer P.* Freie Hand im Osten: Ursprünge und Perspektiven des Zweiten Weltkrieges. Kösching, 1989.
- Sommer E.F.* Das memorandum: Wie der Sowjetunion der Krieg erklärt wurde. Frankfurt am Main; Berlin, 1991.
Soviet. Foreign Policy. 1917 – 1991 /Ed. G. Gorodetsky. L., 1994.
The Soviet occupation of Poland. L., 1940.
The Soviet takeover of the Polish Eastern provinces, 1939 – 1941. L., 1991.
Sowjetstern und Hakenkreuz 1938 bis 1941. B., 1990.
- Staffird.* Cripps in Moscow. 1940 – 1942: Diaries and Papers / Ed. G. Gorodetsky. L., 2007.

- Tolstoy N.* Stalin's secret war. L., 1981.
- Topitsch E.* Stalins Krieg: Moskaus Griff nach der Weltherrschaftstrategie und Scheitern. Herford, 1993.
- Van Dyke C.* The soviet invasion of Finland, 1939 – 1940. Ilford, 1997.
- Vizulis I.* The Molotov – Ribbentrop pact of 1939: The Baltic case. N.Y. etc., 1990.
- War and Peace in Finland. A documented survey. N.Y., 1940.
- Watt D.C.* How war came. The immediate origins of the Second World War, 1938 – 1939. L., 1989.
- Weizsäcker E.H.* Memoirs. L., 1951.
- Weltpolitik. T. 2: 1939 – 1945. Göttingen, 1975.
- Zwei Wege nach Moscau. Vom Hitler – Stalin Pakt bis zum "Unternehmen Barbarossa". München; Zürich, 1991.
- Zwischen Tradition und Revolution: Determinanten und Strukturen sowjetischer Aussenpolitik, 1917 – 1941. Stuttgart, 2000.

Научное издание

Чубарьян Александр Оганович

**Канун трагедии:
Сталин и международный кризис**

Сентябрь 1939 – июнь 1941 года

Утверждено к печати
Ученым советом
Института всеобщей истории
Российской академии наук

Заведующая редакцией *Н.Л. Петрова*

Редактор *В.М. Черемных*

Художник *В.Ю. Яковлев*

Художественный редактор *Т.В. Болотина*

Технический редактор *Т.В. Жмелькова*

Корректоры *Р.В. Молоканова,*

А.В. Морозова, Е.Л. Сысоева

Подписано к печати 17.07.2008. Формат 60 × 90¹/₁₆
Гарнитура Балтика. Печать офсетная
Усл.печ.л. 30,0. Усл.кр.-отт. 30,0. Уч.-изд.л. 36,0
тираж 3000 экз. (1-й завод 1 – 1000 экз.) Тип. зак. 1340

Издательство "Наука"
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru
www.naukaran.ru

ППП "Типография "Наука"
121099, Москва, Шубинский пер., 6

**АДРЕСА КНИГОТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ
ТОРГОВОЙ ФИРМЫ "АКАДЕМКНИГА" РАН**

Магазины "Книга-почтой"

- 121099 Москва, Шубинский пер., 6; (код 495) 241-02-52 Сайт: www.LitRAS.ru
E-mail: info@LitRAS.ru
197110 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7 "Б"; (код 812) 235-40-64
ak@akbook.ru

**Магазины "Академкнига" с указанием букинистических отделов
и "Книга-почтой"**

- 690002 Владивосток, Океанский проспект, 140 ("Книга-почтой");
(код 4232) 45-27-91 antoli@mail.ru
620151 Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 137 ("Книга-почтой");
(код 343) 350-10-03 kniga@sky.ru
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289 ("Книга-почтой"); (код 3952) 42-96-20
aknir@irlan.ru
660049 Красноярск, ул. Сурикова, 45; (код 3912) 27-03-90 akademkniga@bk.ru
220012 Минск, просп. Независимости, 72; (код 10375-17) 292-00-52, 292-46-52,
292-50-43 www.akademkniga.by
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7; (код 495) 124-55-00
(Бук. отдел (код 495) 125-30-38)
117192 Москва, Мичуринский проспект, 12; (код 495) 932-74-79
127051 Москва, Цветной бульвар, 21, строение 2; (код 495) 621-55-96
(Бук. отдел)
117997 Москва, ул. Профсоюзная, 90; (код 495) 334-72-98
105062 Москва, Б. Спасоглинищевский пер., 8 строение 4; (код 495) 624-72-19
(Бук. отдел)
630091 Новосибирск, Красный проспект, 51; (код 383) 221-15-60
akademkniga@mail.ru
630090 Новосибирск, Морской проспект, 22 ("Книга-почтой");
(код 383) 330-09-22 akdmn2@mail.nsk.ru
142290 Пушкино Московской обл., МКР "В", 1 ("Книга-почтой");
(код 49677) 3-38-80
191104 Санкт-Петербург, Литейный проспект, 57; (код 812) 272-36-65
ak@akbook.ru (Бук. отдел)
199034 Санкт-Петербург, Васильевский остров, 9-я линия, 16;
(код 812) 323-34-62 (Бук. отдел)
634050 Томск, Набережная р. Ушайки, 18;
(код 3822) 51-60-36 akademkniga@mail.tomsknet.ru
450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 ("Книга-почтой"); (код 3472) 23-47-62,
23-47-74 UfaAkademkniga@mail.ru
450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49; (код 3472) 72-91-85 (Бук. отдел)

Коммерческий отдел, Академкнига. г. Москва

Телефон для оптовых покупателей: (код 495) 241-03-09

Сайт: www.LitRAS.ru

E-mail: info@LitRAS.ru

Склад, телефон (код 499) 795-12-87

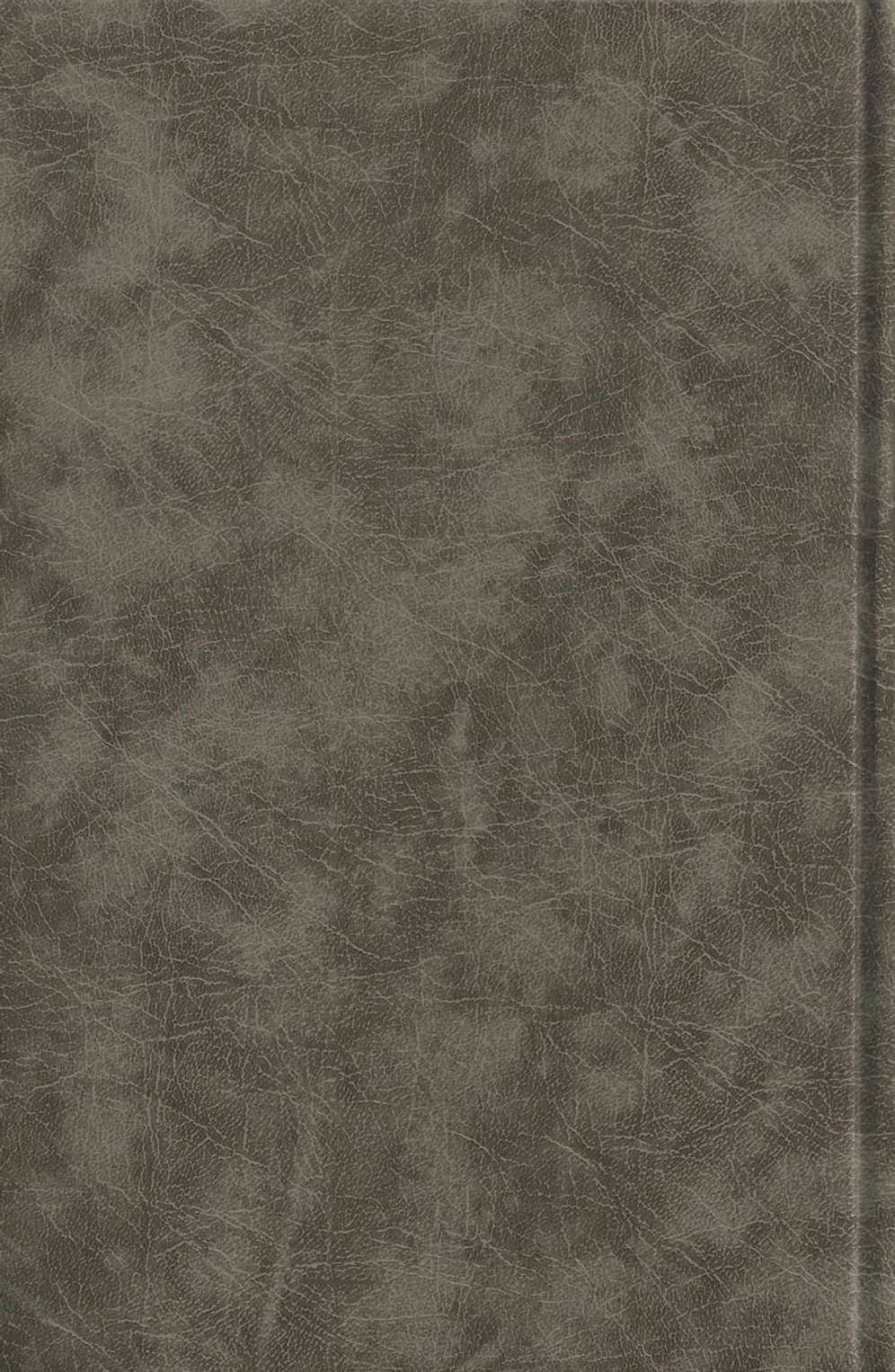
Факс (код 495) 241-02-77

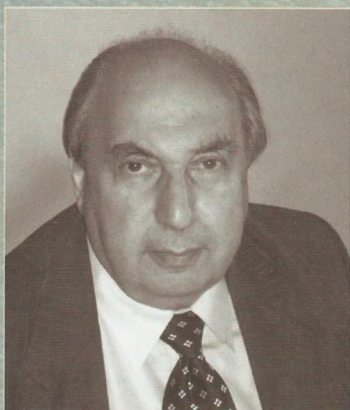
*По вопросам приобретения книг
государственные организации
просим обращаться также
в Издательство по адресу:
117997 Москва, ул. Профсоюзная, 90
тел. факс (495) 334-98-59
E-mail: initsiat@naukaran.ru
www.naukaran.ru*

ISBN 978-5-02-035966-6

9 785020 359666

ЧУБАРЬЯН Александр Оганович – академик, член Президиума Российской академии наук.

Окончил исторический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова. В течение многих лет возглавляет Институт всеобщей истории РАН, специалист в области истории XX века, истории Европы, международных отношений и внешней политики.

Автор около 300 научных работ, в том числе монографий: «Европейская идея в истории: проблемы войны и мира»; «Российский европеизм»; «Брестский мир»; «Европа в XX веке: история и перспективы». Многие труды были изданы в Германии, Великобритании, Франции, Италии и других странах.

А. О. Чубарьян – Президент Государственного университета гуманитарных наук, член Президиума Совета при Президенте Российской Федерации по науке, технологиям и образованию, Президент Международной ассоциации институтов истории стран СНГ. В течение ряда лет был членом бюро и вице-президентом Международного комитета исторических наук; член Королевской норвежской академии; сопредседатель Комиссии историков России и историков Германии, Украины и Литвы.

ISBN 978-5-02-035966-6

9 785020 359666

